

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 4 том - «Неукротимая Анжелика»

Перевод с фр. М. Пахомова, Г. Скоробеднова

СП «Панас» (Москва), 1992

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
- [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ОТЪЕЗД

Глава 1

Карета лейтенанта парижской полиции Дегре выехала из ворот его особняка и, медленно покачиваясь на крупных камнях мостовой, свернула на улицу Коммандери в Сен-Жерменском предместье. Это был не роскошный, но добротный экипаж, украшенный приличной резьбой по верхней части кузова и обшитыми золотым позументом шторками, обычно закрывавшими окошки, запряженный парой пегих лошадей, с кучером на козлах и лакеем на запятках, — типичный экипаж уважаемого чиновника, предпочитающего казаться менее состоятельным, чем на самом деле, и пользующегося престижем среди соседей, которые пеняли ему лишь на то, что он до сих пор не женат. Такой представительный мужчина, принятый в лучшем обществе, давно бы должен был выбрать себе супругу среди благоразумных, деятельных и добродетельных девиц, каких строгие матери и деспотичные отцы, богатые буржуа Сен-Жерменского предместья, растили во множестве. Однако любезный и насмешливый Дегре не торопился вступать в брак, а в дверях его дома с самыми знатными людьми Франции сталкивались подозрительные личности и слишком броско одетые женщины.

Карета закрипела, перебираясь через ручей, протекавший поперек дороги, лошади забили копытами, кучер с трудом выровнял экипаж, и горожане, болтавшие на улице в сумерках этого душного летнего дня, расступились и прижались к стенам домов, освобождая проезд.

В эту минуту к карете приблизилась поджидавшая ее женщина в маске и, воспользовавшись медленным

поворотом, наклонилась к окошку, открытому из-за жары, и спросила:

— Мэтр Дегре, не позволите ли вы мне сесть рядом и отвлечь ваше внимание на несколько минут?

Полицейский лейтенант, погруженный в размышления о результатах одного расследования, вздрогнул и поднял голову. Просить неизвестную снять маску не было необходимости, он и так узнал Анжелику и рассвирепел.

— Вы? Вы что, совсем французский язык забыли? Ведь я же сказал вам, что не желаю вас больше видеть!

— Да, я помню, но дело очень, очень важное, и только вы мне можете помочь, Дегре. Я не решалась, долго думала, но всякий раз получалось все то же: вы один можете помочь мне, больше никто.

— Я вам сказал, что не хочу вас больше видеть! — повторил Дегре сквозь зубы с непривычной для него яростью. Человек циничный и суровый, он умел сдерживать свои порывы. Но тут он вдруг потерял власть над собой.

Такого взрыва Анжелика не ожидала. Она знала, что сначала он захочет прогнать ее, потому что она нарушила негласное обещание больше не тревожить его. Но, подумав, она решила, что нельзя считаться с чувствами неуступчивого, пусть даже влюбленного полицейского, когда дело идет об экстраординарном известии, которое она получила от короля. Дегре был слишком ей необходим. Она не удивилась, когда оба раза, что приходила к нему, получала ответ, что господина лейтенанта нет дома и навряд ли он будет дома, когда она придет опять. Она просто выбрала удобную минуту, чтобы увидеть его лицом к лицу, веря, что заставит его в конце концов выслушать ее, что он все-таки уступит.

— Это очень важно, Дегре, — умоляла она. — Мой муж жив...

— Я сказал вам, что не хочу вас больше видеть, — в третий раз повторил Дегре. — У вас достаточно друзей, чтобы заниматься и вами, и вашим мужем, жив он или нет. Отпустите занавеску, лошади сейчас пустятся вскачь.

— Не отпущу! — Анжелика вышла из себя. — Пусть ваши лошади волокут меня по улице, но вы должны в конце концов выслушать меня.

— Отпустите занавеску!

В резком приказе слышалась злоба. Дегре схватил свою трость и сильно ударил резным набалдашником по стиснутым пальцам Анжелики. Она вскрикнула и разжала пальцы. В ту же минуту карета понеслась вперед, а Анжелика упала на колени. Продавец воды, стоявший рядом и видевший всю сцену, разразился насмешливыми утешениями, пока она поднималась и отряхивала юбку:

— Ну, не вышло нынче, что поделаешь, красавица. Не досадуй, не всегда ведь удастся большую рыбу поймать. А про этого говорят, что он знает толк — черт побори! — в хорошеньких... Надо признать, у тебя шансы были. Просто ты плохо выбрала время, вот и все. Хочешь стаканчик воды, чтобы прийти в себя? Парит так, что гроза, видно, будет, в горле пересыхает. У меня вода чистая, хорошая. Шесть су за стакан.

Анжелика ушла, не отвечая. Ее глубоко ранило поведение Дегре, разочарование перешло в тоску. Эгоизм мужчин превосходит все, что можно вообразить, думала она. Понятно, что этот хотел оградить себя от любовных страданий, совершенно позабыв ее; но неужели он не мог сделать небольшого усилия еще разок, когда она нашлась, и в таком состоянии, совершенно растерявшаяся, не зная, к кому обратиться, какое решение принять? Дегре один мог бы помочь ей. Он знал ее во время процесса Пейрака и участвовал в этом процессе. Он полицейский, и его особый склад ума

поможет отделить реальность от химер, предложить гипотезы, найти точку, с которой следует начинать поиск, а может быть, — кто знает, — может быть, и у него есть какие-то личные сведения об этой необыкновенной истории. Он ведь знает столько тайных и скрытых вещей. Они хранятся в разных отделах его памяти, а может быть, запечатлены в записках и донесениях, хранящихся в ящиках его стола или в сундуках. И потом, хотя она сама не признавалась себе в этом, Дегре нужен был ей, чтобы стряхнуть с себя страшный груз тайны. Чтобы не чувствовать себя в одиночестве с безумными надеждами, с трепетно вспыхивающей радостью, которую ледяные ветры сомнений гасили, как дрожащий огонек. Поговорить с ним о прошлом, о будущем, о той безвестной пучине, где, может быть, ждало ее счастье: «Ты прекрасно знаешь, что там, в глубине жизни, что-то ждет тебя... Ты не должна от этого отрезаться...»

Это ведь сам Дегре когда-то говорил ей. А теперь он так сердито отталкивает ее. Она отчаянно и бессильно махнула рукой. Шла она быстро, ведь на ней были короткая юбка и накидка Жанины, которые она одолжила, чтобы не выделяться в толпе, не обращать на себя внимания, пока она будет дожидаться Дегре возле его дома. Она прождала его три часа. И какой результат! Уже наступила ночь, прохожих становилось все меньше. Проходя по Новому мосту, Анжелика обернулась и неприятно поразилась, увидев, что за ней следуют те двое, которых она заметила несколькими днями ранее возле своего дома. Может быть, просто совпадение? Но с какой бы стати этому краснорожему зевাকে, который вечно ловил ворон возле Ботрейи, прогуливаться ночью по Новому мосту и в Сен-Жерменском предместье?

«Какой-нибудь поклонник, конечно. Но это раздражает. Если он будет таскаться за мной еще три

дня, попрошу Мальбрана вежливо внушить ему, чтобы искал свое счастье в других местах...»

За Дворцом правосудия отыскались портшез и мальчик с факелом. Она велела донести себя до набережной Селестинцев, оттуда было два шага до калиточки ее оранжереи. Открыв калитку, она быстро прошла в теплицу, где воздух был полон аромата еще не созревших плодов, густо осыпавших ветви тоненьких деревьев, которые росли в серебряных кадках. Она прошла мимо средневекового колодца с каменными химерами и неслышно поднялась по лестнице.

В ее комнате горела свеча над письменным столиком из черного дерева, инкрустированного перламутром. Возле столика она и опустилась на кресло — со вздохом усталости, одним движением сбросив с ног башмаки. Ее босые ноги горели. Она уже разучилась ходить по плохо мощенным улицам и теперь — в такую жару — грубая кожа башмаков служанки натерла ей ноги.

«Я стала менее выносливой, чем прежде. А если придется путешествовать в трудных условиях...»

Мысль об отъезде не оставляла ее. Она представляла себя бродящей босиком по дорогам, нищей паломницей любви в поисках пропавшего счастья. Надо ехать!.. Но куда? И она вновь, еще внимательнее, стала вглядываться в документы, отданные ей королем. Эти листки, потемневшие от времени, с печатями и подписями, — единственное реальное доказательство. Когда ей казалось, что все это лишь привиделось, она бросалась к этим листкам и перечитывала их. Из них становилось ясно, что Арно де Калистер, лейтенант королевских мушкетеров, получил от самого короля поручение, которое поклялся хранить в величайшей тайне. Лейтенант приводил имена шести товарищей, назначенных ему в помощь. Все они были мушкетеры из королевских полков, отличавшиеся

преданностью королю и сдержанностью. В их молчании можно было увериться и не отрезая им языков, как делали раньше. На другом листке был тщательно выписанный де Калистером счет расходов, которых потребовало выполнение этого поручения:

20 ливров за наем помещения харчевни «Синий виноград» в утро казни;

30 ливров хозяину этой харчевни, мэтру Жильберу за сохранение тайны;

10 ливров за труп, купленный в морге, чтобы сжечь его вместо осужденного;

20 ливров двум подручным, доставившим труп, за молчание;

50 ливров палачу за сохранение тайны;

10 ливров за наем лодки для перевозки заключенного из порта Сен-Лапдри за пределы Парижа;

10 ливров лодочникам за сохранение тайны;

5 ливров за наем собак для розыска бежавшего заключенного (тут сердце Анжелики отчаянно забилося);

10 ливров за молчание — крестьянам, давшим собак и помогавшим обследовать дно реки.

Всего 165 ливров.

Отбросив листок с аккуратными подсчетами добросовестного Арно де Калистера, Анжелика взяла другой, с его сообщением, написанным менее твердым почерком.

«...Около полуночи мы проплыли за Нантер, и лодка, в которой находились мы с заключенным, пристала к берегу. Мы все решили немного отдохнуть; около заключенного я оставил часового. Заключенный не подавал признаков жизни с той минуты, как мы получили его из рук палача. Мы пронесли его подземным ходом из подполья харчевни «Синий виноград» до порта. В лодке он лежал, едва дыша...»

Она представила себе истерзанное пытками тело, завернутое, как в саван, в белое одеяние приговоренных к сожжению на костре.

«Прежде чем предаться сну, я спросил у заключенного, не нужно ли ему чего-нибудь. Он, казалось, не слышал меня».

Собственно говоря, де Калистер, заворачиваясь в плащ, чтобы «предаться сну», предполагал, что утром найдет узника уже мертвым. Ну, а на самом деле он его вовсе не нашел!

И тут Анжелика не могла сдержать смеха. Жоффрей де Пейрак — побежденный, умирающий, мертвый — этого нельзя было представить, это было ни с чем не сообразно, невозможно! Нет, она видела его таким, каким он должен был оставаться до конца, бдительно следящим за своим обессиленным телом, инстинктивно сопротивляясь смерти, готовый к борьбе до последнего. Чудо воли. Такой, каким она его знала, он был способен на это и еще на многое другое. Утром на сене, где его уложили, нашли лишь отпечаток его тела. Часовому пришлось признаться, что он не считал необходимым слишком пристально наблюдать за умирающим; видимо, очень устав, он тоже предался сну.

«Исчезновение заключенного представляется совершенно необъяснимым. Как мог человек, у которого не было сил открыть глаза, выбраться из лодки, так что мы этого не заметили? И что могло с ним стать потом? Если даже он сумел в этом состоянии как-то дотащить до берега, то не мог же он, полуголый, уйти далеко незамеченным».

Мушкетеры стали искать его, позвали на помощь крестьян с собаками. Долго осматривали берег и пришли, наконец, к заключению, что, сверхчеловеческим усилием выбравшись из лодки, узник упал в реку, а течение унесло его. Сил сопротивляться у него не было, и он утонул.

Однако позже один крестьянин пришел с жалобой, что в ту ночь у него украли привязанную у берега лодку. Лейтенант мушкетеров не оставил это без внимания. Лодка отыскалась около Портвилля. Весь тот район прочесали, спрашивали у местных жителей, не попадался ли им худой и хромой бродяга. Ответы привели мушкетеров к маленькому монастырю, укrywшемуся в глубине тополевой рощи. Настоятель этого монастыря рассказал, что тремя днями раньше дал милостыню прокаженному, одному из тех, что бродят кругом по деревням, несчастному бедняку, покрытому язвами и закрывавшему грязной тряпкой свое, должно быть, страшное лицо. Был ли он высокого роста? Хромал ли? Может быть... Как сказать... Монахи не могли вспомнить. Выражался ли он изысканно, словами, незнакомыми нищим? Нет, этот человек был нем. Он только издавал время от времени хриплые крики, как обычно делают прокаженные. Настоятель сказал ему, что его полагается отвезти в ближайший приют для прокаженных. Человек не возражал. Он сел в телегу вместе с послушником, но потом куда-то делся. Когда проезжали лес, его в телеге не оказалось. Возле Парижа, со стороны Сен-Дени, видели одного прокаженного, но тот самый это был или другой? Во всяком случае, Арно де Калистер, используя чрезвычайные привилегии, полученные от короля, поднял на ноги всю парижскую полицию. В течение трех недель после исчезновения узника ни один экипаж не впускали в Париж без самого тщательного досмотра у ворот города, у всех направлявшихся в город пешком или верхом тщательно осматривали лицо и измеряли длину ног.

В деле, которое перелистывала Анжелика, содержались донесения разных стражников, сообщавших, что такого-то числа был задержан хромой старик, но он оказался невысокого роста и хоть

некрасив, но с лицом неизуродованным... А еще задержали господина в маске, но маску он надел, потому что шел на свидание с дамой, а ноги у него были одинаковые... и так далее.

Бродячего прокаженного не обнаружили, но его видели в Париже. Его боялись, потому что он походил на сатану. Особенно страшным было его лицо, прикрытое повязкой или чем-то вроде капюшона. Один полицейский встретил его ночью и не решился снять с него капюшон, а человек исчез раньше, чем полицейский успел вызвать отряд стражников.

На этом заканчивались рассуждения о прокаженном, тем более, что как раз в это время в Гассикуре, чуть ниже Манта, нашли в камышах тело утопленника, пролежавшее в воде с месяц и уже сильно разложившееся. Можно было только определить, что это человек высокого роста.

Лейтенант де Калистер докладывал королю со вздохом облегчения, что такой исход представляется ему единственно возможным. Беглец не оценил милосердие короля, вырвавшего его в последнюю минуту из пламени, и Бог наказал его, предав холодным водам реки. Все, как следует быть!

«Нет! Нет!» — протестовала Анжелика, с омерзением отбрасывая скорбный эпилог. Она цеплялась за несколько строк в протоколе, составленном судебным чиновником в Гассикуре. Там описание найденного тела сопровождалось такими словами: «Сохранились приставшие к плечам обрывки черного плаща».

Но ведь узник, бежавший с лодки, был одет только в белую рубаху. Однако Арно де Калистер в своем заключении подчеркивал: «Все приметы утопленника соответствовали виду нашего узника...»

— А белая рубаха? — вслух произнесла Анжелика. Она пыталась как-то укрыть свою надежду от туч

сомнения. Покая не давало подозрение — а вдруг мушкетеры набросили на спасенного от костра черный плащ, прежде чем потащили его подземным ходом в лодку, которая вывезла его из Парижа?

«Если бы найти этого Арно де Калистера или кого-то из его помощников и хорошенько расспросить их», — думала она, напрягая память. Такого имени она ни разу не слыхала, когда находилась при дворе. И все-таки, не так уж трудно, наверно, выяснить, что стало с лейтенантом королевских мушкетеров. Ведь прошло едва десять лет со времени тех событий... Десять лет! Как будто немного, а ей казалось, что она прожила за это время несколько жизней. Она оказывалась и на дне нищеты, и на верху богатства. Она снова вышла замуж. Она приобрела власть над сердцем короля. Все это представлялось ненужным сном, который не стоило вспоминать.

На полочке ее письменного столика, среди разбросанных бумаг, лежало письмо от госпожи де Севинье: «Вот уже две недели, моя любезнейшая, как вас не видно в Версале. Все спрашивают. Не знают, что думать. Король помрачнел... Что же случилось?»

Анжелика пожала плечами. Ну, конечно, она бросила Версаль. Никогда, ни за что она туда не вернется. Этого решения не изменить. Пусть придворные марионетки пляшут без нее. Она уже и думать забыла о них. Все ее душевные силы сосредоточились теперь на том далеком видении: тяжелая шаланда у обледенелого берега в зимнюю ночь. Вот с этого места и возобновится ее жизнь. Она забыла свое тело, которым владели другие, забыла свое новое лицо, лицо, достигшее совершенной красоты, при виде которого короля охватывала дрожь, забыла следы прожитого, запечатленные в ней жестокой судьбой. Она чувствовала себя чудесным образом очищенной, в ней воскресла упрямая наивность двадцатилетней

влюбленной, она чувствовала себя обновленной, исполненной нежности и целиком обратившейся к нему...

— Вас спрашивает какой-то человек!

На фоне стенного ковра причудливо белела седая голова Мальбрана, оруженосца, постоянно охранявшего ее.

— Вас спрашивает какой-то человек, — прозвучало снова.

Она вздрогнула, слегка пошатнулась и поняла, что задремала на несколько секунд, сидя на табурете и обхватив руками колени. Разбудил ее старый слуга, открывший дверку, спрятанную за ковром. Она провела рукой по лбу.

— Что? Кто? Что это такое? Человек? Какой человек? Который теперь час?

— Три часа ночи.

— И вы говорите, что меня спрашивает какой-то человек?

— Да, госпожа.

— И привратник впустил его в такой час?

— Ну, привратник тут не виноват. Человек этот вошел не через дверь, он забрался в дом через мое окно. Я иногда оставляю его открытым, а этот господин ухватился за водосточные трубы и поднялся по ним...

— Вы что, смеетесь надо мной, Мальбран? Если это вор, вы сумели, я полагаю, с ним справиться?

— Как сказать... Нет, этот господин справился со мной. А потом он заявил, что вы его ждете, и я поверил ему. Это один из ваших друзей. Он назвал такие ваши приметы, что...

Анжелика нахмурилась. Еще один безумец! Она вспомнила человека, который целую неделю ходил повсюду за нею.

— Какой он? Невысокий, толстый, рыжий?

— Нет, ничего подобного! Видный человек, на мой взгляд. А каков он лицом, сказать трудно. Он в маске, шапка надвинута на глаза, а плащ поднят до носа. Но если хотите знать мое мнение, я думаю, что он пришел с добром.

— И ночью пробирается в дом по крышам?.. Ну, ладно. Впустите его, Мальбран, но далеко не уходите, может быть, придется звать на помощь.

Она ждала, охваченная любопытством, и едва увидела силуэт гостя, тут же узнала его.

Глава 2

— Вы пришли!

— Увы, пришел, — отвечал Дегре.

Анжелика махнула Мальбрану:

— Можете оставить нас.

Дегре снял шапку, сбросил плащ и маску.

— Уф! — он подошел к ней, взял руку и слегка прикоснулся губами к кончикам пальцев. — Это в извинение моей недавней грубости. Надеюсь, я не слишком больно ударил вас?

— Вы чуть не сломали мне палец, злодей, своей тростью... Признаюсь, я не понимаю вашего поведения, господин Дегре.

— Ваше тоже не более понятно, да и неприятно, — нахмурился полицейский.

Он пододвинул стул и уселся на него верхом. На нем не было ни пышного парика, ни обычного безупречного костюма. В поношенном плаще, который он надевал, отправляясь в тайные походы, с топорщащимися жесткими волосами, он выглядел сыщиком, занимающимся подонками общества... как когда-то... Анжелика подумала, как выглядит она сама — в одежде Жанины, босая, скрестив неприкрытые ноги.

— Вам что, необходимо было прийти ко мне в такое время, ночью?

— Да, необходимо.

— Вы раскаялись в своей неопикуемой злости и не могли дождаться утра, чтобы исправить свою ошибку? Он безнадежно махнул рукой.

— Раз уж вы никак не хотите понять, что хватит с меня вас, что я не хочу ничего слышать о вашей особе, черт вас побери... пришлось прийти!

— Это очень важно, Дегре!

— Ну, конечно, важно. Разве я вас не знаю? Понятно, что вы не станете беспокоить полицию из-за пустяков. С вами вечно происходит что-нибудь серьезное: то вас чуть не убили, то вы сами чуть не покончили с собой, а, может быть, вы решили покрыть грязью королевскую семью, потрясти королевство, поспорить с папой римским, мало ли что?..

— Дегре, я ведь ничего никогда не преувеличивала.

— В этом я и упрекаю вас. Никогда вы не умели разыграть комедию, как делают уважающие себя благовоспитанные дамы. Вот драму — это да! И не театральную драму... С вами всегда такое происходит, что надо мчаться со всех ног и Бога молить, чтобы не опоздать. Ну, вот я здесь и, кажется, как раз вовремя.

— Дегре, неужели вы опять мне поможете?

— Видно будет, — он помрачнел. — Прежде расскажите все.

— А почему вы полезли через окно?

— Вы разве ничего не поняли? Вы что, не заметили, что полиция следит за вами уже целую неделю?

— Полиция следит — за мною?!

— Да. О всех прогулках мадам дю Плесси-Белльер подается точнейший рапорт. Нет такого угла Парижа, куда бы вас не сопровождали два-три ангела-хранителя. Ни одно письмо, вышедшее из ваших рук, не попало прямо в руки адресата, а было предварительно вскрыто и внимательнейшим образом прочитано. Ради вас у всех ворот города стоят специальные стражники, вы окружены сплошной сетью наблюдателей. В каком бы направлении вы ни отправились, через какую-нибудь сотню метров вас догонит сопровождающий. Вы должны знать, что высокопоставленный чиновник лично отвечает за ваше присутствие в городе.

— И кто же это?

— Лейтенант, помогающий господину де Ла Рейни, префекту французской полиции, некий Дегре. Вы о нем,

кажется, слышали?

Анжелика оторопела.

— Вы хотите сказать, что вам поручено следить за мною и не дать мне уехать из Парижа?

— Именно так. Теперь вы понимаете, что в таких обстоятельствах я не мог открыто принять вас. Я не мог увезти вас в своей карете, на глазах у тех, кого я поставил стеречь вас.

— И кто же дал вам такое подлое поручение?

— Король.

— Король?.. Почему?

— Его величество мне этого не сообщал, но вы сами, наверно, догадываетесь, в чем тут дело, не так ли? Мне известно только одно: королю не угодно, чтобы вы уехали из Парижа, и я принял соответствующие меры. Учитывая это, что я могу для вас сделать? Что вам угодно от вашего покорного слуги?

Анжелика нервно сжала руки на коленях. Значит, король ей не верит. Он решился не допускать ее неповиновения. Он будет насильно удерживать ее подле себя. До тех пор... до тех пор, пока она не образумится. Но этого не будет никогда!

Дегре смотрел на нее и думал о том, как она похожа в этом простом наряде, с зябко скрещенными босыми ногами, с тревожным взглядом потемневших глаз, ищущих спасения, на пойманную птицу, терзаемую страстным стремлением улететь из клетки. Этой женщине, отбросившей старое, уже не приличествовали роскошные ковры и дорогая мебель, все эти украшения золотой клетки, окружавшие ее. Она отбросила светские условности и казалась теперь чуждой изящной обстановке, декорациям, которые сама когда-то сооружала с увлечением и вкусом. Теперь она преобразилась вдруг в босоногую пастушку, облеченную одиночеством и столь далекую от всего, что сердце Дегре сжалось. Ему подумалось: «Она не

для нас сотворена. Это ошибка!» — но он тут же дернул головой и прогнал эту мысль, а затем снова сказал:

— В чем же дело? Что вам угодно от вашего слуги?

Взгляд Анжелики засветился нежностью, она повторила:

— Вы действительно хотите помочь мне?

— Да, при том условии, что вы не станете злоупотреблять ласковыми взорами и будете сохранять дистанцию. Не сходите с места, — предупредил он ее попытку подойти к нему. — Ведите себя хорошо. Это и так дело не слишком приятное. Не превращайте его в мучительное, вы, невозможная чертовка.

Дегре вытащил из жилетного кармана трубку и, открыв табакерку, начал набивать ее медленными методичными движениями.

— Ну, давайте, дружок, выкладывайте все!

Эта хладнокровная поза исповедника успокаивала ее. Все казалось теперь нетрудным.

— Мой муж жив, — произнесла Анжелика.

Дегре не шевельнул бровью.

— Который? Ведь у вас их было два, насколько мне известно, и оба, как будто, покончили счеты с жизнью. Одного сожгли, другой потерял голову на войне. Или имеется еще третий?

Анжелика покачала головой.

— Не притворяйтесь, Дегре, будто не понимаете, о чем идет речь. Мой муж жив, его не сожгли на Гревской площади по приговору судей. В последнюю минуту король помиловал его и подготовил побег. Король сам признался мне в этом. Моего мужа, графа де Пейрака, от костра спасли, но — так как он по-прежнему считался опасным для государства — собирались втайне отправить в заточение в одну из тюрем вне Парижа. Но он убежал... Посмотрите эти бумаги, в них доказательства того, что это невероятное событие совершилось.

Полицейский бережно поднес загоревшийся трут к своей трубке, сделал несколько затяжек, не спеша свернул трут и уложил в коробочку, и только затем бесстрастно отмахнулся от стопки бумаг, которые Анжелика протягивала ему.

— Не нужно. Я знаю.

— Вы знаете? — повторила она потрясенно. — Эти бумаги уже были у вас в руках?

— Да.

— Когда же?

— Несколько лет тому назад. Да... Мне все-таки захотелось узнать. Я откупился тогда от полицейской службы и сумел устроить так, что о моем прошлом забыли. Никто уже не вспоминал ничтожного адвоката, нелепо вмешавшегося в попытку защитить приговоренного колдуна. С тем делом было покончено, однако иногда о нем заговаривали при мне... Говорили разное. Я стал доискиваться, рыться, копаться. Полицейским знакомы разные ходы. В конце концов я обнаружил это и прочитал.

— И вы мне ничего об этом не сказали, — прошептала она, едва дыша.

— Нет!

Он смотрел на нее, прищурив глаза за облачком синего дыма, и она чувствовала, что начинает ненавидеть его, что ей глубоко противен весь его вид — хитрого кота, смакующего свои секреты. И вовсе он ее не любил. У него не было слабостей. И всегда он будет сильнее ее.

— Вы не забыли, конечно, моя дорогая, — заговорил он наконец, — тот вечер, когда прощались со мной в вашей кондитерской? Вы тогда сообщили мне, что собираетесь выйти замуж за маркиза дю Плесси-Белльер. И в силу какой-то непонятной ассоциации, какие бывают только у женщин, вы вдруг сказали: «Не странно ли, Дегре, что я не могу отказаться от надежды

когда-нибудь увидеть его опять. Говорили... что это не его сожгли на Гревской площади...»

— Так вы тогда и должны были поговорить со мной!

— Зачем? — сухо спросил Дегре. — вспомните же! Вы собирались пожинать плоды сверхчеловеческих усилий. Вы ведь не жалели ни трудов, ни решительности, не брезговали самым низким шантажом, пожертвовали даже своей добродетелью. Вы бросили все на борьбу за удовлетворение своего честолюбия. И преуспели! Вас ожидал триумф. А если бы я рассказал тогда вам об этом, вы ведь все разрушили бы, все бросили... ради химеры...

Она твердила свое:

— Вы должны были поговорить со мной. Подумайте, какой страшный грех вы заставили меня совершить — выйти замуж за другого, когда мой муж был еще жив!

Дегре пожал плечами.

— Жив?.. Но весьма вероятно, что он и был тем утопленником из Гассикура. Погиб ли он на костре или в воде, что это меняло для вас?

— Нет, нет, это невозможно! — воскликнула она, вскакивая на ноги.

Дегре продолжал настойчиво и безжалостно:

— Что бы вы сделали, если бы я тогда поговорил с вами? Бросили бы на ветер все: свою судьбу и судьбу своих детей. Умчались бы, как безумная, в поисках тени, призрака, как хотите это сделать сейчас. Признайтесь же, — в его голосе слышалась угроза, — что у вас теперь это в голове: уехать искать мужа, исчезнувшего десять или одиннадцать лет тому назад!

Он поднялся и шагнул к ней.

— Куда? Как? И зачем?

При последнем слове она подскочила:

— Зачем? Полицейский смерил ее своим особым взглядом, проникавшим, казалось, до самой глубины души, — Он был властителем Тулузы... У Тулузы больше

нет своего владыки. Он правил в своем дворце... Дворца больше нет. Он был самым богатым феодалом во всем французском королевстве. Его богатства — конфискованы... Он был всемирно известным ученым... Теперь его никто не знает, да и где бы он мог заниматься своей наукой?.. Что осталось из того, что вы любили в нем?..

— Дегре, вы не способны понять любовь, которую внушает такой человек.

— Ладно, я понимаю, что он умел окружать себя чарами, неотразимыми для женского сердца. Но раз все эти искустительные чары исчезли?..

— Дегре, не заставляйте меня думать, что у вас так мало опыта. Вы же ничего не понимаете в том, как любят женщины.

— Немного понимаю в том, как любите вы. Он положил ей руки на плечи, повернув так, чтобы она увидела себя в высоком овальном зеркале, окаймленном резной золоченой рамой.

— Десять прожитых лет оставили свой след на вас, на вашей коже, в ваших глазах, в вашей душе, на вашем теле. И какие это были годы! Скольким любовникам вы отдавались...

Щеки ее запылали, но она вырвалась, по-прежнему дерзко глядя на него.

— Да, я знаю. Но все это не имеет отношения к любви, которую я питаю к нему... которую буду питать вечно. Говоря между нами, господин Дегре, что бы вы подумали о женщине, получившей в дар от природы некоторые способности и не использовавшей их хотя бы частично, чтобы выпутаться из беды, когда осталась одна, всеми брошенная, в последней крайности и нужде? Вы бы назвали ее идиоткой и были бы правы. Пусть я кажусь вам циничной, но и сейчас я, не колеблясь, воспользовалась бы своей властью над мужчинами, чтобы добиться цели. А мужчины, все

мужчины, которых я знала после него, что они представляли для меня? Ничто.

Она гневно взглянула на него.

— Ничто, понимаете? И теперь я испытываю ко всем им что-то вроде ненависти. Ко всем им.

Дегре задумчиво разглядывал свои ногти.

— Я не так уж убежден в вашем цинизме. — Он глубоко вздохнул. — Мне помнится один маленький поэт-замарашка... Ну, а к прекрасному маркизу Филиппу дю Плесси разве вы не испытывали никакой нежности, никакого живого чувства? Она просто встряхнула тяжелой копной своих волос.

— Ах, Дегре, вам не понять. Мне надо было ошибаться, учиться жить, делать попытки... Женщине так нужно любить и быть любимой... Но память о нем не оставляет меня, это вечно колющая боль.

Она вытянула вперед руку и посмотрела на нее.

— Тогда, в Тулузском соборе, он надел мне на палец золотое кольцо. Это, пожалуй, единственное, что осталось между нами, но разве эта связь не сохраняет силу? Я его жена, и он мой супруг. Я всегда буду принадлежать ему, и он всегда будет принадлежать мне. Вот почему я отправлюсь искать его... Земля велика, но если есть на земле место, где он живет, я отыщу его, даже если быт пришлось всю жизнь потратить на поиски... Хоть сто лет!..

Тут голос ее прервался, потому что она представила себя состарившейся и отчаявшейся странницей на пыльной и жаркой дороге.

Дегре подошел и обнял ее.

— Ну-ну, моя маленькая, я говорил с вами довольно свирепо, но вы, можно сказать, отплатили мне той же монетой.

Он сжал ее так, что она вскрикнула, а затем опять уселся в сторонке и с озабоченным видом задымил трубкой. Через минуту он произнес:

— Ладно! Раз уж вы решились совершать глупости, испортить свою жизнь, лишиться состояния, а может быть, и самой жизни, и никому не остановить вас, так что же вы собираетесь делать?

— Я не знаю, — ответила Анжелика и задумчиво проговорила:

— Может быть, надо отыскать этого Калистера, бывшего лейтенанта мушкетеров? Только он, если помнит что-то, может избавить нас от сомнений относительно утопленника из Гассикура.

— Это уже сделано, — лаконично ответил Дегре. — Я нашел этого бывшего офицера. Он признался в конце концов, что утопленник пришелся очень кстати, чтобы можно было выпутаться из скверной ситуации и что у этого утопленника было очень мало общего с бежавшим узником.

— Да, конечно, — проговорила Анжелика, загораясь надеждой. — Значит, надежнее будет другой след — тот прокаженный нищий?..

— Кто знает?

— Надо поехать в Понтуаэ и расспросить монахов этой маленькой обители, где он появлялся.

— Уже сделано.

— Как же?

— Если все рассказывать... Я воспользовался случаем — там, в тех местах, следовало произвести допрос, и заехал в этот монастырь, чтобы потрясти их колокола.

— О, Дегре, вы поразительный человек!

— Сидите на месте, — хмуро отозвался он. — Ничего особенного я там не узнал. Аббат рассказал мне почти то же, что мушкетерам, которые расспрашивали его. Но один старенький монах, занимающийся лечением братии, которого я нашел в саду, среди лекарственных растений, вспомнил важную подробность. Охваченный жалостью к несчастному, он хотел смазать бальзамом

его язвы и вошел в сарай, где изнуренный бродяга то ли спал, то ли прощался с жизнью. «Это был не прокаженный, — сказал монах. — Я поднял тряпку, которой было закрыто его лицо. На нем не было язв, оно было все в глубоких шрамах».

— Значит, это был он! Не правда ли, это был он? Но почему он оказался в Понтуазе? Неужели он хотел вернуться в Париж? Какое безумие!

— Безумие, которое такой человек, как он, мог совершить ради такой женщины, как вы.

— Но у ворот города следы его теряются. — Анжелика в лихорадочной спешке бросилась перелистывать бумаги. — Говорят все же, что его видели в Париже.

— Это мне кажется невероятным! Он же не мог туда пробраться. Ведь после его бегства были отданы строжайшие приказы о наблюдении за всеми входами в город. Потом обнаружение утопленника в Гассикуре и отчет Арно де Каллистера положили конец тревогам. Дело закрыли. Для очистки совести я еще порылся в архивах. Ничего, сюда относящегося, нигде не обнаружилось.

Тяжелая тишина легла между ними.

— Это все, что вам известно, Дегре?

Полицейский прошелся несколько раз по комнате прежде чем ответить:

— Нет! — Он прикусил трубку и пробормотал сквозь зубы:

— Известно...

— Что же? Скажите!

— Ну, ладно. Вот что: года три назад или чуть больше пришел ко мне один человек, священник, с глазами цвета расплавленного свинца на лице цвета церковной свечи, один из тех, кто сам едва дышит, но стремится спасти весь мир. Он хотел знать, тот ли я Дегре, который в 1661 году был назначен адвокатом на

процессе графа Пейрака. Он тщетно разыскивал меня среди моих коллег во Дворце правосудия и с большим трудом узнал под мрачным обликом полицейского. Удостоверившись, что я действительно бывший адвокат Дегре, он назвал свое имя. Это был отец Антуан из ордена, созданного Венсанном де Полем. Он был тюремным священником и в этом звании провожал графа де Пейрака на костер.

В памяти Анжелики всплыл силуэт маленького священника, сидевшего, словно окоченевший кузнечик, возле углей костра.

— После множества оговорок он спросил, не знаю ли я, что стало с женой графа де Пейрака. Я отвечал, что знаю, но хотел бы прежде узнать, кто интересуется ею, женщиной, чье имя все уже забыли. Он очень смутился и сказал, что часто думал об этой несчастной, всеми покинутой женщине, молился за нее и желал бы, чтобы судьба стала к ней милосерднее. Что-то в его объяснениях звучало фальшиво. Люди моей профессии умеют различать нюансы. Однако я рассказал ему все, что знал.

— Что вы ему сказали, Дегре?

— Правду: что вы ухитрились выбраться из всех бед, вышли замуж за маркиза дю Плесси-Белльера и входите в число самых заметных и вызывающих зависть красавиц королевского двора. Как ни странно, эти новости его не обрадовали, а напротив, как будто неприятно поразили. Может быть, он испугался за вашу душу — что ее достигнет вечное проклятие, — потому что я намекнул, что вы скоро можете занять место госпожи де Монтеспан.

— О, Боже! Зачем вы это сказали ему?.. Вы просто чудовище, Дегре! — вскричала в отчаянии Анжелика.

— Но ведь дело именно так и обстояло. Ваш второй муж был тогда жив, а успех, которым вы пользовались при дворе, перевернул всю светскую хронику. Он еще

спросил, что случилось с вашими сыновьями. Я сказал, что оба они здоровы и тоже чувствуют себя очень хорошо при дворе, в доме дофина. Потом, когда он собирался уходить, я спросил его, уже без обвиняков: «Вы хорошо помните, наверно, эту казнь. Ведь не часто устраивают такие штуки?» Он испугался: «Что вы хотите сказать?» — «Что осужденный в последнюю минуту, так сказать, отвешивает прощальный поклон, а вы благословляете безвестный труп. Вас эта подмена, должно быть, сильно поразила?» — «Должен признаться, что в ту минуту я ее не заметил...» Я придвинулся к нему так близко, что чуть носом не задел, и спросил: «А когда же вы это заметили, святой отец?» Он стал бледнее своего воротника и, чтобы собраться с мыслями, пробормотал: «Я ничего не понимаю в ваших намеках». — «Да нет, понимаете. Вы знаете так же хорошо, как и я, что граф де Пейрак не погиб на костре. А больше никто теперь об этом не знает. Вам ведь не заплатили, чтобы вы хранили молчание. Вы в заговоре не участвовали. Однако вы знаете. Кто же сказал вам?..». Он продолжал делать вид, что ничего не знает, и так и ушел.

— И вы позволили ему уйти, Дегре?.. Вы не должны были отпускать его!.. Надо было заставить его говорить, пригрозить, вынудить его признаться, кто ему сказал и кто его прислал. Кто же?.. Кто?..

— И что бы от этого изменилось? Ведь вы же все равно были мадам дю Плесси-Белльер, не так ли?

Анжелика схватилась руками за голову. Дегре не рассказал бы ей об этом случае, если бы не считал его важным. Дегре предполагал то же, что и она. Что странное поведение тюремного священника, может быть, объяснялось поручением, полученным от первого мужа Анжелики. Откуда же он отправил своего гонца? Как он с ним встретился и сблизился?

— Надо отыскать этого священника. Это не должно быть трудно. Я помню, что он принадлежал к ордену...

Дегре улыбнулся.

— Из вас вышел бы хороший полицейский. Но я избавлю вас от лишних хлопот. Зовут этого священника отец Антуан. В Париже он уже давно не живет. Последние несколько лет он находится в Марселе, при каторжниках.

Анжелика просияла. Наконец она знала, куда ехать. Прежде всего она поедет в Марсель повидать этого отца Антуана. Найти его будет нетрудно. И разумеется, в конце концов, священник назовет ей имя таинственного лица, пославшего его к Дегре, чтобы осведомиться о судьбе мадам де Пейрак. Может быть, он даже знает, в каком месте находится этот неизвестный?.. Она замечталась, глаза ее светились, она закусила верхнюю губу.

Дегре иронически посматривал на нее.

— При условии, что вам будет разрешено выехать из Парижа, — завершил он тираду, которую легко можно было прочесть на ее оживленном лице.

— Дегре, неужели вы помешаете мне уехать?

— Милое дитя, мне приказано помешать вам. Разве вы не знаете, что, взявшись за дело, я держусь за него всеми зубами, как собака, хватаящая преступника за одежду. Я готов предоставить вам все интересующие вас сведения, но не надейтесь, что я предоставлю вам ключ от дверей на волю.

Анжелика с отчаянной мольбой в глазах быстро повернулась к полицейскому.

— Дегре! Друг мой Дегре!

Полицейский чиновник не изменил каменного выражения своего лица.

— Я поручился за вас перед королем. Такие обязательства не берутся назад, поверьте мне.

— А вы говорите, что вы мне друг!

— В той мере, в какой я могу соблюдать приказы Его величества. Разочарование, обманутые надежды жгли

Анжелику. Она ненавидела Дегре, как и прежде. Она знала, что в своей работе он упрям и скрупулезен и сумеет оградить ее непреодолимой стеной. Сыщик, ищейка, в конце концов он всегда ухитряется поймать того, за кем гонится. Тюремщик, он умеет держать в узах тех, кого поймал. От него не убежишь.

— Да как же вы могли взять на себя это гнусное поручение, зная, что речь идет обо мне? Я вам этого никогда не прощу.

— Признаюсь, я был доволен, что помешаю вам делать глупости.

— Так не вмешивайтесь же в мою жизнь! — закричала она, вне себя. — Я питаю глубочайшее отвращение к вам и людям вашего сорта. Ненавижу вас, плюю на вас, злые пройдохи, притворщики, лицемеры, жалкие лакеи, пресмыкающиеся у ног господина, который бросает вам поглотать косточку.

Дегре расслабился и расхохотался. Больше всего она ему нравилась в облике Маркизы Ангелов; эта сокрытая часть ее жизни, прошедшей в роскоши и ублажении, вдруг проступала, когда она приходила в ярость.

— Послушайте, маленькая...

Он взял ее за подбородок и заставил посмотреть ему в лицо.

— Я мог бы отказаться от этого поручения, тем более что король дал мне его благодаря моей репутации. Он понимает, что удержать вас, если вы задумаете сбежать из Парижа, возможно, лишь мобилизовав лучших полицейских города. Я мог бы отказаться, но он говорил со мной о вас, выражая тревогу, беспокойство, как мужчина с женщиной... А сам я, как уже говорил вам, тоже принял решение пустить в ход все, что можно, чтобы помешать вам еще раз разбить свою жизнь.

Выражение его лица смягчилось, и глубокая нежность появилась в глазах, устремленных на замкнувшееся личико, которое он насильно удерживал в руках.

— Сумасшедшая, милая моя и безумная. Не сердитесь на вашего друга Дегре. Я хочу помешать вам пуститься в опасные, страшные приключения... Вы рискуете все потерять и ничего не получить. А гнев короля будет страшен. Нельзя чрезмерно рисковать. Послушайте меня, маленькая Анжелика... бедная маленькая Анжелика...

Никогда еще он не говорил с ней так нежно, так ласково, словно с ребенком, которого нужно оберегать от собственных порывов, и ей захотелось прижаться лбом к его плечу и потихоньку выплакаться.

— Обещайте же мне вести себя спокойно, а я со своей стороны обещаю сделать все, что возможно, чтобы помочь в ваших поисках... Но обещайте мне!..

Она покачала головой. Ей хотелось уступить, но она не верила королю и не верила Дегре. Они всегда будут стараться запереть ее без выхода, удержать ее. Они бы хотели, чтобы она все забыла и на все соглашалась. И она боялась самой себя, той подлости, той вялости, которая таилась в ней и когда-нибудь стала бы ей внушать: «Что толку упираться? Ведь король опять станет приставать к тебе. Ты будешь одна, без защиты, против сил, объединившихся, чтобы помешать тебе добраться до любимого».

— Обещайте мне! — настаивал Дегре.

Она снова отрицательно качнула головой.

— Вот ослиное упрямство! — Вздохнув, он выпустил ее из рук. — Ну, посмотрим, кто из нас двоих окажется сильнее. Ладно, так и решим. Желаю вам удачи, Маркиза Ангелов.

***

Анжелика хотела немного вздремнуть, хотя в окнах уже засветилась заря. Совсем заснуть она не могла и лежала в каком-то промежуточном состоянии: отяжелевшее тело ничего не ощущало, а ум упорно работал. Она пыталась проследить таинственный путь прокаженного, бездомного и отвратительного нищего, бродившего по дорогам Иль-де-Франса, пробиравшегося к Парижу. Но эта последняя подробность, казалось, обрывала все иллюзии. Как мог бежавший узник, знавший, что его ищут и преследуют, что его приметы объявлены, решиться вернуться в Париж, полный его врагов? Жоффрей де Пейрак не был настолько безумен, чтобы совершить такую глупость. А может быть, и да! Подумав, Анжелика решила, что это было в его духе. Она пыталась догадаться, о чем он думал. Неужели он за ней вернулся в Париж?.. Какая смелость! Вернуться в Париж, в большой город, осудивший его, где у него не осталось ни друзей, ни приюта... Его дом в квартале Сен-Поль, тот красивый особняк Ботрейи, который он велел построить для Анжелики, был опечатан. Она стала припоминать, как часто Жоффрей ездил из Лангедока в Париж, чтобы самому наблюдать за работами. Неужели осужденной преступник Жоффрей де Пейрак надеялся укрыться в этом доме? У него ведь ничего не было; может быть, он решил пробраться в свой дом, чтобы взять там деньги и драгоценности, хранившиеся в ему одному известных потаенных местах? Чем больше она думала, тем правдоподобнее казалось это предположение. Жоффрей де Пейрак вполне мог пойти на страшный риск, чтобы добыть необходимые средства. Обладая золотом и серебром, он мог спастись, иначе ему оставалось только бродить нищим, без помощи и надежды. Крестьяне стали бы бросать в него камнями, рано или поздно его бы выдали властям. А одной горсти золота достаточно было бы, чтобы выбраться на свободу! И он знал, где взять это

золото. В его доме в Ботрейи, где все уголки были известны ему.

Анжелике казалось, что она слышит его рассуждения, узнает его привычные презрительные интонации: «Золото все может», — так он говаривал. Имея немного золота, несчастный уже не был беспомощным. Конечно, он вернулся в Париж. Он пришел сюда, теперь она была совершенно уверена в этом. Это было вполне правдоподобно. Король тогда еще не на все наложил свою руку. Он еще не предложил этот особняк принцу Конде. Дом стоял пустой, — проклятое жилище, с восковыми печатями на дверях. Охранял его один смертельно напуганный привратник, да еще старый слуга, баск, которому некуда было уйти.

Вдруг сердце Анжелики забилося неровными толчками; она ухватилась за эту нить. «Я видел его... Да, я его видел, проклятого церковью графа, там, в нижней галерее... Я его видел. Это было ночью, вскоре после того, как его сожгли. Я услышал шум в галерее и узнал его шаги...» — так говорил старый слуга, баск, опиравшийся на край средневекового колодца в глубине сада, где она увидела его как-то вечером, когда пришла туда, чтобы взять в свою собственность дом в Ботрейи.

«Кто бы не узнал его шагов?.. Походка Великого хромого из Лангедока!.. Я зажег фонарь и, подойдя к повороту галереи, увидел его. Он опирался на дверь часовни и повернулся ко мне... Я узнал его, как собака узнает своего хозяина, но лица его я не видел. На нем была маска... И вдруг он ушел в стену, и больше я его не видел...»

Тогда Анжелика в ужасе убежала, не желая слушать бредни старика, почти выжившего из ума, который воображал, что видел призрак...

Анжелика поднялась на кровати и резко дернула шнуры звонка. Появилась Жанина, рыжая жеманная девица, сменившая Терезу. Недовольно поводя носом, с удивлением принюхиваясь к запаху табака, осевшему в воздухе комнаты от трубки Дегре, она осведомилась, что угодно госпоже маркизе.

— Приведи мне сейчас же старого слугу... Как его зовут?.. Ах, да, Паскалу, «дед Паскалу».

Служанка удивленно подняла брови.

— Да ты же знаешь его, — твердила Анжелика, — ну, тот совсем дряхлый старик, который набирает воду из колодца и носит дрова к печам...

Жанина вышла, а через несколько минут вернулась и сообщила, что дед Паскалу умер два года назад.

— Умер? — растерянно повторила Анжелика. — Умер? О Боже, какой ужас!

Жанине казалось странным, что ее госпожа вдруг так взволновалась из-за события, которое произошло двумя годами ранее и тогда осталось незамеченным. Анжелика велела одеть себя. Пока служанка занималась этим, Анжелика, машинально поворачиваясь, думала, что бедный старик умер и унес с собой свою тайну. Она была тогда занята при дворе и не нашла времени даже поддержать в последний час руку умиравшего верного слуги. Дорого она расплачивается теперь за то, что не выполнила тогда свой долг. Услышанные когда-то мимоходом слова теперь казались выжженными в ее памяти огненными буквами. «Он опирался о дверь часовни...»

***

Она сошла вниз, прошла по галерее с изящными арками, на которые падал отсвет цветных витражей, и открыла дверь часовни. Это была скорее молельная, с двумя подушками из кордовской кожи для преклонения колен и с маленьким алтарем зеленого мрамора, над которым висела великолепная картина испанского

художника. Там пахло свечами и ладаном. Анжелика знала, что аббат де Ледигьер, приезжая в Париж, всегда служил тут мессу. Она встала на колени и громко произнесла:

— О, Боже, я много ошибалась, Боже мой, и все-таки я молю, я прошу... — Она не знала, что сказать дальше.

Ведь он вернулся сюда однажды ночью. Как он проник в этот дом? Как он пробрался в Париж? Что он искал в этой молельне?

Глаза Анжелики обежали небольшое помещение. Все, что тут находилось, сохранилось со времени Пейрака. Принц Конде ничего тут не касался. Мало кто и заходил сюда, кроме аббата де Ледигьера и маленького лакея, который служил ему певчим и прибирал в часовне.

Если тут был тайник, он вполне мог сохраниться... Анжелика поднялась с колен и стала тщательно осматривать комнату. Она прощупала мрамор алтаря, засовывая ноготь в каждую щель в надежде, что от нажима заработает тайный механизм. Она изучила все узоры барельефов. Она терпеливо простучала все эмалевые плитки и деревянные накладки, которыми были облицованы стены. И терпение ее было вознаграждено. К концу утра ей показалось, что большая ниша в стене за алтарем дает какой-то странный отзвук. Она зажгла свечу и поднесла ее близко к стене. В узоре резьбы видна была искусно скрытая замочная скважина. Так вот она где!

В лихорадочной спешке она пыталась открыть замок, но он не поддавался. Тогда с помощью ножа и ключа из связки у нее за поясом она ухитрилась расщепить драгоценное дерево и, просунув пальцы внутрь, нащупала затвор и подняла его. Дверца тайника со скрипом открылась. Внутри виднелась шкатулка. Можно было и не открывать ее. Ее уже отпирали, она была пуста...

Анжелика прижала к сердцу пыльную шкатулку.

— Он приходил сюда! Он взял отсюда золото и драгоценности, он знал, где они лежат. Бог помог ему, указал ему путь, охранил его.

А что же потом?..

Что же стало с графом де Пейраком после того, как с риском для жизни он сумел забрать из собственного «проклятого» дома необходимое ему золото?..

Глава 3

Собравшись в Сен-Клу к Флоримону, Анжелика поняла, что предупреждения Дегре не были шуткой. Садясь в карету, она лишь бросила презрительный взгляд на «поклонника», чья красная рожа уже три дня торчала под ее окнами. Она не остереглась и двух всадников, которые, выбежав из дверей соседнего трактира, вскочили на лошадей и стали догонять карету. Но едва она выехала за ворота Сент-Оноре, как карету ее окружила группа вооруженных людей и молодой офицер очень вежливо попросил ее вернуться в город.

— Это приказ короля, мадам.

Она не соглашалась. Ему пришлось показать письмо, подписанное префектом полиции де Ла Рейни с указанием не допускать выезда мадам дю Плесеи-Белльер из Парижа.

«И подумать только, Дегре взялся за это! А ведь он мог бы помочь мне, но теперь не станет этого делать! Он сообщит мне сведения о старом деле моего мужа, даст всякие советы, но в то же время будет стараться изо всех сил выполнить приказ короля».

Приказав кучеру повернуть назад, она сжала зубы и кулаки. Это насилие пробудило ее боевой инстинкт. Жоффрей де Пейрак, изуродованный и преследуемый, сумел ведь пробраться в Париж. Ну, а она сумеет теперь выбраться из Парижа!..

Она послала гонца в Сен-Клу. Скоро приехал Флоримон в сопровождении своего воспитателя. Последний начал уже, по поручению мадам дю Плесси, переговоры о продаже места пажа. Господин де Логан соглашался приобрести это место Флоримона для своего племянника и предлагал хорошие деньги.

«Посмотрим еще», — отвечала Анжелика. Она намеревалась уехать, вызвав гнев короля, не раньше, чем примет все меры предосторожности для охраны своих сыновей.

— Зачем мне продавать свое место? — приставал Флоримон. — Разве вы нашли мне лучшую должность? Или мне возвращаться в Версаль? В Сен-Клу я очень пришелся к месту, и мои старания были замечены монсеньером^[1].

Шарль-Анри прибежал с радостными криками. Он обожал старшего брата, и тот был к нему сердечно привязан. Всякий раз, приезжая в Париж, Флоримон возился с малышом, сажал его себе на плечи и катал, давал ему подержать свою шпагу. А сейчас Флоримон выразил восхищение обаянием брата:

— Матушка, правда, он самый красивый ребенок на свете? Ему бы быть дофином, а то настоящий дофин такой чурбан.

— Не следует так говорить, Флоримон, — заметил аббат де Ледигьер.

Анжелика отвела взор от прекрасной картины: Шарль-Анри, белокурый, румяный, круглощекий, не мог оторвать своих голубых глаз от смуглого темноволосого двенадцатилетнего Флоримона. Смешанное чувство сожаления и бессилия охватило ее, когда она смотрела на кудрявую головку сына Филиппа. Зачем она заключила тот брак? Ведь Жоффрей де Пейрак посылал узнать, что с ней, и ему сообщили, что она снова вышла замуж. Ужасное, безысходное положение. Бог не должен был допускать такого!

Она тщательно скрывала, что готовится к отъезду. Шарля-Анри она решила отправить вместе с няней Барбой и слугами в замок Плесси, в Пуату. Король не посмеет, в каком бы ни был гневе, посягнуть на права

сына французского маршала. Относительно Флоримона у нее были другие планы.

«Неужели король так уж разозлится на меня? — пыталась она приободриться. — Разозлится, конечно, потому что я нарушу его запрет. Но сколько времени он может сердиться за простую поездку в Марсель? Я ведь вернусь оттуда...»

Чтобы отвлечь подозрения и показать свою покорность, она пригласила к себе своего брата Гонтрана. Наконец нашлось время сделать портреты детей. Сидя за счетами — она очень старательно проверяла все расходы, чтобы оставить дела в полном порядке, когда уедет, — Анжелика слушала болтовню Флоримона, который придумывал тысячи глупостей, чтобы занять младшего брата и заставить его смиренно позировать.

— Ангелочек с небесной улыбкой, как ты мил.

— Лакомка, ты толще каноника, как ты мил...

Он подражал литаниям, в которых воспевались добродетели святых. И аббат де Ледигьер не преминул сделать замечание:

— Флоримон, нельзя над этим смеяться. Меня беспокоит дух своеволия и вольнодумства, который я в вас вижу.

А Флоримон, не обращая внимания на выговор, продолжал дурачиться:

— Барашек кудрявый, жующий конфеты, как ты мил...

— Светлячок мой, полный лукавства, как ты мил...

Шарль-Анри заливался смехом, Гонтран, как всегда, ворчал на мальчиков, а на полотне все явственнее выступали две головки, темная и светлая, головки сыновей Анжелики, Флоримона де Пейрака и Шарля-Анри дю Плесси-Белльера, в которых она видела отражение когда-то любимых ею мужчин.

Флоримон порхал легко, как мотылек, но думать уже научился. Как-то вечером он поймал Анжелику у камина и спросил, не чинясь:

— Матушка, что же делается? Значит, вы не стали любовницей короля, и в наказание он вас не выпускает из Парижа?

— Во что ты вмешиваешься, Флоримон! — возмутилась шокированная Анжелика.

Флоримон привык к вспышкам своей матери и научился не слишком раздражать ее. Он уселся на скамеечке у ног Анжелики, обратив на нее сумрачный и вопросительный взор, притягательность которого уже знал, и повторил, пленительно улыбаясь:

— Так вы не любовница короля?

Анжелика хотела было оборвать такой разговор внушительной пощечиной, но вовремя сдержалась. У Флоримона ничего дурного на уме не было. Его интересовало то же, что волновало весь двор, от главного из царедворцев до последнего пажа, — каков исход дуэли между мадам де Монтеспан и мадам дю Плесси-Белльер. А так как эта последняя была его матерью, ему особенно важно было узнать, как обстоит дело, потому что слухи о королевских милостях уже создали ему высокое положение среди товарищей. Эти будущие придворные, уже умевшие интриговать и притворяться, теперь заискивали перед ним. «Мой отец говорит, что твоя мать может все сделать с королем, — сказал ему недавно юный д'Омаль. — Повезло тебе! Твоя карьера уже сделана. Только не забывай друзей. Я ведь всегда к тебе хорошо относился, не правда ли?»

Флоримон задира л нос и важничал. Он уже пообещал Бернару де Шатору пост главного адмирала, а Филиппу д'Омалю пост военного министра. А тут мать вдруг неожиданно забрала его из дома королевского брата, говорит о том, чтобы продать место пажа, и сама живет замкнуто в Париже, вдали от Версаля.

— Король вами недоволен? Почему?

Анжелика положила ладонь на гладкий лоб сына, отбрасывая густые черные кудри, упорно возвращавшиеся на место. Ее охватило то же скорбное волнение, как в тот день, когда Кантор заявил, что хочет идти на войну, то же растерянное удивление, которое испытывают все матери, увидев, что их дети уже мыслят по-своему. Она кротко ответила на вопрос Флоримона.

— Да, я вызвала недовольство короля, и теперь он сердится на меня.

Мальчик нахмурился, подражая выражениям досады и отчаяния, которые ему случалось видеть на лицах придворных, попавших в немилость.

— Какое несчастье! Что же с нами станется? Верно, эта шлюха Монтеспан что-то подстроила. Дрянь такая!

— Флоримон, что за выражения!

Флоримон пожал плечами. Такие выражения он слышал в передних дворца. Но он быстро примирился с новой ситуацией, отнесясь к перемене положения с философским спокойствием человека, уже не раз видевшего, как строятся и рассыпаются недолговечные карточные замки.

— Говорят, вы собираетесь уехать.

— Кто говорит?

— Говорят...

— Это очень неприятно. Я не хотела бы, чтобы о моих планах знали.

— Обещаю вам, что никому ничего не скажу, но все-таки я хотел бы знать, что вы решили сделать со мной, раз все изменилось. Вы меня возьмете с собой?

Она думала об этом и должна была отказаться от этой мысли. Ее ожидало столько неведомых опасностей. И она даже не знала, как ей удастся выбраться из Парижа. И что она узнает в Марселе от отца Антуана, и

по какому новому следу придется идти? Ребенок, даже такой толковый, как Флоримон, мог оказаться помехой.

— Мальчик мой, постарайся быть разумным. Я могу тебе предложить не слишком веселые вещи. Но приходится учитывать, что ты почти ничего не знаешь, а пора уже серьезно заняться учением. Я поручу тебя опеке твоего дяди иезуита, который обещал устроить так, чтобы тебя приняли в коллеж их ордена, который находится в Пуату. Аббат де Ледигьер поедет туда с тобой и будет руководить тобой и помогать тебе, пока я не вернусь.

Она уже побывала у отца Реймона де Сансе и просила позаботиться о Флоримоне и при случае оказать ему поддержку.

Флоримон, как она и ожидала, скривился, а потом надолго задумался, нахмутив брови. Анжелика обняла его за плечи, чтобы ему легче было переварить неприятную новость. Она собиралась начать восхваление радостей учения и дружбы с товарищами по коллежу, когда он поднял голову и сухо заявил:

— Ну, если вы предлагаете лишь это, я вижу, что мне остается только поехать к Кантору.

— Боже мой! Что ты говоришь, Флоримон? Прошу тебя, замолчи! Ведь Кантор умер. Ты же не собираешься умереть?

— Нет, ничуть, — спокойно отвечал ребенок.

— Так почему же ты говоришь, что хочешь быть вместе с Кантором?

— Потому что я хочу его видеть. Я уже соскучился по нему. И потом мне больше нравится плавать по морю, чем зубрить латынь у иезуитов.

— Но... Ведь Кантор умер...

Флоримон уверенно покачал головой.

— Нет, он поехал к моему отцу.

Анжелика побледнела, ей казалось, что она теряет сознание.

— Что ты сказал?.. Что ты говоришь?

Флоримон посмотрел ей прямо в лицо:

— Ну, да! Мой отец!.. Другой отец... Вы же знаете... Тот, кого хотели сжечь на Гревской площади.

Анжелика онемела. Она никогда не говорила об этом с детьми. Они редко встречались с сыновьями Гортензии, да та скорее дала бы отрезать себе язык, чем стала бы рассказывать об ужасном прошлом. Анжелика бдительно следила за тем, чтобы никакие неуместные разговоры не дошли до детских ушей и с тревогой думала о том часе, когда ей придется отвечать на их вопросы о том, как звали их настоящего отца и кем он был. Но они никогда ее об этом не спрашивали, и только сейчас она узнала, почему они так себя вели. Они не задавали вопросов, потому что уже и так знали.

— Кто вам сказал об этом?

Флоримон не хотел сразу обо всем рассказывать. С нерешительным выражением лица он повернулся к камину и взял медные щипцы, чтобы подобрать упавшие угольки. До чего же матушка наивна! И как она хороша! Сколько лет она казалась ему слишком строгой. Он боялся ее, а Кантор часто плакал, потому что она куда-то пропадала как раз тогда, когда они надеялись, что она наконец-то посидит и посмеется с ними вместе. Но в последнее время Флоримон стал замечать ее слабости. Он видел, как она дрожала в тот день, когда Дюшен пытался убить его. Он сумел разглядеть, какую муку она прятала за веселой улыбкой и, так как ему пришлось уже послушаться ядовитых замечаний насчет «будущей фаворитки», он чувствовал, что в нем рождается новая мысль, делающая его взрослым, мысль, что он скоро вырастет и станет защищать ее.

И он вдруг повернулся к матери — с лучистой улыбкой, прелестным жестом протягивая ей обе руки,

сжатые вместе, и прошептал:

— Матушка!..

Она прижала к сердцу его кудрявую голову. Не было на свете мальчика красивее и милее, чем он. В нем уже просвечивало все прирожденное очарование графа Пейрака.

— Ты знаешь, что очень похож на своего отца?

— Знаю. Старый Паскалу говорил мне об этом.

— Старый Паскалу? Ах, так вот как вы узнали!..

— Да и нет, — торжественно отвечал Флоримон. — Старый Паскалу дружил с нами. Он играл на флейте и на барабанчике с погремушками, он рассказывал нам всякие истории и всегда говорил, что я очень похож на того окаянного вельможу, который построил дом в Ботрейи. Он знал его ребенком и говорил, что я совершенно схож с ним лицом, — только что у меня нет сабельного шрама на щеке. И мы просили, чтобы Паскалу рассказал нам об этом замечательном человеке. Замечательном, потому что он все знал, все умел, даже мог делать золото из пыли. Он так пел, что слушавшие его не могли шевельнуться. И на дуэлях он побеждал всех врагов. В конце концов ревнивые завистники сумели посадить его в тюрьму и потом сожгли на Гревской площади. Но Паскалу говорил, — он был так могуч, что сумел убежать от костра. Паскалу видел его, когда он пришел в этот дом, когда все думали, что он сгорел. Паскалу говорил еще, что умирает счастливым, зная, что этот замечательный человек, который был его господином, еще жив.

— Это правда, мой милый. Он жив, конечно, он жив!

— Но мы тогда еще не знали, долго не знали, что этот человек наш отец. Мы спрашивали у Паскалу, как его звали. Но он не хотел говорить. В конце концов под большим секретом он открыл нам его имя: граф де Пейрак. Помню, мы сидели тогда в кабинете вместе с Паскалу, никого больше не было. Барба зашла туда

зачем-то и услышала, о чем мы говорили. Она побледнела, покраснела, позеленела и сказала Паскалу, что нечего ему говорить о таких страшных вещах. Неужели он хочет, чтобы проклятие отца перешло на его несчастных детей, которых матери с таким трудом удалось уберечь от несчастной судьбы... Она говорила и говорила, а мы ничего не понимали, и старый Паскалу тоже ничего не понимал. Наконец он сказал: «Послушайте, добрая женщина, вы что, хотите сказать, что эти два мальчика — его дети?» Барба так и застыла с разинутым, как у рыбы, ртом. А потом забормотала что-то, и опять ничего нельзя было понять. Совсем странно... но она понадеялась, по глупости, что отделается от нас. А мы все спрашивали ее: «Кто же был наш отец, Барба? Это он, граф де Пейрак?» Наконец мы с Кантором придумали, что делать. Мы привязали ее к стулу перед камином и заявили, что если она не скажет нам правду о том, кто наш настоящий отец, мы будем жечь ей пятки, как делают бандиты с большой дороги...

Анжелика охнула от ужаса. Что же это такое!.. Эти мальчики, эти малыши, которым давали причастие без исповеди!..

А Флоримон засмеялся, с удовольствием припоминая, как все было.

— Когда мы подпалили ей ноги, она все рассказала, только заставила нас раньше поклясться, что мы никогда об этом не станем говорить. Мы и хранили тайну. Но мы гордились тем, что он наш отец, и были счастливы, что ему удалось бежать от злодеев... И тогда Кантор решил поехать на море искать его.

— Почему на море?

— Потому что оно очень далеко, — Флоримон неопределенно махнул рукой. Он плохо понимал, что такое море, но ему казалось, что с моря идет дорога в зеленый рай, где осуществляются все мечты. Анжелика

понимала его. — Кантор сочинил песню. Я уже позабыл слова, но красивая была песня. В ней излагалась история нашего отца. Кантор говорил: «Я буду петь эту песню повсюду, и найдутся люди, которые узнают, о ком она, и расскажут мне, как его найти...»

Горло Анжелики сжалось, и на глазах выступили слезы. Она представила себе, как два ребенка задумывали поход маленького трубадура в поисках человека из легенды.

— Я с ним не соглашался, — продолжал Флоримон. — Мне не хотелось уезжать, потому что нравилось жить в Версале. Ведь карьеру не сделаешь, если будешь носиться по морям, правда? А Кантор уехал. Кто чего хочет, тот добьется, так говорила Барба. Еще она говорила: «Ну, уж этот если вобьет себе что в голову... Упрямее своей матушки...» Матушка, как вы думаете, добрался он до нашего отца?..

Анжелика, не отвечая, провела ладонью по его волосам. У нее не хватало мужества вновь сказать ему, что Кантор погиб, заплатил своей жизнью, как рыцари святого Грааля, за поиски химеры. Бедный маленький рыцарь! Бедный маленький трубадур! Она представила себе его личико с крепко сжатыми губами — там, под прозрачными изумрудными волнами бездонного моря. Воды были глубоки, как его взгляд, затуманенный мечтой.

— ...добрался, благодаря песне... — говорил свое Флоримон.

А она не знала, что кроется за этими ясными глазами. Ей уже недоступен был детский мир, в котором так причудливо смешиваются наивность и мудрость.

«Всем детям приходят в голову сумасшедшие замыслы, — думала Анжелика. — Беда в том, что мои дети эти замыслы осуществляют!..»

Но это было далеко не все. В этот вечер ей предстояло услышать еще много неожиданного.

Глава 4

Помолчав какое-то время, Флоримон поднял голову. На его подвижном лице выразились смущение и огорчение.

— Матушка, неужели король осудил моего отца? Я столько думал об этом, и это меня мучит; ведь король справедлив...

Мальчику тяжело было отказаться от своего кумира. Чтобы успокоить его, она сказала:

— Это злые завистники довели его до гибели, а король помиловал его.

— Вот как! Ну, тогда я рад. Потому что я люблю короля, но еще больше люблю своего отца. Когда он вернется? Ведь он вернется, раз король его помиловал? И снова получит свое звание, свое место?

Анжелика вздохнула с тяжелым сердцем.

— Это очень запутанная история, и разобраться в ней нелегко, мой бедный мальчик. Я сама до последнего времени верила, что твой отец умер, и теперь мне временами кажется, что я вижу сон. Но он не умер. Он убежал и добрался сюда, в этот дом, чтобы взять золото... Это бесспорно и, в то же время, невероятно... Ведь ворота Парижа охраняли, возле этого дома стояли стражи, как же он мог войти сюда?

Флоримон взглянул на нее с высокомерной улыбкой. Она поняла, что от этого удивительного мальчика можно услышать еще нечто невероятное и воскликнула:

— Ты знаешь, как?

— Да. — Он нагнулся и прошептал ей на ухо:

— Через подземный ход у колодца.

— Что ты говоришь?!

Флоримон вскочил с таинственным видом и схватил ее за руку:

— Идемте!

Они прошли коридором; мальчик взял ночник, горевший у входной двери, потом увлек мать в сад. Месяц был на ущербе, но все-таки можно было различить аллеи из подстриженных кустов, которые вели в глубину сада, к старой стене, где все оставалось, по приказанию Анжелики, в нетронутым виде, сохраняя поэзию средневекового вертограда. Колонна без отбитой верхушки, пестрый щит у самой скамейки, старый колодец, покрытый куполом из кованого железа, — все это напоминало о пышности пятнадцатого столетия, когда квартал Маре представлял собой один огромный замок со множеством дворов — резиденцию французских королей и принцев.

— Паскалу показал нам этот секрет, — объяснил Флоримон. — Он говорил, что наш отец распорядился привести в порядок старое подземелье, когда строил здесь свой дом. Он дорого заплатил трем рабочим, чтобы они хранили тайну. Паскалу был одним из них. Но нам он все показал, потому что мы сыновья графа де Пейрака. Смотрите сюда.

— Я ничего не вижу, — сказала Анжелика, нагнувшись над черным отверстием.

— Погодите.

Флоримон поставил лампу на дно большого деревянного ведра, окованного медью, и стал медленно опускать цепь, на которой оно висело. В свете лампы стали видны блестящие от сырости стенки колодца. Мальчик остановил ведро на полпути.

— Вот! Наклонившись, можно разглядеть в стенке деревянную дверцу. Если опустить ведро так, чтобы оно остановилось напротив, можно открыть дверцу и пробраться в подземный ход. Он очень глубокий и проходит под погребями соседних домов. Он идет вдоль крепостных стен со стороны Бастилии и раньше доходил до предместья Сент-Антуан, а там соединялся

со старинными катакомбами и прежним руслом Сены. Но так как там все уже застроили, то мой отец велел провести ход дальше, до Венсенского леса. Там есть выход через разрушенную часовню. Вот видите, как все ловко устроено. Мой отец был очень осмотрителен, правда?

— Но как же узнать, можно ли теперь пройти этим ходом?

— Еще как можно! Старый Паскалу содержал его в порядке. Дверной замок хорошо смазан и открывается при легком нажиме, а люк у часовни тоже прекрасно действует. Старый Паскалу говорил, что все должно быть в полном порядке на случай возвращения хозяина. Но он так пока и не вернулся, а сколько раз мы втроем, Паскалу, Кантор и я, ждали его в Венсенском лесу, прислушивались, надеялись услышать его шаги. Шаги Великого хромого из Лангедока...

Анжелика пристально вгляделась в лицо сына.

— Флоримон, ты что же, хочешь сказать, что вы с Кантором спускались в этот колодец?

— Ну, конечно! — небрежно ответил Флоримон. — И много раз, можете мне поверить.

Он потащил ведро вверх и вдруг рассмеялся:

— Барба ждала нас, перебирая четки, и дрожала, как курица, высидевшая утят.

— Эта большая дура все знала!

— Нам нужна была ее помощь, чтобы поднять на место ведро.

— Возмутительно! Как она позволяла вам вести себя так неосторожно и ничего не говорила мне?..

— Черта с два! Боялась, что мы ей опять подпалим пятки.

— Флоримон, ты понимаешь, что заслужил пару оплеух?..

Флоримон на это ничего не ответил. Он вернул ведро на прежнее место, а лампу поставил на край

колодца, вновь ставшего мрачным и таинственным. Анжелика провела рукой по лицу, пытаясь собраться с мыслями.

— Я чего-то не понимаю... Да. Как же он мог один, без помощи, выбраться из колодца?

— Это нетрудно. Для этого к стенкам колодца прикреплены железные скобы. Но Паскалу не хотел, чтобы мы ими пользовались, потому что мы еще были малы, а он уже слишком состарился. Потому нам и пришлось терпеть Барбу с ее нытьем, — чтобы она нас поднимала. А когда старый Паскалу собрался умирать, он попросил позвать меня. Я был тогда в Версале. Мы с аббатом вскочили на лошадей и примчались сюда. Матушка, грустно смотреть, как умирает добрый слуга. Я держал его руку до самого конца.

— Ты хорошо поступил, мой Флоримон.

— А он мне сказал: «Надо следить за колодцем, чтобы он был в порядке, когда приедет хозяин». Я обещал ему. Каждый раз, когда я возвращаюсь в Париж, я спускаюсь сюда и проверяю — все ли механизмы хорошо действуют.

— Ты это делаешь... один?

— Да. Хватит с меня Барбы. Я теперь уже достаточно вырос, чтобы справляться со всем сам.

— Ты спускаешься по этим железным скобам?

— Ну, конечно. Это очень просто, я же сказал. Так, вроде гимнастики.

— И аббат никогда не запрещал тебе это делать?

— Аббат ничего этого не знает. Он спит. Он ни о чем не догадывается, я уверен.

— Хорошо же смотрят за моими детьми, — с горечью проговорила Анжелика. — Значит, ты занимаешься этими опасными фокусами ночью? И тебе не было страшно, Флоримон, когда ты ночью один пробирался подземным ходом?

Мальчик покачал головой. Если ему и бывало страшно, он бы в этом не признался.

— Мой отец занимался рудниками, как мне рассказывали. Может быть, поэтому мне нравится быть под землей.

Он посмотрел на нее исподлобья, польщенный восхищением, которого она не могла скрыть. В свете луны черты детского лица обрисовались с неожиданной определенностью, и Анжелика узнала насмешливую складку губ, мелькавшие в черных глазах искры и характерную усмешку «с чертовщинкой» последнего из принцев Тулузы, который нередко забавлялся, смущая, пугая и приводя в недоумение робких горожан.

— Если хотите, матушка, я вас туда проведу.

Глава 5

В марсельскую гавань медленно входила королевская галера. В синем зеркале рейда отблесками пожара вспыхивали отражения ее развевающихся на ветру темно-алых шелковых флагов с золотыми кистями, сверкающих щитов с адмиральским гербом, прибитых к верхушкам мачт, и ярко-красного морского флага, вышитого золотыми лилиями.

Толпа, заполнявшая набережную, всколыхнулась от любопытства. К тому месту, куда должно было подойти это прекрасное судно, помчались, громко перекликаясь, торговки рыбой, фруктами и цветами, подхватившие свои корзины с инжиром и мимозами, дынями и гвоздиками, морскими ершами и устрицами. Туда же подходили и щеголи, прогуливавшиеся по берегу в сопровождении своих собачек, и рыбаки в красных колпаках, чинившие поблизости свои сети. Два грузчика, турки в широких шароварах (красных у одного и зеленых у другого), с взмокшими от пота спинами, отливавшими красным деревом, спустили наземь огромные тюки сухой рыбы, которые они тащили, уселись на них, вытащили из-за пояса длинные трубки и закурили. Прибытие в порт галеры означало для них передышку, потому что в это время замирала муравьиная суетня на берегу. Позволяли себе остановиться, отойти от весов, свободно вздохнуть и капитаны, следившие за погрузкой товаров на свои корабли, и дородные купцы, суетливо семенившие туда-сюда со своими приказчиками и подручными. Все спешили к галере, как на спектакль, и не столько полюбоваться крылатым ее изяществом и великолепием нарядных офицеров, сколько поглядеть на каторжан. Это было страшное зрелище, заставлявшее женщин в

ужасе креститься, но и оторвать их от него было невозможно.

***

Анжелика поднялась с лафета пушки, на котором просидела в ожидании несколько часов. За ней шел ее слуга Флипо с дорожным мешком в руках. Они замешались в толпу.

Наконец галера подлетела к берегу, гонимая мощными ударами двадцати четырех весел. Пока она поворачивалась, можно было полюбоваться длинным волнорезом на ее носу с острием, отделанным черным деревом и увенчанном огромной позолоченной деревянной сиреной; затем собравшиеся на набережной получили возможность разглядывать нарядную корму, отделанную щитами и статуями из дерева, украшенного позолотой, над которыми подымался полог из красно-золотой парчи. В этой огромной палатке, которую называли еще скинией, размещались офицеры.

Перед самой остановкой весла поднялись и застыли в воздухе.

На борту, возле позолоченной лестницы для схода с корабля остановилась группа офицеров в парадных мундирах. Один из них наклонился вперед и, сняв шляпу с большим плюмажем, стал делать знаки в направлении Анжелики. Она обернулась и, к своему облегчению, увидела, что из подъехавшей кареты выходят несколько изящных молодых дам. К ним-то и обращался офицер. Одна из этих дам, брюнетка с пикантным, хотя и чересчур усеянным мушками личиком, воскликнула восторженно:

— Ах, вот наш очаровательный Вивонн! Хотя он адмирал, и в Марселе у него больше власти, чем у Его величества короля, он остается по-прежнему милым и простым! Он нас заметил и любезно приветствует.

Узнав герцога де Вивонна, Анжелика тут же укрылась в толпе. Брат госпожи де Монтеспан уже

ступил своими высокими красными каблуками на скользкие камни набережной и подходил с протянутыми руками к экзальтированной брюнетке.

— Я счастлив видеть вас на этом берегу, прекрасная Ариана. И вас тоже, Кассандра. А кого это я вижу вон там? Неужели это наш любезный Калистро? Как приятно!

Адмирал обменивался любезностями со своими знакомыми в привычном стиле светской беседы, а зеваки вокруг смотрели на него, разинув рот. Герцог де Вивонн, действительно, выглядел великолепно в своей роли почти вице-короля. Загар прекрасно сочетался с голубыми глазами и пышными светлыми волосами. Герцог был высокого роста, так что некоторая полнота не портила его, он обыгрывал ее, как умелый актер, — она придавала ему внушительность. Он был веселого нрава, остроумен, охотно смеялся, в нем узнавались некоторые черты его блестящей сестры, любовницы короля.

— Мне просто случайно удалось сделать здесь небольшую передышку, — объяснял де Вивонн. — Через два дня я должен отправляться в Кандию. Повреждения, причиненные кораблю бурей, и болезнь части экипажа принудили меня зайти в Марсель. И раз вы здесь, я приглашаю вас всех к себе в гости. У нас есть два дня, чтобы попить.

Сухой треск, вроде пистолетного выстрела, заставил всех вздрогнуть. Это щелкнул плетью, побуждая толпу отойти, один из тех стражников, что стерегли каторжников.

— Пойдемте же отсюда, мои милочки, — ласково проговорил де Вивонн, опуская на плечи молодых женщин свои руки в перчатках из белой кожи. — Сейчас появятся каторжники. Я разрешил полусотне из них дойти до бухточки Рошер, до кладбища, и похоронить там одного из них — этот чудак не придумал ничего

лучше, как испустить дух, когда мы уже входили в гавань. Это нас и задержало. Мой помощник предложил — с моего одобрения — бросить труп в море, как это всегда делают, если галера находится среди волн. Но священник воспротивился, сказав, что не успеет прочитать все молитвы и выполнить обычные церемонии, и что нельзя с христианином обращаться, как с дохлой собакой; короче, что он хочет предать его земле по всем правилам. Я уступил, потому что мы были уже почти в гавани и потому что я знаю по опыту, что этого миссионера не переспорить. Раз он вбил себе что-то в голову, его не заставишь отступить ни силой, ни уговорами. Так идемте же! Я хочу прежде всего отвести вас к мороженщику Севоле: полакомимся у него фисташковым шербетом и попьем турецкого кофе.

Они ушли, а стражник у сходней продолжал щелкать плетью. Он был похож на служителя зверинца, из тех, что стоят у открытой дверцы клетки, выпуская хищников на арену цирка.

За позолоченной стенкой раздавались жуткие звуки, звон цепей, хриплые голоса.

Толпа зрителей зашевелилась, когда на лестнице появились первые каторжники. Они держали цепи, — кто на плече, кто в вытянутой руке, — чтобы их тяжесть не слишком мешала шаткой походке. Один за другим они ступали на доски сходней. Скованы они были по четверо. Лодыжки их, — там, где ногу охватывало металлическое кольцо, — были кое-как обернуты грязными тряпками, но большей частью эти тряпки были в крови.

И мужчины, и женщины крестились, когда каторжники проходили мимо. Те были босы, почесывались, шли, опустив глаза. От их одежды — шерстяной рубашки и штанов, с широким поясом, когда-то белым, — задубевшей от морской воды, — исходила ужасная вонь. Большинство были бородаты. Их

спутанные волосы вылезали из-под надвинутых по самые брови красных шерстяных шапок. У некоторых шапки были зеленого цвета. Это были осужденные бессрочно.

Первые прошли с безразличным видом. Следующие предоставили ожидаемую потеху. Они поглядывали на женщин загоревшимися глазами, отпускали грубые шутки, делали непристойные жесты. Один напустился почему-то на тихого горожанина, который спокойно стоял неподалеку, — но стоял свободно, не был закован! — выкрикивая:

— Тебе это забава?.. Ах ты, винная бочка, мало тебя раздуло...

Один из стражников размахнулся узловатой плетью и хлестнул по бледной коже, и так уже покрытой ранами и кровоподтеками. Женщины взвизгнули от жалости.

Затем появилась новая группа каторжников. Эти держали шапки в руке. Губы их шевелились, и можно было различить молитвенный напев. В толпе зрителей установилась торжественная тишина. По сходням спустились двое узников, держа тело, завернутое в парусину. За ними шел священник, и его черная сутана резко выделялась на фоне сборища в красных лохмотьях.

Анжелика жадно вглядывалась в него. Она не была уверена, что узнает его. Ведь она видела его десять лет назад и в таких обстоятельствах, которые тяжело было вспоминать.

Кучка этих несчастных уже удалялась, их цепи бряцали по мостовой. Анжелика взяла Флипо за рукав.

— Ты пойдешь за этим священником, отцом Антуаном. Его так зовут. Как только удастся подойти к нему, ты ему скажешь... Слушай меня внимательно. Ты ему скажешь: «Мадам Пейрак находится здесь, в

Марселе, и хочет встретиться с вами в гостинице «Золотой колос»».

Глава 6

— Войдите, святой отец, — пригласила Анжелика.

Священник замялся на пороге комнаты, где его ожидала знатная дама в скромно-дорогом наряде. Он явно стеснялся своих больших грубых башмаков и позеленевшей сутаны с обтрепанными рукавами, из которых торчали его изъеденные морской солью багровые руки.

— Простите, что принимаю вас здесь, у себя в комнате. Я приехала сюда тайком и не хотела бы, чтобы меня заметили и узнали, — сразу же объяснила молодая женщина.

Священник знаком показал, что понимает ее и что эти мелочи ему безразличны. Он уселся на табурет — по ее приглашению. Теперь Анжелика стала узнавать его. Так он сидел в тот вечер у догоревшего костра на месте казни, сгорбившись, словно заоченевший кузнечик, и только угольки его глаз вспыхивали, когда он поднимал веки. Анжелика села напротив него и спросила:

— Вы меня припоминаете?

— Вспоминаю. — Строгие черты отца Антуана тронула беглая улыбка. Он внимательно разглядывал сидевшую перед ним женщину, сравнивая ее с той метавшейся в отчаянии, потерявшей голову, почти безумной, которая кружила вокруг выгоревшего костра под порывами холодного зимнего ветра, изредка раздувавшего немногие не совсем погасшие угольки.

— Вы тогда ждали ребенка, — прибавил он тихонько. — Что с ним стало?

— Это был мальчик. Он появился на свет в ту же ночь. Он родился... и уже умер. Девяти лет.

Потрясенная воспоминанием о маленьком Канторе, она отвернулась к окну, проговорив про себя: «Его

взяло Средиземное море».

На улице темнело. Оттуда и со всех прилегавших переулков доносились оклики, песни, крики, разговоры турков, испанцев, греков, арабов, неаполитанцев, негров и англичан, толпившихся возле открывающихся притонов и кабаков. Где-то неподалеку зазвенела гитара, а потом мелодию продолжил голос, мужской, молодой, полный горячего чувства. Но за всеми этими звуками и шумами ощущалось присутствие моря и слышно было, как оно гудит непрерывно, словно огромный рой пчел, там внизу, у края города.

Отец Антуан смотрел на Анжелику и размышлял. Эта женщина в блеске неотразимой красоты, казалось, ничего не имела общего с той дрожавшей от ужаса и отчаяния бедняжкой, облик которой сохранился у него в памяти. Эта была уверена в себе, знала, что делается вокруг и что надо делать ей, могла даже быть опасной. В который уже раз он сталкивался с невероятным изменением людей под влиянием пережитого. Он никак не узнал бы в этой даме ту несчастную женщину и не счел бы возможным отождествить их, если бы не скорбное выражение, появившееся на лице дамы, когда она говорила о своем ребенке.

Теперь она вновь перевела взгляд на него, и маленький тюремный священник подобрался, скрестил руки на коленях, словно готовясь к борьбе. Он вдруг испугался предстоящего разговора. Ведь она заставит его все рассказать, а это значит взять на себя страшную ответственность.

— Святой отец, — заговорила Анжелика, — я так и не узнала, а теперь очень хотела бы знать, каковы были последние слова моего мужа на костре... На костре, — настойчиво подчеркнула она. — В последнюю минуту. Когда его уже привязали к столбу. Что он сказал тогда?

Священник поднял брови.

— Поздно вы захотели об этом узнать, сударыня. Теперь вам придется извинить слабость моей памяти. Я ничего не помню об этом. С тех пор прошло много лет, и мне довелось многих осужденных провожать в последний путь. Поверьте мне. Я не могу ничего вам сообщить.

— Ну, что ж! Зато я могу. Он ничего не сказал. Он ничего не сказал, потому что он был уже мертв. К столбу привязали мертвеца. Другого мертвеца. А моего мужа, живого, унесли подземным ходом, когда перед глазами толпы исполнялся несправедливый приговор. Король мне все это рассказал.

Она внимательно вглядывалась в лицо священника, ожидая увидеть удивление, протест. Но он оставался спокоен.

— Так значит, вы это знали? Вы это все время знали?

— Нет, не все время. Подмену совершили так ловко, что я тогда ничего не заподозрил... Ему надели на голову куколь. Только потом...

— Потом?.. Где? Когда? От кого вы узнали?

Тяжело дыша, с загоревшимися глазами, она продолжала шептать:

— Вы ведь его видели, не правда ли, вы его видели... уже после костра?

Он внимательно всматривался в нее. Теперь он ее узнал. Она не изменилась.

— Да, да, я его видел. Слушайте же. — И он начал рассказ.

Это произошло в Париже, в феврале 1661 года. Возможно, в ту самую морозную ночь, когда скончался «мучимый демонами» монах Бешер, с последним воплем: «Прости меня, Пейрак!..»

Отец Антуан молился в часовне. К нему подошел послушник и сказал, что какой-то бедняк настоятельно просит о встрече с ним. Этот бедняк сунул, однако, в руку послушника золотой, и тот не решился выставить

его за дверь. Отец Антуан вышел в приемную. Бедняк стоял там, опираясь на грубый костыль, и масляная лампа отбрасывала на побеленные стены его уродливую, почти бесформенную тень. На нем была приличная одежда, а на лице черная железная маска. Он снял маску, и отец Антуан упал на колени, моля небо спасти его от страшных видений, потому что перед ним был призрак, призрак того колдуна, которого сожгли — он сам ведь это видел — на Гревской площади.

Призрак насмешливо улыбнулся. Он пытался заговорить, но из его уст исходили только хриплые невнятные звуки. И вдруг он исчез. Не сразу отец Антуан догадался, что тот просто потерял сознание и лежит на полу у его ног. Тогда чувство милосердия побудило его преодолеть страх и нагнуться к несчастному. Это был, несомненно, живой человек, хотя и полумертвый. Предельно истощенный, худой, как скелет. Но на нем была тяжелая сумка, полная золотых монет и драгоценностей.

Много дней этот пришелец был при смерти. Отец Антуан ухаживал за ним, поделившись тайной с настоятелем монастыря.

— Он был в предельной степени истощения. Невозможно было понять, как истерзанное палачами тело оказалось способно на такие усилия. Хромая его нога была вся в страшных ранах — и ниже колена, и выше. С этими открытыми ранами он шагал, опираясь на костыль, без отдыха почти целый месяц. Такая сила воли делает честь роду человеческому! Да, сударыня!

Бедному тюремному священнику граф де Пейрак, когда-то столь могущественный, сказал: «Вы теперь мой единственный друг!»

О нем, об этом жалком священнике, граф вспомнил после того, как потратив последние силы, чтобы пробраться в свой дом в Ботрейи, почувствовал, что умирает от слабости. Прodelать такой путь и

погибнуть, когда успех близок! Он выбрался из дома через потаенную садовую калитку, от которой у него был ключ, вышел в город и протащился по Парижу до монастыря лазаристов, где успел вызвать отца Антуана.

Предстояло устроить его побег. Во Франции графу оставаться было невозможно. Отец Антуан должен был скоро отправиться в Марсель, сопровождая туда партию каторжников. Он получил новое назначение — теперь его служба милосердия была среди осужденных на галеры.

Тут Жоффрея де Пейрака осенила замечательная мысль: надо добраться до Марселя закованным среди каторжников. В Марселе он отыскал преданного ему мавра, по имени Куасси-Ба. Отец Антуан спрятал золото и драгоценности графа среди своих пожитков и вернул их ему по прибытии в Марсель. Вскоре граф и мавр покинули Марсель на рыбацкой лодке — это было потрясающее бегство.

— И с тех пор вы его больше не видели?

— Никогда больше не видел.

— И вы не имеете никакого представления о том, что стало, что могло стать с графом де Пейраком после бегства?

— Я ничего не знаю.

Она спрашивала его еще и глазами. И потом, робея, проговорила:

— Ведь несколько лет назад вы приезжали в Париж, чтобы осведомиться о моей судьбе?.. Кто послал вас?..

— Я вижу, вы знаете о том, что я виделся с адвокатом Дегре.

— Он сам мне рассказал об этом.

Она ждала, не спуская глаз с его лица, и так как он продолжал молчать, настойчиво повторила:

— Кто вас послал?

Священник вздохнул.

— Я действительно не знаю. Это случилось несколько лет назад. Я занимался тогда в Марселе устройством лазарета для каторжников. Ко мне пришел один арабский купец — это нередко случается в огромном портовом городе. Под большим секретом он сказал мне, что «желают знать», что стало с графиней де Пейрак. Меня просили поехать в столицу Франции. Нужные сведения могут быть получены от адвоката Дегре и еще от некоторых лиц, список которых был мне вручен. За свои услуги я получил кошелек со значительной суммой денег. Я принял его, думая о моих бедных каторжниках. Но я напрасно просил этого человека рассказать мне побольше о том, кто его послал. Он только показал мне золотое кольцо с топазом, которое было в числе драгоценностей графа де Пейрака, я его узнал. Я отправился в Париж выполнять это поручение.

Там я узнал, что графиня де Пейрак стала женой маркиза дю Плесси-Белльера, маршала, что она очень богата и хорошо принята при дворе.

— Вы, конечно, пришли в ужас, узнав о том, что я вышла замуж за другого, когда мой первый муж еще жив! Может быть ваша совесть служителя церкви теперь успокоится — ведь маршал убит при осаде Доля, и теперь я уже дважды вдова.

Отца Антуана эти горькие слова несколько не беспокоили. Он даже слегка улыбнулся, заметив, что знал в жизни немало весьма необычных ситуаций и должен признать, что Провидение вело Анжелику по весьма крутым тропам. Он глубоко сочувствовал ей.

— Итак, я вернулся в Марсель и, когда купец снова явился ко мне, сообщил ему все, что узнал. С тех пор я о нем больше не слышал. Вот все, что я могу сказать вам, сударыня. Больше я, действительно, ничего не знаю.

В сердце Анжелики сталкивались сожаление, раскаяние, отчаяние. «Он хотел все-таки узнать, что со

мною стало».

— А этот араб, что вы о нем знаете? Откуда он приехал? Вы помните, как его звали?..

Священник напрягал память, брови его поднялись от усилия.

— Я стараюсь вспомнить еще что-либо, но напрасно. Он назвался Мохаммедом Раки, но он не был арабским купцом. Я понял это по его наряду. Арабские купцы с Черного моря обычно одеваются как турки. Купцы из Берберии носят широкие шерстяные плащи, бурнусы. Этот купец, видимо, был то ли из Алжирского, то ли из Марокканского королевства. Больше мне ничего неизвестно, а этого, конечно, мало. Вот только я еще припоминаю, что он говорил мне об одном из своих дядей, — сейчас я вспомнил, что его звали Али Мехтуб. Мы говорили об одном пленнике из Берберии, которого я видел на галерах и которого этот дядя — человек очень богатый — выкупил из плена. Али Мехтуб вел большую торговлю жемчугом, губками и прочим добром в этом роде. Он жил в Кандии и, наверно, живет там и до сих пор. Может быть, он сумеет что-то сообщить о своем племяннике Мохаммеде Раки.

— В Кандии? — задумавшись, прошептала Анжелика.

***

Анжелика в сопровождении Флипо отправилась в гавань, надеясь отыскать судно, которое взяло бы ее в дальний путь к островам Средиземного моря. По дороге Анжелика вдруг замерла, протирая глаза — казалось, что ей нечто померещилось. В нескольких шагах от нее стоял маленький старичок в черном. Чернота его одежды особенно выделялась на фоне ярко-голубого неба. Он стоял у края набережной, глубоко задумавшись, не замечая ни задевавших его прохожих, ни ветра, шевелившего его седую бородку. Нельзя было усомниться, что это мэтр Савари собственной персоной,

с его заношенной ермолкой, черепаховыми очками, давно вышедшим из моды круглым воротником, полотняным зонтиком и бутылку в плетеной оправе, аккуратно поставленной у ног, — мэтр Савари, парижский аптекарь с улицы Бур-Тибур.

— Мэтр Савари! — окликнула его Анжелика. Он так вздрогнул от неожиданности, что чуть не упал в воду. Анжелику он узнал сразу, и в стеклах его очков засияло веселое удовлетворение.

— Так вы здесь, любопытствующая особа. Я так я думал, что встречу вас тут.

— Как же это? Ведь я попала сюда совсем случайно.

— Гм, гм! Случай всегда приводит людей, склонных к приключениям, в одни и те же места. Есть ли на земле другое место, откуда можно было бы пуститься в плавание навстречу самым неожиданным свершениям? Вы честолобивы, вам обязательно следовало оказаться в Марселе. Это у вас просто на лбу было написано. Чувствуете волшебный аромат, который носится в воздухе над этим берегом? Это запах счастливых путешествий.

Он восторженно взмахнул руками.

— Пряности! Ах, пряности! Чувствуете их запах? Эти волшебные приманки увлекли в дальние края самых смелых мореплавателей...

И он увлеченно и уверенно стал перечислять эти сокровища, загибая пальцы:

— Имбирь, корица, шафран, паприка, гвоздика, кориандр, кардамон, и самое главное, превыше всего, — перец! Перец! — повторил он с восторгом.

Она предоставила ему дальше предаваться упоительным мечтам о бесценной горечи и отвернулась в сторону Флипо, который подвел к ней словоохотливого молодца в красной матросской шапке; тот, воздевая руки к небу, сразу же напустился на нее.

— Это вам не жаль денег, лишь бы отправиться в Кандию? Несчастливая! Я думал, что это какая-то старая дева, которой нечего терять, кроме своих костей. Значит, у вас нет мужа, который заставил бы вас притихнуть? Или вы уж такая распутная, что хотите доживать свой век в гареме Великого турка?

— Я сказала, что хочу ехать в Кандию, а не в Константинополь.

— Так в Кандии-то турки, дурочка. Там полно евнухов, черных и белых, которые приезжают за свежим товаром для великого хозяина. И вам еще очень повезет, если вы доберетесь туда, не попав раньше в руки какому-нибудь разбойнику!

— Но вы отправляетесь в Кандию? На самом деле?

— Отправляться-то я отправляюсь, — пробурчал марселец, — да вот не знаю, доберусь ли туда.

— Послушать вас, получается, что берберы сторожат суда прямо у выхода из марсельского порта.

— Так они там и держатся, голубушка. Только на прошлой неделе турецкую галеру видели возле Иерских островов. Она там что-то высматривала. У нашего флота не хватает сил отгонять турецкие корабли. Можете не сомневаться, вас очень быстро возьмут на заметку, и все средиземноморские торговцы рабами, белые, черные и коричневые, христиане, турки и берберы, вступят в драку, чтобы перепродать вас за большие деньги какому-нибудь ожиревшему старому паше. Взгляните! — яростно жестикулируя, он указал на толстого турецкого купца, подходившего к берегу с целой свитой. — Вам что, очень понравится покорной куклой участвовать в таком карнавале?

Анжелика с любопытством взгляделась в эту группу людей. Для марсельцев зрелище было привычное, а для нее — внове. Огромные тюрбаны из оранжевой или зеленой кисеи покачивались разбухшими тыквами над темными лицами турок; их яркие атласные одежды,

туфли с загнутыми носами, вышитые жемчугом, широкие зонтики, которые держали над своими господами по два негритенка, — все это казалось скорее сценой из забавной комедии, чем опасным нашествием.

— У них вовсе не злой вид, да и одеты они хорошо. — Анжелике хотелось подразнить марсельца.

— Тьфу! Не все, что блестит, золото. Они же знают, что тут мы у себя, и те купцы, что приезжают в Марсель по делам, умеют притворяться и выглядеть прилично. Но стоит отплыть дальше замка Иф, там уж начинаются пиратские нападения... и нечего там ждать кроме пиратства. Нет, сударыня, не смотрите на меня такими глазами. Я к такому делу рук не приложу. Богородица мне этого не простит...

— А меня возьмете на свой корабль? — спросил Савари.

— Вы что, тоже хотите добраться до Кандии?

— До Кандии, а потом и дальше. Признаться, я еду в Персию. Но это пока тайна и разглашать ее не следует.

— Сколько вы мне заплатите за перевоз?

— Я, собственно, небогат. Могу предложить тридцать ливров. Но я владею тайной, которой нет цены.

— Ладно, ладно! Я уж вижу, что тут к чему. — Мельхиор Паннасов нахмурил свои лохматые брови. — Очень жаль, но ничего я для вас не могу сделать, ни для вас, сударыня, ни для вас, дед, — ваших денег не хватит и до Ниццы доехать...

— Тридцати ливров! — вскричал возмущенный старик.

— Учитывая весь риск, эти деньги просто жалкая мелочь... А вас, сударыня, я не возьму, потому что из-за вас за моим кораблем потянутся берберы, словно — прошу прощения, но вежливость тут не соблюсти, — морские ерши за падалью.

С важным видом приподняв шапку, Мельхиор Паннасов ушел к своему кораблю «Жольета»^[2], ожидавшему его у причала.

— Все они одинаковы, эти марсельцы! — гневно воскликнул Савари. — Жадные плуты! Никто не поступится своими доходами ради торжества науки!

— Я уже обращалась к разным капитанам небольших кораблей, и все напрасно, — призналась Анжелика. — Все сразу начинают говорить о гареме и рабстве. Можно подумать, что всякий, кто пускается в море, обязательно попадает в руки Великого турка.

— Да, либо тунисского бея, либо алжирского дея, либо марокканского султана, — любезно дополнил Савари. — Увы, надо признаться, что так оно и бывает, большей частью. Но без риска путешествовать нельзя!..

Молодая женщина вздохнула. С самого утра одно и то же: насмешливое удивление, пожимание плечами, такое же негодование, такие же раздраженные отказы: «Женщина, одна, без спутников! Отправиться в Кандию?! Да это же безумие!.. Тут сопровождать корабль для охраны потребуется всему королевскому флоту».

И Савари получил уже немало отказов, но по той причине, что у него недостает денег.

— Давайте объединимся, — сказала ему Анжелика. — Найдете корабль, и я оплачу ваш проезд вместе со своим.

Она дала ему адрес гостиницы, в которой остановилась, и на несколько минут присела отдохнуть на ствол новой пушки, следя взглядом за уходившим стариком. В порту было много этих артиллерийских орудий, видимо, привезенных туда и забытых каким-то поставщиком флота. Они казались более пригодными для отдыха, чем для стрельбы по вражеским кораблям. На этих пушках удобно посиживали кумушки из

Канебьеры, вязавшие в ожидании рыбаков, и торговки, раскладывавшие на пушках свои товары.

У Анжелики разболелись ноги. К тому же она перегрелась на солнце. С завистью смотрела она на женщин, чьи красивые греческие лица с коровьими глазами и насмешливо-чувственными ртами так удобно скрывались в тени огромных соломенных шляп. Величественным жестом они предлагали прохожим гвоздики и креветок, не жалея добрых слов для тех, кто откликнулся на их приглашения, и проклиная проходивших мимо.

— Купите у меня эту пикшу, — пристала одна из торговок к Анжелике. — Последняя осталась, а была целая корзина. Поглядите, блестит, словно новая монета.

— Мне до дома далеко и нести ее не в чем.

— В своем животе и унесете. Тяжесть невелика будет.

— Не сырой же ее есть?..

— Поджарьте на жаровне вон там, у капуцинов... Я вам добавлю еще веточку тимьяна, засуньте внутрь, пусть с ней поджаривается.

— У меня же тарелки нет.

— Ну и что? Подберите плоский камушек у воды.

— И вилки нет. — Вот уж привередница!.. А пальчики твои славные для чего?

Чтобы отделаться, Анжелика купила рыбу. Держа ее за кончик хвоста, Флипо пошел на угол, где три капуцина устроили кухню на открытом воздухе. В большом котле у них кипела уха, которую они черпаками раздавали беднякам. Рядом стояли две жаровни, и капуцины продавали морякам за несколько грошей право сготовить себе на них еду. Оттуда доносился аппетитный запах варева и жаренья; Анжелика почувствовала голод. Ее тревога отходила намного в сторону, когда она вот так приобщалась к

жизни марсельского порта. В этот час все жители города, включая самых взыскательных, спускались к морю подышать его редкостным воздухом.

Неподалеку от Анжелики из портшеза выбиралась очень нарядная дама, а за ней вылез маленький сынок, тут же с завистью заглядевшийся на уличных мальчишек, кувыркавшихся на кипах хлопка.

— Матушка, позвольте мне поиграть с ними, — умолял ребенок.

— Нет, Анастас, даже и не думай, — возмутилась дама. — Ведь это босоногие негодники, маленькие бездельники.

— Везет же им, — своенравно протянул мальчик.

Анжелика сочувственно взглянула на него и подумала о Флоримоне и Канторе. Нелегко ей было убедить Флоримона не следовать за ней. Она сумела, наконец, уговорить его, когда пообещала, что пробудет в отсутствии не более трех недель, а если повезет, только две. На то, чтобы доехать в почтовой карете до Лиона, затем спуститься по Роне, отыскать в Марселе тюремного священника и вернуться назад, не должно было потребоваться много времени, и Анжелика надеялась, что ей удастся вернуться в Париж, в свой дом, прежде, чем королевская полиция заметит ее отсутствие. «Здорово я вас обыграю, господин Дегре», — думала она. Не без тревожного волнения она пережила в памяти свое романтическое бегство. Флоримон сказал правду. Подземным ходом вполне можно было пройти. Средневековые своды, укрепленные рукой, набравшейся опыта в рудниках и шахтах, еще долго готовы были противостоять воздействию сырости. Флоримон проводил мать вплоть до заброшенной часовни в Венсенском лесу. Часовня уже обваливалась от ветхости, и мадам дю Плесси-Бгльер решила, что займется после возвращения Ремонтом. Теперь она, как старый Паскалу, думала, что

все должно быть в порядке к приезду хозяина. Но почему же он не возвращается, когда прошло уже столько лет?

Заря уже всходила над лесом, когда она не без волнения поцеловала на прощанье сына. Как он храбр и как умеет хранить тайны! Этим можно гордиться, и, прощаясь, она сказала ему, что гордится им. Она смотрела, как кудрявая голова медленно скрывается за трапом потайного входа. Флоримон подмигнул ей, прежде чем опустить затвор. Для него это было увлекательной игрой...

Из леса Анжелика, в сопровождении Флипо, который нес ее дорожный мешок, пешком добралась до ближайшей деревни, там наняла экипаж, который довез ее до Ножана, где она пересела в почтовую карету.

До своей цели — Марсея — она добралась. Теперь ей предстоял второй этап пути: в Кандию. Беседа со священником указала новый путь поисков, правда, трудный и ненадежный...

Получалось так, что следующим звеном цепи был арабский ювелир, чей племянник последним видел де Пейрака живым. Мало было разыскать в Кандии этого ювелира, надо было еще добиться, чтобы он помог встретиться с племянником... А согласится ли он на это? Но Анжелика убеждала себя, что ей повезло, что ее ждет успех, раз надо ехать в Кандию. Ведь она добилась покупки должности консула Франции именно на этом средиземноморском острове. Правда, она не знала, можно ли будет ей воспользоваться этим званием, раз она в настоящее время нарушила приказ короля. Поэтому, да и по ряду других причин она хотела как можно скорее уехать из Марсея, избегая встреч с людьми своего круга.

Флипо все не возвращался. Неужели нужно столько времени, чтобы поджарить рыбу? Она стала искать глазами своего юного слугу и скоро увидела, что с ним

разговаривает и, похоже, задает ему вопросы какой-то человек в коричневом рединготе. Флипо казался смущенным. Он перекидывал с ладони на ладонь поджаренную рыбу, от которой тянуло дымком, подпрыгивал и всячески показывал, что обжег себе руки. Но собеседник все не отпускал его. Наконец, покачивая недоверчиво головой, он отошел и затерялся в толпе. Флипо побежал в сторону, противоположную той, где ждала его Анжелика.

Немного позже он появился, пробираясь со всякими увертками и оглядками, чтобы избежать слезки. Анжелика поднялась и прошла в темный переулок, где Флипо укрылся за столбом.

— Что это значит? Кто это сейчас разговаривал с тобой?

— Не знаю... Я сперва не остерегся... Возьмите рыбу, госпожа маркиза. От нее большая часть осталась. А несколько кусков я обронил, перебрасывая ее из одной руки в другую.

— О чем он тебя спрашивал?

— Кто я такой? Откуда? У кого служу? Тут я ему сказал: «Не знаю». А он говорит: «Что ж, ты станешь меня уверять, что не знаешь, как зовут твою хозяйку?» По его манере спрашивать я догадался, что это полицейский. Ну, я и стал твердить: «Да нет, не знаю...» Тогда он заговорил построже: «Может быть, твоя хозяйка — маркиза дю Плесси-Белльер? Не так ли?.. А в какой гостинице она остановилась?..» Ну, и что мне было отвечать?

— Что же ты отвечал ему?

— Я назвал наудачу первое, что пришло в голову, гостиницу «Белая лошадь», — она в другом конце города.

— Идем скорее.

Торопливо пробираясь по поднимающимся вверх улочкам, Анжелика пыталась понять, в чем дело.

Полиция заинтересовалась ею? Почему же? Неужели Дегре успел уже обнаружить ее побег и послал своих подручных разыскивать ее?.. Вдруг ее осенило: наверно герцог де Вивонн заметил ее накануне в толпе, когда выходил из кареты. Он не сразу, возможно, припомнил, как зовут женщину, чье лицо показалось ему знакомым, а потом вспомнил и велел своим слугам разыскать ее. Из любопытства? Из любезности?.. Или из желания выслужиться перед королем?.. Как бы то ни было, с ним встречаться незачем, но не стоит так уж и беспокоиться. Герцог де Вивонн обычно участвовал в разных кампаниях далеко от двора и не мог следить за всеми подробностями развертывавшихся там интриг. Он помнил, вероятно, что мадам дю Плесси-Белльер считали будущей любовницей короля, вот и все. Она успокоилась. Несомненно, это именно так... Если только этого человека не прислал тюремный священник, единственный человек в Марселе, знавший, кто она. Может быть, он хотел еще что-то сообщить ей об Али Мехтубе или Мохаммеде Раки?.. Но тогда он послал бы своего знакомого прямо в гостиницу «Золотой колос». Ведь он знал, где она остановилась...

До гостиницы она добежала, задыхаясь, вся в поту.

— Что вы с собой делаете! Нельзя же так!.. — воскликнула хозяйка. — Ох, уж эти парижские дамы, только и бегают... Идите-ка сюда. Я вам приготовила замечательное рагу из баклажанов и помидоров с чуточкой чеснока и перца. Посмотрим, как оно вам понравится.

Туго набитый кошелек Анжелики внушал хозяйке гостиницы почти материнскую заботливость об одинокой молодой женщине и сочувственное уважение. То, что она держалась так скромно, и ее сопровождал лишь один мальчик-слуга, не могло обмануть опытную трактирщицу, сразу догадавшуюся, что перед ней знатная дама, привыкшая к множеству слуг, но

желающая остаться незамеченной. Ну и что?.. Известно, что творит любовь...

— Идите сюда, в укромный уголок у окна. Тут вам будет спокойно за маленьким столиком, а другие мои гости смогут лишь издали поглядывать на вас... Что вы будете пить? Подать вам слабенького розового вина из Вара?

Пышные формы Коринны едва вмещались в корсаж из красного сатинета, спускавшийся на ярко-зеленую юбку, перехваченную черным вышитым передником. Ее черные, как ночь, волосы, завитые и хорошо намащенные, скрывались под чепчиком, но несколько локонов спускались рядом с длинными коралловыми подвесками по обе стороны ее круглого лица, поразительно белого и чистого. Она поставила перед Анжеликой оловянный кубок и обливную глиняную кружку со свежайшей водой.

Анжелика подняла глаза и увидела на пороге залы отчаянно жестикулирующего Флипо. Когда Коринна отвернулась, он подскочил к Анжелике и шепнул:

— Он пришел сюда... Этот злой... мрачный... тот, что хуже всех.

Анжелика бросила взгляд в окно. По улице спокойным шагом подходил к гостинице, словно прогуливаясь от нечего делать, мэтр Франсуа Дегре в своем рединготе из шелка цвета спелых слив, держа в скрещенных за спиной руках трость с серебряным набалдашником.

Глава 7

Рефлекторным движением Анжелика оттолкнула стул, перемахнула ступени, отделявшие комнату, где она собиралась ужинать, от большой залы, молнией пронеслась через залу и выбежала на черную лестницу, приказав Флипо:

— Иди следом.

Трактирщица подняла руки к небу.

— Что случилось, мадам? А ваше рагу?

— Идите сюда, — негромко приказала Анжелика. — Скорее идите ко мне в комнату. Мне надо вам что-то сказать.

Ее взгляд и голос были настолько повелительны, что хозяйка поспешила за ней, отложив всякие расспросы. Анжелика втащила ее в комнату, крепко держа за руку, так что ногти впивались в пухлое запястье.

— Слушайте! Сейчас в гостиницу войдет человек в лиловом рединготе, в руках у него трость с серебряным набалдашником.

— Это не от него вам пришло сегодня письмо?

— Что такое?!

Коринна вытащила из-за корсажа записку на толстом листе бумаги.

— Это принес какой-то мальчик незадолго до вашего возвращения. Сказал, что ведено передать вам.

Анжелика выхватила у нее из рук записку и развернула. Там было несколько строк от отца Антуана. Он сообщал, что его посетил Дегре, бывший адвокат, с которым он имел честь встречаться в Париже в 1666 году, и что он не считал возможным скрыть от Дегре присутствие в Марселе мадам дю Плесси и сообщил ее адрес. Все же он считает нужным известить ее об этом.

Молодая женщина порвала запоздавшее послание.

— Эта записка мне уже не нужна. Слушайте меня внимательно, Коринна. Если этот человек заговорит с вами обо мне, — вы меня не знаете, никогда не видали. А как только он уйдет, приходите сюда и скажите мне. Вот, держите, это вам.

Она сунула в руку хозяйки гостиницы три золотых. Это произвело такое воздействие, что Коринна не нашла слов, только подмигнула понимающе и вышла, оглядываясь, с ухватками заговорщицы.

Анжелика нервно ходила взад и вперед по комнате, ломая руки. Флипо тревожно следил за ее движениями.

— Собери мои вещи, уложи и запри саквояж. Будь наготове.

Быстро же догнал ее Дегре. Все равно она не дастся ему в руки, не позволит, чтобы ее привели к королю узницей, в цепях. Оставалось только море.

Быстро стемнело и, как накануне, со всех сторон забренчали гитары и провансальские голоса, воспевающие любовь, зазвучали среди высоких домов в узких щелях переулков, спускавшихся к морскому берегу.

Анжелика сумела сбежать и от Дегре, и от короля. Море даст ей возможность совсем уйти от них. Наконец она остановилась и застыла в углу возле окна, вслушиваясь в то, что делалось в гостинице.

В дверь тихонько постучали.

— Так и сидите в темноте, — проговорила тихонько толстуха, проскользнув в комнату. В руках у нее было огниво, она быстро зажгла огонь и зашептала:

— Он там сидит. Уходить не собирается. Это очень вежливый человек, хорошо воспитанный, но только, как уж взглянет!.. Ох, я не из податливых, команд не слушаю. Я ему говорю: «Вы что думаете, я не знаю, кто у меня остановился? Да неужели я бы не запомнила такую даму, как вы описываете, если б она сюда попала?! С зелеными глазами, и с такими вот волосами,

и все такое... Да говорю же вам, что я и кончика носа такой дамы не видела...» Он то ли поверил мне, то ли притворился, что верит. Велел подать ужин. Очень его заинтересовал тот зал, где я накрыла для вас стол. Он вошел, побродил там, словно вынюхивал что-то своим длинным носом.

«Мои духи», — подумала Анжелика. Дегре различил, конечно, запах ее любимых духов, смеси вербены и розмарина, которую готовили специально для нее в перегонных ретортах лучшего парижского парфюмера в предместье Сент-Оноре. Этот аромат полевых цветов так шел к ее прелести чудесного растения. И Дегре вдыхал его когда-то, прижавшись к ее коже, к ее телу, которое она позволила ему однажды обнимать и целовать. Ах, эта проклятая жизнь принуждает уступать подобным господам!

— А глаза у него прямо дьявольские, — продолжала толстуха. — Вдруг углядел деньги, что вы мне дали; я их так и зажала в кулаке. «Ну и щедрые же у вас постояльцы, хозяйюшка...» Очень мне стало не по себе. Это ваш супруг, мадам?

— Да нет же.

Трактирщица покачала головой и начала было: «Понимаю, в чем...», но вдруг наострила уши.

— Это кто же сюда подымается? Своих постояльцев я всех знаю. Это чья-то другая походка. — Она чуть приоткрыла дверь и сразу же притянула ее назад. — Он в коридоре. И открывает двери всех комнат, одну за другой. Вот наглец! Ну, я ему покажу, этому проверяльщику, чего я стою!.. — она подбоченилась, но скоро задумалась:

— Так-то оно так. Повернуться может по-всякому. Я этих полицейских проныр знаю... Сначала, может, и удастся их переупрямить, а потом они все равно заставят плакать и вздыхать.

Анжелика схватила свой саквояж.

— Коринна, мне надо выйти отсюда... Надо, обязательно... Ничего дурного я не сделала.

Она протянула хозяйке кошелек, полный золотых монет. Та шепнула:

— Идите сюда, — вывела Анжелику на балкончик и отодвинула одну из железных решеток. — Прыгайте! Прыгайте! Да, прямо сюда, на соседскую крышу. Вниз не смотрите. Вот так. Теперь повернитесь влево, там увидите лесенку. Спуститесь во двор, постучите. Скажете Марио-сицилийцу, что я вас послала, чтобы он проводил вас к Сантилю-корсиканцу. Нет, это слишком близко. Пусть отведет вас к Хуанито, а от него в левантийский квартал... А я пока займу этого любознательного господина, чтобы вам хватило времени уйти.

Она добавила еще что-то по-провансальски, перекрестилась и вернулась в комнату.

Это бегство было похоже на игру в прятки. Анжелика и Флипо не успевали перевести дух, пробираясь разными ходами, то выныривая под открытое небо, то проваливаясь в колодцы, скрытые в садах, пробегали по римскому акведуку, затем обходили греческий храм, отмахиваясь от десятков цветных рубашек, сушившихся на веревках, протянутых поперек улиц, скользили по грудам очисток и арбузных корок, рыбьих костей и прочего мусора, оглушенные доносившимися со всех сторон криками, песнями, объяснениями, жалобами, болтовней на всех языках, которые можно было услышать еще разве возле Вавилонской башни. Наконец, едва дыша, они оказались под охраной какого-то испанца на окраине левантийского квартала. Он сказал, что они ушли очень далеко, достаточно далеко от гостиницы «Золотой колос». Или даме угодно идти еще дальше? Испанец и Сантиль-корсиканец с любопытством смотрели на нее.

Она вытерла лоб платком. На западе красный отблеск последних лучей зашедшего уже солнца смешивался с городскими огнями. За дверьми и деревянными ставнями кафе звучала странная монотонная музыка. Там нежились на мягких диванах арабские и турецкие купцы, посасывая кальян и глотая тот черный напиток, который пьют на берегах Босфора из маленьких серебряных чашечек. С тяжелыми запахами жаркого и чеснока смешивался непривычный аромат.

— Мне нужно попасть в адмиралтейство, к господину де Вивонну. Проводите меня туда, если можете, — сказала Анжелика.

Оба ее проводника затрясли своими черными кудрями и золотыми кольцами, свисавшими у них с правого уха. Квартал адмиралтейства представлялся им гораздо опаснее того дурно пахнущего лабиринта, через который они только что протащили Анжелику. Но она была щедра, и потому они не поскупились на подробные указания и пояснения, как туда добраться.

— Ты что-нибудь понял? — спросила она Флипо.

Мальчик отрицательно качнул головой. Ему было страшно. Он не знал законов этой пестрой марсельской толпы, но понимал, что за ножи тут хватались легко. А если нападут на его госпожу, как он сможет ее защитить?

А она сказала:

— Ничего не бойся.

Этот древний город, основанный фокейскими мореходами, не казался ей враждебным. Дегре не мог распоряжаться тут, как в центре Парижа.

Ночь уже наступила, но ясное ночное небо отбрасывало на город бледный свет, так что можно было различить попадавшиеся на пути обломки старины: колонну без верхушки, римскую арку,

развалины стен, среди которых тихо, как котята, играли полуголые мальчишки.

Наконец за поворотом они увидели красивое, ярко освещенное здание. К нему непрерывно подъезжали кареты и фиакры, из открытых окон звучали лютни и скрипки.

Анжелика остановилась в нерешительности, расправила складки своего платья, посмотрела, прилично ли выглядит. От кучки людей у дверей тут же отделился какой-то коренастый человек и направился прямо к ней, словно уже поджидал ее. Лица его нельзя было различить, так как свет падал сзади. Подойдя вплотную, он внимательно взгляделся в нее, потом снял шляпу.

— Мадам дю Плесси-Белльер, не правда ли? О, конечно, несомненно. Разрешите представиться: Карруле, марсельский судебный чиновник. Я нахожусь в дружбе с господином Ла Рейни, а он написал о вас, поручая мне облегчить ваше пребывание в нашем городе...

Анжелика спокойно смотрела на него. Бояться вроде нечего. Добродушное выражение словоохотливого деда, большая бородавка у носа. Ну, а голос уж прямо медом пропитан.

— Я успел повидать помощника господина Ла Рейни, лейтенанта Дегре, который приехал вчера утром. Он предположил, что вы можете пожелать встретиться с герцогом де Вивонном, который входит в число ваших друзей, как ему известно, и поручил мне встретить вас у его дома, чтобы никакое непредвиденное...

Анжелику охватил не страх, а гнев. Значит, Дегре напустил на нее всех полицейских этого города, включая самого господина Карруле, начальника уголовной полицейской службы Марсея, известного железной хваткой под бархатной перчаткой. Она резко прервала его:

— Я ничего не понимаю, что вы такое говорите?

— Гм... Видите ли, сударыня, мне вас очень точно описали...

К ним вплотную подъехала карета. Начальник марсельской полиции прижался к стене, Анжелика же бросилась буквально перед самыми мордами лошадей и, пока кучер натягивал вожжи, успела смешаться с гостями, толпившимися у входа в дом герцога. Лакеи с факелами в руках освещали лестницу, ведущую в вестибюль. Анжелика стала подниматься среди других гостей.

Флипо шел следом за ней с саквояжем в руке. Анжелика скользнула в полутемный уголок сбоку, как делают дамы, когда надо поправить подвязку, и прошептала на ухо своему маленькому слуге:

— Беги, спрячься где-нибудь. Укройся среди жителей, где хочешь, только чтобы тебя не заметили. А завтра утром будь в порту до отправления королевской эскадры. Выясни, когда и откуда она отплывает. Если тебя там не будет, я отправлюсь в путь одна. Вот тебе деньги.

Выйдя из укрытия, Анжелика тем же уверенным шагом стала подниматься по одной из мраморных лестниц, ведущих на верхние этажи. Там никого не было, все слуги толпились внизу, в гостиных и во дворах, у входов в дом.

Едва она вошла на первую площадку, как увидела внизу того самого полицейского, от которого только что избавилась. Любопытство было в ней сильнее боязни; перегнувшись через перила, она попыталась лучше его рассмотреть; сама она стояла в тени, так что он ее видеть не мог.

Господин Карруле был явно расстроен, он поймал какого-то слугу и засыпал его вопросами, тот отрицательно качал головой и, наконец, удалился, а вскоре появился герцог де Вивонн, хохотавший над

только что услышанной шуткой. Лейтенант полиции неловко поклонился ему. Адмирал королевского флота был очень важным человеком. Король относился к нему благосклонно, да и все знали, что его сестра — любовница короля. Сам же он был капризен и обидчив, так что с ним всегда приходилось держать ухо востро.

— Да что вы несете? — вскричал герцог своим оглушительным басом. — Мадам дю Плесси-Белльер среди моих гостей?.. Вы уж лучше поищите ее в постели короля... если верны последние версальские слухи...

Однако господин Карруле продолжал настаивать, что-то объяснять. Де Вивонну это надоело.

— Что за чепуху вы говорите!.. Она здесь и ее здесь нет... Вам померещилось, видно... Что вы забрали себе в голову?.. Велите-ка хорошенько прочистить себе желудок.

Полицейскому ничего не оставалось, как удалиться, повесив нос. Де Вивонн пожал плечами. К нему подошел кто-то из знакомых и, должно быть, осведомился, в чем дело, так как до Анжелики донесся раздраженный ответ адмирала:

— Этот остолоп вообразил, что я принимаю у себя прелестную Анжелику, новейшее увлечение короля.

— Мадам дю Плесси-Белльер?

— Вот именно! Боже меня сохрани от этой подлой интриганки!.. Чтобы я пустил ее в свой дом?! Моя сестра просто вне себя от обид, которые ей нанесла эта распутница... Она пишет мне отчаянные послания. Если эта зеленоглазая сирена добьется своего, Атенаис придется спустить флаг, и для всех Мортемаров настанет тяжелый час.

— Неужели эта красавица, о которой столько говорят, теперь в Марселе? Мне страшно хочется посмотреть на нее.

— Ну, и напрасно... Это жестокая кокетка, не жалеющая ничьей жизни. Поклонники, понапрасну

следовавшие за ней, кое-что знают о ее нраве. Она не из тех, кто теряет время в пустой болтовне и сплетнях, когда ставит перед собой цель. А цель ее — король... Ужасная интриганка, уверяю вас... Моя сестра в своем последнем письме...

Конца разговора не было слышно, потому что собеседники прошли в главную гостиную.

«Ну, дружок, ты мне дорого заплатишь за все это!» — подумала Анжелика, возмущенная разглагольствованиами де Вивонна на ее счет.

Она вошла в совсем темный коридор и, отыскав на ощупь какую-то дверь, осторожно повернула ручку. Перед ней была комната, едва освещенная отблесками факелов за окном. Там никого не было. Совершенно выбившаяся из сил Анжелика опустилась на узкий восточный диван, покрытый ковром. Зазвенел гонг — оказалось, что она наступила на какую-то медную пластинку на полу. Она тревожно прислушалась, потом отыскала подсвечник, зажгла свечу и внимательно огляделась. Это были, видимо, личные апартаменты — будуар, спальня и примыкавшая к ней туалетная комната — герцога де Вивонна. Апартаменты моряка, не жалеющего средств на изысканную жизнь на суше. Наряду с массой других вещей Анжелика увидела подозрные трубы, лоции, географические карты, парадные мундиры... Был там и шкаф, полный нарядных платьев и воздушных дезабилье. Анжелика выбрала пеньюар из белой китайской кисеи, украшенный вышивкой, и вошла в бассейн, заранее наполненный для господина или госпожи теплой водой с лавандой из Прованса. Она хорошо вымылась, вычесала щеткой пыль из своих волос, вздыхая от удовольствия, завернулась в невесомый пеньюар и по турецким ковровым дорожкам босиком прошла в будуар. Она еле держалась на ногах от усталости. Приглушенный шум из гостиных едва доносился сюда. Она вслушивалась

несколько мгновений, потом улеглась на диван. Будь что будет, пусть хоть все полицейские на свете гонятся за ней, а она выспится!

***

— Ой!

Этот визгливый вскрик разбудил Анжелику. Она приподняла голову, заслоняя рукой глаза, ослепленные неожиданным светом.

— Ой!

Возле самого ее изголовья стояла молодая брюнетка с лицом, усеянным мушками, воплощенное изумление и негодование. Резко повернувшись, она со всего размаху дала кому-то пощечину.

— Негодяй! Так вот какой сюрприз вы мне приготовили... Поздравляю!.. Очень удачно... Такого подлого оскорбления я никогда не забуду. Не смейте показываться мне на глаза, пока я жива!

Шурша юбками и щелкая веером, она выскочила из комнаты. Герцог де Вивонн держался за щеку и в растерянности переводил взгляд с двери на Анжелику и на слугу с двумя подсвечниками в руках.

Слуга первым пришел в себя. Он поставил подсвечники на каминную полку, поклонился своему господину и на всякий случай Анжелике, а затем выскользнул из комнаты, тихонько прикрыв за собою дверь.

— Господин де Вивонн, мне так досадно, — с виноватой улыбкой произнесла Анжелика.

Услышав ее голос, он понял, кажется, наконец, что перед ним не призрак, а живое существо.

— Так, значит, это правда... то, что твердил тот остолоп... Вы в Марселе... Вы у меня в доме... Но я и думать об этом не мог. Почему же вы не представились?..

— Я не хотела, чтобы меня узнали. Несколько раз меня чуть не арестовали.

Молодой человек провел рукой по лбу. Он подошел к шкафчику из черного дерева, распахнул дверцы и вынул графин с вином и стакан.

— Итак, по следам мадам дю Плесси-Белльер гонится вся полиция французского королевства!.. Вы кого-то убили?

— Нет! Хуже!.. Я отказалась лечь в постель короля. Брови придворного поползли вверх от удивления.

— Почему же?

— Из дружеских чувств к вашей милой сестре, мадам де Монтеспан.

Де Вивонн с графином в руке смотрел на нее, застыв от неожиданности. Потом он захохотал. Налив себе вина, он уселся рядом с Анжеликой.

— Вы, кажется, смеетесь надо мной?

— Чуть-чуть... Но меньше, чем вы полагаете.

Она все смотрела на него с застенчивой полуулыбкой. Ее еще тяжелые от сна веки медленно поднимались над зелеными глазами, а она вдруг зажмурилась, и тени длинных ресниц падали на атласные щеки.

— Я так устала... Я целые часы бродила по этому городу и заблудилась... А здесь я нашла себе приют. Простите меня. Должна признаться, я поступила неделикатно. Я искупалась в вашем бассейне и взяла этот пеньюар у вас в гардеробе. — Она прижала руку к пеньюару, надетому на голое тело. Под его пышной белизной просвечивали розоватые линии ее талии и бедер. Де Вивонн посмотрел на пеньюар, отвернулся и опрокинул себе в рот сразу весь стакан, а затем пробурчал:

— Чертовски скверная история! Король вас ищет, и меня обвинят в пособничестве вам.

— Господин де Вивонн, такой глупости я от вас не ожидала, — возмущенно возразила Анжелика. — Я была уверена, что вы больше заботитесь о судьбе своей

сестры... ведь и ваша отчасти зависит от этого... Вы что, действительно хотите, чтобы я оказалась в объятиях короля, а ваша сестра в немилости?

— Нет, конечно, нет, — бормотал бедняга де Вивонн, вдруг оказавшийся в положении, характерном для драм Корнеля. — Только не могу же я вызвать неудовольствие короля... Хорошо вам отказывать ему в своих чувствах... Но зачем вы приехали в Марсель?.. И почему ко мне?

Она легонько прикоснулась пальцами к его руке.

— Потому что я хочу отправиться в Кандию.

— Что?!

Он подскочил, словно его укусило какое-то насекомое.

— Ведь вы отплываете завтра? Возьмите меня с собой.

— Из огня да в полымя! Вы с ума, видно, сошли. В Кандию! Этого только недоставало!.. Да вы хоть знаете, где она находится?

— А вы знаете? Вам известно хотя бы, что мне принадлежит должность консула в Кандии? У меня там очень важные дела, и я нашла удобным именно сейчас поехать туда и заняться ими, тем более что за время моей поездки и чувства короля успеют охладеть. Разве это не прекрасная мысль?

— Да это же невозможно!.. Кандия!..

Он поднял глаза к небу, отказываясь определить меру ее безрассудства.

— Да, да, я знаю: гарем Великого турка, берберы, пираты и все такое... Но ведь я буду плыть в сопровождении эскадры королевского флота. Что мне сделается? Именно с вами я ничего не боюсь.

— Мадам, я всегда бесконечно уважал вас... — торжественно начал де Вивонн.

— Не слишком ли? — шепнула она с кокетливой улыбкой.

Эта реплика сбила молодого адмирала, и он нескоро сумел возобновить начатое рассуждение.

— Неважно... Гм!.. Как бы то ни было, я всегда считал вас толковой женщиной, с головой на плечах, а теперь я вижу, что у вас соображения не больше, чем у юных дурочек, которые говорят прежде, чем действовать, а действуют, не подумав предварительно.

— Вроде той хорошенькой брюнетки, которая только что убежала от нас. Я бы хотела объясниться с вашей прелестной любовницей. Она так рассердилась, что может всюду разболтать, что я здесь.

— Она не знает, как вас зовут.

— Она может описать меня, и те, кому этого не следовало бы знать, догадаются, что это я. Увезите меня в Кандию.

У герцога де Вивонна опять пересохло в горле. От взгляда Анжелики у него закружилась голова. И перед глазами встал туман. Он подошел к шкафчику налить себе второй стакан.

— Нет, ни в коем случае. Я человек разумный, расчетливый... Если я приму участие в вашем бегстве — а рано или поздно это станет известно, — я навлеку на себя гнев короля.

— А благодарность вашей сестры?

— Я безусловно окажусь в немилости.

— Вы недооцениваете возможности Атенаис, мой милый. Правда, вы ее знаете лучше, чем я. Она останется одна с королем, у которого к ней... большая склонность. Она уже умела увлечь его тысячью приемов, которые все еще воздействуют на него. Неужели вы думаете, что у нее не хватит сил и ловкости, чтобы воспользоваться возникающим преимуществом и решительно восстановить то, что я за последнее время, может быть, несколько нарушила, должна признаться?

Де Вивонн сидел, хмуря брови и пытаясь размышлять.

— Тьфу!..

Видно, перед ним пронеслось видение ослепительной Монтеспан и послышался отзвук ее насмешливого смеха и неповторимого голоса, потому что он успокоился.

— Ну, на нее рассчитывать можно. — Он несколько раз кивнул и повернулся к собеседнице, исподволь разглядывая ее.

— Но вы, мадам, вы...

Она видела, как с каждым беспокойным взглядом он все больше сознает, что перед ним, в его доме, находится та женщина, которая была одним из лучших украшений Версаля, которую так желал король. Словно не веря своим глазам, он разглядывал ее прелести, да, так оно и есть. Кожа ее была поразительного оттенка, такой золотистый тон у блондинок обычно не встречается. А глаза у нее, действительно, зеленые, их ясная зелень подчеркивается чернотой зрачков. Когда он встречал ее в Версале в роскошных придворных нарядах, она казалась ему великолепным кумиром, статуей несравненной красоты, при виде которой Монтеспан бледнела от ярости.

А сейчас в этом пеньюаре с мягкими складками она была совсем живой, до отчаяния живой, и женщиной, а не богиней. В первый раз в жизни он позволил себе подумать о короле в фамильярном тоне: «Бедняга! Если она и правда отказала ему...»

Молчание между ними росло, исполнялось тяжести. Анжелику это забавляло: приятно подержать одного из гордых Мортемаров в тревоге ожидания. Этим мало кто мог похвастаться. Пылкость нрава всех членов этого рода была хорошо известна. Их приходилось ненавидеть... или обожать. Таковы были они все, и даже самая старшая из них, аббатиса де Фонтевро,

прекрасная, как мадонна, в своих монашеских накидках и черных вуалях, которой очарован был король, которой восторгался весь двор, ничуть не утратила пылкости души, хотя и прочла по латыни сочинения всех отцов церкви и властно правила своим монастырем, увлекая покорных монахинь на путь достижения высших добродетелей. Де Вивонн походил на своих сестер, в нем было много их лучших качеств, как и худших недостатков. Он был капризен и непостоянен, то позволял себе грубости, то бывал изысканно учтив, то совершал глупости, то блистал талантом... Ему была свойственна некоторая притягательность, как и его сестре: Атенаис успела вызвать у Анжелики что-то вроде симпатии. И герцогу де Вивонну Анжелика оказывала слегка насмешливое предпочтение; среди прочих придворных, по-собачьи преданных Его величеству, он казался чуть достойнее.

Она взглянула на него с той таинственной улыбкой, которая совершенно сбивала его с толку, и подумала, что в общем ей нравятся эти Мортемары, такие загребущие, сумасшедшие и красивые. Она медленно подняла руку и подперла запрокинутую голову, бросив на молодого человека насмешливый взгляд.

— И что же я?

— Вы, мадам, непонятная женщина! Вы же только что признались, что стремились вытеснить мою сестру... А теперь вы решили удалиться, совсем уходите от борьбы и даже отдаете победу моей сестре... К чему вы стремитесь? Какие преимущества надеетесь получить, разыгрывая эту комедию?

— Никаких. Скорее, неприятности.

— Так почему?..

— Разве я не имею право на каприз, как всякая женщина?

— Разумеется. Но надо с оглядкой выбирать свои жертвы. Ваша игра с королем может завести вас

далеко.

Анжелика сделала гримаску.

— Ну, что вы хотите? Разве я виновата, что мне не нравятся такие мужчины, слишком суровые, легко раздражающиеся, не умеющие смеяться, которым недостает тонкости в интимных отношениях?

— О ком вы говорите?

— О короле.

— Как же вы позволяете себе судить о нем так... — Де Вивонн был искренне возмущен.

— Милый мой, когда речь идет об альковных делах, позвольте мне рассуждать как женщине, а не как подданной.

— Все прочие дамы, к счастью, не рассуждают, как вы.

— Если им так угодно, пусть себе подчиняются и скучают. Я все могу простить, кроме этого. Звания, милости почести — все это кажется мне слишком незначительной платой за такое рабство и принуждение. Охотно предоставляю то и другое Атенаис.

— Вы... Вы ужасны!

— Ну, что вы хотите от меня? Я так устроена, что предпочитаю веселых, энергичных, порывистых молодых людей... вроде вас, например. Таких галантных господ, которые находят время для женщин. Я держусь подальше от тех, кому вечно некогда, кто слепо стремится к своей цели. Мне нравятся те, кто умеет срывать цветы на ходу.

Герцог де Вивонн оторвал от нее взгляд и хмуро проворчал:

— Понимаю, в чем дело. У вас есть любовник, который ожидает вас в Кандии, какой-нибудь офицерик с красивыми усиками, который только и знает, что ласкать девиц.

— Как же вы ошибаетесь. Я никогда еще не была в Кандии, и никто меня там не ждет.

— Так почему же вы решили отправиться на этот пиратский остров?

— Я уже сказала вам. У меня там дела. И кроме того я решила, что это замечательный способ заставить короля позабыть обо мне.

— Он вас не забудет! Вы не из тех женщин, которых легко забывают. — Голос де Вивонна прерывался, горло его сжималось.

— Говорю вам, он меня забудет. С глаз долой, из сердца вон. Разве все вы, мужчины, не так устроены? Он с удовольствием вернется к своей Монтеспан, надежному и неистощимому источнику наслаждений, и порадуетя, что остался с ней навсегда, что все налажено. Он человек не сложный и не сентиментальный.

Де Вивонн не мог удержаться от возражения:

— Как вы, женщины, зло говорите друг о друге.

— Поверьте мне, король будет вам только благодарен, если узнает когда-нибудь о вашем участии, за то, что вы помогли ему избавиться от безысходного увлечения. Он избавляется от необходимости вести себя, как тиран, и бросить меня в темницу. А когда я вернусь, время пройдет. Он сам посмеется над тем, как гневался. Ну, а Атенаис сумеет подчеркнуть значение услуги, вами оказанной, то, что вы помогли скрыться нежелательной особе.

— А если король не забудет вас?

— Ну, что ж. Успеем еще подумать об этом. Может быть, я поразмыслю и признаю свою ошибку. Может быть, постоянство короля тронет меня. Я упаду в его объятия, стану его фавориткой и... вас я, конечно, не забуду. Понимаете ли, господин придворный, что, оказав мне помощь, вы обеспечиваете себе будущее, можете выиграть и там, и здесь.

Последнюю фразу она произнесла с чуть презрительной интонацией. Задетый за живое адмирал покраснел до корней волос и бросил надменно:

— Вы считаете меня приспешником, лакеем?

— Никогда так не думала.

— Не в этом дело, — продолжал он сурово. — Вы слишком легко забыли, сударыня, что я начальник эскадры, что королевский флот отплывает завтра с военной миссией и, следовательно, нас ждут опасности. Я должен охранять именем короля Франции порядок в этом средиземноморском кавардаке. И у меня есть строжайшие инструкции: не брать никаких пассажиров, ну, а о пассажирках вообще нечего говорить.

— Господин де Вивонн...

— Нет! — рявкнул адмирал. — Постарайтесь понять: в море я командую и знаю, что полагается делать. Переход через Средиземное море — это не прогулка. Я сознаю важность того, что мне поручено, и убежден, что сам король на моем месте говорил бы и поступал так же, как я.

— Вы убеждены?.. А я полагаю, напротив, что король не отказался бы от того, что я вам предлагаю.

Она говорила серьезно. Де Вивонн снова вспыхнул, потом побледнел, опять покраснел, кровь стучала у него в висках. С мучительным недоумением он смотрел на Анжелику, и в эту бесконечную минуту вся его жизнь, как ему казалось, сосредоточилась на едва заметном колыхании ее груди в кружевном декольте пеньюара.

Это было настолько невероятно! Мадам дю Плесси слыла надменной, не поддающейся никаким мольбам, да и сама признавала себя капризной. Его душа придворного никак не могла поверить, что ему предлагалось то, в чем отказывали королю.

Губы у него опять пересохли, он проглотил еще стакан вина и бережно закрыл шкафчик.

— Давайте объяснимся...

— Но... Мне казалось, и так все ясно между нами, — Анжелика с легкой усмешкой посмотрела ему прямо в глаза.

Очарованный, он упал на колени подле дивана. Его руки охватили ее стройную талию. Он склонил голову — в порыве преклонения и страсти одновременно — и припал губами к атласной коже, там, где раздваивались груди вдыхая волшебный аромат, таившийся там в тени, аромат Анжелики.

Она не отпрянула, лишь шевельнулась чуть заметно и прикрыла своими чудесными веками то, что вспыхнуло в ее взгляде.

Потом он ощутил, как она выгнулась, отдаваясь его ласкам. Его охватило безумие, отчаянное стремление овладеть этим душистым, упругим, крепким и в то же время хрупким, как фарфор, телом. Его губы жадно покрывали поцелуями ее кожу; привстав, он дотянулся до прелестной округлости плеча, потом до неожиданно теплой ямочки у шеи и чуть не потерял сознание от восторга.

Рука Анжелики потянулась к нему, прижала к себе его голову, а пальцы ее легли на его щеку, так что он должен был направить на нее взгляд.

Ее изумрудные глаза чуть потемнели, стали цвета морской воды, они прямо упирались в неподатливые синие мортемаровские глаза, на этот раз потерпевшие поражение. Де Вивонн едва успел подумать, что в жизни не встречал подобной женщины, не испытывал такого пронзительного наслаждения.

— Вы возьмете меня на Кандию? — спросила она.

— Я думаю... Я думаю, что не могу не взять, — хрипло проговорил адмирал.

Глава 8

Анжелике потребовалось все ее искусство, чтобы привязать к себе столь пресыщенного прожигателя жизни, который не мог удовлетвориться пассивным подчинением. Она то была спокойна, то смеялась, то вдруг — словно встревожившись и застеснявшись, — отталкивала его, от новых его попыток увертывалась, и ему приходилось умолять ее, униженно просить и, наконец, умирая от нетерпения, добиваться своего.

— Как мы себя ведем?.. Это же неблагоразумно.

— А с какой стати нам держаться благоразумно?

— Не знаю... Только... ведь вчера мы почти не были знакомы.

— Не правда. Я всегда восхищался вами, обожал вас молча.

— Ну, а я, должна признаться, считала вас просто забавным. Сегодня я вас увидела словно впервые. Вы гораздо... гораздо более способны внушать смятение, чем я раньше думала. Мне даже немножко страшно.

— Страшно?

— Мортемары так жестоки! О них столько рассказывают.

— Чепуха!.. Забудьте обо всех опасениях... Милая!..

— Нет... Ох, господин герцог, дайте же мне вздохнуть, прошу вас. Послушайте же. Я придерживаюсь того принципа, что некоторые вещи можно позволять только очень, очень давнему любовнику.

— Вы очаровательны! Но я сумею заставить вас пересмотреть свои принципы... Вы думаете, это мне не по силам?

— Может быть... Теперь я уже не знаю.

Они страстно перешептывались в полумраке — последняя свеча уже догорала, и Анжелика полностью отдалась страшной и сладкой игре, непритворно дрожа в крепких руках, гнувших ее и подчинявших. Свечка вспыхнула последний раз, и наступившая темнота обволокла Анжелику, делая ее добровольной участницей всего, что творилось под покровом этой тьмы. И Анжелика слепо и покорно соскользнула в пучину сладострастия, вечно новую и неожиданную для нее. Она забыла обо всем, от всего сердца предалась дерзкой и счастливой борьбе, и вздохи, жалобы, признания, вырывавшиеся у нее, были искренни и волнующи.

Держа ее в объятиях, он задремал. Анжелике отчаянно хотелось спать, она очень устала, и легкое головокружение словно погружало ее в глубину, но засыпать было нельзя. Скоро должно было взойти солнце. Она не хотела, чтобы, открыв глаза, он застал ее спящей. Она не верила мужским обещаниям, которые обычно забываются, когда желания утолены.

Она лежала с открытыми глазами, устремленными на синее небо в раме открытого окна, через которое доносился глухой рев моря, бившего в песчаный берег. Ее рука машинально провела по мускулистому телу спящего рядом мужчины, и на память пришли видения нерастраченной нежности, о которых она грезила когда-то, лежа возле Филиппа.

Рассветало. Небо приняло нежно-серый, чуть тронутый розовым тон, словно горлышко горлицы, потом побелело и незаметно перешло в светло-зеленый цвет с перламутровыми отблесками.

В дверь тихонько постучал слуга:

— Господин адмирал, уже время.

Де Вивонн поднял голову с постоянной готовностью военного человека, привыкшего к тревогам.

— Это ты, Джузеппе?

— Да, господин герцог. Прикажете войти и помочь вам одеться?

— Нет, я справлюсь сам. Вели только моему турку приготовить кофе.

И, подмигнув Анжелике, добавил:

— Пусть поставит две чашки и подаст пирожки.

Слуга ушел.

Анжелика ответила де Вивонну улыбкой и положила пальцы на щеку любовника, проговорив:

— Как ты красив!

Это обращение на «ты» чуть не привело адмирала в безумный восторг. Ведь она отказала в этом самому королю! Он подхватил на лету ее руку и поцеловал.

— И ты тоже красива. Я будто во сне!

В слабом утреннем свете, окутанная длинными волосами, она казалась совсем юной, чуть не ребенком. И пролепетала:

— Ты меня возьмешь в Кандию?

— Конечно! Неужели ты думаешь, я такой подлец, что не выполню свое обещание, когда ты так великолепно выполнила свои. Но надо поторопиться: мы отплываем через час. У тебя есть багаж? Куда послать за ним?

— Мой маленький лакей должен ждать меня у мола с моим саквояжем. А пока что я воспользуюсь твоим гардеробом, где есть, кажется, все, что может потребоваться даме. Это наряды твоей жены?

— Нет, — отвечал, помрачнев, де Вивонн. — Мы с ней живем отдельно и не виделись с тех пор, как в прошлом году эта гадюка пыталась отравить меня, чтобы освободить место для своего любовника.

— Да, припоминаю. Об этом тогда говорили при дворе. — Она безжалостно рассмеялась. — Ах ты, бедняжка. Какая неприятная история!

— Я после этого долго болел.

— Болезнь совсем не оставила следов, — любезно прибавила она и расправила морщинки на его щеке. — Значит, это платья твоих любовниц, и разнообразных и многочисленных, если верить слухам. Мне тут не на что пожаловаться. Я сумею отыскать все, что нужно.

Она снова рассмеялась. Аромат ее духов напомнил ему о ночных объятиях, и, когда Анжелика поднялась, он инстинктивно раскинул руки, чтобы схватить и прижать ее к сердцу.

— Нет, монсеньор. — Смеясь, она высвободилась из его рук. — Нам надо торопиться. Мы займемся этим попозже.

— Ах, вряд ли ты представляешь себе все неудобства галеры.

— Ба! Наверно будет немало возможностей поцеловаться то тут, то там. Разве в Средиземном море нет гаваней? Нет островов с прозрачными бухточками и берегами, покрытыми мягким песком?..

— Замолчи. Я совсем теряю голову, — он несколько раз вздохнул, потом натянул, насвистывая, шелковые чулки и штаны из голубого атласа. На пороге купальной комнаты он остановился. Она налила воды из медного кувшина в мраморную чашу и быстро обрызгала себя, прежде чем начать мыться.

— Дай мне хотя бы поглядеть на тебя, — умоляющим тоном проговорил адмирал. Она бросила через мокрое плечо снисходительный взгляд.

— Как ты еще молод!

— Ничуть не моложе тебя, я думаю. Я даже готов поверить, что старше тебя года на три-четыре. Если я точно припоминаю, я видел тебя впервые... да-да, я хорошо это помню, — когда король въезжал в Париж. Помню твою двадцатилетнюю свежесть и застенчивость. А мне было тогда двадцать четыре года, и я считал себя уже опытным человеком. Теперь я

только начинаю понимать, что ничего в сущности не знаю.

— Ну, а я состарилась быстрее тебя, — бодро заметила Анжелика. — Я уже очень старая... Мне сто лет!

Турок с лицом цвета восточных специй внес медное блюдо, на котором дымились две крошечные чашечки с напитком черного цвета. Анжелика узнала снадобье, которое ей пришлось пить вместе с персидским послом Бахтияр-беем; этим запахом был пропитан весь левантский квартал Марселя. Она едва пригубила напиток, его острый вкус был ей неприятен. Де Вивонн же выпил несколько чашечек, одну за другой, и спросил, готова ли она отправляться.

Анжелике вдруг стало страшно. А что если по спящему городу уже рыщут полицейские, посланные на ее розыски...

К счастью, дом адмирала стоял напротив здания арсенала. Чтобы выйти на набережную, надо было только пройти через дворы.

Галеры стояли в готовности на рейде. Белая с золотом шлюпка подходила к молу. Анжелика с нетерпением смотрела, как она приближается. Мостовая Марселя жгла ей ноги. В любую минуту откуда-нибудь мог появиться Дегре — и тогда напрасны все ее усилия, все надежды... Она огляделась вокруг, всматриваясь в причалы, бухты, гавань и в лежащий позади город, еще окутанный легкой утренней дымкой и казавшийся — в совокупности своих высоких домов, вплоть до церкви на холме, — чем-то вроде огромной раки, позолоченной и украшенной резьбой.

Де Вивонн разговаривал с офицерами, слуги сносили багаж в уже причалившую лодку.

— Кто идет?

Анжелика обернулась. Из-за торговых складов выскользнули два человека и нерешительно

направились к стоявшим на берегу. Молодая женщина облегченно вздохнула, узнав Флипо и Савари.

— Это мои спутники. Мой врач и мой лакей.

— Пусть садятся в лодку. И вы тоже, мадам.

Пришлось, однако, еще подождать в плясавшей на волнах лодке. Побежали за картами, которые надо было взять с собой, но забыли уложить.

А порт просыпался. Рыбаки, тащившие свернутые сети, спускались по лестницам гавани к своим лодкам. Из стоявших на якоре судов выходили на берег моряки, чтобы приготовить себе еду на кострах капуцинов, установивших уже котел и жаровню.

Появилась какая-то проститутка, гречанка или турчанка, и принялась плясать, откидывая покрывало, вздымая руки с медными кастаньетами. В такой час и в таком месте не годилось звать людей к удовольствиям... Может быть, она плясала, приветствуя нарождающийся день, после гнусной ночи где-то в глубине восточного квартала. Робкий и монотонный стук ее кастаньет так странно звучал на почти пустынной набережной.

Весла поднялись, и струйки воды побежали по ним вниз, потом снова опустились, и одним усилием гребцы бросили лодку вперед среди массы всякого мусора, плавающего на поверхности гавани. Очень быстро лодка вышла на сравнительно чистую воду, колеблемую морской зыбью, и перед сидевшими в ней предстала башня св. Иоанна, освещенная первыми лучами восходящего солнца.

Анжелика бросила последний взгляд назад. Марсель все уменьшался, отходя вдаль. Но ей показалось, что на молу появился мужской силуэт. Различить черты мужчины в таком отдалении было невозможно. Все же она решила, что это Дегре. Опоздал!

«Я вас победила, господин Дегре!» — подумала Анжелика, торжествуя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
КАНДИЯ

Глава 1

Анжелика задумчиво следила, как мелькают в волнах, поблескивая и словно играя с белыми гребнями пены, остающимися позади, украшения на обшивке кораблей. Подгоняемые попутным ветром, все шесть галер мчались вперед. Стройные суда с изящно изогнутыми продолговатыми корпусами и роскошно декорированными боками легко взлетали и опускались в темно-синих волнах. Весело вонзались в зыбь позолоченные деревянные фигурки над таранами, сверкая и ослепляя влажным блеском, выскакивали из воды и вновь погружались в нее искусные изображения трубивших в раковины тритонов, амуров в веночках из роз, пышногрудых сирен, которыми была щедро украшена корма каждой галеры. На мачтах развевались яркие ленты, вымпелы и пурпурные королевские знамена.

Занавеси были отодвинуты, так что в палатку свободно проходил морской воздух, насыщенный ароматами мирт и мимоз, доносившимися с близких еще берегов. Эта роскошная палатка (в шутку ее называли скинией), служившая офицерам корабля кают-компанией, была устроена герцогом де Вивонном на восточный лад — с коврами, низкими тахтами и подушками. Анжелика находила ее довольно удобной и предпочитала узкой, сырой и темноватой каюте, размещенной под мостиком. К тому же в палатке не слышно было ни назойливого дребезжания гонгов в руках надсмотрщиков, ни хриплых криков надзирателей за каторжниками-гребцами; удары волн о корпус судна заглушали эти неприятные звуки; тяжелые мягкие ткани, из которых была сделана палатка, поглощали их.

Можно было представить себе, что сидишь в уютной гостиной.

В нескольких шагах от Анжелики усердно оглядывал в подозрную трубу отдалявшийся берег помощник капитана де Миллеран, совсем еще молодой человек, почти безбородый, рослый и хорошо сложенный. Воспитанный дедом-адмиралом в поклонении королевскому флоту, юноша только что завершил свое образование и свято соблюдал все старинные морские обычаи; присутствие дамы на борту он считал нарушением их. Потому мрачное выражение не сходило с его лица. Не разжимая губ, он надменно проходил мимо и никогда не присоединялся к кружку офицеров, собиравшихся в определенные часы вокруг Анжелики. Другие члены адмиральского штаба такой строгости не проявляли и радовались возможности оживить долгое плавание.

Из палатки виднелись пурпурные скалы на фоне гор, поросших темно-зелеными невысокими кустами и сухими ароматными травами. Как ни великолепно было это сочетание красок, местность казалась безлюдной. Ни одной черепичной крыши, ни одной лодки в удобных бухточках, словно вырезанных из арбуза живописных прибрежных скал. Лишь вдали виднелись кое-где маленькие городки, окруженные защитными стенами.

В палатку вошел, улыбаясь, герцог де Вивонн в сопровождении негритенка, несшего конфетницу.

— Как вы себя чувствуете, моя милая? — Он поцеловал руку молодой женщины и сел рядом с ней. — Не хотите ли восточных сладостей? Миллеран, заметили что-нибудь?

— Нет, ваша светлость. Побережье опустело. Рыбаки бросили свои хижины, опасаясь берберов, которые так обнаглели, что забираются и сюда и захватывают людей в рабство. Жители прибрежных поселков ищут укрытия в городах.

— Скоро мы будем, кажется, возле Антиб. Если нам повезет, мы сможем воспользоваться сегодня вечером гостеприимством моего доброго друга, принца Монако.

— Да, ваша светлость, если только другой наш приятель — я имею в виду Рескатора — не помешает нашему переходу...

— Вы что-то заметили? — де Вивонн быстро встал и взял подозрную трубу из рук своего помощника.

— Нет, уверяю вас. Но это меня и удивляет, ведь мы его достаточно хорошо знаем.

В палатку вошли, один за другим, де Лаброссардьер, заместитель адмирала, и два других офицера, графы де Сен-Ронан и де Лаженест, а за ними и мэтр Савари. Пока они устраивались на подушках, слуга турок с помощью молодого раба стал готовить кофе.

— Вам нравится кофе, сударыня? — обратился к Анжелике де Лаброссардьер.

— Не знаю. Но мне придется привыкнуть к нему.

— Когда привыкнешь, без него уже невозможно обходиться.

— Кофе не дает дурным испарениям подниматься из желудка к голове, — сказал с ученым видом Савари. — Магометане любят этот напиток не столько из-за его полезных качеств, сколько благодаря легенде, что изобрел кофе архангел Гавриил, чтобы подкрепить храброго Магомета. И сам Пророк хвалился, что стоит ему выпить кофе, как он обретает столько сил, что может победить сорок мужчин и удовлетворить более сорока женщин.

— Так выпьем же кофе! — воскликнул де Вивонн, страстно взглянув на Анжелику.

Все эти молодые, полные сил мужчины смотрели на нее, не скрывая восхищения. Она и на самом деле была великолепна в светло-сиреневом платье, оттенявшем матовый цвет ее лица, которому морской воздух придал

особенную свежесть, и золотистую массу ее волос. Она улыбнулась, любезно принимая преклонение, выразившееся в их взорах.

— Помнится, я уже однажды пила кофе — с персидским посланцем, Бахтияр-беем.

Молодой раб разложил узорчатые салфеточки с золотой каймой. Турок разлил кофе по чашечкам из тонкого фарфора, а негритенок подал два серебряных ларчика, один с кусочками белого сахара, другой с орешками кардамона.

— Возьмите сахар, — советовал де Лаброссардьер.

— Бросьте в чашку немного кардамона, — наставлял де Сен-Ронан.

— Пейте очень медленно, но не ждите, пока совсем остынет.

— Кофе надо пить прямо с огня.

Все они пили маленькими глотками. Анжелика выполнила все указания и нашла, что кофе сам по себе ей не нравится, зато пахнет он чудесно.

— Наш переход начинается счастливо, — заметил с удовлетворением де Лаброссардьер: нам так повезло, что на борту у нас одна из королев Версаля, а к тому же мне стало известно, что Рескатор отправился в гости к своему сообщнику Мулею Исмаилу, султану Марокко. А в его отсутствие в Средиземном море будет спокойно.

— Кто же он, этот Рескатор, о котором вы все постоянно думаете? — спросила Анжелика.

— Один из тех нарушающих все законы разбойников, которых нам поручено преследовать и, если удастся, захватить, — отвечал, помрачнев, де Вивонн.

— Значит, это турецкий пират?

— Он пират, это несомненно. А вот турок ли он, этого я не знаю. Одни говорят, что он один из братьев султана Марокко, другие считают его французом, потому что он хорошо владеет нашим языком. Я скорее

склонен считать его испанцем. Но трудно сказать что-нибудь определенное об этом человеке, потому что он всегда ходит в маске. Так часто поступают ренегаты, которые даже нарочно уродуют свое лицо, чтобы их не узнали.

— Говорят еще, что он немой. Что ему вырвали язык и ноздри. Но кто это сделал? Тут средиземноморские сплетники расходятся между собой. Те, кто считают его мавром, мавром из Андалузии, думают, что он жертва испанской инквизиции. А те, кто называют его испанцем, обвиняют, наоборот, мавров. Во всяком случае, он красотой, очевидно, не отличается, так как никто не может похвастаться, что видел его без маски.

— Это не мешает ему пользоваться у дам определенным успехом, — заметил, смеясь, де Лаброссардьер. — В его гарем попали, кажется, несколько бесценных красавиц, которых он перебил на торгах у самого константинопольского султана. Совсем недавно старший из евнухов султана, знаете, этот красивый кавказец Шамиль-бей, ужасно сокрушался, что не смог перехватить у Рескатора очаровательную голубоглазую черкешенку, просто сокровище!..

— У нас уже слюнки текут, — откликнулся де Вивонн. — Но удобно ли рассказывать такое при даме?

— Я не слушаю, — отозвалась Анжелика. — Прошу вас, сударь, продолжайте свою повесть о Средиземном море.

Де Лаброссардьер объяснил, что слышал подробный рассказ судейского чиновника Альфреда ди Вакузо, итальянца, мальтийского рыцаря, с которым встретился в Марселе. Этот мальтийский рыцарь только что вернулся тогда из Кандии, куда сам отвозил рабов, и с живописной яркостью передавал еще свежие впечатления от того состязания на рынке, когда Рескатор бросал к ногам черкешенки мешки золотых монет, пока она не оказалась по колено в золоте.

— Да уж денег у него довольно! — воскликнул де Вивонн, охваченный гневом, так что лицо его налилось кровью до самого парика. — Недаром его зовут Рескатором. Вы знаете, что это значит, сударыня?

Анжелика отрицательно покачала головой.

— Так называют по-испански тех, кто распространяет незаконные деньги, фальшивомонетчиков. Раньше такие рескаторы встречались изредка, и эти мелкие умельцы никому не мешали и опасности не представляли. Теперь же остался только один такой, и зовут его Рескатор.

Он мрачно задумался. Молодой лейтенант де Миллеран, робкий и сентиментальный, теперь только решился вступить в разговор.

— Вы сказали, что изуродованный нос не мешает Рескатору нравиться женщинам, но ведь эти пираты приближают к себе купленных рабынь, нередко принуждая их силой, а следовательно, по числу их наложниц нельзя судить, мне кажется, об их привлекательности. Возьмем, например, алжирского ренегата Меццо-Морте, этого отъявленного негодяя, самого крупного торговца рабами во всем Средиземноморье. Кто хоть раз видел его, не скажет, что можно найти женщину, которая отдалась бы ему по любви или которой он бы чуточку приглянулся.

— Лейтенант, ваши слова вполне логичны, — возразил де Лаброссардьер, — и все-таки вы ошибаетесь, и даже вдвойне. Во-первых, Меццо-Морте, хотя он самый крупный работорговец в Средиземноморье, не держит у себя в гареме рабынь вообще, потому что предпочитает... мальчиков. Говорят, что в алжирском его дворце их больше полусотни. А с другой стороны, бесспорно, что Рескатора женщины любят, так все говорят. Он покупает их много, но оставляет у себя лишь тех, кто хочет быть с ним.

— А что он делает с прочими?

— Отпускает их на волю. Это его мания. Он освобождает, когда подвернется подходящий случай, всех рабов, женщин и мужчин. Не знаю, так ли это на самом деле, но так о нем рассказывают.

— Рассказывают!.. — буркнул с досадой и раздражением де Вивонн. — Да, эти рассказы правдивы. Он освобождает рабов, я сам был тому свидетелем.

— Может быть, он это делает, чтобы искупить свой грех ренегатства? — предположила Анжелика.

— Вполне возможно. Но главное — чтобы всех оскорбить. Чтобы всех ткнуть носом в ...! — рявкнул, уже не сдерживаясь, де Вивонн. — Чтобы посмеяться, поиздеваться над всеми. Помните, де Грамон, то сражение у мыса Пассеро? Вы были тогда в моей эскадре. Помните, что он захватил две наши галеры? Знаете, что он сделал с четырьмя сотнями каторжников, которые сидели там на веслах? Велел их всех расковать и высадил на берег в Венеции. Можете вообразить, как венецианцы обрадовались такому подарочку! У Франции с Венецией вышло из-за этого дипломатическое осложнение, и Его величество заметил мне, не без иронии, что если уж я позволяю захватывать свои галеры, то надо, по крайней мере, смотреть, кому они достанутся, пусть уж попадут в руки обычного работорговца.

— Ваши рассказы, действительно, увлекательны, — заметила Анжелика. — Сколько у вас, в Средиземноморье, интересных людей.

— Упаси вас Господь от встречи с ними вблизи! Они заслуживают самой страшной казни, все эти авантюристы и ренегаты, работорговцы и прочие мошенники, которые сговариваются с неверными, чтобы подорвать мощь французского короля или прорвать оплот мальтийских рыцарей. Вы еще услышите о маркизе д'Эскренвиле — это француз, и о датчанине Эрике Янсене, об алжирском адмирале Меццо-Морте,

которого я уже упоминал, об испанцах, братьях Сальвадор, да и о всяких других, менее значительных. Средиземное море полно этой нечисти. Но хватит говорить о них. Жара уже немного спала, и пора, я полагаю, обойти галеру и проверить, все ли в порядке.

Адмирал ушел, офицеры стали прощаться с пассажиркой и возвратились на свои посты.

Тогда только Анжелика заметила Флипо. Маленький слуга тяжело дышал, словно с трудом одолел несколько ступенек, ведущих на палубу. Он был бледен и смотрел на свою госпожу расширенными, полными отчаяния глазами.

— Что с тобой?

— Там, — едва пробормотал мальчик, — там, я видел...

— Что? Что ты видел? Где?.. — Она встряхнула мальчика за плечи.

Хотя она и была уверена, что видела Дегре на набережной, когда они отплывали, на мгновение ей показалось, что он появится сейчас, выскочив откуда-нибудь, как черт из шкатулки.

— Говори же!

— Я видел... Я видел... каторжников. Ах, госпожа маркиза... это так ужасно... не могу, не могу вам сказать... там... там... каторжники...

Заикаясь, он сорвался с места, побежал к борту, его стошнило.

Анжелика успокоилась. Просто бедняжка не привык к качке. Вид каторжников и запахи, исходившие от гребцов, усилили его недомогание. Она велела турку налить мальчику чашку кофе и сказала ему:

— Посиди здесь и отдохни. На воздухе тебе станет лучше.

— Ах, Боже мой, что я там видел... кровь стынет в жилах, — бормотал Флипо в отчаянии.

— Привыкнет, — проговорил вернувшийся уже герцог де Вивонн. — Через три дня он и бури не побоится. Сударыня, прошу вас осмотреть эту галеру, на которой вы безрассудно решились отправиться в путь.

Глава 2

Позолоченная решетка «скинии» и темно-красные парчевые занавеси отделяли рай от ада. Как только Анжелика вышла на палубу, ее обдало тошнотворным запахом от гребцов. Под ее ногами сгибались и разгибались в бесконечном монотонном ритме, от которого у нее закружилась голова, ряды каторжников в красных рубашках. Герцог де Вивонн подал ей руку, помогая спуститься по ступенькам, а потом побежал вперед.

Длинный деревянный настил шел вдоль судна. По обе его стороны располагались зловонные углубления со скамьями для гребцов. Там не было ни ярких красок, ни позолоты. Не было ничего, кроме скамей из грубых досок, к которым каторжники были прикованы по четверо. Молодой адмирал шел теперь медленно, изящно выгибая ноги с красивыми икрами, обтянутыми красными чулками с золотыми подвязками, осторожно ставя башмаки с высокими каблуками, обтянутыми алой кожей, на грязные доски настила. На нем был синий мундир с богатой вышивкой, широкими красными отворотами и белым поясом с золотой бахромой, жабо и манжетами из дорогих кружев, а широкую шляпу украшало столько перьев, что когда ветер колыхал их, казалось, будто целая стая птиц пускается в полет. Он останавливался тут и там, внимательно все оглядывая. Задержался он и около камбуза, т.е. углубления, в котором готовили пищу для гребцов. Оно находилось посередине галеры, ближе к бакборту. Там над небольшим очагом были подвешены два огромных котла, в которых варились жидкая похлебка и черные бобы на второе, обычная еда каторжников. Де Вивонн попробовал похлебку, нашел ее отвратительной и не

поленился объяснить Анжелике, какие усовершенствования он сделал в камбузе.

— Старое устройство весило сто пятьдесят квинталов и было очень неустойчивым, так что при сильном ударе волн содержимое котлов нередко расплескивалось и ошпаривало тех гребцов, которые помещались поблизости. Я приказал сделать все это полегче и поставить поглубже.

Анжелика одобрительно кивнула. Тошнотворный запах от гребцов, к которому теперь добавился еще и неаппетитный запах похлебки, начинал ослаблять ее устойчивость к морской качке. Но де Вивонн был так счастлив, что она находится рядом, и так гордился своим судном, что ему и в голову не приходило избавить ее от подробнейшего ознакомления со всем. Ей пришлось полюбоваться красотой и прочностью двух спасательных лодок: довольно вместительной фелуки и каика, который был поменьше; похвалить удачное расположение на широких краях обшивки по всей окружности судна маленьких пушек, заряжавшихся железными ядрами. Солдаты-пушкари помещались тут же, на досках обшивки, над головами гребцов, рядом со своими пушками. Места там было так мало, что они должны были целый день сидеть, скрючившись, либо стоять на корточках, не двигаясь, чтобы не нарушить равновесие судна. От скуки им оставалось только дразнить и оскорблять гребцов да переругиваться с надсмотрщиками и управителями. Поддерживать среди них дисциплину было нелегко.

Де Вивонн объяснил, что гребцы-галерники разделены на три партии, и каждой заведует особый управитель. Как правило, гребли одновременно две партии, а третья отдыхала. Гребцов набирали из уголовных преступников и из взятых в плен иностранцев.

— Гребец должен быть очень сильным; не у всякого вора и убийцы мускулы годятся для гребли. Осужденные, которых нам присылают из тюрем, мрут, как мухи. Вот почему нам приходится брать и турок, и мавров.

Анжелика вгляделась в группу гребцов с большими русыми бородами, у большинства на груди были деревянные крестики.

— Эти на турок не похожи, да и на груди у них не полумесяц.

— Они считаются турками по праву завоевания. Это русские, мы их покупаем у турок, потому что они прекрасно работают веслами.

— А вон те, чернобородые и носатые?

— Это грузины с Кавказа, их мы купили у мальтийских рыцарей. А вот там настоящие турки. Они сами нанялись к нам. Мы платим им, потому что они особенно сильны и направляют движение весел. Во время перехода они поддерживают порядок среди гребцов.

Перед глазами Анжелики сгибались спины в грубых красных рубашках. Потом люди откидывались назад, запрокинув бледные и обросшие лица с раскрытыми от напряжения ртами. Непереносимо было зловоние от потных тел и нечистот, но еще мучительнее было ощущать на себе волчьи взгляды каторжников, жадно впивавшиеся в женщину, проходившую над их головами в сиянии солнца, словно видение.

Ее светлый наряд играл и мерцал, перья на огромной шляпе шевелились, вздымаемые бризом. Внезапный порыв ветра приподнял ее юбку, и тяжелый вышитый край ее ударил прямо по лицу каторжника, прикованного у самых мостков. Он резко дернул головой и вцепился зубами в ткань. Анжелика в ужасе вскрикнула, пытаясь освободить юбку, каторжники разразились диким хохотом.

Надсмотрщик с хлыстом подбежал и обрушил целый град ударов на голову несчастного. Но тот не выпускал добычу. Из-под шапки косматых волос блеснул жадный и яростный взгляд черных глаз, с таким напряженным призывом впившихся в Анжелику, что она остановилась, потрясенная. Ее охватила дрожь, кровь отлила от лица. Этот жадный и насмешливый волчий взгляд был ей знаком.

Еще два надсмотрщика спрыгнули вниз, набросились на каторжника, молотя его по лицу дубинками, разбили ему зубы и, наконец, отбросили его, залитого кровью, на скамью, к которой он был прикован.

— Прошу прощения, ваша светлость! Прошу прощения, мадам! — повторял управитель, ответственный за эту партию гребцов. — Это самый худший, упрямец, зачинщик. У него всегда что-то на уме.

Герцог де Вивонн был взбешен.

— Привяжите его к бушприту на час. Искушается в море, так станет поспокойнее. — Он обнял за талию молодую женщину. — Пойдемте, дорогая. Мне очень жаль, что так получилось.

— Ничего, — она уже овладела собой. — Он меня напугал. Но это прошло.

Они уже были довольно далеко от Гребцов, когда оттуда донесся хриплый крик:

— Маркиза Ангелов!

— Что он сказал? — спросил герцог.

Анжелика обернулась, смертельно побледнев. За край мостков цеплялась пара закованных рук, словно страшные когти, готовые ухватить ее. А в ужасном, изуродованном, распухшем, окровавленном лице она вдруг различила черные глаза, выступившие из далекого прошлого: «Никола»!

Адмирал де Вивонн подвел ее к палатке.

— Мне бы следовало остеречься этих псов. С мостков галеры хорошего не увидишь. Это зрелище не для дам. Но вот моим приятельницам оно нравится. Я не думал, что ты окажешься такой чувствительной.

— Ничего, — с трудом повторила Анжелика. Ей было дурно. Совсем, как недавно Флипо. С ужасом бывшая девчонка из Двора Чудес узнала Никола Каламбредена, знаменитого бандита с Нового моста, которого считали погибшим в схватке на Сен-Жерменской ярмарке, тогда как он уже почти десять лет искупал свои грехи на королевских галерах.

— Дорогая моя, милая моя, что с вами? Откуда эта печаль?

Герцог де Вивонн подошел совсем близко, воспользовавшись тем, что никого не было. Она стояла на корме, вглядываясь в темноту, спускавшуюся на море, и казалась такой далекой, что он невольно оробел. Она обернулась к нему и ухватилась за его крепкие плечи, шепнув:

— Поцелуй меня.

Ей нужно было прикоснуться к здоровому, сильному мужчине, чтобы прогнать уже несколько часов терзавшее ее чувство отчаяния и беспомощности. Назойливые удары гонга, отмерявшие ритм гребли, падали тяжелыми каплями ей на сердце, порождая отзвук отчаяния, неизбежного рока.

— Поцелуй меня.

Он приблизил к ее губам свои, и она страстно отдалась поцелую, чтобы забыть, оттолкнуть страшные мысли. Он целовал ее вновь и вновь, охваченный страстью, закипевшей в его крови. Рука его скользнула от ее талии вверх, и он с новым восторгом ощутил совершенство ее груди, которым еще не успел насладиться вволю. Она прижалась к нему.

— Нет... дорогая, понимаешь, — он с трудом заставлял себя говорить, — сегодня вечером нельзя. Мы

все должны быть настороже. Море опасно.

Она не настаивала, опустив голову и задев при этом эполет с золотым шитьем, оцарапавший ей лоб. Эта легкая боль помогла ей овладеть собой.

— Море опасно? Разве собирается буря?

— Нет... Но тут кругом пираты. Пока мы не минуем Мальту, надо все время быть настороже. — Он разжал объятия. — Не знаю, что со мной делается, когда я с тобой. Ты меня... ты меня так волнуешь. Ты так переменчива, таинственна, неожиданна. То ты сияешь, и мы тут все себя чувствуем послушными барашками, покорными твоим взорам и улыбкам. А сейчас ты мне кажешься слабой, словно тебе грозит какая-то опасность, от которой я готов защищать тебя. Такого я еще никогда не переживал, понимаешь... Может быть, только рядом с малыми детьми. Женщины ведь так своенравны!

Осторожно высвободившись, он отошел и нагнулся над бортом. Пена вздымавшихся волн долетала до его лица, попадала на губы, еще горевшие от поцелуев Анжелики. Он ощущал их, их сладость, их прелесть. Ему страшно хотелось вновь прижаться к ее губам, сначала сжатым, потом медленно, словно неохотно приоткрывающимся и вдруг раздвигающимся перед сдвинутыми в улыбке блестящими белыми зубами, поддразнивающими его нетерпение. От этого чарующего сопротивления еще отраднее была ее минутная покорность, запрокинутое назад прекрасное лицо с закрытыми глазами и приблизившиеся, наконец, в ласке губы.

Женщина, умеющая так целоваться!.. Женщина, смеющаяся и плачущая от всего сердца, без притворства. Она была чувствительна, ранима, — ну, и пусть. Это ему не мешало. Но он никак не мог позабыть, что она одержала верх над непобедимой Атенаис в жестокой и безжалостной борьбе соперниц, борьбе не

на жизнь, а на смерть. Он не понимал ее и терял от этого голову. Надо было как-то испытать ее и он тихонько сказал:

— Я знаю, почему ты грустишь. С тех пор, как я снова встретился с тобой, я со страхом жду, что ты заговоришь об этом. Ведь ты думаешь о своем сыне, не так ли, о мальчике, которого ты мне доверила и который пропал, утонул в бою...

Анжелика охватила лицо руками и глухо проговорила:

— Да, это так. Мне горько смотреть на это море, такое красивое, поглотившее мое дитя.

— И этим несчастьем мы обязаны проклятому Рескатору. Мы обходили мыс Пассеро, когда он налетел на нас, как морской орел. Никто не заметил его приближения; в тот день волнение было сильным, и он шел только на нижних парусах, вот почему его долго не видели. А когда увидели, было уже поздно: первый его залп из двенадцати пушек потопил две наши галеры, и тут же Рескатор послал своих разбойников на abordаж «Фламандки», того судна, на котором находились все мои люди, а среди них и маленький Кантор... Может быть, он поддался панике от воплей гребцов, пытавшихся порвать свои цепи, или при виде мавров с огромными ятаганами... Мой оруженосец Жан Галле слышал, как мальчик закричал: «Отец, отец!». Один из солдат взял его на руки...

— А потом?

— Галера разломилась пополам и со страшной быстротой стала погружаться в волны. Даже мавры, поднявшиеся на abordаж, упали в море. Пираты стали вылавливать их, а мы спасали своих, цеплявшихся за обломки. Но почти все мои люди погибли: и священник, и певчие из моей капеллы, и четверо слуг... и этот милый мальчик с соловьиным голосом.

***

Пробившийся в щель между занавесами луч луны осветил Анжелику, на щеках ее сверкали слезы. Де Вивонн, охваченный страстью, подумал, как она хороша в слезах, она, так властно распоряжающаяся мужскими сердцами. Что у нее за тайна? Смутно вспоминалась какая-то давняя скандальная история, что-то о колдуне, которого сожгли на Гревской площади.

— А кто был его отец? Тот, кого звал твой сын? — спросил он вдруг.

— Человек, давно уже пропавший.

— Умерший?

— Конечно.

— Странно, что перед смертью люди догадываются, что наступил их последний час. Даже ребенок понимает, что смерть близка. — Он глубоко вздохнул. — Этот маленький паж мне нравился... Ты не слишком сердись на меня из-за него?

Анжелика безнадежно махнула рукой.

— Что же мне сердиться на вас, господин де Вивонн? Это ведь не ваша вина. Виновата война, виновата жизнь... Жестокая и нелепая!

Глава 3

Перед выходом французской эскадры из Специи, где ее гостеприимно принимал родственник герцога Савойского, меры предосторожности были усилены. Капризный и вздорный адмирал де Вивонн умел, как убедилась Анжелика, действовать разумно и предусмотрительно, не упуская ничего в командовании своей эскадрой. Вторая галера уже выходила в море, он наблюдал за ней из «скинии» на «Ла-Рояли».

— Лаброссардьер, прикажите ей немедленно вернуться!

— Но, ваша светлость, это произведет дурное впечатление на итальянцев; они восхищались красотой наших маневров.

— Плевать мне на то, что подумают эти макаронники. Я вижу — а вы этого, кажется, не замечаете, — что у «Дофины» слишком перегружен бакборт и вообще груз уложен чересчур высоко. Ручаюсь, что трюмы у нее пусты. Достаточно небольшого шквала, и она перевернется...

Помощник объяснил, что на мостике уложены запасы еды. Если перенести их в трюм, они могут испортиться от сырости, в особенности мука.

— Пусть лучше мука промокнет, только бы галера не перевернулась. А у нас случилось такое, и совсем недавно, в Марсельском порту.

Лаброссардьер передал приказание. В море стала выходить следующая галера, «Лилия».

— Лаброссардьер, прикажите середке^[3] сильнее грести.

— Это невозможно, адмирал. Ведь там сидят мавры, которых мы захватили в плен на том небольшом судне с грузом серебра.

— Опять эти сообщники Рескатора, от которых столько хлопот! Да еще дурные головы. Передайте, чтобы надсмотрщики удвоили порцию плетей и посадили их на кислый хлеб и несвежую воду.

— Это уже сделано, ваша светлость, и врач говорит, что некоторые так ослабели, что их придется снять с корабля.

— Пусть врач занимается своими делами. Людей Рескатора я ни за что не сниму с корабля, и вы прекрасно знаете, почему.

Лаброссардьер был вполне согласен с адмиралом. Стоило людям Рескатора оказаться на суше, путь и совсем умирающими, как они сразу исчезали, словно по какому-то волшебству. Видимо, находились сообщники, — конечно, потому что их господин давал огромные награды тем, кто помогал его людям освободиться. Они все были первоклассные моряки, но в плену оказывали сопротивление, как никто другой из пленных.

— ...Вот теперь войдем в пролив, — распорядился де Вивонн, когда все шесть галер вышли, наконец, из порта.

Анжелика осведомилась, как это понять. Оказалось, что это означало выйти в открытое море.

— Наконец-то! Мы плывем уже десять дней, и я решила было, что галеры только и могут, что держаться вдоль берегов.

— Поднять парус на главной мачте! — приказал адмирал. Это распоряжение передали с одной галеры на другую.

Матросы забегали у снастей, поднимая реи со свернутыми парусами; развернутые паруса быстро вздувались на ветру.

Анжелика впервые оказалась в открытом море. Побережье Тосканы уже исчезло вдаль, и со всех сторон ее окружало только море. Лишь около полудня боцман закричал: «Земля!»

— Это остров Горгондзола, — объяснил герцог де Вивонн Анжелике. — Надо проверить, не прячутся ли там пираты.

Французская эскадра выстроилась полукругом и подошла к небольшому пустынному скалистому острову, пересекаемому цепями холмов, резко выделяющимися на темно-синем небе.

Никаких следов морских разбойников не было заметно, да и вообще не было ничего, кроме нескольких рыбацких лодок, трех генуэзских и двух тосканских, ставивших сети для ловли тунца. Сам остров был почти гол, лишь кое-где топорщился жалкий кустарник, объедаемый несколькими козами. Де Вивонн хотел купить этих коз, но старшина рыбаков отказался продать их, заявив, что они тогда останутся без молока и сыра.

— Вели им принести нам хотя бы пресной воды, — приказал де Вивонн одному из офицеров, говорившему по-итальянски.

— Они говорят, что у них нет пресной воды.

— Тогда ловите коз.

Матросы полезли на скалы, стреляя в коз из пистолетов. Де Вивонн пытался договориться со старшиной рыбаков, но тот отказался от денег. У адмирала возникли подозрения, и он приказал вывернуть карманы старшины. Оттуда выпали золотые и серебряные монеты. В ярости де Вивонн велел бросить рыбака в море. Тот выплыл и добрался до своей лодки.

— Пусть они скажут, откуда у них эти деньги, тогда мы дадим за их коз несколько сыров и бутылей вина. Мы не воры. Переведите им это.

На лицах рыбаков нельзя было прочесть ни удивления, ни протеста. Они казались Анжелике старыми продымленными деревянными статуями, таинственными, как Черная Дева, которую она видела в

маленьком святилище Богоматери Хранительницы в Марселе.

— Готов поклясться, эти рыбаки только притворяются, что ловят тунца; на самом деле они стоят у острова, чтобы сообщить врагу о нашем прибытии, а он уж сообразит, каков курс нашей эскадры.

— А вид у них совсем безобидный...

— Знаю я их, знаю я их, — твердил де Вивонн, грозя рыбакам, сохранявшим бесстрастное выражение лица. — Это сигнальщики, они на службе у пиратов и бандитов. Эти золотые и серебряные монеты свидетельствуют, что они помогают Рескатору.

— Вам повсюду мерещатся враги, — заметила Анжелика.

— А я и должен обнаруживать их всюду, ведь это моя служба — ловить пиратов.

Подошел де Лаброссардьер, указывая на заход солнца — не для того чтобы полюбоваться этой картиной, а потому что пурпурное небо, по которому скользили длинные темно-лиловые облака с золотыми краями, казалось ему не предвещавшим ничего доброго.

— Через два дня может задуть сильный ветер с юга. Поплывем ближе к земле, так будет безопаснее.

— Ни за что! — отвечал де Вивонн.

Это побережье принадлежало герцогу Тосканскому, который, хоть и клялся французам в дружбе, давал у себя в Ливорно приют и голландцам и англичанам, как торговым судам, так и военным, и берберийским тоже. В Ливорно находился большой рынок рабов, уступавший только кандийскому. Подходить туда следовало либо с большим флотом, либо «закрывая глаза». А Его величество, король французский, предпочитал поддерживать с тосканцами добрые отношения. Значит, оставалось плыть мимо островов.

— Мы пойдем прямо на юг, и мадам дю Плесси убедится, что наши галеры не просто могут идти в открытом море, но идти даже и ночью, и на всех парусах.

А ночью ветер совсем стих, и путь пришлось продолжать на веслах. На всякий случай на вахту ставили больше людей. Гребла же только одна партия каторжников при свете факелов, в котором размеренно шевелились тени надсмотрщиков, шагавших по мосткам. Галерники двух Других партий спали, лежа по четверо на досках под своей скамьей, среди нечистот и насекомых, тяжело дыша, как загнанный скот.

А на другом конце галеры Анжелика старалась забыть о том, кто мучился неподалеку. На мостки она больше не подымалась и никак не дала понять Никола, что узнала его. Этот каторжник был связан со слишком горьким периодом ее жизни, ужасы которого заставили забыть о том, что было в детстве. Она вырвала эту страницу прошлого из своих воспоминаний и не собиралась позволить случаю воскресить ее. Но медленно тянувшиеся часы плавания были мучительны, и ей хотелось поскорее добраться до Кандии.

Синева ночи светилась фосфоресцирующим колыханием волн и отблесками огней на борту других галер, тихо следующих за «Ла-Роялью». Каждый удар весел сопровождался мерцающим свечением воды. На корме галер горели фонари — огромные, в рост человека, сооружения из позолоченной древесины и венецианского стекла; за ночь в них сгорало по двенадцать фунтов свечей.

Анжелика слышала, как лейтенант де Миллеран докладывал адмиралу, что солдаты жалуются: целый день они сидят, прижавшись друг к другу, и ночи приходится проводить в той же неудобной позе.

— На что они жалуются? Они ведь не прикованы, а сегодня могут полакомиться рагу из козлятины. На

войне как на войне. Когда я был полковником в королевской кавалерии, мне нередко доводилось спать верхом, да и без еды обходиться. Пусть научатся спать сидя. Все дело в привычке.

Анжелика укладывала подушки на одном из диванов, готовя постель. Помогал ей негритенок. На услуги Флипо нельзя было рассчитывать, морская болезнь не оставляла его.

Негритенок с конфетницей всюду тенью следовал за герцогом де Вивонном. Пристрастие Мортемаров к сладостям было общеизвестно; злоупотребление восточными лакомствами уже сказалось в растущей дородности молодого адмирала. Пощелкивая засахаренные орехи и жуя пластинки рахат-лукума, адмирал обдумывал опасности предстоящего пути. Он посоветовал своим офицерам отдохнуть, и теперь все они спали на тюфяках, — но сам отдыхать не думал. Он был очень озабочен и вызвал к себе, несмотря на ночь, старшего канонира. Человек с полуседыми волосами появился, освещенный кормовым фонарем.

— Готовы ваши орудия к бою?

— Все приказания, ваша светлость, исполнены: орудия осмотрены, смазаны и с баржи взяты запалы, ядра и картечь.

— Хорошо. Возвращайтесь на место. Лаброссардьер, друг мои...

Помощник адмирала, разбуженный зовом, надел парик, расправил манжеты и почти мгновенно явился к начальнику.

— Ваша светлость?

— Внушите хорошенько шевалье де Клеану, командиру галеры с боевыми припасами, что его судно должно держаться в середине нашей эскадры. Ведь у него находится весь наш запас пороху и ядер, он должен подавать их по требованию, если у нас

завяжется длительная перестрелка. Вызовите ко мне также начальника стрелков.

Когда тот явился, адмирал приказал:

— Раздайте солдатам мушкеты, пули и порох. Особое внимание уделите десяти бортовым пушкам. Помните, что впереди у нас только три пушки, так что в случае неожиданного нападения отбиваться придется мушкетами и бортовыми пушками.

— Все готово, ваша светлость. На последней проверке точно установили место каждого солдата.

В это время из тени появился мэтр Савари и заявил, что отсырела селитра в его аптечке, а это обещает перемену погоды в течение суток.

— Я и без вашей селитры знаю, куда ветер дует, — огрызнулся де Вивонн. — Непогода сразу не наступает, а пока что может измениться положение на море.

— Следует ли понимать так, что вы боитесь нападения?

— Мэтр аптекарь, усвойте, что офицер флота Его величества ничего не боится. Можете сказать, что я предвижу нападение, и возвращайтесь к своим пузырькам.

— Я только хотел спросить, ваша светлость, нельзя ли мне поместить драгоценный флакон мумие в офицерской каюте. Если случайная пуля разобьет его...

— Делайте, как вам кажется лучше.

Герцог де Вивонн уселся рядом с Анжеликой.

— Я очень волнуюсь, чувствую, что скоро что-то должно произойти. Так со мной всегда бывает. С самого детства, — если приближалась буря, у меня вещи прилипали к пальцам. Как бы мне успокоиться?

Он послал за одним из своих пажей, который скоро явился с лютней и гитарой.

— Давайте воспоем облачную ночь и любовь прекрасных дам.

У брата Атенаис де Монтеспан был красивый голос. Слишком высокий, но хорошего тембра. Он владел дыханием и великолепно справлялся с итальянскими песенками. Время шло гораздо приятнее, а когда большие песочные часы пришлось перевернуть во второй раз и отзвучала последняя нота последней песни, вдруг раздался и быстро угас какой-то неясный глубокий звук, словно от ветра с далекого горизонта, потом он возобновился тоном ниже его глухие раскаты то поднимались, то опускались. Анжелику охватила дрожь...

— Слушайте, — прошептал граф де Сен-Ронан, — это каторжники поют!

Они пели с закрытым ртом, и четырехголосный хор звучал над морем, отдаваясь эхом, словно ему откликались морские раковины. Это пение тянулось долго, бесконечно долго, возобновляясь вновь и вновь, как бы приливами бездонного отчаяния. Потом раздался одинокий голос, еще молодой и звучный, внятно выпевавший горькую жалобу.

*Помню, матушка твердила:
Не упрямясь понапрасну,
Будь умней, сыночек милый,
Своевольничать опасно.
Не послушал мать родную
И попал зато в беду я:
Хоть не крал, не убивал,
На галеры я попал...*

Песня угасла. В наступившей тишине особенно сильно раздавались удары волн о корпус судна.

Послышался голос матроса:

— Какой-то огонь в пяти лье, в первой четверти круга по правому борту.

— Приготовиться к тревоге и к бою! Погасить большие фонари, оставить только запасные светильники. Четырех сторожевых на пост!

Де Вивонн схватил подзорную трубу и, пристально взглядевшись, перевел глаза на Лаброссардьера, который поспешил ответить:

— Мы подходим к мысу Корсики. Думается, это всего лишь лодка рыбаков, они ловят ночью тунца и посигналили другим лодкам о добыче. Задержать их и проверить?

— Нет. Корсика принадлежит Генуе, да и берберов на корсиканском побережье не бывает. Тамошние жители очень щепетильны, никого в свои воды не пускают. Это всем известно, и все суда, в том числе пираты и корсары, стараются к этому острову не подходить. Будем придерживаться того плана, который мы приняли перед отплытием: зайдем сейчас на остров Капрая, который принадлежит герцогу Тосканскому, нередко дающему пристанище турецким пиратам.

— Когда мы туда подойдем?

— На заре, если только погода раньше не испортится. Вслушайтесь-ка, что это такое?

Оба напрягли слух. С другой галеры доносился какой-то долгий вой, внезапно оборвавшийся.

Де Вивонн выругался.

— Эти псы мавры воют на луну!

Лаброссардьер, давно плававший на востоке и звавший арабские нравы, сказал:

— Они вопят от радости. Это победный вой.

— Радость? Победа? Что-то каторжники беспокойны сегодня ночью.

К ним подошел офицер с носовой вахты.

— Ваша светлость, старший на вахте решил подняться в гнездо на главной мачте. Он просит вас последить через подзорную трубу за тем местом, где виднелись вроде бы сигналы...

Де Вивонн опять поднес трубу к глазам, а Лаброссардьер взял свой двойной лорнет.

— Кажется, вахтенный прав. С хребта Рильяно на мысу Корсики подают сигналы, должно быть, группе рыбацких лодок внизу.

— Наверное так, — сказал адмирал; в голосе его слышалось сомнение. Снова раздалось улюлюканье с той же галеры, видимо, «Дофины».

Опять появившийся на палубе Савари шепнул Анжелике:

— Ну, теперь мое мумие в безопасности. Я хорошенько обмотал флакон, а сверху надел соломенный колпак. Надеюсь, флакон не разобьется. А вы заметили, что мавры на «Дофинео чему-то радуются? Им просигналили огнями сверху.

Де Вивонн, услышав последние слова, схватил старика за широкие брыжи в стиле Людовика XIII.

— О чем просигналили?

— Не могу сказать, ваша светлость. Я не знаю условного кода этих сигналов.

— А почему вы думаете, что они обращены к маврам?

— Потому что это турецкие ракеты, ваша светлость. Вы заметили синие и красные огни? Мне это дело знакомо, потому что в Константинополе я служил у главного артиллерийского мастера, и он поручал мне изготавливать такие ракеты из пороха и солей разных металлов, которые дают разноцветные огни. Это китайский секрет, но теперь весь исламский мир им пользуется. Вот почему я решил, что только турки или арабы могут подавать такие сигналы арабам или туркам, а таких поблизости нет, кроме как в ваших галерах...

— Ваши соображения заходят слишком далеко, мэтр Савари, — недовольно прервал его герцог.

К галере подплыл каик, освещенный двумя фонарями, и Лаброссардьер приказал, чтобы их погасили. Голос из темноты прокричал:

— Ваша светлость, у нас на борту «Дофины» беспорядки. Мавры из третьей партии бунтуют, глядя на огни в горах.

— Это те мавры, которых мы захватили на фелуке с серебром?

— Да, ваша светлость.

— Так я и думал, — пробормотал адмирал сквозь зубы.

— Один из них все время вскакивает на скамью и что-то запекает.

— Что он говорит?

— Не знаю, ваша светлость. Я по-арабски не понимаю.

— А я знаю, — вмешался Савари. — Я расслышал его слова. Он кричит: «Спасение наше близко», и на этот возглас, как на зов муэдзина, все мавры отвечают криками радости.

— Взять этого зачинщика и казнить!

— Повесить его, ваша светлость?

— Нет, у нас нет времени возиться с этим, да и вид повешенного на мачте может возбудить других. Выстрелите ему в затылок и бросьте труп в море.

Каик отошел. Вскоре издали донеслись два сухих выстрела.

***

Анжелика закуталась в теплый плащ. Было холодно. Вдруг задул ветер.

Адмирал еще раз осмотрел берег, но там все было покрыто тьмой.

— Поднять паруса! Пусть все три партии галерников берутся за весла. Если нам повезет, утром мы будем на Капрае. Коз там масса, так что мы сможем запастись и козлятиной, и пресной водой, и апельсинами.

Анжелике казалось, что она бодрствует, но, видимо, она все-таки ненадолго заснула, потому что внезапно очнулась и увидела, что светает. В перламутровой прозрачности зари обрисовался остров. На бледно-золотистом с голубым небе он выделялся неровным темно-синим пятном, отражавшимся в почти совершенно неподвижном зеркале моря.

Анжелика была в палатке-скинии одна. Она встряхнула платье, привела в порядок прическу и вышла подышать утренним воздухом. Офицеры были неподалеку. Когда она нерешительно остановилась около мостков, лейтенант де Миллеран заметил ее затруднение и любезно поспешил подать ей руку. Герцог де Вивонн был в прекрасном настроении и протянул ей подзорную трубу.

— Посмотрите, мадам, как приветлив этот остров. Прибой совсем не оставляет пены на вулканических скалах берега. Это значит, что нас ждет там совершенное затишье. И ничто дурное там нас не застигнет.

Анжелика не сразу справилась с подзорной трубой, но, наладив ее, не могла сдержать восторга при виде прозрачной бухточки, над которой кружились чайки.

— А что это за яркая вспышка слева?

Едва она произнесла эти слова, как яркий огонь взлетел в небо, упал и погас. Офицеры переглянулись. Мэтр Савари спокойно сказал:

— Еще одна сигнальная ракета. Вас поджидают...

— Приготовиться к бою! — рявкнул де Вивонн в рупор. — Пушкари, по местам! Ускорить ход! У нас же целая эскадра, какого черта!..

Несмотря на ветер, с галеры «Дофина», которая была впереди адмиральской, доносились крики каторжников-мавров.

— Заставьте эту сволочь замолчать!

Но, преодолевая все другие шумы, пронзительно звучал голос, повторявший:

Ла илла, а илла ла Мохаммеду, расу лу-ла Али вали ула.

Наконец наступила тишина. Герцог де Вивонн продолжал отдавать приказания.

— Сигнал общего сбора. Мы построимся, учитывая значение и маневренность каждой галеры. Та, на которой находятся артиллерийские припасы, должна все время находиться в центре. Я тоже буду в середине, недалеко от нее, чтобы следить за всеми событиями. «Дофина» и «Фортуна» — в авангард, «Люронна» — на левый край. Остальные три последуют сзади, полукругом.

— На скале появилось знамя, — крикнул наблюдатель с мачты.

Де Вивонн поднял трубу.

— Там два знамени. Одно белое, и его держит рука человека. Так христиане объявляют войну. Другое красное с белым бордюром и эмблемой... Что такое? Кажется, я различаю серебряные ножницы — эмблему Марокко. Но это... это неслыханно!.. Ничего не понимаю. С каким же врагом нам придется иметь дело?

Галеры подошли к острову и начали строиться в боевом порядке, как вдруг появились две турецкие фелуки или, скорее, барки с парусами.

Адмирал передал подзорную трубу своему помощнику, тот посмотрел и потом предложил трубу Анжелике. Но она уже держала старую позеленевшую длинную трубу, которую мэтр Савари разыскал в своих вещах.

— На этих барках только черные люди, и у них несколько плохих мушкетов, — удивилась она.

— Это провокация, провокация и наглость! — де Вивонн решил вступить в бой. — Пусть «Люронна»,

самая легкая из галер, догонит их и потопит. У этих идиотов даже нет артиллерии!

«Люронна» приняла сигналы и бросилась на фелуки. Вскоре бухнула пушка, и прибрежные скалы отозвались грохотом. Анжелика передала трубу Савари и поспешно зажала уши обеими руками.

Фелуки спокойно плыли себе в открытом море. Галеры «Лилия» и «Конкорда», державшиеся на задней линии, выдвинулись вперед в погоне за легкой добычей. Пушка грохнула еще несколько раз.

— Попали!

Треугольный парус с одной из фелук упал на волны. Несколько секунд — и все судно вместе с экипажем погрузилось в море. Несколько черных голов всплыли. Другая фелука пыталась подойти к ним, но «Лилия» и «Конкорда» зажали ее с обеих сторон и фелуке пришлось снова удирать.

— Bravo! — произнес адмирал. — Пусть теперь эти три галеры подойдут к острову, как предполагалось сначала.

Галеры начали маневр, но море уже волновалось, и они разошлись довольно далеко. В это время раздался крик наблюдателя с мачты:

— По правому борту военная шебека. Идет на нас!..

Глава 4

У входа в бухту появилось судно с поднятыми парусами. Оно быстро пролетело между скал.

— Повернуться лицом к врагу! Стрелять из трех орудий по моей команде! Огонь!

Главная большая пушка откатилась на мостки после выстрела. Запах пороха щекотал ноздри оглушенной Анжелики. Сквозь дым до нее доносились один за другим четкие ясные приказы.

— Боковые пушки на правом борту — в позицию! Шебека нас обгоняет. Стрелять из всех мушкетов, потом повернуться и снова прицелиться. Огонь!..

Раздался ружейный залп вслед за не отзвучавшим еще грохотом большой пушки. Но шебека избежала попадания ядер и была еще слишком далеко, чтобы мушкетные выстрелы могли задеть ее, Савари разглядывал ее в свой лорнет с таким интересом, как натуралист рассматривает какую-нибудь муху.

— Прекрасное судно. Построено из сиамского тика. Это бесценная древесина. Дерево должно сохнуть пять лет на корню, после того как снимут кору, а потом еще семь лет стволы лежат под крышей и тогда только их распиливают. На большой мачте у них белое знамя, а на корме флаг марокканского короля и особая метка: красный кружок, а в середине — серебряный эсю.

— Это метка господина Рескатора, — с горечью проговорил де Вивонн, — так и следовало ожидать.

Сердце Анжелики подскочило. Перед ней был этот ужасный Рескатор, тот, кто погубил ее сына, тот, кого храбрые офицеры Его величества боялись всерьез. Де Вивонн и Лаброссардьер внимательно следили за маневрами врага, перекидываясь замечаниями.

— У него новое судно, у этого чертова Рескатора. Великолепные линии. И сидит очень низко, ниже полета ядер наших пушек. Вот почему мы не попали в него, хотя оно было прямо перед нами. А пушек двадцать две! Черт побери!..

В открытых люках по обе стороны шебеки виднелись круглые жерла пушек, и над каждой подымался дымок, свидетельствующий, что пушкари наготове и запалы у них в руках.

На шебеке взлетели сигнальные флажки: «Сдавайтесь, а не то мы вас потопим».

— Наглец! Думает напугать флот короля Франции? Где ж ему нас топить, он слишком далеко. Вот уже подходит «Конкорда», сейчас он окажется у нее под обстрелом. Поднять на носу боевое белое знамя, а на корме знамя с королевскими лилиями!

Вражеское судно вдруг изменило курс. Оно стало описывать круг, увертываясь от пушек, нацеленных на остров и на восток. Двигалось оно очень быстро, на всех парусах. Раздалось еще несколько пушечных выстрелов, это старались попасть в противника «Лилия» и «Конкорда», возвращающиеся из погони за фелуками.

— Промах! — с досадой констатировал де Вивонн и вытащил из коробки несколько засахаренных фисташек. — Теперь надо остерегаться. Он повернется к нам и попробует нас утопить. Надо маневрировать, чтобы не подставлять ему бок.

Галера стала поворачиваться. Несколько мгновений царила тяжелая тишина, только ритмично стучали гонги надсмотрщиков, словно удары потрясенного сердца.

А потом на них помчался пиратский корабль, так, как предвидел французский адмирал. Он летел, как морской орел, и оказался позади всех французских кораблей. Мгновенно остановился и сменил паруса.

— Прекрасно маневрирует проклятый корсар! — проворчал де Лаброссардьер. — Досадно, что он нам враг.

— Теперь, кажется, не время любоваться его ловкостью, господин де Лаброссардьер, — сухо заметил де Вивонн. — Канониры, успели перезарядить пушки?

— Да, ваша светлость.

— Стрелять залпом по моей команде! Мы перед ним, а он к нам повернут боком. Удобная минута. Но тут же раздался залп двенадцати пушек с правого борта пиратского судна. Казалось, в море забурлил гейзер, и за облаком пены не видно было противника. В воздух со страшным грохотом полетела масса обломков, огромная волна залила каторжных гребцов «Ла-Рояли», сломав несколько весел на бакборте, как спички.

Анжелика, оглушенная и залитая водой, держалась за поручни. Герцог де Вивонн, упавший на палубу, уже поднялся и воскликнул:

— Неплохо! Он в нас не попал. Дайте подозрную трубу, де Лаброссардьер! Кажется, мы теперь...

Он остановился с открытым ртом, совершенно ошеломленный, не веря своим глазам.

Там, где только что стояла галера с боевыми припасами, в море крутилась огромная воронка, затягивавшая обломки весел и остатки судна. Ко дну пошло судно со всем экипажем, сотней каторжников-гребцов и, главное, с четырьмя сотнями бочонков зарядов, пуль, картечи.

— Все наше вооружение, — еле выговорил де Вивонн. — Вот бандит! А мы попались на его уловку. Он не в нас целился, а в корабль с боевыми припасами. Другие галеры погнались за фелуками и оставили его без прикрытия. Но мы его потопим... Мы еще потопим его! Игра не кончена.

Молодой адмирал сорвал с себя мокрую шляпу и насквозь промокший парик, яростно швырнул их наземь

и приказал:

— Вывести «Дофину» на первую линию. Она еще не стреляла, у нее все заряды целы.

Вражеский корабль маневрировал поодаль, поворачиваясь то передом, то левым бортом с готовыми стрелять пушками. Быстро подошла и стала на место «Дофина», та самая галера, вспомнила Анжелика, но которой среди гребцов были сообщники Рескатора, те, кто пел по-арабски, чьего запевалу казнили накануне ночью. Она подумала, что не следовало использовать военнопленных в трудных маневрах. Не успела она додумать это, как увидела, что длинные весла гребцов из средней партии взметнулись в беспорядке, разновремененно, и стали цепляться друг за друга. «Дофина», заканчивавшая поворот, задрожала, словно споткнувшись, склонилась, как раненая птица, и вдруг почти легла на правый бок. Среди треска и криков громче всего звучали голоса мавров.

— Каждой галере послать свою фелуку и каик на помощь тонущим!

Это делалось медленно. Анжелика отвернулась, закрыв глаза руками. Невозможно было смотреть на переворачивающуюся галеру. Большинство членов экипажа и все прикованные гребцы были обречены: опрокинувшийся корпус судна должен был раздавить и потопить их. Выброшенные в море солдаты, которых тянула на дно тяжелое снаряжение — сабли и пистолеты — молили о помощи.

Когда она решилась открыть глаза, высоко в небе перед ней белели десять парусов, раздуваемых ветром. Шебека была совсем близко к адмиральской галере. Блестел, как лакированный, ее широкий, плавно двигавшийся корпус, на палубе стояли смуглые берберы в просторных белых одеждах с яркими поясами, с мушкетами в руках. Впереди стояли два человека в окружении охранявших их янычар в зеленых тюрбанах,

с короткими саблями. Эти двое внимательно наблюдали через подзорные трубы галеру «Ла-Рояль». Сперва Анжелика решила, что это тоже мавры, несмотря на европейскую одежду, потому что у них были темные лица, но потом заметила их белые руки и поняла, что они в масках.

Подошедший к ней де Вивонн глухо проговорил:

— Смотрите, тот, кто выше ростом, в черном, с белым плащом, это он, Рескатор. Второй — его помощник, по имени или, скорее, по прозвищу капитан Язон. Грязный авантюрист, но моряк хороший. Думаю, он француз.

Анжелика протянула задрожавшую руку за трубой Савари. Эти два человека различались между собой, почти как Дон-Кихот и Санчо Панса, только тут было не до улыбок. Капитан Язон, невысокий коренастый человек, был в военном мундире с широким поясом, с огромной саблей, задевавшей его сапоги. Он казался полной противоположностью высокому худому пирату по имени Рескатор, одетому в черный костюм старинного испанского покроя и высокие, плотно прилегающие к ногам сапоги с маленькими отворотами, подчеркнутыми золотой оторочкой. На голове у него были завязанный по-корсарски красный платок и большая черная шляпа с красным плюмажем. В угоду мусульманским нравам он носил широкий белый шерстяной плащ с золотой вышивкой, развевавшийся на ветру. Содрогнувшись, Анжелика подумала, что он походит на Мефистофеля. Казалось, от него исходит своеобразное обаяние.

Интересно, в такой же бесстрастной неподвижности он смотрел, как в ведро погружается галера, на которой стоял ребенок, простиравший руки и призывавший отца?

— Почему же его не потопят? — закричала она, не в силах сдержаться, забыв о страшном зрелище

полуперевернутой «Дофины». Героическими усилиями экипажа судно еще держалось на плаву, но было ясно, что поднять его невозможно и оно медленно идет ко дну, несмотря на отчаянную работу всех помп.

С шебеки спустили каик, в него сошел помощник Рескатора.

— Они предлагают переговоры, — удивился де Вивонн.

Вскоре этот человек поднялся на борт «Ла-Рояли» и, представ перед офицерами, отвесил им по-восточному глубокий поклон.

— Приветствую вас, господин адмирал, — произнес он четко по-французски.

— Я ренегатов не приветствую, — бросил де Вивонн.

Под маской мелькнула странная улыбка, и человек перекрестился.

— Я такой же христианин, как и вы, господин адмирал, и мой господин, его светлость Рескатор, — тоже.

— Христианам не пристало командовать неверными.

— Наши экипажи состоят из арабов, турок и белых. Совершенно так же, как и ваши. — Он бросил взгляд на скамьи гребцов. — С одной только разницей: наши не прикованы.

— Хватит разговоров, чего вы хотите?

— Дайте нам спасти и забрать наших мавров, которых вы держите в плену на галере «Дофина», и мы уйдем, не продолжая боя.

Де Вивонн бросил взгляд на гибнущую галеру.

— Ваши мавры пойдут ко дну вместе с этим обреченным судном.

— Вовсе нет. Мы предлагаем поднять галеру.

— Это невозможно!

— Мы можем это сделать. Наша шебека движется быстрее, чем ... чем ваши недотепы, — в его голосе

звучало презрение. — Но решайте скорее, время идет и через несколько мгновений будет слишком поздно.

В душе де Вивонна боролись разные чувства. Он понимал, что ничего не может сделать для «Дофины». Согласиться — значило спасти прекрасную галеру, да и несколько сот человек в придачу, но капитулировать перед противником, уступавшим по численности... Однако он отвечал за королевскую эскадру. Что же, колебаться было нельзя.

— Согласен, — произнес он сквозь зубы.

— Благодарю вас, господин адмирал. Приветствую вас.

— Предатель!

— Меня зовут Язон, — иронически отвечал тот и повернулся к трапу. Герцог де Вивонн плюнул ему вслед.

— Француз, нельзя усомниться в том, что вы француз, слыша вашу речь! Негодяй!.. Как вы дошли до того, что отказались от своих!

Корсар обернулся. В прорезях маски сверкнула молния взгляда.

— Свои первыми отказались от меня, — его рука протянулась к прикованным гребцам, — и я целые годы провел гребцом на королевских галерах. Лучшие годы моей юности. И я не сделал ничего дурного!

— Ну, конечно!..

Лодка отошла. Герцог де Вивонн, сжимая кулаки, не мог больше сдерживаться. Позволить беглому каторжнику командовать, терпеть оскорбления от галерного гребца! — А Рескатор там глядит и смеется. Ему забавно... Да, это ему забавно!

— Ваша светлость, можно ли положиться на слова неверных? — спросил один из лейтенантов, дрожавший от возмущения.

— Одно бесспорно, что ваших советов я не спрашиваю, молокосос. Слово пирата бывает тверже

слова принца. Что вы об этом думаете, Лаброссардьер?

— Совсем неожиданный ход, Ваша светлость, в стиле этого злого шута. Я бы не сомневался, если бы пришлось иметь дело с Меццо-Морте или этими мошенниками — берберскими капитанами.

— Поднять парадные флаги и объявить перемирие.

Шебека двинулась и быстро отошла на несколько кабельтовых, не боясь уже повернуться к врагу правым бортом, на котором, впрочем, сохраняли готовность к бою двенадцать заряженных пушек.

Вдруг шебека спустила все паруса, это приостановило ее ход, и она оказалась точно позади гибнущей «Дофины», под прямым углом к ней. Спущенные с галер фелуки и каики только начали подбирать тонущих. На фрегате Рескатора все быстро задвигались. Мавры укрепили канаты внизу главной мачты, потом принесли туда лебедку.

На борту «Ла-Рояли» офицеры стояли не дыша, солдаты и матросы словно окаменели. Рескатор вышел из неподвижности. Он что-то подробно разъяснял своему помощнику, жестами показывая предстоящие маневры. Потом, по его знаку, к нему подбежал один из янычаров и освободил его от плаща и шляпы. Другой подал сложенный кругами канат, который Рескатор положил на плечо и вдруг бросился на нос шебеки, оказавшись перед мачтой бушприта.

Его помощник обратился в это время с помощью рупора к капитану «Дофины», советуя оставить кормовой якорь, чтобы галеру не закружило, когда шебека потащит ее. Всю тяжесть по возможности перенести на правый борт, а потом, когда галера начнет выравниваться, быстро перейти на левый борт, чтобы она не упала в другую сторону.

— Неужели этот черный дьявол собирается бросить свой канат, как индейское лассо, и зацепить за правый борт «Дофины»?

— Похоже на то.

— Но это невозможно! Ведь канат страшно тяжел, Надо быть геркулесом, чтобы...

— Смотрите!

На фоне синего неба появился высокий черный силуэт. Раздался свист летящего каната, и петля его зацепилась за выступ посередине правого борта «Дофины». Бросивший его человек в маске, увлеченный силой толчка, чуть не соскользнул с бушприта, но успел ухватиться обеими руками и с ловкостью обезьяны вернулся на свое место у мачты, выпрямился, проверил крепление каната, и затем привычным небрежным шагом пошел по шебеке. На борту ее поднялись восторженные крики, мавры подбрасывали свои мушкеты в знак радости.

Де Лаброссардьер глубоко вздохнул.

— Ловко получилось. Впору фокуснику с Нового моста.

— Любуйтесь, восхищайтесь, мой друг, — криво усмехнулся де Вивонн. — Вот вам и новая сказочка для скандальной хроники Средиземноморья. Легенде о господине Рескаторе пицци хватит.

На шебеке в это время так поставили паруса, чтобы она медленно отошла. Черные матросы и турки перебежали на мостик и взялись за шесть огромных весел, чьи удары подкрепляли порыв ветра. Канат натянулся. Все люди, еще остававшиеся на левом борту галеры, бросились на правый, навалившись на поручни с той стороны, где был закреплен канат. Погруженный в воду бок дернулся и с громким шумом поднялся. По команде капитана все матросы перешли вправо, восстанавливая равновесие. Выпрямившаяся «Дофина» судорожно закачалась, потом успокоилась и остановилась. Раздался последний приказ:

— Все к помпам! Всем вычерпывать воду!

Тут уже со всех галер раздались восторженные крики.

Вскоре от корсарского судна опять отошел каик, направляясь теперь к «Дофине».

— У них с собой горн и все кузнечные принадлежности. Они собираются расковать всех своих галерников.

Это продолжалось немало времени. Наконец на палубе появились освобожденные арабы и с ними десяток турок, выбранных среди самых сильных гребцов.

Герцог де Вивонн повернулся на мостике и схватил рупор.

— Предатели, пираты, псы неверные! Почему нарушаете договор?.. Речь шла только об освобождении ваших мавров... Не имеете права брать этих турок.

Капитан Язон отвечал:

— Это цена крови. Мы забираем их вместо того мавра, которого вы приказали убить.

— Успокойтесь, ваша светлость. Надо вам пустить кровь. Я сейчас пришлю врача, — предложил Лаброссардьер.

— У врача и без того хватит дел. Пусть составит списки убитых и раненых, — мрачно отвечал молодой адмирал.

Пиратская шебека была уже далеко и шла на всех парусах.

Глава 5

Герцог де Вивонн прокричал из лодки, улыбаясь:

— До свидания, дорогая моя. Мы встретимся через несколько дней на Мальте. Молитесь за мою победу.

Анжелика, стоявшая у поручней, заставила себя улыбнуться. Она сняла свой пояс из лазурного шелка с золотой бахромой и бросила его молодому человеку.

— В залог победы привяжите его к вашей шпаге.

— Спасибо! — кричал де Вивонн из уносившего его каика. Он поцеловал пояс, привязал его к эфесу своей шпаги и выпрямился, прощально махнув рукой.

Анжелика подумала, что не стоит огорчаться этой разлукой. Де Вивонн решил преследовать Рескатора, надеясь догнать его неподалеку от Мальты, где можно было получить помощь от галер рыцарей ордена святого Иоанна Иерусалимского. Адмиральская «Ла-Рояль» была слишком тяжела и неповоротлива для такой гонки, потому он перебрался на «Люронну», оставив свою галеру и Анжелику под охраной де Лаброссардьера и нескольких солдат. До Ла-Валлетты «Ла-Рояль» должна была идти медленнее, небольшими переходами, вместе с «Дофиной», которой надо было починить полученные повреждения.

Боевые галеры построились и скоро исчезли из виду, укрытые густой завесой ливня, быстро наступавшего с юго-запада. Скоро дождь застучал по палубе все сильнее раскачиваемой галеры. Анжелика укрылась в палатке.

— Досталось нам от пиратов, а теперь надо ждать неприятностей от моря, — заметил де Лаброссардьер.

— Это буря?

— Еще нет, но скоро будет.

***

Дождь перестал, но небо оставалось серым, и волнение на море не утихало. Несмотря на порывы влажного ветра, налетавшего время от времени, дышать было тяжело. Разговоры славного Савари и лейтенанта де Миллерана, немного оттаявшего после отбытия де Вивонна, к которому он испытывал отчаянную ревность, навели на Анжелику смертельную скуку.

— Зачем я только оказалась на этой галере? — сказала она Савари и печально улыбнулась, вспомнив Версаль, Мольера и его шутки.

Наступила ночь и де Лаброссардьер посоветовал ей запереться в каюте под мостиком. Она не могла решиться на это и сказала, что спустится в каюту, только если оставаться на корме будет совсем невозможно. Сильные удары волн, вызвавшие килевую качку поскрипывавшего судна, нагнали, в конце концов, на нее глубокий сон.

Проснулась она, словно после кошмара, в чернильной тьме и, приподнявшись на ложе, ощутила что-то необычное. Сильная качка продолжалась, хотя ветер как будто утих. Вдруг она поняла, что ее разбудило. Это была тишина. Не слышно было гонгов надсмотрщиков. Никаких звуков! Можно было подумать, что галеру, оставленную людьми, несет по волнам, как обломок после кораблекрушения. Ужас охватил молодую женщину. Она позвала:

— Господин де Лаброссардьер, проснитесь!

Ответа не было. Ей удалось встать и с трудом сделать три шага. Она споткнулась обо что-то мягкое и чуть не упала. Нагнувшись, она нащупала галуны мундира. Анжелика схватила за плечо человека, лежавшего на полу, и потрясла его.

— Господин де Лаброссардьер, проснитесь же!

Он подчинялся ее руке со странной покорностью. Анжелика лихорадочно искала его лицо и в ужасе

бросилась назад, ощутив смертельный холод.

Поднявшись, она отыскала свой саквояж, который всегда держала около себя, а в нем дорожный фонарик; высекла огонь и после трех попыток — ветер гасил огонек — сумела накрыть его красным стеклом и осветить палатку. Господин де Лаброссардьер лежал на боку. Глаза его уже остекленели, на лбу зияла страшная рана. Обойдя его, Анжелика добралась до порога. Там она споткнулась о еще один труп — солдата, видимо также убитого одним ударом. Она осторожно приподняла край занавески на двери и огляделась. Во тьме виднелись какие-то огоньки, в той стороне, где помещались гребцы. По мосткам, над их скамьями, двигались какие-то силуэты, это были не надсмотрщики с длинными бичами, а фигуры в красных рубашках, хрипло перекликавшиеся.

Анжелика отпустила занавес и отступила в глубину палатки, не обращая внимания на пену, заливавшую ее, когда на корму накатывала особенно большая волна. Ужас охватил ее. Теперь она понимала, почему больше не слышно гонгов.

Шорох босых ног заставил ее поднять голову. У входа в палатку стоял Никола в каторжных отрепьях. На заросшем лице, под шапкой спутанных волос, сверкал тот же взгляд, та же улыбка, напугавшая ее когда-то, когда она увидела его за окном таверны. Он заговорил, и его сбивчивая отчаянная речь казалась продолжением кошмара.

— Маркиза Ангелов... красавица моя... мечта моя... Видишь меня? Ради тебя я разбил свои цепи... Одним ударом управителя, другим надсмотрщика. Ха-ха-ха! Мы всех их побили... Мы уж давно это готовили... Но рискнули из-за тебя... Увидеть тебя тут... Живую!.. Такой, какой ты мне представлялась все эти десять лет, когда я смотрел на небо... А ты принадлежала другому... Что ж это?.. Ты его целовала и ласкала... Я

тебя знаю! Ты своей жизнью жила, а я своей... Ты вроде выиграла... Но это не навсегда... Колесо поворачивается. Вот оно и привело тебя сюда...

Он подходил к ней, протягивая руки со следами цепей на запястьях, цепей, которые он так долго терпел на себе. Никола Каламбрден два раза убежал с каторги и опять оказывался на галерах. Но на третий раз он победил. Он и его товарищи убили весь экипаж, всех солдат и офицеров. Галера была в их власти.

— Ты почему не отвечаешь?.. Испугалась?.. А ведь я когда-то держал тебя в руках, и ты тогда не очень-то боялась!

Сверкнула молния, разодравшая небо пополам, и вдали пророкотал гром.

— Ты разве не узнала меня? Не может этого быть... Я уверен, что ты меня узнала еще тогда...

До нее донесся запах соли и пота от его лохмотьев. Охваченная отвращением, она закричала:

— Не трогай меня! Не трогай меня!

— Ага, ты меня узнала. Скажи, кто я?

— Ты Каламбрден, бандит.

— Нет, я Никола, который был твоим повелителем на Нельской башне...

Налетела большая волна, накрыв их с головой, и Анжелике пришлось ухватиться за поручни, чтобы ее не смыло в море. Тяжелый удар по палубе слился с грохотом грома. Молодой каторжник появился у порога в растерянности:

— Каид, главная мачта обломилась. Что делать?

Никола с руганью отряхнул свои лохмотья и набросился на парня:

— Идиот несчастный... что ж ты требовал убить всех матросов, если не знаешь, как тут управляться? Ты же сказал, что знаешь, как вести судно по морю.

— Так парусов больше не осталось.

— Славно! Значит, будем грести. Пусть за привычное дело берутся те, кого мы еще не расковали. А ты иди, отстукивай им ритм. Я их заставлю поработать, этих смуглолицых и несогласных!

Он ушел, и скоро на галере вновь раздался монотонный стук гонгов, слышный сквозь свист бури. Галера, какое-то время бессмысленно метавшаяся в разные стороны, приняла нормальное положение, а Никола несколькими ударами топора перерубил основание мачты, и сильный удар волн снес ее с судна. Заработали помпы, и весла помогли галере выровняться.

Теперь, когда кошмар принял определенную форму, к Анжелике вернулось хладнокровие. Ей уже случалось переживать смертельный испуг, но когда напряжение достигало границ, в ней просыпались ярость и боевой дух, помогавшие одержать победу.

Вымокшее платье прилипало к телу и мешало двигаться. Она с трудом добралась до своего саквояжа, открыла его, вытащила оттуда одежду и, воспользовавшись затишьем, стащила с себя платье и промокшее белье. У нее был с собой взятый на всякий случай мужской костюм из тонкого серого сукна; кое-как она натянула его на себя. В кюлотах и застегнутом до самого горла камзоле она чувствовала себя в большей готовности справиться и с кораблекрушением и с... каторжниками. Она надела сапоги, скрутила волосы и засунула их под фетровую шляпу. У нее хватило предусмотрительности снова порыться в саквояже, отыскать там все деньги, что у нее еще оставались, и спрятать их в поясе. Все это она успела сделать при качке, замиравшей лишь на минуты, и часто залетающих в палатку волнах, заливавших водой пол, по которому скользило тело несчастного Лаброссардьера.

Вновь появился Никола и завопил «Анжелика!», увидев силуэт молодого человека и не понимая, куда она пропала. Вглядевшись, он сказал с облегчением:

— Ах, это ты. А я уж подумал, что тебя смыло за борт, когда не увидел тебя в платье.

— За борт может очень быстро снести, если эта качка продолжится.

Сквозь разорванные занавеси со свистом дул ветер. За Никола шел старый одноглазый каторжник с седой головой. Наклоняясь против хода судна, он твердил:

— Оттуда видно... Оттуда видны пляшущие огоньки... Там есть гавань, говорю тебе... Там надо укрыться от бури...

— С ума ты сошел!.. Что ж нам, опять попасть в руки надсмотрщиков!

— Это маленькая рыбацкая гавань. Мы их напугаем, и они будут вести себя смирно. А как только море успокоится, мы уйдем оттуда. А если мы не войдем в гавань, то разобьемся о скалы.

— Я не согласен.

— Что ж ты предлагаешь?

— Попробуем продержаться на море, пока не наступит затишье.

— Это ты сошел с ума. Это старое корыто столько не выдержит.

— Что ж, решим вместе. — Он схватил Анжелику за руку. — Ты иди и стань под мостиком. А тут тебя может смыть. Не хочу, чтобы ты досталась рыбам. Ты — для меня...

Во тьме угадывался беспорядок разоренной галеры. Помещения для гребцов были наполовину залиты водой. Под ударами бичей своих прежних сотоварищей галерники-иностранцы, — русские, мавры и турки, — гребли, напрягая все силы и взрываясь время от времени криками отчаяния и ужаса.

А куда же делся мэтр Савари? И что стало с Флипо?

Никола опять оказался возле нее.

— Все хотят войти в ту гавань. А я не хочу. И еще несколько человек не хотят. Мы сейчас спустим фелуку и уйдем в ней. Пошли, маркиза.

Она пыталась ускользнуть от него. Ей виделась возможность спасения, если галера с взбунтовавшимися каторжниками войдет в гавань. Но Никола поймал ее, взял на руки и понес к фелуке.

Когда рассвело, их лодка подпрыгивала на гребнях волн, как ореховая скорлупка. Небо прояснилось. Облака исчезли. Но море оставалось темно-зеленым и бурным, яростно бросая к берегу жалких людей, дерзнувших противостоять его гневу.

Когда лодка оказалась совсем близко от грозных береговых скал, Никола воскликнул:

— Ну, что Бог даст, каждый за себя!

Каторжники попрыгали в воду.

— А ты умеешь плавать? — спросил Никола Анжелику.

— Нет.

— Все равно, пошли.

Он бросился с нею в море, стараясь поддерживать ее голову над водой.

Анжелика порядком глотнула морской воды и чуть не захлебнулась. Волна вырвала ее из рук Никола и понесла к берегу со скоростью мчащегося коня. Ее ударило о скалы, и она вцепилась в них со сверхчеловеческой силой. Наконец море откатилось, и Анжелика проползла немного выше. Но налетела другая бешеная волна, накрыв ее с головой, словно холодным саваном; потом откатилась и снова догнала ее. И все-таки ей удавалось каждый раз продвинуться еще немного вперед. И наконец она вытащила свое тело, тяжелое, как свинец, на береговой песок. Еще! Еще немного!.. Она проползла вперед, нашла какую-то ямку

среди песка и высохших трав, влезла туда и потеряла сознание.

Первая ее мысль была совсем ребяческой. Она открыла глаза, увидела над собой суровое синее небо и со страхом подумала, что за всю эту жуткую ночь ей ни разу не пришло в голову обратиться к Богу и предать Ему свою душу. Эта забывчивость ужаснула ее, словно она обнаружила в себе какое-то скрытое зло. Смущенная, она не смела исправить свою оплошность благодарением за то, что Провидение снова даровало ей жизнь. С трудом она приподнялась. Ее тошнило от морской воды, которой она столько наглоталась, и... Стоило ли благодарить Провидение? На берегу, в нескольких шагах от нее, спасшиеся каторжники развели костер.

Солнце поднялось уже высоко и грело сильно, так что на ней высохли промокшая одежда и даже волосы. Правда, в них было полно песка. Саднило обожженную солнцем кожу лица, руки были исцарапаны.

Понемногу к ней вернулись все чувства. Она слышала хриплые голоса каторжников у костра. Их было человек десять. Двое что-то готовили на огне, остальные стояли кружком и спорили о чем-то.

— Нет, так не пойдет! — кричал рослый белокурый галерник. — Мы все делали, как ты велел, соблюдали закон перед тобой. Теперь ты должен соблюдать его перед нами.

— Мы все ее заслужили, эту адмиралову маркизу, — заявил другой тягучим и картавым голосом. — Почему это ты говоришь, что она только тебе должна достаться?

Никола стоял к Анжелике спиной, и она не слышала его ответа. Но каторжники бурно протестовали.

— Так мы и поверили, что она тебе раньше принадлежала!

— Как это может быть? Она дама высшего света, что у нее могло быть с таким, как ты?

— Хочешь надуть нас, приятель. Так не делается.

— А если он и правду говорит, это все равно ничего не значит. В Париже свои правила, а на галерах свои.

Один из галерников, лысый и беззубый старик, произнес, подняв палец:

— Знаешь, как говорят в Средиземноморье: «Рыба — баклану, добыча — пирату, а женщина — всем».

— Всем, всем! — завопили остальные, угрожаясь надвигаясь на своего предводителя.

Анжелика подняла глаза к верхушке скалы. Надо было попытаться добраться туда, может быть, удастся спрятаться среди кустов или в леске над берегом. Наверное, тут есть и жители. Рыбаки защитят ее. Она осторожно встала на колени. Если бы там затеяли драку, у нее было бы время уйти.

Но ссора затихла. Кто-то проговорил:

— Ну, ладно, пусть будет так, возражать не будем. Ты у нас главный, значит имеешь право первым довольствоваться... Но другим тоже оставь...

Грубый смех сопровождал эти слова. Анжелика увидела, что Никола идет к ней быстрыми шагами. Она попыталась бежать, но он в три прыжка догнал ее и схватил за запястье. Глаза его яростно сверкали, вздернутые губы открывали почерневшие от табака зубы. Он даже не заметил ее сопротивления, а просто потащил почти бегом по крутой козьей тропинке, ведущей к скале. До них доносились похабные шутки и смех прочих галерников. Никола тащил ее сквозь камни и колючие кусты, а ветер взметнул волосы Анжелики, словно знамя, словно шелковое ослепляющее покрывало.

Она ничего не видела и задыхалась.

— Остановись! — закричала она. — Каторжник продолжал бежать. — Остановись! Я больше не могу!

Наконец он расслышал, остановился и огляделся, словно пробудившись. Они обежали подножье скалы, и теперь перед ними было море. Его темная, почти черная синева отделялась от светлой синевы неба, в котором кувыркались белые чайки. Свежий душистый воздух охватил их.

Беглый каторжник вдруг ощутил этот безграничный простор.

— Все это теперь мое, все это...

Он выпустил Анжелику, поднял руки, чтобы полной грудью вдохнуть чудный воздух, расправил плечи, ставшие еще шире за годы работы с веслом; узлы железных мышц выступали под красной рубашкой.

Анжелика отпрыгнула в сторону и бросилась бежать. Он крикнул: «Вернись!» — и бросился за ней. Он настигал ее и она повернулась к нему лицом, выставив вперед когти, как обозленная кошка.

— Не подходи ко мне... Не трогай меня...

Ее зрачки так сверкнули, что он застыл на месте.

— Что с тобой? Ты что, не хочешь, чтобы я тебя поцеловал? А ведь столько времени прошло... Ты не хочешь, чтобы я приласкал тебя?..

— Нет!

Брови его нахмурились. Казалось, он никак не мог понять, что она говорит, хотя напрягает внимание. Он вновь попытался схватить ее, но она увернулась, и он недоуменно забормотал опять:

— Что с тобой? Неужели ты так ко мне... Анжелика! Я ведь десять лет не имел женщины. Не прикасался ни к одной, да и не видел их... И вот ты появилась, ты оказалась тут, ты... Я разбил цепи, чтобы прийти к тебе, чтобы отнять тебя у другого... И что же, мне нельзя до тебя дотронуться?

— Нет.

В черных глазах каторжника заметалось безумие. Он бросился на нее и схватил, но она так яростно

царапалась, что снова выпустил, растерянно глядя на кровоточащие царапины на своих руках.

— Да что же с тобой? Ты не узнаешь меня, милочка? Все позабыла?.. Не помнишь, как спала возле меня, там, на Нельской башне? Я ведь тебя ласкал, я за тобой ухаживал, когда мне хотелось и тебе хотелось... Это ж не сон! Это было на самом деле! Скажи, разве это было не так, что мы с тобой земляки, что я всегда только тебя и хотел... и ты хотела меня, даже накануне свадьбы... Это ведь правда, настоящая правда. Я всегда любил только тебя... И ты ничего не помнишь... Я Никола, твой друг Никола, который собирал тебе землянику...

— Нет, нет! — кричала она, отчаянно пытаюсь убежать. — Никола давно уже умер. А ты — ты бандит Каламбрден. Тебя я ненавижу!

— А я тебя люблю! — взревел он.

Они бежали, продираясь сквозь кусты, сквозь какие-то колючие деревья. Наконец Анжелика споткнулась о пень и упала. Никола бросился на нее. Но она уже вскочила на ноги и отчаянно отбивалась, молотя его кулаками по лицу.

— Я ведь люблю тебя, — повторял он с недоумением. — Я всегда тебя любил, никогда не забывал... Столько лет подышал на скамье галеры и все думал о тебе... Всегда думал о тебе, и ты мне снилась, я обнимал тебя во сне... А теперь я больше ждать не могу...

Он пытался сбросить с нее одежду, но с мужским костюмом Анжелики справиться было нелегко, а она продолжала отбиваться со сверхчеловеческой силой. Наконец ему удалось разорвать воротник и обнажить ее грудь.

— Ну, позволь же мне, — умолял он. — Ну, пойми... Я изголодался... Я помираю, так хочу тебя, тебя...

Среди зарослей мирт и можжевельника, под налетающими порывами ветра продолжалась эта отчаянная безнадежная борьба.

И вдруг каторжника оторвало от нее и отбросило на несколько шагов в сторону. Из кустов вышел человек в разорванном мундире. Плечи и грудь его были изранены, на распухшем лице засохла кровь, но Анжелика узнала молодого лейтенанта Миллерана.

Никола уже поднялся и тоже узнал его.

— А, господин офицер, значит, вы не пришли по вкусу рыбам, когда вас выбросили за борт? Как жаль, что не я вас выбрасывал. Тогда бы вы уж не явились сюда нам ме...

— Негодяй! Ты за все ответишь! — крикнул молодой человек.

Никола бросился на него. Они дрались на краю скалы; вдруг Никола споткнулся, зашатался и полетел вниз. Анжелика отчаянно закричала. Послышался глухой удар тела, упавшего на прибрежные камни.

Лейтенант Миллеран вытирал пот со лба.

— Праведный суд свершился!

— Он умер, — кричала Анжелика. — Теперь он действительно умер. Ах, Никола! Ах! Теперь ты уж не вернешься...

— Да, он умер, — повторил офицер. — Вот уже море уносит его.

Оглушенный перенесенной борьбой, он не понимал ее криков и боли, бросившей ее на колени на краю скалы.

— Не смотрите туда, сударыня, незачем. Он действительно умер. Вам больше нечего бояться. Но встаньте и, прошу вас, перестаньте кричать. Не надо, чтобы другие бандиты вас услышали.

Он помог ей подняться, и с трудом двигаясь, они стали удаляться от места трагедии.

Глава 6

Они очень долго шли по пустынному берегу, и наконец впереди показалась черная башня замка, стоявшего на мысу.

— Слава Богу! — прошептал лейтенант Миллеран. — Мы попросим гостеприимства у владельца.

Молодой офицер едва стоял на ногах. Позади была страшная ночь в ледяной воде, когда он еле держался на волнах, борясь с судорогами и отчаянием. А когда на заре он увидел берег, то из последних сил доплыл до него и свалился на песок. Потом, придя в себя, он подкрепился несколькими ракушками, которые нашел на берегу, и решил пробираться в глубь острова в поисках помощи.

Вдруг он услышал женские крики и выбежал на то место, где Анжелика боролась с Никола. Охваченный гневом при виде преступника, зачинщика бунта, стоившего жизни его товарищам, Миллеран нашел в себе силы, чтобы расправиться с ним, но в схватке сам получил несколько жестоких ударов и теперь совершенно изнемогал. Анжелика тоже не могла похвастаться бодростью. Обоих томила жажда.

Увидев замок, они обрадовались и ускорили шаг. Вдали на берегу можно было различить человеческие фигуры, а за поворотом тропинки встретилось небольшое стадо коз, мирно жующих невысокую траву. Миллеран вгляделся в них. Вдруг он нахмурил брови и увлек Анжелику за камень, показав знаком, что надо лечь на землю.

— Что случилось?

— Не знаю... Но эти козы наводят на подозрение.

— Что же они натворили?

— Вполне возможно, что в бурные ночи их нарочно водят по берегу с фонариками на шее.

— Что это значит?

Он приложил палец к губам, потом ползком добрался до края обрыва и, оглядевшись, подозвал ее жестом.

— Я не ошибся. Смотрите, — шепнул он.

Под ними открывался вид на широкую бухту, над которой возвышался мрачный замок. В бухте, окруженной скалами, плавали остатки разбитого бурей судна. Прибой выносил мачты, весла, паруса, обломки позолоченных поручней, бочки, доски. Волны подталкивали их, разгоняя и сметая вместе, а между ними виднелись человеческие тела. Другие трупы, выброшенные на берег, отражались в неглубоких водах прилива, и в глаза бросались красные пятна их рубах. А на берегу, над которым носились пронзительно кричавшие чайки, бродили мужчины и женщины с баграми, вытаскивая все, что держалось на воде. У скал другие люди сталкивали тела утопленников подальше в море. Несколько человек на челноках добирались до застрявшего на подводных камнях у входа в бухту перевернутого и разбитого волнами корпуса корабля.

— Это устроители кораблекрушений, грабители разбитых кораблей. По ночам они вешают на своих коз фонарики. Мерцающие огоньки видны далеко и кажутся огнями гавани. Корабли, ищущие спасения, направляются сюда и разбиваются о камни, преграждающие вход в бухту. Сегодня ночью каторжники на галере увидели эти огни и хотели вести ее сюда, надеясь войти в спокойную гавань.

— Что ж, они дорого поплатились. А что скажет господин де Вивонн, когда узнает о гибели адмиральской галеры. Бедная «Ла-Рояль»!

— Что же нам делать?

Беззвучное появление десятка смуглых фигур избавило лейтенанта от необходимости отвечать.

Устроители кораблекрушений связали пленников по рукам и ногам и доставили к синьору Паоло де Висконти, который распоряжался здесь всем из своей крепостной башни, сооруженной из кусков застывшей лавы.

Это был генуэзец атлетического сложения, могучие мышцы вздымались у него под атласным костюмом, а ослепительная улыбка и злобный взгляд обличали в нем разбойника. Он и был разбойником, командовавшим на своем одиноком острове немногочисленными вассалами — совершенно дикими корсиканцами. Он очень обрадовался, когда доставили пленных. Старая галера и несколько несчастных гребцов были слишком жалкой добычей.

— Офицер Его величества короля французского! — воскликнул он. — Смею надеяться, синьор, что у вас есть состоятельные родственники, которые вас очень любят? А что это за прелестный юноша? Дио мио! — и он взял Анжелику за подбородок грязной рукой в дорогих перстнях.

Лейтенант де Миллеран представил Анжелику:

— Мадам дю Плесси-Белльер.

— Так это женщина! О, Мадонна! Но как она хороша! Красавица просто... Я люблю юношей, но женщина — это будет получше!..

Лейтенант де Миллеран узнал от него, что буря занесла их на дикий островок недалеко от Корсики, принадлежащий Генуе.

Из уважения к их титулам итальянец пригласил пленников к обеду. Его стол представлял забавную смесь роскоши и деревенской примитивности. На чудесной кружевной скатерти лежало лишь несколько оловянных ложек, а вилок и вовсе не было. Пришлось

братъ еду пальцами с серебряных тарелок, помеченных клеймом знаменитого венецианского ювелира.

Герцог де Висконти угостил своих умиравших с голоду пленников жареным молочным поросенком, уложенным на листья каштана и пучки укропа. Потом слуги принесли большую миску супа, золотистого от шафрана, с пирожками и нарезанным сыром.

Несмотря на тревогу, Анжелика буквально пожирала еду. Генуэзец бросал на нее разбойничьи взгляды и все подливал в украшенный искусной резьбой кубок черное сладкое вино, от которого она скоро разругнулась. Насытившись, она испуганно посмотрела на лейтенанта. Тот понял и пришел ей на помощь.

— Мадам дю Плесси очень утомлена. Нельзя ли ей отдохнуть в спокойном месте?

— Утомлена? Синьора ваша возлюбленная, синьор?

— Нет, — отвечал молодой человек, вспыхнув до корней волос.

— Так? Ну, тогда я очень доволен. Теперь я могу дышать, — воскликнул генуэзец, прикладывая руку с раздвинутыми веером пальцами к сердцу. — Я не хотел бы вас огорчить. Но... Все получается прекрасно.

Он повернулся к Анжелике:

— Вы устали, синьора? Я понимаю. Я не злодей!.. Я велю сейчас отвести вас в ваши... как это говорится по-французски?.. в ваши апартаменты.

Ее провели в комнату на самом верху башни, по которой гуляли сквозняки. Там стояла кровать с дырявыми простынями и парчовыми одеялами, а кругом теснились венецианские зеркала, французские настенные часы, турецкие сабли. Анжелике это напомнило комнату на Нельской башне — пристанище воров.

Маленькая служанка-корсиканка настойчиво предлагала ей принять ванну и надеть довольно красивое платье, вынутое из сундука, где оно

хранилось вместе с множеством других, вытащенных, конечно, из чемоданов смелых путешественниц. Анжелика с удовольствием погрузилась в бадью с горячей водой, расправив свое измученное тело, обожженное солнцем, саднившее от соленой морской воды. Но, вымывшись, она натянула свою прежнюю одежду, пусть измятую, изорванную и запачканную. Надежно завязала пояс, в котором хранились золотые монеты. Это золото и мужская одежда, казалось, как-то защищали ее. Кровать как будто качало, и это напоминало морскую качку и не давало покоя ее измученным нервам. Перед ней кружились, возникая вновь и вновь, лица Никола, каторжников, синьора Паоло. Наконец она погрузилась в тяжелый сон.

Разбудили ее частые удары в окованные железом створки двери. Приглушенный голос звал:

— Госпожа! Госпожа!.. Это я... Госпожа маркиза, откройте мне!..

Она обхватила голову руками. Струйки ледяного воздуха проникали в комнату.

— Это я, Флипо!

— Ты тут?

Она встала, нащупала в темноте засовы; отодвинув их, приоткрыла дверь и увидела своего маленького слугу с масляным светильником в руках.

— Как вы поживаете, госпожа маркиза? — мальчишка расплылся в улыбке.

— Но как же это?.. Как ты... — Она с трудом собиралась с мыслями. — Флипо, откуда ты взялся?

— Из воды, как и вы, госпожа маркиза.

Анжелика обняла мальчика и расцеловала.

— Маленький мой, как я рада! Я думала, что тебя убили каторжники или ты утонул при кораблекрушении.

— Нет. На галере Каламбрден узнал меня и сказал: «Он из наших». А я попросил его не убивать старого аптекаря, который им зла не сделает. Нас заперли в

одном закутке. Потом господину Савари удалось сломать замок; была уже ночь, и буря в полном разгаре. Галерники вопили на гребных скамьях, а те, что освободились, бегали по судну, ища, за что бы ухватиться. Когда мы убедились, что вас на борту нет, мы с господином Савари решили спустить каик. Замечательный моряк этот старик, надо сказать! Но все равно мы попали в руки дикарей господина Паоло. Правда, мы остались целы, и они нам дали даже кое-что пожевать. Когда мы узнали, что и вы спаслись, мы очень обрадовались.

— Да, остаться в живых, конечно, очень хорошо, но положение у нас невеселое, мой бедный Флипо. Мы попали в руки страшных разбойников.

— Потому я и разыскал вас. Тут одна барка скоро выйдет в море... Это купец, которого задержал господин Паоло и который хочет убраться отсюда потихоньку. Он согласился подождать нас час, но надо спешить.

Анжелике не нужно было долго раздумывать. Все, что она имела, было на ней. Она только огляделась, подумала, что один из кинжалов, украшавших стену, может пригодиться, и засунула его в рукав.

— А как же мы выберемся из замка?

— Попробуем. Тут все праздновали захват галеры, на борту оказалось несколько бочек вина. Они все перепились, как свиньи!

— А синьор Паоло?

— Я его не видел. Может быть, тоже храпит где-нибудь в углу.

Молодая женщина спросила про лейтенанта Миллерана. Но Флипо сказал, что его заперли накрепко, так что приходилось предоставить его печальной судьбе.

Они спускались по бесконечным винтовым лестницам, где ветер задувал лампы и колебал пламя

факелов, укрепленных в железных кольцах.

В последней зале прохаживался, слегка пошатываясь, генуэзец. Он увидел их, и улыбка его не предвещала ничего хорошего.

— Ах, синьора! Что же это? Вы пришли посидеть со мной? Я счастлив.

Анжелике оставалось спуститься еще на несколько ступенек. Она оценила ситуацию. Над головой синьора Паоло висела квадратная рамка из грубых реек, на которой были укреплены четыре толстых сальных свечи. Эта примитивная люстра держалась на шнуре, пропущенном через блок. Конец шнура был привязан к железному крюку над лестницей. Анжелике не потребовалось и трех секунд, чтобы выхватить из рукава кинжал и обрезать шнур, до которого она смогла дотянуться. Она так и не узнала, стукнуло ли генуэзца этим светильником по голове, потому что свечи погасли прежде, чем упали. Они с Флипо услышали только крики синьора Паоло и грохот падения и поняли, что он, хоть и жив, но в неважном состоянии. Воспользовавшись темнотой и беспорядком, Анжелика и Флипо разыскали дверь и без затруднений перебежали через двор. Здание было полуразрушено, и беглецы думали, что придется выбираться еще за стену, когда Флипо заметил тропинку, ведущую к месту встречи.

Облака быстро бежали по ночному небу и вдруг раздвинулись, открыв круглую луну.

— Нам сюда, — шепнул Флипо.

Слышно было, как море бьет о выступ песчаного берега. Они пробрались сквозь кусты и оказались возле бухточки, где у барки двигались какие-то тени.

— Так это вы собирались накормит!? собой рыбу возле берегов Корсики либо Сардинии? — спросил голос с марсельскими интонациями.

— Да, это я, — отвечала Анжелика. — Вот, возьмите, это вам за труды.

— Этим потом займемся. Забирайтесь в лодку.

Поблизости мэтр Савари сыпал проклятиями, словно джинн:

— Ваша жадность погубит вас, молох вы ненасытный, спрут циклопический, пиявка поганая!.. Вам только бы высосать у человека все состояние. Я же предложил вам все, что имею, а вы не хотите взять меня!

— Я плачу за этого господина, — сказала Анжелика.

— Многовато будет народу на борту, — проворчал хозяин барки, отходя к рулю и делая вид, что не замечает, как забирается туда старик со своим мешком, ящиком и аптечкой.

Луну, издревле помогавшую в этих местах контрабандистам и беглецам, надолго затянули облака. Пока ничего не было видно, барка успела выбраться за скалы, где стояли на страже часовые генуэзца.

Когда же серебряный серп луны выплыл вновь, огонь, пылавший на башне устроителей кораблекрушений, был уже далеко.

Провансалец глубоко вздохнул.

— Ну, вот и все. Теперь и петь можно. Возьми руль, Мучо.

Он вытащил из футляра гитару и стал умело перебирать ее струны. Скоро его звучный голос пронзил средиземноморскую ночь.

Глава 7

— Так это вы — та дама, что хотела из Марселя отправиться в гости в гарем Великого турка? Ну, надо признаться, вы последовательны. Что называется, уговорили-таки меня...

При утреннем свете Анжелика не без удивления узнала в хозяине барки «Жольета» того марсельца, который однажды так предостерегал ее против опасностей морского путешествия. Его звали Мельхиор Паннасов. Это был человек лет сорока, веселый и бодрый. Его загорелое лицо выступало из-под красно-белого неаполитанского колпака. На нем были черные штаны, перехваченные широким поясом, обернутым несколько раз вокруг талии.

Он медленно пожевал свою трубку, сонно улыбаясь, а потом договорил, повернувшись к матросу:

— Да, можно сказать, чего женщина хочет... тому и сам Господь Бог не сможет противостоять.

Матрос, беззубый старикашка, тощий как прут и столь же молчаливый, сколь разговорчив был его хозяин, выразил свое согласие просто плевком.

Третьим и последним членом команды был мальчик-грек, по имени Мучо.

— Итак, вы все-таки оказались у меня на борту, сударыня, — продолжал купец. — У меня тут не слишком просторно, да еще и груз. Да ведь я не думал, что у меня окажется в пассажирах дама... Что тут скажешь...

— Постарайтесь, пожалуйста, обращаться со мной, как с юношей. Неужели меня уж никак нельзя принять за джентльмена?

— Может быть, сумеем, в конце концов. Но пока мы тут у себя. Незачем сейчас разыгрывать комедию.

— Я хочу, чтобы вы привыкли свободнее обращаться со мной на тот случай, если на нас нападут неверные.

— Ах, вы дурочка, прошу прощения, о чем вы мечтаете? Этим людям все равно, парень вы или девушка. Если у вас мордашка недурна, сразу ухватят. Можете справиться у Меццо-Морте, адмирала алжирского флота. Ха-ха-ха!

Он грубо захохотал, подмигивая своему бесстрастному матросу.

Анжелика пожала плечами.

— Ведь это смешно, рассуждать все время о роковой встрече с берберами или с кораблями Великого турка.

— Нет, сударыня, простите, это не фантазия. Вот я сам десять раз попадал в плен. Пять раз меня обменивали почти сразу, но в другие разы мне доставалось. В общей сложности я тринадцать лет провел в плену. Приходилось мне и виноград сажать на том берегу Босфора, и хлеб печь для гарема не упомяну уж какого паши, у которого был загородный дом под Константинополем. Можете представить меня, — меня — в роли булочника! Вот уж была морока, черт побери!.. Да еще приходилось изготавливать их любимые лепешки, тонкие, как платок. Их надо было швырять в печь, как блины. Научился я руками ворочать, попадал точнехонько, стоило полюбоваться! Но уж очень противно было, что ходят кругом евнухи с саблями и все сторожат, не заглядываюсь ли я на красоток за решетками гарема...

— Друг мой, — заметил Савари, — вы не можете утверждать, что страдали в плену, если не попадали, как я, к марокканцам. Из мусульман они самые злобные. Свою религию они принимают всерьез и ненавидят христиан. В далекие от побережья города совсем не допускают белых и даже турок, которых они считают недостаточно правоверными. Меня они загнали в городок в пустыне, где добывают соль, зовется

Тимбукту. Ну, когда увидели, что я там помирать не собираюсь, отправили в другой город, в Марокко — работать в мечети Эль-Муасин и в мечети султанши Ваиде.

— Да уж! Такому чудаку, который пускается в путь, не имея при себе ничего, кроме склянки с какой-то мазью, вполне пристало вымешивать глину с ослиным навозом и лепить из этого безобразные халупы — мечети неверных.

— Друг мой, вы меня оскорбляете. Вы ведь не видали ни мечети Эс-Сабат в Мекнесе, ни Карауин, ни Баб Гиса в Фесе, ни королевского дворца султана, который много величественнее Версаля.

— А я говорю, это все халупы, лишь чуть обмазанные штукатуркой. Вот Святая София и Семибашенный замок в Константинополе — совсем другое дело. Это настоящие здания! Они ведь были построены христианами, еще когда Константинополь назывался Византией.

Дрожа от возмущения, мэтр Савари снял свои очки и стал их протирать.

— Во всяком случае, эти марокканские «хибары» не сравнить с теми лепешками, которые вы пекли для своего паши стамбульского. А что до моей склянки с мазью, как вы изволили выразиться, то вы относились бы к ней уважительнее, если бы знали, что в ней содержится.

— Черт побери, если вы мне нацедите оттуда стаканчик, я, может быть, возьму свои слова назад и принесу извинения, упрямый вы старикан.

Савари торжественно поднялся и достал свой драгоценный сосуд. С массой предосторожностей он вытащил обмазанную красным сургучом пробку и подставил горлышко под нос Мельхиору Паннасаву.

— Ощущаете этот божественный аромат, капитан? Персидские государи заплатили бы вам десять мешков

золота, если бы вы хоть один раз съездили за этим царским настоем.

— Тьфу! Это, оказывается, не вино. Что ж это, лекарство какое-то?

— Это чистое минеральное мумие, извлеченное из священной скалы персидского короля.

— Я слыхал об этой мази, арабские купцы говорили, что она дорого стоит, но мне не нравится перевозить такое снадобье на моем корабле.

Марселец бросил на сосуд неприязненный, но не лишенный опасения взгляд. Ученый удовлетворился произведенным впечатлением и вытащил из кармана палочку красного сургуча и трут с огнивом.

— Я запечатаю сосуд заново, стоя против ветра, потому что достаточно малого испарения мумие, чтобы вспыхнуло пламя. Я убедился в этом во время своих опытов.

— Так вы нас тут сожжете заживо! — вскричал Паннасов. — Мать Божия, вот какая меня ждет награда за то, что я пожалел бедного старика, такого безобидного на вид. Не знаю, что мне мешает выбросить в море вашу проклятую склянку!

Он угрожающе повернулся к драгоценному сосуду, и Савари закрыл его своим телом. Капитан отвернулся, насмешливо ворча.

Анжелика смеялась.

— Так вам удалось сохранить свое мумие, мэтр Савари? Поразительно!

— Вы что думаете, я первый раз попал в кораблекрушение? — старик держался независимо, но восхищение Анжелики явно польстило ему.

***

Погода была просто великолепная. Лишь редкие облака скользили по ясному небу, подгоняемые сухим ветром, взметывавшим белые хлопья пены на хребтах невысоких волн.

— Повезло нам, что буря кончилась, как только мы ушли от берега, — заговорил марселец, прочищая трубку. — Теперь до самой Сицилии море будет спокойное: синий простор и больше ничего.

— А берберы? Вдруг выскочат... — заметил мэтр Савари.

— Не понимаю, как это вы решаетесь вновь и вновь пускаться в море, когда у вас обоих было столько опасных приключений, — сказала Анжелика. — Зачем вам путешествовать? Что вас гонит в путь?

— Зачем? А вы, кажется, задумались... Это добрый знак! А ведь как настаивали раньше, чтобы я вас взял. Зачем я плаваю? Да ведь это мое дело, сударыня. Я веду торговлю. Вожу разные товары из одного порта в другой. Вот сейчас у меня лекарственные растения. Видите эти пакетики из оловянной фольги? В них шалфей и огуречная трава. На Леванте я их обменяю на сиамский чай. Настойки на настойки, так сказать.

— Чай не трава, — стал поучать Савари. — Он не относится ни к семейству миртовых, ни к фенхелям. Это листья деревца, похожего на лавровишню. Их настой очищает мозг, дает ясность глазам и очень помогает от ветров.

— Возможно, так оно и есть, — отвечал, посмеиваясь, марселец, — только я сам предпочитаю турецкий кофе. А чай я перепродаю мальтийским рыцарям, которые торгуют им с берберами, алжирцами, тунисцами и марокканцами. Там, видно, все чай пьют. Ну, а еще есть у меня некоторая толика кораллов да несколько чудесных жемчужин из Индийского океана, упрятанных хорошенько в моем поясе. Вот и все!..

Мореход из Прованса расправил плечи, потянулся и улегся на одной из скамеек, подставив лицо солнцу.

Анжелика сидела на носу, расчесывая волосы. Она устроилась против ветра, и распущенная золотая с

дымкой густая волна оттягивала ее голову назад, подставляя лицо жарким ласкам солнца.

Мельхиор Паннасов поглядывал на нее полуприкрытыми глазами.

— Говорите, зачем я плаваю? — он улыбнулся. — Да потому, что для уроженца Марсея самое лучшее на свете — это носиться по белу свету между синим небом и синим морем в такой вот ореховой скорлупке. А когда еще окажется перед глазами красавица, которая распускает волосы по ветру, ну, тогда можно сказать...

— С правого борта косой парус, — разжал зубы старый матрос.

— Помолчи, мешаешь мне мечтать.

— Это арабский парусник.

— Подними флаг Мальтийского ордена.

Юнга пошел на корму и поднял красное полотнище с белым крестом посредине. Вся команда суденышка не без тревоги следила за реакцией арабского парусника.

— Уходят, — со вздохом облегчения произнес Паннасов, собираясь продолжать отдых. — Нет сильнее противоядия от всех смуглокожих, у кого на мачте знак полумесяца, чем флаг этих славных монахов, членов ордена святого Иоанна Иерусалимского. Правда, их уже нет ни в Иерусалиме, ни на Кипре, ни даже на Родосе. Но на Мальте они крепко держатся. Вот уже сколько веков мусульмане не знают врагов злее. Испанцы, французы, генуэзцы, даже венецианцы — это все враги временные, случайные. А вот орден святого Иоанна, эти рыцари-монахи, — это настоящий враг магометан. Мальтийский рыцарь с белым крестом на груди всегда готов разрубить сарацина пополам. Вот почему я, Мельхиор Паннасов, понимающий, что к чему, не пожалел истратить сто ливров, чтобы получить разрешение поднимать этот флаг. Пришлось и сверх того немало заплатить, но эти деньги вложены хорошо. Есть у меня еще и французский флаг, и знак герцога

Тосканского, и еще, один старинный флаг, который даст мне уйти от марокканцев, если повезет, да еще пропуск в марокканские владения. Вот эта бумага — просто сокровище! Мало кто ее имеет. Я ее берегу на случай последней крайности. Видите, сударыня, берберы ли нагрянут или еще кто, мы всегда готовы.

Глава 8

На провансальском суденышке не было ни каюты, ни помещения для команды. Юнга Мучо подвесил два гамака и укрепил над ними непромокаемое, пропитанное льняным маслом полотно, чтобы как-то защитить Анжелику от заплескивающих ночью на палубу волн. Ветер ослабел, прекратился, но вскоре вновь поднялся, переменив направление. В быстро наступившей тьме моряки передвигали паруса.

— А фонарей вы не зажигаете? — спросила молодая женщина.

— Чтобы нас заметили?

— Кто?

— Разве угадаешь? — провансалец махнул рукой в сторону таящего невесть что горизонта.

Анжелика слушала гул моря. Прошло немного времени, и поднялась луна, серебряная дорожка протянулась от нее прямо к их кораблику.

— Пожалуй, теперь можно и спеть, — Мельхиор Паннасава взял гитару.

Звучная мелодия неаполитанской песенки взлетела над морской тишью, и море словно поглотило ее. Анжелика вдруг подумала, что на Средиземном море все поют. В песнях каторжники забывают о своих страданиях, моряки — о грозящих им опасностях. Испокон века достоянием южных народов были сильные музыкальные голоса. «А он, тот, кого называли золотым голосом Франции, ведь мог петь так, что его слава прошла бы через моря и земли...» Охваченная внезапной надеждой, она воспользовалась тем, что Паннасава сделал передышку, и спросила его, не говорят ли в Средиземноморье о певце с особенно красивым и волнующим голосом. Марселец подумал и потом

перечислил всех прославленных певцов от Босфора до Испании, включая Корсику и Италию, но никто из них не соответствовал приметам лангедокского трубадура.

С этим разочарованием она и уснула.

Когда она проснулась, солнце стояло уже высоко. Море было прекрасно. Кораблик плыл довольно быстро. Хозяин его, кажется, дремал за рулем. Старый матрос лежа жевал табак. Неподалеку спали, скорчившись, Флипо и юнга в красной рубашке, распахнутой на смуглой груди. Савари нигде не было видно. Исчез и сосуд с его драгоценным мумие.

Анжелика вскочила и встряхнула толком не проснувшегося хозяина корабля.

— Что вы сделали с мэтром Савари? Неужели насильно высадили его ночью?

— Если вы так будете дергаться, милая, пожалуй, и вас придется высадить.

— Ах, неужели вы так подло поступили?! Потому что у него не было денег? Ведь я сказала вам, что заплачу за него.

— О ля-ля! — засмеялся тихонько капитан. — Свирепа, как Тараска^[4], честное слово! Вы что же, воображаете, что корабль — не пиратский, разумеется, — может ночью войти в порт и выйти потом, словно окруженный облаком, так что никто ничего не увидит и не услышит, без всяких формальностей, без ведома представителей адмиралтейства и карантинной полиции?.. Крепко бы вам надо было спать, чтобы ничего такого не услышать.

— Но куда же он делся? — с отчаянием воскликнула Анжелика. — Не в море же упал?

— Правда, что-то странно, — согласился марселец, оглядываясь.

Кругом, сколько глаз хватало, простиралось синее мерцающее море.

— Я здесь, — голос доносился словно из глубины, из царства Нептуна. Приоткрылась крышка люка, и показалось черное, как у трубочиста, лицо.

Старый ученый выкарабкался из трюма, держа в одной руке какой-то черный предмет и пристально вглядываясь в него. Свободной рукой он попытался утереть лоб.

Марселец расхохотался.

— Не трудитесь, дед, понапрасну. Пиньо не смывается, оно красит покрепче, чем чернильные орешки.

— Странное вещество, — сказал ученый. — Похоже на свинец.

Море качнуло корабль, и он выронил из рук черный предмет, с тяжелым глухим стуком упавший на палубу.

— Нельзя ли поосторожнее? — свирепо набросился на старика Паннасов. — Если бы эта плитка упала в море, мне пришлось бы выплатить за нее тысячу ливров.

— До чего же подорожал свинец в ваших краях, — заметил аптекарь.

Марселец, видимо, пожалев о своей вспышке, добавил уже спокойным голосом:

— Я это так сказал, на всякий случай. Ничего дурного нет в перевозке свинца, но лучше бы вы держали себя так, словно ничего не видели. А зачем вы вообще полезли ко мне в трюм?

— Я хотел спрятать надежнее бутылку с мумие, чтобы она не выкатилась случайно и не попала кому-нибудь под ноги на мостике. Не дадите ли вы мне, мой друг, немного пресной воды, чтобы отмыть это?

— Будь у меня огромный запас ее, я бы все равно не дал вам. Тут ни вода, ни мыло не помогут. Нужен лимон или крепкий уксус, а у меня на борту ни того, ни другого нет. Придется вам подождать, пока доплывем до земли.

— Странное вещество, — повторил ученый и уселся в уголке, смирившись.

Анжелика устроилась в глубине корабля на сложенном парусе, куда не задувал ветер, и без особого аппетита жевала завтрак, предложенный Паннасавом пассажирам: кусок солонины, сухари и сладкий перец. Она смотрела на плитку «пиньо», и в памяти ее пробуждались давние наблюдения. Савари, при всей своей учености, видимо, не знал, что «пиньо» — это вовсе не свинцовая руда, а сплавленный порошок серебра, обожженный парами серы, которые и придают ему такой черно-землистый цвет. Граф де Пейрак прибегал когда-то к такому камуфляжу, доставляя серебро из своих Аржантьерских рудников в Испанию и Англию. Ей доводилось слышать, что многие контрабандисты в Средиземноморье пользовались этим приемом.

В полдень, когда Мельхиор Паннасав собрался подремать на своей любимой скамейке, Анжелика подседа к нему и заговорила вполголоса:

— Господин Паннасав?

— Да, прекрасная дама.

— Позвольте маленький вопрос. Вы не для Рескатора перевозите серебро?

Марселец как раз расправлял платок, чтобы укрыть им лицо от жгучих солнечных лучей. Он резко выпрямился, утратив выражение добродушия.

— Не понимаю, о чем вы говорите, сударыня. Вы знаете, как опасно вести необдуманные речи. Рескатор — это пират-христианин, связанный с турками и берберами, он человек опасный. Я никогда его не видел и не хочу видеть. А в трюме я везу свинец.

— У меня на родине рудокопы называют это «ла мат», вы говорите «пиньо». Это одно и то же: неочищенное серебро, зачерненное сверху. Мулы моего отца подвозили этот металл к берегу океана, и там эти

грязные лепешки, без королевского клейма, грузили на корабли. Я не ошибаюсь. Выслушайте меня, господин Паннасов, я вам все расскажу.

Она рассказала, что ищет человека, которого любит, и который занимался когда-то минералами и добычей руд.

— И вы полагаете, что он и сейчас может этим заниматься?

— Да.

Не слышал ли он, занимаясь такими перевозками, об одном очень ученом человеке, хромом... с изуродованным лицом?

Мельхиор Паннасов отрицательно качал головой, а потом спросил:

— А как его зовут?

— Не знаю. Ему пришлось изменить имя.

— Даже имени нет, что же тут скажешь? Разве только, что любовь, действительно, слепа и поражает кого попало.

Он глубоко задумался. Постепенно лицо его приняло обычный спокойный вид, но заговорил он суровым тоном.

— ...Послушайте меня, своевольница, я не собираюсь спорить с вами о вкусах и не спрашиваю вас, почему вы так держитесь за этого любовника, когда на свете полно стройных и хорошо сложенных красавцев с гладкими щеками и носом, как ему полагается, в середине лица, гордо откликающихся на имя, которое Господь Бог и родители дали им при крещении... Не мое дело поучать вас, нет. Вы уже не девчонка и знаете, чего хотите. Но фантазиями увлекаться незачем. «Пиньо» всегда возили через Средиземное море и всегда будут возить. Чтобы этим заниматься, не дожидались вашего колченогого любовника. Могу вам сказать: уже мой отец перевозил «пиньо», и его называли рескатором. Конечно, он был маленьким

рескатором, с этим великим не сравнить. Этот — настоящий крокодил. Он приехал сюда из Южной Америки — так рассказывают, — куда испанский король послал его за золотом и серебром из сокровищ инков. Возможно, потом он решил действовать только в свою пользу и заняться этим делом. Он появился на Средиземном море и сразу пожрал всех мелких перевозчиков. Надо было либо работать на него, либо идти ко дну. Он захватил, как теперь выражаются, монополию. Жаловаться, собственно говоря, не на что. Теперь на Средиземном море дела пошли заметно лучше. Обмен совершается удобнее, можно дышать! Раньше приходилось долго вымаливать на рынке хоть немного серебра. Оно поступало крохами. Просто живот подводило. Если какой-нибудь купец хотел заключить крупную сделку с восточными продавцами шелков, например, или чего другого, ему нередко приходилось брать серебро в банке за грабительские проценты. А турки не желали знать наших платежных обязательств. Это естественно. Торговлю нельзя было вести как следует, денежные курсы все время менялись. Теперь серебро хлынуло на рынок. Откуда оно? Незачем нам это знать. Существенно то, что оно есть. Разумеется, не все этому рады. Недовольны те, кто держали раньше серебро в своих руках и выдавали его только за упятеренную цену: королевства, мелкие государства... Испанский король, который раньше думал, что ему принадлежат все богатства Нового Света, и другие — помельче, но не уступающие ему в жадности, герцог Тосканский, венецианский дож, мальтийские рыцари. Теперь им приходится продавать серебро по нормальному курсу.

— Короче говоря, ваш патрон спас торговлю.

Марселец помрачнел.

— Он мне не патрон. Я не хочу иметь ничего общего с этим проклятым пиратом.

— Но ведь вы перевозите серебро, а раз у него монополия...

— Послушайте, маленькая, мой совет. Здесь не принято слишком пристально вглядываться. Нам не нужно знать, ни откуда тянется нить, за которую мы держимся, ни где ее конец. Я обычно беру груз в Кадиксе или еще где-нибудь, чаще всего в Испании. Перевезти его надо в колонии Леванта. Я выгружаю свой товар, и со мной расплачиваются либо чистоганом, либо векселем, который я могу предъявить по всему Средиземноморью: в Мессине, Генуе, даже Алжире, если бы меня туда занесло. Вот все. Можно возвращаться в Марсель.

С этими словами марселец накрыл лицо платком, показывая таким образом, что сказал все, что хотел.

«Нечего стараться узнать, куда ведет нить, за которую держишься...» Анжелика покачала головой. Нет, она не собирается подчиняться здешнему закону, закону этих мест, где скрещивалось столько страстей и противоположных интересов, так что приходилось прибегать к спасительному забвению, к короткой памяти. Ухватив нить, она не выпустит ее из рук, пока не добьется своего.

Но иногда ей казалось, что нить выскальзывает из пальцев, становится призрачной и исчезает в небесной лазури. В ленивом колыхании моря, под жаркими лучами солнца действительность превращалась в сказку, в недостижимую мечту. Понятно, почему мифы античности родились на этих берегах. «Может быть, я гонюсь за мифом?.. За легендой об исчезнувшем герое, которого уже нет среди живых?.. Как я ни стараюсь проследить его путь здесь, передо мной встают только находящие друг на друга миражи».

Вслух она произнесла:

— Вы рассказали мне много интересного, господин Паннасава, благодарю вас за это.

— Кое-что мне известно, — снисходительно принял ее благодарность марселец и растянулся на своей скамейке.

***

Вечером на горизонте забелела покрытая снегом горная вершина.

— Это Везувий, — сказал Савари.

Юнга, вскарабкавшийся на мачту, объявил, что видит парус. Они ждали приближения судна. Это была бригантина, хорошее военное судно.

— Какой флаг?

— Французский, — обрадованно крикнул Мучо.

— Поднять флаг Мальтийского ордена, — приказал Паннасава, напряженно вглядываясь в приближающийся корабль.

— А почему нам не поднять флаг со знаком лилии, раз перед нами соотечественники? — спросила Анжелика.

— Потому что я боюсь соотечественников, которые путешествуют на испанских военных кораблях.

Галион устремился наперерез «Жольете». На нем подняли королевское знамя. Мельхиор Паннасава выругался.

— Говорил же я вам! Они требуют осмотра нашего корабля. Это не по праву: они находятся в неаполитанских водах, а Франция с орденом Мальты сейчас не воюет. Конечно, это какой-то флибустьер, которых столько теперь развелось к позору нашего флага. Ну, подождем...

Галион маневрировал, приближаясь к «Жольете». Часть парусов там спустили. Потом Анжелика с удивлением увидела, что французский флаг там пошел вниз, а вместо него появился другой, незнакомый.

— Это флаг великого герцога Тосканского, — сказал Савари. — Это значит, что экипаж на судне

французский, но они купили себе право продавать свою добычу в Ливорно, Палермо и Неаполе.

— Ну, нас они еще не добыли, дети мои, — вполголоса проговорил марселец. — Приготовимся к пиру, раз уж они так настаивают.

Из рубки галиона за ними следил в подзорную трубу господин в красном рединготе и шляпе с плюмажем. Когда он опустил трубу, Анжелика увидела, что он в маске.

— Это скверно, — проворчал Паннасава. — Те, кто надевают маску, идя на abordаж, люди не слишком порядочные.

Около этого господина крутился человек с лицом висельника, видимо, его помощник.

— Какой у вас груз? — спросил по-итальянски в рупор господин в рединготе.

— Везем свинец из Испании на Мальту, — отвечал Паннасава на том же языке.

— И больше ничего? — этот вопрос был задан уже по-французски, нетерпеливо и нагло.

— Еще лечебные настои, — по-французски же отвечал Паннасава.

Экипаж галиона — те, кто стояли возле рубки и слушали переговоры, — разразился хохотом.

Паннасава подмигнул своим:

— Хорошо, что я придумал эти настои. Им это не по вкусу.

Но господин в рубке посоветовался со своим помощником и опять взял рупор.

— Опустите паруса и приготовьте декларацию на груз. Мы проверим, соответствует ли она тому, что вы везете. Марселец густо покраснел.

— Что он себе воображает, этот пресноводный пират? Что может приказывать честным людям? Сейчас я ему покажу манифестацию и декларацию!

С бригантины спустили каик. В него уселись вооруженные мушкетами матросы под началом помощника капитана. Один глаз его был закрыт черной повязкой, что придавало физиономии особенно гнусный вид.

— Мучо, приспусти парус и будь готов взяться за кормовое весло, когда я скажу. Дед, вы хитрее, чем кажетесь. Подойдите ко мне, не торопясь. Они следят за нами. Повернитесь к ним спиной. Вот так. Возьмите ключ от сундука с порохом. Вытащите также несколько снарядов, когда я поверну руль и они не смогут нас видеть. Пушка уже заряжена, но может потребоваться еще. Не снимайте пока чехол с пушки. Может быть, они ее не заметили...

Паруса обвисли. «Жольета» поворачивалась под ветром. К ней приближалась, ныряя в волнах, лодка флибустьеров, гонимая сильными ударами весел.

Мельхиор Паннасов крикнул в рупор:

— Я отказываю вам в праве осмотра.

На лодке насмешливо захохотали.

— Ну, теперь дело в дистанции, — пробормотал марселец. — Беритесь-ка, дед, за руль.

Он быстро сбросил чехол, скрывавший от глаз маленькую пушку, схватил фитиль, зажег его и поднес к казенной части пушки.

— Ну, с Богом! Идите-ка ко дну!

От выстрела «Жольету» так встряхнуло, что все на ней упали.

— Промазал! Черт побери! — Паннасов выругался и в окружавшем его облаке дыма стал на ощупь снова заряжать пушку.

Снаряд упал в воду в нескольких шагах от каика пиратов, только забрызгав их. Они разразились проклятиями и стали заряжать свои мушкеты.

«Жольета» продолжала поворачиваться и представляла удобную цель для превосходящего по

численности противника.

— Весло, Скаяно, кормовое весло! А вы, дед, правьте зигзагами.

Раздался залп мушкетов. Марселец крикнул и схватился за правую руку.

— Ах, вы ранены! — бросилась к нему Анжелика.

— Мерзавцы! Они мне еще заплатят за это. Дед, сумеете справиться с пушкой?

— Я делал фейерверки для Солимана-паши.

— Ладно. Приготовьте заряд. А ты, Мучо, берись за руль.

Каик флибустьеров был уже в полусотне брас, море начало волноваться, и парусник, и его противник то взлетали вверх, то ныряли в волны под ударами ветра.

— Сдавайтесь, идиоты! — крикнул человек с черной повязкой на лице.

Мельхиор Паннасов, прижимая раненую руку, повернулся к своим спутникам. Они все отрицательно качнули головой. Тогда он крикнул в ответ:

— Вам еще не доводилось слышать, вам и вашему капитану-пирату, как может вас обложить провансальский моряк?..

Он протянул палец к Савари и тихо скомандовал:

— Огонь!

Второй выстрел сотряс «Жольету». Когда дым рассеялся, они увидели, что в волнах носятся весла и обломки каика и люди цепляются за них.

— Браво, — прошептал марселец. — Теперь поднимать все паруса, попробуем удрать.

Но тут «Жольету» поразил глухой удар. Анжелике показалось, что поручни, за которые она держалась, вдруг растаяли, а пол под ногами у нее вдруг оледенел. Соленая вода попала ей в рот.

Глава 9

Капитан флибустьерского судна снял маску, открыв моложавое лицо, загар на котором неплохо сочетался с серыми глазами и светлой шевелюрой. Но шрамы придавали этому лицу злой и насмешливый вид, а мешки под глазами свидетельствовали о нраве, не чуждавшемся излишеств. Волосы на висках уже серебрились.

Он подошел, презрительно выпятив губу, к экипажу «Жольеты».

— В жизни не видел такого жалкого сброда. Кроме этого нахала марсельца, который неплохо сложен да ухитрился получить пулю в плечо, только двое тощих мальчишек да два старых задохлика, причем один почему-то выкрасился в негра. — Он схватил бороденку Савари и злобно дернул ее. — Ты что же, старый козел, думал, так выгоднее? Негр ты или нет, за твои кости и двадцати цехинов много!

Его помощник с черной повязкой, коренастый, черноволосый, похожий на банку с табаком, ткнул в старика дрожащим пальцем:

— Это он... это он... послал... нашу лодку... ко дну.

Он весь трясся в мокрой одежде. Его и еще троих вытащили из воды, но пять других членов экипажа бригантины «Гермес» нашли смерть в волнах из-за этого старикашки, такого безобидного на вид.

— На самом деле? Это он? — спросил пират, устремляя холодный змеиный взгляд на скорчившегося старика, выглядевшего таким беспомощным, что трудно было поверить словам помощника.

Он пожал плечами и отвернулся от невзрачной картины, которую представляли собой Савари, Флипо, юнга и старый Скаяно в отрепьях, залитых морской

водой. Затем бросил взгляд на рослого марсельца, лежащего на мостике, с искаженным от боли лицом.

— Эти проказники провансальцы, когда дело доходит до драки, готовы хоть на целый флот броситься. Идиот! Ну, и чего ты добился, разыгрывая героя? Сам лежишь на боку, и парусник твой поврежден. Я отправил бы его на дно, не будь эта скорлупка хорошо слажена. А так, пожалуй, после ремонта за нее можно будет кое-что выручить. А теперь посмотрим, что это за молодой господин, — кажется, единственный стоящий товар на этой лодчонке.

Он направился к Анжелике, которую раньше велел поставить в стороне. Она тоже дрожала от холода в промокшей насквозь одежде, потому что солнце стояло уже низко в дул свежий ветер. Тяжелые от воды волосы спускались ей на плечи. Капитан осмотрел ее тем же холодным взглядом, что и остальных членов экипажа.

Молодой женщине стало не по себе при этом осмотре. Она знала, что мокрая одежда обтягивала ее, показывая ее формы. Брови пирата придвинулись совсем близко, и безжалостный взгляд впился в нее, а на губах заиграла злая улыбка.

— Что, молодой человек, вы любитель путешествий?

Он быстро выдернул из ножен шпагу и уперся ее кончиком в грудь Анжелики, в раскрывшийся ворот, края которого она машинально пыталась стянуть. Она ощутила укол, но не моргнула.

— Храбрый?

Он нажал сильнее. Нервы Анжелики напряглись до предела. Шпага прошла сквозь корсет, и резким движением пират разрезал ткань, откинув ее в сторону и обнажив белую грудь.

— Смотрите, это женщина!

Наблюдавшие эту сцену матросы разразились хохотом и грубыми шутками. Анжелика быстро

запахнула на груди разрезанную одежду. Глаза ее метали молнии.

А корсар улыбался.

— Женщина! Ну, сегодня для «Гермеса» просто комедию разыгрывают. Старик, перекрашенный в негра, женщина, переодетая мужчиной, марселец, представляющий героя, да еще наш храбрый помощник Корьяно превратился в тритона.

Матросы захохотали еще сильнее, когда увидели злую гримасу Корьяно, человека с черной повязкой на глазу.

Когда хохот стих, Анжелика бросила:

— И хам, одетый французским дворянином!

Он принял удар, не переставая улыбаться.

— Подумать только! Новые сюрпризы! Женщина, которая умеет острить... Это на Леванте редкость! Пожалуй, мы сегодня не в убытке, господа. Откуда вы, красавица? Из Прованса, как ваши спутники?

Так как она не отвечала, он подошел еще ближе, выхватил у нее из-за пояса кинжал, сорвал затем пояс и взвесил его на руке с понимающей улыбкой, потом раскрыл и одну за другой стал вытаскивать золотые монеты. Матросы с жадно загоревшимися глазами придвинулись к нему; одним взглядом он отослал их в сторону.

Продолжая рыться в поясе, он вытащил письмо в проклеенном мешочке, прочел его и растерянно произнес:

— Мадам дю Плесси-Белльер... — а затем решился:

— Позвольте представиться. Маркиз д'Эскренвиль.

По его поклону было видно, что он получил некоторое образование. Возможно, звание маркиза действительно ему принадлежало. Анжелика возымела надежду, что он отнесется к ней более внимательно, учитывая общественное положение их обоих.

— Я вдова французского маршала и отправлялась в Кандию, где у моего супруга были дела.

Он холодно, одними губами, улыбнулся.

— Меня называют также Ужасом Средиземноморья.

Подумав, он приказал, однако, отвести ее в каюту, предназначенную на «Гермесе» для достойных внимания пассажиров, а скорее — для пассажирок.

Там в старом обитом кожей сундуке Анжелика нашла кучу женских нарядов, европейских и турецких, покрывал и фальшивых драгоценностей.

Она не решалась раздеться. На этом судне она не чувствовала себя в безопасности. Ей казалось, что жадные глаза следят за ней сквозь щели каюты. Но промокшая одежда обволакивала ее ледяным компрессом, зубы выбивали неудержимую дробь. Наконец, сделав страшное усилие, она разделась и с отвращением натянула на себя белое платье, примерно ее размеров, старомодное и не совсем чистое, в котором она, должно быть, выглядела чучелом. Набросив на плечи испанскую шаль, она почувствовала себя лучше, улеглась, поджав ноги, на кушетке и долго не шевелилась, предаваясь мрачным мыслям. От мокрых волос пахло морем, как и от влажных стенок каюты, и ее тошнило от этого запаха.

Она оказалась совсем одна среди моря, всеми брошенная и забытая, словно потерпевший кораблекрушение на плоту. И ведь она сама, своими руками, порвала все связи с прежней блестящей жизнью, а здесь, на другом берегу, некому было протянуть ей руку... Как связать разорванную нить? Даже если этот дворянин-пират согласится отвезти ее в Кандию, что ей там делать без средств? Ей не за что было там зацепиться... Вот только арабский купец Али Мехтуб... Потом она вспомнила, что в Кандии должен быть французский консул. Можно будет к нему

обратиться. Только как его зовут? Роше?.. Поше?.. Паша?.. Нет, как-то иначе.

Из забытья ее вырвали женские вопли и рыдания, где-то совсем рядом. Сквозь щели каюты пробивались тонкие красные лучики, а когда она открыла дверь, прямо в лицо ей бросилось пурпурное пламя заката. Огненный шар солнца погружался в море. Анжелика прижала руку к глазам. В нескольких шагах от нее два матроса обхватили девушку, почти ребенка, которая отчаянно сопротивлялась и кричала. Один держал ее за руки, а другой жадно ласкал, ухмыляясь.

Анжелика вспыхнула.

— Оставьте эту девочку! — И так как они словно не слышали, она бросилась на них и сорвала шерстяную шапку с того, кто держал девушку. Оказавшись без головного убора, такой же неотъемлемой принадлежности моряка, как его спутанная шевелюра, матрос выпустил добычу и протянул руки за шапкой.

— Эй, отдай мой колпак!..

— Подлый насильник, вот куда отправится твой колпак, — и Анжелика швырнула шапку в море.

Девушка тем временем вырвалась и ошеломленно смотрела на свою спасительницу. Не менее поражены были оба матроса. Проводив бессмысленным взглядом уплывавшую по волнам шапку, они повернулись к Анжелике. Один проворчал:

— Остерегись! Это та девка, которую только что вытащили из воды. Девка с золотыми монетами. Наш маркиз вроде положил на нее глаз...

Матросы ушли. Анжелика повернулась к девушке. Та была старше, чем показалось сначала. По бледному лицу с большими черными глазами под массой густых вьющихся темных волос ей можно было дать все двадцать лет. Но худенькое тельце в белом платице было как у подростка.

— Как тебя зовут? — спросила Анжелика, не очень надеясь, что девушка поймет ее. Но, к ее удивлению, та отвечала:

— Эллида.

Потом она встала на колени, схватила руку своей спасительницы и поцеловала ее.

— Что ты делаешь на этом корабле? — продолжала расспрашивать Анжелика.

Но девушка вдруг отпрыгнула, как испуганная кошка, и скрылась в тени, уже покрывшей судно.

Анжелика обернулась. На лестнице рубки стоял маркиз д'Эскренвиль, наблюдая за ними, и она поняла, что он там уже давно и видел все, что произошло.

Он оставил свой наблюдательный пост и подошел к ней. Она увидела ненависть в его взгляде.

— Вижу, как обстоит дело. Госпожа маркиза полагает, что она по-прежнему находится среди своих слуг. Приказывает, разыгрывает знатную даму. Я вас заставлю понять, моя милая, что вы на флибустьерском корабле.

— Неужели? Представьте себе, я еще этого не заметила.

Взгляд маркиза д'Эскренвиля сверкнул сталью и молнией.

— Остроумничаешь! Думаешь, ты в версальской гостиной? И кругом люди ловят драгоценные слова, исходящие из твоих уст?.. И мужчины волочатся за тобой?.. Умоляют тебя? Плачут?.. А ты смеешься, издеваешься над ними? Ты говоришь: «Ах, дорогая, если б вы знали, как мне надоело его обожание...» А потом притворяешься, хитришь, готовишь свои обаятельные улыбки... Хладнокровно рассчитываешь и дергаешь своих марионеток туда и сюда!.. Этого приласкать, тому бросить взгляд... А тому, кто мне больше не нужен, ничего, надо его прогнать... Он пришел в отчаяние! Ну и что? Он хочет покончить с жизнью? Ах, как забавно...

Ах! Ах! Ах!.. У меня уши горят от этого смеха кокеток, и я заставлю их замолчать.

Он поднял руку, словно собираясь ударить ее. Гнев его все более разгорался, пока он говорил, а теперь дошел до того, что на губах показалась пена. Потрясенная Анжелика смотрела на него.

— Опустит глаза, опустит глаза, нахалка... Ты тут не будешь королевой. Научишься слушаться своего господина... Прошли времена лживых обещаний и капризов. Я тебя выдрессирую, слышишь!

Анжелика по-прежнему спокойно смотрела на него, и он с невероятной злобой ударил ее по лицу.

— О! Вы не имеете права!

Он ухмыльнулся.

— У меня тут все права... Все права над всеми девками вроде тебя, которых надо научить гнуть спину... Скоро поймешь. Не позже, как этой ночью, моя красавица. Узнаешь раз навсегда, кто ты и кто я.

Он схватил ее за волосы и швырнул в каюту, потом запер дверь, повернув ключ в скважине.

Немного погодя она опять услышала скрип ключа. Кто-то входил в каюту, и она выпрямилась, готовая ко всему.

Но это был лишь помощник капитана Корьяно в сопровождении негритенка с подносом. Он прислонил свой фонарь к окошку каюты, поднос поставил на пол, медленно оглядел узницу своим единственным глазом. Потом ткнул толстым пальцем в перстнях в блюдо и скомандовал:

— Ешьте!

Когда он ушел, Анжелика не устояла против аппетитного запаха, подымавшегося от подноса. Там были оладьи из креветок, суп из ракушек и апельсины. Еще стояла бутылочка хорошего вина. Анжелика жадно проглотила все. Она была измучена усталостью и волнением.

Услышав медленно приближавшиеся шаги маркиза д'Эскренвиля, она подумала, что сейчас закричит. Пират отпер дверь и вошел. Он был высокого роста, так что ему пришлось пригнуться под низким потолком каюты. Красноватый фонарик освещал его снизу, и твердое лицо со светлыми глазами и серебристой сединой на висках могло показаться красивым, если бы не злая ухмылка, кривившая губы.

— Итак, — он бросил взгляд на опустевшую посуду, — госпожа маркиза покончила с кормежкой?

Анжелика не снизошла до ответа и отвернулась. Он положил руку на ее голое плечо. Она вывернулась и бросилась в угол тесной каюты, ища глазами хоть какое-нибудь оружие. Но ничего не было. А он следил за ее движениями, как жестокая кошка.

— Нет, ты от меня не убежишь. Сегодня не убежишь. Сегодня вечером сводят счеты, и ты заплатишь по своим.

— Но я ведь ничего вам не сделала.

— Не ты, так твои сестры... Нечего! Другим ты много чего сделала, так что сторицей заслужила наказание. Сколько там за тобой волочилось? Скажи, сколько?

Охваченная ужасом от безумного огня, метавшегося в его глазах, она искала выход.

— А, тебе стало страшно? Это мне больше нравится... Уже не задираешь нос? Скоро станешь умолять меня. Я умею за таких братья.

Он отстегнул перевязь и бросил ее вместе со шпагой на кушетку. Потом туда же полетел его пояс, и с циничным бесстыдством он стал расстегиваться.

Она схватила скамеечку, единственное, что было под рукой, и швырнула в него. Он уклонился и нагнулся над Анжеликой, обхватив обеими руками. Когда его лицо придвинулось, она укусила его в щеку.

— Ах ты, волчица!

Охваченный безумной яростью, он хотел швырнуть ее об пол. В узком пространстве каюты завязалась отчаянная борьба. Стенки каюты скрипели и звенели от ударов мечущихся в страшном напряжении тел. Оба молчали.

Наконец, Анжелика почувствовала, что ее силы иссякли. Она упала. Д'Эскренвиль навалился на нее, задыхаясь, и прижал всей тяжестью своего тела к полу. Она уже не могла сопротивляться, только отворачивала голову, чтобы не видеть эту жестокую ухмылку.

— Спокойно, спокойно, моя милая... Вот так, не шевелись, будь послушнее... Дай-ка я тебя разгляжу получше.

Он разорвал корсаж и впился жадными губами в ее грудь. Дернувшись от омерзения, она попыталась вырваться, но он крепче сжал объятия, овладевая ее протестующим телом. В последнюю минуту она вновь попыталась вырваться. Он выругался и ударил ее с такой силой, что она закричала от боли. Бессчетные минуты она должна была терпеть бешеную ярость, с которой он набросился на нее, подминая и подчиняя себе, словно зверь в берлоге.

Когда он поднялся, она сгорала от стыда. Он приподнял ее, взгляделся в мертвенно-бледное лицо и швырнул назад. Она тяжело упала к его ногам.

— Вот в таком виде женщины мне нравятся. Недостает только слез.

Он привел в порядок свой костюм из красного сукна, застегнул пояс. Опираясь на одну руку, Анжелика другой пыталась прикрыться обрывками платья. Ее светлые волосы упали вперед, открывая затылок.

Д'Эскренвиль бросил ей напоследок:

— Плачь же, что ты не плачешь, плачь!

Она заплакала только тогда, когда он ушел. Целый поток жгучих слез залил ее лицо. С трудом приподнявшись, она села на край кушетки. Жестокие

страдания последних дней, эти непрерывные стычки с взбесившимися мужчинами сломили, кажется, ее мужество и упорство. В голове у нее повторялись, словно кружась в адской карусели, слова старого каторжника: «Рыба — баклану, добыча — пирату, а женщина — всем».

Отчаянные рыдания сотрясали ее, и она лежала так, пока не услышала тихое царапанье в дверь.

— Кто там?

— Это я, Савари.

Глава 10

— Разрешите войти? — шепнул старик, просовывая в приоткрытую дверь свое лицо, черное от «пиньо».

— Конечно, — отвечала Анжелика, пытаюсь как-то прикрыться. — Повезло еще, что этот негодяй не запер меня на ключ.

Савари хмыкнул, увидев красноречивый беспорядок в каюте, и уселся на дальний краешек кушетки, стыдливо опустив глаза.

— Увы, сударыня. Надо признаться, что с тех пор, как попал на этот корабль, я не могу больше гордиться своей принадлежностью к мужскому полу. Прошу у вас прощения за всех мужчин.

— Вашей вины тут нет, мэтр Савари. — Анжелика энергичным движением вытерла мокрые щеки и вздернула голову. — Я сама виновата. Меня достаточно предостерегали. Что ж, вино налито, надо пить... В конце концов, я осталась жива. И вы тоже, а это самое главное... А что с бедным Паннасавом?

— Плохо, лежит в беспомощности.

— А вы? Вы не рискуете, что с вами расправятся за то, что пришли ко мне?

— Плетка, дубинка, а то подвешат за большие пальцы на нижней рее, — смотря что придет в голову почтенному маркизу.

Анжелика вздрогнула.

— Это ужасный человек, Савари! Он способен на все.

— Он курит гашиш, — объяснил, нахмурившись, старый аптекарь. — Я это сразу понял по его взгляду. Это арабское растение вызывает у тех, кто его употребляет, настоящие вспышки безумия. Наше положение опасно...

Он потерял свои худые белые руки. У Анжелики сжалось сердце, она подумала, что теперь у нее нет другой защиты, кроме этого хрупкого старичка в лохмотьях, с жалкими остатками седых волос.

Мэтр Савари стал тихо говорить, что не надо терять мужества. Через несколько дней им, возможно, удастся бежать.

— Бежать! О, неужели это возможно, мэтр Савари? Но как же...

— Ш-ш! Это дело нелегкое, но нам могут помочь, потому что Паннасава принадлежит к людям Рескатора. Вы и сами об этом догадывались. Он один из множества корабельщиков, рыбаков и купцов, которые помогают Рескатору в его делах. Так вот, Паннасава мне это растолковал. У них так ведется, что самый скромный перевозчик «пиньо», будь он мусульманин или христианин, уверен, что ему не придется гнить в трюме работорговцев. Рескатор всегда устраивает так, чтобы спасти своих людей. Потому столько народу и работает на него.

Савари нагнулся, шепча еле слышно:

— У него всюду есть сообщники. Даже на этом корабле. В непромокаемом пакете у марсельца между флагом мальтийских рыцарей и знаменем со знаком герцога Тосканского хранился еще один потаенный пропуск, по которому его узнают и помогут ему сторожащие его матросы.

— Неужели вы думаете, что среди стражи этого ужасного д'Эскренвиля могут быть сообщники Рескатора? Ведь они рискуют жизнью...

— Или фортуной! В сообществе перевозчиков серебра те, кто помогает устроить побег, получают сказочные суммы, как говорят. Так распорядился этот неведомый правитель, Рескатор, которого нам довелось уже встретить. Неизвестно, откуда происходит Рескатор, кто он — бербер, турок или испанец,

христианин или ренегат, или просто родился мусульманином, — но одно бесспорно: он не вступает ни в какие отношения с купцами-корсарами Средиземноморья, ни с белыми, ни с черными, потому что все они торгуют рабами. Его сказочное богатство нажито незаконной торговлей серебром. Это приводит в бешенство остальных купцов, которые не могут понять, как это у пирата хорошо идут дела, если он не ведет торговыми людьми. Все против него: венецианцы, генуэзцы, мальтийские рыцари, алжирцы Меццо-Морте, турецкие купцы из Бейрута. Но он всемогущ, потому что всем, кто работает на него, хорошо. Вот Паннасаву, например, удалось спасти часть своего груза, и ему хватит денег, чтобы купить другое судно, не хуже «Жольеты». Придется, однако, подождать, пока наш бедный марселец оправится от раны, а потом уж можно рисковать.

— Только бы это было не слишком долго. Ах, мэтр Савари, как мне благодарить вас за то, что вы не покинули меня, когда я уже не могу ничем быть вам полезна?

— Разве я могу забыть, сударыня, сколько стараний вы приложили, чтобы помочь мне получить мумие, которое персидский посол привез в дар нашему королю Людовику XIV? Вы столько потрудились для дела науки, а я только для нее и живу. Но еще больше, чем оказанные вами услуги, я ценю ваше уважение к науке, сударыня, и благодарю вас за это. Женщина, питающая такое уважение к науке и к незаметному труду ученых, не заслуживает того, чтобы исчезнуть в лабиринте гарема и служить забавой сладострастным мусульманам. Я все пушу в ход, чтобы избавить вас от этой участи.

— Вы хотите сказать, что маркиз д'Эскренвиль предназначил мне такую судьбу?

— Я этому несколько не удивлюсь.

— Но это невозможно! Конечно, он грязный авантюрист, но ведь он француз, как мы с вами, и принадлежит к старинному дворянскому роду. Такая чудовищная мысль не может прийти ему в голову.

— Сударыня, это человек, который всю жизнь провел в колониях Леванта. Одежда у него, как у французского дворянина. Ну а душа — если она у него вообще имеется — восточная. От влияния Востока непросто уйти, — Савари засмеялся. — На Востоке вместе с запахом кофе впитывают презрение к женщине. Д'Эскренвиль постарается продать вас либо оставить для себя.

— Признаться, ни то ни другое меня не привлекает.

— Пока тревожиться незачем. Я надеюсь, что к тому времени, как мы доберемся до Мессины, — это ближайший рынок рабов, — Паннасов уже поправится.

***

Благодаря посещению своего старого друга Анжелика встретила следующий день с надеждой. Ее приятно удивил положенный поверх сундука ее серый костюм — выстиранный, высушенный и даже поглаженный, а в углу она нашла свои ботинки, хорошо вычищенные. Она оделась, стараясь думать об обещаниях Савари, забыв об ужасной вчерашней сцене. Она убеждала себя, что показаться унылой — значит подчиниться этому корсару, которому нравится мучить людей, что лучше всего относиться к происходящему с безразличием. Когда солнце слишком нагрело каюту, она выскользнула оттуда на мостик, довольная, что нашла уголок, где никого нет... Она решила сидеть спокойно, не привлекая к себе внимания. Но скоро из этого состояния отрешенности ее вывели отчаянные детские вопли.

Есть вещь, которую женщина, бывшая матерью, не может выносить, в ней пробуждается слепой первородный инстинкт защиты: это зов ребенка,

находящегося в опасности. Анжелика почувствовала, что волосы у нее встают дыбом от этого жалобного, дрожащего от страха голоска, доносящегося откуда-то сверху.

Она сделала несколько нерешительных шагов. Ей показалось, что с детскими рыданиями смешивается злой смех мужчины, и она бросилась вперед, взбежала по лестнице в рубку, откуда слышался плач.

Понадобилась секунда, чтобы понять, что там творится. У поручней стоял матрос, держа над морем вопящего ребенка лет трех-четырёх. Стоило ему выпустить из рук воротник рубашонки, и ребенок полетел бы вниз с высоты восьми туазов^[5]. Маркиз д'Эскренвиль, улыбаясь, любовался этим зрелищем вместе с несколькими членами экипажа, которых оно тоже чрезвычайно забавляло.

Неподалеку двое матросов держали отчаянно вырывавшуюся женщину с безумными глазами. Д'Эскренвиль что-то сказал ей на языке, которого Анжелика не понимала, должно быть, по-гречески. Женщина поползла к нему на коленях. У ног корсара она склонила голову, медля с дальнейшим выражением покорности. Маркиз скомандовал: матрос выпустил малыша и тут же схватил его другой рукой; тот отчаянно звал мать.

Женщину передернуло. Она подползла ближе и лизнула сапоги пирата. Стоявшие рядом разразились довольным хохотом. Матрос швырнул ребенка на пол, словно полено. Мать бросилась и прижала его к себе, а д'Эскренвиль засмеялся.

— Вот что мне больше всего нравится! Чтобы женщина лизала мне сапоги. Ха-ха-ха!..

Вся гордость Анжелики, все ее чувство женского достоинства возмутились. Она взбежала по ступенькам и изо всех сил ударила маркиза по щеке.

— Что?! — он приложил руку к лицу и, не веря своим глазам, увидел неведомо откуда взявшуюся Анжелику с горящими глазами.

— Вы самый подлый, самый гнусный, самый омерзительный человек, которого мне довелось видеть, — прошипела Анжелика сквозь зубы.

Лицо корсара налилось кровью. Он поднял хлыст с короткой ручкой, с которым не расставался, и замахнулся на дерзкую женщину. Анжелика заслонилась обеими руками, откинула голову и плюнула в пирата. Плевок попал прямо в лицо.

Матросы умолкли, не смея двигаться. Они были и возмущены, и напуганы унижением своего предводителя. Позволить рабыне так обращаться с собой — и перед всей командой!..

Маркиз д'Эскренвиль медленно вытащил платок и вытер щеку. Он побледнел.

На щеке явно проступали следы и от удара Анжелики, и от ее вчерашнего укуса.

— Ага! Госпожа маркиза подымает голову, — приглушенным от гнева голосом проговорил корсар. — Вчерашняя маленькая взбучка не утихомирила ее воинственного нрава? Ну, у меня, к счастью, есть в запасе другие средства.

И, повернувшись к своим людям, он рявкнул:

— Чего вы ждете? Схватить ее и посадить в трюм! Анжелику потащили по деревянной лестнице в глубину трюма. Маркиз шел сзади. Где-то в темном углу матросы остановились перед запертой дверью.

— Отвори! — приказал капитан матросу, стоявшему там на страже с огарком свечи, едва заметным в глухом мраке.

Тот вынул из кармана связку ключей, выбрал ключ и несколько раз повернул его. В низком пространстве трюма, куда едва пробивался слабый свет из небольшого люка, были видны опоры главной мачты. В

них были вделаны железные кольца с цепями. Прикованные к ним люди, лежавшие на полу, зашевелились.

— Отцепить их, — приказал маркиз сторожу.

— Всех?

— Да.

— Но ведь они опасны.

— Это мне и нужно!.. Делай, что я велел. И пусть все станут ко мне лицом.

Тюремщик стал отпирать ключом железные оковы, охватывавшие лодыжку каждого узника. Они вставали. Их пустой взгляд, заросшие лица, низкие лбы под шерстяными шапками или по-разбойничьи повязанными платками не позволяли надеяться ни на что доброе. Там были французы, итальянцы, арабы и еще один негр огромного роста с грудью, покрытой непонятной татуировкой.

Маркиз д'Эскренвиль разглядывал их не спеша, потом, растянув губы в жестокой улыбке, повернулся к Анжелике.

— Один мужчина тебя, видно, не устраивает? Может быть, несколько понравятся больше? Посмотри на них хорошенько! До чего милы, не правда ли? Это самые своенравные люди на моем корабле. Приходится время от времени сажать их на цепь, чтобы напомнить о дисциплине. Большинство тех, кто находятся здесь, уже много месяцев не имели удовольствия сойти на берег. Они будут в восторге от твоего появления, я не сомневаюсь.

Он подтолкнул ее к узникам, и в вонючем полумраке трюма ее белокурая голова показалась привидением.

— Мадонна! — воскликнул один из заключенных.

— Это для вас!

— Женщина?

— Да. Делайте с ней, что хотите.

Он захлопнул за собой дверь, и Анжелика услышала скрип ключа в замке.

Мужчины смотрели на нее, не двигаясь.

— Неужели это женщина?

— Да.

Вдруг пара огромных рук обхватила молодую женщину.

Это негр неслышно, по-волчьи, подкрался сзади и взял ее за груди. Она закричала, в ужасе отбиваясь от черных лап. Глухой смех негра был похож на гудение трубы. Другие подтянулись ближе.

— Это на самом деле женщина. Сомнения нет.

Анжелика выгнулась, вырываясь из мерзких объятий, и взмахнула ногой. Концом башмака она задела чье-то волосатое лицо. Человек взревел и схватился за нос.

И ее обхватили со всех сторон, так что она не могла шевельнуться. Руки растянули крестом, пальцы связали, в рот запихнули кляп из грязной тряпки.

Вдруг, словно по мановению волшебной палочки, эта страшная возня прекратилась, и в трюме раздались звонкие, как выстрелы, удары бича.

Перед Анжеликой, растрепанной и помятой, но нетронутой, стоял помощник капитана, одноглазый Корьяно, размахивавший плетью и приказывавший насильникам отойти.

— Прицепи их снова, да живее! — рявкнул он на тюремщика, подгоняя его сильным пинком. Так как узники не проявляли покорства и что-то ворчали, он выхватил длинный пистолет и выстрелил в них. Один из заключенных упал, громко взыв.

На пороге возник маркиз д'Эскренвиль.

— Ты зачем вмешиваешься, Корьяно? Я сам приказал спустить их с цепи.

Помощник повернулся на каблуках с быстротой, невероятной для этого толстяка.

— Вы что, с ума сошли? Вы им отдали эту женщину?

— Я один вправе налагать наказания на непокорных рабынь.

Корьяно, словно черный бык, выставивший рога, напустился на своего начальника.

— Вы что, с ума сошли? — повторил он. — Женщину, которая ценится на вес золота, отдать этим мерзавцам, этим свиньям, этим... Вам что, мало того, что мальтийские рыцари захватили под Тунисом нашу вторую бригантину?.. Мало того, что мы потеряли весь груз, да на шесть тысяч пиастров оружия, да еще всякие товары?.. Вы что, не знаете, что весь экипаж уже полгода не получал своей доли добычи?.. Что мы действуем набегам, обшаривая паршивые островки да нищие африканские берега, словно совсем обессилели?.. Этого всего вам мало? И вы еще хотите упустить фортуна, пославшую нам в сети эту женщину... Таковую женщину! Блондинку, белокожую, с глазами цвета морской воды, хорошо сложенную, не слишком рослую и не слишком маленькую... Не слишком юную и не перезрелую... Самое, что требуется... У которой было кому научить ее любви, не покалечив... Вы что, не знаете, что в Константинополе девственницы упали в цене?.. На рынке требуют именно таких, как она... И вы решили бросить такое сокровище этим дикарям?.. Вы что, не посмотрели на их рожи!.. Там ведь и мавры есть... Раскованные, они так держатся за добычу, что их не оторвешь, разве что застрелив!.. Вы что, забыли, что стало с маленькой итальянкой, которую отдали «в трюм» в прошлом году? Ничего потом не оставалось сделать, как выбросить ее за борт!..

Корьяно остановился передохнуть.

— Послушайте меня, хозяин! — заговорил он потом спокойнее. — На рынке в Кандии этот товар из рук будут рвать. За такими женщинами три раза вокруг

света объехать стоит. — И он стал отсчитывать по пальцам:

— Во-первых, француженка. Товар редкий, за которым гоняются. Во-вторых, воспитанная; видно по тому, как она держится. В-третьих, с характером, не похожа на восточных медуз. В-четвертых, блондинка...

— Ты уже это говорил, — раздраженно прервал его д'Эскренвиль.

— И ведь нам, нам она попала в руки!.. С такой фортуной нечего дурить... Говорю вам, за нее можно выручить десять тысяч пиастров, а то и двенадцать. Будет на что купить новое судно!..

Предводитель корсаров на минуту задумался. Потом повернулся и ушел.

Корьяно вывел Анжелику из вонючего логова. Поднялся с ней наверх и отвел в каюту, бдительно сторожа ее.

Она все не могла избавиться от дрожи и с трудом проговорила:

— Благодарю вас, сударь.

— Не за что, — пробурчал свирепый циклоп. — Это не ради вас, а ради денег. Не выношу, когда товар губят.

Глава 11

— Госпожа! Красивая госпожа!.. Хочешь пить?..

Тихий голос был настойчив. Анжелика приподнялась на локте. Голова у нее страшно болела, лоб казался свинцовым.

— Попей! Ты ведь хочешь пить.

Молодая женщина протянула губы к подставленной чашке. От свежей воды ей стало легче. Да, ей хотелось пить, ужасно хотелось.

— Эллида...

Ее затуманенный взор едва различал маленькое большеглазое личико.

— Ты знаешь французский?

— Хозяин научил меня.

— А откуда ты?

— Я гречанка.

— А как ты оказалась на этом корабле?

— Потому что я рабыня. Хозяин купил меня вот уже двенадцать лун назад. Но теперь я ему надоела... И он позволяет матросам мучить меня... В тот раз, если бы не ты...

— Где мы теперь?

— Возле Сицилии. Вечером виден огонь вулкана. Он дымится, проклятый...

— Сицилия... — механически повторила Анжелика. Протянув руку, она погладила темные кудри. Ей стало легче от того, что рядом была эта девушка, от ее сочувствия. — Приляг возле меня.

Гречанка испуганно оглянулась.

— Я не смею задерживаться здесь... Но я скоро приду опять. Я буду тебе служить, потому что ты была добра ко мне... Хочешь еще пить?

— Да, очень хочу. Помоги мне раздеться. Костюм жжет меня... это ты вчера его высушила и выгладила?

— Да.

Очень осторожно, легкими движениями, Эллида помогла Анжелике снять обувь, камзол, кюлоты и рубашку. Анжелика завернулась в простыню и тяжело упала на кушетку.

— Мне было очень жарко. Теперь легче.

Она не слышала, как рабыня тихонько вышла. Корабль шел быстро, его ритмичное покачивание успокаивало. Изредка слышалось хлопанье раздуваемых ветром парусов. Ощущая бег судна, Анжелика подумала, что отправилась на море искать свою судьбу. Она всегда мечтала об этом, с того самого дня, когда ее брат Жослен крикнул ей: «Я уезжаю на море...»

Корабль везет ее к ее любви... Но ее любовь скрывается где-то за горизонтом... «А помнит ли еще Жоффрей де Пейрак обо мне, желает ли он меня? — внезапно спросила она сама себя. — Ведь я отказалась от его имени, а он мог отказаться от памяти обо мне... Пепел вулкана разлетается повсюду. Он покрывает дороги, по которым давно никто не ходил... И следы тех, кто когда-то прошел, уже не найти... А я умру под этим пеплом, — думала Анжелика. — Я задыхаюсь, мне жарко, этот пепел жжет меня, я поняла, что никто мне теперь не поможет...»

Дверь приоткрылась, и свет ручного фонаря проник во тьму каюты. В неясном свете обрисовалось глинистое лицо нагнувшегося над ней маркиза.

— Ну, прекрасная фурия, подумала о своем поведении? Решила, наконец, покориться?

Она лежала на животе, охватив голову руками. Ее прекрасные бледные плечи белели, как мраморные, а рассыпанные волосы придавали ей вид статуи. Она была странно неподвижна. Это был не сон.

Д'Эскренвиль нахмурил брови, поставил фонарь на столик и нагнулся, приподнимая Анжелику. Ее тело не сопротивлялось, тяжелая голова опустилась на плечо пирата.

Покрывало соскользнуло, и обнажился прекрасный торс, золотисто-белый, с нежными тенями. Это тело было горячим, обжигало ему руки. Пират выпустил его и попытался поднять голову Анжелики, чтобы разглядеть ее лицо. Голова откачнулась назад, увлекаемая тяжестью густых волос, а с раздвинутых едва заметной улыбкой губ слетели еле слышные слова: «Любимый мой! Любимый мой!». Глаза под полуоткрытыми веками ничего не видели.

Маркиз д'Эскренвиль переводил взгляд с этого лица, исполненного боли и нежности, на нагое тело, упругую тяжесть которого он ощущал. Наконец он поднялся, осторожно положил ее на кушетку и укрыл. Снаружи мелькнула мгновенно спрятавшаяся фигура. Он окликнул:

— Эллида!

Девушка подошла, прикрывая покрывалом свои темные глаза. Маркиз показал рукой на каюту.

— Эта женщина больна. Ухаживай за ней.

***

Анжелике казалось, что ее душит кошмар. Она была одна на судне, мчавшемся темной ночью неизвестно куда. Слышались свист ветра в снастях, хлопанье парусов и тяжелые удары волн по корпусу корабля. Потом ее охватило сквозняком. Дверь каюты раскрылась. Ночь была безлунная, но откуда-то в каюту проникали слабенькие лучи света и время от времени доносились звуки странных приглушенных песнопений.

Анжелика поднялась. Она была очень слаба. С невероятным усилием добралась до двери и, уцепившись за косяк, машинально запахла концы накинута на нее шали. Стало чуть светлее, она

увидела перед собой мостик и пошла к нему. Приятно было ступать босыми ногами по доскам, еще теплым от дневного солнца. Впереди мелькнули две тени, сверкнуло лезвие мавританской сабли, блеснуло дуло мушкета, и она подумала: «Это часовые». Она пыталась понять, что кругом, но мысли скользили, как струйки песка в песочных часах. Опять все кругом потемнело, она почувствовала, что теряет сознание, но все-таки оставалась на месте и видела свет фонаря у часовых. Потом как будто сдвинулась ставня, из глубины появился красный свет, отверстие расширилось, за ним стал виден трюм, слабо освещенный лампами, в отверстии показались бледные и темные пятна лиц, тянувшихся вверх. Из отверстия тянуло зловоние скопища человеческих тел.

«Так же пахло во Дворе Чудес, — подумала Анжелика. — И на галере, от мест для гребцов. Это рабы. Бедные рабы...» Она пошла вперед, миновав часовых, которые испуганно вскочили и стали шептаться. Может быть, им показалось, что они видели призрак?

Навстречу Анжелике метнулась белая фигурка, и мягкая рука обхватила ее плечи.

— Где ты была? Я тебя повсюду искала... Ох, как ты меня напугала. Пойдем, ляжем скорее! Здесь нельзя оставаться, тебе будет плохо. Пойдем, подруга! Пойдем, сестра моя!..

Корабль стоял на якоре. Анжелика поняла это по легкому покачиванию и редким толчкам. Она поднялась, опираясь спиной о стенку. Яркие лучи солнца с силой пробивались в каюту. Они и разбудили ее. Она подвинулась, уходя в тень от их обжигающей жары. Ночная тишина сменилась шумом и стуком. Сверху доносился топот босых ног, крики, свистки — суета растревоженного муравейника.

— Где я?

Она провела руками по лицу, чтобы сбросить завесу, мешавшую осознать окружающее. Пальцы были совсем тонкие, прямо прозрачные, она их не узнавала. Рассыпавшиеся по плечам волосы были легкими, шелковистыми, даже душистыми, словно заботливые руки долго и бережно расчесывали их. Она поискала глазами свою одежду и увидела, что она аккуратно сложена на сундуке. «Это все Эллида сделала. Эллида, эта ласковая рабыня, которая назвала меня сестрой».

Она принялась одеваться и удивилась тому, что корсаж свободно болтается на талии. Башмаков она не нашла и надела бабуши. Потом долго искала пояс и, наконец, вспомнила: «Да ведь это пират забрал его».

Понемногу к ней возвращалась память. Она встала. Ноги еще плохо держали ее. Все же, цепляясь за перегородки, она выбралась из каюты и сумела дойти до мостика, где никого не было. Шум доносился спереди. Она попробовала сделать еще несколько шагов, от свежего воздуха голова у нее закружилась, и она чуть не упала. А потом вскрикнула от восторга. Впереди был остров; там на фоне неба выступали чистые, белые очертания маленького античного храма. Он одиноко стоял на вершине небольшой горы, полужеленой, полусерой, скалистой и украшенной пышной растительностью, венчая ее, как дорогая жемчужина венчает корону. В наполненном солнечным светом воздухе храм как бы плыл и казался призрачным кораблем, идущим через мирные Елисейские поля. А вокруг виднелись колонны, много колонн, остатков исчезнувших храмов былых времен. Они поднимались белыми лилиями среди густой травы. Развалины, руины!..

Взгляд Анжелики скользнул вниз, по склону горы. На берегу виднелась деревня из нескладных квадратных домишек, скучившихся вокруг часовни в восточном стиле. Мужчины и женщины в черной одежде

толпились на берегу, глядя на вставшую на рейде бригантину. На ней, на «Гермесе», и разыгрывалось привлекающее их внимание зрелище.

Поблизости от Анжелики хлопнула дверь, и быстро вышел человек. Она узнала его красный, немного полинявший редингот с полустертой вышивкой, а главное, загоревшее лицо в мелких морщинках, с выражением безумной злобы. Маркиз д'Эскренвиль. Она видела это лицо над собой, когда отчаянно сопротивлялась удушью. Эта жестокая гримаса напомнила часы мучительной борьбы. Она сжалась, стараясь стать незаметной. Неожиданный оклик заставил ее подскочить.

— Ах! Значит, тебе правда лучше!.. Ты поправилась?
— спрашивала Эллида. — Вот почему ты вставала ночью... Как ты себя чувствуешь?

— Уже почти хорошо. Но что это за суматоха?

Молодая гречанка помрачнела.

— Сегодня ночью сбежал один из рабов, тот старичок, твой друг.

— Савари? — вскричала Анжелика, проваливаясь в пустоту отчаяния.

— Да. И хозяин в ярости, потому что ценил его за ученость.

Анжелика хотела пойти на нос, откуда доносился шум. Эллида удержала ее.

— Не показывайся... Хозяин в бешенстве!

— Мне надо знать, что там.

Эллида уступила, они осторожно подошли поближе и спрятались за канатами, наблюдая за происходящим.

У мостика собралась вся команда и еще какие-то люди, должно быть, рабы, мелькнувшие тогда в люке трюма. Там были женщины и дети, мужчины в расцвете лет, молодые и старики, самые разные люди, белые, смуглые, коричневые и черные, в самой разнообразной одежде, — от ярко расшитых плотных безрукавок

жителей Адриатического побережья до арабских бурнусов и темных покрывал гречанок.

Д'Эскренвиль обвел всех тяжелым неподвижным взглядом и набросился на Корьяно, неторопливо и тяжело подымавшегося на мостик.

— Вот к чему приводит слабость! Я поддался лести этого старого ворона аптекаришки. И знаешь, что он сделал? Сбежал! Это второй раб, бежавший с моего корабля в течение месяца. Прежде со мной никогда такого не бывало. Ведь я — Ужас Средиземноморья! Меня так прозвали не даром! И надо же, чтобы я позволил обдурить себя какой-то жалкой мокрице, за которую в Ливорно не получить и полсотни пиастров... Он заморочил мне голову своей болтовней и увлек на эти несчастные острова, уверив, что я неслыханно разбогатею, потому что тут имеется какое-то чудесное вещество. И я ему поверил! Мне следовало помнить, что я захватил его вместе с тем проклятым провансальцем, который ухитрился удрать со своей баркой. А я еще починил эту скорлупку, чтобы побольше выручить за нее. Никто еще надо мной так не издевался. А теперь этот аптекарь!

— У него, конечно, были сообщники. То ли среди часовых, то ли среди команды, а может быть, среди рабов.

— Это я сейчас выясню. Корьяно, тут все собрались?

— Да, ваша светлость.

— Так, сейчас позабавимся. Ха-ха-ха! Над маркизом д'Эскренвилем никто еще долго не смеялся. А этого проклятого аптекаря я раздавлю, как клопа, когда поймаю. Мне следовало помнить, что этот старый дьявол потопил наш каик. Ну, пошли. Все сюда!

Так как все уже стояли на месте, никто не шевельнулся. Все молчали, тревожно поглядывая на мостик.

— Сегодня ночью с борта спустили каик, он исчез, а на нем был один из рабов. Кто нес стражу сегодня ночью? На страже были шесть человек, сменявших друг друга. Пусть они выйдут вперед. Скажите, кто виновен. Кто покажет на виновного, тот сохранит себе жизнь. Если сам виновный или виновные признаются, я их только выгоню из своей команды и высажу на этом острове. Признайтесь, прежде чем я успею перевести свое распоряжение на итальянский, греческий и турецкий.

Он повторил сказанное на трех языках. Капитан Матье перевел его слова на арабский.

Затем воцарилась тишина, прерывавшаяся только всхлипами детей, которых испуганные матери быстро заставляли умолкнуть. Наконец поднялся один из надзирателей и что-то прокричал.

Д'Эскренвиль и Корьяно переглянулись.

— Они ничего не знают. Дело обычное. Ну что ж, господа, хотите прикинуться дурачками, так прибегнем к обычному наказанию. Пусть стражники бросят жребий. Повесим того, на кого укажет судьба. Начнем! Вон ты и ты, идите сюда!

Двое, на кого он указал, вышли из ряда и поднялись на мостик. Один был красивый негр, другой — уроженец Средиземноморья, корсиканец или сардинец, со светлыми волосами и темной от загара кожей. Они не дрожали от страха. Среди флибустьеров было привычным делом, что жребий решал, кому расплачиваться за всех. И никто не пытался уклониться от судьбы.

— Вот эта раковина определит Божий суд, — сказал д'Эскренвиль. — Решка — это спинкой кверху, орел — ямкой кверху. Решка — это смерть. Ну, Мустафа, начинай.

Губы негра шевельнулись:

— Инч Алла!

Он взял раковину и подбросил ее.

— Орел.

— Теперь ты, Сантарио.

Сардинец перекрестился и бросил раковину.

— Решка!

На лице негра выразилось неопишное облегчение. Сардинец опустил голову. Д'Эскренвиль усмехнулся.

— Судьба выбрала тебя, Сантарио. Но ты, быть может, не виноват? Если бы ты заговорил, то спас бы свою жизнь. Теперь уже поздно. На рею его!

Два матроса вышли вперед и схватили приговоренного.

— Обождите, — велел пират. — Мало вздернуть одного. Возьмем за рабов. Они, разумеется, не видели побега, ничего не слышали, и никто из них ничего не скажет. Но расплачиваться им все равно придется, и судьба укажет кому. Так как предыдущий жребий выпал против христианина, пусть сейчас бросают только мусульмане.

Едва перевели это распоряжение, как среди мавров и турок поднялся крик негодования. Пожилой человек с красивым арабским лицом и выкрашенной хной бородой вышел вперед, отчаянно протестуя. Корьяно перевел:

— Он говорит, что справедливость Господня сама сделает выбор между верными и неверными.

Д'Эскренвиль опять усмехнулся.

— Вижу, дети мои, что плен и рабство не останавливают споров из-за веры. Ну что ж, пусть этот старый муэдзин и бросит ракушку. Если выпадет орел, значит, он сам указывает на жертву среди своих единоверцев.

Старик повернулся к подымающемуся солнцу, три раза простерся ниц и произнес несколько слов.

— Он говорит, что если Бог выберет для расплаты мусульманина, то он сам примет смерть, потому что он мулла, то есть алжирский священник.

— Ладно! Но хватит кривляний. Бросай ракушку, ты, старая обезьяна!

Мулла подбросил легкую раковину.

— Орел! — д'Эскренвиль разразился истерическим смехом. — Ах ты, старый притворщик! Повезло тебе, сумел выиграть. Теперь пусть христиане выбирают своего священника. Что? Давайте, давайте, где тот, кто вас благословляет? Ни одного священника? Так-таки нет священника?.. Нет священника? — кричал д'Эскренвиль с безумным смехом. — Тогда устроим другую потеху. Пусть судьба выбирает между самым старым и самым молодым из рабов-христиан. Ну, не моложе десяти лет. Я все-таки не Минотавр.

Воцарилась мертвая тишина, потом раздались женские вопли, матери старались укрыть своим телом прижимавшихся к ним мальчишек-подростков.

— Поторапливайтесь! — рявкнул д'Эскренвиль. — На корабле правосудие совершается быстро. Выходите сюда, а то я...

Эту иступленную речь прервал сильный глухой взрыв, раздавшийся в глубине корабля. Все были ошеломлены. Потом раздался крик:

— Пожар!

Над кормой поднялось облако белого дыма, вырывавшегося из вентиляционных отверстий. Рабы заметались в панике, но бичи сторожей быстро навели среди них порядок.

Д'Эскренвиль со своим помощником бросились на корму.

— Чья первая вахта? — проревел он.

Несколько испуганных матросов вышли вперед.

— Четверо к люку — поднять его, еще четверо спуститесь вниз и посмотрите, что там творится! Дым идет из отсека, где лежат припасы, возле камбуза.

Никто, однако, не шевельнулся. Все словно окаменели.

— Это дьявольский огонь, ваша светлость, — пролепетал один из матросов. — Посмотрите, какой дым, это не наш, не христианский дым...

Действительно, вырвавшиеся из люка струи дыма тяжело тянулись над самой палубой, они были то густобелые, то расплывались, словно туман над болотом. Д'Эскренвиль сделал шаг вперед и протянул руку ладонью вверх, согнув ее горсточкой, потом поднес к носу.

— Странно пахнет...

Опомнившись, он выхватил пистолет из-за пояса Корьяно и заорал:

— Сейчас пущу вам всем пули в зад, если не спуститесь вниз, как приказано.

В эту минуту среди клубов пара люк приоткрылся. Все закричали, и сам д'Эскренвиль отступил на шаг.

— Призрак!..

— Выходец с того света!

Из самого густого клуба дыма вышла фигура, закутанная во что-то белое и влажное, и глухой голос произнес:

— Прошу вас, господин д'Эскренвиль, не беспокойтесь. Это ничего, вовсе ничего... Не стоит вашего внимания...

— Что... Что это значит? — прорычал растерявшийся пират. — Ах ты, проклятый алхимик! Мало того, что все утро мы тебя проискали, ты еще пожары устраиваешь у меня на борту!

Фигура медленно выпутывалась из белого кокона. Сначала появилась голова и бороденка Савари, потом он чихнул, закашлялся, снова укрылся своим саваном, протянул руки, жестикулируя, и наконец скрылся в люке, захлопнув его за собой.

Анжелике, как и всем присутствующим, казалось, что совершается какое-то колдовство. Но вскоре Савари появился опять, поднявшись по лестнице, ведущей на

второй мостик. Он был спокоен и как будто очень доволен, хотя лицо его было в саже, а от порванной и запачканной одежды исходил странный сладковато-тошнотворный запах. Он объяснил, что пожара нет, а пары и взрыв вызваны проделанным им «опытом, обещающим чрезвычайно много для науки вообще и для плавания по морю, в частности».

Предводитель пиратов оглядел его и крикнул яростно:

— Ты что же, не сбежал?

— Я? Зачем мне бежать? Мне очень хорошо у вас на корабле, ваша светлость.

— А каик? Кто спустил его в море?

Над поручнями показалось курносое румяное лицо молодого матроса, поднимавшегося по спущенной с борта веревочной лестнице. Он остановился, растерявшись.

— Каик, хозяин?.. Это я взял его и поехал утром на остров за вином.

Д'Эскренвиль успокоился, а Корьяно позволил себе рассмеяться.

— Ох, хозяин. С тех пор как сбежал этот проклятый марселец, вам только и мерещатся побеги. Это ведь я приказал Пьеррику отправиться с утра пораньше за вином.

— Идиот! — Раздосадованный пират пожал плечами и отвернулся. И тут он увидел Анжелику.

Хмурое лицо его расправилось. Он сделал усилие, чтобы показаться любезным.

— А, вот и наша прекрасная маркиза. Вы, значит, поправились? Как вы себя чувствуете?

Она все еще держалась за стенку и смотрела на него с ужасом и непониманием. Наконец она прошептала:

— Извините меня, я не понимаю, что со мной было. Разве я была больна?

— Больше месяца, — усмехнулся пират.

— Месяц? Боже мой! Где же я теперь?

Маркиз взмахнул рукой, указывая на остров, увенчанный руинами.

— Перед вами, сударыня, остров Хиос, он находится в середине Киклад, греческого архипелага.

Глава 12

Анжелика помнила, что корабль был где-то в водах Сицилии, когда она заснула, и вот теперь, спустя месяц, она проснулась на краю света, среди забытых богом греческих островов, в руках пирата-работорговца.

Спрятавшись в своей узенькой каюте, она напрасно пыталась вспомнить, что с ней было. Усевшаяся у ее ног Эллида рассказывала, как они с Савари ухаживали за ней день и ночь, борясь с пожирившей ее лихорадкой. Иногда к ним заглядывал маркиз д'Эскренвиль, равнодушно смотрел на метавшуюся без сознания женщину и, уходя, цедил сквозь зубы, что живым сдерет с них кожу, если они дадут умереть «такому добру».

— Я за тобой хорошо ухаживала, подруга, ты сама знаешь... Когда у тебя голова стала меньше болеть, я протерла тебе волосы ароматным порошком. Теперь твои волосы очень красивые. И ты сама скоро похорошеешь.

— Дай мне зеркало, — с тревогой попросила Анжелика.

Она посмотрела и поморщилась: бледные впавшие щеки, огромные глаза. Может быть, пират откажется теперь от мысли продать ее.

— А тебе не стыдно ходить одетой по-мужски? — спросила Эллида.

— Нет. Я считаю, что так удобнее.

— Жаль. А ты, наверно, так была бы хороша во французских платьях, о которых столько говорят.

Чтобы доставить девушке удовольствие, Анжелика описала некоторые из своих версальских туалетов. Эллида пришла в полный восторг, смеялась и била в ладоши. Глядя на ее юное личико с кроткими темными

глазами, Анжелика недоумевала, как могло сохраниться столько природного веселья у девушки, прожившей год при маркизе д'Эскренвиле. Она спросила об этом, и молодая гречанка проговорила, отвернувшись:

— Ах! Знаешь, там, где я раньше жила... было еще хуже... Он, он не такой уж злой. Он мне делал подарки... Он научил меня читать, да. Он научил меня еще французскому и итальянскому... Мне нравилось, как он прижимает меня к себе и ласкает... Но потом ему надоело... Теперь он меня больше не любит.

— А кого он любит?

Злое облачко промелькнуло на лице рабыни.

— Трубку с гашишем. Он курит, потому что думает о чем-то, чего ему не достать.

***

В каюту заглянул одноглазый Корьяно и, стараясь приветливо улыбаться (в его разинутой пасти виднелись черные остатки зубов), посоветовал молодой даме подняться на мостик, где воздух лучше и свежее, полезнее для выздоровления.

Эллида набросила на плечи Анжелики легкое покрывало и усадила ее на бухту каната возле дверцы, за которой спускали трап, прямо напротив острова. Поднялся легкий чудесный ветерок, и они долго сидели, любуясь живописными красками неба и моря.

Потом к ним подошел маркиз д'Эскренвиль. У него хватило хитрости не пускаться в разговор с пленницей, а только отвесить ей глубокий поклон. Затем он отошел к дверце, под которой была укреплена веревочная лестница, следя за тем, как поднимается на корабль его «товар», и ведя счет.

На острове сильно суетились. Иногда раздавался пронзительный крик, за ним еще несколько, потом они обрывались.

К «Гермесу» подошел каик, и «товар» стал подниматься на борт. Сначала выбрались наверх двое

прекрасных, как статуи, мальчиков, один лет семнадцати, другой — совсем еще ребенок, лет двенадцати. У обоих были смуглые лица и длинные черные кудри. На плечах у них были овчинные куртки, одежда пастухов. Ребенок держал в руке дудочку с четырьмя дырочками, с помощью которой он собирал коз. Он повернулся к острову и заплакал, простирая туда руки. Матрос взял его за плечо и увел. Потом поднялась женщина, та самая, чьи отчаянные крики только что оглашали остров. Теперь она была в полуобмороке. Втащивший ее матрос так и оставил ее на мостике. Она лежала, свесив голову, и длинные волосы спадали на затоптанный пол. Следовавшие за ней женщины спотыкались и наступали на них. Потом поднялись мужчины и немало стариков. Последний из них, купец, подтащил корзины с черным виноградом и преподнес их д'Эскренвиллю. Тот предложил одну кисть Анжелике. Молодая женщина отказалась.

— Неразумно поступаете, — сказал пират. — Это вернет вам румянец. Виноград чудесного Хиоса славится всюду, и ваш приятель Савари утверждает, что его надо есть, чтобы избежать цинги. А кстати, куда девалась эта старая обезьяна?

Один из матросов отвечал, ослабившись:

— Он на острове, ваша светлость, чешет там козлов.

Маркиз расхохотался во все горло.

— Чешет козлов!.. Ха-ха-ха! Никогда еще не слышал такой нелепой басни. Он ведь уверял меня, что можно разбогатеть, вычесав всех козлов на греческих островах. Ха-ха-ха! — И вдруг он пришел в ярость:

— Пусть не воображает, что меня можно дурачить, как ребенка. Где он? Найти его немедленно! Я не собираюсь ночевать тут.

— Да вот он!

На берегу среди темных силуэтов показалась фигура Савари. Он успел вскочить в уже отплывавшую

лодку.

По веревочной лестнице маленький аптекарь взбирался с ловкостью обезьяны, не переставая сыпать словами. Он обращался к д'Эскренвиллю:

— Остановка здесь, ваша светлость, принесет вам не только удовлетворение, но и настоящее богатство. Я собрал больше ста унций ладана, а знаменитый «черный бальзам», получаемый из него, продают по несколько десятков ливров за унцию. Изготовленные на его основе духи позволят вам заткнуть за пояс все европейские дворы.

Он сунул руку в камзол, но она попала в дыру и задела трубку, которую он безуспешно пытался ухватить. Трубка полетела за борт.

Его отчаянные жесты вызвали веселье флибустьеров. Поношенная одежда старика была вся перепачкана какой-то смолой, попавшей даже на седые волосы, выбивавшиеся из-под черной шапочки. Лицо его было мертвенно-бледным, но со странными синими и зелеными разводами, глаза же живо сверкали. Он выхватил из рук следовавшего за ним юнги небольшую мисочку и сунул ее под нос д'Эскренвиллю.

— Посмотрите сюда. Это подлинный ладан, драгоценнейшее вещество, соперничающее в редкости с индийским мускусом, который так трудно добыть... Сударыня, приветствую вас! Наконец вы поправились... Посмотрите на это чудо! Это ладан, то есть смолоподобное вещество, которое непроизвольно каплями выделяется из листьев некоторых кустарников рода Цистус ладаниверус. Собрать его можно, вычесывая из шерсти коз и козлов, которые поедают листья этих кустарников. Жирное вещество, которое вы видите, надо расплавить и очистить. Из него я получу жидкий ладан, или черный бальзам, который разолью в крохотные флакончики.

— И ты обещаешь, что я получу деньги за эту грязь?
— недоверчиво спрашивал д'Эскренвиль.

— Ручаюсь! Этот продукт входит в состав лучших духов, закрепляя их аромат. Французские и итальянские парфюмеры готовы по весу золота заплатить тому, кто доставит им необходимое количество этого вещества. Ручаюсь: его можно собрать много, особенно на Санторине.

— На Санторин я не поплыву, слышишь ты, старый ворон?! — закричал маркиз. — Я тебя свожу еще на Делос и Миконос, а оттуда поспешу в Кандию. Или ты хочешь, чтобы я упустил лучшее время на главном рынке?

— Разве можно сравнить его с тем богатством...

— Хватит! Собери свои тряпки и причиндалы! Смотри, я еще пожалею, что не продал тебя в Ливорно вместе с твоими товарищами.

Мэтр Савари с подчеркнутым смирением, как он умел делать, подобрал свою мисочку, два больших деревянных гребня, кусок мешковины и, низко согнувшись, сделал вид, что убегает в страхе.

— Знаете, — шепнул он Анжелике, пробираясь мимо, — я ведь сумел спасти «его».

— Кого?

— Мое мумие. «Жольета» ведь не пошла ко дну, хотя и была сильно повреждена. Этот разбойник маркиз велел поднять ее на борт своего судна. Мне удалось пробраться в нее и отыскать свою бутылку.

— А теперь «Жольета» далеко от нас, — с горечью проговорила Анжелика.

— Что делать! Бедный Паннасава не мог дожидаться вашего выздоровления. Ему надо было скорее уйти в море, он очень рисковал: могли дознаться о его замысле и продать в рабство прежде, чем ему удалось бы бежать. Ведь в Ливорно маркиз продал целую партию пленных, в том числе и вашего юного слугу.

— Бедный мой Флипо! Его продали в рабство!

— Да, и лишь с громадным трудом я уговорил нашего господина оставить меня на борту.

— Ты все еще здесь, чертов болтун? — д'Эскренвиль грозно махнул рукой, и ученый заторопился, мелкими шажками добежал до одного из люков и исчез из виду. Но когда Анжелика вернулась в свою каюту, он тоже появился там.

— Мне бы хотелось поговорить с вами, сударыня. Милочка, — обратился он к Эллиде, — посторожи, пожалуйста, за дверьми, чтобы нам никто не помешал.

— Значит, вы из-за меня остались, мэтр Савари? — спросила растроганная Анжелика.

— Не мог же я бросить вас, — отвечал старик. — Вы ведь были тяжело больны, да и сейчас выглядите неважно, но все обойдется.

— А вы сами не болели? У вас такие пятна на лице.

— Это все следы «пиньо», свинца, что перевозил Паннасов. От них не легко освободиться. Я пробовал и лимоны, и уксусную эссенцию... Видно, они только вместе с кожей сойдут, — посмеиваясь, сказал ученый, — но это все неважно. Важно другое... Нам надо вырваться из рук этих опасных пиратов. — Он опасливо оглянулся. — Но у меня есть идея... Тише!

— Вы полагаете, что маркиз д'Эскренвиль зайдет в Кандию?

— Непременно, потому что он задумал выставить вас на батистане.

— Что такое батистан?

— Караван-сарай, где продают дорогих рабов. Торговля прочими идет на базарах и на главной площади. Кандийский батистан самый крупный во всем Средиземноморье.

Мурашки побежали по телу Анжелики.

— Не приходите в отчаяние, у меня есть один замысел. Ради него я сумел уговорить этого

толстокожего флибустьера зайти в греческий архипелаг под предлогом, что он добудет здесь редкие вещества, необходимые в парфюмерии, и разбогатеет.

— А зачем сюда? — спросила Анжелика.

— Потому что нам нужны соучастники.

— И вы надеетесь найти их на греческих островах?

— Как знать? — таинственно проговорил Савари. — Сударыня, я покажусь вам очень нескромным, но мы вдвоем попали в скверную историю, и, я надеюсь, вы не обидитесь на старого друга, если он задаст вам несколько вопросов. Почему вы отправились совсем одна в такое далекое и опасное путешествие? Я стремился за своим мумие, ну а вы?

Анжелика молча вздохнула. Какое-то время она колебалась, потом решила довериться старому ученому.

Она рассказала ему, как целые годы думала, что ее муж, граф де Пейрак, осужденный на смерть, был казнен. А потом она узнала, что ему удалось избежать казни, стала искать, переходя от одного свидетельства к другому, и наконец убедилась, что надо ехать в Кандию, потому что там есть надежда разыскать его следы.

Савари молча дергал свою бороденку.

— Вы думаете, что я сумасшедшая, что глупо было бросаться в такую авантюру?

— Конечно, это так. Но я готов найти вам извинение. Я ведь тоже старый безумец. Я все бросаю и пускаюсь навстречу опасностям, не думая о них. Я гонюсь за своим мумие, как и вы бросаетесь безоглядно в еще более рискованные предприятия потому только, что где-то, во тьме пустыни, мерцает звездочка вашей любви. Безумны ли мы? Я этого не думаю. Кроме разума есть еще инстинкт, который ведет нас и заставляет дрожать от волнения. Так дрожит ореховая ветка над скрытым в земле источником. А слышали вы когда-нибудь о греческом огне? — вдруг быстро переменял он

тему разговора. — Во времена Византии была секта ученых, владевших этим огнем. Откуда они узнали о нем? Я изучал историю этих мест и убедился, что когда-то в районе Персеполиса, то есть между Персией и Индией, жили зороастрийцы — огнепоклонники. От них была подучена тайна этого огня, так долго обеспечивавшего непобедимость Византии. К сожалению, в 1203 году, после нашествия крестоносцев, византийские ученые утратили формулу негасимого огня. Так вот, я уверен, что секрет таится в минеральном мумие, которое горит и не гаснет, а если его особым образом обработать, выделяет летучее вещество, легко воспламеняющееся и даже способное взрываться. Сегодня утром я сделал опыт с крохотной частицей. Да, сударыня, я вновь открыл тайну греческого огня!

В увлечении он повысил голос. Анжелика напомнила ему об осторожности. Нельзя забывать, что они только бедные рабы в руках безжалостного палача.

— Не бойтесь ничего! Я рассказываю вам о своих открытиях не потому, что впадаю в безумство увлечения, а потому, что они помогут нам завоевать свободу. У меня есть замысел, и я уверен, что мне удастся его осуществить, если мы только попадем на остров Санторин.

— Почему Санторин?

— Я вам это открою в свое время. — И Савари убежал.

Наступил вечер, на корабле поднялся необычный шум. Крики женщин смешивались с мужской руганью, раздавались звуки ударов, топот босых ног, бегущих по переходам, плач, приглушенные истерические рыдания, громкие голоса и грубый гогот мужчин.

— Что опять случилось? — спросила Анжелика у своей товарки.

— Матросы укрощают новых пленниц.

— Что они делают с ними?

Молодая гречанка отвела глаза.

— Но это ужасно! — простонала Анжелика. — Это невыносимо. Надо же что-то делать.

Совсем рядом раздались отчаянные вопли насилуемой женщины.

Эллида удержала Анжелику:

— Не ходи туда! Так всегда бывает. Это их право.

— Их право?!

Эллида объяснила своим кротким голосом, что члены экипажа имели право на долю добычи. Сначала они получали ее «в натуре», а после продажи рабов — и в цехинах. Более того, очень красивых женщин берегли для богатых сладострастников, а большинство продавали просто в рабство как служанок для исполнения всяческих работ в караван-сараях. На рынке беременные ценились выше, так как учитывалась и ценность будущего раба. Таким образом, люди маркиза д'Эскренвиля получали удовольствие и повышали в то же время цену «товара».

Анжелика заткнула уши руками и сама стала кричать, что хватит с нее этих дикарей, что она тут больше не останется. И когда появился Корьяно с двумя негрятями, несущими подносы, она набросилась на него с проклятиями и отказалась хоть что-нибудь взять в рот.

— Но вам же надо поесть! — трагическим тоном вскричал одноглазый. — Вы же просто кожа да кости. Это для нас катастрофа!

— Пусть перестанут терзать этих женщин! Прекратите эту оргию!

Она пнула ногой подносы, и миски полетели на пол.

— Прекратите эти крики!

Корьяно поспешил убраться со всей скоростью, какую допускали его короткие ножки. Немного спустя послышался рев д'Эскренвиля:

— Тебе понравилось, что она с характером! Что ж, получил теперь? Уже моим людям нельзя позабавиться с бабами на собственном корабле!..

Взбешенный, он подбежал к каюте Анжелики.

— Вы что, отказываетесь есть?

— А вы полагаете, что ваши сатурналии возбуждают аппетит?

Страшно худая, вся взъерошенная Анжелика в своем свободно болтающемся корсаже выглядела упирающейся девчонкой-подростком. Губы пирата чуть раздвинулись в подобии улыбки.

— Ладно! Я уже приказал перестать. Но и вам следует пойти навстречу. Мадам дю Плесси-Белльер, вы окажете мне честь поужинать вместе со мной на мостике?

Глава 13

Вокруг низкого столика были уложены подушки. Принесли круглые серебряные миски с густой простоквашей, в которой плавали кусочки мяса, завернутые в виноградные листья. Яркие зеленые, красные и желтые блюдечки с соусами — луковым, перечным и шафранным — расцвечивали стол.

— Попробуйте долму, — Корьяно положил кушанье в тарелку Анжелики. — Если она вам не понравится, то принесут рыбу.

Предводитель пиратов насмешливо посматривал на своего помощника.

— Тебе идет роль кормилицы. Видно, ты для этого родился!

Корьяно обиженно промычал:

— Надо же кому-нибудь исправлять ошибки. Еще хорошо, что она не умерла. А если опять начнет болеть, то конца этому не будет.

Теперь обиделся маркиз:

— Чего ты еще от меня хочешь? Я позволяю ей важничать, чуть не с поклонами приглашаю обедать, все кругом на цыпочках ходят. Мои люди должны вести себя, как певчие в церкви, и ложиться спать в восемь часов вечера...

Анжелика рассмеялась.

Оба корсара уставились на нее, разинув рот.

— Она смеется!.. — волосатая физиономия Корьяно просияла.

— Мадонна! Если она так будет смеяться на рынке, мы возьмем за нее лишних две тысячи пиастров.

— Идиот! — презрительно бросил д'Эскренвиль. — Много ты знал таких, кто смеялся на рынке? А этой такое вовсе не пойдет. Нам повезет, если она хоть

будет вести себя спокойно. Почему вы смеетесь, красавица?

— Не могу же я постоянно плакать.

Наступившая тишина и синева этого вечернего неба действовали на нее успокаивающе. В легкой дымке, словно сказочное видение, уходил назад островок с храмом, посеребренным лучами восходящей луны. Маркиз проследил за ее взглядом и сказал:

— У Аполлона было когда-то шесть храмов. На этом острове ежедневно танцевали в честь красоты.

— А теперь тут вашими стараниями воцарился ужас.

— Не сентиментальничайте. Надо же как-то использовать этих выродившихся греков.

— И что же, так полезно отрывать детей от матерей?

— Иначе им суждено погибнуть в этих бесплодных краях.

— А несчастные бессильные старики, которых тоже втащили на ваш корабль?

— Тут дело другое. Я забираю их, чтобы оказать им услугу.

— В самом деле? — иронически усмехнулась она.

— Ну конечно! Вообразите, на острове Хиос существует такая традиция: жители, которым исполнилось шестьдесят лет, должны отравиться либо уехать отсюда. В этом углу Греции стариков не любят.

— Он сардонически улыбался. — Вам еще многое придется узнать о Средиземноморье, прекрасная дама.

Раб принес кальян, турецкий курительный прибор с сосудом воды и трубкой. Маркиз закурил трубку и откинулся назад.

— Посмотрите на небо, покрытое облаками. Завтра на заре мы отплывем на Кьюрос. Там, под лаврами и розами, лежит спящий бог Марс. Жители еще не успели растолочь его на известку. Я каждый раз хожу посмотреть на него. А вы любите статуи?

— Да. Король украсил ими свои сады в Версале...

Из ночной тьмы опять выплыл хиосский храм. Казалось, он висит в небе. Анжелика тихо сказала:

— Боги умерли.

— Но не богини. — Маркиз д'Эскренвиль разглядывал ее прищуренными глазами. — Этот костюм, можно сказать, вам идет. Обещает приятные сюрпризы и позволяет догадываться о том, что скрывает.

Анжелика сделала вид, что не слышит, и наклонилась над тарелкой. Ее желудок давно уже требовал пищи, а вкус простокваши не был неприятен.

— Далеко мы от Кандии?

— Не слишком. Мы бы уже были там, если бы этот чертов аптекарь не отвлек меня своими речами и не заставил терять время, таскаясь от острова к острову. Когда его нет рядом, мне хочется раздавить его, как клопа. Но он приходит, хватая меня за пуговицу и начинает внушать, что он добудет мне богатство, и я слушаю его, как дитя. А... Какая разница! Одно из благоденствий Востока — время тут течет неспешно. — Он сильно затянулся. — А вам что, хочется скорее попасть в Кандию?

— Мне хочется скорее узнать, какова будет моя судьба. Оказывается, вы продали в Ливорно маленького слугу, который сопровождал меня...

— Да, и сделка неожиданно была выгодной. Я не надеялся столько получить за него, но мне попался итальянский дворянин, искавший учителя французского языка для своего сына. Это позволило мне поднять цену.

— Флипо — учитель французского языка! — воскликнула Анжелика, и снова зазвенел ее легкий смех.

Она с трудом подавила веселость и стала расспрашивать работоторговца, не помнит ли он имени

итальянского синьора, которому продал Флипо; потом ей, может быть, удастся выкупить верного слугу.

Теперь расхохотался маркиз д'Эскренвиль.

— Выкупить его? Вы что, рассчитываете освободиться? Следует знать, дорогая, что из гаремов не бегут!

Молодая женщина долго вглядывалась в него, пытаясь найти хоть каплю человечности в этом хмуром лице, выплывавшем из тени, потому что рядом поставили зажженный фонарь.

— Вы действительно намерены это сделать?

— А для чего же я держу на своем корабле такую красотку, как вы думаете?

— Послушайте, — сказала она, увлеченная порывом надежды, — если вам нужны деньги, я сумею дать выкуп за себя. Во Франции у меня много денег.

Он покачал головой.

— Нет. Я не собираюсь вести дел с французами. Они слишком хитры. Чтобы получить деньги, мне пришлось бы поехать в Марсель. Это опасно... и это будет нескоро. Мне некогда ждать. Мне надо купить еще один корабль... Разве у тебя хватит на это денег?

— Может быть.

Но тут она вспомнила, в каком плохом состоянии были ее дела ко времени отъезда. Ей пришлось заложить свое судно и его будущий груз, чтобы оплатить свои расходы при дворе. И потом ведь ее положение во Франции, раз она навлекла на себя гнев короля, было очень и очень непрочным.

Она в отчаянии закусила губу.

— Видишь, — сказал он. — Ты у меня в руках. Я твой господин и сделаю с тобой, что хочу.

***

Путешествие продолжалось. Каждый день пират, проклиная Савари, бросал якорь еще у одного из сухих островков, где было много белых статуй.

На выжженной солнцем почве не росло ничего кроме винограда. Жители изготавливали вино да еще разбивали молотками мраморные статуи и полученный порошок обжигали, добывая известь для побелки домов. Ни вина, ни древние боги не обеспечивали им пропитания.

Измученные голодом жители островов продавали на изредка проходящие суда вино, мешки извести, своих жен и детей. Турецкий жандарм, посланный начальством из Константинополя волочить свою кривую саблю по этим обездоленным островкам, делал вид, что не замечает работорговли христианского пирата. Д'Эскренвиль приглашал его к себе на корабль, они пили вместе кофе на мостике, курили, и, получив несколько цехинов, турок сам наблюдал, как заталкивают в трюм его проданных в рабство подопечных.

Так проплыли Китнос, Сиру, Миконос, Делос.

Несмотря на обещания Савари, тревога не оставляла Анжелику, и часто Эллида не знала, как вывести ее из уныния.

— Как жаль, — как-то воскликнула девушка, — что Рескатор уехал в гости к королю Марокко. Он бы тебя купил.

— Из рук одного пирата перейти в руки другого, что же тут хорошего? — возмутилась Анжелика.

— Это гораздо лучше, чем быть запертой в гареме. Только смерть открывает двери гарема тем, кого евнухи ввели туда. Даже старость не дает освобождения оттуда. Лучше уж принадлежать пирату, — рассудительно объясняла Эллида. — Ну а тот, о ком я говорю, он совсем не так обращается с женщинами, как другие. Вот послушай, сестра моя, я расскажу тебе историю итальянки Лючии, которую берберы захватили в плен на тосканском побережье. Мне поведала об этом, когда я была на рынке рабов в Алжире, одна женщина,

встречавшаяся с Лючией уже после того, как Рескатор отвез ее на родину. Лючия жила у него, на его острове с крепостью; там была чудесная еда, и конфет сколько хочешь, и много любви.

Анжелика не могла удержаться от смеха над наивностью девушки.

— Мне не нравятся ни конфеты, ни любовь... По крайней мере, на таких условиях.

— А Лючии это очень нравилось. Ведь в своей бедной Тоскане она никогда не ела досыта. И так как она была красива, как богиня, то очень рано познала удовольствия.

— Ну, что ты от меня хочешь? Я ведь не Лючия, не одалиска, у меня другие вкусы.

Эллида разочарованно замолкла, но вскоре вновь воодушевилась.

— Послушай еще, сестра моя... В Кандии была Мария-армянка. На батистане она легла на пол. И самому распорядителю продажей рабов пришлось взять ее за волосы, чтобы можно было увидеть ее лицо... Она была прекрасна, как ночь, но из-за такого настроения никто не хотел купить ее. А Рескатор купил. И увез ее в свой загородный дворец на острове Милосе. Он завалил ее подарками. Но ничто не помогало. И тогда Рескатор отправился в плавание и вернулся с двумя крошечными детишками. Это были дети Марии-армянки, которых продали какому-то эфиопу.

Гречанка вскочила на ноги и продолжала рассказ, мимикой и жестами воспроизводя то, о чем повествовала.

— Когда она их увидела, то закричала, словно дикий зверь. А потом прижала их к груди и так держала целый день, и никто не смел к ней подойти. Но когда наступила ночь и дети уснули, она встала, намазала тело душистыми притираниями, надела украшения, которые подарил ей Рескатор. И поднялась к нему на

террасу, и стала танцевать перед ним, чтобы он ее пожелал... Ах, сестра моя, ты понимаешь?.. Ты понимаешь, что это за человек?..

С поднятыми руками, подобная амфоре, она кружилась, привстав на цыпочки, стараясь показать, как танцевала Мария-армянка. Так плясали, наверно, в прошлом весталки под белыми портиками островных храмов.

Потом она села у ног Анжелики.

— Ты поняла, что я хочу тебе растолковать?

— Нет.

Рабыня проговорила задумчиво:

— Он с каждой женщиной говорит на ее языке. Он волшебник.

— Волшебник! — злобно отозвался маркиз д'Эскренвиль. — Вот что твердит эта дрянь. Немного нужно, чтоб задурить эти птичьи мозги. Странный человек этот проклятый Рескатор, и больше ничего.

— Вы тоже считаете его странным? Почему?

— Потому что он один, понимаете вы это, один из всех пиратов, не торгует рабами и все-таки богаче всех нас благодаря невероятной своей торговле серебром, которая нарушила все порядки и разоряет нас. Волшебник?.. Да. Этот колдун всегда ухитряется выскочить там, где его не ждут. Никто не знает, где его главное логово. Он долго был в Джиджелли, подле Алжира. Потом объявился на Родосе. Потом в Триполи. Теперь, думается, он на Кипре. Это страшный человек, потому что нельзя понять, чем он руководствуется. Возможно, он не в себе. В нашем мире среди пиратов это случается.

— Он действительно отпускает на свободу рабов с захваченных кораблей?

Д'Эскренвиль скрипнул зубами и пожал плечами.

— Безумец! У него большое богатство, и он развлекается тем, что разоряет других. Купцы и

банкиры из больших городов готовы ему в ноги кланяться, потому что он, якобы, выравнял курс денег. Он уже начинает везде командовать. Но долго этому не бывать. Пусть его берегут христиане-охранители, найдется человек, который отправит к праотцам в один прекрасный день этого уroda с отрубленным носом, эту карнавальную маску, этого базарного колдуна... Волшебник Средиземноморья!.. Ха-ха-ха! Вот я, я — Ужас Средиземноморья... Мы еще посмотрим!.. Я ненавижу его, и все пираты его ненавидят, все торговцы рабами: Меццо-Морте, Симон Данза, Фабрицио Олигьеро, братья Сальвадор, испанец Педро Гармантаз и даже мальтийские рыцари, да все, все... Как это он оказался в милости у султана Марокко Мулея Исмаила? Никому не известно! Могучий султан предоставил ему свой шатер и выделил мавров из собственной стражи. Но хватит говорить об этой личности. Хотите кебаб?..

Он протянул ей блюдо с мясными пирожками (в фарш были добавлены кислые ягоды тамариска), жаренными в бараньем сале.

Глава 14

Каждый вечер маркиз д'Эскренвиль приглашал Анжелику подняться на мостик и разделить с ним обед. Он держался, насколько мог, вежливо, видимо, под влиянием Корьяно. Иногда все же натура брала верх, и он обращался к Анжелике на «ты», говорил разные пакости. Бывало и так, что, вспомнив давнее воспитание, он умел занять внимание молодой женщины. Она обнаружила, что он хорошо образован, знает все восточные языки и может читать греческих классиков в оригинале. Станный это был человек. То на него находили приступы озверения, и он мучил своих рабов, то вдруг проявлял к кому-то из них почти отеческую нежность. Нередко он приказывал привести к рубке десятков хорошеньких негрятят, купленных в Триполи. Босоногие дети тихонько становились на коленки и послушно молчали, поблескивая белками больших глаз.

— Ведь хороши? — сказал как-то д'Эскренвиль, любуясь ими. — Знаете, что за этих суданских дикарей платят золотом?

— В самом деле?

— Это же евнухи.

— Бедные дети!

— Почему?

— Их так ужасно искалечили.

— Подумаешь! Их колдуны очень ловко производят эту операцию. А потом смазывают ранку маслом и засыпают ребят по пояс горячим песком пустыни, пока не заживет. Это хороший метод: вожди племен, которые приводят мальчишек на берег и продают их нам, утверждают, что из сотни умирает не более двух.

— Бедные дети! — повторила молодая женщина.

Пират пожал плечами.

— Вот уж кого незачем жалеть. Разве это отродье каннибалов могла ждать лучшая судьба? Они ведь родом из страшных мест, где тот, кто не достался на зуб льву, не спасется от вражеского копья. А враги сожрут его живым. Эти племена питаются кореньями да крысами. А теперь эти мальчишки будут есть досыта. Пока малы, ничего не будут делать, только играть в трик-трак или в шахматы с сыновьями султана либо сопровождать их на соколиную охоту. Ну а когда станут взрослыми, получат первостатейные должности. Вы что, забыли историю? Ведь в Византии несколько евнухов стали коронованными императорами. А сколько я знаю таких, кто командует своим господином, ослепленным наслаждениями. Вы еще услышите о старшем из черных евнухов Султана султанов, о начальнике белых евнухов его брата Солимана, Шамиль-бее, а также об Османе Ферраджи, Верховном евнухе марокканского султана Мулея Исмаила. Это великан, чуть не в два туза ростом. Замечательный человек, с какой стороны ни посмотреть: свирепый, хитрый, умный. Это он возвел Мулея Исмаила на трон, помогая уничтожить несколько десятков других претендентов, стоявших у Исмаила на пути. — Он остановился, захваченный злой мыслью, и расхохотался. — Да! Да! Я полагаю, вы очень скоро убедитесь, прекрасная пленница, как велика власть евнухов на Востоке.

***

Анжелика прислонилась к колонне, залитой солнцем, как на всех островах Киклад, и растерла в пальцах веточку базилика. Эту душистую веточку протянул ей в знак мира и приветствия несколько минут тому назад, когда она проходила через деревню, православный священник в камилавке с развевающимися черными концами. Бедный старик, не способный понять, что творится, пытался спасти свою

паству от насилия пиратов. Он старался растолковать что-то молодому белокурому пирату, спустившемуся на берег вместе со страшными моряками. Может быть, хоть этот пожалеет несчастных бедняков?..

Д'Эскренвиль, недолго думая, схватил старика за бороду и швырнул его на землю, осыпая ругательствами по-гречески и пиная ногами.

— Безбожник! — крикнула Анжелика.

Священник протянул к ней костлявые руки и быстро заговорил. Маркиз рассмеялся.

— Он думает, что вы — мой сын, и молит вас, ради моей любви к вам, вмешаться и спасти его двух дочек от поругания. Ха-ха-ха! Давно таких глупостей не слышал.

— А если я вас попрошу об этом?

Старик бросал на нее умоляющие взгляды.

— Уйдите отсюда, — приказал пират. — Нечего вам вмешиваться в то, что мы здесь делаем.

Она ушла, стараясь не смотреть на безобразное зрелище, свидетелем которого ей уже не раз приходилось быть.

С тех пор как болезнь оставила ее, Корьяно настаивал, чтобы она всякий раз спускалась на берег при остановках корабля. Свежий воздух будет способствовать ее выздоровлению. Как будто ей мало было воздуха на мостике! Но Корьяно был настойчив. Ей необходимы прогулки. В первый раз она робко ступила на берег, так странно было чувствовать под ногами твердую почву. Она побрела тогда в сторону от деревни, предоставив флибустьерам заниматься своей гнусной торговлей. Ей удалось укрыться в тени храма среди белоснежных обломков старинных статуй.

От веточки базилика пахло так же, как от этой выжженной солнцем земли. Деревья тут не росли. Все было бедно и голо и в то же время исполнено вечного величия. Тут не было воды, но была живительная влага

поэзии, благодаря которой произросли неувядаемые легенды и мифы.

На пригорках звонко перекликались пастухи, а Савари, вооруженный деревянными гребнями, пробирался по крутым тропкам, чтобы вычесывать ладан из козьей шерсти. Сегодня вечером он принесет свою добычу — горсточку липкой смолы. Сегодня вечером на берегу соберутся плакальщицы, будут царапать себе лица и посыпать пеплом седые волосы... Она закрыла глаза. Душистый запах навевал мечты, а солнце пробуждало в ней желание жить...

Маркиз появился рядом и стал разглядывать ее. Она все еще опиралась на колонну, и поза ее была юношески грациозна, голова склонилась под тяжестью узла золотых волос, губы прикасались к зеленой былинке, веки опустились, и он подумал, что ему нравится двусмысленное очарование ее мужского костюма. В платье она слишком бы походила на ту, «другую», и он убил бы ее в конце концов. А так она была слишком женщиной, сиреной, и слишком беззащитной.

Анжелика ощутила давящий взгляд, подняла глаза и отодвинулась назад.

Он повелительно махнул рукой:

— Иди сюда.

Она шла неторопливо, кончиком бабуши отбрасывая с тропинки камушки. Под серебряными пряжками, стягивавшими ее штаны у колена, выступали уже окрепшие и загоревшие икры. Корьяно был прав. У пленницы пополнели щеки и восстановился матово-теплый цвет лица. Д'Эскренвиль схватил ее за плечо и, нагнувшись, процедил с обычной издевкой:

— Возрадуйся, сыне! Этих поповских дочек, знаешь ли, не тронули...

Она посмотрела на него, не зная, принимать ли его слова всерьез. В серых глазах пирата мерцали

необычные искорки.

— Я очень рада, — сухо проговорила она.

Он не заявил, что поступил так ради нее. Только вытащил ее на тропу и заставил подниматься рядом с собой по крутому боку возвышавшейся над морем горы. Сквозь рукав она ощущала жар его руки и дрожь, пробегавшую по ней.

— Не смотри на меня так, словно я собираюсь тебя пожрать. Или ты принимаешь меня за Минотавра?

— Нет, за того, кто вы есть.

— То есть?..

— Ужас Средиземноморья.

Он остался доволен ответом и сильнее сжал ее плечо. Они поднялись уже на самую вершину. Внизу, на голубой глади залива, виднелся «Гермес», отражаясь, словно красивая игрушка, в муаровой глубине.

— Закрой глаза, — скомандовал д'Эскренвиль.

Анжелика вздрогнула. Какую еще жестокую игру он придумал? Его лицо исказила гримаса бешенства.

— Закрой глаза, тварь!

Для верности он прикрыл ей глаза ладонью и протащил немного вперед, прижимая к себе. Потом отнял руку.

— Теперь смотри.

— О!

Они оказались на площадке, где стояли руины храма. Три белые, словно из соли сделанные, ступени вели к портику, вымощенному мраморными плитами, сквозь щели между которыми пробивались невысокие растеньица. А дальше, за кустами малины с желтыми и красными ягодами, начиналось чудо: два длинных ряда статуй, совершенно целых, словно замерших в танце и пронизанных солнцем на фоне небесной лазури.

— Что это? — прошептала Анжелика.

— Богини.

Он медленно повел ее посреди этих мраморных улыбок и нежно изгибавшихся рук, по этому божественному соборищу, навевавшему теперь тоску, потому что там никто уже не курил благовоний — только пахло малиной — и никто не возносил молений — только слышался шум прибоя. Увлеченная чудесным зрелищем Анжелика не замечала, что он продолжал прижимать ее к себе. В конце ряда статуй, на возвышении, стояла статуя ребенка, торжествующего божка с луком в руках, чудесного белоснежного малютки, овеваемого ветрами.

— Эрос!

— Как он хорош! Это ведь бог любви, не так ли?

— А он когда-нибудь попадал в вас своей стрелой?

Пират отошел в сторону и нервно похлопывал кончиком хлыста по сапогам. Очарование храма пропало. Анжелика не отвечала и в поисках тени прислонилась к цоколю статуи Афродиты.

— Вы, должно быть, так же хороши, когда увлечены любовью, — снова заговорил он спустя несколько минут. Его взор обежал статуи богинь и вернулся к Анжелике. Она не понимала его. Чего он хочет?..

— Ты думаешь, твое высокомерие подействовало на меня, и потому я не прихожу ночью поучить тебя, как следовало бы. Слишком много воображаешь о себе, дело вовсе не в этом. Не было еще рабыни, которая посмела бы противостоять Ужасу Средиземноморья. Просто мне надоели вопли и сопротивление. Разок это забавно, придает пикантности, но потом надоедает. Ты что, не можешь быть полюбезнее со мной?

Она ответила холодным взглядом, которого он не заметил, потому что принялся ходить взад и вперед, стуча каблуками по мраморному полу храма и перебивая ритмичное стрекотание цикад.

— Влюбленная, вы должны быть очень хороши, — вдруг глухо заговорил пират. — У вас было такое лицо,

когда вы лежали ночью у меня на руках с закрытыми глазами и шептали еле слышно: «Любимый мой!».

Отвечая на ее недоумевающий взгляд, он добавил:

— Вы не можете этого помнить. Вы были тогда больны, бредили. Но я не могу этого забыть. Мне все представляется ваше лицо, каким оно было тогда. Вы должны быть очень хороши в объятиях человека, которого любите.

Он подошел к статуе Эроса, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на чувство.

— Я бы хотел быть таким человеком. Я хотел бы, чтобы вы меня полюбили.

Анжелика ждала чего угодно, но не этого.

— Полюбить вас! Вас!.. — Она разразилась смехом. Какая нелепость! Разве маркиз не знает, что он — мерзкое существо, погрязшее в преступлениях, злобный и бессердечный мучитель людей? И хочет, чтобы его любили!..

Ее звонкий смех раздавался так громко в безлюдной тишине. Насмешливое эхо повторило его, и ветер унес отзвук вдаль.

— ...Полюбить вас! Вас!..

Маркиз д'Эскренвиль покрылся мраморной бледностью. Он подошел к Анжелике и, размахнувшись, ударил ее раз и другой по щеке. Она ощутила во рту соленый вкус крови. Он ударил опять, и она упала к его ногам. Из рта у нее текла струйка крови.

— Еще смеется! — крикнул он, задыхаясь. — Ах ты, тварь!.. Да как ты посмела! Ты еще хуже той, другой! Хуже всех! Я тебя продам! Я тебя продам злему старому паше, рыночному торговцу, мавру, злодею, который тебя замучит... Но ты уж ни на кого не посмотришь с выражением любви... Это я запрещаю... А теперь убирайся! Убирайся! Я не хочу, чтобы на меня напустился Корьяно со своими людьми... Убирайся, пока я тебя не убил!..

***

Через день оба корабля флибустьеров бросили якорь перед островом Санторин. Маркиз д'Эскренвиль вышел из своей каюты, где пролежал два дня, куря гашиш.

— Ты все-таки завел меня, куда хотел, ах ты, чертов собиратель! — закричал он, с ненавистью глядя на Савари. — Ну, что тебе светит на этой голой скале? Коз тут не больше, чем в других местах, даже меньше. Смотри, не вздумай обманывать меня, ты, старый лис.

Мэтр Савари убедительно доказывал, что тут можно будет собрать больше ладана, чем в других местах, но пират продолжал сомневаться.

— Не понимаю, где твои козлы могут тут вымазаться в этой смоле. Тут же ни деревца, ни кустика нет.

И действительно, Санторин, в древности называвшийся Терой, не походил на другие острова. Это было чудо природы, утес высотой в сотни три туазов, в цветной чаше которого, напоминавшей неаполитанский шербет, содержались все тайны этой земли. Между бурыми камнями виднелись прослойки черного пепла, поверх лежала красная глина, прорезанная белыми жилками пемзы, — так что можно было догадаться, что этот странный остров был просто частью кратера вулкана, а в середине кратера располагался рейд, где останавливались корабли. По другую сторону рейда находился островок Терасья — другая часть кратера. Подземный вулкан не переставал действовать. Жители острова жаловались на частые вспышки, от которых тряслись их глинобитные мазанки, а из моря вылетали залпы лавы, снова падавшие на дно.

За домишками тропа вела вверх, где возле античных развалин стояла ветряная мельница. Гуляя, Анжелика забралась туда и уселась в тени, погруженная в печальные думы. Щека еще болела от вчерашних ударов. Надо бежать, но как?..

Вдруг зазвенели колокольчики, и на тропе появился мэтр Савари с козами и каким-то греком, с которым он дружески беседовал.

— Представляю вам, сударыня, Вассоса Миколеса. Славный юноша, не так ли?

Анжелика вежливо промолчала. Ей случилось любоваться мужчинами-греками, сохранявшими античную энергию и грацию. Но этот невысокий сутулый и тощий парень с реденькими усиками красотой не отличался. Скорее уж он походил на своего спутника. Анжелика переводила взгляд с одного на другого.

— Да, сударыня, вы угадали, — обрадовался Савари. — Это мой сын.

— Ваш сын, мэтр Савари? А я не знала, что у вас есть дети.

— Имеются кое-где на Востоке. Хе-хе-хе! Я ведь был помоложе и поретивее, когда тридцать лет назад впервые попал на остров Санторин. Я был просто молодой француз, бедный и галантный, как все французы.

Он рассказал, что, попав опять на Санторин лет пятнадцать назад, убедился, что его незаконный сын растет хорошим рыбаком. Все семейство Миколесов взирало на француза-путешественника с великим почтением, и тогда он оставил там на хранение целый бочонок минерального мумие, добытого в Персии с риском для жизни.

— Вы понимаете, сударыня, что это значит? Целый бочонок! Теперь мы спасемся!

Анжелика не слишком понимала, чем это им поможет. Не понимала и того, что может поделаться тощий отпрыск маленького парижского аптекаря против экипажей двух пиратских кораблей. Но Савари весь лучился уверенностью. Он нашел себе помощников. Вассос со своими дядьями привезет мумие

в Кандию и сумеет передать отцу. И тогда в этом царстве рабов произойдут великие дела!

Глава 15

Уже несколько часов «Гермес» тихо покачивался на волнах у входа в порт Кандии. Жестоко палило солнце. Бриз доносил с берега запахи масла и апельсинов. Наконец начался закат, и по-восточному яркая пестрота красок города стала покрываться розовой дымкой. Крит раньше принадлежал христианам, а теперь оказался в руках мусульман, и нынешние его хозяева не замедлили подтвердить свою власть, соорудив много минаретов, белыми свечами торчащих среди колоколен и куполов греческих и венецианских церквей.

Д'Эскренвиль спустился в каик и поехал на берег, едва корабль встал на якорь. Анжелика сидела на мостике и разглядывала город — цель ее стремлений, ее безумного путешествия.

От древнего Крита, где решил поселиться Минотавр, от страшного лабиринта теперь осталась только Кандия, город, исполненный суеты и беспорядка, современный лабиринт, в котором заблудились и перемешались все расы, гордиев узел трех материков, Азии, Африки и Европы, от которых она находилась примерно на равном расстоянии. Только турок там почему-то не было видно. Когда пиратские фрегаты подняли зеленый с белым флаг герцога Тосканского, на форте взметнулось красное с белым полумесяцем оттоманское знамя, и на этом все формальности кончились.

На рейде и вдоль набережной покачивалось на якоре десятка два галер и военных судов, несколько сот барок и парусников. Анжелика обратила внимание на нарядный галиот с десятком начищенных до блеска пушек.

— Это не французская галера? — спросила она с надеждой.

Стоявший рядом Савари мельком взглянул на корабль.

— Нет, это мальтийская галера. Видите: флаг красный с белым крестом. Флот Мальты один из самых сильных в Средиземноморье. Христовы рыцари очень богаты. А вообще, чего вы ждете от французов в Кандии, раз вы пленница?..

И он стал объяснять, что Кандия, кому бы она ни принадлежала — грекам, французам, венецианцам или туркам, — оставалась и останется тем, чем была в течение веков, — прибежищем пиратов-христиан, как Александретта — прибежищем оттоманских пиратов, а Алжир — берберских. Все, кто бороздили моря под любыми флагами, — Тосканы, Неаполя, Мальты, Сицилии, Португалии, с командой из наихудших представителей христианского общества у себя на борту, рано или поздно являлись на рынки Кандии, — надо было лишь заплатить турецким властям пошлину.

Анжелика разглядывала товары, выложенные на набережных и на баржах; там были, конечно, ткани, рыба, бочонки с оливковым маслом, груды арбузов и дынь, но всего этого было не так уж много, гораздо меньше, чем полагалось бы в торговом порту.

— Тут больше всего военных кораблей. Зачем они здесь?

— А зачем мы с вами здесь? — У Савари блеснули глаза. — Видите: у большинства кораблей люки закрыты. Торговые суда, везущие обычные товары, всегда открывают вход в трюмы, войдя в порт. Видите усиленную стражу на мостиках? Что они сторожат там? Самый дорогой товар.

Анжелика не сдержала дрожи.

— Рабы? Это все торговцы рабами?..

Савари не ответил, потому что как раз в эту минуту к борту «Гермеса» подошел довольно жалкий каик, на корме которого сидел европеец в потертой одежде и шляпе с общипанным плюмажем, с маленьким — не больше носового платка — флажком в руках. На флажке были золотые лилии на серебряном фоне.

— Француз! — воскликнула Анжелика, продолжавшая, несмотря на все саркастические замечания ученого, надеяться на помощь соотечественников.

Пассажир каика услышал ее, слегка поклонился и крикнул:

— Есть Эскренвиль на борту?

Так как никто не отвечал, он уцепился за веревочную лестницу и поднялся на борт. Несколько матросов, стоявших на вахте, то есть развлекавшихся игрой в карты и щелканьем семечек, небрежно отвечали, что начальник где-то в порту. В это время из каюты вышла Эллида, приветливо улыбнулась растерянному посетителю и тихо сказала Анжелике:

— Это господин Роша, французский консул. Не поговоришь ли ты с ним? Может быть, он тебе поможет... Я пойду принесу вам французского вина.

— Теперь вспоминаю. Господин Роша! Да ведь это имя того, кто занимает принадлежащую мне должность в Кандии! Может быть, он что-то сделает...

Господин Роша разглядел, что перед ним не молодой человек, а женщина, и решился подойти.

— Я вижу, моему старому приятелю и коллеге Эскренвилю по-прежнему везет. Разрешите мне представиться вам, прекрасная путешественница. Роша, консул французского короля в Кандии.

— А я маркиза дю Плесси-Белльер, которой принадлежит место консула французского короля в Кандии.

На физиономии Роша сменялись выражения недоумения, недоверия, потом опасения и подозрения.

— Разве вы не слышали, что я приобрела эту должность? — мягко спросила Анжелика.

— Слышал, разумеется, сударыня, но я удивлен. Если вы действительно маркиза дю Плесси-Белльер, что могло побудить вас забраться сюда? Я бы хотел удостовериться в вашей личности.

— Придется вам удовлетвориться моим словом. Ваш «коллега», маркиз д'Эскренвиль, ограбил меня, захватил в плен и забрал все мои бумаги, в том числе и ту, что удостоверяла принадлежность мне этой должности...

— Понимаю, — пробормотал незадачливый дипломат, бросая бесцеремонный взгляд на Анжелику и старого Савари. — Вы, так сказать, вынужденные гости моего доброго приятеля д'Эскренвиля?

— Да, а мэтр Савари, которого вы видите перед собой, мой управляющий и советник.

Савари тут же вступил в свою роль:

— Не будем терять времени. Сударь, мы предлагаем вам дельце, которое принесет вам сто ливров.

Роша пробормотал, что не видит, откуда у пленных...

— Эти пленные будут в состоянии заплатить вам через три дня сто ливров, если вы сейчас окажете им некоторую помощь.

Эллида принесла поднос с кувшинчиком вина и стаканами, поставила его перед ними и удалилась, как подобает хорошей служанке. Ее отношение к Анжелике как будто убедило Роша, что перед ним действительно не простая рабыня, а знатная дама. Они обменялись несколькими словами про общих знакомых, и чиновник совершенно уверился в истинности ее слов, но тут же погрузился в море сомнений.

— Я в отчаянии, сударыня. Попасть в руки д'Эскренвиля — это худшее, что могло приключиться с вами. Он ненавидит всех женщин вообще, и, когда захочет расправиться с кем-то, добычу у него уже не вырвешь. Я сам ничего не могу сделать. Работоторговцы пользуются здесь всеми правами, и, как гласит пословица, «добыча принадлежит пирату». Я не обладаю никакой властью ни в административном, ни в финансовом отношении. Я не могу выступить против д'Эскренвиля и не рискну утратить жалкие преимущества моей должности.

Поправляя свое небрежное одеяние и поглядывая на поношенные башмаки, он, смущаясь и волнуясь, пытался оправдать свое поведение. Он был младшим сыном в семье графов де Роша, и наследства ему не причиталось. Поэтому, когда ему исполнилось восемь лет, его отправили в одну из колоний на Востоке, в Школу восточных языков. Тут бедные дети из дворянских семейств обучались восточным языкам и особенностям жизни и нравов в этих краях, чтобы служить потом переводчиками при консулах. Он рос во французском квартале Константинополя, обучался и Корану, играл вместе с сыновьями пашей. Там он и познакомился с д'Эскренвилем, тоже учившимся в Школе восточных языков. Окончили они Школу одновременно, и молодой д'Эскренвиль получил хорошее место в администрации колонии; карьера его быстро шла вверх, пока он не влюбился в прекрасную супругу королевского посла в Константинополе. У дамы был любовник, а у любовника долги. Чтобы выплатить их без ведома посла, кокетка уговорила молодого д'Эскренвиля подделать цифры в бумагах. Очарованный ею, он послушался. Когда обман вышел наружу, расплачиваться пришлось, разумеется, ему. Красавица от всего отреклась и даже нашла какие-то мелкие доказательства, усугублявшие вину молодого человека.

История достаточно банальная, но д'Эскренвиль совершенно потерял голову. Он продал свою должность, купил небольшой корабль и сделался пиратом. В общем, он добился в жизни большего, чем его соученик. Роша терпеливо подымался по ступеням дипломатической карьеры, но совершенно запутался в кавардаке должностей и постов, которые продавались и переходили из рук в руки среди придворных в Версале. Он знал только, что, занимая этот пост, имеет право на два с половиной процента стоимости товаров, поступающих в Кандию из Франции. Но вот уже четыре года, как ни торговая палата в Марселе, ни министр Кольбер и не думают выплатить ему полагающиеся суммы.

— ...Я не преувеличиваю. Даже чиновник, занимающий более высокий пост, чем я, и имеющий влиятельную родню, — это наш посол в Турции, маркиз де Ла-Э, — попал в тюрьму за долги именно потому, что уже несколько лет ничего не получает от министра. Видите, мне надо как-то выпутываться из этого положения. У меня ведь есть жена и дети, черт побери! — вздохнув, он добавил:

— Я могу все-таки попробовать услужить вам, если только это не столкнет меня с маркизом. Что я могу сделать?

— Две вещи, — отвечал Савари. — Во-первых, отыщите в этом городе, который вы хорошо знаете, арабского купца по имени Али Мехтуб, имеющего племянника по имени Мохаммед Раки. Попросите его сделать угодное Пророку и прийти сюда на набережную в тот час, когда будут разгружаться два корабля французского пирата, причем часть рабов станут, наверно, продавать на месте.

— Это вполне возможно, — с облегчением сказал Роша. — Я даже знаю, кажется, где живет этот купец.

Вторая просьба показалась ему менее приятной. Приходилось выложить из своего кошелька сколько-то цехинов. Наконец он дал согласие, но неохотно в с оговорками:

— Только потому, что вы ручаетесь, что мои сорок цехинов принесут мне сто ливров... А что же мое дельце с губками, проданными в Марселе? Д'Эскренвиль должен отдать мне за них деньги. И еще он обещал мне бочонок вина. Напомните ему об этом, когда он появится. Или нет, лучше ничего не говорите. Пусть не знает, что мы тут беседовали. А главное, пусть даже не подозревает, что я дал вам, пленным, деньги. Как бы моя щедрость не стоила мне головы... И так все трудно...

Он ушел, позабыв даже выпить свой стаканчик вина, так терзали его мысли о прошлом и о нынешней его неосторожности.

Когда вечером в порту высаживали рабов с пиратского корабля, возле мола появился араб, закутанный в джеллабу. Анжелика как раз спускалась вниз под присмотром одноглазого Корьяно. Савари ухитрился протиснуться следом за ними и тихонько всунул в руку Корьяно пригоршню цехинов.

— Это у тебя откуда, старая жаба? — проворчал флибустьер.

— Если и узнаешь, богаче не станешь, и хозяину докладывать не стоит, — прошептал аптекарь. — Позволь мне только пять минут поговорить вон с тем арабом, и я дам тебе еще столько же.

— Уж не хочешь ли бежать?

— А тебе-то что? Ты думаешь, что твоя доля от того, за что продадут мое старое тело, будет больше тридцати цехинов, которые я тебе даю?

Корьяно взвесил в руке монеты, оценил справедливость этих рассуждений и отошел, занявшись распределением своего товара по местам: стариков и

больных в один угол, крепких мужчин — в другой, молодых и красивых женщин — особо, и так далее...

Савари подбежал к арабу, вскоре вернулся и проскользнул к Анжелике.

— Этот человек — действительно тот Али Мехтуб, о котором вам говорили, и у него есть племянник Мохаммед Раки, но тот живет в Алжире. Однако дядя помнит, что племянник ездил в Марсель по делам белого человека, на которого долго работал в Судане, где тот занимался добычей золота.

— А как выглядел тот человек? Не может ли он описать его?

— Не теряйте спокойствия! Я ведь не мог сразу задать ему тысячу вопросов. Но я увижусь с ним еще раз сегодня вечером или завтра, и тогда мы поговорим подольше.

— Как вы это устроите?

— Это уж мое дело. Будьте уверены, сумею.

Корьяно развел их. Анжелику повели под стражей во французский квартал города. Уже темнело, и из открытых дверей кафе доносились звуки тамбуринов и флейт.

Дом, куда ее привели, был похож на небольшую крепость. Это было владение д'Эскренвиля, обставленное на полуевропейский лад: красивая мебель и портреты в золотых рамах вместе с восточными диванами и неизбежным кальяном. Сильно пахло гашишем.

Флибустьер пригласил ее выпить кофе — в первый раз после сцены на острове богинь.

— Так вот, моя красавица, мы прибыли в порт. Через несколько дней все любители красивых женщин, готовые заплатить хорошую цену за редкий товар, смогут полюбоваться вашими формами и разглядеть их в подробностях. И мы их торопить не станем, уж поверьте!

— Вы очень циничный человек, — презрительно возразила Анжелика, — Но все-таки, думаю, у вас не хватит наглости продавать меня... продавать меня обнаженной!

Пират расхохотался.

— Думаю, чем больше я вас обнажу, тем скорее получу свои двенадцать тысяч пиастров.

Анжелика вскочила с пылающими глазами.

— Никогда этому не бывать! На такой позор я не соглашусь. Я не рабыня. Я знатная французская дама. Никогда, никогда я не допущу этого! Только попробуйте так со мной обращаться... Вы сто раз пожалеете, что даже подумали об этом.

— Наглая баба! — заорал флибустьер и ожег ее хлыстом.

Но тут опять вмешался одноглазый помощник.

— Оставьте ее, хозяин. Так вы ее загубите. Можно обойтись по-другому. Посидит немного в темнице и научится держать язык за зубами.

Маркиз не внимал этим доводам, но помощник просто толкнул его на диван, и тот оказался там, выронив хлыст. Корьяно же схватил Анжелику за руку, но она высвободилась, сказав, что может идти сама. Она никогда не испытывала симпатии к этому коротышке с руками, покрытыми татуировкой, как у дикаря. Он выглядел именно тем, кем был — пиратом низшего сорта, с черной повязкой на глазу и красной повязкой на голове, из-под которой выбивались сальные волосы, падавшие на плохо выбритые щеки. Он пожал плечами и пошел впереди по разным коридорам этого странного дома, полукрепости, полукараван-сарая. Наконец они спустились по каменной лестнице и остановились перед большой дверью, обитой железом на средневековый манер. Корьяно вытащил связку ключей, вставил один в скважину, дверь со скрипом отворилась, и он скомандовал:

— Входите!

Молодая женщина остановилась у порога, вглядываясь в темноту. Он подтолкнул ее, усмехаясь, и запер за ней дверь.

Анжелика осталась совсем одна в темнице, где едва светилась маленькая лампадка, подвешенная на перекрещивающихся железных полосах. Больше там ничего не было, даже соломы на полу, только в стены были вделаны три цепи с кольцами. Хорошо хоть, что этот дикарь не посадил ее на цепь. «Они боятся «загубить» меня», — подумала Анжелика.

Удар хлыста оставил болезненный след на ее плечах. Она опустилась на утопанный пол. По крайней мере можно будет подумать спокойно, хоть и без удобств. Спокойствие пришло к ней, когда Савари успел шепнуть несколько слов о своем разговоре с арабским купцом Али Мехтубом. Анжелика повторяла про себя эти слова, черпая в них надежду. Да, у купца был племянник, которого звали Мохаммед Раки, и тот рассказывал о белом человеке, искавшем золото в Судане, ради которого он потом поехал в Марсель. Нет, она не ошиблась. Она правильно сделала, что приехала в Кандию, несмотря на все беды и опасности. Ведь ниточка не оборвалась, и где-то впереди мерцал лучик надежды. Не следовало, однако, обольщаться. Может быть, еще долго не удастся узнать ничего определенного. Как и когда ей удастся встретиться с племянником Али Мехтуба? Она ведь не знала даже, как вернуть себе свободу, как избежать ужасной судьбы узниц гарема.

Должно быть, она крепко заснула, потому что, проснувшись, обнаружила рядом с собой медный поднос с чашкой ароматного кофе, кучкой засахаренных фисташек и медовых пряников. Это угощение приготовила женская рука, и Анжелика поняла чья,

нащупав рядом свернутую циновку маленькой рабыни Эллиды.

Она кончала завтрак, когда в подземном коридоре послышались голоса, потом шаги, в скважине заскрипел ключ, и одноглазый грубо втолкнул в помещение еще двух женщин, громко кричавших и упрекавших его по-турецки. Он нещадно выбранил их на том же языке, запер дверь и ушел, продолжая ругаться.

Новые узницы жалась в углу, бросая испуганные взгляды на Анжелику, пока не поняли, что это женщина. Тогда они начали безумно смеяться.

Анжелика уже привыкла к полумраку и разглядела, что одна из женщин, голова которой была укрыта покрывалом, одета в широкие шальвары, черную шелковую кофту и бархатную безрукавку. Ее густые черные волосы были собраны под красной бархатной шапочкой, из-под которой спускалось газовое покрывало, закрывавшее лицо. Видя, что мужчин тут нет, она сняла его; показались длинные, подкрашенные синим ресницы и глаза газели. Она была бы красавицей, если бы не слишком большой нос. На шее у нее была надета золотая цепочка с золотым же крестиком. Вытащив его, она набожно приложилась к нему и потом широко перекрестилась справа налево. Проследив, какое впечатление этот жест произвел на Анжелику, она под села к ней и заговорила, как ни удивительно, по-французски, совершенно правильно, хотя медленно и останавливаясь иногда в поисках слов. Она была армянка из Тифлиса, православная, а французский усвоила от иезуита, обучавшего ее братьев. Свою русоволосую спутницу она представила как московитку, захваченную турками под Киевом.

Анжелика спросила их, когда они попали в руки д'Эскренвиля. Оказалось, что лишь недавно, так как их привезли из Бейрута, в Сирии, где они оказались после долгого мучительного пути, миновав Эрзерум и

Константинополь. Обе считали, что им очень повезло, так как в Кандии с ними не станут обращаться, как со скотом, и не выведут нагишом на публичный рынок, а будут продавать в закрытом помещении, как «ценный товар».

Анжелика слушала и все более недоумевала. Эту госпожу Чемичкян столько месяцев тащили по Леванту, выставляли на продажу на базарах, но никто не снял с нее тяжелых золотых браслетов (у нее было их несколько на запястьях и на лодыжках), не отнял тяжелого пояса, набитого золотыми монетами и раза три обернутого вокруг талии. На ней был не один фунт золота. Сколько же стоит здесь выкуп?

Армянка рассмеялась. Дело даже не в деньгах: надо отыскать такого доброхота-защитника, у которого есть власть и престиж. Она была уверена, что здесь это легче сделать, потому что еще недавно этот город принадлежал христианам, он остается излюбленным портом европейских пиратов и сюда приходят торговые флотилии с Запада. Она видела на улице православных священников, это внушает надежду.

Славянка держалась более сдержанно или была менее говорлива. Казалось, будущее не слишком заботило ее. Она скоро улеглась на циновке Анжелики, заняв большую часть, и тут же уснула.

— А вы не думали убежать? — спросила Анжелика у армянки.

— Убежать? А куда я денусь? До Кавказа очень далеко и надо пробираться через огромную турецкую империю. Ведь Кандия принадлежала христианам, а турки и ее захватили. И мои родные места на Кавказе захвачены турками. Они убили моего отца и старших братьев, а младших оскотили у меня на глазах, чтобы продать как белых евнухов каирскому паше. Нет, самое лучшее для меня — найти господина поможественнее.

Потом она стала спрашивать Анжелику, не побывала ли та на рынке рабов в Мальте, произнося это название с каким-то подобострастием.

— Разве так почетно оказаться среди рабов, захваченных монахами Мальтийского ордена? — насмешливо спросила Анжелика.

— Но ведь это самые могущественные христиане на Леванте, — округлила глаза армянка, — даже турки боятся их и оказывают уважение, ведь они ведут торговлю всюду и страшно богаты. Знаете, ведь им принадлежит батистан в Кандии. Говорят, сейчас в порту Кандии стоит одна из их галер, и орденский распорядитель рабами будет присутствовать на распродаже, куда нас привезли. Но что же я вас-то не спрашиваю? Ведь вы француженка, у вас во Франции есть, конечно, рынки рабов. Говорят, Франция сильная страна. Расскажите же мне. Она что, так же велика, как Мальта?

Анжелика возмущенно заявила, что во Франции нет рынка рабов и что она в десять тысяч раз больше Мальты. Армянка рассмеялась ей в лицо. К чему сочинять нелепые сказки? Ведь все знают, что Мальта самая большая и могущественная из христианских стран. Разуверить ее было невозможно, и Анжелика опять заговорила о побегах. Та отвечала, что не слыхала ни об одном случае, когда женщине удалось бы убежать. А тех, кто пытались это сделать, всегда находили убитыми: либо заколотыми кинжалом, либо загрызенными собаками и кошками.

— Кошками?

— Да, у некоторых мусульманских племен есть кошки, которых специально дрессируют, чтобы сторожить узниц. И кошки свирепее и подвижнее собак.

— Я думала, что женщин стерегут евнухи.

Оказалось, что евнухи стерегут только тех женщин, которые удостоились чести попасть в гарем.

Захваченных же пленниц предоставляют бдительности кошек и свиней, а непокорных иногда бросают свиньям, и те пожирают их заживо, причем сначала вырывают глаза и выгрызают груди.

Анжелику затрясло. Она не боялась смерти, но не такой же!

Эти страшные разговоры не помешали армянке с аппетитом поглощать сладости, доставленные Эллидой. Скоро к ним присоединилась и проснувшаяся славянка. Втроем они скоро ничего не оставили от этих припасов и захотели пить. Но, как громко ни кричала армянка, воды им не дали. С наступлением ночной прохлады жажда ослабла, и они кое-как уснули. Но когда рассвело, жажда стала еще мучительнее, а на все их призывы не было ответа. Днем жара от палящего солнца доходила даже до их подземной темницы. Наконец наступила новая мучительная ночь. У Анжелики болела спина, пораненная ударом хлыста, рубашка прилипла к этому месту.

На второе утро их разбудил аппетитный запах, и они услышали за дверью стук посуды.

Заскрипел ключ, в комнату ворвался луч света, и вошел д'Эскренвиль.

— Как, поумнела, моя красотка? Поголодала немножко да в хорошей компании посидела — поняла теперь, что к чему? Будешь впредь вести себя, как полагается разумной рабыне? Опусть голову и скажи: «Да, мой господин, я буду делать все, что вам угодно...»

От пирата пахло вином и гашишем. Он был небрит. Анжелика молчала; он выругался и заявил, что терпению его приходит конец.

— Но нельзя же мне договариваться об участии в продаже рабов, пока эта девка не покорилась. Она же доведет меня до банкротства! Повторяй за мной, ты, ослица поганая: «Да, мой господин...»

Анжелика сжала зубы. Работорговца трясло от ярости. Он снова замахнулся хлыстом, и одноглазый опять удержал его.

— Если я с тебя не сдираю кожу, то только потому, что тогда за тебя не возьмешь полной цены...

Матросам, вносящим подносы с едой, он приказал:

— Несите все в соседнюю камеру и других узниц отведите туда — пусть подкрепятся. Этой ослице ничего не давать.

К изумлению Анжелики обе ее товарки — и армянка, и москowitzка, любящая поесть, — отказались от привилегии, которой она была лишена. Среди пленных солидарность была законом.

Их мучитель в ярости послал к черту всех женщин, заявив, что этим тварям вообще нечего делать на земле, а потом приказал матросам унести прочь и еду и питье.

Глава 16

День прошел. Узниц ждала еще одна голодная ночь. Этой ночью Анжелика уже не могла заснуть. Ее терзали раздумья: стоит ли прожить еще один мучительный день, а потом все-таки попасть на батистан, где они втроем окажутся, как видно, главной приманкой для покупателей? Правда, Савари обещал ей спасение от этой страшной участи. Но что мог сделать жалкий старик, без средств, сам пленник, с помощью каких-то неграмотных греческих рыбаков, в этом осином гнезде флибустьерских князей, богатейших пиратов, наживающихся на выгодной торговле рабами?

Прошла половина ночи. Вдруг ей показалось, что у окошечка блеснула пара огоньков.

— Кошка! — закричала она в ужасе, не в силах забыть страшный рассказ армянки.

Но светились не кошачьи глаза, а ночничок с двумя фитильками, и знакомый тихий голос осторожно позвал:

— Синьора Анжелика, посмотрите сюда... Это я, Эллида.

Шатаясь, Анжелика подошла к оконцу и... с отвращением выронила что-то липкое и холодное, упавшее ей в руки, а потом только поняла, что это виноград: три прекрасные кисти.

— Старый доктор говорит... не приходите в отчаяние, что бы ни случилось. Он сам придет сюда на заре, когда раздастся первый зов муэдзина на Великой мечети.

— Спасибо, Эллида! Какая ты добрая... А что это шумит? Вулкан?

— Нет, это буря. Море сильно бушует, а дом господина стоит близко к морю.

Девушка неслышно исчезла. Анжелика набросилась на виноград, потом остановилась, стыдясь, что не поделилась с товарками. Но разбудить их не удалось, она отложила их долю и быстро доела свою. Теперь ей хотелось спать, но надо было дожидаться Савари. А ночь тянулась бесконечно долго. Лишь перед рассветом море утихло. Анжелика оперлась о стену возле окошка и незаметно задремала.

***

— Мадам дю Плесси, надо написать это письмо!

Анжелика очнулась и увидела за решеткой старого аптекаря, который просовывал сквозь прутья листок бумаги, чернильницу и перо.

— Я же ничего не вижу. И тут нет столика...

— Это неважно. Приложите листок к стене или положите на пол.

— Письмо... Кому? — Она положила листок на камень и стала собираться с мыслями.

— Вашему мужу.

— Моему мужу?..

— Да. Я виделся еще раз с Али Мехтубом, и он решил сам поехать в Алжир к своему племяннику и расспросить его. Может быть, племянник знает, где скрывается ваш муж. Тогда хорошо бы иметь с собой письмо, чтобы он мог по вашему почерку удостовериться в подлинности вестей.

Рука Анжелики дрожала над листком. Писать мужу! Он уже не призрак, он жив! И его руки коснутся этой бумажки, его глаза будут читать то, что она напишет!.. Это невероятно!..

— Что же мне писать, мэтр Савари? Я не знаю... Что надо написать?

— Неважно что. Главное, чтобы он узнал ваш почерк.

Волнуясь, царапая бумагу, она написала: «Помните ли вы обо мне? Я была вашей женой и всегда вас

любила. Анжелика».

— Надо ли сообщить о моем страшном положении, сказать, где я?

— Али Мехтуб все объяснит на словах.

— И письмо дойдет, вы думаете?

— Он сделает все для этого.

— Как же он согласился отправиться в такой далекий путь ради нас, бедных рабов, без всяких средств?..

— Знаете ли, мусульмане не всегда руководствуются только расчетом. Они верны нескольким великим принципам своей религии, и, если ветер духа наполнит их паруса, их уже не удержать. Купец Али Мехтуб понимает вашу с супругом историю как знамение Аллаха, знак того, что Божий замысел определяет вашу судьбу и помочь вам — святое дело, которое он обязан выполнить, а то Аллах его накажет. Он отправляется в этот путь, как поехал бы в Мекку, и все расходы берет на себя. Более того, он дал мне сто ливров, которые я обещал господину Роша за его услугу. Я так и знал, что он даст мне эти деньги.

— Может быть, это и правда знак, что небо сжалилось надо мной. Но ведь путь туда долог... А что станет со мной? Вы знаете, что через два дня меня хотят продать?

— Знаю, но отчаиваться рано. У меня есть план побега. Но надежнее было бы, если бы вы смогли оттянуть продажу еще на несколько дней.

— Я думала об этом и советовалась с моими товарками. Они говорят, что иногда пленницы уродуют или калечат себя. На это я не решусь, но вот, если бы обрезать очень коротко мои волосы, это могло бы привести в замешательство моих тюремщиков. Они придают большое значение моим светлым волосам, привлекательным для восточных людей. Без волос я потеряю в цене. Они не решатся выставить меня на

продажу, и им придется ждать, пока волосы снова отрастут. Так мы выиграем время.

— Мысль хороша, но что сделает с вами этот бешеный негодяй?

— Не бойтесь за меня. Я уже начинаю привыкать. Мне только нужны ножницы.

— Постараюсь передать их вам. За мной следят, так что сам я прийти не сумею, но найду кого-нибудь. Желаю вам мужества. Инч Алла!

Начиналось третье утро в темнице. Анжелика ждала новых жестокостей со стороны своего господина. Ее лихорадило, голова слегка кружилась, трудно было держаться на ногах. Мучительная дрожь охватила ее, когда в коридоре послышались шаги.

Появился Корьяно и, не говоря ни слова, повел ее наверх, в гостиную, где метался разъяренный д'Эскренвиль. Бросив на нее злобный взгляд, он вытащил длинные ножницы.

— Это нашли у греческого мальчишки, который пытался пробраться к окошку темницы. Это, конечно, для тебя? Что ты собиралась сделать?

Анжелика молчала, презрительно отвернувшись. Значит, не удалось.

— У нее что-то было на уме, — сказал Корьяно. — Чего только некоторые не выдумывают, чтобы избежать продажи!.. Помните, одна сицилианка сама облила себя серной кислотой... А еще одна бросилась вниз со стены... Чистые потери.

— Перестань каркать! — рявкнул пират.

Он опять заходил по комнате, потом схватил Анжелику за волосы и заглянул ей в лицо.

— Так ты решила, что тебя не продадут, так? Что сделаешь что угодно, лишь бы избежать этого? Будешь кричать? Вопить? Отбиваться?.. Упираться так, что десятку человек придется держать тебя, чтобы раздеть?..

Он выпустил ее и снова начал шагать взад и вперед.

— Все ясно. Будет порядочный скандал. А мальтийские рыцари, которым принадлежит батистан, скандалов не любят, да и тем, кто охотно покупает послушных девиц, это не по нраву.

— Не дать ли ей наркотик?

— Сам знаешь, что это не годится. От наркотика делаются вялыми, дуреют, смотреть на них неинтересно. А мне надо получить свои двенадцать тысяч пиастров!

Он остановился перед Анжеликой.

— Если ты будешь послушна, я эти деньги выручу наверняка... Но ты не хочешь слушаться и собираешься до последней минуты устраивать нам новые каверзы. Говорю тебе, Корьяно! Эта девка доведет меня до того, что я соглашусь сам заплатить, чтобы отделаться от нее.

Одноглазый пробурчал:

— Надо найти на нее управу.

— Как же? Вроде уж все испробовали.

— Нет.

Единственный глаз помощника загорелся.

— Она еще не побывала в темнице у наружных стен. Там она поймет, что ее ожидает, если она попытается помешать нам продать ее.

Его беззубый рот растянулся в злобной ухмылке. Д'Эскренвиль понимающе кивнул в ответ.

— Что ж, Корьяно, мысль хорошая. Попробуем и это.

Он подошел к пленнице.

— ...Хочешь знать, какую смерть я тебе приготовил, если ты помешаешь сделке? Хочешь знать, какая смерть тебя ждет, если я не получу за тебя двенадцать тысяч пиастров?.. Если ты отпугнешь покупателей?..

Схватив ее за волосы, он приблизил к ней свое искаженное злобой лицо, от которого несло гашишем, и прошипел:

— ...Ты таки умрешь, не думай, что я тебя пожалею!.. Либо я выручу за тебя двенадцать тысяч пиастров, либо ты умрешь. Хочешь знать как?..

***

За Анжеликой захлопнулась дверь новой темницы. Тут тоже было сыро и тесно, но ничего особенного не замечалось. Она долго оставалась на ногах, потом присела на что-то вроде старого седла, валявшегося в углу. Она не хотела демонстрировать маркизу д'Эскренвилю охвативший ее ужас, но ей было очень страшно. Когда он запирает дверь темницы, она едва удержалась, чтобы не броситься к ногам пирата, умолять его и обещать все, что он захочет... Ее удержала только последняя вспышка гордости.

— Как мне страшно, — проговорила она вслух. — Боже мой, как мне страшно. — Уже столько дней он мучил ее, и теперь нервы у нее стали сдавать. Эта темница походила на гроб. Она приложила руки к лицу и замерла.

Вдруг что-то стукнуло, словно упало на пол неподалеку, и вновь воцарилась тишина.

Но теперь она была в темнице не одна. Что-то непонятное находилось здесь, чей-то взгляд был обращен на нее. Очень медленно она отвела руки от лица и едва сдержала вопль ужаса. В середине темницы сидел на полу огромный кот и смотрел на нее.

Его фосфоресцирующие глаза мерцали в полумраке. Анжелика застыла на месте, не в силах шевельнуться.

Потом между прутьями окошечка появилась другая кошка и спрыгнула вниз, потом третья, четвертая, пятая. Скоро со всех сторон ее окружали сидящие и двигающиеся кошки. В полутьме светились их настороженные глаза. Одна тварь подобралась ближе и поджала лапы, словно собираясь прыгнуть. Анжелике показалось, что кошка хочет вцепиться ей в глаза. Она оттолкнула ее ногой, та ответила злобным мяуканьем,

подхваченным остальными, и в темнице зазвучал какой-то дьявольский концерт.

Анжелика вскочила на ноги и бросилась к двери. Она ощутила тяжесть на плечах, когти царапали ей кожу, другие рвали одежду.

Закрывая глаза руками, она завопила, как сумасшедшая:

— Нет... только не это... только не это... На помощь! На помощь!..

Дверь отворилась, и вошел Корьяно, чертыхаясь, размахивая бичом, стуча сапогами. Не сразу ему удалось разогнать ударами и пинками страшных изголодавшихся тварей. Он вытащил наружу задыхавшуюся, что-то кричавшую, скорчившуюся в ужасе Анжелику.

Д'Эскренвиль спокойно разглядывал ее, обессиленную и сломленную. Теперь это была покорная женщина. Ее нервы не выдержали пытки. Ее гордая воля уступила женской слабости. Теперь она стала обыкновенной женщиной, как все другие.

Рот пирата скривила судорога. Это была самая замечательная его победа... и самая горькая. Ему вдруг захотелось закричать от боли, и он стиснул зубы. А потом проговорил:

— Ты поняла? Будешь слушаться?

Она повторяла, рыдая:

— Нет, только не это... Не надо кошек! Не надо кошек!..

Он приподнял ее голову.

— Так будешь слушаться? Позволишь отвести тебя на батистан?

— Да, да.

— Позволишь выставить тебя там, раздевать, показывать раздетую?

— Да, да... Все... Все, что хотите... только не кошки.

Бандиты переглянулись.

— Кажется, мы добились толку, хозяин, — сказал Корьяно.

Теперь он наклонился над съезжившейся, трясущейся в рыданиях Анжеликой и указал на ее разодранное плечо.

— Я вошел, когда она стала звать на помощь, но эти твари успели все-таки ее разукрасить. Наслушаемся мы теперь замечаний от оценщика рабов.

Маркиз д'Эскренвиль вытер пот с лица.

— Ну, это еще наименьшее из зол. Хорошо еще, что ей не выцарапали глаза.

— Да уж, ничего не скажешь... Таких упрямец я еще не встречал в жизни... Мадонна! Сколько бы лет я еще ни прожил, в каких краях ни оказался бы, везде буду рассказывать про зеленоглазую француженку.

Глава 17

После этой ужасной сцены Анжелика покорилась, не пытаясь ни собраться с мыслями, ни взбунтоваться.

Две ее товарки обменивались понимающими взглядами, видя, что француженка, еще недавно такая дерзкая, пребывает в отупелой неподвижности. Пират знал способ управляться с самыми непокорными. У него был обширный опыт, и они испытывали к нему некоторое уважение, даже своего рода гордость от того, что попали в такие уверенные руки.

На следующий день к ним явился стражник-мавр вместе с двумя очень жирными неграми. Сначала Анжелика приняла их за мужчин, поскольку они были в мужских костюмах, огромных турецких тюрбанах и с саблями на перевязи. Но, взглядевшись в их черты, она решила, что имеет дело с двумя пожилыми женщинами. Под их болеро из вышитого бархата угадывались обвислые груди, а лица были безволосы. Старшая остановилась и что-то сказала резким высоким голосом.

Анжелика обернулась к армянке, и та перевела, что речь идет о турецкой бане. Меж тем толстая турчанка ткнула пальцем в сторону московитки и сказала по-русски: «Банья». Затем ткнула себя в грудь и произнесла еще что-то.

— Это старший банщик, — сказала госпожа Чемичкян.

Придя в крайнее возбуждение, она объяснила, что это два евнуха, они пришли, чтобы повести женщин в баню, удалить волосы и, главное, одеть. Славянка, казалось, проснулась и быстро залепетала, мило улыбаясь этому уроду. Она и ее подруга были в восторге.

— Они говорят, что мы сможем выбрать самые богатые одежды и украшения на рынке. Но сначала вам придется согласиться надеть чадру. Евнух утверждает, что неприлично вам быть одетой в мужское платье и что ему стыдно даже за себя.

Их провели в дом, где была приготовлена трапеза: пирожки с начинкой и мясо, сбрызнутое лимонным и апельсиновым соком. Евнухи наблюдали за ними. Анжелика даже подскочила, когда рука старого евнуха с оранжевыми ногтями коснулась ее плеча и отвела волосы, чтобы посмотреть на спину. В это время появился маркиз д'Эскренвиль. Евнух принялся что-то красочно расписывать ему по-турецки. Армянка прошептала:

— Он спрашивает, неужто он совсем потерял разум, решившись ударить столь красивую женщину перед самой продажей. Он не ручается, что сумеет до вечера сделать след от удара незаметным.

Глаза корсара налились кровью, у рта залегла горькая складка. Его глаза бегали, и он старался не смотреть на Анжелику. Он топнул ногой и быстро вышел.

Служанки принесли женщинам одежды для выхода в город. Анжелике пришлось надеть широченную черную хламиду с прорезью для глаз, прикрытой белой вуалью. У входа скопилось множество оседланных осликов с погонщиками-малолетками в лохмотьях... По словам армянки, поездка на осле показывала, что их считают ценным товаром. Затем она и славянка принялись что-то выговаривать старому евнуху. Анжелика, не понимая ни слова по-турецки, держалась в стороне.

Евнух выказал себя приветливым и словоохотливым. Он начал с того, что купил несколько кусков дрожащего желе красного и зеленого цвета. Он дал их женщинам, заметив, что это мятный и клубничный рахат-лукум и

что им не следует злоупотреблять до купания. Когда же Анжелика, найдя это переслащенное лакомство отвратительным, отдала его мальчишке, который вел ее осла, негр отнял его, хлестнув малыша по икрам плетью из воловьих жил.

После заточения свежий воздух явно шел ей на пользу. Гроза грохотала вдалеке, море, проглядывающее иногда в просветы улиц, еще сохранило фиолетовый отсвет и было усыпано белыми хлопьями. Но небо было чистым, жара немного спала. В сутолоке улиц, уже полных народу, несмотря на ранний час, маленький кортеж двигался очень медленно. Как и в порту, здесь смешались все нации Средиземноморья, зажатые в узких переулках между слепыми стенами греческих домов или пузатыми балконами венецианских дворцов. Горцев-греков, местных крестьян можно было узнать по коротким белым юбочкам, оставлявшим голыми ноги. Арабских купцов — по коричневым одноцветным или расшитым плащам. Турки были достаточно редки, их отличали большие тюрбаны из белого муслина или сверкающего атласа, заколотые булавками с драгоценными камнями, широкие шальвары и пояса, многократно обвивающие талию. Мальтийцы с оливковой кожей толкались здесь в одной толпе с сардами и итальянцами, одетыми по моде их стран. По большей части это были небогатые купцы, занятые прибрежной морской торговлей. Избегнув корсаров, они могли высаживаться в Кандии как свободные люди, заключая на равных сделки, давая то, что привезли в трюмах, как делал бы и Мельхиор Паннасава, если бы судьба ему улыбнулась. Встречалось здесь и немало людей, одетых по-европейски, с большими шляпами, украшенными плюмажем, в сапогах с отворотами и даже в туфлях с цветными каблуками. Мелькали более или менее потрепанные камзолы и изрядно помятые жабо колониальных служащих,

заброшенных на этот далекий остров, а порой взор привлекали бархат и страусовые перья, тонко выделанная кожа одеяния какого-нибудь банкира из Италии или зажиточного торговца.

Через каждую сотню шагов встречался бородатый поп в черной рясе, с громадным деревянным, серебряным или золотым крестом на груди. Армянка просила у каждого из них благословения, и священник рассеянно давал его, чертя в воздухе крест.

В квартале портных главный евнух занялся многочисленными покупками. Он долго перебирал рулоны разноцветных вуалей и драгоценности. Затем предложил вернуться через порт.

Маленький караван вновь пустился в путь, минуя бесчисленные мелкие рынки, либо открытые небесам, либо сумрачные и темные, как например, котельничий, где в пяти десятках лавчонок с диким грохотом выбивали узоры на меди. Толпа становилась все более и более плотной. В ней скользили бродячие торговцы, балансируя громадными деревянными блюдами, лежащими на тюрбане и деревянной табуреточке, привязанной к плечу. На этих блюдах можно было найти всякую всячину, фрукты, орехи, сладости и даже серебряные кофейники с горячим кофе, стоящие на блюде и накрытые чашечкой, а рядом — неизменный стакан воды, столь ценимой людьми Востока.

Дети всех цветов, голые или в колоритных лохмотьях, крутились вместе с собаками под ногами людей и ишаков. И дети, и собаки были худы. Напротив, коты всех цветов отличались благостной полнотой. Анжелика со страхом смотрела на этих громадных котищ, сидевших на пороге каждой лавки, в каждой подворотне, в тени всех столбов и балконов. На маленькой площади мужчина в красном колпаке со связкой вертелов был окружен мяукающей стаей. Это был продавец жареной бараньей печени, которому

город платил за то, чтобы он ублажал любимцев оттоманской цивилизации.

Затем цепочка осликов оказалась на площади, мощенной черными плитами, усеянными грудями фруктов: фиников, дынь, арбузов, апельсинов, лимонов, фиг. На горизонте высился лес мачт. На палубе одного из галиотов под флагом Туниса некий волосатый и бородатый людоед в просмоленных штанах и высоких сапогах красной кожи ревел, как морское божество.

Евнухи остановили ослов, чтобы поглазеть на представившееся зрелище, и объяснили пленницам, что происходит. Армянка любезно перевела Анжелике, что это датчанин-вероотступник Эрик Янсен, двадцать лет назад перешедший к берберийцам, коих он обучал строить плоскодонные морские суда. Этой ночью на пути в Албанию он был захвачен штормом и, спасая перегруженный корабль, выбросил за борт часть груза, около сотни рабов. Старый викинг метал грома и молнии, его белесая борода развевалась по ветру под красным тюрбаном. Он наблюдал за продажей другой партии рабов, «подпорченных» ужасной ночью, проведенной в трюме чуть не затонувшего судна. Израненные мужчины, полумертвые от ужаса женщины и дети — все были спущены за бесценок прямо на набережной. Все эти коммерческие тяготы привели его в дурное расположение духа, и хлысты наемников под этот львиный рык резко вспарывали воздух.

Невольников взгромоздили на бочки и груды мачт, чтобы покупатели могли как следует разглядеть живой товар. Арабы в белых бурнусах из экипажа датчанина регистрировали сделки. Покупатели имели право трогать, щупать, раздевать женщин. Они стояли у края палубы, голые и дрожащие под взглядами толпы. Некоторые пытались закрыться волосами, но удар плетки пресекал эти целомудренные попытки. Все они были лишь скотом, выставленным на продажу. Им

заглядывали в рот, чтобы проверить, не слишком ли они беззубы.

Анжелика вздрогнула от стыда.

«Невозможно, — говорила она себе. — Неужели и со мной... Только не это!» Она оглядела толпу, ища помощи. И вдруг заметила старого продавца апельсинов, глядящего на нее из-под своего обширного плаща. Он подал ей знак и растворился в толпе.

Какой-то чернокожий коммерсант отрывал обезумевшую от горя женщину от троих рыдающих голых детей.

— Вот так и моих братьев отобрали у матери, — грустно сказала армянка. Она послушала объяснения и продолжила. — Эта женщина куплена для отдаленного египетского гарема где-то в пустыне... Покупатель не хочет обременять себя такими маленькими детьми, ведь они умрут по дороге.

Анжелика ничего не ответила, все ее существо было охвачено каким-то равнодушием.

— Их продадут за несколько пиастров, — продолжала армянка, — или отпустят попрошайничать вместе с собаками Кандии. Будь проклят, будь трижды проклят день, когда они родились!

Молодая женщина долго качала головой.

— Наша доля лучше. По крайней мере, мы не умрем с голоду.

Затем, повеселев, она предложила пойти полюбоваться двумя мальтийскими галерами, чьи красные с белым крестом флаги полоскались на ветру. Здесь торги уже подходили к концу. «Вооруженные служители», солдаты Мальтийского ордена, с алебардами в руках поддерживали порядок около цепочек пленников, которых уже вводили новые владельцы. Эти воины в ботфортах и касках отличались от наемников черными ризами с белым восьмиконечным крестом на груди.

Молодая армянка, исповедовавшая православие, пришла в восхищение при виде моряков самого мощного из флотов христианского мира. Евнуху пришлось повысить голос, чтобы вывести ее из оцепенения. Конечно, он не мог отказать своим подопечным, которых ожидали отдаленные гаремы, в простых развлечениях улицы, дорогих сердцу восточных людей. В этом не отказывают даже приговоренным к смерти. Но сейчас надо было торопиться. Приближалось время вести их на торги...

Уже у самых турецких бань Анжелика снова увидела нищего с корзинами апельсинов. Он споткнулся прямо у ног ее ослика, и тут она узнала Савари.

— Сегодня вечером, — прошептал он, — когда выйдете из невольничьего рынка, будьте готовы! Сигналом станет голубая ракета. Мой сын Вассос проведет вас. Но если он не сможет вас увидеть, сделайте все, чтобы добраться до Башни крестоносцев в порту.

— Это невозможно. Как я смогу ускользнуть от стражников?

— Думаю, в эту минуту у ваших стражей, кто бы они ни были, будет на что смотреть, кроме вас, — хихикнул Савари, и дьявольская искорка блеснула под очками. — Будьте готовы!..

Глава 18

Солнце уже клонилось к закату, когда рабы принесли паланкины с задернутыми занавесями, в которых сидели три женщины, к невольничьему рынку Кандии.

Расположен он был на холме. Снаружи он выглядел четырехугольным зданием в византийском стиле, с решетчатыми коваными воротами тонкой отделки. У дверей клубилась густая толпа, и три пленницы под надзором все тех же евнухов вынуждены были дойти до дверей пешком. Люди обступили большую черную доску — глыбу неполированного мрамора, на которой темнокожий человек с большим носом, без тюрбана, с тщанием писал на двух языках, итальянском и турецком. Анжелика достаточно знала по-итальянски, чтобы разобрать его письма. Там значилось примерно следующее:

Греки-ортодоксы — 50 экю золотом

Русские, очень сильные — 100 экю золотом

Мавры и турки — 75 экю золотом

Французы, без различия пола и возраста — 30 экю золотом

Стражники растолкали толпу, и Анжелика с другими женщинами вступила в обширный двор-сад с дорожками, выложенными квадратиками старинного драгоценного фаянса голубоватых тонов, среди куп розовых кустов, олеандров и апельсиновых деревьев. Фонтан — жемчужина венецианской скульптуры — журчал в центре двора. Толстые стены заглушали городские шумы, и сновавшие по караван-сараяю люди, даже самые озабоченные, напускали на себя степенность, подобающую зажиточным торговцам. Ведь здесь не обыкновенный базар. Резные и покрытые

росписью в византийском стиле колонны окружали перистиль, куда выходили двери внутренних залов, где шли торги.

Когда они пересекли сад, главный банщик оставил своих подопечных у перистиля и ушел выяснить, в какой зал их вести. Анжелика задыхалась под многочисленными покрывалами, которыми была обмотана. Она уже видела себя на этом рынке человеческой плоти под жадными взглядами людей всех цветов кожи, которые будут оспаривать ее друг у друга... Она отодвинула ткань, закрывавшую лицо, чтобы глотнуть воздуха. Молодой евнух, жестикулируя и крича, велел ей прикрыться. Она не стала его слушать.

Мрачным и испуганным взглядом она следила за цепочкой покупателей — турок, арабов и европейцев. Вдруг она заметила Роша. По обыкновению заросший двухнедельной щетиной, он нес под мышкой сверток бумаг.

Анжелика бросилась к нему и бегом пересекла двор.

— Господин Роша, — задыхаясь, проговорила она, — выслушайте меня! Ваш бесчестный приятель д'Эскренвиль решил меня продать. Постарайтесь прийти мне на помощь, и я вас отблагодарю. У меня состояние во Франции, и вспомните, что, обещав вам сто ливров, я вас не обманула. Я знаю, что вы сами не сможете вмешаться. Но может быть, вы убедите покупателей-христиан помочь мне, например, мальтийских рыцарей, которые имеют здесь такое влияние? Я в ужасе: вдруг меня купит какой-нибудь мусульманин и запрет в гарем?.. Внушите покупателям-христианам, что я готова заплатить какой угодно выкуп, если они победят в торгах и вырвут меня из когтей неверных. Может, они сжалятся над их несчастной единоверкой?

Сначала французский посланник казался весьма стесненным этой беседой и пытался улизнуть, но, дослушав, успокоился.

— Да, это блестящая идея, — промямлил он, почесывая затылок, — и весьма осуществимая. Комиссар Мальтийского ордена, занимающийся выкупом рабов, дон Хозе де Альмада, кастильянец, вечером будет здесь. А еще — другая значительная персона — байи ордена, Шарль де ла Марш из Оверни. Я постараюсь заинтересовать их. Впрочем, не вижу, что может отвратить их от этого плана.

— А разве не вызовет удивления, что служитель церкви занялся судьбой женщины?

Роша воздел очи горе:

— Дитя мое, сразу видно, что вы нездешняя... Вот уже сколько времени, как орден перекупает и перепродает рабынь точно так же, как и рабов. И никто не находит в этом ничего зазорного. Мы — на Востоке. И не забывайте, что добрые наши рыцари принимают обет безбрачия, а не целомудрия. Впрочем, привлекают их отнюдь не шалости, но выкуп. Католическому миру нужны деньги, чтобы поддержать мощь военного флота. Итак, я могу поручиться за ваш титул, ранг в обществе и состояние. К тому же рыцари всегда рады угодить французскому королю, а я слышал, что вас весьма привечали при дворе Его величества Людовика XIV. Все это убедит их прийти вам на помощь.

— О, благодарю, господин Роша... Вы — мой спаситель!

В этот миг она забыла, что он вял, худосочен и небрит... Он выручит ее! Она с горячностью сжала его руки. Растроганно и в некотором смущении он проговорил:

— Не благодарите меня... Я счастлив быть вам полезным... Я так беспокоился о вас, но ничего не мог сделать, ведь так? Ну а теперь доверьтесь мне.

Тут на нее набросился, вопя, молодой евнух. Он вцепился ей в руку, чтобы прервать эту скандальную выходку. Роша быстро удалился. Разъярившись оттого, что ее хватают за руку, Анжелика обернулась и отхлестала евуха по дряблым щекам. Тот выхватил было саблю, но замер в нерешительности: как использовать это оружие против столь ценного товара, оставленного на его попечение? Это был молодой евнух, привезенный из маленького провинциального сераля, где под его надзором были лишь мягкие томные женщины. Он еще не был обучен обращению со строптивыми иностранками. Его губы сложились в плаксивую гримасу.

Главный банщик, узнав о происшествии, воздел руки к небесам. Он быстро сообразил, что лучше поскорее освободиться от ответственности за столь неудобную подопечную. На его счастье прибыл маркиз д'Эскренвиль, и оба евуха подробно поведали ему о своих трудностях.

Пират бросил ненавидящий взгляд на закутанную женщину, в которой с трудом можно было узнать его юного спутника по морскому путешествию. Под ниспадающими складками муслина и шелка женственная грация Анжелики бросалась в глаза. Античность, облачавшая женщин в просторные одеяния вместо того, чтобы втискивать их в корсет, знала толк в том, как проявить все прелести роскошной вожденной плоти.

Д'Эскренвиль заскрежетал зубами. Его рука стиснула запястье Анжелики так, что та побелела от боли.

— Ты что, забыла, шлюха? Забыла, что я обещал с тобой сделать, если не будешь как шелковая? Уже сегодня вечером ты попадешь в руки евухов или тебя бросят котам... Котам...

Отвратительная жестокая гримаса исказила его черты. Анжелике он показался демоном. Однако он взял себя в руки, поскольку по аллее шел один из приглашенных, пузатенький венецианский банкир, весь утопавший в перьях, кружевах и позолоте.

— Господин маркиз д'Эскренвиль, — воскликнул новоприбывший с сильным акцентом, — как я счастлив вас снова увидеть! Как поживаете?

— Плохо, — буркнул дворянин-пират, вытирая потный лоб. — У меня болит голова. Раскалывается. И не перестанет болеть, пока не продам девицу, которую вы здесь видите.

— Красивую?

— Посудите сами. — И жестом барышника он отвел вуаль с лица Анжелики. Собеседник аж присвистнул.

— Фюить!.. Вам везет, господин д'Эскренвиль. Эта женщина принесет вам много золота.

— Надеюсь! Я получу за нее не менее двенадцати тысяч пиастров.

Жирное лицо банкира изобразило разочарование. Он, видимо, подумал, что пленница ему явно не по карману.

— Двенадцать тысяч пиастров. Может, она и стоит того, но, по-моему, вы все-таки слишком высоко хватили!

— Есть любители, что не побоятся дойти до этой суммы. Жду черкесского князя Риома Мирзу, друга великого султана, которому поручено отыскать драгоценные жемчужины, а также — Шамиль-бея, верховного евнуха паши Солимана-Аги, который не постоит за ценой ради удовольствия своего повелителя...

Венецианец испустил глубокий вздох.

— Нам трудно соперничать с несметными состояниями этих восточных владык. И все же я буду

присутствовать на торге. Если не ошибаюсь, нас ожидает изысканное зрелище. Удачи, дорогой друг!

***

Зал продаж походил на обширный салон. Пол устилали роскошные ковры, по стенам стояли низкие диваны, в глубине располагалось небольшое возвышение с ведущими на него ступенями. С потолка свешивались драгоценные венецианские люстры с тысячами подвесок. Слуги-мальтийцы как раз зажигали их.

Зал был уже наполовину заполнен, и толпа прибывала. Служители-турки с длинными висячими усами и в островерхих колпаках с золотыми и серебряными накладками суетились, предлагая чашечки кофе и тарелочки со сладостями на маленьких медных или серебряных столиках. Другие приносили желающим непременно кальяны.

Больше всего было восточных одеяний. Однако виднелось и с десяток белых пиратов в просмоленных штанах. Некоторые, подобно маркизу д'Эскренвиллю, взяли на себя труд натянуть не слишком поношенный камзол и нахлобучить шляпу с непопорченным плюмажем, но все были воинственно разукрашены богатыми рукоятями пистолетов и абордажных сабель. Голландские трубки с маленькой чашечкой и длинным чубуком соревновались с их восточными сестрами наргиле.

В сопровождении трех телохранителей-тунисцев вошел датский вероотступник, бородач Эрик Янсен, и надменно уселся рядом с суданским торговцем. Этот негр был влиятельным лицом, связанным с нильскими перекупщиками, поставлявшими живой товар в гаремы Эфиопии и Аравии и мелкие княжества в центре Африки. Его курчавые седые волосы под вышитой жемчугом шапочкой выделялись на черной коже, тронутой легкой желтизной на скулах и переносице.

Три женщины с закрытыми лицами пересекли зал в сопровождении евнухов и поднялись на возвышение. Их провели за занавеску, где они могли сидеть на подушках, полускрытые от толпы. Армянин, только что писавший сведения о курсе на бирже рабов, теперь подошел к ним в сопровождении маркиза д'Эскренвиля.

Звали его Эривян, он был оценщиком рабов и учредителем торгов. В просторной коричневой мантии, с ассирийской бородкой, сплошь в мелких, тщательно уложенных завитках, с так же завитыми и напомаженными волосами, он призван был противопоставить лихорадке торга и претензиям продавцов неизменную елеино-любезную улыбку.

Весьма церемонно он приветствовал Анжелику по-французски, спросил по-турецки у славянки и армянки, не желают ли они кофе, шербета, цукатов или печенья, чтобы скоротать время. Затем вступил в оживленный спор с маркизом.

— Зачем ей поднимать волосы? — возмущался маркиз д'Эскренвиль. — Вы увидите, это настоящее золотое покрывало.

— Позвольте действовать мне, — говорил Эривян, полузакрыв глаза. — Не надо сразу открывать все прелести.

Хлопнув в ладоши, он вызвал двух прислужниц. Они заплели волосы Анжелики и тяжелым шиньоном закрепили их на затылке при помощи булавок с жемчужными головками. Затем они вновь завернули ее в многочисленные покрывала.

Анжелика не сопротивлялась, застыв в оцепенении. Все ее внимание сосредоточилось на мальтийских рыцарях, о которых поведал Роша. Через щелочку в занавеске она тщетно пыталась среди кафтанов и камзолов отыскать строгие черные мантии с белым крестом. От мысли, что Роша не сумел убедить этих

осторожных коммерсантов, у нее на висках проступили капельки пота.

Торг начался. Сначала вывели мавра, большого знатока навигации. И тотчас воцарилась уважительная тишина при виде этой бронзовой статуи с тщательно умащенным, чтобы выявить узлы мышц, мощным телом.

Затем возникло некое замешательство, отвлекшее внимание присутствующих. Это вошли двое мальтийских рыцарей в широченных черных плащах. Проходя через зал, они раскланивались с влиятельными константинопольскими вельможами. У возвышения один из них сказал Эривяну несколько слов, и тот пропустил их к Анжелике. Полная надежд, она выпрямилась. Оба кавалера поклонились ей, положив руки на рукояти шпаг. Один из них был испанцем, другой — французом, оба — отпрыски знатных семейств, поскольку надо было засвидетельствовать по крайней мере восемь поколений благородных предков, чтобы получить титул рыцаря в самом могущественном ордене христианского мира. Суровости их одеяний не чужда была известная роскошь: под плащами они носили короткую сутану, также помеченную белым крестом, и под вей — камзол. Но манжеты и галстуки были из венецианского кружева, на шелковые чулки с серебряной стрелкой были надеты туфли с серебряными пуговицами.

— Вы ли та благородная французская дама, о которой нам говорил господин Роша? — осведомился старший из них, в белом парике, что сделал бы честь версальским парикмахерам. Он представился:

— Я — байи де ла Марш из Оверни, а вот — дон Хозе де Альмада из Кастилии, комиссар Мальтийского ордена, занятый выкупом рабов. Именно в этом качестве он может интересоваться вами. Кажется, вас взял в плен маркиз д'Эскренвиль, этот зловонный гриф,

когда вы отправлялись в Кандию с миссией от французского короля?

Анжелика мысленно благословила беднягу Роша, представившего вещи в таком свете. Он показал ей, каким путем следовать. Она поторопилась заговорить о короле, подчеркнув, что принята при дворе, упомянула о самых влиятельных связях — от Кольбера до госпожи де Монтеспан, — а также о герцоге де Вивонне, представившем адмиральскую галеру и королевский эскорт в ее распоряжение. Затем рассказала, как эскадра была рассеяна Рескатором...

— Ах, этот Рескатор!.. — возведя очи горе, с мученическим видом вздохнули рыцари.

Затем, продолжала Анжелика, она попыталась достигнуть Кандии на маленьком паруснике, который не преминул стать добычей другого пирата, маркиза д'Эскренвиля.

— Вот прискорбное следствие того беспорядка, что царит на Средиземном море с тех пор, как неверные поколебали христианскую строгость нравов, — молвил байи де ла Марш.

Они оба выслушали ее, покачивая головами, быстро уверившись в ее искренности. Имена, названные ею, производили немалое впечатление, а подробности о ее положении при французском дворе, которые она сообщила, не оставляли никаких сомнений.

— Это удручающая история, — мрачно признал испанец. — Перед французским королем и вами, сударыня, мы обязаны попытаться выволить вас из этого затруднения. Увы, мы не хозяева в Кандии. Но собственники этого рынка оказывают нам некоторое предпочтение. Мы примем участие в торгах. Как комиссар ордена, ведающий выкупом рабов, я имею в здешних местах некоторые вклады и пользуюсь доверенностью коммерсантов.

— Эскренвиль весьма много просит, — заметил байи де ла Марш. — Не менее двенадцати тысяч пиастров.

— Я обещаю вам двойную сумму выкупа! — с живостью ответила Анжелика. — Если нужно, я продам свои земли, все должности и титулы, но вы не останетесь в накладе, даю слово. Святая церковь не раскается в том, что вырвала меня из тенет страшной судьбы. Подумайте, ведь если меня увезут в какой-нибудь турецкий сераль, никто, даже французский король, ничем не сможет мне помочь!

— Увы, это так! Но доверьтесь нам. Мы сделаем все от нас зависящее.

Однако же дон Хозе был явно озабочен.

— Надо ожидать больших торгов... Риом Мирза, друг великого султана, тоже объявил о своем участии. Султан повелел ему отыскать белую рабыню несравненной красоты. Кажется, он успел посетить рынки Палермо и даже Алжира, так и не получив желаемого. Он уже намеревался возвращаться ни с чем, когда услышал о французенке, плененной маркизом. Нет сомнения, что он вцепится в эту возможность, увидев, что госпожа дю Плесси являет собою идеал красоты.

— Поговаривают также о Шамиль-бее и богатом арабском ювелире Накер-Али как о возможных наших конкурентах.

Два рыцаря отошли на несколько шагов, чтобы обменяться быстрыми репликами, затем возвратились.

— Мы дойдем до восемнадцати тысяч пиастров, — сказал дон Хозе. — Это огромная сумма, и есть надежда, что самые цепкие наши конкуренты отступят. Положитесь на нас, сударыня!

Упавшим голосом, хотя и с некоторым облегчением она поблагодарила их и со сжавшимся сердцем поглядела вслед удаляющимся фигурам в черных плащах с белым крестом. Были бы они такими

щедрыми, если бы знали, что знатная дама, которую они желали спасти, навлекла на себя королевскую немилость?

И все же следовало отразить самую большую опасность. Один работорговец стоит другого, но она предпочла бы оказаться под знаком креста, нежели полумесяца.

Глава 19

Пока рыцари беседовали с пленницей, торги продолжались. Мавр достался итальянскому корсару Фабрицио Олигьеро для его команды. Следующим выставили гиганта-славянина с белокурыми волосами и великолепными мышцами. Дон Хозе де Альмада, для виду поторговавшись с датчанином из Туниса, быстро уступил его. Русский раб грохнулся на колени, взывая о милосердии. Неужто всю оставшуюся жизнь, кричал он, ему придется плавать на бербербийских галерах! Никогда он не увидит милых сердцу серых равнин, обдуваемых ветрами родной земли! Мальтийцы-слуги, поддерживавшие порядок на невольничьем рынке, по приказу рыцарей схватили несчастного, чтобы передать стражникам его нового хозяина.

Затем на подиуме очутились несколько белых детей. Армянка впилась ногтями в плечо Анжелики.

— Посмотри, вон там, у колонны, мой брат Арминак.

— А похож на маленькую девочку.

— Ну да, он же набелен до самых глаз... Он евнух, я тебе уже рассказывала. А у нас мальчиков белят и румянят. Не ожидала, что он окажется здесь, но тем лучше. Значит, его сочли достойным крупной ставки; хорошо бы его купил какой-нибудь богач! Он пройдоха и — вот увидишь! — лет через двадцать будет распоряжаться состоянием своего придурка-хозяина, который сделает его своим наперсником и визирем.

Престарелый суданец ткнул в подростка красный от хны палец и гортанно назвал цену. Турецкий губернатор Кандии надбавил. Около двоих рыцарей очутился еще один священнослужитель в сутане с белым крестом. Это был капеллан ордена. Ухватив оценщика за камзол, он шепнул ему несколько слов. Тот

поколебался, одними глазами спросил о чем-то турка-управителя, который утвердительно кивнул, и велел подросткам петь. Капеллан-итальянец выслушал каждого и выбрал пятерых, в число которых попал и брат армянки.

— Тысяча пиастров за всю партию, — сказал он.

Некто с белой кожей, но в расшитом тюрбане, по всей видимости черкес, вскочил и крикнул:

— Тысяча пятьсот пиастров!

Собеседница Анжелики прошептала:

— Какое счастье! Это Шамиль-бей, начальник белых евнухов Солимана-Аги. Если брату удастся попасть в этот знаменитый сераль, его судьба обеспечена.

— Две тысячи! — надбавил капеллан Мальтийского ордена, и покупка совершилась. Чемичкян заплакала, краешком покрывала утирая заблестевшие на подведенных глазах слезы.

— Увы, бедный мой мальчик! Какова он ни плут, ему не удастся обмануть бдительность этих священников. Они никогда не позволят ему расслабиться и побаловать себя. Они думают только о том, как бы собрать побольше денег. Уверена, что священник купил его только за голос, чтобы он пел в католической церкви. Какое бесчестье! Чего доброго, они повезут его в Рим, чтобы петь перед папой!

И на последнем слове она в ярости плюнула.

Меж тем торги продолжались. Остались только два худосочных мальчугана, которых никто не желал покупать. Суданец наконец приобрел их за смехотворную сумму, возмущаясь и твердя, что этак его репутация коммерсанта и признанный вкус могут быть скомпрометированы.

Вдруг по залу разнесся шум. Это появился личный посланник султана всех правоверных. Шейх в каракулевой черкеске, с резными золотыми газырями на красных шнурах, прошествовал в сопровождении

стражи, поправил саблю и кинжал с рукоятями, усыпанными рубинами, рассеянно улыбнулся турецкому правителю, а затем остановился подле верховного евнуха Шамиль-бея и завел с ним оживленную беседу.

— Они спорят, — прошептала армянка. — Шейх говорит, что не допустит, чтобы евнух Солимана решился приобрести прекрасную пленницу, которая предназначена Султану султанов. Надеюсь, что прекрасная пленница — это я.

Она напряжила бюст и повела бедрами. Анжелика же едва не разразилась рыданиями. Эти люди, пришедшие сюда ради нее, уже уславливаются относительно ее судьбы. У нее закружилась голова, и она едва могла уследить за продолжением торгов, за продажей сначала молодых черных евнухов д'Эскренвиля, потом русской девушки и, наконец, бедной Чемичкян. Она так и не узнала, сбылись ли молитвы бедной армянки, мечтавшей о княжеском гареме, или же она попала в руки старого суданского перекупщика, который перепродает ее какому-нибудь корсару, чтобы тот, попользовавшись ее красотой, продал ее снова.

Эривян со своей постоянной улыбкой и тщательно уложенными кудельками наклонился к ней.

— Извольте, прекрасная дама, следовать за мной.

Маркиз д'Эскренвиль оказался у нее за спиной и ухватил за плечо.

— Не забудь, — прошипел он, — не забудь о котах...

Только мысль о страшной смерти и надежда на вмешательство мальтийских рыцарей дали Анжелике силы выдержать взгляды сотни жгучих глаз, сверливших ее.

Воцарилось нетерпеливое молчание, слава прекрасной француженки держала в лихорадке всю Кандию. Подавшись вперед, зрители пытались разгадать тайну, скрытую за ее покрывалами.

Эривян подал знак молодому евнуху-служителю. Тот подошел к пленнице и сдернул первое покрывало, открыв ее лицо. Анжелика вздрогнула, ее глаза сверкнули. Под ласковым светом люстр она увидела напряженные физиономии, плотоядные взгляды, и мысль, что сейчас она предстанет нагой, заставила ее выпрямиться в возмущении. По всему ее телу пробежала дрожь.

Это содрогание дикого зверя, высокомерный и почти властный взгляд глаз цвета морской волны, казалось, наэлектризовали весь зал, до тех пор довольно вялый. Все головы заколыхались в едином движении, одушевленные интересом и страстью. Эривян выкликнул первую цифру:

— Пять тысяч пиастров!

Д'Эскренвиль даже подпрыгнул в своем углу. Эта сумма в два раза превосходила условленную первоначальную цену. Проклятая мокрица, этот Эривян! С первого же мгновения он угадал в публике разгоравшееся вожделение, оправдывающее любые безумства. Эти люди готовы предаться совокупному влечению игры и страсти.

— Пять тысяч пиастров!

— Семь тысяч пиастров! — воскликнул черкесский шейх.

Начальник белых евнухов шепотом пережевывал цифры. Одержимый желанием выиграть приз Риом Мирза крикнул:

— Десять тысяч пиастров!

Воцарилась молитвенная тишина. Анжелика глянула туда, где сидели мальтийские рыцари. С улыбкой на суровых губах дон Хозе поклонился ей.

— Почтеннейший шейх, — сказал он, — помнится, последний имам великого государя проповедовал самую строгую экономию? Я отдаю честь состоянию

султана, но десять тысяч пиастров — это ведь цена экипажа галеры?

— Султан султанов может пожертвовать одной из своих бесчисленных галер, если на то будет его высочайшее соизволение, — сухо парировал кавказец, победно глянув на евнуха Шамиль-бея, чье лицо старой доброй женщины выражало беспредельную грусть. Верховный евнух Солимана-Аги был бы так горд, если бы привез своему господину эту драгоценную и необычную рабыню! Но он сам управлял казной своего блистательного повелителя, а потому лучше других знал, что в ней есть. И так уже он упрекал себя за то, что превысил свои возможности.

Тишина становилась гнетущей. Анжелика вдруг почувствовала на плечах ловкие руки молодого евнуха, снявшего покрывало, облекавшее грудь. Она оказалась обнажена до пояса, бледная под янтарным пламенем свечей. От внезапного испуга мелкие капельки пота усыпали кожу, придав ей перламутровый блеск.

Она отступила на шаг, но евнух уже убрал булавки, и волосы золотым каскадом хлынули на плечи. Инстинктивным жестом она подняла руки, как каждая женщина, заметившая, что внезапно распустился шиньон, и попыталась удержать шелковистую массу. В этом безотчетном движении она открыла крепкие, совершенной формы груди и явила исполненное потаенной прелести зрелище женщины, занятой своим туалетом.

По залу пробежал ропот. Итальянский корсар длинно выругался. Волна возбуждения и похоти всколыхнула это скопление кафтанов, мантий и мундиров.

Евнух Шамиль-бей решил, что его повелитель простит ему расточительность ради такого сокровища, и крикнул:

— Одиннадцать тысяч пиастров!

Старый суданский купец поднялся и произнес, как молитву, длиннейшую фразу. Эривян перевел:

— Одиннадцать тысяч пятьсот пиастров от бедного старца, который рискует всем своим достоянием во имя этой жемчужины, ради которой шейхи Аравии, раисы Эфиопии, суданские князья и даже повелители далекой земли Кампар в Африке будут сходить с ума.

Снова воцарилась тишина. С ужасом смотрела Анжелика на старого негра из дальних стран, который дерзостно отважился обойти двух столь могущественных покупателей.

Мальтийский рыцарь опустил длинные темные ресницы:

— Двенадцать тысяч пиастров, — молвил он.

— Тринадцать тысяч! — закричал Риом Мирза.

И снова испанец прибег к иронии:

— Вам кажется, что султан будет вам благодарен, если вы его разорите? Беспорядок в его финансах ни для кого не является тайной.

— Я говорю не от имени султана, а от моего собственного, — отвечал черкес. — Я хочу эту женщину.

Его черные глаза вперились в Анжелику.

— И в том, и в другом случае не рискуете ли вы головой? — настойчиво переспросил рыцарь.

Вместо ответа шейх нетерпеливо повторил:

— Тринадцать тысяч пиастров!

Дон Хозе вздохнул:

— Пятнадцать тысяч пиастров.

Раздался шепот. Шамиль-бей молчал, его грызла неуверенность. Надо ли подвергать расстройству свой бюджет на многие месяцы, чтобы, поддавшись искушению тщеславия, подарить гарему Солимана-Аги эту редкую жемчужину?..

— Шестнадцать тысяч! — крикнул Риом Мирза.

Но видно, и он начал ослабевать: ему пришлось стянуть каракулеву шапку и промокнуть вспотевший

лоб.

— Кто больше? — прокричал оценщик и повторил призыв на многих языках.

Снова нависло молчание. Европейские корсары не раскрыли рта. Они сразу увидели, что торг вышел за пределы их притязаний. Проклятый д'Эскренвиль! Он сумел вытащить счастливый приз. С этой девицей он сможет не только выплатить долги, но и купить новое судно со всем экипажем.

— Кто даст больше? — повторил Эривян, обернувшись к дону Хозе.

— Шестнадцать тысяч пятьсот, — сухо отрезал тот.

Но шейх заупрямился:

— Семнадцать тысяч!

Цифры выстреливались как пули. Слова, звучащие по-французски, по-итальянски, по-гречески, с трудом доходили до сознания Анжелики. Она не могла уследить за происходящим, и ей стало страшно. Она видела, как застыло коричневое лицо дона Хозе, как побледнел байи де ла Марш. Она дрожала и пыталась закрыться волосами. Когда же кончится эта пытка?

Встал какой-то высоченный араб, закутанный в белый бурнус. Пройдя через весь зал легким шагом пантеры, сгибаясь в многочисленных приветствиях, он подошел к возвышению. Анжелика услышала, что оценщик назвал его Накер-Али. Под полосатым красно-белым тюрбаном зияли темные, как ночь, глаза. Лицо было смуглым, с орлиным носом и черной блестящей бородкой.

Не отрывая глаз от женщины, он достал из широкого мешочка на груди несколько предметов, которые разместил на ладони: это были самые красивые из драгоценных камней, привезенных им из недавнего путешествия в Индию: два сапфира, рубин величиной с лесной орех, изумруд, голубой берилл, опалы и бирюза. Другой рукой Накер-Али извлек маленькие весы

бродячего ювелира, сделанные из иглы дикобраза, служащей коромыслом, и медного блюда. На него он стал по одному класть камни. Эривян, склонившись над ним, перебирая губами и пальцами, занимался быстрыми и сложными расчетами. Наконец, он торжествующе возгласил:

— Двадцать тысяч пиастров!

Анжелика бросила панический взгляд на дона Хозе. Крайняя цифра, которую он обещал ей, была превышена. Байи де ла Марш взмолился, почти не понижая голоса:

— Брат, еще одно усилие!

Черкесский князь Риом Мирза буквально скрипел зубами. Он уже вышел из игры. Но невозможно было уступить великолепную француженку этому простоватому торговцу с Красного моря, чей гарем, пристроенный к какой-нибудь деревянной лавчонке Кандии или Александретты, должно быть, пропах прогорклым маслом и жареной саранчой. Он тоже набросился на мальтийского рыцаря, призывая высказаться не мешкая, иначе он убьет его. Дон Хозе, воздев очи к потолку с выражением мученика с алтарной стены какой-нибудь испанской церкви, переждал, пока черкес замолкнет, и бросил окончательное:

— Двадцать одна тысяча пиастров!

Турецкий правитель Кандии, лукаво сощутив глаза, вытянул из бороды чубук наргиле и мягко произнес:

— Двадцать одна тысяча пятьсот.

Взгляд дона Хозе уподобился отравленному кинжалу. Он был уверен, что турок не может оплатить подобный счет. Просто ему хотелось утереть нос посланцу христианского государства Мальты. У него возникло искушение устраниваться и предоставить старому хитрецу самому разбираться со своими двадцатью одной тысячей пятьсот ливрами и слишком

красивой рабыней. Но отчаянные глаза Анжелики взволновали его, хотя он запрещал себе действовать по зову чувства.

Эривян, который тоже понимал, что последнее предложение было лишь шуткой, ловко вел торг. Он помедлил, дав правителю время пожалеть о своей выходке. Затем обернулся к комиссару Мальтийского ордена:

— Кто больше?

— Двадцать две тысячи, — сухо бросил дон Хозе де Альмада.

На этот раз тишина воцарилась надолго. Но Эривян не торопился сдать последние козыри. Он знал по опыту, что Страсть этих мужчин одолеет их коммерческую цепкость.

Дон Хозе де Альмада, боровшийся ради «дела», не мог привнести в торг азарт мужчины, охваченного желанием обладать своей добычей.

Араб Накер-Али, сидевший на корточках перед подиумом, замороженно глядел на пленницу. Его тонкие губы дрожали, и временами он подносил руку к кошельку, но замирал, колеблясь.

Евнух приблизился и потянул за булавку, удерживавшую последнее покрывало. Легкая ткань упала к ногам Анжелики.

Она с ужасом почувствовала, как порыв необоримого вожделения сотряс этих мужчин и повлек к открывшейся их глазам белизне. Она походила на греческую статую, какие встречаются среди олеандров на островах. Но эта статуя жила. Она дрожала, и трепет измученного тела видели все. Он служил залогом страсти, обещанием наслаждения и торжества того, кто сумеет ее соблазнить.

Каждый мечтал об этом трудном завоевании и пьянящей победе. Каждый видел себя повелителем, который заставит ее изнемогать от любовной истомы.

Анжелику обняла горячая волна, сменившая ощущение пронзительного холода. Чтобы больше не видеть этих пожирающих глаз, она спрятала лицо в сгиб руки. Отчаяние и стыд пригвоздили ее к месту, сделали глухой и слепой ко всему, что происходило вокруг нее.

Она не видела, как Накер-Али выложил на ладонь огромный бриллиант чистой воды и положил на весы.

— Двадцать три тысячи пиастров! — крикнул Эривян.

Дон Хозе опустил голову.

— Кто больше? Кто больше? — прошептал Эривян, потянувшись рукой к колокольчику, чтобы возвестить о конце торгов.

Черкесский князь издал рычание и расцарапал себе лицо в знак отчаяния. На лице араба появилась улыбка, растянувшая губы. Но тут поднялся Шамиль-бей, высокий белый евнух. Пока другие повышали ставки, он перебирал в уме всевозможные финансовые комбинации, какими он поправит пошатнувшиеся дела своего повелителя и заполнит ту брешь в его казне, которую сейчас пробьет. Холодно, бесстрастно он уронил, не разжимая зубов:

— Двадцать пять тысяч пиастров.

Лицо араба погасло. Он собрал свои камни, вложил в кошелек на груди и, поднявшись, медленно ушел в тень, растворился, покинув торговый зал.

Обернувшись к Шамиль-бею, Эривян медленно поднял колокольчик. Но вдруг рука его застыла, как в параличе, и все присутствующие замерли. Настало молчание, оно было таким долгим и таким пугающим, что Анжелика прислушалась и невольно подняла голову. И тут ее словно ударило. Да так, что она чуть не потеряла рассудок, едва не завывала в последнем кромешном бреду.

К подиуму через зал под удивленными взглядами медленно и спокойно шел человек. Он был огромен и до чрезвычайности странен. Черный с ног до головы, в черных кожаных перчатках с крагами, подбитыми серебряными заклепками, и в маске из той же черной кожи, закрывавшей все лицо до губ, окаймленных темной бородой, он походил на кошмарное видение.

За ним двигался приземистый капитан Янсен.

Эривян очень мягко опустил руку с колокольчиком. Он не зазвонил. Склонившись почти до земли, он ележно пролепетал:

— Эта женщина продается. Она интересуется вас, господин Рескатор?

— На чем остановился торг? — голос под маской был низким и хриплым.

— На двадцати пяти тысячах пиастров, — ответил Эривян.

— Тридцать пять тысяч!

Армянин застыл с разинутым ртом. Тогда Янсен звонко повторил:

— Тридцать пять тысяч пиастров от моего хозяина монсеньора Рескатора! Кто даст больше?

Шамиль-бей упал на подушки и застыл в оцепенении.

Анжелика услышала рассыпчатый звон колокольчика. Мрачный силуэт вырос перед ней, и она почувствовала, как ее облек длинный бархатный плащ, который Рескатор снял с себя и набросил ей на плечи. Складки бархата упали до земли. Она яростно запахнулась в него. Никогда, никогда в жизни она не забудет испытанного стыда!

Незнакомые руки продолжали крепко держать ее, не давая упасть. Тут она почувствовала, что ноги подкашиваются и без этой поддержки она бы опустилась на колени. Глухой хриплым голос произнес:

— Прекрасный вечер выдался вам, Эривян! Французенка!.. И какого достоинства! Кто ее владелец?

Маркиз д'Эскренвиль вышел вперед, шатаясь, как пьяный. Его глаза горели на белом как мел лице. Дрожащим пальцем он тыкал в Анжелику.

— Потаскуха! — заговорил он заикающимся тусклым голосом. — Худшая потаскуха из тех, кого носила земля. Берегись, колдун, она выжрет твое сердце!..

Корьяно выскочил из-за занавеси, откуда он следил за торгами. Он встал между ними, раздвинув беззубый рот в сладчайшей улыбке.

— Не слушайте его, монсеньор. Радость помрачила его ум. Это очень милая дама... Очень послушная и нежная.

— Лжец! — проронил Рескатор.

Он сунул руку в суму из золотой парчи, висящую у пояса, вытащил оттуда кошелек, полный экю, и бросил его Корьяно, чей единственный глаз стал круглым от удивления.

— Но, монсеньор, — прошамкал флибустьер, — у меня ведь будет моя часть добычи...

— Да бери же, это задаток.

— Почему?

— Потому что хочу, чтобы каждый был сегодня счастлив.

— Bravo! Брависсимо! — проревел Корьяно, подбросив в воздух свой колпак. — Да здравствует монсеньор Рескатор!

Тот поднял руку:

— Праздник начинается.

Капитан Янсен передал приглашение, которое крупнейший денежный туз Средиземного моря обращал ко всем присутствующим. На празднике будут танцовщицы и музыканты, будет вино, кофе, жаркое из барашка. Экипажам корсарских судов презентуют целых быков, а на каждом перекрестке поставят бочки с вином из Смирны и мальвазией. Лакеи будут

раздавать горожанам хлебы и мясо на вертелах, а с крыш будут бросать деньги в толпу.

Сегодня в честь француженки Кандия будет пировать. Так желает монсеньор Рескатор.

И все закричали:

— Виват!

— Вах! Вах! Вах! — с живостью вторили турки, вновь размещаясь на подушках, с которых только что встали. Все — от корсара до шейха — готовились к новым удовольствиям. Лишь два мальтийских рыцаря направились к дверям.

— Кабальеро, кабальеро! Не угодно ли присоединиться к нам?

Дон Хозе испепелил Янсена взглядом и удалился в сопровождении байи де ла Марша.

Глава 20

Лишь теперь Анжелика поняла, что продана. Продана пирату, заплатившему за нее цену корабля вместе с экипажем!.. Ей, видно, суждено переходить от одного хозяина к другому — это обычная судьба слишком красивой и желанной женщины. Из уст ее вырвался пронзительный крик. В нем были и отчаяние от того, что с ней произошло, и ярость тигрицы, попавшей в западню.

— Нет, не продана, не продана!..

Она бросилась, пытаясь разорвать кольцо разноцветных одеяний, которые ее окружали, но оно замыкалось, как адский круг, не выпуская ее. Несколько мгновений она боролась с янычарами Рескатора, но они, быстро одолев, аккуратно положили ее к ногам своего господина. Она потерянно повторяла:

— Нет, не продана...

— Разве в обычаях французских женщин убежать почти без одежды? Подождите, по крайней мере, пока вас оденут, мадам. — Глухой насмешливый голос Рескатора звучал где-то над ней. — Я позволю себе предложить вам несколько платьев. Может, они вам подойдут. Выберите то, что вам понравится.

В полном недоумении Анжелика подняла глаза, скользя взглядом по нависшей над ней черной фигуре вплоть до устрашающей маски, в которой жили лишь глаза. В них поблескивала ирония. Он рассмеялся.

— Поднимитесь, — сказал он и протянул ей руку.

Когда он встала, подчинившись ему, он отвел волосы, в беспорядке свисавшие на ее лицо, и погладил по щеке, как непослушного ребенка.

— Продана?.. Да нет же. На этот вечер вы — моя гостья, вот и все. Выберите себе туалет.

Он указал ей на трех негритят в красных тюрбанах, держащих, как в сказке, три роскошных наряда: один — из розового фая, другой — из белой парчи и третий — из зелено-голубого атласа, украшенного перламутром, переливающимся от пламени свечей.

— Вы колеблетесь? Какая из дам не стала бы колебаться... Но так как празднество не ждет, я бы посоветовал вам вот это платье с перламутром. По правде говоря, я выбирал его для вас, поскольку слышал, что у француженки глаза цвета морской волны. В нем вы будете походить на сирену. И это почти символ. Прекрасная маркиза, спасенная из пучины!..

Она все еще молчала, и он добавил:

— ...Вижу, что вас сбивает с толку вопрос, как в этой далекой Кандии можно добыть туалеты по последней версальской моде. Не напрягайте ваш маленький ум. У меня для вас много сюрпризов. Разве вы не слышали, что я — волшебник?

Ироническая складка его рта, скрытая короткой сарацинской бородкой, завораживала ее. Временами улыбка молнией освещала это пасмурное лицо. Его затрудненный и медленный голос рождал в ее сердце беспокойство, близкое к страху. Когда он обращался к ней, по спине пробегала дрожь. Она чувствовала себя совершенно не в своей тарелке.

Анжелика пришла в себя лишь тогда, когда маленькие рабы, помогавшие ей одеться, стали путаться в бантах, крючках и отворотах европейского платья. Раздраженная их неловкостью, она быстрым жестом закрепила все булавки и зашнуровала все шнурки. Эта живость не ускользнула от Рескатора. Он снова приглушенно засмеялся и закашлялся.

— Да, сила и власть привычных жестов довлеет, — произнес он, переведя дыхание. — Даже на краю могилы вы не позволите себе одеться как попало. Ах, эти француженки!.. А теперь посмотрим украшения.

Пират наклонился над ларцом, который подал ему паж, и вынул великолепное кольцо из лазурита. Он сам надел его ей на шею. Когда он поднял ее волосы, чтобы застегнуть замочек, она почувствовала, что его пальцы задержались на ссадинах от когтей ужасного кота. Затем он помог ей надеть серьги.

За рядом янычар, окружавших их, шум все усиливался. Пришли музыканты и танцовщицы. Появились новые подносы с фруктами и сладостями.

— Вы гурманка? — спросил Рескатор. — Желаете ли десерт из орехов?.. А пробовали вы персидскую нугу?

И поскольку она хранила молчание, проговорил:

— ...Я знаю, чего вам хочется. Сейчас лакомства и все наслаждения мира вас не соблазняют. Вам хочется только одного: поплакать.

Губы Анжелики вздрогнули, к горлу подкатился комок.

— ...Нет, — сказал он, — не здесь. Когда будете у меня, вы сможете выплакаться в свое удовольствие, но перед этими неверными это излишне. Вы не рабыня, вы ведь внучка Круазе, черт возьми! Посмотрите на меня.

Два сумасшедших зрячка сверлили ее и заставили поднять голову.

— Ну вот, так лучше. Посмотрите в зеркало... Сегодня вы — королева... Королева Средиземноморья. Дайте вашу руку.

Так, в княжеском облачении, положив руку на локоть Рескатора, Анжелика сошла с проклятого помоста. Все спины сгибались при ее приближении. Рескатор занял место около паши, который представлял здесь власть Великого султана, и усадил Анжелику по правую руку. В облаках благовоний, поднимающихся из курильниц, колыхались длинные воздушные покрывала танцовщиц. Они танцевали под звуки тамбуринов и нанов — маленьких трехструнных гитар, звучащих высоко и резко.

— Выпьем доброго кандийского кофе, — предложил Рескатор, протягивая ей хрупкую фарфоровую чашечку с подноса, стоявшего на низеньком столике. — Нет ничего лучше, чтобы развеять тоску и укрепить измученное сердце. Вы чувствуете этот тонкий запах, сударыня?

Анжелика приняла чашечку и выпила ее маленькими глотками. Еще на борту «Гермеса» она пристрастилась к кофе и теперь с удовольствием глотала раскаленный напиток.

Сквозь прорези маски глаза внушавшего страх пирата неотступно следили за ней. На нем была не обычная маска, что надевается на нос и закрывает только скулы. Эта доходила до самых губ. Анжелика спросила себя, какое же уродство должно скрываться под такой маской. Как женщине вытерпеть, когда над ней склонится это обтянутое черной кожей лицо, не думая, что под ним таятся чудовищные раны?.. Она содрогнулась.

— Да? — произнес пират сорвавшимся голосом, как будто его самого била дрожь. — Поделитесь же, какое чувство я у вас вызываю...

— Я спрашивала себя, неужели у вас и язык отрезан?

Рескатор откинулся назад, чтобы вволю посмеяться.

— Ну вот, наконец я слышу звук вашего голоса. И что же я узнаю? Что вы находите, будто Провидение недостаточно наказало меня. Ах! Мои враги не скупятся на штрихи, чернящие мой и так не слишком светлый облик. Будь я одноруким и безногим, это бы преисполнило их радости. А еще лучше, если бы я умер! Что касается меня, мне достаточно того, что я покрыт шрамами, как старый дуб, сотню лет битый ветрами и молниями... Но, благодарение Богу, язык у меня достаточно длинный, чтобы говорить комплименты. Признаюсь, для меня было бы страшной потерей

лишиться дара речи и не быть способным воздавать хвалу самым совершенным созданиям Творца.

Наклонившись к ней, он говорил так, словно они были одни, и она чувствовала, как от блеска его огненных глаз становится теплее на сердце.

— ...Скажите еще что-нибудь, мадам. У вас восхитительный голос... Признаюсь, мой не так хорош. Он был сорван, когда я пытался воззвать к тому, кто был очень далеко. Я звал, и голос сорвался...

— Кого же вы звали? — удивленно спросила она.

Он ткнул пальцем вверх, к затянутому дымом потолку.

— Аллаха!.. Аллаха в его раю... Это не близко. Моего голоса не хватило. Но зов дошел. Аллах услышал меня и вернул то, что я у него просил: жизнь.

Ей показалось, что он издевается над ней, и стало чуть-чуть обидно. Однако кофе возвратил ей силы. Она позволила себе отщипнуть кусочек лепешки.

— У меня, — заметил он, — вам подадут яства со всего мира. Из всех стран, где мне случалось побывать, я набирал людей, преуспевших в поварском искусстве. А потому могу исполнить любую причуду моих гостей.

— А у вас... есть коты? — Несмотря на все усилия, голос ее дрогнул, и последнее слово она пролепетала.

Пират сначала, казалось, удивился, но, уразумев, метнул в сторону д'Эскренвиля уничтожающий взгляд.

— Нет, у меня вы не увидите котов. Не увидите ничего, что могло бы вас беспокоить или не понравиться вам. Есть розы... лампы... окна с видом на море. Послушайте, перестаньте дрожать, как от озноба, это вам не идет. Неужто мой друг д'Эскренвиль так запугал вас, что превратил в женщину, готовую лизать сапог своего господина?

Анжелика подскочила, как будто ее ударили, и метнула на него бешеный взгляд. Он снова рассмеялся, закашлялся и наконец с усилием выговорил:

— Ну вот! В точности то, что я ожидал. Вы вновь преобразились в высокомерную маркизу, первую даму двора, яростную, очаровательную...

— Смогу ли я снова ею стать? — прошептала она. — Не думаю, что Средиземноморье так легко отдает свою добычу.

— Действительно, здесь люди теряют маски. Здесь разбиваются глиняные идола, но выносит на берег чистое золото и тех, кто осмеливается бросить вызов судьбе и рассеять здешние миражи.

Как он догадался, что она думает не столько о возвращении во Францию, сколько о невозможности вновь оказаться среди роскошной версальской мишуры и превратиться в прежнюю светскую львицу?.. Та жизнь казалась далекой и призрачной, она словно увяла в сравнении с волшебством Востока.

И тут она сама поглядела в загадочные глаза пирата, ища в них ответ. Она спрашивала себя, какую власть может иметь этот человек, если несколько слов, сказанных им, так овладели ее душой. Сколько долгих дней она была сломлена, загнана, унижена! Рескатор вдруг поднял ее со дна пропасти. Он ее встряхнул, растормошил, очаровал, и она распрямилась, как росток, напоенный живительной влагой. В ее глазах ожили искорки, как в прежней спокойной жизни.

— Гордое создание, — мягко сказал он. — Вот такой я вас люблю.

Она неотрывно смотрела на него. Так молятся, так просят Бога даровать жизнь. Она даже не знала, что ее глаза лучились изголодавшейся нежностью, с какой обещают все на свете. И по мере того как взгляд Рескатора придавал ей силы, ее обезумевшее сердце успокаивалось. Головы в тюрбанах, грубые скотские лица флибустьеров под шелковыми платками словно бы задернуло пеленой тумана, музыка и шум голосов отдалились куда-то.

Она была в заколдованном круге рядом с человеком, который окружал ее безграничной предупредительностью. До нее доносились запахи Востока, которыми пропиталась одежда пирата, ароматы дальних островов и дорогой кожи его маски, табака из его длинной трубки, горячего кофе. Внезапно ее тело и душу поразила какая-то истома, тяжелая, как сон. Она глубоко вздохнула и смежила веки.

— Вам надо отдохнуть, — сказал он. — В моем загородном замке вам будет удобно. Вы очень долго не спали. А там для вас готова постель на террасе, под звездами... Мой врач-араб даст вам какой-нибудь отвар из успокоительных трав, и вы будете спать... Так долго, как вам угодно. И слушать рокот волн... и игру на арфе моего пажа-музыканта. Вас устроит такое предложение? Что вы об этом думаете?

— Я думаю, — прошептала она, — что вы не очень требовательный повелитель.

В глазах пирата мелькнуло озорство:

— А может, я однажды и стану таким. Ваша красота не такова, чтобы долго оставаться ненавязчивым... Но обещаю, что это не произойдет без вашего согласия... Сегодня же я попрошу вас только об одной малости, бесценной для меня... я хочу увидеть улыбку на ваших губах... Хочу быть уверенным, что вы больше не грустите и не испуганы. Улыбнитесь же!

Губы Анжелики приоткрылись. Глаза наполнились светом...

Вдруг раздался нечеловеческий вопль, заглушивший иные звуки, и в густеющих клубках благовоний, как призрак, возник, качаясь, маркиз д'Эскренвиль. Он размахивал саблей, и никто не отважился к нему подойти.

— Она досталась тебе! — хрипел он. — Это для тебя у нее будет лицо возлюбленной, проклятый маг Средиземноморья... А не для меня... А я — лишь Ужас

Средиземноморья... Вы все слышите? Ужас... Я не маг!.. Но этого не будет. Я убью тебя...

Он сделал выпад. Рескатор швырнул ему под ноги столик с кипящим чайником. Бандит споткнулся, а его противник уже стоял с клинком в руке. Сабли скрестились. Д'Эскренвиль рубился с яростью умалишенного. Сражающиеся, расшвыривая подушки, шаг за шагом двигались к помосту. Танцовщицы с криком разбежались. Д'Эскренвиль, прижатый к подиуму, был вынужден вскочить на возвышение.

Поединок был смертельным. Черная тень против красной тени — оба дуэлянта прекрасно владели своим оружием: бордажной саблей. Служители не осмеливались вмешаться, чтобы навести порядок. Ведь Рескатор каждому подарил по двадцать серебряных цехинов и мешочек американского табака. Поэтому схватка разворачивалась в почти молитвенной тишине.

Наконец сабля Рескатора поранила кисть безумца, оружие выпало, и д'Эскренвиль забился с белой пеной в углах рта. Эривян смело бросился к нему, связал и утащил с подиума, чтобы передать на попечение Корьяно.

— Прискорбно! — сказал Рескатор, убирая саблю.

Если бы не вмешательство маленького армянина, маркиз д'Эскренвиль испустил бы дух и был бы, скорее всего, брошен на растерзание всем тем, кого он некогда продал.

Подняв обе руки, Рескатор крикнул:

— Праздник окончен!

Он раскланялся на все стороны, прощаясь по-турецки, по-итальянски и по-испански. Присутствующие начали расходиться.

Рескатор подошел к Анжелике и отвесил низкий поклон.

— Вы согласны последовать за мной, мадам?

В это мгновение она согласилась бы пойти за ним хоть на край света.

Когда они вышли на свежий воздух, пират вновь накинул на ее плечи свой богатый плащ. Она не узнала сада, по которому проходила утром.

— Ночь свежа... но как ароматна!

На площади перед невольничьим рынком на огромном костре поджаривали огромного быка, отблески огня освещали довольные лица моряков и черни, приглашенной на празднество. На улочках Кандии раздавались моряцкие песни, воздававшие честь доброму вину из Смирны. При виде Рескатора все разражались криком «Виват!»

За крышами поднялась длинная голубая ракета и упала, рассыпавшись зонтом искр. «Надо же, фейерверк...»

Но почему на лицах появилось беспокойство? Что испугало весельчаков?

Первым почувствовал неладное Рескатор. Покинув Анжелику, он бросился к укреплениям, нависающим над городом. В то же мгновение раздались взрывы и звон разбившегося стекла. Небо окрасилось в красноватый цвет. Тревога шла от приморских кварталов, дальше пламя заиграло на лицах янычар, и они устремились к крепостной стене. Зазвонили колокола. Раздался крик, многократно повторяемый на всех языках:

— Пойдем! Пойдем!..

Она увидела хитроватую физиономию Вассоса Миколеса и вспомнила слова Савари: «Когда вы выйдете, будет подан сигнал голубой ракетой».

Она просила вырвать ее из рук будущего владельца, и вот старик сдержал слово.

Анжелика остановилась в нерешительности, похолодев с головы до ног и не в силах сойти с места, а маленький грек с тревогой настаивал:

— Иди же, иди!

Наконец она очнулась и последовала за ним. Они бежали по улочкам, подхваченные всесокрушающим потоком толпы, и очутились в порту.

Везде царила неопиcуемая толкотня. Кричали придавленные младенцы. Коты, вырвавшиеся из сутолоки, прыгали по карнизам и балконам в отблесках огня, словно когтистые джинны. Из всех глоток вырывался крик:

— Корабли!..

Когда Анжелика, ведомая Вассосом, достигла берега моря около Башни крестоносцев, она все поняла.

На воде, подобно факелу, пылала бригантина д'Эскренвиля. «Гермес» превратился в призрак корабля, и его пламенеющие ребра обнажились. Подхваченные ветром головы падали на другие суда, стоявшие на рейде. Галера датского вероотступника тоже была объята пламенем.

Возникли и другие очаги пожара, и при свете этой гигантской иллюминации Анжелика различила контур трехмачтового судна Рескатора. На носу его уже занялся пожар, и стража, оставленная на борту, отступала, не в силах совладать с ним.

— Савари!

— Я ждал вас, — ликуя, прошептал Савари. — Вы не туда смотрите, сударыня. Посмотрите-ка сюда.

В тени Ворот крестоносцев, которые часовой-турок покинул, чтобы поглазеть на пожарище, он показал ей барку, готовившуюся поднять паруса. Тьма покрывала ее почти целиком, и лишь отблески огня освещали растерянные и испуганные лица беглых рабов, скучившихся на борту, и греческих моряков, занятых такелажем. Это была барка Вассоса Миколеса и его дяди.

— Идите быстрее!

— Но этот огонь, Савари, этот огонь, это...

— Ну да, греческий огонь, — взорвался старый ученый, подпрыгивая на месте от возбуждения. — Я возжег неугасимый пламень. Ах! Пусть-ка попробуют с ним справиться. Это античный секрет... Византийский, и я открыл его заново!..

Он танцевал, словно гном, выскочивший из адского пламени. Вассос Миколес, который уже поднялся было на борт, вновь спустился и завладел своим торжествующим родителем, чтобы втолкнуть его на палубу. Женщина, закутанная в покрывало, приблизилась к Анжелике.

— Вот бумага, которую ты хранила. Прощай, сестра моя и подруга. Пусть святые нашей церкви помогут тебе.

— Эллида, а ты не поплывешь с нами?

Молодая гречанка обернулась к порту. Мачты «Гермеса» походили на прозрачные золотые столбы и рушились в снопах искр. Маркиз д'Эскренвиль бегал по берегу как сумасшедший. Зачарованными глазами он смотрел на горящий корабль.

— Нет, я останусь с ним, — закричала Эллида и бросилась туда.

***

Анжелика поднялась на барку, и та бесшумно отчалила. Рыбаки старались держаться в тени мола, но иногда свет от разгоравшегося пламени настигал суденышко. Стоя на корме, Савари не отказывал себе в удовольствии любоваться пожаром.

— Я набил во многих местах корпуса обоих судов паклю, — объяснял он. — Каждый день, путешествуя к островам, я спускался в трюмы и все приготовил. Нынче вечером я полил там своим мумие, которое превратил в жидкость. Благодаря этому оба корабля стали очень горючими как изнутри, так и снаружи. А поскольку пороховых дел мастера взяли меня в подручные для устройства фейерверка, не было ничего легче, чем

направить на верхние палубы этих кораблей ракеты собственного изготовления. Ракеты попали, куда нужно, и огонь взвился как вихрь.

Вдруг Анжелика вся сжалась. С расширенными от ужаса глазами, не в силах произнести ни слова, она смотрела на огонь. Савари замолк, его рука нащупала на поясе старую подзорную трубу, и он поднес ее к глазам.

— Что он делает? Этот человек сошел с ума!

На задымленном юте «Морского орла» они различили фигуру Рескатора. Мавры-моряки обрубали концы, и судно, на котором разгорался огонь, отплыло от причала, удаляясь от пожара. Пламя на нем самом разгоралось. Мачта на бушприте обрушилась. Затем раздался глухой взрыв.

— Пороховой погреб, — прошептала Анжелика.

— Нет.

Тяжелые ботинки Савари отдавливали ей ноги. Вассос Миколес старался утихомирить своего дражайшего родителя.

— Тот белый туман над поверхностью воды! — кричал ученый. — Что это? Что это?

Из нутра судна повалил желтый тяжелый дым. Это облако быстро заволокло пламенеющий корабль, так что осталась видимой лишь верхушка самой высокой мачты. Пламя затихло, и тотчас темнота поглотила объятые дымом судно.

Порт, еще охваченный пожаром, отдалялся. Греки гребли изо всех сил. Затем они подняли латинский парус. Барка с беглецами заплясала по черным волнам.

Савари опустил подзорную трубу.

— Что там произошло? Можно подумать, что этот человек погасил пожар на корабле посредством магии.

Его ум уже заработал в поисках ответа. Вассос воспользовался этим, чтобы почтительно определить ему место в центре барки. А Анжелику по совсем

другим причинам не оставляло ощущение нереальности происшедшего.

Кандия удалялась. Еще очень долго огненные блики Танцевали по воде.

Вдруг Анжелика заметила, что плащ Рескатора все еще окутывает ее плечи. Грудь ее заныла от нестерпимой боли, и, уронив голову на руки, она испустила протяжный стон. Женщина, сидевшая рядом, коснулась ее руки.

— Что с тобой? Ты не рада, что освободилась? — она говорила по-гречески, но Анжелика поняла ее.

— Не знаю, — сквозь рыдания прошептала она, — не знаю. О, я не знаю!

А потом началась буря.

Глава 21

Две ночи и день шторм терзал беглецов. Лишь на утро второго дня ярость волн утихла. Но барка не утонула, хотя от мачты и рулевого весла остались лишь обломки. Все пассажиры чудом остались целы. Ни один ребенок не был похищен волной из рук своей матери, ни одного матроса не смыло с верхней палубы, когда команда металась по ней, делая все, чтобы поддержать суденышко на плаву. Но теперь, промокшие и дрожащие, они не ведали, куда их занесло, и молили небо о помощи. Море было пустынным. Наконец к вечеру галера с Мальты заметила их и подобрала.

Анжелика оперлась на мраморный балкон. Красные блики заходящего солнца проникали в комнату и отражались на черных и белых плитах пола. Около нее стояла корзинка спелого винограда, присланного шевалье де Рошбрюном. Этот любезный вельможа сохранял на Мальте те же куртуазные манеры, коими был известен еще в Версале. Как глава французского ответвления Мальтийского ордена, он был счастлив предложить госпоже дю Плесси-Белльер пристанище в своей Гостинице. Подобное скромное название применяли к восьми роскошным дворцам, которые каждое из ответвлений (иначе — «языков») построило для своих соплеменников. Их число символизировало число ветвей креста, эмблемы рыцарей.

Ответвления Прованса, Оверни, Франции, Италии, Арагона, Кастилии, Германии и Англии были основаны еще до того, как в этой последней восторжествовала Реформация. И посему теперь в английской Гостинице устроили склад.

Анжелика оторвала ягоду муската и мечтательно положила в рот. Она была рада, что попала на Мальту.

После чувственности Востока здешний дух закованного в сталь приличия, подобающий оплоту христианства, успокаивал ее. Суровость и пышность парадоксально сочетались в обиходе христианских монахов.

Во французской Гостинице, обширном и благоустроенном караван-сараяе, украшенном резьбой и скульптурами, с лоджиями и венецианскими зеркалами в прихожих, она вновь обрела удобства французских столичных жилищ. Там были гобелены на стенах, ложе с колоннами и парчовым балдахином, а в смежной с альковом комнате — купальня, достойная версальского дворца. Эти покои на верхних этажах предназначались высокопоставленным гостям. Но внизу кельи с непритязательными деревянными кроватями давали приют простым рыцарям, капелланам и братьям-служителям. Иногда, проходя там, Анжелика заставляла французов, вчетвером хлебавших из одной деревянной миски монастырскую похлебку.

***

Вступая в Мальтийский орден, младшие сыновья знатных семейств отнюдь не даром давали тройной обет послушания, личной бедности и безбрачия. В нескончаемых войнах с неверными они находили удовлетворение своим воинственным наклонностям и религиозной истовости, усугубленной гордостью, право на которую давала принадлежность к знаменитому ордену, неустрашимому и внушающему страх. Прочные основы богатства ордена позволяли им заботиться только о делах воинских. Их флот был одним из славнейших в Европе. Мальтийские галеры, всегда готовые встретить врага и дать сражение, бороздили Средиземное море в непрерывном крестовом походе против исламских коммерсантов, грабя их так же, как пираты грабили христианские суда.

Измученная своими последними приключениями Анжелика стала очень чувствительна к изысканной

строгости нравов, свойственных Мальте. Нерушимый порядок царил здесь, так что, если после опасных экспедиций и пьянящих побед рыцарям и случилось увлечься чарами прекрасной томной рабыни, на острове — бастионе религиозного воздержания — соблюдалось сугубое добронравие.

Здесь не было женщин, кроме запеленутых в черные покрывала мальтийских крестьянок и рабынь, не имеющих обменной ценности. Немногие приглашенные дамы сопровождали своих любовников или, что реже, мужей во время военных кампаний английского, испанского или французского флота.

То, что случилось с Анжеликой, было почти что исключением. Вельможная дама, достойная предупредительности, подобающей ее рангу, хотя и подобранная вместе с горсткой беглецов, она тотчас поняла, что должна звонкой монетой отблагодарить орден за его услуги.

С французским экономом орденой казны она условилась, что напишет своему интенданту мэтру Молину и попросит его вручить приору парижского собора ордена крупную сумму. Но она была возмущена, когда, заинтересовавшись, что стало с «ее» греками, обнаружила их среди рабов в одном из портовых складов. Бедные санторинские рыбаки были сосчитаны по головам и предназначены для новой продажи, как добыча, отнятая у неверных. Анжелика увидела своих недавних спутников в большом зале, где на соломенных подстилках мужчины, женщины и дети всех цветов с безнадежной покорностью в глазах ждали решения своей участи. То же она видела на набережных Кандии или в трюме на корабле д'Эскренвиля. Здесь в числе прочих были Савари, Вассос Миколес и его дядья с женами и ребятишками, присоединившимися к экспедиции, и несколько беглых рабов, которых они

взяли на борт. Они скучились в одном углу и терпеливо ели оливки.

Анжелика не скрыла от сопровождавшего ее эконома орденой казны господина де Сармона, что она думает о бесчеловечности тех, кто именует себя воинами Христовыми. Монах был весьма шокирован.

— Что вы хотите сказать, мадам?

— Что вы — такие же презренные работоторговцы, как и все прочие.

— Сильно сказано!

— А это что? — и она показала на греков, турок, болгар, мавров, негров и русских, которые слонялись под резными аркадами обширного склада. — Вы думаете, что жребий этих несчастных отличается от плена в Кандии или Алжире? Сколько бы вы ни ссылались на величие вашей миссии, это пиратство!

Лицо эконома стало жестким:

— Вы ошибаетесь, сударыня, — сухо ответил он. — Мы никого не уводим в рабство.

— Не вижу различий.

— Я хочу сказать, что мы не разоряем берегов Италии, Триполитании и даже Испании или Прованса, чтобы загрузить трюмы живым товаром, как делают пираты. Мы захватываем рабов только на вражеских судах, с которыми сражаемся. Мавров, турок и негров мы используем для наших гребных команд, но одновременно освобождаем тысячи рабов-христиан, которые в противном случае были бы обречены до самой смерти гнуть спину в рабстве у неверных. Знаете ли вы, что в Тунисе, Марокко и Алжире более пятидесяти тысяч пленных, а сколько их в Турции, даже нам неизвестно...

— Я слышала, что ваш орден в Кандии, Ливорно, на Кипре и Мальте располагает тридцатью пятью тысячами рабов, если не больше!

— Вполне возможно, но мы же не заставляем их работать на нас и не используем для удовлетворения собственных греховных причуд. Они нужны нам для обмена и для извлечения средств, необходимых для поддержания нашего флота. Разве вам не известно, что в Средиземноморье рабы представляют собой единственную твердую валюту? Чтобы освободить одного христианина, приходится отдать трех-четырех мусульман.

— Но ведь эти бедные греки — христиане-ортодоксы, к тому же их подобрали после кораблекрушения. Почему вы их держите с рабами?

— А что нам с ними делать? Мы их накормили, одели, приютили. Неужели мы должны снаряжать экспедицию, чтобы перевезти их на один из греческих островов под турецким правлением?.. Если бы нашим галерам приходилось из милосердия развозить по домам всех беглых рабов Средиземноморья, не хватило бы мальтийского флота. А кто оплатит содержание кораблей и экипажа?

Анжелике пришлось признать основательность этих доводов. Она попросила, чтобы Савари, ее врач, был достойно размещен в Гостинице, и предложила оплатить выкуп и переезд его семейства, которое возьмет на борт один из мальтийских кораблей, крейсирующих у турецкого побережья.

Она принялась ждать. Требовалось некоторое время, чтобы привести в порядок свои финансовые дела. Не обошлось и без тайных волнений. Что если письмо перехватят? А вдруг разъяренный король наложил арест на ее имущество?

В любом случае она не горела нетерпением покинуть Мальту. Последний бастион крестоносцев служил ей надежным убежищем. Вокруг простиралась Ла-Валлетта с домами из покрытого патиной мрамора, изъеденного морской солью. Их стены золотились в

оправе лазурной глади и тверди небесной. Здесь кучей сгрудились колокольни, купола, вгрызшиеся в скалы замки и укрепления с торчащими из них пушечными стволами. Город спускался до великолепного порта, защищенного цепочкой островов, ощетинившихся фортами. Они походили на щупальца гигантского спрута.

«Город, построенный дворянами для дворян», — так сказал некогда сеньор де Ла Валлетт, один из великих магистров ордена, предпринявших строительство этого города в XVI веке, когда последние рыцари, изгнанные с Родоса турками, укрылись с оставшимися галерами на этой скале, затерянной между Сицилией и Тунисом. С помощью мальтийцев, весьма предприимчивых людей с бунтарским темпераментом, они превратили этот островок в неприступную крепость.

Напрасно пять лет назад константинопольский султан пытался захватить остров. Он был вынужден отступить с изрядно поредевшим флотом. Своей неудачей он был обязан не только крепостным пушкам и галерам ордена, но и конгрегации ныряльщиков. Эта необычная фаланга людей-рыб с легкими, привычными к долгому пребыванию под водой, подплывала по ночам к кораблям оттоманской эскадры и устраивала пожары и взрывы.

Да, здесь Анжелика могла себя чувствовать в безопасности. Граф де Рошбрюн сообщил ей, что Мальту защищают два отряда по семьсот человек, мальтийцев и наемников, четыреста боевых судов, триста галер, сто канониров, тысяча двести матросов, при надобности также могущих быть канонирами, столько же стрелков стражи и еще триста стражников-новобранцев.

Для Мальтийского ордена война стала повседневным делом с тех пор, как госпитальеры, странноприимные братья ордена святого Иоанна

Иерусалимского, начали нести дозоры на дорогах Палестины, приходя на помощь попавшим в беду христианам. Орден целителей, созданный для служения паломникам из Святой земли, быстро сменил тазики для омывания ног на кольчуги и тяжелые мечи. К трем их обетам присоединился четвертый: защищать Гроб Господень и Тело Христово до последней капли крови и сражаться с неверными везде, где их встретят.

Сегодня братство монахов-воинов, изгнанных из Иерусалима, с Кипра и Родоса и обосновавшихся на Мальте, волею судеб превратилось в суверенное воинственное государство, борющееся против сынов Пророка. Может быть, те галеры, что в этот вечер возвращались в порт, неся на мачтах развевающиеся красные штандарты с белым крестом, за несколько часов до того брали на abordаж судно какого-нибудь берберийского пирата. Они везли пленных мавров, которым предстоит плавать на галерах тех христиан, что ранее были освобождены орденом и вскоре, оговорив плату за свои услуги Мальте, вернутся домой, к семьям. Одна из таких военных галер подобрала пассажиров разбитой барки, среди которых была Анжелика. Когда суденышко, потерявшее мачты, было замечено, бедные жертвы кораблекрушения подняли на борт, закутали в одеяла, накормили, обогрели, дали по стаканчику вина. Чуть позже, когда силы вернулись к ней, Анжелика предстала перед капитаном. То был пятидесятилетний немецкий рыцарь, барон Вольф фон Нессельхуд, огромный светловолосый германец, с поседевшими висками, оттенявшими загорелый лоб, пересеченный тремя бледными складками. Берберийцы опасались его и считали злейшим из врагов. Поговаривали, что Меццо-Морте, адмирал Алжира, поклялся, что поймает германца и разорвет его четырьмя галерами. Помощник Нессельхуда шевалье де Рогье, тридцатилетний француз с приятным открытым

лицом, пришел в восторг, увидев спасенную из пучины соотечественницу.

Перечислив свои титулы, Анжелика поведала им о злоключениях, выпавших на ее долю. Потом, уже став гостьей маркиза де Рошбрюна, своего версальского знакомого, она узнала, что ее разыскивал герцог де Вивонн. Французская эскадра две недели стояла в Ла-Валлетте.

Известие о том, что «Ла-Рояль» потерпела кораблекрушение, повергло де Вивонна в ужас. Как королевский адмирал он был глубоко задет. А как влюбленный — он давно перестал сомневаться в том, что влюблен, — не мог утешиться, зная, что Анжелика мертва или в плену. «После сына, — думал герцог с горечью, — пришел черед матери». Он обвинял себя в том, что принес несчастье этому семейству, ведь беда настигла сына и мать при почти одинаковых обстоятельствах. Об этом говорили дурные предзнаменования, и если бы он им внял... Адмирал почти бредил, и никто не понимал его, пока он не получил послание от господина де Миллерана, пленника барона Паоло де Висконти. Тот просил быстро переслать на Корсику тысячу пиастров генуэзскому пирату за его возвращение. Он подтверждал гибель корабля, но упоминал, что маркиза дю Плесси жива и здоровствует. Отважная путешественница избежала рук похитителей и, вероятно, плывет в Кандию на суденышке некоего коммерсанта из Прованса.

Осчастливленный герцог де Вивонн позабыл обо всех горестях. Переоснастив свои галеры в порту Ла-Валлетты, он отплыл в Кандию, надеясь встретить там прекрасную маркизу как раз в то время, когда она запахивала поверх своего платья, испорченного морской водой, черный плащ Рескатора.

Какая забавная игра судьбы! На губах Анжелики появилась печальная улыбка. Де Вивонн, каторжники,

призрачное появление галерника Никола и его смерть, — все отошло куда-то вдаль. Неужто она вправду пережила все это? Жизнь текла слишком быстро. Ее плоть еще хранила следы более свежих и ужасных воспоминаний. Через неделю после ее появления на Мальте она случайно встретила во время прогулки дона Хозе де Альмада, только что приплывшего сюда вместе со своим собратом, байи де ла Маршем.

Дважды потерпевшая кораблекрушение и трижды беглянка Анжелика не могла не покраснеть, столкнувшись с человеком, видевшим ее выставленной на невольничьем рынке. Но пресыщенный комиссар ордена уже давно преодолел в себе излишнюю застенчивость. Они заговорили друг с другом, равно обрадованные встречей, словно старые друзья, которым есть что рассказать друг другу.

Суровый испанец несколько помягчел. Он был искренне рад видеть ее вновь живой, невредимой и вырвавшейся из плена.

— Надеюсь, сударыня, вы не слишком на нас в обиде за то, что мы уступили сумасшедшим претензиям перекупщиков. Никогда, право же, ни разу торги не доходили до таких высоких цифр... Это безумие. Я зашел так далеко, как только возможно.

Анжелика ответила, что осознает, какие усилия они предприняли для ее спасения, и теперь, уже освободившись, никогда не забудет их рвения.

— Да хранит вас Господь от того, чтобы снова попасть в руки Рескатора! — вздохнул байи де ла Марш. — Он обязан вам, без сомнения, самым жгучим поражением в своей жизни. Позволить ускользнуть в первую же ночь после покупки, — хотя бы и из-за пожара, — рабыне, за которую заплачено тридцать пять тысяч пиастров!.. Вы, сударыня, сыграли с ним славную шутку. Но берегитесь!

Потом он описал ей все, что произошло в Кандии за эту ночь, сравнимую с Дантовой картиной Ада.

Пожар перекинулся на старые деревянные дома турецкого квартала, запылавшие как факелы. В порту множество кораблей сгорело или было сильно повреждено. Маркиз д'Эскренвиль упал замертво, пораженный своего рода безумием, когда увидел, как «Гермес» тонет в облаках дыма и пара... А вот Рескатор, напротив, спас свой корабль. Благодаря таинственным ухищрениям ему удалось погасить пламя.

Савари с этого дня проводил все свое время то в овернской, то в кастильской Гостинице, пытаясь выведать у рыцарей, свидетелей пожара, мельчайшие подробности этого дела: как, чем и за сколько времени Рескатор укротил пламя. Дон Хозе ничего не ведал об этом. Байи слышал разговоры о какой-то арабской жидкости, которая, соприкасаясь с огнем, превращалась в газ. Всем известно, что арабы весьма сведущи в науке, именуемой химией. Спасая собственный корабль, пират, торговец серебром, помог погасить пожар в городе. Но повреждений от этого убавилось ненамного, и огонь распространялся с быстротой молнии.

— Хе-хе! Не сомневаюсь, — посмеивался Савари, и в его глазах за очками бегали искорки... — Греческий огонь!..

В конце концов его веселость пробудила в собеседниках некоторые подозрения:

— Не один ли вы из тех негодяев, что виновны в страшном бедствии? Мы потеряли там одну из галер.

Савари благоразумно ретировался.

В конце концов он поведал Анжелике о раздирающих его противоречивых желаниях. Какой путь избрать? Возвратиться ли в Париж и выпустить диссертацию о свойствах мумие, чтобы потом передать ее в Академию наук? Или пуститься на поиски

Рескатора, чтобы вытянуть у него секрет таинственной субстанции, укрощающей огонь? Или предпринять новое путешествие с весьма сомнительным исходом, чтобы заpastись новой порцией мумие в персидских землях? По правде говоря, Савари походил на неприкаянную душу с тех пор, как ему уже не нужно было перевозить и охранять драгоценную флягу.

А она сама, госпожа дю Плесси-Белльер, куда она направится теперь? Она не знала... Тайный, искуcительный голос нашептывал: «Довольно! Возвратись в родовое гнездо. Вымоли снисхождение короля. А потом...»

Но такое будущее не прельщало ее. Несмотря ни на что, глаза Анжелики вновь обращались к морю, где таилась ее последняя надежда.

***

Солнце исчезало за горизонтом. На золотистом зыбком покрывале водной глади покачивались галеры, похожие на больших ночных птиц со сложенными крыльями своих двадцати четырех весел. Мавританские и турецкие суда уходили на верфи, где их приковывали на ночь цепями, а нырятьщики, натерев тела маслом, опускались в воду, чтобы проверить надежность цепей, перегораживающих вход в порт.

Колокола многочисленных церквей звонили к вечерне. Церквей здесь было более сотни, всех размеров и родов; население, пылающее религиозным рвением, возводило их по воскресным дням, считая это богоугодным делом. Когда трижды в день все колокола начинали звонить, это походило на раскаты грома. Остров превращался в громогласное чудовище, ревущее во славу Богородицы под хлопанье крыльев встревоженных птичьих стай.

Анжелика захлопнула ставни, поспешила отойти от окна. Сейчас и в двух шагах нельзя было бы расслышать собеседника. Она присела на край кровати, чтобы

переждать этот грохот. На столбике балдахина висел плащ Рескатора... Платье с перламутром она не сохранила, морская вода совсем испортила его. Но Анжелике не хотелось расставаться с одеянием из бархата, которое однажды вечером в Кандии пират набросил ей на плечи. Может, это — своего рода трофей? Вдруг Анжелика упала на постель, зарывшись лицом в складки черного плаща.

Даже штормовой ветер, трепавший их столько часов, не выветрился запах, которым была пропитана ткань. Ей стоило лишь вдохнуть его, чтобы вспомнить тот царственный силуэт. Она вновь слышала низкий глухой голос, вновь переживала странный час праздника в Кандии, среди призрачных клубов ладана и табака, испарений горячего черного кофе и пения маленьких трехструнных арф.

А из прорезей кожаной маски за ней наблюдали горящие глаза...

Она застонала, прижимая к себе измятую ткань. Охваченная тоской, она металась, словно хотела, но не могла убежать от этого взгляда, такого загадочного и притягательного.

Колокола затихли, их удары делались все реже. Но главный колокол еще отвечал на перезвон своих младших собратьев. И тут, наконец, Анжелика услышала стук в дверь.

— Войдите! — крикнула она.

На пороге появился паж в черной сутане.

— Сударыня, прошу прощения, что нарушил ваш покой! — он надрылся, пытаясь перекричать последние удары колоколов. — Там внизу вас спрашивает какой-то араб! Он говорит, что его зовут Мохаммед Раки и что он явился с известием от вашего мужа...

Глава 22

С того мгновения, как были произнесены эти слова, Анжелика все делала словно бы бессознательно. Она встала, бледная и безмолвная, как привидение, прошла через комнату, спустилась по мраморной лестнице... Под венецианской колоннадой перистилия ее ждал человек. Он был довольно светлокож, что свойственно берберам — племени, давшему название целому краю. Узкий белый тюрбан удерживал на голове высокую красную шапочку. Одеждой он напоминал средневекового французского крестьянина: такие же штаны, остроносые башмаки без задников, блуза с капюшоном и прорезями на уровне локтя. Редкая бесцветная борода покрывала нижнюю часть его лица.

Он отвесил Анжелике глубокий поклон. Она смотрела на него, стиснув руки. От волнения ее глаза стали громадными.

— Вас зовут Мохаммед Раки?

— К вашим услугам, сударыня.

— Вы говорите по-французски?

— Я научился этому, когда был в услужении у одного французского сеньора.

— Графа Жоффрея де Пейрака?

Губы араба растянулись в улыбке. Он ответил, что не встречал человека, носящего это странное имя.

— Тогда зачем?..

Мохаммед Раки жестом успокоил ее.

— Французского сеньора, — объяснил он, — звали Джеффа эль-Халдун. — Такое имя ему дали по исламскому обычаю. Я всегда знал, что он француз и благородного происхождения, хотя он ни своего настоящего имени, ни титула не называл никому. И когда четыре года назад он послал меня в Марсель для

встречи с монахом из конгрегации святого Лазаря, чтобы поручить ему отыскать некую даму де Пейрак, я постарался забыть это имя из любви и уважения к тому, кто был мне больше другом, чем хозяином...

У нее перехватило дыхание. Ноги подкашивались. Сделав арабу знак следовать за ней, она вернулась в гостиную, где рухнула на один из многочисленных диванов. Посетитель присел перед ней со смиренным видом.

— Расскажите мне о нем, — попросила Анжелика слабым голосом.

Мохаммед Раки прикрыл глаза и начал монотонно, медленно, будто отвечая урок.

— Это высокий худой человек, похожий на испанца. Его лицо все в боевых шрамах, и порой оно внушает страх. На левой щеке два шрама сходятся. — Палец араба с красным крашеным ногтем нарисовал на щеке латинское «V». — А на виске другой шрам, у самого глаза. Аллах спас его от слепоты, так как ему уготована великая судьба. Волосы черные; они густые и длинные, как грива нубийского льва. Глаза черные, а взгляд так и пронизывает вам душу, совсем как у хищной птицы. Он ловкий и сильный; превосходно владеет саблей и умеет объезжать самых норовистых лошадей. Но больше всего его отличает огромный ум, приведший в восторг ученых Феца, города, знаменитого своими медресе...

Анжелика немного пришла в себя.

— Мой муж стал отступником? — с ужасом спросила она. И вдруг поняла, что ей это совершенно безразлично, хотя такая мысль была безбожной и святотатственной.

Мохаммед Раки отрицательно покачал головой.

— Не часто случается, — сказал он, — чтобы христианин мог безнаказанно путешествовать по Марокко, не приняв нашей веры. Но Джеффа эль-Халдун посещал Фец и Марокко не как раб, а как друг весьма

почитаемого марабута Абдель-Мешрата, с которым многие годы переписывался по поводу алхимии, которой оба они увлечены. Абдель-Мешрат запретил трогать этого христианина, повелев, чтобы ни один волос не упал с его головы. Они вместе прибыли в Судан, чтобы производить там золото. Тогда я и был взят в услужение к этому великому французу. Оба знатока сущности вещей трудились для одного из сыновей царя Тафины...

Он замолчал, сдвинув брови, словно старался вспомнить еще что-то важное.

— Повсюду за ним следовал темнокожий слуга по имени Куасси-Ба.

Анжелика закрыла лицо руками.

То, что араб упомянул имя верного Куасси-Ба, потрясло ее больше, чем точное описание внешности мужа. То, к чему она так долго шла ощупью через страдания, что уже считала миражом, представилось в ярком свете реальности. Мечта становилась явью, принимала облик живого человека, которого вскоре можно будет обнять.

— Где же он, — спросила она с мольбой, — когда придет? Почему он не с вами?

Араб улыбнулся ее нетерпению. Вот уже два года, как он не служит у Джеффы эль-Халдуна. Он, Мохаммед Раки, женился и занялся небольшой торговлей в Алжире. Но часто узнавал новости о своем бывшем хозяине. Тот много путешествовал, поселился в Боне, городе на африканском побережье, где продолжает свои многочисленные ученые труды.

— Мне ничего не остается, как самой ехать в Бон! — вскричала Анжелика, охваченная лихорадкой нетерпения.

— Конечно, сударыня. Если не помешает какая-нибудь короткая отлучка вашего мужа, вы его там сразу

найдете. Любой вам укажет его дом. Он знаменит во всей Берберии.

Она готова была упасть на колени и благодарить Бога. Но тут звук, напоминающий равномерное постукивание алебарды о мраморные плиты, заставил ее поднять глаза. Это был Савари. Он вошел, вооруженный огромным зонтом, при каждом шаге постукивая им по мозаике пола.

При виде его Мохаммед Раки встал и поклонился, выказывая радость от знакомства с уважаемым старцем, о котором он слышал от своего дяди...

— Мой муж жив! — воскликнула Анжелика голосом, прерывающимся от рыданий. — Он подтверждает это! Мой муж в Боне, и я смогу поехать к нему!

Старый аптекарь всматривался в лицо посетителя, глядя поверх очков.

— Ну-ка, ну-ка! — произнес он. — А я и не знал, что племянник Али Мехтуба берберец.

Мохаммед Раки, казалось, был удивлен и восхищен таким замечанием. Действительно, его мать, сестра Али Мехтуба, была арабкой, а отец — бербером с гор Кабилии. Сын унаследовал его внешность.

— Ну-ка, ну-ка! — повторил Савари. — Весьма необычный случай! Брак между представителями враждующих племен — величайшая редкость. Ведь берберийцы, выходцы из Европы, терпеть не могут арабов, видя в них захватчиков...

Мохаммед Раки вновь расплылся в восхищенной улыбке: уважаемый старец так хорошо знает исламский мир!

— А почему твой дядя не приехал с тобой?

— Мы плыли в Кандию, когда нам повстречался корабль. От его экипажа мы узнали, что француженка сбежала и находится на Мальте. Дядя торопился в Кандию из-за своих торговых дел, а я пересел на встречный корабль и поспешил сюда.

Сквозь густые длинные ресницы он бросил на Савари полупобедный, полуиронический взгляд.

— В Средиземноморье новости распространяются быстро, мессир. Со скоростью почтовых голубей.

Из складок одежды он медленно извлек кожаный футляр и вынул из него записку, что дрожащей рукой написала Анжелика в тюрьме в Кандии: «Помните ли вы обо мне? Я была вашей женой и всегда вас любила. Анжелика».

— Не это ли послание вы передали моему дяде Али Мехтубу?

Савари поправил очки и прочел.

— Да, действительно, это оно. Но почему оно не передано адресату?

Мохаммед Раки с огорченным видом загнусавил, что не заслужил такого недоверия. Почтенный старец разве не знает, что Бон принадлежит фанатикам испанцам? Два бедных мусульманина не могли проникнуть туда без риска для жизни...

— Но ты же явился на Мальту, — заметил Савари.

Мохаммед Раки стал терпеливо объяснять, что Мальта — не Испания. Он воспользовался редчайшим поводом попасть сюда, присоединившись к свите Ахмета Сиди, посланного для переговоров о выкупе Лай Лумы, брата царя Адена, недавно захваченного христианами.

— Наша галера прибыла час назад под мирным флагом, означающим, что мы явились для выкупа. Едва ступив на землю, я стал искать французскую даму. Пока не кончились переговоры о Лаи Луме, христиане ничего мне не сделают.

Савари согласился с ним. Было заметно, что он несколько успокоился.

— Я посчитал своим долгом проявить недоверие, — объяснил он Анжелике, как бы извиняясь за свою подозрительность. Но сомнения, по-видимому, не

оставляли его. Указав пальцем на берберийца, он спросил:

— А кто мне подтвердит, что ты Мохаммед Раки, племянник моего друга Али Мехтуба и слуга французского сеньора?

Не сумев скрыть раздражения, пришелец гневно сощурился. Но быстро овладел собой:

— Мой хозяин любил меня, — произнес он глухим голосом. — Вот знак расположения, который он мне оставил.

Из того же футляра он достал серебряное кольцо с драгоценным камнем. Анжелика тут же узнала его: «Топаз!» Оно не стоило больших денег, но Жоффрей де Пейрак очень дорожил им, так как уже много веков кольцо было семейной реликвией. Он любил повторять, что топаз приносит ему удачу. Недаром он цвета золота и пламени. Иногда он носил его на серебряной цепи поверх бархатного камзола. Анжелика взяла перстень из рук мавра и, закрыв глаза, страстно прижала его к губам. Савари молча смотрел на нее.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он наконец.

— Попробую добраться до Бона во что бы то ни стало.

Глава 23

Уговорить рыцарей Мальтийского ордена взять на борт одной из галер молодую французскую маркизу, дабы доставить ее в Бон, оказалось чрезвычайно трудно. Она убеждала графа де Рошбрюна и байи военного округа де ла Марша, шевалье де Рогье и даже Хозе де Альмада. Но каждый из них старался отговорить ее от подобного безумства. Для христианки, твердили они, высадка в Берберии связана с огромной опасностью.

Берберией называлась вся Северная Африка: Триполитания, Тунис, Алжир и Марокко. Фанатики и пираты, гораздо менее культурные, чем турки, чей протекторат они переносили с трудом, берберийцы были самыми яростными противниками рыцарей Мальтийского ордена. Положение женщины там рабское, ей предназначаются самые грязные работы или ее ждет судьба одалиски, запертой в гареме. Только еврейки ходят свободно и с открытым лицом. Однако и они остерегаются покидать пределы меллаха — еврейского квартала.

— Но ведь я отправляюсь в Бон, — настаивала она, — на католическую территорию.

Ей наперебой растолковывали, что это еще хуже. На этих участках африканского побережья, в которые, подобно клещу, впивались испанцы, неумоимо досаждающие берберийскому льву, было все, но в основном царил нищета. Что она, французская придворная дама, будет там делать среди скопища мелких торговцев, жалких посредственностей и всякого сброда, под охраной гарнизона андалузцев, таких же мрачных и суеверных, как мавры, которых они пытаются достать стрелами и пулями из-за крепостных стен? Что

она найдет на этом обойденном судьбой клочке земли, лишенном души, сердца и человеческого лица? Неужели она хочет снова подвергнуться бесчисленным опасностям, которых с Божьей помощью избежала?..

В конце концов Анжелика обратилась к самому Великому магистру ордена, князю Никола Котонеру, высокородному выходцу из Англии, благочестивому «брату милостью Господа нашего странноприимного дома воинствующего ордена святого Иоанна Иерусалимского, хранителю Гроба Господня и смиренному покровителю бедных», как он именовал себя в официальных бумагах. В Риме на собраниях капитула этот князь занимал первое место (одесную от папы). Он обладал также привилегией со своими рыцарями охранять конклав, а при выходах папы посланник Мальты шел впереди в полном облачении, при оружии, неся красный с белым крестом штандарт — тот, что развевается над галерами христиан.

Красавец старик в седом парике и с властным взглядом произвел на Анжелику большое впечатление. Она говорила с ним вполне откровенно, рассказав о своей горестной и романтической любви. Десять лет она оплакивала своего горячо любимого супруга и теперь, узнав, где он находится, сможет наконец увидеть его. Дозволено ли ей просить Его высокопреосвященство о разрешении отправиться к берегам Берберии на борту одной из галер, идущих в том направлении, и о том, чтобы галера зашла в Бон высадить ее?

Великий магистр выслушал Анжелику со вниманием. По временам он вставал, подходил к окну, подносил к глазу подзорную трубу, следя за движением кораблей на рейде.

Одет он был на французский манер, только поверх камзола через плечо носил ленту ордена с вышитыми золотом сценами страстей Господних.

Он долго молчал, обдумывая услышанное. Потом вздохнул: слишком многое в рассказе казалось ему не правдоподобным. В особенности то, что ее муж, ученый христианин и вельможа, нашел прибежище в столь жалком городишке.

— Вы говорите, что он прежде беспрепятственно путешествовал по берберийским землям?

— Так мне рассказывали.

— Следовательно, он стал ренегатом, живущим по законам ислама, и теперь у него гарем из пятидесяти женщин. Воссоединившись с ним, вы подвергнете великим опасностям вашу душу, а возможно, и жизнь.

Сердце Анжелики тревожно сжалось, но внешне она оставалась спокойной.

— Я не знаю, кто он теперь. Возможно, бедняк или отступник, — ответила она. — Знаю лишь одно: он мой супруг перед Богом, и я хочу его отыскать.

Суровые черты Великого магистра смягчились:

— Счастлив мужчина, внушивший вам такую любовь!

И все же он еще колебался:

— Ах, дитя мое, ваши молодость и красота беспокоят меня. Слишком много бедствий и искушений подстерегает вас на Средиземном море, некогда омывавшем христианские земли, а ныне попавшем во власть ислама. Нас, рыцарей Иерусалима, печалит слабость нашего воинства. Ведь нам предстоит отвоевать у неверных не только Святые места, но и Константинополь — древнюю Византию. Разве мы вправе забыть, что там встарь царствовала великая Церковь, колыбель христианства, расцветшего под куполами Святой Софии, ныне превращенной в мечеть?

Он помрачнел, погрузившись в свои мистические видения.

Анжелика вдруг резко бросила:

— Я знаю, почему вы не хотите отпустить меня! Вы еще не получили моего выкупа.

Старого прелата, видимо, позабавила эта дерзость.

— Я был бы рад иметь этот предлог, чтобы помешать вам совершить безумный поступок. Но именно сегодня я получил подтверждение от нашего банкира в Ливорно, что деньги переданы вашим управляющим главному настоятелю нашего монастыря в Париже.

Его глаза язвительно блеснули.

— Так и быть, сударыня. Я признаю, что человеческое существо, получив свободу, вольно ее утратить по своему желанию. Галера под командованием барона фон Нессельхуда через неделю должна выйти в море. Я разрешаю вам отправиться на ней.

Заметив, как просияло лицо Анжелики, он отнюдь не растрогался, а, сдвинув седые брови и указуя на нее перстом с аметистовым перстнем прелата, прокричал:

— Вы еще вспомните, о чем я вас предупреждал! Берберийцы — жестокие фанатики, несговорчивые и похотливые. Даже турецкие паши их боятся, ибо эти разбойники дошли уже до того, что упрекают турок в недостаточно ревностном соблюдении законов Пророка. Если ваш муж сумел снискать их дружбу, значит, он стал таким же. Для вашего спасения лучше было бы остаться на земле, осененной крестом, сударыня!

Заметив, что Анжелика не поддается на уговоры, он добавил мягче:

— Преклоните колена, дитя мое, и позвольте мне благословить вас.

Глава 24

Галера уходила в открытое море, оставляя за кормой Мальту в кольце крепостных стен цвета янтаря. Вместо звона колоколов теперь слышались удары волн и глухой скрип весел.

Барон фон Нессельхуд мерил палубу уверенными шагами старого морского волка.

В нижней каюте два французских торговца кораллами беседовали со степенным голландским банкиром и молоденьким испанским студентом, ехавшим к отцу — офицеру гарнизона в Боне. Все они, вкуче с Анжеликой и Савари, составляли немногочисленную группу мирных пассажиров военной галеры. Естественно, разговор вертелся вокруг весьма возможной во время короткого плавания встречи с берберийскими пиратами, дерзость которых росла день ото дня и становилась все опасней.

Обоим торговцам кораллами, имевшим большой опыт путешествий в Африку, видимо, нравилось выставлять себя пессимистами, пугая своих спутников, впервые пустившихся в плавание по Средиземному морю.

— Когда решаешься идти морем, то в одном случае из двух рискуешь оказаться нагишом на площади большого рынка в Алжире.

— Нагишом? — переспросил голландский банкир, чье несовершенное знание французского языка мешало улавливать смысл некоторых слов.

— В костюме Адама, сударь. Именно так нас будут продавать, если возьмут в плен. Будут смотреть зубы, щупать мускулы, заставят пробежаться, чтобы определить вашу стоимость.

Пузатенький банкир не мог представить себя в этой роли:

— Ну, этого не случится! Мальтийские рыцари непобедимы. Говорят, что наш капитан, этот германец, барон фон Нессельхуд — настоящий воин. Одно его имя заставит отступить самых смелых корсаров.

— Гм-гм! Никогда не знаешь... Да и корсары ужасно обнаглели. В прошлом месяце две алжирские галеры дрейфовали неподалеку от замка Иф и захватили лодку с полусотней жителей, среди которых было много благородных дам — паломниц к Божьей матери-утешительнице.

— Можно представить себе, какое паломничество они совершат у берберийцев! — вставил его собеседник, бросив игривый взгляд на Анжелику.

Обычно болтливый Савари не принимал участия в разговоре. Он считал кости. Не свои, конечно, а те, что осторожно извлекал из огромного мешка, стоящего перед ним. Появление на борту Савари дало повод для еще одного трагикомического инцидента. Бортовой колокол уже всюду звонил к отплытию, когда старик появился с огромным мешком. Суровый барон фон Нессельхуд двинулся ему навстречу: он следил, чтобы не было никакого лишнего груза.

— Лишний груз? — возмутился Савари. — Но взгляните, мессир рыцарь!

Старый аптекарь подобно фокуснику сделал несколько пируэтов, держа мешок двумя пальцами на вытянутой руке.

— Он не весит и двух фунтов.

— А что же в нем? — удивился фон Нессельхуд.

— Слон.

Насладившись эффектом своей шутки, Савари подтвердил: речь идет об «ископаемом хоботоносном» или, говоря проще, о карликовом слоне, редчайшем,

древнем как мир животном. До сих пор оно считалось существом мифическим, вроде единорога.

— Моя смелая теория, — разглагольствовал Савари, — берет начало в одном из сочинений Ксенофонта. Я у него вычитал, что, если «хоботоносное» существовало, его следует искать в недрах островов Мальта и Гозо, когда-то составлявших одно целое с Европейским материком. И вот я обнаружил его! Эта находка безусловно откроет передо мной двери Академии наук, если Господь продлит мои дни.

Галера фон Нессельхуда была больше и просторней королевской. В ней даже была устроена каюта, где пассажиры могли отдохнуть на деревянных скамьях.

Анжелика чувствовала себя почти больной от нетерпения и — почему бы не сознаться в этом? — от беспокойства.

Сомнения томили ее. Если бы она собственными глазами не видела топаз, то едва ли доверилась бы Мохаммеду Раки. Его взгляд показался ей фальшивым. Напрасно старалась она получить от него другие свидетельства, узнать еще какие-нибудь подробности. Араб с удивленной улыбкой разводил руками: «Я все сказал».

Вспомнились горячие пророчества Дегре. Как-то встретит ее Жоффрей де Пейрак после стольких лет? Минувшие годы не прошли бесследно ни для их тел, ни для сердец. У каждого были свои борения, свои поиски, свои любовные увлечения. Трудно вновь свидеться!.. В ее белокурых волосах уже появилась седая прядь... Правда, она еще молода и, пожалуй, красивее, чем в пору их супружества. В те годы черты ее лица еще не определились и не так ярко выражали жизнь души, тело не достигло полного расцвета и походка отличалась от теперешней царственной поступи, что порой внушает робость окружающим. Все эти превращения свершились вдали от Жоффрея де

Пейрака и не под его влиянием. Судьба переделала и сформировала ее, когда она осталась одна. А он? Что случилось с человеком, которого она так любила? Что, если он раздавлен бременем унижений и невзгод, бесчисленных утрат, быть может, нищеты?

— Я боюсь... — шептала она.

Ей было страшно, что счастливый миг встречи может быть навсегда испорчен, загублен. Вот и Дегре предупреждал ее об этом... До сих пор мысль о возможном перерождении Жоффрея де Пейрака никогда не посещала ее. Подступившее сомнение взволновало ее. Как наивный ребенок, она повторяла себе, что хочет снова увидеть «его», свою любовь, своего возлюбленного, а не «другого», неизвестного мужчину в неизвестном краю. Ей хотелось услышать его дивный голос. Но Мохаммед Раки ничего не говорил об этом знаменитом голосе. А поют ли в Берберии? Под этим палящим солнцем? Среди этих темнокожих людей, привыкших рубить головы так же легко, как косят траву? Единственная песнь, что может раздаваться там — это призыв муэдзинов на верхушках минаретов. Всякое выражение радости признается святотатством. О Боже, что с ним случилось?..

Тщетно она пыталась возродить в памяти прошедшее, представить себе лангедокского графа под аркадами его родового замка. Его образ ускользал. Ей захотелось спать. Сон развеет земные завесы, что скрывают от нее любимого. Она чувствовала себя такой измученной! Голос нашептывает ей: «Вы устали... У меня вы уснете... Среди роз... окна открыты на морской простор...»

***

Она проснулась с отчаянным криком. Савари тормозил ее:

— Мадам дю Плесси, проснитесь! Вы всю галеру перебудите.

Анжелика села на своем ложе и оперлась спиной о переборку. Была ночь. Глухие ритмичные вскрики гребцов смолкли — галера шла под малыми парусами. Длинные, в двадцать туазов весла были сложены вдоль бортов. В этой необычной тишине громко раздавались шаги рыцаря — барона фон Нессельхуда. Главный сигнальный фонарь светил слабо: капитан хотел незаметно пройти опасный пролив между Сицилией и Мальтой справа и берегами Туниса слева. Там могли прятаться в засаде корабли пиратов. Анжелика жалобно вздохнула.

— Меня во сне преследует какой-то колдун, — прошептала она.

— Если бы только во сне!.. — сказал Савари.

Она вздрогнула и попыталась разглядеть в темноте выражение его лица.

— Что вы хотите этим сказать? О чем вы думаете, мэтр Савари?

— Я думаю, что отважный пират, подобный Рескатору, не позволит вам сбежать, не постаравшись завладеть своим достоянием.

— Я не принадлежу ему! — гневно запротестовала Анжелика.

— Он выложил за вас цену хорошего корабля.

— Мой муж отныне будет защищать меня, — ответила она без особой уверенности.

Савари промолчал. Храп голландского банкира заполнил тишину каюты, потом стих.

— Мэтр Савари, — прошептала Анжелика, — вы полагаете, что... это могла быть ловушка?.. Я сразу заметила ваше недоверие к Мохаммеду Раки. Но разве он не дал неопровержимых доказательств своей миссии?

— Почему же, дал.

— Он, безусловно, виделся со своим дядей Али Мехтубом, раз у него оказалось мое письмо. И о моем

муже он знал то, что я одна могла знать, хотя и вспомнила с трудом... Следовательно, он видел его. Если только... Ох, Савари! Неужели вы думаете, что я могла стать жертвой каких-то чар? Что меня одурманили на расстоянии, поманили призраком того, чего я больше всего в мире желаю, — и завлекли в капкан? Савари, я боюсь!..

Старый аптекарь покачал головой.

— Такие вещи бывают, но я не думаю, что это именно тот случай. Тут другое. Ловушка, возможно, но магия здесь ни при чем. Мохаммед Раки что-то скрывает от нас... Но давайте сначала достигнем цели, а там увидим.

Он помешал ложечкой в оловянной кружке.

— Примите-ка это лекарство. Вам станет лучше.

— Опять мумие?

— Вы же знаете, что у меня его больше нет, — грустно сказал Савари. — Я использовал все, чтобы пожар в Кандии пылал жарче.

— Савари, почему вы решили сопровождать меня, если не одобряете моей поездки?

— Разве я мог вас покинуть? — промолвил старик в раздумье, как будто пытался решить трудную задачу. — Нет, полагаю, что не мог. Итак, я поеду в Алжир.

— Вы хотите сказать — в Бон?

— Это одно и то же.

— Но христиане там подвергаются меньшей опасности, чем в Алжире.

— Кто знает? — ответил Савари, покачивая головой, словно предсказатель, прозревающий суть вещей, сокрытую пеленой обманчивой видимости.

К утру ветер спал, и судно двигалось медленнее, так как шло только на веслах. Мальтийская галера повстречала в этот день множество кораблей, в том числе целый караван голландских торговых судов. Голландцы шли бойко, благодаря мощным парусам. Их

охраняли два военных фрегата, имеющие на борту от пятидесяти до шестидесяти пушек каждый, — так обычно пускались в плавание по Средиземному морю торговцы-англичане, португальцы и прочие европейцы, успешно противопоставлявшие дерзости корсаров мощь своих военных флотов.

Попутный ветер задул около полудня. Подняли два паруса. Вдали показался гористый остров. Шевалье де Рогье указал на него Анжелике:

— Это Пантеллария. Она принадлежит герцогу Тосканскому.

Они могли бы сделать там остановку, но военное судно не должно ничем выдавать свои намерения во избежание засады неверных. Лучше не вступать ни в какие контакты, даже с друзьями, до того как будет достигнута намеченная цель: Бон.

Ветер надувал паруса. — Если так будет продолжаться, мы будем в Боне послезавтра, — заметил шевалье.

Перед мальтийским кораблем простиралось теперь лишь голубое море, покрытое легкими белыми барашками.

Вечером разразился скандал. Чья-то преступная рука продырявила резервуар с питьевой водой. Среди помощников кока был молодой испанец; защищаясь от плети надсмотрщика, он стал размахивать ножом, а иметь при себе ножи матросам запрещалось, если того не требовала служба... По обычаю всех флотов мира юнга должен был подвергнуться варварскому наказанию: его за руку пригвоздили к грот-мачте тем самым ножом и оставили стоять несколько часов. Продолжительность пытки зависела от тяжести проступка.

Шевалье де Рогье пришел известить Анжелику о неожиданной помехе.

— Глупый случай, но он нас задержит. Теперь придется идти в Пантелларию, чтобы запастись пресной водой. Вот вам лишнее доказательство тому, насколько надо быть осторожным в Средиземном море! Здесь лучше воздерживаться от благодеяний. По молодости лет этого парня избавили от весел, разрешили ему свободно передвигаться по кораблю. А он взял да и всадил бурав в резервуар с питьевой водой.

— Зачем он это сделал? — спросила встревоженная Анжелика.

Шевалье недоуменно пожал плечами. Галера резко изменила курс и вместо вест-норд-вест пошла на зюйд-вест, что было хорошо видно по заходящему солнцу. Пассажиры получили порцию доброго вина из имевшихся запасов, но экипаж и рабы роптали, так как варить пищу было не на чем.

Нестерпимо знойный день закончился, но Анжелике не спалось. Около полуночи она вышла на палубу подышать свежим воздухом. Стояла непроницаемая темнота, не было даже того бледного фонаря, что горел предыдущей ночью. Лишь слабое мерцание далеких звезд освещало судно, шедшее с приспущенными парусами. Работала лишь одна команда гребцов — две другие отдыхали. Слышалось дыхание галерников, спящих в глубине своего зловонного трюма, но разглядеть ничего нельзя было. Анжелика сделала несколько шагов по палубе. Она предполагала, что оба офицера находятся на носу, и хотела поговорить с ними. Ее остановили странные звуки. Приглушенный, прерывающийся в бреду голос слабо бормотал по-арабски молитву, в которой часто повторялось слово «Аллах».

Анжелика скорее угадала, чем разглядела во мраке силуэт юного преступника, пригвожденного ножом к грот-мачте. Видимо, он ужасно страдал не только от проколотов руки, но и от жажды. У нее больше не было

вина, но оставался кусок арбуза, и она пошла за ним. Когда она вернулась и хотела приблизиться к грот-мачте, вооруженный часовой преградил ей путь.

— Пропустите меня, — сказала она. — Вы моряки, вы воины. Я не сужу ваших поступков. Но я женщина, и у меня есть сын почти его возраста.

Дозорный уступил. Почти оцупью она сумела втолкнуть кусочки арбуза в воспаленный рот молодого испанца. Его волосы курчавились, как у Флоримона. Проколотую руку свело, она была вся в потеках засохшей крови.

Сердце Анжелики дрогнуло. «Сейчас попрошу барона фон Нессельхуда прекратить наказание. Это уж слишком!» — подумала она.

Вдруг все осветилось красно-рыжим огнем. Разгорясь, он становился многоцветным.

— Ракета!

Юнга тоже увидел ее.

— Аллах мобарех!^[6] — воскликнул он.

Всеобщая суматоха сменила сонную тишину. Вооруженные братья-мальтийцы и моряки забегали, окликая друг друга. Зажглось несколько мутноватых фонарей. Анжелика разбудила Савари. Эта сцена напомнила ей начало сражения с кораблем Рескатора.

— Савари, вы не думаете, что мы снова встретимся с этим пиратом?

— Сударыня, вы спрашиваете меня, как будто я военный стратег, обладающий к тому же волшебным даром находиться одновременно на мальтийской галере и на палубе ее противника. Такой сигнал, разумеется, может исходить от бывшего вашего владельца Рескатора. Но столь же возможна засада алжирцев, тунисцев или марокканцев.

— А по-моему, сигнал был с нашего корабля.

— Значит, на борту есть предатель.

Не будя других пассажиров, они поднялись наверх.

Галера шла зигзагами, явно стараясь ввести в заблуждение своего незримого противника. Анжелика услышала голоса шевадье де Рогье и немца. Они возвращались с носовой части корабля.

— Брат, настала ли пора надеть наши алые накидки?

— Еще не время, брат мой.

— Вы дали приказ разыскать предателя, пустившего ракету? — спросила она.

— Да, но безуспешно. Впрочем, в любом случае возмездие придется отложить. Взгляните туда.

Впереди виднелись какие-то огоньки.

«Берег или остров», — подумала она.

Но казалось, что берег меняет свои очертания. Огни мигали и приближались, сначала прямой линией, затем полукругом.

— Тревога! — громовым голосом прокричал барон фон Нессельхуд. И спокойно прибавил:

— Мы попали в засаду. Там целый флот.

Каждый занял свой пост. Начали возводить «арамбаду» — шестифутовое сооружение, предназначенное для атаки кораблей с более высокими бортами.

Анжелика насчитала около тридцати огней на воде.

— Берберийцы! — произнесла она вполголоса.

Проходивший мимо шевадье де Рогье услышал ее.

— Да, но успокойтесь. Это лишь флотилия мелких лодчонок. Они не осмелятся напасть, если только у них нет подкрепления из крупных судов. И однако это, без сомнения, ловушка. Но для нас ли она замышлялась? Хотя сигнальная ракета указывает, что, видимо, для нас. В любом случае мы не станем тратить боеприпасы на мелкие стычки, тем более, что легко их избежать. Вы же слышали: капитан не считает нужным надевать нашу боевую форму — красные накидки рыцарей

Мальты. Мы облачаемся в них только для сражения, чтобы наши люди не теряли нас из виду в бою. Барон фон Нессельхуд — воин, каких немного, это истинный морской лев. Но ему нужно по крайней мере три вражеские галеры, чтобы посчитать дичь достойной внимания и бросить в бой своих людей и свой корабль.

Несмотря на уверения молодого человека, будто мусульманские лодки не представляют для них угрозы, Анжелика понимала, что те имеют немалые преимущества перед тяжелой перегруженной галерой. Тем временем корабль поднял все паруса. Три команды гребцов взялись за весла. Развернувшись, галера устремилась в сторону вражеских «лодчонок», еще не успевших сомкнуться в кольцо.

Вскоре огни неприятельской флотилии остались за кормой, затем исчезли, а немного погодя впереди возник гористый остров. При свете фонаря офицеры сверялись с картой:

— Это остров Кам, — сказал барон. — Проход в бухту очень узкий, но с Божьей помощью постараемся его проскочить. Это нам позволит запастись пресной водой и скрыться от галер Бизерты или Туниса. А они, очевидно, не замедлят присоединиться к встреченной нами флотилии. Несколько жалких рыбаков не помешают нам встать на якорь — здесь нет ни укреплений, ни ружей.

Заметив в нескольких шагах от себя неподвижную, молчаливую Анжелику, барон фон Нессельхуд добавил ворчливо:

— Не думайте, сударыня, что рыцари Мальты имеют привычку всегда избегать сражений. Но я считаю своим долгом прежде всего доставить вас в Бон, коль скоро Великий магистр просил меня об этом. Мы повстречаемся с нашим противником на обратном пути.

Она поблагодарила его, но тревожное чувство не исчезло. Галера меж тем шла с приспущенными

парусами; барон встал позади рулевого, чтобы взять управление в свои руки.

Черные тени скал легли на воду, скрыв проблески ночного света. Анжелику не покидали мрачные предчувствия. Их не развеяли ни удачное бегство от преследователей, ни возможность восстановить запасы воды, почти чудом найденная благодаря опыту старого монаха-моряка.

Хотя она знала, что в Средиземноморье никогда нельзя достичь цели прямым путем, малейшая задержка оборачивалась мукой. Порой ей казалось, что она не выдержит ожидания. Да и соображения Савари побуждали предполагать худшее. Она напряженно всматривалась в черный обрывистый берег, боясь увидеть новую предательскую ракету. Но ничего дурного не произошло. Открылось светлое ночное небо, и галера вошла в спокойные воды, отражающие мерцание звезд. В глубине бухточки виднелась маленькая отмель. Несколько саманных лачуг на фоне пальм и олив свидетельствовали о том, что здесь есть пресная вода.

Небо начинало светлеть. Анжелика осталась на палубе.

«Я не посмею заснуть, пока не окажусь в Боне», — думала она.

Из вящей осторожности галера остановилась у входа в бухту, чтобы с рассветом войти в нее. Барон фон Нессельхуд осматривал окрестности, открывающиеся взору по мере того, как испарялся утренний туман. Его голубые глаза изучающе вглядывались в заросли кустарника и скалы. Сейчас он походил на большого раненого пса, чье звериное чутье не упустит и самой ничтожной малости, если она подозрительна. Это поднятое лицо, шевелящиеся, словно что-то вынюхивающие ноздри...

Его неподвижность завораживала. Анжелика была готова поклясться, что запах врага он ощутит прежде, чем увидит его. Его губы вытянулись вперед, глаза превратились в узкие щелчки... Пошевелится ли он, наконец, бросит ли ей несколько ободряющих слов? Он повернулся к Анри де Рогье, и оба быстро вошли в рубку. Мгновение — и они появились вновь одетыми в красные супервесты.

— Что происходит? — вскричала Анжелика.

И без того светлые глаза германца побелели от ярости.

Он выхватил шпагу, и древний клич ордена сорвался с его губ:

— Сарацины! Братья мои, к оружию!

В тот же миг на них обрушился залп митральез, опустошая палубу и ломая таран.

Встало солнце. Теперь были видны шесть орудий, скрытые в кустарнике одно над другим, с жерлами, направленными на галеру. Среди пушечного грохота Нессельхуд отдал команду развернуться и выйти в открытое море. В бухте корабль был бы изрешечен и пущен ко дну с грудой трупов на борту, даже не имея возможности дать бой.

Пока производился маневр, солдаты вытаскивали на палубу малые бомбарды. Другие вооружались как могли, но, ничем не защищенные, падали под вражеским огнем: верхняя палуба была уже завалена убитыми и ранеными. С нижней палубы гребцов раздавались крики, там двумя ядрами разнесло целую скамью.

Одна из корабельных бомбард, неторопливо взяв на прицел вражескую пушку, выстрелила. С вершины скалы свалился в воду негр. Затем один из канониров сумел попасть в обслугу пушки, расположенной в глубине бухты.

— Осталось четыре! — прорычал шевадье де Рогье.
— Обезоружим их! Когда им станет нечем стрелять, мы возьмем верх.

Но ближние вершины покрылись тучей смуглых голов в белых тюрбанах и красных фесках. Эхо разнесло их ужасающие вопли.

— Бребре, мена перрос!^[7] А выход из бухты заплонили подошедшие лодки и маленькие фелюги, те самые, что ночью заманили мальтийскую галеру в уготованную для нее западню.

При первых же выстрелах Савари втащил Анжелику в каюту, но она пожелала остаться в дверях и, как замороженная, следила за этим беспорядочным и неравным сражением. Мусульман было в пять или шесть раз больше, а превосходство мальтийской артиллерии, кроме нескольких удачных залпов, ничему не служило, так как двадцать четыре бортовых орудия, предназначенные для морских боев, не могли быть наведены на высокий берег. Мушкетные выстрелы при всей поразительной меткости хоть и косили мусульманских предводителей и командиров в остроконечных шлемах, но были бессильны расстроить наступление.

Число пиратов росло, в победном иступлении целые массы их кидались в воду, стараясь вплавь достигнуть галеры, не дожидаясь лодок. Некоторые барки уже проникли в бухту, и с них тоже прыгали в воду сонмы пловцов с горящими смоляными факелами, укрепленными на тюрбанах.

Лучшие стрелки Мальты взяли их на мушку — и вода окрасилась кровью. Но чем больше пловцов шло ко дну, тем многочисленней становился их рой. Вскоре, несмотря на мушкеты и бомбарды, галера была окружена тучей лодок, на плаву или перевернутых, на которые яростно карабкалась, завывая, растущая на

глазах человеческая масса. Нападающие бешено потрясали факелами, ножами, саблями и мушкетами.

Мальтийская галера походила на большую раненую чайку, осажденную полчищами муравьев. Мавры лезли на abordаж с криками:

— Ва, Аллах! Аллах!

— Да здравствует истинная вера! — отвечивал рыцарь фон Нессельхуд, пронзая шпагой первого же полуголого араба, ступившего на палубу. Но все новые и новые мусульмане взбирались на корабль. Оба рыцаря в окружении нескольких братьев-воинов отступили к грот-мачте, с которой, как бесформенная масса, свисало тело молодого мавра. Повсюду шла рукопашная схватка. Казалось, никто из наступающих не думал о грабеже, а лишь об истреблении всех, кто встречался на пути.

Анжелика в ужасе смотрела на одного из торговцев кораллами, схваченного двумя молодыми маврами. Уже скрутив его, они все старались придушить или хоть укусить свою жертву, словно сбесившиеся псы. Лишь на площадке у грот-мачты царил боевой порядок: оба рыцаря сражались, как львы. Перед каждым образовался проход, по обе стороны которого громоздились трупы. Чтобы приблизиться к ним, надо было бы растащить эти горы мертвецов. Даже самые отчаянные из атакующих начали отступать перед этим неистовым сопротивлением, но тут меткий выстрел свалил барона. Рогье хотел его подхватить, но удар кривого ножа отсек ему пальцы.

Торговец кораллами, как-то вырвавшись из рук осатаневших молодых арабов, ввалился вместе с Анжеликой в каюту, где уже были его компаньоны, а также Савари, голландский банкир и сын испанского офицера.

— На этот раз все кончено, — сказал он. — Рыцари пали. Мы попадем в плен. Пора выбросить наши бумаги

в море и переодеться, чтобы обмануть наших новых хозяев. Вас это особенно касается, молодой человек, — сказал он, обращаясь к испанцу. — Молите Богородицу, чтобы они не заподозрили в вас сына офицера гарнизона в Боне. Иначе они вас будут держать заложником, и в первый же раз, когда на испанских укреплениях убьют какого-нибудь мавра, они пошлют вашему отцу в подарок вашу голову.

Пока он говорил, все эти господа, не стесняясь присутствия дамы, начали поспешно раздеваться, свернули свои вещи вместе с документами и выкинули через иллюминатор в море. Затем они поспешно облачились в бесформенные лохмотья, извлеченные из сундука.

— Но у нас нет ни одного женского платья, — растерянно пробормотал один из торговцев.

— Мадам, эти грабители сразу же догадаются по вашему виду, что вы из высшего общества. Одному Богу известно, сколько они потребуют за ваш выкуп!

— Мне ничего не надо, — заявил Савари. Он единственный из всех не утратил невозмутимости и ждал спокойно, с зонтиком под мышкой. Единственной его заботой было тщательнее завязать тесемки на мешке с костями — своей палеонтологической находке. — «Они» всегда начинают с того, что хотят меня выбросить в море — настолько ничтожной им кажется добыча, — прибавил он философически.

— А что мне делать с моими часами, золотом и деньгами? — спросил голландский банкир.

— Действуйте, как мы. Проглотите все, что можете, — посоветовал один из торговцев.

Его компаньон уже заглатывал, не без усилий и гримас, содержимое кошелька, отправляя в рот пистоль за пистолем. Поддавшись общему настроению, проглотил свои кольца и студент. Рассудительный

банкир с возмущенным видом созерцал эту эпидемию пожирания ценностей.

— Я предпочитаю отправить за борт и их.

— Совершенно напрасно. Если бросите в море, вы их никогда не отыщете. А так снова сможете получить обратно.

— Каким образом?

Собеседники не успели пуститься в объяснения: на верхних ступеньках лестницы появился огромный пират с угольно-черным лицом. В ушах его висела пара отвратительно покачивающихся костяных колец. Он держал наготове широкую кривую саблю. Банкир зажал золото в руке, что сделало его переодевание бессмысленным.

Глава 25

После неистовых криков внезапно наступила тишина, нарушаемая лишь стонами раненых.

Пассажиров вытолкнули на верхнюю палубу. В бухту входили четыре алжирские галеры под зелеными стягами, все с низкой посадкой и пушками по бортам. На корме первой из них стоял раис-баши, командующий маленькой флотилией. На нем были плащ из тонкой белой шерсти и остроконечный шлем, напоминающий головные уборы сарацинов, с которыми сражались крестоносцы. Он поднялся на борт мальтийской галеры в сопровождении своих офицеров: старшего помощника, писца, начальника артиллерии, в обязанности которого входил осмотр повреждений, нанесенных кораблю, и, наконец, казначея, отвечающего за учет награбленного.

На лице раис-баши застыло выражение досады: его раздражало, что эти тупоумные фанатики-нападающие так сильно попортили прекрасную галеру. Высказав несколько горьких мыслей по этому поводу, он приказал приступить к тщательному осмотру захваченных ценностей.

Галерники-алжирцы были отпущены на свободу, остальные переведены на алжирские галеры. Мальтийскую команду заковали в цепи. Мимо Анжелики провели окровавленного Анри де Рогье со скованными цепью руками. Три гиганта пронесли рыцаря фон Нессельхуда, также в цепях, несмотря на ужасающие кровоточащие раны.

Пленных пассажиров погнали к раису Али-Хаджи. Их постные физиономии не обманули его. Он внимательно осмотрел их руки, проверяя, насколько внешний вид пленников соответствует их истинным занятиям.

Естественно, что нежные ладони банкира мало напоминали руки портного, которым он себя объявил. К тому же его золотые, украшенные алмазами часы, с предосторожностями передаваемые друг другу членами пиратского штаба, говорили о размерах его будущего выкупа. К его отказу назвать свое имя и национальность отнеслись снисходительно. Он их назовет потом, когда будут приняты соответствующие меры.

Торговцы с самым искренним видом называли себя «искателями удачи». Это должно было означать, что у них ничего нет за душой. Наружность Савари вызвала разочарование и бурное веселье. Его ощупали, рассмотрели потрепанную одежду. Содержимое мешка, который он бережно прижимал к груди, вызвало удивление, смешанное с суеверным страхом. Какой-то шутник заметил, что мешок и его обладатель могли бы пригодиться отощавшим собакам города Алжира. Савари не представлял интереса и, видимо, был забракован.

Зато Анжелика вызвала алчный интерес. Темные глаза алжирских офицеров изучали ее с любопытством, близким к почтительности и даже восхищению. Они обменялись короткими фразами, и Али-Хаджи дал ей знак приблизиться.

Для тех, кто рискует путешествовать по Средиземноморью, берберский плен был настолько вероятен, что Анжелика заранее обдумала план действий. Решение было принято: она не станет хитрить. Она воспользуется своим огромным состоянием и положением супруги, разыскивающей мужа, и во что бы то ни стало добьется освобождения. Ведь алжирцы — она знала это — отнюдь не простые грабители, что нападают, жгут, насилуют ради одного удовлетворения. Морской разбой для них — не что иное, как промысел, организованный по твердым правилам.

Трофеи делят, и все, начиная от куска паруса и кончая капитаном захваченного судна, учитывается, находит выражение в звонкой монете. Что до женщин, в особенности белокожих европейек — добычи редкой и имеющей высокую цену, — то обычно жажда наживы побеждает похоть.

Итак, Анжелика объявила свое столько лет скрываемое имя. Она — жена богатого французского вельможи Жоффрея де Пейрака, который ждет ее в Боне и, конечно, будет посредником в деле ее выкупа. Он послал к ней гонца, человека одной с ними веры — Мохаммеда Раки, находящегося среди пленных. Он может это засвидетельствовать.

Толмач перевел. Раис-баши велел привести попавших в плен мусульман. Анжелика ждала в тревоге, не зная, жив ли Мохаммед Раки, не ранен ли во время сражения. Но тот явился невредимый, и, когда она указала на него, был отдан приказ поместить его отдельно. Затем настал черед пленных христиан. Их погрузили на одну из алжирских галер. Там они теснились на корме, где были свалены раненые из команды мальтийцев.

Оба рыцаря сидели, прислонясь спинами к бортовому ограждению, неузнаваемые под черной коркой запекшейся крови. Солнце стояло в зените, и палящий зной причинял им жестокие страдания.

Анжелика подозвала негра из охраны и заявила, что умирает от жажды. Страж через своего товарища передал просьбу Али-Хаджи, и тот немедленно распорядился принести ей кувшин с пресной водой. Не заботясь о последствиях своего поступка, Анжелика встала на колени перед бароном фон Нессельхудом, напоила раненого и осторожно омыла его лицо, исполосованное ножом. Затем утолил жажду шевалье де Рогье.

Раис-баши не вмешивался. Раб-христианин, принесший кувшин, склонившись, произнес вполголоса:

— Господа, если вам что-нибудь потребуется, я постараюсь помочь. Мое имя Жан Диллуа, я француз из Тулузы. Я уже десять лет в рабстве в Алжире. Мне доверяют. Я вам вот что скажу: алжирский адмирал Меццо-Морте знал, что вы направляетесь в Бон. Это он устроил вам ловушку.

— Он не мог этого знать, — ответил высокородный германец, с трудом шевеля потрескавшимися губами.

— Он это знал, мессир рыцарь. Ваши люди вас предали.

Удар саблей плашмя по спине заставил его замолчать, и он ретировался, унося кувшин.

— Нас предали. Помните об этом, брат мой, когда вернетесь на Мальту, — прошептал фон Нессельхуд. Он поднял глаза к ярко-синему небу и прибавил с твердостью:

— А я никогда не увижу Мальты.

— Не говорите так, брат! — запротестовал Анри де Рогье. — Многим рыцарям довелось бороздить океан прикованными к галерам неверных и дожидаться освобождения от своих мучителей. Такова наша воинская доля.

— У Меццо-Морте ко мне особый счет. Он поклялся меня четвертовать. Разорвать на части четыремя галерами.

Выражение ужаса промелькнуло на лице молодого рыцаря. Закованная рука барона фон Нессельхуда легла на его руку.

— Помните, брат мой, в чем вы клялись, давая обет перед святым знаменем Мальты. Окончить свои дни где-нибудь в провинциальном гарнизоне, мирном прибежище уставших воинов — удел совсем не рыцарский. Лучше погибнуть со шпагой в руке на

палубе корабля. Но воистину достойна рыцаря лишь мученическая смерть!..

Маленькая флотилия вышла из залива в открытое море, покинув кровавые воды бухты. Настоящая гроза морей, алжирская галера создана, чтобы скользить по зеленым волнам, как лис по долине. Она приземиста и так узка, что, ступив на ее палубу, никто не смел пошевелиться, боясь нарушить равновесие и сбить скорость. Только надсмотрщики — негры и мавры — бегали по проходу между гребцами, обрушивая удары хлыста на спины каторжан-христиан.

Поменялся лишь цвет кожи у обитателей нижней палубы и надсмотрщиков, но море было то же, и полное превратностей странствие Анжелики продолжалось... Раис Али-Хаджи часто взглядывал на нее. Она догадывалась, что он говорит с помощником о ней, но не понимала ни слова.

Савари умудрился пробраться к ней.

— Я не так уж уверена, что Мохаммед Раки подтвердит мои слова, — сказала она ему. — А что подумает мой муж? В состоянии ли он уплатить выкуп? Придет ли мне на помощь? Я еду к нему, но ничего о нем не знаю. Если он долго жил в Берберии, он лучше других сможет столкнуться с нашими похитителями. Правильно ли я поступила, представившись его женой?

— Вы не ошиблись. Положение слишком запутанное, чтобы во имя щепетильности запутывать его еще больше. Вам на руку, если этим делом займутся исламские законники, блюстители заветов шариата. Коран запрещает верующим посягать на женщину, чей муж жив: грех прелюбодеяния весьма сурово осуждается. Но в то же время я слышал, как раис-баши, когда ему вас показали, спросил: «Это она?» — и услышал в ответ: «Да, она». — «Стало быть, мы выполнили свою миссию. Меццо-Морте и Осман Ферраджи будут довольны».

— А что это означает, Савари?
Старик пожал плечами.

***

Несмотря на ветер, солнце жгло вовсю. Анжелика сидела в неудобной позе на досках палубы и пыталась защитить лицо от палящих лучей. Какой кошмар этот плен! И подумать только, что Бон совсем близко!.. Помимо всего прочего, Анжелику ужасала несправедливость судьбы. Ее муж, которого она так долго оплакивала, почти рядом, а злой рок вновь разлучает их! Все это походило на бесполезную, изнуряющую погоню во сне.

Ночью алжирские галеры прошли морем мимо Бона. Анжелика не спала, считая звезды, и догадалась, что это он. Снова вернулись томительные мысли о глупом, страшном невезении. Быть так близко и не встретиться!

Впрочем, ее надежды стали понемногу возрождаться. Еще не все потеряно, их встреча просто откладывается на какое-то время. В Алжире флотом командует ренегат — итальянец, адмирал Меццо-Морте. Он, говорят, обладает огромным влиянием. Она сможет объясниться с ним, а там и муж поспешит ей на помощь. Конечно же, он освободит ее! Мохаммед Раки утверждал, что в здешних краях он всеми уважаем и, наверное, богат...

Она уснула, и ей казалось, будто сквозь сон она слышит шаги мужа по плитам пустынного длинного коридора. Она ждала, но шаги не приближались. Напрасно она ловила их звук. Он удалялся, становясь все тише, пока не смешался с шумом моря.

**ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ВЕРХОВНЫЙ ЕВНУХ**

Глава 1

Алжир белостенный просыпался. Восходящее солнце вызолотило две старые испанские башни — последние следы нашествия иберийцев, которым потом, в XVI веке, пришлось уступить эти земли туркам. Стали видны верхушки минаретов, зеленые или нежно-серые. Сали Хасан, паша Высокой Порты, снова почувствовал, как не нравятся ему четырехугольные костлявые силуэты алжирских минаретов... Они напоминают самих алжирцев, угловатых, всегда готовых бунтовать, а еще больше — этих ренегатов-раисов, привносящих в столь ценимую жителями Востока праздность европейскую тягу к решительному действию, страстность и жар северян. Будь прокляты калабриец Эндж'Али, венецианец Али Бикин, Увер-фламандец и Солиман из Ла-Рошели! Да поглотит преисподняя датчан Симона Данза и Эрика Янсена, англичан Сансона и Эдварда и худшего из всех — Меццо-Морте, тоже из Калабрии, итальянца! Кто, как не эти ренегаты, сделал из томных мусульман хищных и яростных морских волков? Они даже янычар заразили болезнью стяжания. Сам Сали Хасан, алжирский паша, еще в прошлом году чуть не был растерзан собственными воинами, когда призывал их удовольствоваться получаемой платой. Пришлось уступить и позволить попытать удачи — поплавать на пиратских судах...

Сали Хасан-паша, посланник Великого турецкого Дивана в варварском Алжире, утешал себя мыслью, что именно нечестивцы сделали из Алжира богатое пиратское гнездо. К тому же не ему ли принадлежит восьмая часть добычи? Свой пашалык^[8] он приобрел благодаря богатым подаркам. Ему надлежит вернуть истраченное и умножить свое добро за три отпущенных

года. Если его не убьют и не похитят, он вернется к томной роскоши Константинополя. Пусть и дальше Меццо-Морте вооружает и вдохновляет на подвиги раисов, войска и моряков. Лишь благодаря им процветает город, в коем нет ни ремесла, ни торговли. Если морская добыча иссякнет, население буквально вымрет с голоду. Сам паша без морских доходов не сможет платить янычарам. И тогда — бунт, гибель наместника и его советников, свержение власти Великого Дивана. От пиратства здесь зависят спокойствие и сама жизнь тысяч душ — от беднейшего феллаха до правителя. А значит, надо грабить и грабить. Предвещает ли день грядущий прибытие новых судов с добычей?

Сали Хасан-паша облизнул губы, вспомнив о большом неаполитанском галионе, который Меццо-Морте пригнал на прошлой неделе. Пшеница, десять тысяч пар шелковых чулок, двадцать ящиков золотой канители, десять тысяч штук парчи, семьдесят шесть пушек и сто тридцать пленных, из коих многие — люди с положением, сулящим богатый выкуп. Конечно, подобная благодать — не на каждый день. Но ведь и помечтать о таком — не велик грех. Вот в чем прелесть подобных предприятий: удача, счастливое число, выпавшее игроку в кости.

***

Тьма отступала, и вслед за минаретами заблестели под солнцем крыши домов. На крышах белели силуэты женщин, которых жара выгнала из душных комнат. Раньше они глядели на гаснувшие звезды, теперь — с любопытством вслушивались в городской ропот и шум прибоя, лай тощих собак и гомон потасовок, доносившийся из невольничьей тюрьмы для рабов-христиан. Но вот наступает день, и бдительные евнухи торопят своих подопечных назад, в тенистую глубь богатых домов, за узорные решетки гаремов.

Обиталища зажиточных счастливцев сгрудились у моря в западной части города. Это Морской квартал, гнездо всевластной корпорации раисов «Таиффа», и паша, посланник Константинополя, не без тревоги поглядывал в их сторону с холма, на котором располагалась его резиденция.

В Морском квартале жили адмирал Алжира и раисы-судовладельцы, еще выходявшие в море или ушедшие на покой, скопив немалые состояния. Рядом обосновались их вассалы — моряки и весь тот люд, что кормится морем: канатные мастера, корабельные плотники, смолокуры, продавцы галет и соленой рыбы, а чуть в стороне — работорговцы и перекупщики награбленного, еврей-менялы, сидевшие по-турецки перед низенькими столами со столбиками золотых и серебряных монет всех стран мира.

***

Солнце поднималось все выше, и его лучи проникли в узкие отдушины невольничьей тюрьмы, принадлежащей паше. Свет его просочился также в тюрьму Али-Рами, равно как и в ту, чьим владельцем был Корлурли, в тюрьму у казарм янычаров, принадлежащую Бейлику, и в ту, что стояла за мечетью и была собственностью Али Арабаджи. Всюду просыпались невольники, лежащие на тростниковых подстилках или необструганных досках. Во сне они видели серое небо Англии или Нормандии, красную испанскую землю или оливковые рощи Италии. А открыв глаза, вперялись в холодные голые стены узилища. Французы называли эти тюрьмы «банями», ибо поначалу невольников запирали в банях, отдаленных от основного жилища хозяев. Затем, когда стало тесно, владельцы живого товара начали строить особые помещения для пленных, однако прежнее название осталось.

Невзрачная снаружи, в остальном такая тюрьма походила на любой дом в Алжире: обнесенный стеной внутренний дворик опоясан деревянной галереей, поддерживающей жилые помещения, нависающие над двориком и дающие тень. Решетками в них выгораживают отдельные комнаты на пятнадцать — двадцать человек. Никакой обстановки, за исключением циновок и лежанок, сделанных самими заключенными, и нескольких глиняных горшков и плошек для хранения воды и приготовления пищи. Владелец мало печется о пропитании заключенных, тем отведено два часа на то, чтобы добыть какую-нибудь еду.

Баши, стражник, гонит рабов на работу. Этот весьма полезный хозяину слугитель — обычно ренегат, вероотступник, владеющий всеми мыслимыми языками. На такие места много охотников: они доходны и малообременительны, тем паче, что у баши — несколько помощников. В его обязанности входит поддерживать в обиталище рабов некоторый порядок, следить, чтобы комнаты и галереи еженедельно белили известью и чтобы все пленники возвращались до наступления комендантского часа. Он же при направлении пленных на галеры распределяет их по корабельным командам и указывает каждому его место на судне. При этом он тщательно обследует своих подопечных, дабы убедиться, что ни один из них перед отправкой на борт не заразился какой-нибудь хворью. Затем под его присмотром обреченного моют с головы до ног и обривают. Каждому вручается пять локтей полотна на рубаху и шаровары: это единственный случай, когда хозяин снисходит до забот об одежде пленников.

Кого только ни встретишь на алжирской каторге! Легкий юркий итальянец влачит рабское ярмо бок о бок с жестоким и грубым московитом. Чванный и

мстительный испанец презирает англичанина, подпавшего под власть меланхолии.

Одно горе породило католиков, лютеран, кальвинистов и пуритан, схизматиков и николаитов — все ответвления древа христианства. Одна цепь сковала герцога и лакея, воина и купца. Шерстяные береты и просмоленные штаны соседствуют с сутанами и монашескими клобуками, с вышитыми широкополыми шляпами и полосатыми куртками из Италии или Албании.

Свет дня залил город. У ворот Баб-Азум выступает из тени высокая стена с вделанными в нее громадными крюками, острием кверху. Это стена смерти, здесь производится излюбленный в городе род казни. Сброшенная со стены жертва повисает на крючьях, пронзающих ее где попало. Вот и этим утром на стене корчатся два тела; из подмышек и живота торчат железные жала. Третьи сутки они бьются в агонии под раскаленным солнцем, и над ними кружат крикливые чайки, уже выклевавшие им глаза.

Глава 2

Когда галеры приблизились к порту, вдруг наступила тишина. Слышался лишь затихающий шелест воды под форштевнем. Анжелика приподняла отяжелевшую голову и увидела барона фон Нессельхуда, вглядывающегося вдаль.

— Алжир, — прошептал он.

Внезапно до их слуха долетели городские шумы, тысячеголосый рокот толпы. Два мола, оканчивающиеся башнями, обрамляли город, показавшийся пленнице мертвенно-бледным.

Головная галера подошла к порту, волоча за кормой по волнам знамя ордена святого Иоанна Иерусалимского. На мачте развевался шитый золотом флаг раиса Али-Хаджи, а ниже его на ветру полоскались бесчисленные флажки. Были там еще развернутый красный стяг с белой фигуркой и зеленый с полумесяцем. На первой галере выстрелила пушка, и ей откликнулись пушки алжирских фортов. Толпа на набережной испустила ликующий вопль.

На берег стали высаживать пленных. Первыми вынесли двух мальтийских рыцарей в их красных боевых куртках. Затем на набережной оказались моряки и солдаты и, наконец, пассажиры. Анжелику отделили от прочих вооруженные янычары. Скованных по двое пленников команда победителей, шумно веселясь, погнала по деревянным мосткам Морского квартала к жилищу паши, каковому их следовало представить, чтобы он выбрал себе причитающуюся часть.

Толпа теснилась вокруг. В ней было множество белых призрачных фигур с желтыми лицами и страшными глазами. Встречались и бледные лица

христиан, бородатых, одетых в лохмотья и вопивших на всех языках. Перекрикивая резкий тревожный визг толпы, они выкликали свои имена, надеясь найти земляков среди новоприбывших и что-либо узнать о своих семьях.

— Я Жан Парагуз, из Коллиура! Кто-нибудь знает о моих?

— Я Робер Тутен, из Сета...

Турки-янычары с набрякшими веками, в тюрбанах с плюмажами, размахивали кнутами, сплетенными из бычьих жил. Удары сыпались направо и налево. Между тем африканское солнце покрыло небо над Алжиром золотистым шелковым пологом.

Анжелику привели на невольничий рынок и сразу определили в беленную известью закрытую полутемную комнату над галереей. Она свернулась в клубок в уголке и стала прислушиваться к звукам, доносившимся снаружи. Вскоре приподнялся занавес, и перед ней предстала старая мусульманка с темно-желтым лицом, морщинистым, как ягоды мушмулы.

— Меня зовут Фатима, — произнесла она с милой улыбкой, — но пленницы зовут меня Мирей из Прованса.

Она принесла две медовые лепешки, подкисленную и слегка подслащенную воду и квадратную кружевную накидку, предохраняющую лицо от загара. Последняя предосторожность несколько запоздала: Анжелика чувствовала себя буквально прожаренной на солнце. Обгоревший лоб сильно жгло. Страстно хотелось вымыться. Ее платье было измято и вымазано палубной смолой, а от водяной пыли на нем проступила соль.

— Я поведу тебя в баню после того, как проведут других рабов, — сказала женщина. — Надо подождать немного, нельзя выходить до молитвы.

Она говорила на франко — особом наречии рабов, состоящем из смеси испанских, итальянских, французских, турецких и арабских слов. Но постепенно

обрывки полузабытых французских фраз возвращались, оживали в ее памяти. Она рассказала, что родилась под Эксан-Провансом. Шестнадцати лет поступила в услужение к почтенной марсельской матроне и, сопровождая свою хозяйку в Неаполь к мужу, попала в руки берберийцев. Маленькая некрасивая служаночка была продана бедному мусульманину, а ее хозяйка попала в гарем одного из властителей.

Теперь, постарев и овдовев, Мирей-Фатима зарабатывала на пропитание, за несколько пиастров ухаживая на невольничьем рынке за новоприбывшими пленницами. Работоторговцы пользовались ее услугами, заботясь о том, чтобы их товар выглядел попривлекательнее. Она мыла, причесывала, успокаивала и кормила несчастных, изнемогавших от тягот пути и страха неизвестности.

— Я горжусь, что мне приказали ходить за тобой! Ты ведь та самая француженка, за которую пират Рескатор выложил тридцать пять тысяч пиастров, а потом ты убежала. Меццо-Морте поклялся, что поймает тебя раньше, чем его соперник успеет наложить на тебя руку.

Анжелика в ужасе уставилась на нее.

— Это невозможно, — пролепетала она. — Разве Меццо-Морте знает, где я?

— О, он все знает! У него шпионы повсюду. Вместе с Османом Ферраджи, Верховным евнухом марокканского султана, они снарядили экспедицию, чтобы тебя поймать.

— Но почему?

— Потому что ты слывешь самой красивой белой пленницей Средиземноморья.

— Ах, как бы мне хотелось стать уродиной, — ломая руки, вскричала Анжелика, — увечной, противной, невзрачной...

— Ну да, как я, — мягко заметила старая уроженка Прованса. — Когда меня взяли в плен, при мне были только мои восемнадцать и большая грудь. Да я еще немного прихрамывала. Тот, кто меня купил, был добрым ремесленником, горшечником. Он пробедствовал всю жизнь, так и не скопив денег на вторую наложницу. Я гнула спину, как ишак, но не жалею. Мы, христианки, не любим делить мужчину ни с кем.

Анжелика провела рукой по горящему лбу.

— Не понимаю. Как они могли заманить нас в ловушку?

— Я слыхала, что Меццо-Морте подослал к тебе на Мальту своего любимого советника Омара-Аббаса, и тот уговорил тебя отправиться туда, где они поджидали...

Анжелика тряхнула головой: прозрение устрашало ее.

— Нет, нет... Я никого не принимала... Только бывший слуга, Мохаммед Раки...

— Так это и был Омар-Аббас.

— Нет, это невозможно!

— Человек, пришедший к тебе, был бербером с маленькой бесцветной бородкой?..

Анжелика была не в силах произнести ни слова.

— ...Послушай, — продолжала старуха, — мне пришла в голову одна мысль. Только что я видела Омара-Аббаса во внутреннем дворе рынка. Он беседовал с уликом Сали Хасана. Пойду посмотрю, там ли он, и тогда укажу его тебе.

Она вскоре вернулась с большой накидкой в руках.

— Закутайся в нее. Спрячь лицо. Оставь только глаза.

Она провела ее по крытой галерее, обрамлявшей верхние постройки. Оттуда они заглянули на квадратный двор невольничьего рынка.

Торги уже начались. Новых рабов раздели догола. Их сбившиеся в кучу бледные волосатые тела европейцев резко выделялись на фоне широких белых плащей, оранжевых, бледно-розовых или цвета нильской воды кафтанов, кремовых тюрбанов с плотно впаянными в них лицами мавров, похожими на бронзовые медали, просторных, тыквообразных муслиновых чалм, возвышавшихся над пряничными лицами турок. С правой стороны на роскошных подушках восседали бывшие корсары, мавры и белые — вероотступники, нажившиеся во времена прошлых походов и теперь наслаждающиеся благами своих имений, постоянно пополняемых новыми пленницами гаремов и загородных резиденций, где сотни рабов ухаживали за олеандрами и сажали оливковые и апельсиновые деревья.

В окружении негритят с опахалами на длинных тонких рукоятках сидел один из фаворитов паши, улик, его поверенный в делах. Он, богатые купцы и офицеры «Таиффы» были подлинными хозяевами невольничьего рынка.

— Посмотри, — произнесла старуха Мирей, — вон там, рядом с уликом; тот, который говорит.

Анжелика нагнулась и узнала Мохаммеда Раки.

— Это он.

— Ну да, это он, Омар-Аббас, советник Меццо-Морте.

— Не может быть, — шептала в отчаянии Анжелика.

— Ведь он мне показал топаз и письмо...

Весь день она пыталась понять, как это все могло случиться. Ведь не советовал ей Савари доверяться посланцу-берберу! А где Савари? Почему она не догадалась поискать его среди жалкой толпы выставленных на продажу пленников? Она только помнила, что нигде не было видно обоих мальтийских рыцарей.

Постепенно шум невольничьего рынка стих. Покупатели разошлись по домам, уводя купленных рабов. Быть может, уже в эту минуту голландский банкир впрягался в колодезную норию во дворе какого-нибудь феллаха?..

Тьма опускалась на Алжир белостенный. В молчании исламской ночи лишь один островок казался раскаленным углем и полнился гомоном и криками. Фатима-Мирей, лежавшая на циновке около дивана, на котором Анжелика пыталась забыться сном, подняла голову и сказала:

— Это «Каторжная таверна».

Чтобы убаюкать пленницу, она пустилась в повествование об этом притоне, единственном в Алжире, где вино и водка лились рекой. Рабы приносят туда то, что смогли наскрести, оторвав от скудного пайка. Больные и раненые плетутся туда же за помощью и лечением. А под утро, когда масляные светильники начинают дымиться и потрескивать, там можно услышать самые прекрасные истории, какие случаются под луной. Датчане и моряки из Гамбурга рассказывают о ловле гренландских китов и о том, как в Исландии восходит солнце после шести месяцев ночи; голландцы повествуют об Ост-Индии, Японии и Китае; испанцы грезят о прелестях Мексики и перуанских кладах, а французы описывают Новую Землю, Канаду и Виргинию. Ведь почти все невольники — люди моря.

Глава 3

На следующий день Анжелику вновь привели к причальному молу. Ее там ожидал раис-баши Али-Хаджи в окружении сонма мальчиков в простых набедренных повязках из желтого шелка, завязанных узлом, из которого торчал нож. На голове у каждого был того же цвета тюрбан. Большинство из них были маврами или неграми, некоторые смуглой кожей были обязаны только солнцу, а у одного на лице цвета печеного хлеба блестели голубые глаза северянина.

Они разглядывали пленницу с презрением, яростью или холодной ненавистью. Ей почудилось, что ее окружают львята, или, вернее, молодые свирепые тигры. Рядом с ними арабский корсар казался любезным и симпатичным.

У мола покачивался каик. Десять скованных галерников, белокурых и рыжих, явно русских, сидели на веслах под взглядом надсмотрщика с большой плетью и бесстрастно ждали, скрестив могучие мускулистые руки. Один из мальчиков, перевернувшись в воздухе, прыгнул на корму и встал у руля. Анжелика спустилась в каик под дерзкими взглядами детей с ножами у пояса, облепивших борта, словно бакланы.

Куда они направлялись? Явно не к пристани. Каик плыл в сторону открытого моря, затем обогнул мол и на всех веслах полетел прочь от города к высокому гористому мысу. Оттуда слышались глухие выстрелы мушкетов, которым вторили гнусавые хлопки пистолетов.

— Куда мы плывем? — спросила она.

Никто не ответил. Один из юношей плюнул в ее сторону, не попав, и нагло усмехнулся, когда раис с гневом окоротил его. Эти негодяи, казалось, не

страшились ни Бога, ни черта. На воде вспыхнули брызги от ружейных пуль. Анжелика нервно окинула взглядом всех, кто был рядом. Раис-баши не дрогнул, а заметив тревожный вопрос в глазах пленницы, сладчайше улыбнулся и быстрым взмахом руки как бы пригласил ее насладиться изысканным зрелищем.

За отрогом мыса показалась двухмачтовая фелука, на борту которой стояли вооруженные саблями и ружьями бородатые христиане, а к ней плыл рой молодых пловцов в желтых тюрбанах, которые бросались в воду с отдаленных барок, пытаясь взять судно штурмом. Они подныривали под корабль, отыскивая незащищенные места, карабкались на борт, как обезьяны, резали канаты, нападали на своих противников, увертываясь от ударов саблями (христиане били плашмя), и с голыми руками бросались врукопашную.

Человек в коротком плаще и таком же желтом, как у нападавших, тюрбане, сидел на полуюте меж двух крикливо разряженных пажей и внимательно следил за потешным боем, коим, видимо, сам и руководил. Временами он хватал рупор и изрыгал поток ругательств на арабском, франко и итальянском. Вся эта брань предназначалась неловким юнцам, отправленным противниками за борт, или тем, кто, обессилев от ран или усталости, мешкал ввязываться в схватку.

При виде битвы львята из эскорта раис-баши пришли в неистовство от нетерпения принять участие в деле. Они плюхнулись, как лягушки, в воду и поплыли к фелуке.

Отвлеченные зрелищем гребцы замешкались было, но удар хлыста призвал их к порядку. Каик устремился вперед и через несколько мгновений уже пристал к корме судна.

— Я — Меццо-Морте собственной персоной, — произнес человек с рупором. По-французски он говорил с сильным итальянским акцентом. При виде Анжелики он выпятил грудь под джеллабой красного бархата — широким плащом, в котором он походил на средневекового буржуа (его бабуши, туфли без задников и каблуков, роскошно украшенные золотыми и серебряными бляшками, лишь дополняли сходство). Меццо-Морте был довольно приземист, и ни многочисленные украшения, покрывавшие его толстые руки, ни бриллианты, блестевшие на тюрбане, не могли скрыть следов его низкого происхождения. Пусть он добился власти и богатства, но, обряженный в одеяние принца из «Тысячи и одной ночи», он остался все тем же бедным и грубым, голодным и алчным калабрийским рыбаком, каким был в юности.

Однако в его черных, невероятно пронзительных глазах тлел огонек едкой иронии. В память о Калабрии он сохранил в ухе маленькое золотое кольцо, что носил еще рыбаком. Анжелика вовремя вспомнила, что перед ней верховный адмирал Алжира, повелитель «Таиффы», предводитель самой опасной из корсарских флотилий Средиземноморья. Он мог диктовать приказы паше. Весь город повиновался ему.

Она чуть присела в реверансе, что, казалось, преисполнило довольством столь значительное лицо. Он окинул ее взглядом, полным глубокого удовлетворения, а затем, обратившись к Али-Хаджи, заговорил быстро и многословно. По мимике и нескольким понятным ей арабским словам Анжелика догадалась, что он поздравляет раис-баши с прекрасно выполненным поручением. Ее бросило в жар от прищуренных глаз адмирала, оценивающих ее подобно тому, как работорговец приценивается к очередной покупке.

— Адмирал, — обратилась она к нему, наградив его тем титулом, какой признавал за ним весь христианский мир, — не соблаговолите ли вы просветить меня относительно моей дальнейшей судьбы? Примите во внимание, что я не пыталась обмануть ваших людей, скрывшись под вымышленным именем, и не утаила, что располагаю большим состоянием во Франции. Я пустилась в путешествие на поиски мужа, который находится в Боне и может служить посредником для получения выкупа.

Меццо-Морте слушал ее, утвердительно кивая. Глаза его все больше и больше походили на щелки, и она с удивлением увидела, что его душит беззвучный смех.

— Все так, мадам, — произнес он, переведя дух. — Я счастлив, что нам не придется отправляться никуда далее Бона в переговорах о вашем освобождении. Но уверены ли вы в том, что предлагаете?

Анжелика с живостью заверила, что не обманывает, да и нет ей никаких в том резонов. Если кто-то сомневается, то можно справиться у мусульманина Мохаммеда Раки, который был с ней на мальтийской галере. Это гонец, посланный ее мужем из Бона.

— Знаю, знаю, — пробормотал Меццо-Морте, и огонек жестокой иронии в его глазах разгорелся, став почти зловещим.

— Вы знаете моего мужа? — воскликнула Анжелика. — На Востоке его зовут Джеффа-эль-Халдун.

Вероотступник затряс головой в знак то ли согласия, то ли отрицания. Затем он вновь разразился смехом. Ему вторили оба пажа, купавшиеся в облаках тончайшего зелено-фисташкового и клубничного шелка. Он отдал им короткий приказ, и они принесли ларчик с рахат-лукумом: Меццо-Морте набил им рот и с непроницаемым видом, жуя, принялся наблюдать за все еще продолжавшейся баталией. Странная эта привычка

роднила корсара с его постоянным противником, адмиралом французского флота герцогом де Вивонном.

— Адмирал, — взмолилась обнадуженная женщина, — заклинаю, скажите мне правду! Вы знаете моего мужа?

Черные глаза Меццо-Морте впились в нее.

— Нет, — жестко отрезал он. — И не вам говорить со мной в таком тоне. Прошу не забывать: вы пленница. Мы нашли вас на мальтийской галере, а Мальта — худший, злейший из врагов ислама. Галера плыла под командой барона фон Нессельхуда, этот барон пустил ко дну тысячу пятьдесят барок, тридцать одну галеру, одиннадцать больших судов, утопил одиннадцать тысяч человек команды, освободил пятнадцать тысяч пленных!

Несмотря на сильный акцент, по-французски он говорил велеречиво и бегло. Анжелика с трудом могла уследить за ходом его мысли. Она с живостью возразила адмиралу: на Мальте она оказалась лишь потому, что орден подобрал ее после кораблекрушения барки, шедшей из Кандии.

— Вы явились из Кандии? Что вы там делали?

— Почти то же, что и здесь. Меня полонил пират-христианин, я была продана в рабство. Но мне удалось вырваться, — и она с вызовом взглянула на него.

— Значит, это вас Рескатор приобрел за немыслимые деньги, стоимость двух галер? И вы убежали в тот же вечер?

— Действительно, это была я.

Внезапно Меццо-Морте разразился гомерическим хохотом. Он подпрыгивал и похлопывал себя по ляжкам, а оба эфеба с визгом закружились в танце вокруг него. Немного успокоившись, пират спросил, как ей удалось ускользнуть от Мага Средиземноморья.

— Я подожгла порт, — скромно ответила Анжелика, лишь чуточку приукрасив то, что произошло на самом

деле.

— Так это вы виновница того пожара?

Глаза Меццо-Морте поблескивали от с трудом сдерживаемого восторга. Он переспросил, верно ли, что Рескатор «увел» ее у константинопольского султана и Мальтийского ордена, доведших цену до 25 000 пиастров.

— А почему вы не вкусили наслаждений пиратского мага? Не доказал ли он, что утопит вас в роскоши?

— Я не гонюсь за богатством, — холодно ответила Анжелика. — Я пустилась в плаванье не за тем, чтобы играть одалиску перед христианскими и мусульманскими пиратами. Я ищу мужа, которого потеряла шесть лет назад и долго почитала убитым.

Меццо-Морте снова стал корчиться от хохота, и Анжелику охватило бешенство. Этот человек сошел с ума? Или это она потеряла рассудок? Меж тем пират не унимался, у него даже выступили слезы на глазах. По временам его буйство стихало, но тут, видимо, на ум приходила какая-то особенно комическая подробность, и он вновь заходил в корчах.

— Та самая, — заикаясь, шептал он, — слышишь, Али-Хаджи, та самая!..

Раис-араб смеялся тоже, но чуть сдержаннее.

Анжелика терпеливо повторила сказанное ранее, дабы вернуть собеседников к доводам здравого смысла: у нее есть деньги, она в силах вытребовать их из Франции для выкупа. Меццо-Морте сможет с избытком возместить расходы по экспедиции, заманившей ее в западню у островов...

Смех итальянца резко оборвался, и он вкрадчиво спросил:

— Итак, вы считаете, что то была ловушка?

Она кивнула. Меццо-Морте поднял палец и произнес, что за всю свою долгую жизнь морского

разбойника впервые видит женщину, способную здраво рассуждать в плену, несмотря на перенесенный испуг.

— Да, Али-Хаджи, это та самая. Это та француженка, что свела с ума недотепу д'Эскренвиля, который, сдается, ничего от нее не добился. Это за нее Рескатор заплатил такую цену, какую никогда не давали за рабыню, — и тотчас все потерял, потому что она, — ха-ха, — подожгла порт!

Он въедливо оглядел пленницу с головы до ног, прицениваясь к ее фигурке в мятом потрепанном наряде, покрасневшему от солнца лицу, плохо причесанным и растрепанным ветром волосам. Она твердо выдержала его взгляд. Меццо-Морте был мужланом, но вместе с безошибочным моряцким чутьем получил от неба в дар умение разбираться в чужих душах, что помогало получить большую власть над людьми. Жалкий вид Анжелики не обманул его. Глаза калабрийского бандита вспыхнули, как черный агат, и белоснежные зубы обнажились в жесткой сардонической усмешке.

— Теперь я понимаю, — произнес он вполголоса. — Да, Али-Хаджи, это та самая женщина, что писала письмо, та, которую «он» купил в Кандии. Это слишком прекрасно, на такое и нельзя было надеяться! Теперь, Рескатор, берегись! Ты у меня в руках. Теперь ему придавая поусмирить норов, покорчиться на медленном огне. Я нашел слабину в его доспехах, ту же, что у всех подобных безумцев, — женщину! Ах, как он нас подавлял! Как развлекался тем, что расстраивал наш невольничий торг! Ах, он уже мнил себя хозяином всего света со своей бездонной мощной! Если бы не он, я был бы уже верховным адмиралом султана. Но это он помешал излиться на меня милостям Великого Благодетеля. Он проникал всюду — от Марокко до Константинополя, сорил деньгами, покупал союзников. Но теперь он у меня в руках. Ему придется убраться из

этих мест, ты слышишь меня, Али-Хаджи?! Он покинет Средиземноморье и никогда не вернется сюда! — Словно в экстазе, Меццо-Морте простер руки. — И тогда победителем стану я. Я одержу победу и над этим злейшим из врагов...

— Сдается мне, у вас порядочно злейших врагов, — не сумев скрыть иронии, заметила Анжелика. Едкий тон ее слов разом остудил неистовый пыл вероотступника.

— Да, их действительно много, — ледяным тоном парировал он. — И вы вскоре увидите, как я с ними обхожусь. Черт возьми, я начинаю понимать, как вы едва не лишили рассудка беднягу д'Эскренвиля, у которого и так голова не в порядке. Усаживайтесь, прошу вас. — И он указал ей на обитый бархатом тюфяк. Анжелика не села, а почти что плюхнулась на него. В глазах помутилось. Адмирал Алжира присел на корточки около нее и протянул ларец с рахат-лукумом. Она была так слаба и истощена, что с благодарностью приняла лакомство, в состав которого входили морские водоросли, хотя в Кандии оно вызывало у нее отвращение. Она протянула руку, но тотчас отдернула, ощутив сильную боль. На руке сочились кровью четыре длинные ссадины. Красные ногти одного из адмиральских красавчиков оставили на руке глубокий след.

Это происшествие вернуло Меццо-Морте благодушное расположение духа.

— Ах, ах, мои овечки, — сально хохотнул он. — Вы, сударыня, пробудили в них ревность. Они не приучены видеть своего повелителя на коленях перед женщиной. К тому же эти сладости обычно предназначаются им самим. И верно, для меня это непривычно. Никаких женщин — вот принцип, делающий непобедимыми предводителей воинов и сановных евнухов. От женщин — беспорядок, слабость, мешанина в мыслях, потеря головы и, наконец, они — причина величайших

глупостей, на какие идет обычно мужчина, способный в ином расположении духа добиться могущества. Однако участь евнухов, по мне, слишком уж безотраднa. У меня — иные склонности.

Он еще немного посмеялся, поглаживая курчавую голову своего фаворита-негра, покрашенного до самых глаз. Другой, тоже весь размалеванный красавчик был белым с черными глазами. Скорее всего — испанец. Детей, похищенных на средиземноморском побережье, угрозами и уговорами обращали в магометанство. Владелец был вынужден добиваться от них добровольного согласия на это: ведь никого нельзя было подвергнуть обрезанию ранее, чем он произнесет сакраментальную фразу: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его». Новообращенные могли стать нарциссами и эфебами верховных раисов или пашей.

— Дети фанатичны. К повелителю их можно привязать душой и телом. Прикажи я им — и мои юнцы, подобно волкам, растерзают вас. Посмотрите, какие взгляды они бросают на вас. Когда они идут на abordаж христианской барки, они пьют кровь христиан. Что поделаешь, вино ведь им запрещено!..

Анжелика была в таком изнеможении, что не выказала отвращения. Меццо-Морте окинул ее тяжелым взглядом. Она только что смертельно оскорбила его, а он не из тех, кто сносит обиды.

— Вы горды, — произнес он. — Презираю гордость у женщин, а тем более — у христиан вообще. Они ее недостойны.

Тут он вновь принялся хохотать, и его смех долго не утихал.

— Чему вы смеетесь? — спросила Анжелика.

— Тому, что вот вы — гордая, надменная, а меж тем один я знаю, что вам уготовано. Это меня забавляет, вы понимаете?

— Признаюсь, что нет.

— Эка важность! Скоро все поймете.

Глава 4

Эту ночь Анжелика спала на одной из галер Меццо-Морте, причаленной в порту. Вечером к ней пришла Фатима, и пленница, подарив ей один из браслетов, упростила старуху побыть с нею до утра. Ей не давало покоя присутствие на борту юнцов в желтых тюрбанах, ее страшила их ревность и ненависть. Старуха расположилась на циновке, загородив собой дверь. От усталости Анжелика спала как убитая. Наутро старухе пришлось сойти на берег. Она вернулась лишь к вечеру, очень возбужденная. Город ликовал. В то утро на рейде появились корабли, которых никто не ждал. Они давно считались пропавшими без вести. Два десятка судов с круглым днищем — это было все, что осталось от огромной флотилии, в позапрошлом году отправившейся из Алжира. Они стремились к самому большому из морей, куда можно добраться, пройдя под огнем испанцев между Сеутой и Гибралтаром. Огромный океан поглотил берберийцев, и вот теперь отпустил их. Они возвращались с глазами, полными видений странных, туманных земель и ледяных гор. Они описывали неподвижный заледенелый мир, где над головой вращались три солнца, испускавшие голубое и розовое сияние, а ночь все же не имела конца. Множество кораблей погибло в дьявольских бурях, когда все джинны-повелители ветров собирались вместе и щелкали корабли, как орехи. Выбравшиеся привезли, однако, восемьсот рабов — всю исландскую колонию, основанную королем Дании.

Массы алжирцев стеклись поглазеть на людей Севера, белых как снег, с волосами лунного цвета. Обнаженные женщины, сгрудившиеся на пристани, с их невообразимыми волосами, развевающимися на фоне

голубого моря, казались сиренами в изгнании. Но старая Фатима качала головой:

— Они курносые, — говорила она, — без бровей и ресниц, и глаза у них гноятся, где им выдержать африканское солнце.

Опытная старуха уверяла, что эти бедняжки, которых тяготы пути превратили в живые скелеты, как только спадет прилив любопытства, будут стоять не более трех пиастров каждая. Ведь трудно представить себе, чтобы кто-нибудь из добрых и хоть чуточку суеверных мусульман согласился возлечь на ложе рядом с такой мороженой и отупевшей глистой. Людям ислама потребны женщины в теле, с горячей кровью, волчьим темпераментом, ненасытные в любви и работе, — такие, какой в прежние времена была сама Фатима. Аллах свидетель: муж должен был хорошенько потрудиться, чтобы оставить ее довольной. Уж она отбивала у него охоту искать других наложниц! Знает она их, этих мужланов-мусульман. Они без ума от белокурых и белокожих, но не белесых, избави Аллах! Вот Анжелика вполне соответствует их вкусам. Оттого ей и потребовался особый уход, и недаром из-за нее чуть не разгорелась война между турецким Диваном и алжирской «Таиффой». Но прибытие отважных мореплавателей отвлекло всеобщее внимание. Старая Фатима не могла понять, для кого из сильных мира сего приберегает такую красавицу Меццо-Морте.

— Меня не продадут, я же должна платить выкуп, — встревожилась Анжелика.

— Одно другому не помешает, — глубокомысленно обронила старая вероотступница.

На следующий день Алжир готовился к большому празднеству. Могла ли «почетная пленница» присутствовать на нем? Анжелика сгорала от нетерпения, поскольку больше не виделась с Меццо-Морте, а ей хотелось бы узнать что-либо путное о своей

будущей судьбе. Корабль-дворец стал для нее более крепкой тюрьмой, чем сухопутные темницы. Адмирал Алжира хвастал, что это судно особой постройки: по плотности вооружения и мощности артиллерии — венецианский галиот, восемь пар весел — от античной галеры, да еще от алжирской шебеки — широкие обводы корпуса, неглубоко сидящего в воде, несмотря на две тяжелые мачты.

Таким образом, плавучий дворец был одновременно и превосходным боевым судном, ходившим в паре с небольшой учебной фелукой. Оба корабля днем и ночью несли на борту команду злобных юнцов-янычаров в желтых тюрбанах. Они находились в состоянии постоянной боевой готовности и могли за несколько минут достичь любого места в городе — достоинство немалое, если учесть тридцать тысяч рабов-христиан, всегда готовых к бунту, или возможную вылазку «Таиффы», заговор алжирских раисов (в случае, если верховный адмирал почему-либо перестал бы им нравиться). Нельзя было сбрасывать со счетов и турок — янычаров оккупационного гарнизона, которые с удовольствием прирезали бы дея, пашу или верховного адмирала раисов, чтобы добиться повышения платы или доли в разделе пленных.

Меццо-Морте правил на вулкане и знал это. Впрочем, именно потому он еще и сохранял власть, что умел многое предвидеть. Защищающая порт внутренняя гавань, сооруженная знаменитым Барбароссой в XVI веке, адмиральскими заботами была заминирована, и в случае военной тревоги часовые по его приказу должны были взорвать ее. Тогда Меццо-Морте на своих кораблях, груженных золотом, отправился бы на поиски иного пристанища. Даже выбравшись с корабля на берег, Анжелике пришлось бы еще преодолеть полные солдат укрепления полуострова, где располагался Морской квартал.

Гористый полуостров сам по себе был почти что крепостью, а в то утро там к тому же кипела бурная жизнь.

Цепочка рабов под присмотром надзирателей тащила балки, мачты и доски, устанавливая что-то вроде высокого помоста, видимо, для того, чтобы горожане с укреплений могли следить за морскими состязаниями в бухте.

На борту ее тюрьмы готовились к празднеству. Все юнцы облачились в парадные одежды: тюрбаны светло-желтого шелка и шаровары того же цвета, зеленые накидки, красные бабуши; нацепили сабли или кинжалы вместо обыкновенных ножей. Те, кто постарше, вооружились мушкетами с прикладами, инкрустированными золотом и серебром.

Несколько молодых янычаров обменивались шутивными репликами, поглядывая на два маленьких понтона, стоящие на якоре в середине бухты. К верхушкам их мачт была привязана длинная жердь, и все сооружение походило на ворота или скелет плавучей триумфальной арки. Под ней могли проплыть в ряд три барки, но не прошла бы ни одна фелука. Анжелика терялась в догадках: кого это собирались принимать со столь скромными почестями.

Взгляды, которые бросали на нее юнцы экипажа, отнюдь не вселяли уверенности. С облегчением заметила она свою старуху, живо карабкающуюся по трапу. Глаза мусульманки весело поблескивали под черной накидкой. Предположения Анжелики подтвердились: «почетную пленницу» тоже пригласили на это зрелище, как, впрочем, и всех остальных невольников, даже тех, кого до сего дня держали в страшных подземных тюрьмах и кто годами не видел дневного света.

Два раба несли вслед за старухой большой тюк. В нем Анжелика обнаружила собственные платья,

купленные на Мальте, и множество иных, добытых морским разбоем.

***

Чуть позже она уже сидела на хорошем месте на одном из сооруженных утром помостов, укрытом коврами, рядом с гигантом-негром, одетым по королевски, истинным кудесником по части украшения своей персоны. Длинная тога из верблюжьей шерсти, затканная и вышитая по белому фону геометрическим орнаментом глубоких тонов с преобладанием красного, зеленого и черного, античными складками ниспадала с его широких плеч. Диковинное это одеяние, чудо строгости и вкуса, приоткрывалось спереди, позволяя увидеть красный кафтан, до горла застегнутый на множество мелких пуговиц и украшенный золотым шитьем. Цвет его делал еще темнее голубоватую черноту лица, подчеркнутую шелковым белым тюрбаном, складки которого опускались до подбородка, а сверху в них была вплетена лента золотой парчи, охватывающая лоб наподобие диадемы. Перехватив зачарованный этим великолепием взгляд Анжелики, чернокожий встал и отвесил глубокий поклон. У него был орлиный семитский нос, легкая впалость щек оттеняла благородно очерченные скулы.

— Вам нравится мой плащ, не так ли? — спросил он.

Она вздрогнула, услышав его неуверенную французскую речь, но приятный, чуть высоковатый голос незнакомца успокоил молодую женщину.

— Да, — сказала она. — Он походит на стяг эпохи Крестовых походов.

Строгое лицо высокого негра сморщилось, и по узким губам пробежала улыбка. Он снова уселся на подушки, скрестив ноги по-турецки, и продолжал любезным тоном:

— Надеюсь, благородная дама извинит меня: уже много лет мне не случалось говорить по-французски.

После безвременной смерти моего наставника, высокоученого и знаменитого иезуита, с коим Аллах скрестил мои пути ради просвещения моего ума... Мы предпочитаем французских христиан фанатикам-испанцам. Их ум ближе улыбчивой мудрости Аллаха... Вы упомянули о стяге крестоносцев, говоря о моей скромной джеллабе? Ее соткала на Верхнем Ниле, в Судане, почтенная моя матушка. Первую нить на основу она натянула через восемь дней после моего рождения, принявшись за плащ, который мне надлежало надеть к совершеннолетию. А эти рисунки известны суданским женщинам с отдаленных времен. Видно, ваши крестоносцы скопировали их для своих знамен, восхитившись их совершенством.

Анжелика склонила голову. Она не чувствовала себя в состоянии пускаться в рассуждения о природе западных и восточных вышивок, однако персона чернокожего эрудита вызвала ее интерес. Он не был ни красив, ни уродлив. Его прямой и мягкий взгляд был исполнен глубокой мудрости и не лишённой лукавства доброжелательности. Желая снискать его расположение, она похвалила его французскую речь.

— Я не отказывал себе в удовольствии разговаривать с французами, — изрек он. — Это приятные и не кичливые люди, если не считать того недостатка, что они — христиане.

Анжелика отвечала осторожно: христиане убеждены, что неверные — иудеи или мусульмане — имеют тоже большой изъян: они не христиане. Но она — женщина, и знание религиозных тонкостей не является сильной ее стороной.

Кудесник одобрил выказанную ею скромность. Божественная премудрость, заметил он, и впрямь не та область, где хрупкий женский ум чувствует себя вполне твердо.

— Помыслы мои были обращены к священному сану, но Аллах распорядился иначе. В мои руки вверено стадо, которое труднее пасти, нежели баранов, с какими я имел дело в детстве.

— Так вы пастух?

— Да, моя прекрасная Фирюза.

Анжелика вздрогнула. Неужели этот чернокожий обладает даром прозрения? Как мог он знать, что один персидский принц уже называл ее Фирюзой из-за бирюзового цвета ее глаз? Это воспоминание возродило в памяти Версаль, ревность короля к персидскому шаху и напомнило ей о пропасти, отделяющей ее от столь еще близкого прошлого. А сколько рабов из тех, кто сейчас толпился на пристани, тоже могли сравнить свое бывшее и нынешнее состояние? Меж тем белая и рыжая толпа с крапинами черных голов волновалась, как море под жарким небом, а впереди бледной линией выстроились пленники в цепях и лохмотьях. Народ был всюду: теснился за зубцами башен, на крышах домов.

Вдруг наступила тишина. Толстый грушевидный мавр в роскошном одеянии, кряхтя, выкарабкался из носилок и разместился на помосте. Его сопровождали двое в некоем подобии красных саванов, перевязанных длинным черным шнуром.

— Это его высочество алжирский дей, — шепнул, дружески склонившись к Анжелике, чернокожий. — Он родственник константинопольского султана и обладает привилегией иметь в своей охране двоих «серальских немых» из знаменитой когорты удушителей.

— Что значит «удушителей»? Что они делают?

— Они удушают, — слегка улыбнувшись, ответил негр, — и в этом — смысл их существования.

— А кто их жертвы?

— Это никому не известно, поскольку они немые. У них вырван язык. Весьма полезные служители. У моего господина есть подобные.

Анжелика подумала, что перед ней, вероятно, крупный берберийский дипломат, может — посланник Судана. Дей почтительно приветствовал его, и Меццо-Морте поступил так же. Он приложил руку к тюрбану, появившись на подмостках впереди Сали Хасан-паши, коего такая наглость явственно привела в бешенство.

Три повелителя Алжира устроились посреди скопления турок-янычаров, надсмотрщиков и своих подчиненных.

Внезапно по толпе пронесся как вихрь, единый крик. Взгляды обратились к краю бухты, куда высадился эскорт турецких всадников. Впереди шла кучка турок, более всего похожих на носильщиков — с обнаженным торсом и голыми ногами, в красных беретах на бритых головах. Они окружали христианина-пленника. Тот был наг и в цепях.

Страшная догадка потрясла все существо Анжелики. Несмотря на отдаленность, она была уверена, что узнала в жалком страдальце барона фон Нессельхуда, адмирала Мальтийского ордена.

У причала большой каик взял на борт заключенного, четырех его тюремщиков, турок эскорта и еще двух галерников со связками веревок. Каик направился к двум понтонам, стоявшим в центре бухты, и всех высадили на них.

Одновременно с этим четыре галеры отделились от стоявшей на якорях флотилии и, медленно скользя, подошли к понтонам, как акулы, подстерегающие добычу. И тут Анжелика вспомнила слова, однажды брошенные немецким рыцарем: «Меццо-Морте поклялся разорвать меня на части четырьмя галерами». И еще: «Вспомните, брат мой, что воистину достойна рыцаря лишь мученическая смерть!»

Эти слова показались вдруг ослепительно ясными. Так же, как и тирада Меццо-Морте: «Я скоро покажу вам, как обхожусь со своими врагами».

Она обратила взгляд на вероотступника. Тот не сводил с нее глаз, в которых светилось дьявольское удовлетворение. Это для нее были уготованы пытка и смерть человека, уважаемого не только ею, но и всем христианским миром. Она застыла, убеждая себя, что не даст неверным повода позабавиться еще одним приятным зрелищем. Хотелось завопить от ужаса и броситься бежать, но Анжелика знала: ей не дадут сделать и шагу, а место, где она сидит, было выбрано так, чтобы ни одна подробность казни не могла ускользнуть от нее.

Путем сложного, но безукоризненно выполненного маневра четыре галеры расположились по кругу кормами к понтонам и застыли в трех десятках локтей от них. Барона фон Нессельхуда подвесили, словно марионетку, в середине перекладки. Веревка от нее была продернута через кожаный пояс, а от запястий и лодыжек, как тяжи паутины, протянулись канаты к каждой из четырех галер.

У зрителей в едином истерическом порыве перехватило дыхание, и все застыли под круглыми глазницами торчащих из крепости пушек.

***

— Ла Илла иль Алла!

Пронзительный визг вознесся к огнедышащему небу. Анжелика закрыла лицо руками. Женщины и дети вопили, в такт похлопывая руками себя по рту, и их голоса, казалось, дырявили воздух, ввинчивались в уши.

— Как хор цикад в аду, — произнес голос негра — волхва и кудесника. Он улыбался.

Безумие охватило присутствующих. Все повскакали с мест. Ведь пытка была еще и соревнованием: награда ждала ту галеру, которой первой удастся оторвать руку или ногу несчастного.

Галерные надсмотрщики, как шмели, летали по палубе. Удары кнута сыпались на окровавленные плечи.

Этой ночью насчитают немало мертвецов среди галерников. Рокот толпы не умолкал, заглушая крики казнимого:

— Боже! Боже! Смилуйся надо мной!

— Ла Илла иль Алла!..

— Господи, — взмолилась Анжелика, — Ты, создатель всего сущего!..

Издали до нее донесся голос:

— Разве по убеждениям христиан не попадают в рай души мучеников за веру?

Великий маг один оставался невозмутимым среди вихря жестокости, захватившего всех. Взглядом ценителя он наблюдал за яростным состязанием на воде, не оставляя скромным вниманием пленницу-христианку, сидевшую рядом. Она не дрожала и не теряла сознания, но ему была видна лишь пышная волна волос, покрывающая ее плечи, и склоненный в молитвенном напряжении лоб — как на картинах, что рисуют идолопоклонники. Он вспомнил об украшенном гравюрами молитвеннике, который его учитель-иезуит оставил ему на память.

Однако, когда шум достиг высшего накала, он увидел, как она вскинула голову и на виду у всех неверных осенила себя крестным знаменем. Два юнца из свиты Меццо-Морте заметили это. С пеной у рта они вскочили, словно готовые броситься волки. Но огромный негр, выпрямившись во весь рост, вынул кинжал и, блеснув глазами, безмолвно, но властно повелел им остаться на месте.

Анжелика даже не заметила этого маленького происшествия. Толпа замолкла, и она поняла, что все кончено. Четыре галеры бежали в открытое море, влача в окровавленной волне за кормой останки рыцаря-мученика. Они совершали своего рода триумфальное шествие в сторону восхода, туда, где находилась Мекка, место паломничества правоверных. Им

предстояло возвратиться лишь к вечеру, когда голоса муэдзинов с минаретов заставят весь исламский мир пасть ниц в молитве.

Вероотступник Меццо-Морте вырос перед Анжеликой. Она не смотрела на него, следя взглядом за удалявшимися галерами. Пленница была бледна, но он взъярился, заметив, что она не сломлена горем и страхом. Свирепая усмешка скривила его губы.

— Теперь ваш черед, — пробормотал он.

Глава 5

Небольшой кортеж поднимался по дороге, ведущей из Морского квартала к ближайшим городским воротам. С одной стороны дорогу окаймляли укрепления, с другой глинобитные стены жилищ, прорезанные темными, как горные ущелья, улочками, где уже копилась ночь. Анжелика шла, спотыкаясь об острые камни, за Меццо-Морте, шагавшим в сопровождении своего обычного эскорта. Остановились они у ворот Баб-Азум. Офицеры стражи подошли к ним: верховный адмирал частенько навещался к ним с инспекцией. Но сегодня у него были иные цели. Казалось, он кого-то поджидает. Чуть позже из какой-то улочки появился всадник в сопровождении чернокожей стражи, вооруженной копьями. По расцветке плаща Анжелика признала в нем соседа по утреннему мрачному представлению. Он спешил и приветствовал Меццо-Морте, который ответил ему учтивым поклоном.

Неустрашимый итальянец, казалось, относился к темнокожему вельможе, который был на три головы выше его, с чрезвычайным почтением. Они по-арабски обменялись заверениями в дружбе. Затем оба разом обернулись к пленнице. Вытянув руки и обратив ладони к небу, негр приветствовал ее. Глаза Меццо-Морте поблескивали от удовольствия.

— Я позабыл, — воскликнул он, — совсем позабыл хорошие манеры двора Его величества короля Франции! Я не представил вам, мадам, моего друга, Османа Ферраджи. Верховного евнуха Его величества марокканского султана Мулея Исмаила.

Анжелика бросила на огромного негра взгляд, в котором было больше удивления, чем испуга. Евнух? Если присмотреться, можно было бы об этом

догадаться. Она отнесла на счет его семитского происхождения некую женственность черт и слишком благозвучный голос. Голый подбородок ни о чем не свидетельствовал: у большинства негров борода отрастает только к старости. А высокий рост создавал обманчивое ощущение мощи и мужественности. К тому же он совсем не был толст, как большинство евнухов, которым двойные подбородки и брыластые щеки придают сходство с ворчливыми сорокалетними женщинами. Именно таковыми евнухами оказались шестеро чернокожих его личной страхи.

Итак, перед ней тот самый Осман Ферраджи, Верховный евнух марокканского султана. Анжелика много слышала о нем, но не помнила, где и от кого. Она так устала, что не задалась даже вопросом, почему он здесь.

— Мы еще кое-кого ждем, — предупредил ее Меццо-Морте. Он сиял от удовольствия. Казалось, адмирал занят постановкой блестящей комедии, в которой каждый актер сыграет предписанную ему роль.

— Ага, вот и он.

Это был Мохаммед Раки, которого Анжелика не видела после битвы у острова Кам. Араб не удостоил ее даже взглядом, но распростерся ниц перед адмиралом Алжира.

— Теперь идем.

Они вышли из города, и в лицо им ударил закатный солнечный свет. Солнце уплывало за рыжие и пепельно-синие холмы. Тропка, усеянная битым камнем, обходила крепость, а с другого края обрывалась крутым спуском, быстро переходящим в отвесную стену провала. Подкрашенная солнцем мгла клубилась в нем, напоминая о геенне огненной. Место казалось проклятым, и кружащиеся над ним чайки, вороны и коршуны лишь усиливали это ощущение. Их отчаянными криками наполнились небеса, и содрогание

охватывало сердце, когда вместе с тьмой подкрадывался страх.

— Здесь?

Меццо-Морте указал на тропку, круто сходящую вниз. Там высилась горка булыжников и острых камней. Анжелика глянула, не понимая, в чем дело.

— Там! — настойчиво повторил вероотступник.

И тут она различила в груди ржавых цепей человеческую руку. Рука была белой.

— Здесь покоится второй рыцарь, командовавший вашей галерой, как и вы, француз, Анри де Рогье. Сюда его привели, чтобы побить камнями в час утренней молитвы.

Анжелика перекрестилась.

— Оставьте ваши колдовские знаки, — зарычал христопродавец, — вы накликаете несчастье на город.

Он вновь пустился в путь и не стал показывать ей вторую кучу камней, белевшую невдалеке. Там покоилось тело юного испанца, другого пассажира галеры. Меццо-Морте не вполне был ответственен за две эти казни, совершенные испанскими маврами, разъяренными известием о сожжении живьем шести мусульманских семейств во время аутодафе в Гренаде. Они жаждали мщения, и им выдали две жертвы: испанца и мальтийского рыцаря. И тогда для Анри де Рогье, в прошлом пажа при дворе французского короля, беззаботного баловня семьи, и для испанского студента начался мучительный крестный путь через весь город. Преследуемые вопящей толпой, обнаженные до пояса, несчастные шли с завязанными за спиной руками под градом оскорблений и ударов (били женщины и дети) до особого места, расположенного за воротами Баб-эль-Уэд. Когда они добрались, на них страшно было смотреть: волосы выдраны клочьями, лица посинели от ударов и стали масками, покрытыми грязью и нечистотами, тела изодраны и исцарапаны колючими ветвями (дети,

забавляясь, втыкали их шипами в свои жертвы). Жалкий вид пленных подстегивал звериные страсти толпы, пьяневшей от собственной жестокости. Побивание камнями положило конец мучениям несчастных.

Анжелика ни о чем этом не знала, но дорисовывала случившееся в воображении. Может, подобный крестный путь предстоит сейчас и ей?

Наконец эскорт остановился перед высокой стеной цитадели. Крючья в форме рыболовных крючков были с неравными промежутками всажены в стену с верху до низу. Стена ужаса! С укреплений бросали осужденных, чтобы те, попав на крючья, повисали и мучились несколько дней. Два полуобъеденных птицами тела еще висели, и солнечные лучи наложили на запекшиеся куски человечины патину старинной позолоты.

Анжелика отвела глаза: слишком много кошмаров впитал один ее день. Но тут Меццо-Морте мягчайшим голосом проворковал:

— Посмотрите-ка на них хорошенько!

— Зачем? Это тот жребий, какой вы уготовали мне?

— Нет, — со смехом ответил вероотступник, — это было бы неблагоразумно. Я не большой знаток, но по мне такая женщина, как вы, не должна украшать алжирские стены единственно для удовольствия ворон и бакланов. И все же присмотритесь к ним. Одного вы хорошо знаете!

Ужасное подозрение пронзило Анжелику: неужто Савари? Несмотря на отвращение, она бросила взгляд на стену. И увидела, что висящие там — оба мавры.

— Извините меня, — ответила она с иронией, — но я не привыкла, как вы, созерцать трупы. Эти не пробуждают у меня никаких воспоминаний.

— Тогда я назову вам их имена. Слева Али Мехтуб, арабский ювелир из Кандии, ему вы доверили письмо к вашему мужу... Ах! Вижу, что «мои» трупы начинают вас интересовать. Вам любопытно узнать имя второго?

Она пристально взгляделась в его лицо. Он играл ею, как толстый кот — мышью. Для дополнения сходства он облизнулся.

— Другой? Так вот, это Мохаммед Раки, его племянник.

Анжелика вскрикнула и обернулась к тому, кто говорил с ней в Мальтийской гостинице.

— Я знаю, о чем вы думаете. Но дело простое, простейшее. Перед вами шпион, подсланный мною к вам. Мой советник Омар-Аббас. А подлинный Мохаммед Раки там, вверху.

У Анжелики вырвалось только одно слово:

— Почему?

— Как любопытны женщины!.. Хотите объяснений? Как добрый повелитель, я дам их. Не будем тратить времени на описание обстоятельств, доставивших в мои руки письмо Али Мехтуба. Я читаю его. Я узнаю, что некая французская дама ищет мужа, пропавшего несколько лет назад. Она готова на что угодно, только бы найти его. Мне приходит в голову одна мысль. Я вопрошаю Али Мехтуба: женщина богата? Да. Стало быть, решено. Я ее изловлю. Надо только поставить силки, а муж станет приманкой. Я допрашиваю племянника, Мохаммеда Раки. Он знал этого человека, много лет служил ему в Тетуане, где того купил один старый ученый алхимик, сделав своим помощником и почти что наследником. Внешность легко запоминая: лицо в шрамах, высокий, тощий, темноволосый. И для полноты моего счастья он дал своему верному слуге Мохаммеду Раки драгоценную вещь, которую его жена не преминет узнать. Мой шпион со вниманием слушает этот рассказ и забирает драгоценность. Затем самое трудное — найти женщину, которую чуть не продают в Кандии, пока я ее ищу. Но вскоре я узнаю, что она сбежала на Мальту, улизнув от Рескатора, выложившего за нее 35 000 пиастров...

— Я думала, что вам это неизвестно.

— Отнюдь! Но мне было так приятно услышать все снова из ваших уст... Ах, как приятно! Остальное было уже нетрудно: я подослал к вам своего человека под именем Мохаммеда Раки, а тем временем подготовил западню у острова Кам. Все удалось благодаря некоторым ухищрениям, к которым прибег еще один шпион на борту галеры — тот самый юнга-мусульманин. Как только почтовый голубь донес весть, что птичка летит в клетку, я казнил Али Мехтуба и его племянника.

— Но почему? — вновь спросила Анжелика.

— Молчат лишь мертвые, — с циничной усмешкой ответил пират.

Анжелику передернуло. Она так презирала и ненавидела его, что уже почти не боялась.

— Вы отвратительны, — сказала она, — но прежде всего вы — лжец. Вся эта история ни на что не похожа. Это меня-то вы пытаетесь убедить, будто ради того, чтобы изловить женщину, никогда вами не виденную, выкуп за которую вы не могли оценить заранее, вы пустили в дело флот из шести галер и тридцати фелук и каиков, да к тому же в битве у острова Кам поставили под удар по крайней мере два экипажа? Если к тому же учесть припасы, а это около двадцати пяти тысяч пиастров, переоснастку галер — тысяч десять, наем раисов для экспедиции, в которой им нет выгоды — скажем, пятьдесят тысяч, в итоге получаем сто тысяч пиастров за одну женщину! Могу поверить в вашу алчность, но отнюдь не в вашу глупость!

Меццо-Морте слушал ее внимательно, полужакрыв глаза.

— Как вы узнали об этих суммах?

— Умею считать, вот и все.

— Из вас вышел бы недурной делец.

— А я и есть делец... У меня корабль, занимающийся коммерцией в Вест-Индии. О, прошу вас, — горячо

продолжала она, — выслушайте меня! Я богата и могла бы... да, я могу, хотя и не без труда, выплатить огромный выкуп. Чего вам еще ожидать от охоты за мной, от этого не совсем разумного предприятия, о котором вы наверняка уже сожалеете?

— Нет, — ответил Меццо-Морте, тихо покачивая головой, — нет, я не жалею. Напротив, счастлив.

— Я уже сказала, что не верю вам! — снова вскричала Анжелика вне себя от ярости. — Даже если вам удалось убрать двух мальтийских рыцарей, ваших злейших врагов, это не оправдывает всех усилий, потраченных ради меня. Вы даже не были уверены, что я сяду на корабль. И почему вы не связались с моим мужем, чтобы ловушка сработала вернее? Понадобилась моя глупость, чтобы трюк со шпионом удался. Я должна была что-то заподозрить, потребовать какого-нибудь свидетельства, документа, написанного рукой мужа.

— Я подумывал о чем-то подобном. Но это оказалось невозможным.

— Почему?

— Потому что он мертв, — глухо процедил Меццо-Морте. — Да, ваш муж или тот, кто мог им быть, умер от чумы три года назад. В Тетуане тогда было больше десяти тысяч трупов. Хозяин Мохаммеда Раки, этот ученый христианин по имени Джеффа-эль-Халдун, свел счеты с жизнью.

— Я вам не верю! — закричала она. — Не верю! Не верю! — Она выкрикивала это ему в лицо, словно бы возводя плотину между надеждой и трагическим бессилием, охватывавшим ее. «Если сейчас заплачу — я пропала», — подумалось ей.

Юнцы верховного адмирала, ни разу в жизни не видавшие никого, кто бы так дерзко говорил с их повелителем, зарычали, положив руки на рукояти кинжалов. Энергичные и безмятежные евнухи тотчас

встали между ними и ею. Странное зрелище являла собой эта женщина, кричавшая среди молчаливого балета, исполняемого черными евнухами и стражей в желтых тюрбанах, и все это под сгущавшейся тьмой цвета индиго. Тьма напозала от моря, подымалась до вершины страшной стены, на которой еще багровели последние отблески заката.

— Вы мне не все сказали!..

— Возможно, но более я вам ничего не скажу.

— Освободите меня, я выплачу выкуп!

— Нет!.. За все золото мира, — слышите, вы! — за все золото мира я не отпущу вас. Мне нужно нечто большее, нежели богатство: могущество. И вы для меня — средство добиться его. Вот почему я не остановился перед тратами, охотясь за вами.

Анжелика подняла глаза на стену. Вечер стер подробности, утопил во тьме ужасные крючья и то, что осталось от жертв. Мохаммед Раки, ювелир-араб, племянник Али Мехтуба, единственный, о котором ей точно было известно, что он видел Жоффрея де Пейрака в его второй жизни... Теперь он никогда не заговорит. Если попасть в Тетуан, можно было бы попытаться отыскать людей, знавших Жоффрея... Но для этого нужно освободиться.

— Вот какова будет ваша судьба, — говорил меж тем Меццо-Морте. — Учítывая, что красота ваша настолько же известна, как и ваша репутация, я при посредничестве его превосходительства Османа Ферраджи подарю вас в числе прочих даров моему драгоценнейшему другу султану Мулею Исмаилу. Препоручаю вас его превосходительству. Под его надзором вы излечитесь от гордыни. Только евнухи умеют вышколить женщину — вот кого не хватает в Европе.

Анжелика едва слушала его излияния. Она осознала происшедшее, лишь когда он стал удаляться со своим

эскортом, а на плечо ее легла черная рука Верховного евнуха...

— Соблаговолите следовать за мной, благородная госпожа...

«Если я теперь заплачу, мне конец... Если я закричу, буду отбиваться, я погибла, меня запрут в гареме...»

Она не произнесла ни слова, не сделала ни одного лишнего движения и последовала, спокойная и послушная, вслед за неграми, спускавшимися к воротам Баб-эль-Уэд.

«Через несколько секунд наступит ночь... тут и будет случай... Если я упущу момент, я погибла...»

***

Под аркой ворот Баб-эль-Уэд еще не успели зажечь светильники. Всех поглотила темнота. Анжелика скользнула в нее, как угорь, рванулась, нырнула в проулок, столь же черный, как арка. Она бежала, не чуя под собой ног. Из почти пустынной улицы она выскочила на другую, широкую и запруженную народом, замедлила шаг и заскользила среди шерстяных накидок, белых движущихся свертков — женщин в чадрах — и маленьких ишачков, нагруженных корзинами. Пока темнота защищала ее, но кто-нибудь мог заметить заблудившуюся, тяжело дышащую пленницу. Она свернула влево в какой-то темный проход и остановилась перевести дух. Куда направиться? У кого просить помощи? Она вновь скрылась, как в Кандии, но здесь не было сообщников, чтобы завершить задуманное. Она не знала, что случилось с Савари.

Вдруг она расслышала приближавшиеся крики. Ее преследовали. Она снова бросилась бежать. Улочка спускалась ступеньками к морю. Это был пустырь, окаймленный слепыми стенами, размеченными то тут, то там маленькими железными дверцами в форме подковы. Одна из них отворилась, и Анжелика сшибла с

ног какого-то раба с большим сосудом на плече. Кувшин упал на землю и разбился вдребезги. Анжелика услышала: «Черт подери!» с последующим залпом ругательства, обличивших braveго солдата Его величества Людовика XIV, и кинулась к нему.

— Сударь, — запыхавшись, выдохнула она, — вы — француз? Ради всего святого, спасите меня, сударь!

Шум погони приближался. Почти бессознательным движением он втолкнул беглянку внутрь помещения и захлопнул дверь. Улюлюканье и топот бабушей и босых ног как вихрь пронеслись мимо. Анжелика стиснула плечи раба и уперлась лбом в волосатую грудь под жалкой холщовой блузой. На мгновение она лишилась сил. Преследователи отделились, и она понемногу пришла в себя.

— Все, — прошептала она. — Ушли!

— Боже, бедняжка, что вы наделали! Вы попытались бежать?

— Да.

— Несчастливая! Вас отстегают до крови и покалечат на всю жизнь. Ноги поломают...

— Но им меня не достать! Вы меня спрячете... Вы спасете меня!

Она говорила в полной тьме, вцепившись в незнакомца, о котором ей было известно только то, что он француз и, как она догадалась, молодой и симпатичный. А он не мог не заметить, что прижавшаяся к нему женщина молода и хороша собой.

— Вы не покинете меня?

Юноша глубоко и тяжело вздохнул.

— Ужасное положение! Вы в доме моего хозяина Мохаммеда Селиби Садата, алжирского торговца. Вокруг все — мусульмане. Почему вы убежали?

— Как почему? Я не хочу, чтобы меня заперли в гареме!

— Увы, это жребий всех пленниц!

— Он вам кажется таким легким, что надлежит подчиниться?

— У мужчин — не лучше. Думаете, мне приятно здесь? Мне, графу де Ломени, таскать кувшины с водой в вязанки колючек на кухню моей хозяйки? В каком состоянии мои руки! Что бы сказала моя нежная парижская возлюбленная, прекрасная Сюзанна де Реньо? Увы, должно быть, она давно нашла мне замену!

— Граф де Ломени? Я знакома с одним из ваших родственников, господином де Бриенном.

— О, какой счастливый случай! Где вы его встречали?

— При дворе.

— Неужели? Могу я узнать ваше имя, сударыня?

— Я — маркиза дю Плесси-Белльер, — произнесла, помедлив, Анжелика (она вспомнила, что попытка козырнуть титулом графини де Пейрак не принесла ей удачи).

Ломени напряг память:

— Я не имел счастья встречать вас в Версале, ибо вот уже пять лет как ввергнут в рабство, и там, в столице, все переменилось. Впрочем, пустяки! Вы знакомы с моим родственником, и, возможно, подскажете, чем объясняется долгое молчание моего семейства. Я посылал просьбу о выкупе — ответа нет. Потом я доверил письмо святым отцам из Братства Святых Даров, побывавшим здесь в прошлом месяце. Надеюсь, что хоть оно-то дойдет до цели. Ага, кажется, у меня есть одна идея... Тихо, сюда идут!

Тусклое сияние ночника замерцало в глубине двора, откуда пахло бараньим жиром и горячей кашей. Граф де Ломени толкнул Анжелику себе за спину и попытался опознать приближавшегося.

— Это моя хозяйка, — с облегчением прошептал он.

— Смелая и честная женщина. Думаю, мы сможем

попросить ее о помощи: у нее ко мне некоторая слабость.

Мусульманка высоко подняла масляную лампу, чтобы разглядеть тех, кто шепчется в подворотне... Поскольку она была дома, то ходила без паранджи. Свет лампы озарил лицо зрелой жирной женщины с огромными подведенными глазами. Легко догадаться, какую роль играет при ней раб-христианин, молодой, сильный и любезный, и почему именно его она выбрала на невольничьем рынке.

Мелкий торговец Мохаммед Селиби Садат не имел денег на евнуха для своих трех или четырех жен. Он оставил за своей первой супругой все заботы о доме и примирился с необходимостью в рабе-христианине для черной работы.

Женщина заметила Анжелику. Граф де Ломени принялся что-то быстро говорить ей по-арабски. Женщина качала головой, морщилась, пожимала плечами. Ее мимика свидетельствовала, что надеяться Анжелике не на что и лучше всего было бы выкинуть ее вон. Наконец, она через силу уступила своему фавориту, удалилась и почти сразу же возникла вновь с головной накидкой, которую Анжелика поспешила надеть. Затем хозяйка дома сама набросила на нее длинное покрывало, выглянула на улицу и, убедившись, что никого нет, знаком велела им выходить. Едва переступив порог, они услышали за спиной поток ругательств.

— Что происходит? — спросила Анжелика. — Может, она передумала и хочет нас выдать?

— Да нет. Просто обнаружила осколки кувшина и не скрывает, что об этом думает. Надо, впрочем, признать, что я никогда не был особенно ловким и посуды перебил немало. Черт, я-то знаю способ ее умилостивить и вскоре займусь этим. Нам недалеко.

Почти бегом они приблизились к другой железной дверце, и молодой человек условным стуком оповестил о себе. Сквозь щели просочился свет, и раздался шепот:

— Это вы, господин граф?

— Я самый, Люка.

Дверь открылась, и Анжелика вцепилась в руку своего спутника, увидав араба в плаще и тюрбане. Над головой он держал свечу.

— Не бойтесь, — сказал граф, подталкивая молодую женщину внутрь, — это Люка, мой прежний лакей. Он попал в плен вместе со мной, когда я плыл к новому месту службы в Геную. Поскольку, еще служа у меня, он преуспел во всяких мошенничествах, здешние дельцы быстро оценили его таланты, и новый хозяин убедил его принять ислам, чтобы доверить свои дела. Теперь он — большая шишка в торговом мире.

Бывший лакей в не очень ловко свернутом тюрбане недоверчиво вытаращился на них. У него было веснушчатое лицо и огромный вздернутый нос.

— Кого вы привели, господин граф?

— Соотечественницу, Люка. Французскую пленницу, улизнувшую от своего хозяина.

Бывший лакей откликнулся в точности так, как и его бывший хозяин:

— Господи всемогущий! Зачем она это сделала!

— Женский каприз, Люка. Но дело сделано. Теперь ты ее спрячешь.

— Я, господин граф?

— Да, ты. Ты же знаешь, что я — лишь бедный раб, который делит тростниковую циновку с двумя хозяйскими собаками, не имея даже своего уголка на дворе. Ты же — человек, добившийся многого. Ты ничем не рискуешь.

— Ну да, кроме костра, креста, стрел, крючьев, погребения заживо или побивания камнями. У

новообращенных, которые скрывают у себя беглых христиан, есть из чего выбирать.

— Ты отказываешься?

— Да, отказываюсь.

— Я всыплю тебе сотню палочных ударов!

Собеседник с достоинством запахнулся в плащ:

— Не забывает ли господин граф, что раб-христианин не имеет право поднять руку на мусульманина?

— Ну, подожди чуть-чуть! Вот вернемся домой, и ты получишь такой пинок в зад, какого еще не видел! Да вдобавок я сдам тебя инквизиции, а уж она спалит такого мошенника заживо... Ну-ка Люка, у тебя нет чего-нибудь вкусенького для меня? А то с утра я разжился только горстью фиников да кружкой чистой воды. И я не знаю, питалась ли сегодня эта дама чем-либо, кроме своих слез.

— Все готово, господин граф. Я предвидел ваш визит и приготовил... угадайте что?.. ваше любимое... слоеный пирог!

— Слоеный пирог! — воскликнул бедный раб с жадным блеском в глазах.

— Тихо! Располагайтесь. Вот только отошлю рассыльного, закрою лавочку и буду к вашим услугам.

Он зажег свечу, вышел, но вскоре вернулся со склянкой вина и серебряной сковородкой, от которой исходил аппетитный запах.

— Я сам изготовил тесто, господин граф, на верблюжьем масле. А крем — из молока ослицы. Это, конечно, не настоящие масло и молоко, но надо пользоваться тем, что есть. У меня не было фрикаделек из щуки и шампиньонов, но я подумал, что маленькие лангусты и плоды капустной пальмы заменят их. Если сударыня маркиза доставит себе труд отведать...

— Этот Люка, — произнес растроганный граф, — кулинар, каких мало. Он может все. Твой пирог

великолепен! Я подарю тебе сотню экую, старина, когда мы вернемся домой.

— Это было бы хорошо, господин граф.

— Без него, сударыня, я был бы уже мертв. Не то, чтобы мой хозяин Мохаммед Селиби Садат плохой человек, и тем более — моя хозяйка. Но они скуповаты и питаются сущими пустяками. Это не для человека, которого заставляют заниматься тяжелой работой. Я не говорю уже о переноске воды и дров. Но мусульманки слишком падки на христиан. Коран должен бы это учитывать. С другой стороны, надобно признать, что тут есть и некоторые преимущества.

Анжелика яростно поглощала пищу. Бывший лакей откупорил бутылку.

— Это мальвазия. Я нацедил несколько капель из бочонков, которые Осман Ферраджи приобрел для гарема марокканского султана. Только подумать, господин граф, что оба мы из Турени, а нас заставляют пить ключевую воду или мятный чай — какое падение! Надеюсь, это маленькое возлияние не навлечет на меня гнев Верховного евнуха. Вот у кого глаз наметан... Ну и мужчина! Впрочем, когда говорю «мужчина», это я так... Никак не привыкну к этим созданиям, которые кишат в здешних местах. Когда он приходит, мне случается называть его сударыней. Но глаз у него цепок, поверьте мне. Кого-кого, а его не проведешь относительно качества и количества товара.

Имя Османа Ферраджи перебило Анжелике аппетит. Она отставила маленькую серебряную чашечку. Тревога вновь овладела ею. Граф де Ломени поднялся, сказав, что хозяйка уже заждалась. Его засаленная куртка, вся в лохмотьях, плохо вязалась с манерами молодого щеголя, каким он остался, несмотря на тяготы плена и аравийское солнце. Он обернулся к Анжелике и, разглядев ее получше при свете свечи, воскликнул:

— Боже, вы восхитительны!

Он осторожно отвел ей со лба светлую прядь и, погрузнев, пробормотал:

— Бедняжка!

Анжелика попросила отыскать ее друга Савари, изворотливого и многоопытного старика, у которого наверняка найдется какой-нибудь план. Она описала его, а также прочих пассажиров мальтийской галеры: голландского банкира, двух французских торговцев кораллами и молодого испанца. Граф удалился, предчувствуя упреки своей непреклонной и требовательной хозяйки.

— Соблаговолите расположиться поудобнее, госпожа маркиза, — попросил Люка, убирая еду.

Анжелике было приятно присутствие вышколенного лакея, называвшего ее «госпожой маркизой». Она ополоснула руки и лицо принесенной им душистой водой, промокнула услужливо поданной салфеткой и прилегла на подушки.

Люка суетился, шаркая бабушами и путаясь в длинных полах арабского плаща.

— Ах, бедная госпожа, — вздыхал он. — И зачем только люди плавают по морю? Угораздило же моего господина и меня сесть на эту галеру!

— Да, ни к чему все это, — со вздохом откликнулась Анжелика, думая о своей рискованной затее. Некогда она приняла за обычную восточную склонность к преувеличениям предсказания Мельхиора Панассава, который еще в Марселе предрекал ей гарем турецкого владыки. Теперь его слова оборачивались мрачной действительностью, и, быть может, турок был бы предпочтительнее свирепого марокканского дикаря.

— Вы только поглядите, сударыня, что со мной приключилось! Я — малый изворотливый, но никогда не забывал замолвить за себя словечко Пречистой Деве и святым заступникам. И вот теперь я — вероотступник, ренегат!.. Конечно, я не хотел, но когда вас колотят

палками, прижигают пятки, грозят содрать кожу, отрезать известно что, зарыть живьем в песок и размозжить башку булыжниками — тут уж ничего не поделаешь. У каждого одна жизнь и один.... ну, вы понимаете. А как вам удалось убежать? Когда женщину покупают для знатного сеньора, ее уже потом никто не видит. А посмотреть на вас, — станет понятно, что купила вас большая шишка.

— Да, марокканский султан, — подтвердила Анжелика, и это ей вдруг показалось таким забавным, что она прыснула со смеху. Мальвазийское вино явно оказывало свое действие.

— Что-что? — переспросил Люка, не находя в ее словах ничего смешного. — Не хотите ли сказать, что это вас Меццо-Морте в числе тысячи одного дара посылает в Мекнес, чтобы снискать расположение султана?

— Да, что-то в этом роде, насколько я поняла.

— Так как же вам удалось сбежать? — повторил он, и Анжелика подробно рассказала ему, каким образом спаслась от евнухов Османа Ферраджи.

— Так вот кто за вами гонится! Спаси нас Господи и помилуй!

— У вас с ним дела?

— Не без этого, но какая это мука! Я попробовал было всучить ему несколько кувшинов подпорченного масла в партии из полутысячи. Это всегда так делается. А он заявился сюда с ребятами и тем десятком кувшинов с плохим товаром и едва мне голову не снес. Что, впрочем, и случилось с одним моим сотоварищем по ремеслу, когда тот продал ему солонину, несколько больше обычного тронутую червями.

— Об одном ли мы человеке говорим? — задумчиво протянула Анжелика. — Я приняла его за важную персону. Он показался мне любезным, обходительным и почти что застенчивым.

— Это важная персона, сударыня: он церемонен и изыскан, все так... Только это не мешает ему рубить головы... изысканно. У таких как он, надо понимать, внутри — пусто. Им все едино, что смотреть на нагую женщину, что изрубить ее на кусочки. Вот почему они так опасны. И подумать, что вы выставили его на посмешище!..

Теперь только Анжелика вспомнила, кто ей рассказывал об Османе Ферраджи. Это был маркиз д'Эскренвиль. Он тогда сказал: «Это вельможа, знатный по всем статьям: гениальный, вкрадчивый, жестокий... Это он помог Мулею Исмаилу завоевать его царство...»

— Что он сделает, если меня снова схватят?

— Бедная моя госпожа! Уж лучше сразу проглотить целый пузырек яду. По сравнению с этими марокканцами алжирцы — сущие агнцы. Но не надо портить себе кровь. Попытаемся вас вытянуть отсюда. Только как это сделать — вот вопрос.

***

Граф де Ломени явился на следующий день, свалив в углу двора своего слуги вязанку хвороста. Савари он нигде не обнаружил. Продавцы кораллов, оставленные в тюрьме в ожидании выкупа, ничего не слышали о щуплом старике. Возможно, его купил какой-нибудь крестьянин и увез в глубь страны. Зато Ломени слышал о бегстве блистательной пленницы-француженки. Пятеро негров из стражи Верховного евнуха были казнены, как виновники побега. Шестого пощадили, его Осман Ферраджи приобрел лишь недавно. Разъяренный Меццо-Морте тоже обыскивает город, обшаривает дом за домом в сопровождении раба-евнуха, который заглядывает под паранджу каждой женщины, не пропуская ни одной.

— А тебя, Люка, могут заподозрить?

— Не знаю. К несчастью, мы в том квартале, где, как подозревают, может скрываться беглянка. А ваша

хозяйка, граф, сумеет промолчать?

— Да, по крайней мере, пока не возревнует меня к нашей соотечественнице.

Тревога мужчин была отнюдь не наигранной. Анжелика прислушалась к их приглушенному разговору. Монахи, выкупавшие пленных, отчалили месяц назад. Они захватили с собой всего каких-нибудь четыре десятка рабов. К тому же их вмешательство бессильно помочь Анжелике, поскольку дело шло уже отнюдь не о выкупе. Может, стоило попытаться проникнуть на борт свободного купеческого судна? Увы, такая мысль приходила на ум многим невольникам, чуть только мачта с флагом их страны показывалась в порту. Одни бросались вплавь, другие, связав несколько досок, руками гребли к желанному убежищу. Но стража не дремала. На молах было полно часовых, и фелуки неверных сновали туда-сюда. А перед отплытием каждый корабль ревностно обыскивали янычары или надсмотрщики. Поэтому о бегстве подобным путем нельзя было и мечтать. Еще большее безрассудство — бежать посуху, чтобы добраться до Орана, находящегося под испанским владычеством — самого близкого места, где стоят католические гарнизоны. Это недели блужданий по незнакомой враждебной и пустынной стране с риском заблудиться или быть растерзанным дикими зверями. Никто из отважившихся на такой побег не добрался до места.

Выловленных беглецов били палками или калечили, если при освобождении они причинили малейший ущерб своим стражам.

Ломени заговорил о жителях Майорки. Действительно, отсюда было недалеко до Болеарских островов. Хорошая лодка позволяла покрыть это расстояние за сутки, и отважные островитяне на протяжении двух столетий время от времени предпринимали успешные попытки освобождения

рабов. У них были легкие суденышки, предназначенные именно для этих целей. Многие из них сами побывали в рабстве и прекрасно знали эти места.

Те, кто устраивали эти побеги, рисковали жизнью. Если их ловили, то сжигали заживо. Но предприятие было таким выгодным, да и в крови у многих островитян скопилось столько ненависти к мусульманам, жившим так близко от их берегов, что экипажи набирались без затруднений.

Подсланные люди договаривались с кучкой пленных, дерзнувших бежать. Выбирали безлунную ночь, уславливались о сигналах и пароле. В назначенное время корабль-спаситель, до того державшийся вдали от порта, со спущенными парусами, дабы не привлекать к себе внимания, с предосторожностями приближался к условленному месту. Тем временем пленники, которым удалось добиться, чтобы их направили ухаживать за садами, расположенными за городской чертой, прятались в береговых утесах и с нетерпением дожидались сигнала. Наконец бесшумно подплывала барка с густо смазанными салом и обернутыми ветошью веслами. Шепотом произносился пароль, в полной тишине люди с берега быстро поднимались на борт, и суденышко тотчас отплывало. Далее все полагалось на волю случая. Запоздавший рыбачий баркас, бессонница какого-нибудь берегового жителя, лай потревоженной собаки — и тотчас раздавался крик: «Христиане, христиане!». Сторожевые посты у городских ворот били тревогу, всегда снаряженные к бою фелуки срывались из гавани. А теперь, когда вновь построенные прибрежные форты делали подходы к городу почти неприступными, каждый пытался выбраться поодиночке.

Люка поведал об одиссее Иосифа из Кандии, отправившегося в плавание на лодочке из тростника и

просмоленной парусины. И о пятерых англичанах, достигших Майорки на парусном полотняном ялике. И о двух искателях приключений из Бреста, которым удалось изменить курс фелуки, где они служили, и привести ее в Чивитта-Веккию. Но увы, если иметь в виду женщину, ни о чем подобном нельзя и помыслить. К тому же еще никто не видал, чтобы женщине удалось спастись...

Наконец граф де Ломени встал и объявил, что идет повидать Альференца с Майорки, содержателя «Каторжной таверны», которому так приглянулся Алжир, что он не помышлял его покинуть, хотя и сохранил связи со своими соотечественниками.

Вернулся граф уже под вечер, на этот раз с утешительными вестями. Он повидал Альференца, и тот поведал под величайшим секретом, что готовится побег и есть свободное место, так как один из участников внезапно умер.

— Я скрыл, что речь идет о женщине, тем более о вас, — объяснил он. — Ваше бегство наделало слишком много шума, и каждому, кто поможет вас выследить, обещана немалая сумма. Но мне нужен залог, чтобы узнать место и день отплытия.

Анжелика дала ему браслеты и несколько экю, хранившихся во внутреннем кармане ее обширной юбки.

— Но как же вы, господин де Ломени? Почему бы и вам не воспользоваться этими сведениями?

Ее вопрос поверг бравого дворянина в изумление. Ему никогда не приходило в голову подвергнуть себя подобному риску.

В ту ночь Анжелика, наконец, смогла заснуть, несмотря на духоту в отведенном ей закутке. Как и большинство пленных, измученных безмятежным африканским зноем, она увидела во сне морозную и вьюжную рождественскую ночь. Под колокольный звон

она вошла в церковь, чувствуя, что никогда не слышала ничего сладостнее этих звуков. Она увидела ковчег и на мягкой поросли зеленеющей травки — глиняные фигурки Пресвятой Девы, святого Иосифа, младенца Христа, пастухов и волхвов. Царь Валтасар был облачен в замысловатый плащ и высокий вызолоченный тюрбан.

Анжелика пошевелилась, и ей почудилось, что она просыпается, хотя, как оказалось, она уже бодрствовала, а ее широко распахнутые глаза смотрели на Верховного евнуха Османа Ферраджи.

Глава 6

Стояла ночная тишина. На освещенном луной полу тень оконных решеток сплела замысловатые кружева. Стоял запах зеленого чая и мяты. Анжелика вышла из состояния прострации и резко поднялась. Тишину лишь изредка нарушал далекий протяжный крик. Она догадалась, что это за звук, так похожий на вой попавшего в западню зверя. То билась в рыданиях одна из двух исландок, коих Верховный евнух вез в подарок своему повелителю.

Она, Анжелика, даже не вскрикнула и позволила себя увести двум рабам-евнухам, которые посадили ее в паланкин, эскортируемый еще десятком евнухов. По дороге она еще успела услышать стоны бедняги графа де Ломени, которого его хозяин Мохаммед Селиби Садат повелел нещадно бить палками. Она не могла знать, что случилось с его слугой-коммерсантом и кто их выдал. Быть может, ревнивая хозяйка графа?..

Теперь это уже не имело значения. Она чувствовала себя отделенной от остального мира «гаремной затворницей», и облекшая ее саваном тишина ничего доброго не предвещала. Ее подавлял не столько страх, сколько чувство окончательного поражения. Меицо-Морте, раскрыв перед ней хитросплетения своей дьявольской западни, почти лишил ее силы сопротивляться. Все, что ее поддерживало, на что она полагалась, оказалось ложью. Даже ощущаемая кожей близость супруга, придававшая ей силы, снова стала призрачной. Предчувствие обмануло: его не было нигде. Жив он или мертв, но вот Мохаммед Раки уж точно убит. Туманное воспоминание о вырвавшемся из плена французе все больше мутнело, терялось. А она сама позволила себя изловить, польстилась на пустую

приманку... Сломая голову она устремилась навстречу абсурдной и трагичной доле многих неосторожных странниц своего времени.

Теперь мышеловка захлопнулась. Как во множестве случаев, когда бешенство не находило выхода, она обратила гнев на себя. Ей представилось, что скажет мадам де Монтеспан, когда узнает о том, что с ней приключилось. «Мадам дю Плесси-Белльер... Вы слышали? Ха-ха-ха! В плену у берберийцев!... Ха-ха-ха! Говорят, верховный адмирал Алжира подарил ее султану Марокко. Ха-ха! Как это забавно. Бедняжка... — и отчетливо, как наяву, услышанные эти слова обожгли ее, будто каленым железом.

Язвительный смех прекрасной Атенаис отдался в ушах Анжелики, и она приподнялась, ища, что бы разбить. Пусто. Она лежала в голой камере, которую известковая побелка делала похожей на монастырскую келью. Сходство нарушали лишь богатые подушки, на которые ее бросили, словно тук с тряпьем. Никаких окон, и единственный выход забран этой проклятой кованой решеткой. Анжелика ринулась на нее и стала трясти. К ее удивлению, та поддалась первому же натиску. Она выбежала на лестницу. Из темноты бледной тенью появился евнух и последовал за ней. Другой, с алебардой, стоял на верху лестницы и выставил руку с оружием, преграждая путь. Анжелика ощутила в себе силу горного потока. Она оттолкнула его плечом. Он схватил ее за запястье. Не потеряв самообладания, она отхлестала его по дряблым щекам, схватила за ворот и швырнула наземь. Оба евнуха стали визжать, как обезьяны, а Анжелика меж тем взлетела выше и столкнулась с еще тремя визжащими евнухами, которым удалось ее остановить. Она сражалась как тигрица, но они повалили ее. Сейчас же к ним приблизился толстенный увалень, подняв над головой многохвостую плетку с узлами. Появившийся Осман

Ферраджи жестом велел ему отступить. На нем не было парадного тюрбана и плаща — лишь подобие пунцового атласного жилета без рукавов и длинные раздувавшиеся шаровары с поясом из драгоценного металла. Простой белый тюрбан тесно облегал тонко вылепленную голову. Теперь яснее проступала некоторая двусмысленность его облика: эти гладкие, пухлые, перехваченные браслетами руки, хрупкие кисти с унизанными перстнями пальцами могли бы принадлежать очень красивой негритянке. Он окинул Анжелику бесстрастным взглядом и мелодичным голосом произнес по-французски:

— Не желаете ли чаю? Или лимонного ликера? Не угодно ли отведать жареной баранины на шампуре? Или жаркого из голубя с корицей? А может быть, рогаликов из миндального теста? Вам необходимо подкрепиться и утолить жажду!

— Я хочу на свежий воздух! — воскликнула Анжелика. — Хочу видеть небо, выйти из этой темницы!

— И только-то? — мягко спросил Верховный евнух. — Прошу вас, следуйте за мной.

Хотя предложение было произнесено милостивым тоном, стражи не выпустили молодую женщину, внушавшую им ужас, поскольку пятерым из них она уже стоила жизни. Ей пришлось подняться по одной узенькой лестнице, затем по другой, и она очутилась на плоской крыше. Над ее головой сверкал огромный звездный купол. Лунный свет пронизывал легкую дымку, тянущуюся от моря и голубоватой вуалью окутывавшую все вокруг, придавая дымчатую призрачность даже тяжеловесному куполу ближайшей мечети. Ее высокий минарет выглядел прозрачным, проницаемым для лунных лучей и казался таким вытянутым, колеблющимся и легким, что от одного взгляда на него кружилась голова.

Временами молчание прерывал лай собак, разносившийся в душной ночи вместе с дуновением влажного морского ветерка. Выкрики из «Каторжной таверны» не долетали до этого красивого, утонувшего в зелени садов квартала, где расположились серали алжирских богачей. Царила тишина мусульманской ночи, еще более плодоносная, нежели дневной жар. Ведь именно по ночам плетутся интриги, осуществляются заговоры, немые душат приговоренных, а плененные женщины получают право помечтать, созерцая огромный, запретный для них мир. На некоторых крышах угадывались их бледные силуэты. Нежась на подушках или диванах либо неслышно прогуливаясь, они могли, наконец, открыть лицо и без помех впивать легкое соленое дыхание моря. Рокоту волн вторили щебет их голосов, приглушенный смех, звон серебряных стаканчиков. Разносился свежий запах мятного чая и пряностей.

Время от времени то тут, то там появлялся евнух-страж. Он делал обход, следуя по узким галерейкам, окаймлявшим крыши, и по закоулкам двориков. На высветленном луной небе выделялись эти медленно бредущие сумрачные фигуры, инспектирующие все потайные уголки, где мог бы спрятаться дерзкий возлюбленный, но совершенно равнодушные к переговорам и перешучиванию между соседствующими крышами.

Евнухи отпустили Анжелику. Она обернулась и увидела широкое аметистовое покрывало моря с серебряными бороздками волн. Трудно было вообразить, что по другую сторону этой феерии красок существовали европейские берега с серыми или темно-бурыми домами...

Анжелика уселась у края. На крыше были и другие женщины, но они хранили молчание, возлежа на подушках. Даже служанки, наливавшие им чай и

разносившие блюда с печеньями, казались очень робкими. Ведь и они были рабынями, купленными Верховным евнухом или презентованными Меццо-Морте, поэтому никто ни с кем еще не был знаком.

Осман Ферраджи с глубоким вниманием наблюдал за Анжеликой и вдруг, словно объятый внезапным прозрением, произнес:

— Хотите турецкого кофе?

Ноздри Анжелики задрожали. Она вдруг поняла, что именно турецкого кофе ей так не хватало в Алжире.

Не дожидаясь ее согласия. Осман Ферраджи хлопнул в ладоши и отдал короткий приказ. Через несколько мгновений был развернут ковер, принесены низкий столик и стопка подушек, и к небу потянулся душистый пар черного кофе. Осман Ферраджи знаком велел служанкам удалиться. Усевшись за столик и скрестив длинные ноги, он пожелал самолично прислуживать плененной француженке. Он подал ей сахар, предложил толченый перец и абрикосовый ликер, но она отказалась. Она пила едва подслащенный кофе. Глаза ее сомкнулись от внезапно нахлынувшей ностальгии.

«Этот запах напоминает Кандию... торговый зал, где он так странно смешивался с запахом табачного дыма... Мне хочется возвратиться туда и вновь почувствовать, как рука Рескатора приподнимает мой подбородок... Как вкусно пахнул тогда кофе! Я была счастлива в Кандии...»

Она отпила три глотка и, наконец, заплакала, сотрясаемая всхлипываниями, с которыми не могла совладать.

Она не желала выказывать слабость, стыдилась своего поражения перед лицом Верховного евнуха, тем более что абсурдность охватившего ее чувства казалась ей несомненной. Ведь в Кандии она была лишь жалкой, истерзанной невольницей, выставленной на продажу.

Тогда у нее еще теплилась надежда, оставалась цель! Там же обретался ее старый предприимчивый друг Савари, он мог ободрить, встряхнуть, направлял каждый ее шаг. Где он теперь, бедняга? Может, ему выкололи глаза, чтобы запрячь в колодезную норию вместо осла? Или бросили в море, или кинули на растерзание псам?.. Они же на это способны!..

— Не понимаю, почему вы плачете или кричите, почему вы волнуетесь...

— Ну да, — выговорила она между всхлипами. — Вам не понять, почему женщина, которую разлучают с близкими и заточают в тюрьму, может плакать! Но, насколько я понимаю, я не одинока. Послушайте, как воет внизу та, другая.

— Но вы — это совсем другое дело.

Он поднял руку, растопырив веером пальцы в перстнях, и начал их загибать:

— Женщина, которая свела с ума маркиза д'Эскренвиля, грозу Средиземноморья, которая подвигла самого осторожного из известных мне коммерсантов, дона Хозе де Альмада, дойти до ставки в двадцать пять тысяч пиастров за покупку, которая была ему ни к чему. Та, что ускользнула от непобедимого Рескатора. Та, что разговаривала с Меццо-Морте таким оскорбительным тоном, на какой не отважился бы никто из его врагов. И добавлю, первая женщина, выскользнувшая из рук Верховного евнуха Османа Ферраджи! Это большая честь. Когда, сударыня, являешься подобной женщиной, можно ли позволять себе плакать или поддаваться истерике?

Анжелика отыскала платок и одним глотком допила остывавший кофе. Конечно, ее не мог не впечатлить такой перечень собственных заслуг, и воля к сопротивлению снова пробудилась в ее душе. Она подумала: «А почему бы сверх всего этого мне не стать первой женщиной, сбежавшей из гарема?»

Ее зеленые глаза уставились на сидящего напротив Верховного евнуха. Она чувствовала к нему смесь симпатии и уважения, возникших сразу же, как только он появился около нее во время казни немецкого рыцаря. Сейчас его лицо, освещенное луной, казалось искусно вычеканенным из бронзы, с густыми и слишком тонко очерченными для мужчины тенями. Однако низкие брови негра, когда он не улыбался, придавали ему мрачноватую суровость. Впрочем, как раз в это мгновение Верховный евнух улыбнулся, подумав, что зеленые глаза этой женщины походят на глаза пантеры. Она была из той же породы, и ее слезы указывают лишь на раздражение хищника, попавшего в клетку. Ничего, он сумеет укротить ее.

— Нет, — заключил он, покачав головой, — пока я жив, вы не скроетесь. Хотите фисташек? Они из Константинополя. Правда ведь, хороши?

Анжелика нехотя погрызла, заметив, что бывают и лучше.

— Где это? — неожиданно оживился Осман Ферраджи. — Вы помните имя продавца? Где он живет?

Он добавил, что одна из его забот — потакать гурманству сотен рабынь Мулея Исмаила. От его путешествия в Алжир ожидали гастрономических чудес. Он приехал за греческим мальвазийским вином и восточными сладостями. Благодаря ему гаремы Мулея Исмаила были всем обеспечены лучше, чем где-либо в Берберии. Когда она прибудет в Мекнес, то убедится сама.

Анжелика насторожилась и показала когти:

— Я никогда не буду в Мекнесе. Я добьюсь свободы!

— На что она вам?

В вопросе было столько тихого удивления, что Анжелика обмякла, как прорванный бурдюк. Она могла крикнуть, что хочет видеть близких, свою страну, но вдруг не нашла слов, и вся ее жизнь предстала перед

ней как нечто, недостойное внимания. У нее не было корней, ничего не привязывало к жизни, кроме двоих малолетних детей, вовлеченных к тому же в ее безумные прожекты.

— Здесь ли, там, — шептал между тем голос Верховного евнуха, — везде, куда привел нас Аллах, насладимся прелестью жизни! Вам страшно, потому что наша кожа черна или коричнева, а язык незнаком. Но есть ли в наших нравах что-либо, что вселяет в вас ужас?

— Вы полагаете, что столь милое представление, как казнь мальтийского рыцаря, на которой мы оба присутствовали, заставит меня считать приятными мусульманские нравы?

Осман Ферраджи, казалось, был искренне поражен:

— Разве в ваших странах нет подобной казни? А привязывать к четырем кобылицам лучше? Французы, с коими я беседовал, поведали мне о подобных наказаниях.

— Это бывает, — признала Анжелика, — но не так часто... только когда дело идет о цареубийстве. — Казнь мальтийского рыцаря — тоже редкое явление. Так признается достоинство противника, страх, внушаемый им, и вред, им нанесенный. Это — большая честь для него. Вы страшитесь, сударыня, поскольку невежественны, как все христиане, не желающие узнать, что такое ислам. Они воображают, что мы дикари. Вы повидаете наши города в Магрибе; Марокко на закате розов, как огонь, и горит у подножия Атласских гор, чьи снежные вершины сверкают, словно россыпь бриллиантов. Фец — само имя его означает «золото»; Мекнес, наша столица, кажется выточенной из слоновой кости... Поистине, наши города прекраснее и богаче ваших.

— Нет, это невозможно. Вы сами не знаете, что говорите. Нельзя сравнить Париж с этим скопищем

белых кубов...

Жестом она обвела спавший у ног Алжир — и осеклась: перед ней мерцал невообразимый мир, существовавший вне всех времен, словно в сказке.

Там, у ее ног, слабо переливался город, выстроенный магией лунного света, высеченный из прозрачного фарфора и стоящий у аметистового моря. Это была сама мечта, и сквозь безвкусное тряпье пиратского гнезда проступали очертания мечтательной мусульманской души.

— Вы не созданы для страха, — внушал Осман Ферраджи, покачивая головой. — Будьте послушны, и с вами ничего худого не случится. Я дам вам время привыкнуть к нашим исламским нравам.

— Не знаю, смогу ли я когда-либо смириться с вашим презрением к человеческой жизни.

— Стоит ли жизнь человеческая стольких треволнений? Христиане панически боятся смерти и пытки. Ваше вероучение, по-видимому, плохо готовит вас к тому, чтобы выдерживать пристальный взгляд Бога.

— Меццо-Морте уже говорил мне нечто подобное.

— Это всего лишь ренегат; «турок-понадобности», — произнес Верховный евнух, не скрывая пренебрежения, — но я предпочитаю думать, что его привлекла к нам не только жажда роскоши и славы, но и свобода веры, дающая вкус к жизни и вкус к смерти, а не страх перед тем и другим, как у вас, христиан.

— И верно, какая жалость, что вы не сделали марабутом, Осман-бей. Вы прекрасный проповедник. Вы надеетесь легко обратить меня в вашу веру?

— У вас не будет выбора. Вы сделаетесь мусульманкой, став одной из жен нашего великого государя Мулея Исмаила.

Анжелика прикусила губу, чтобы удержаться от ответа. Про себя она непочтительно хмыкнула:

«Надейся, надейся!» До марокканского пугала, предназначенного ей в повелители, было, к счастью, далеко. О, она еще успеет улизнуть! И способ найдет и выберет подходящий случай... Непременно! Осман Ферраджи хорошо сделал, что предложил ей кофе...

Глава 7

Прежде всего отыскался мэтр Савари. Это был верный знак, что небеса не забыли о ней.

Караван-сарай, где марокканцы вкушали от щедрот алжирского гостеприимства, являл собой обширное строение, превосходившее размерами невольничий рынок в Кандии, и также располагал гостиницей и складами. Тот же общий план: четырехугольник, как рама картины, имевший по периметру два этажа комнат, выходящих на большой внутренний двор с колоннадой, в свою очередь окружавшей двор-садик с тремя фонтанчиками, олеандрами, лимонными и апельсиновыми деревьями. Войти туда можно было только через единственные ворота, охраняемые отрядом стражи. Ни одно окно не выходило на улицу. Снаружи все стены были глухими, крыши — плоскими, с галерейкой по внутреннему краю и зубчатой стеной с бойницами — по внешнему. У бойниц тоже постоянно находилась стража.

Сорок — пятьдесят комнат сего импозантного сооружения, настоящей крепости в самом сердце города, были набиты народом. Несколько помещений внизу служили конюшней для храпящих диковатых верховых лошадей, ослов и верблюдов. Именно оттуда на глазах Анжелики высунулось странное животное со змеиной пятнистой шеей, увенчанной маленькой головкой с большими влажными глазами и крошечными ушами. Зверь не казался злобным, он высовывал длинную шею из-за колоннады, окружавшей садик, стараясь подобраться к листьям олеандра. Анжелика с удивлением созерцала это чудо, когда чей-то голос по-французски произнес:

— Это жирафа.

Куча соломы зашевелилась, и из нее возникла сгорбленная и еще более, чем прежде, потрепанная фигура старого аптекаря.

— Савари! О, дорогой мой Савари! — прошептала она, сдержав сдавленный крик. — Как вы сюда попали?

— Когда я узнал, что вы в руках Османа Ферраджи, я все время пытался пробраться к вам. Помог случай. Меня купил турок-носильщик, который подметает двор казармы янычаров. Чувство собственной значимости подвигло этого незаменимого служащего купить раба, дабы тот подметал вместо него. У него есть друг, смотритель здешнего зверинца. От него я узнал, что здесь есть больной слон. Я вызвался его вылечить. Сторож перекупил меня у носильщика, и вот я здесь.

— Савари, что с нами будет? Меня хотят увезти в дар марокканскому султану.

— Не печальтесь. Марокко — очень занятная страна, и я уже давно мечтал о случае повидать ее вновь. У меня там есть знакомства.

— Еще один сын? — с бледной улыбкой спросила Анжелика.

— Нет, два! Один из них — от еврейки. Только кровные связи могут способствовать искреннему сообщничеству. Должен с прискорбием признаться, что не имею наследников в Алжире. Это делает возможность бегства весьма сомнительной. Вы сами знаете, что вы рисковали, пытаясь бежать...

— Вы прослышали про мое бегство?

— Здесь все быстро становится известно. Беглая французенка-рабыня, которую никак не найдут! Кто еще это мог быть? Вас не слишком сурово наказали?

— Нет. Осман Ферраджи выказал полнейшую предупредительность.

— Вещь весьма странная, но возрадуемся ей.

— Более того: я пользуюсь некоторой свободой. Мне позволено бродить по дому и даже покидать женскую

половину. В общем, Савари, это еще не гарем. И море близко. Не пришло ли время сделать новую попытку?

Савари вздохнул, вынул щетку из своего тазика и принялся ревностно тереть жирафу. Наконец он спросил, что случилось с Мохаммедом Раки. Анжелика передала ему рассказ Меццо-Морте о западне. Все ее надежды рухнули. Теперь она помышляет об одном: бежать, возвратиться во Францию.

— Всегда сначала хочется бежать, а потом приходит сожаление о содеянном. В этом магия ислама. Вы еще увидите. Но начинать надо все же с бегства, поскольку таковы обычно первые симптомы этой болезни.

Вечером Осман Ферраджи посетил Анжелику и осведомился, не является ли раб-христианин, чистящий конюшни, ее отцом, дядей или кем-то из родни. Анжелика покраснела, узрев в этом свидетельство бдительности стражей, обмануть которую ей не удалось. Она с живостью откликнулась, поведав, что это ее спутник по путешествию и хороший знакомый, но прежде всего он — большой ученый, а здесь мусульмане употребляют его на черной работе, поскольку таков их обычай: унижать христиан, ставя лакея на место хозяина и втапывая в грязь просвещенные умы.

— Вы заблуждаетесь, как и все христиане. Не гласит ли коран, что в час Страшного суда чернила ученого будут весить больше, нежели порох солдата? Достойный старец — врач?

Услышав утвердительный ответ, Верховный евнух просиял: больная исландка и еще — слон, два драгоценных подарка алжирского адмирала султану. Было бы прискорбно попортить эти дары еще до отъезда из города.

Савари воспользовался случаем. Ему удалось совладать с лихорадкой у обоих пациентов. Он воспользовался лекарствами собственного

изготовления, и Анжелика удивилась, как среди стольких превратностей ему удалось сохранить в бесчисленных дырявых карманах ветшающего одеяния эти травы, пилюли и порошки. Верховный евнух пожаловал ему пристойный плащ и включил в штат своей прислуги.

— Ну вот, — заключил Савари, — всегда все сначала намереваются бросить меня в море или псам, а потом — и весьма скоро — без меня уже не могут обойтись.

Теперь Анжелика не чувствовала себя такой одинокой. Фатима, старая вероотступница, также помогала ей познавать язык и обычаи этого странного мира.

Когда она попросила позволения оставить старуху при себе, Осман Ферраджи усомнился, что та согласится отправиться в королевство Марокко, где нет частного рабовладения и один лишь султан распоряжается всеми рабами-христианами, а их более сорока тысяч! Мех тем старая Фатима считалась свободной в любой из исламских земель, хотя упрямо продолжала называть себя рабыней. Вряд ли она решится отправиться к арабам, у которых другой говор и которых алжирцы, невзирая на собственные дикарские выходки, почитают дикарями.

Однако против ожиданий старуха объявила, что, чувствуя близкий конец и полное одиночество в Алжире, предпочитает умереть под покровительством соотечественницы, вдобавок — маркизы, как и первая ее хозяйка еще тех времен, когда ее, Фатиму, звали Мирей.

— Вот доказательство, — заметил по этому поводу Осман Ферраджи, — что старая колдунья провидит вокруг вас ореол счастливых предзнаменований и что «тьень Мулея Исмаила падет на вас», вознеся так высоко, как того заслуживают ваши красота и ум.

Анжелика остереглась его разубеждать. Теперь она питала надежду, что от попечителя гарема можно ожидать некоторой гуманности. Может, он убережет ее от зверств, с которыми она столкнулась в этих широтах, где полно таких, как Меццо-Морте с его юными волками, как алжирский дей с его гаремными «немыми» и раисы с их «Таиффой» — все это сборище пиратов и грабителей с большой дороги. Напротив, огромный негр выказывал по отношению к ней вообще-то ему не свойственную покладистость. А вот маленькая черкешенка Мариам по приказу этого ревнителя порядка и послушания была бита кнутом за то, что не закрыла лицо, выйдя на веранду верхнего этажа, когда во дворе толпились погонщики верблюдов. Напротив, Анжелика, появлявшаяся там же не только без чадры, но и в «непристойном» европейском наряде, не услышала ни одного упрека. Лишь два или три раза он просил ее накинуть покрывало, когда брал с собой в город посетить торговцев.

Со времени заточения на корабле Меццо-Морте она испытывала сильнейший страх перед мусульманскими юношами. А кроме молодых янычаров Меццо-Морте были еще стайки детей, бросавших осколки бутылок во двор невольничьей тюрьмы или вонзавших колючки в спины скованных галерников. Легко можно было вообразить, что случилось бы с рабыней, отданной на суд черни. Значит, худшего она избегла! Теперь она с тревогой наблюдала, как сотни малолеток заполнили караван-сарай. Они расположились на лужайке вокруг фонтанов, казалось, не занятые ничем, кроме щелканья орешков и поедания сладостей и печенья. Она осведомилась у Осман-бея, зачем они здесь.

— Они входят в те дары, которые соблаговолит принять у этих алжирских собак мой славный повелитель. Султан обожает молодежь всех широт: с далекого Кавказа и из Египта, из Турции и Южной

Африки, Италии и Греции. Эти пажи будут подготовлены для службы в штурмовых командах. Мулею Исмаилу они нужны отнюдь не для похотливых игр: из них вырастут могучие воины. Не забудьте, что его прозвали «Мечом Ислама». Он знает, как услужить Аллаху. Великий пост, Рамадан, у нас длится два месяца, а не один, как у алжирских лентяев. Нам надобно в два раза больше претерпевать, дабы замолить прегрешения этих, с позволения сказать, мусульман. Конечно, они неплохо воюют с неверными, но слишком бесчестны в делах.

Труд им отвратителен. Где их строительство? А у нас в Марокко строят очень много. Я подсказал султану мысль создать фаланги воинов-строителей. Пятнадцать тысяч чернокожих детей сначала два года учатся возводить стены и делать кирпичи. Еще два года они овладевают верховой ездой и сторожат стада. А с шестнадцати лет обучаются военному искусству и участвуют в битвах.

Общество Верховного евнуха и его беседы были небезынтересны. Казалось, он питал к пленной француженке особое почтение. Это не могло не льстить ей, хотя она старалась не поддаваться искусительному чувству. Она спрашивала себя, в какой мере этот негр с холодным умом мог бы сделаться ее сообщником. Сейчас она полностью зависела от него. Прочие рабыни-христианки, а также десяток прелестных кабийских девушек и чернокожих эфиопок панически боялись его. Как только длинная тень Османа Ферраджи падала на каменные плиты, они застывали, смех затихал и на лицах появлялось выражение провинившихся послушниц. Взор олимпийца окидывал эту строптивую и скрытную стайку. Черный гигант говорил с ними без грубости, но никакая подробность не ускользала от его внимания.

В этот день он показался ей весьма озабоченным, и в конце концов признался, что действительно пребывает в некотором затруднении. Ведь если память не изменяет ему, высокородная пленница, каковую он имеет честь сопровождать к султану Марокко, однажды обмолвилась, что занималась собственной коммерцией. Странные, между прочим, нравы: возможно ли, чтобы знатные дамы занимались торговлей, слывущей низменным ремеслом? Положим, и этот предрассудок нелеп, ибо сам Магомет во всеблагой мудрости своей, почерпнутой у Аллаха, не преминул напомнить, что для истинно верующего все ремесла благородны. А из сорока пророков, признаваемых исламом, не был ли Адам земледельцем, Иисус — каменщиком, Иов — нищим, Соломон — царем и многие другие — торговцами? Следовательно, его собеседница не должна стыдиться, что некогда занималась коммерцией, разумеется, до того, как поднялась до высокого ранга маркизы. Исходя из вышесказанного она, вероятно, разбирается в качестве сукон — этой вполне христианской материи, меж тем как правоверному мусульманину трудно определить, хорош ли этот товар. Не соблаговолит ли она своим советом оказать ему неоценимую услугу?

Анжелика благосклонно выслушала эту многословную тираду и проследовала за Верховным евнухом к тюкам с зеленым и пунцовым сукном. Тканями она не занималась, но кстати вспомнила слышанные некогда сетования Кольбера насчет колебания цен на сукно — товар, исключительно ходкий в исламских странах. Она пощупала уголок ткани, поглядела ее на свет.

— Вот эти два куска — негодная покупка. Красное, не буду отрицать, сделано из чистой шерсти, но из так называемой «мертвой» шерсти, иначе говоря, из клоков, которые овца теряет на кустах, а не из стриженного

руна, как полагается. К тому же выкрашено оно не мареной, а уж не знаю чем. Боюсь, такая ткань выцветет на солнце.

— А другой тук? — спросил Осман-бей. В его голосе сквозь обычную безмятежность пробивалась тщательно скрываемая тревога. Анжелика пощупала зеленую ткань и нашла ее слишком жесткой.

— А это — сущий хлам. Шерсть, пожалуй, лучшего качества, но зато с бумажной ниткой и слишком сильно крахмалена. Если намочить, материя сомнется, сядет и станет вдвое легче.

Лицо Верховного евнуха сделалось пепельно-серым. Голосом, с которым он уже не тщился совладать, Осман Ферраджи попросил Анжелику оценить другие куски товара. Она объяснила, что остальное сукно — наилучшего качества, и, по некотором размышлении, добавила:

— Могу предположить, что негодное сукно было вам предложено как образец, чтобы потом вы смогли заказать большую партию?

Лицо Османа Ферраджи просияло.

— Вы угадали, прекрасная Фирюза. Сам Аллах послал мне вас. Иначе я потерял бы лицо перед королевством Марокко и регентствами Алжир и Тунис. И весьма привередливая монархиня, султанша Лейла Айша, охотно опорочила бы меня в глазах моего повелителя. Воистину, сам Аллах остановил мою руку, когда после вашего бегства я было решил подвергнуть вас пытке на глазах остальных рабынь, чтобы преподать им урок. А затем отрубить вам голову собственной саблей, которую я уже наточил для этого случая. Но мудрость остановила мою руку, и прекраснейшая из моих сабель ржавеет в ножнах и пылится в Алжире, в этой крысиной норе, гнезде гнусных купцов-обманщиков. Но ты, о мой клинок, утешься! Пробил час вывести тебя из недостойного

бездействия ради справедливого дела и торжества правосудия.

Последняя фраза была произнесена по-арабски, но Анжелика уловила ее смысл, видя как негр извлек кривую саблю и театральным жестом заставил ее заблестать на солнце. Сбежавшиеся служанки укутали Анжелику в просторное шелковое покрывало. Потом ее усадили в портшез, и, сопровождаемая эскортом вооруженной стражи, она прибыла в лавочку сомнительного торговца, где уже распорядился Осман Ферраджи.

Купец лежал, распростершись ниц. С безмятежным видом марокканец попросил Анжелику повторить сказанное ранее. Тюки с сукном были уже принесены и развернуты. Раб-француз, приказчик купца, переводил ее слова, слегка заикаясь и косясь на саблю в руках Верховного евнуха.

Алжирец-негоциант клятвенно уверял, что невиновен. Произошло явное недоразумение... Никогда бы он не позволил себе обмануть высокого посланца великого султана Марокко. Сейчас он сам отправится в кладовую и вынесет все товары, приготовленные для высокочтимого и высочайшего визиря султана Мулея Исмаила. Согнувшись, он юркнул в свою темную нору.

Осман Ферраджи с довольным видом поглядел на Анжелику. Его глаза горели и щурились, словно у кошки, готовой броситься на мышь. Он бросил взгляд в сторону кладовой, оттуда послышался страшный крик, и купца извлекли на свет. Его крепко держали три черных стража, помешавшие ему улизнуть через заднюю дверь.

Беднягу заставили встать на колени и прижали голову к одному из тюков с сукном.

— О, но ведь вы не отрубите ему голову? — вскричала Анжелика; ее слова остановили уже поднятую руку.

— Разве не мой долг раздавить зловонное насекомое? — спросил Верховный евнух.

— Нет, нет, прошу вас! — в ужасе прошептала она.

Смысл ее замешательства не был понятен управителю султанского сераля. Но у него были причины щадить чувства пленницы. Со вздохом он отложил казнь купца, который едва не опозорил его, — его, самого сведущего интенданта в огромном султанском штате. Он объявил, что ограничится лишь отсечением руки, как поступают с ворами, что тотчас и сделал резким сухим ударом, словно рассек обыкновенный стебель сахарного тростника.

— Давно пора нам покинуть эту страну воров! — произнес несколько дней спустя Осман Ферраджи.

Анжелика даже подскочила: она не расслышала, как он подошел. За ним следовали трое негрятят. Один нес кофе, другой — толстую книгу, свиток бумаги, чернильницу и тростниковую палочку для письма, третий — раскаленную жаровню и охапку колючек.

Анжелика застыла, наблюдая за действиями евнуха. От этого странного человека можно было ожидать всего, что угодно. Не приготовления ли это к какой-нибудь изощренной пытке?

Верховный евнух улыбнулся. Из плаща он вынул платок в красную и черную клетку, развязал на нем узелок и подал ей перстень.

— Это мой подарок. Конечно, это маленькое колечко, но, хотя я очень богат, я должен оставить за моим повелителем исключительную привилегию богато одаривать вас. А эту вещицу я вручаю в знак дружбы. Теперь же я начну учить вас арабскому языку.

— А... огонь для чего? — спросила Анжелика.

— Чтобы очистить воздух вокруг Корана, который вы станете изучать. Не забудьте, пока вы христианка, вы оскверняете все, что вас окружает. Везде, где вы будете проходить, мне придется очищать это место

особыми обрядами, а нередко — огнем. Это очень обременительно, вы уж мне поверьте...

***

Он выказал себя мягким, терпеливым и образованным наставником. Анжелика вскоре с головой погрузилась в занятия, они ее развлекали. К тому же выучить арабский было полезно, это позволило бы найти сообщников для побега.

Как она сможет бежать? Куда? Об этом она понятия не имела, но повторяла себе, что пока жива и в здравом рассудке, ни за что не откажется от планов бегства.

Среди всего, что она узнала, особенно поразило ее, что на Востоке отсутствует понятие времени. Так, когда Верховный евнух повторял, что они «тотчас отправляются» в Марокко, она сначала понимала его буквально и ожидала, что вот-вот ее погрузят на верблюда и караван тронется. Но дни проходили за днями, Осман Ферраджи продолжал изрыгать проклятия по адресу ленивых и вороватых алжирцев, «которые в нечестности уступают только иудеям и христианам», снова и снова возвещал о немедленном отъезде, однако ничто еще не было готово для отправления.

Напротив, Осман Ферраджи все глубже втягивал ее в свои дела: то принесет кусок венецианского бархата, чтобы узнать ее мнение о качестве ткани, то явится просить совета о выборе кордовских кож для выделки седел, то сообщит, что ожидает прибытия партии особого аравийского мускуса, фисташек и абрикосов из Персии, а также персидской нуги, по сравнению с которой лакомства Алжира и Каира лишь скверные подделки.

Невольно увлекшись этими хозяйственными заботами, Анжелика даже поведала ему, что персиянин Бахтияр-бей дал ей рецепт настоящей нуги, которую делали из меда, смешанного с миндалем и разными

порошками, среди которых — знаменитая «манна пустыни» — кристаллики сахара, выделяемые кустарниками в таком количестве, что ветер иногда наматывает из них целые снежные дюны. Все это вымешивали ногами в мраморных чанах, а затем добавляли лесные орехи и фисташки.

Суровый негр захлопал в ладоши, словно ребенок, и тотчас предпринял поиски такой манны — библейского дара пустынь. Это новое обстоятельство обещало до бесконечности продлить их пребывание в Алжире, и Анжелика не знала, радоваться ли этому. Когда она видела море, в ней оживала безумная надежда на бегство. Однако зрелище сотен рабов, многие из которых пробыли в здешней неволе более двадцати лет, убивало все иллюзии. Однажды Анжелике подумалось, что их караван, наверное, проделает часть пути по морю. Всю ночь она внушала себе, что марокканские суда не смогут улизнуть от кораблей Мальтийского ордена или пиратов-христиан. Наутро она вся светилась от этих грез, но тут Верховный евнух заметил, словно в заключение молчаливой беседы:

— Если б не было на море проклятого мальтийского флота, я за три недели доставил бы вас в столицу нашего блистательного монарха.

Он сощурил большие семитские глаза, и они превратились в ярко светящиеся золотые щелочки.

Молодая женщина уже заметила: этот взгляд появлялся у него, когда он желал вызвать ее одобрение, подавал завуалированный совет или намекал, что читает ее мысли.

Теперь управитель сераля, казалось, закончил последние приготовления к отправке своего импозантного каравана. Каждый день ждали отъезда. Но каждый день — по таинственным мотивам, а может статься — и без оных — приказ об отбытии отменялся.

Осман Ферраджи словно бы ожидал какого-то невидимого, а возможно, и непредсказуемого знака.

Среди прочего одной из причин этих бесконечных отсрочек была забота о здоровье карлика-слона. Он все недомогал, и нельзя было пуститься в путь по гористым и пустынным дорогам, рискуя жизнью такого драгоценного и редкого животного, которое должно обрадовать Его величество. Мулей Исмаил обожал животных. У него были тысяча лошадей в конюшнях и сорок кошек в садах, причем каждая откликнулась на свое имя. Нужно было ждать, пока слон вполне поправится. Каждый день его врач, старый раб Савари, приглашался для долгих консультаций.

Затем надо было ожидать пленения кораблями из Триполи судна, груженного, по слухам, лучшим мальвазийским вином. По этому поводу Анжелике пришлось подвергнуться пристрастному допросу. Что можно сказать о французских сладких винах, о португальских, испанских и итальянских? Считать ли их десертными винами, допустимыми в гареме, чем-то вроде ликеров, или же винами опьяняющими, запрещенными исламом?

Анжелика не без иронии предложила обратиться к знатокам Корана и найти у них ответ на каверзный вопрос. Евнух был очарован таким ответом, показывающим благоразумие его ученицы и ее понятливость, ибо только что он учил ее, что ислам означает «покорный Богу».

Мальвазийские вина были признаны угодными Магомету, и теперь оставалось ждать успеха пиратов. Верховный евнух был бы раздосадован, если бы пришлось возвращаться без этого редкого лакомства, признанного ублажать дам, за решетками гарема соскучившихся по новинкам. В начале своего пребывания в Алжире он приобрел несколько бочонков вина, которое ему рекомендовали как весьма тонкое, но

Анжелика открыла Осман-бею, что ему всучили заурядное питье из виноградных выжимок, а значит, он едва избежал еще одного повода быть обесчещенным. И никто не удержал его руку, когда сабля-мстительница обрушилась на голову мошенника, продавшего эти самые бочонки, который к тому же козырял своим давним путешествием в Мекку и титулом «хаджи»!..

Анжелика терпеливо слушала разглагольствования Верховного евнуха, весьма схожие с дамской болтовней. Временами она удивлялась, что когда-то приняла этого негра за достойного потомка библейских волхвов. Она говорила себе, что он мелочен, болтлив и даже слабоволен, как женщина. Казалось, он все время топчется на месте, вслепую нащупывая свой путь.

— Не заблуждайтесь, мадам, — сказал ей, покачивая головой, старый Савари, когда она поделилась с ним подобными соображениями. — Это тот самый человек, который сделал Мулея Исмаила султаном Марокко, а сейчас пытается сделать вершителем судеб всех государств ислама, а может быть, и Европы. Бойтесь его раздражить, мадам, и просите Господа, чтобы вырвал вас из его рук, поскольку один лишь Господь на это способен.

Анжелика пожала плечами. Вот и Савари заговорил, как этот сумасшедший д'Эскренвиль. Может, он понемногу начал дряхлеть? Было от чего после стольких приключений! Чтобы старый аптекарь, всегда столь изобретательно затевавший тайные комплоты, полагался на волю всевышнего? Он явно не в себе! Или же оценивает их положение как исключительно опасное...

Савари получил привилегию свободно бродить по городу в качестве «муканги», как в Судане называют лекаря. Он обследовал лавчонки и рынки, ища травок или порошков, необходимых ему для дела, а более всего в поисках новостей, которые он выведывал у

недавно плененных рабов. В Алжире от людей, собранных со всей Европы, можно было узнать обо всем быстрее, нежели при дворах Франции, Англии или Испании. Например, пришли вести о новом короле Венгрии и о том, что Людовик XIV воюет в Голландии.

Все эти слухи казались Анжелике нереальными и смехотворными. Этот французский король, воюющий со всей Европой, — тот самый мужчина, который стискивал ее в своих объятиях, жарким шепотом умоляя не быть к нему такой жестокой? А если бы сейчас она позвала его на помощь, гремели бы пушки, чтобы ее освободить? Она отмахнулась от этой мысли: даже думать о таком было бы поражением. Эти бесчисленные рабы, пришедшие со всех концов света, никогда не говорили об обезображенном хромом по имени Жоффрей де Пейрак. Она достоверно знала, что он отправился в Средиземноморье, что там его след затерялся несколько лет назад. Верны ли слова Меццо-Морте, что ее супруг давно умер от чумы? Когда эта мысль посещала ее, она начинала чувствовать нечто похожее на облегчение. Ведь порой неопределенность — тягчайшая из пыток. «Я слишком долго летела по следу мечты...»

Иногда ей казалось, что она стала лучше понимать Савари. Многие годы он провел в погоне за своим «минеральным мумие». Его смелая выходка в Кандии — этот пожар — была лишь научным опытом. Теперь же он двигается ощупью. Скелет карликового слона и заботы о его живом потомке не дают достаточно пищи его ученому уму. Как и она, он захвачен вихрем слепой фортуны. А вся жизнь не есть ли сплошное топтание на месте? Нет, она не позволит себе размякнуть от жары и позлащенного заточения. Она хочет бежать, а это уже цель!

С новым жаром она склонилась над пергаментом, на котором чертила знаки. И вздрогнула от пристального

взгляда Османа Ферраджи. Она забыла о его присутствии. Казалось, он от века сидел здесь, строгий, величественный и таинственный, скрестив свои длинные ноги, укрытые плащом из белой шерсти. На нем были жемчужно-серый кафтан и высокий черный колпак с вышивкой такого же красного цвета, как и его ногти.

— Воля — это магическое и страшное оружие, — произнес он.

Анжелика посмотрела на него, объятая внезапно нахлынувшей злостью, как всякий раз, когда он угадывал ее мысли.

— Вы хотите сказать, что надо позволить жизни нести себя, как волна — сдохшую собаку?

— Наша судьба не в наших руках. Что предначертано, то предначертано.

— По-вашему, судьбу изменить нельзя?

— Нет, можно, — серьезно сказал он. — Все смертные обладают некоторой малой возможностью противостоять судьбе. Этого добиваются лишь напряжением воли. Вот почему я говорю, что воля есть род магии, она насилует природу. И что она опасна, поскольку ее плоды не могут не стоить очень дорого, а ее борьба способна навлекать большие беды. Вот почему христиане, направляя личную волю куда им вздумается, ради мелочных целей без конца вступая в единоборство с судьбой, за это отягчены невзгодами, на которые жалуются всю жизнь.

Анжелика покачала головой.

— Не могу вас понять, Осман-бей. Мы принадлежим двум разным мирам.

— Мудрость не приходит за один день. Особенно когда человек воспитан в безумии и беспорядке. Но поскольку вы благоразумны и прекрасны, я хочу предостеречь вас от тех зол, которые падут на вас, если вы будете упорствовать, действуя наперекор

предначертаниям судьбы. Ведь вы не ведаете истинного пути и целей, какие Аллах изволит иметь на ваш счет.

Анжелике хотелось бы высокомерно возразить, что учению Корана не сравниться с богатствами греко-латинской цивилизации. Однако у нее не было желания спорить. На нее, вопреки ее воле, нисходило успокоительное ощущение, что о ней заботятся и ограждают, что ее ведет пронизательный спокойный ум, обладающий даром освещать вспышками ясного света непроглядные сумерки судьбы.

— Вы колдун, Осман-бей?

На губах Верховного евнуха блуждала почти что добрая улыбка.

— Нет, я всего лишь человеческое существо, свободное от страстей, лишаящих большинство людей прозорливости, И я бы хотел напомнить тебе, Фирюза, вот что: Аллах всегда исполняет желаемое, если молитва праведна и ежедневна.

Глава 8

Как огромная гусеница, караван то растягивался, то сжимался, петляя среди дикой местности под небом цвета густого индиго, медленно и неудержимо взбираясь на вершины срединной части Атласских гор.

Караван включал в себя двести верблюдов, столько же лошадей и три сотни осликов, не считая карликового слона и жирафы.

Многочисленный отряд вооруженных всадников, в большинстве чернокожих, шел впереди, другой такой же замыкал шествие. Небольшие группы стражей скакали и по бокам. Сотня пешеходов кучками была распределена по всей длине огромного каравана, «самого большого за последние полвека», как не без гордости замечал его предводитель, Верховный евнух Осман Ферраджи.

От передового отряда постоянно отрывались всадники на верблюдах и лошадях, убыстрявшие шаг каждый раз, когда караван приближался к ущелью или опасному отрогу, за которым могла притаиться засада. Разведчики карабкались на отвесные утесы, откуда могли заметить спрятавшихся грабителей. Завидя что-либо подозрительное, они давали сигнал выстрелом из ружья, а о подробностях сообщали особым способом — при помощи солнечных зайчиков.

Анжелика разместилась в паланкине на горбе лохматого верблюда. Это было немалой честью, поскольку большинство женщин, даже те, что предназначались в гарем, шли пешком или ехали на ослах.

Путешественники продвигались среди гор, то голых, то поросших кедром и акацией. Носильщики — по большей части арабы, — а также все негры, даже дети,

были в седле и вооружены. Те самые дети, что нежились от безделья в караван-сараях, в пути проявили себя неутомимыми всадниками, улыбчивыми, подтянутыми и вымуштрованными; единственным, что их раздражало, был запрет преследовать бандитов и показывать свою удалость, скача во весь опор по ущельям и перерубая на полном скаку толстые ветви.

Зато взрослые негры из эскорта, не в пример беспокойной молодежи, шествовали надменно и бесстрастно. Они были богато вооружены ружьями и копьями, все как один в красных тюрбанах и плащах из пунцового шелка. То были свирепые нукеры из гвардии марокканского султана. Рядом с ними несколько небольших отрядов турок-янычаров, посланных алжирским пашой и Меццо-Морте сопровождать высокого гостя при переходе через срединные Атласские горы, казались кучками бедных родственников.

Осман Ферраджи был пастырем всего этого стада, медленно продвигавшегося в облаке золотистой пыли. Верховом на белой лошади он постоянно объезжал колонну, держал связь с офицерами, укрощал выходки юнцов, а также не забывал заботиться о самых ценных пленницах.

Одет он был в свой цветастый суданский плащ и вызолоченный тюрбан, сверкавший на солнце, когда он привставал в седле, всматриваясь вдаль, или оборачивался, чтобы отдать приказ своим мелодичным женственным голосом, неожиданно забавным при его обличье гиганта.

Именно он вел переговоры с предводителями бандитов, когда обнаруженная засада грозила затяжной схваткой. Грабители были столь многочисленны, что их полное уничтожение грозило бы чрезмерной тратой боевых припасов. Проще было заплатить им дорожный сбор несколькими мешками

золота и зерна. Среди разбойников было много берберов и кабиллов в голубых одеждах, с почти белой кожей, встречались и люди из горских племен, земледельцы — все, кого скудость доходов толкала на грабеж. Вооруженные луками и стрелами, они немногочисленными стоили в битве против мушкетеров марокканского монарха.

— Вот плоды беспорядков, которые алжирское и тунисское регентства развели на своих землях, — с презрением ронял Осман Ферраджи. — Вот чем исламский мир расплачивается за то, что допустил к власти западных ренегатов, заботящихся только о сиюминутных выгодах. Вы увидите, как все переменится, лишь только мы вступим в Марокко. Местные предводители головой отвечают за каждый предмет, пропавший у путешественника, остановившегося на их землях. А потому дороги там спокойнее, нежели где-нибудь в мире!

Осман Ферраджи торопился достигнуть пределов обетованной страны. Многочисленность каравана и богатство поклажи притягивали разбойников, как мед мух. И немудрено. Фатима перечислила Анжелике все, что алжирский адмирал посылал могущественнейшему Мулею Исмаилу. Среди этих сокровищ был даже золотой трон, украшенный драгоценными камнями и имевший особую историю. Меццо-Морте захватил его вместе с венецианской галерой, которая, в свою очередь, позаимствовала его у бейрутских корсаров, к ним же он попал, будучи похищен у персидского шаха во время его поездки по землям шиитов и исмаилитов. Только по весу золота он оценивался в восемьдесят тысяч пиастров. А еще — два Корана в роскошных переплетах, три сабли, украшенные драгоценными камнями, туалетная комната с семьюдесятью девятью предметами из золота, тысяча кусков муслина на тюрбаны, два тюка тончайшего персидского шелка и

пятьсот тюков ординарного венецианского шелка. Были там также сто юношей и двадцать черных евнухов из Сомали, Ливии и Судана, десять черных эфиопов и семеро белых, так называемой халдейской расы, шестьдесят арабских скакунов, из коих семь — с седлами. Затем — уздечки, украшенные золотом, попоны, вышитые жемчугом, карликовый суданский слон в пунцовом облачении, жирафа из Бахра, газель с Верхнего Нила и двадцать пять тюков ружей из страны друзов. К тому же двадцать красивейших женщин всех рас...

Человека, привыкшего к роскоши, такой список не мог не впечатлить. Как подсчитала Анжелика, стоимость подарков доходила до двух миллионов ливров! Это давало почувствовать высокое положение и власть калабрийского разбойника, с которым она обошлась так резко. И так же она обойдется с султаном, каким бы грозным его не считали! Тут Анжелику охватывала дрожь, выводившая из оцепенения, в которое ее погружала многодневная тошнотворная тряска на верблюжьей спине.

По вечерам ставили палатки, и синеватый дым затмевал прозрачность посвежевшего неба цвета лимона или апельсина. Чтобы развлечь гаремных женщин, Осман Ферраджи посылал им какого-нибудь фокусника или укротителя змей; дервиша — глотателя скорпионов, кактусов и толченого стекла; танцора, сопровождавшего гигантские прыжки звуками тамбурина с бубенцами. Имелся также слепой певец, терзавший крошечную гитару. Сидя на корточках перед палатками невольниц и обратив к небу лицо цвета перезрелой сливы, он тянул нескончаемую монотонную песнь во славу Мулея Исмаила. Анжелика уже настолько познакомилась с арабским языком, что могла понять смысл повествования.

«Он молод, красив и редкостно силен. Он часто меняется в лице при смене обуревающих его страстей. Радость делает его почти белым. Гнев — почти черным, а глаза его становятся кроваво-красными. У него живой и решительный ум. Он угадывает мысли тех, кто к нему обращается. Он тонок и хитер, всегда умеет достичь цели. Он предвосхищает бедствия и постоянно настороже. Он бесстрашен и мудр, когда беда настигает его, и проявляет чудесную стойкость и упорство в невзгодах... Гордостью он превосходит покойного Гаруна-аль-Рашида, а перед лицом Аллаха нижайше скромн, подобно последнему паршивому нищему. Он велик во всем, поскольку Пророк говорит его устами».

Анжелика слушала, укачиваемая резким монотонным голосом. Она лежала у входа в удобную палатку, на лучших подушках. Жилище она делила с юной черкешенкой, очаровательной и грустной, которая не переставала плакать, томясь разлукой с отчим домом.

Путешествие на спине верблюда убедило Анжелику в преимуществах турецкого костюма, который она уже надевала в Кандии. Длинная накидка из легкой ткани, муслиновая рубаша с длинными рукавами, широкополая шляпа с вышивкой больше подходили для путешествия в горах и пустыне, нежели жесткие фижмы, крахмальные воротнички и тесные корсеты. Анжелика грызла фисташки, облепленные крупной сахарной крошкой и обжаренные в бараньем жире, и говорила себе, что для полноты счастья ей не хватает только превратиться в толстуху.

А меж тем певец продолжал:

«Он победил врагов и царствует один. Скольким неверным по вечерам рубят головы! Сколько из них еще хрипят, когда их волочат по земле. Сколько глоток пронзили наши копья, сколько дротиков торчит во

вражеской груди! Сколько пленных, сколько мертвецов, поверженных во прах! Сколько раненых багрит землю кровью! Хищные птицы отяжелели от крови. Каждую ночь шакалы рвут свежее мясо. Шакалы и коршуны говорят: «Здесь прошел Мулей Исмаил. Поутру его воины были пьяны без вина». Его наместник Ахмет послал ему шесть тысяч голов, отправив их на двух колесницах. Когда в Мекнесе пересчитали, не хватило десяти голов. Мулей Исмаил схватил саблю и отрубил десять голов нерадивых стражей...»

***

Длинная тень Османа Ферраджи сложилась вдвое рядом с Анжеликой. Верховный евнух любезно осведомился:

— Вы достаточно владеете арабским, чтобы понимать слова поэта?

— Да, достаточно, чтобы видеть ночью кошмары. Ваш Мулей Исмаил выглядит кровожадным варваром.

Осман Феррадхи ответил не сразу. Он тремя пальцами поднял чашечку, в которую раб налил кипящий кофе.

— Какое царство не зиждется на убийствах, войнах и крови? — заметил он. — Мулей Исмаил насилу одержал верх в высоком единоборстве со своим братом Мулеем Арши. По отцу его род восходит к Магомету. Мать его — негритянка из Судана.

— Неужто, Осман-бей, вы замышляете представить меня вашему повелителю и сделать одной из его бесчисленных наложниц?

— Нет, вы станете его третьей женой и признанной фавориткой.

Анжелика решила прибегнуть к уловке, на какую вряд ли хоть одна женщина пошла бы добровольно. Она задумала прибавить себе пять... нет, семь... нет, даже десять лет, и призналась попечителю сераля, что ей сорок. Как может он, поставщик монарших

наслаждений, предложить в качестве фаворитки женщину, достигшую переломного возраста? Ведь сам он жаловался, сколько забот доставляют ему отставленные наложницы, которых приходится селить в отдаленной крепости, в то время как в гарем доставляют новых юниц пятнадцати — двадцати лет.

Осман Ферраджи выслушал ее с ехидной усмешкой.

— Значит, вы немолоды? — переспросил он.

— Да, весьма, — подтвердила она.

— Это не сможет повредить расположению моего повелителя. Он вполне способен оценить ум, благоразумие и опытность зрелой женщины, особенно если они таятся в теле, сохранившем всю соблазнительность юности...

Насмешливо щурясь, он глядел на нее в упор:

— ...Тело молодой девушки, взгляд зрелой женщины, сила, томность, нега, искушенность, а может быть, даже извращенность в любви, доступные лишь женщине в расцвете лет, — в вас все это есть. Столь пикантные контрасты не могут не привлечь моего повелителя. Он сам все это угадает при первом взгляде на вас. Ведь он наделен даром проникновения в чужие души, несмотря на юный возраст и неистовый любовный темперамент, унаследованный по негритянской линии. От избытка соблазнов он мог бы погрузиться в пучину страстей. Мог бы растратить время и силы в изнурительной погоне за наслаждениями. Но очень рано в нем пробудился гений. Ни телом, ни духом он не подвластен искушению и усталости. Не пренебрегая чарами наложниц, или, точнее, умея ими вовремя пренебречь, он способен привязаться к единственной женщине, если признает в ней отсвет своей собственной духовной мощи. Знаешь ли ты, сколько лет его первой фаворитке, к которой он часто обращается за советом? По меньшей мере сорок... и выглядит она соответственно: громадная, выше его на голову — при

том, что у него отличный рост, — и черная, как угольная яма. При взгляде на нее теряешься, не в силах понять, какими ухищрениями она завоевала сердце своего господина и получила власть над его умом.

Напротив, его второй жене, по-видимому, не более двадцати. Это англичанка, которую захватили по пути в Танжер, куда она отправлялась с матерью к отцу, служившему в тамошнем гарнизоне. Она белокура, с розовой кожей, необычайно грациозна. Она могла бы завладеть всеми мыслями султана, но...

— Но?

— Но Лейла Айша, первая жена, держит ее под своим влиянием, та ничего не делает без ее совета и соизволения. Вообще я пытался образовать ум англичанки, освободить ее от этого влияния. Малышка Дэзи, прозванная Валилой после обращения в мусульманство, отнюдь не глупа, но султанша Лейла Айша не выпускает ее из рук.

— Разве вы не верный слуга вашей госпожи Лейлы Айши? — спросила Анжелика, и Верховный евнух принялся, попеременно прижимая ладонь к сердцу и плечу, громогласно заверять, что он душой и телом предан султанше султанш.

— А третья жена?

Глаза Османа Ферраджи сузились в его особенном прищуре.

— У третьей жены будет крепкий властный ум Лейлы Айши и тело цвета снега и золота, как у англичанки. С ней мой повелитель отведаст всех наслаждений, и остальные женщины померкнут в его глазах.

— А она во всем будет слепо повиноваться Верховному евнуху, попечителю сераля?

— От этого будет польза и ей, и моему повелителю, и королевству Марокко.

— Так вот почему вы не отрубили мне голову в Алжире?

— Разумеется.

— А почему вы не высекли меня до крови, как пророчили все вокруг?

— Этого вы бы мне никогда не простили! Никакие слова, обещания, знаки внимания не смогли бы победить ваше отвращение ко мне. Не так ли, моя маленькая Фирюза?

Пока они говорили, опустилась ночь. Там и сям зажглись костры, их потрескивание слышалось, несмотря на топот животных, гомон людских голосов и бой барабанов. Иногда раздавался нестерпимый крик верблюда, ржали лошади, блеяли овцы, целую отару которых гнали с караваном, дабы приносить в жертву по одной в день.

На углях каждого костра дымилась похлебка из пшеничной крупы. Арабы, носильщики, воины толклись у огня и маленькими глотками поглощали это раскаленное кушанье, приправленное кориандром и неким подобием масла, сладкого, как сливки. Блюда с кебабом несли к шатрам. На них шипели куски мяса, которое до этого мяли и катали, а потом жарили в бараньем жире. Мясом оделяли только знатных господ, а рабы получали томленные в жире овощи, изрядно сдобренные пряностями.

Жар уже не изливался с небес, но исходил от земли, и все купалось в горячих испарениях, где смешались запахи подгоревшего жира с ароматом свежей мяты.

Вдруг раздался мощный голос певца, заглушивший резкие монотонные звуки мусульманских песнопений. Это неаполитанец-раб, лежа под звездами и расслабившись после тягот дня, на минуту забыл о своей неволе. В этом долгом пути под звон цепей ему вдруг почудился привкус вольной жизни.

И Анжелика, тоже ощутив, что постепенно скользит, повинувшись подобному же искушению, к пропасти — к примирению с рабским уделом, воскликнула с живостью:

— Не рассчитывайте на меня, Осман Ферраджи! Не надейтесь сделать из меня одалиску султана.

Верховный евнух даже не поморщился.

— Что ты об этом знаешь? И стоит ли сожаления та жизнь, что ты оставила позади?..

(«Где бы ты хотела жить? Для какого мира ты создана, сестрица?» — говаривал ей Реймон, сверля ее пронизательным взглядом иезуита.) — В гареме великого султана Исмаила у тебя будет все, о чем только может мечтать женщина: власть, наслаждение, богатство...

— Сам король Франции сложил все свои богатства и всю власть к моим ногам, и я отвергла его!

Наконец ей удалось удивить его:

— Что ты говоришь? Ты отказала своему повелителю в том, о чем он тебя умолял? Может, ты глуха к прелестям любви? Это невозможно! В тебе заметна свобода, повадка женщины, которая чувствует себя вольно среди мужчин. В твоих жилах течет кипучая кровь, тебе свойственна дерзость улыбки и взгляда. Ты — прирожденная фаворитка, украшение двора, я не могу здесь ошибиться...

— Однако это так, — упорствовала Анжелика, радуясь, что пробудила в нем сомнения. — Я разочаровала всех любовников и, овдовев, предпочла жизнь спокойную, лишенную тягот, связанных с любовными интригами. Моя неприступность привела в отчаяние короля Людовика XIV, это так, но что я могла поделаться? Вскоре я разочаровала бы и его, тогда бы он заставил меня дорого заплатить за это, ведь для монарха холодность может показаться оскорблением

величества. Будет ли вам благодарен Мулей Исмаил, если на его ложе окажется равнодушная любовница?

Осман Ферраджи выпрямился, с видом недоумения потирая свои длинные царственные пальцы. Он едва скрывал, какой удар откровения Анжелики нанесли его планам. Подобное препятствие грозило застопорить жирно смазанные шестерни его замысла. Что делать с рабыней поразительной красоты, всем своим видом обещающей бурю страстей, призванную расшевелить пресыщенные чувства владыки, если она окажется холодной в его объятиях? Прискорбное зрелище! Евнуха заранее прошиб холодный пот. Он уже слышал разъяренный вопль Мулея Исмаила.

Разве не сетовал тот, что устал от бесчувственности пресных дев, прекрасных, но привносящих в любовные утехи лишь удручающую неловкость? А знающие толк в наслаждении были не первой молодости... Верховный евнух уже предпринял длительное и трудное путешествие в глубину африканских джунглей, где, как он знал, обретались секты «чикомби» — девственниц, обученных колдуньями. Но Мулей Исмаил только поморщился. Ему надоели чернокожие, захотелось белых. Вот Верховный евнух и отправился в Алжир, но кроме Анжелики никто из увезенных оттуда женщин не смог бы, по его разумению, удовлетворить султана. Евнух пересмотрел неисчислимое множество рабынь, но те, кого он отобрал, хотя и очень красивы, но, без сомнения, слишком зелены. Исландка с волосами лунного цвета и глазами вареной рыбы могла бы понравиться лишь как курьез. Ее ничто не сможет вывести из оцепенения, да и умрет она скоро.

И вот он все поставил на эту женщину с бирюзовыми глазами, способную и на страстные порывы, достойные разъяренной тигрицы, и на неожиданные всплески ребяческой радости. Все Средиземноморье говорило о ней. Именно по настоянию Верховного евнуха Меццо-

Морте отправился на охоту за ней. И вопреки тому, что предполагала Анжелика, она не входила в число даров, но была куплена у пирата за огромные деньги, поскольку именно он, евнух, оплатил все расходы экспедиции.

И вот теперь она признавалась в непростительном изъяне, эта придворная обольстительница, которую он возмечтал возвести в ранг фаворитки, призванной снискать любовь Мулея Исмаила всеми искушениями чувства и ума.

Он еще больше встревожился, вспомнив, что Анжелика, которой позволено было свободно ходить по караван-сараю, никогда не старалась привлечь внимание мужчин. Она не краснела под дерзкими взорами воинов и погонщиков верблюдов, никогда не бросала тайком оценивающего взгляда на мускулистые ноги или торс даже самых породистых мужчин... И ведь он знал, что часто западные христианки бывают холодны и малосведущи в любовных забавах, чуждаются их и почитают греховными. Он выдал свое смущение, вдруг громко воскликнув по-арабски:

— Что же мне с тобой делать?

Анжелика все поняла и предприняла безнадежную попытку выиграть время:

— Вам незачем представлять меня Мулею Исмаилу. Ведь, по вашим словам, в гареме более восьмисот женщин, и я смогу держаться в тени, замешавшись среди служанок. Я буду избегать случая попасться на глаза султану, надену покрывало, и вы сможете сказать, что меня поразила кожная болезнь, испортившая лицо...

Раздраженным жестом Осман Ферраджи прекратил этот поток досужих домыслов. Он заявил, что подумает, и удалился. Анжелика посмотрела ему вслед с иронией. В глубине души она чувствовала некоторые угрызения совести за то, что так его опечалила...

Глава 9

Вступление в Марокко ознаменовалось мгновенно наступившими переменами. Грабители исчезли с горизонта. Зато по пути стали встречаться приземистые горные крепости из необработанного камня. Мулей Исмаил выстроил их во всех концах своего царства силами своих легионов.

Эскорт негров в красных тюрбанах гарцевал перед караваном. Путешественники останавливались около селений, и предводители родов спешили снабдить их птицей, молоком и бараниной. А после отбытия каравана на месте стоянки сжигали вязанки зеленых ветвей, чтобы очистить землю, по которой прошли рабы-христиане. Это была суровая и очень религиозная страна. Доходили новости из столицы. Мулей Исмаил вел войну против одного из своих племянников, Абдель-Малека, поднявшего племена вокруг Феца. Но уже разнеслась слава о новых победах великого воина-венценосца. Посланец передал Верховному евнуху, что победоносный султан милостиво ожидает своего лучшего друга и советника. Фец пал, и черные нукеры уже прошлись по городу, убивая всех, встреченных с оружием в руках.

Караван тогда стоял в двух днях пути от Феца, разбив лагерь у подножия высокой крепости с квадратными зубчатыми башнями. Алькаид Алазин, комендант крепости, задал пиршество в честь победы и прибытия Верховного евнуха и первого султанского визиря Османа Ферраджи.

Среди общего шума и грохота ружья изрыгали пламя, небо пестрело от стрел, в воздух взмывали желтые, зеленые и красные бурнусы, а великолепные

воронье и белые лошади выделявали замысловатые фигуры.

Анжелика была приглашена на трапезу. Ослушаться она не осмелилась, тем более, что просьба эта в устах Верховного евнуха, вообще довольно мрачного в последние дни, приобрела жесткость приказа.

У подножия крепости разбили огромный шатер, покрыли его одеялами из верблюжьей шерсти и коврами. Через отвернутый полог входа была видна толпа любопытных, сверкающая под солнцем своими разноцветными одеждами.

Блюда разносили до вечера: жаркое из барашка, рагу из голубей с бобами и миндалем, слоеные пироги. И все это было густо сдобрено обжигающим горло перцем.

Настал вечер, время песен и танцев. Два огромных костра давали свет, и блики огня играли на красных песчанниковых глыбах основания крепости.

Под дрожащие звуки флейты и барабанную дробь поднимались танцовщицы, закутанные во множество юбок неразличимого цвета, позвякивающие золотыми браслетами. На их открытых лицах были видны какие-то синие знаки. Они встали полукругом, плотно прижавшись друг к другу плечами. За ними теснились пешие мужчины, а чуть дальше — всадники.

Начался танец. Это был танец любви. Скоро зрители смогли различить под множеством юбок судорожные колебания животов, меж тем как музыканты метались вокруг танцующих, словно дьяволята, а их инструменты доводили этот танец-заклинание до настоящего исступления. Это длилось долго, ритм все убыстрялся, танцующие истекали потом, их лица с закрытыми глазами и полуоткрытыми губами горели тайным огнем. Без единого постороннего прикосновения они доходили до пароксизма страсти, и под жадными взглядами напряженных, объятых вожделением мужчин

расцветало таинственное лицо истомленной счастьем женщины, на котором против ее желания отражаются радость и боль, экстаз и страх. Будто пораженные невидимой молнией, зародившейся где-то внутри них, они почти лишались чувств, но продолжали стоять, поддерживаемые только плечами соседок. Казалось, еще мгновение — и они грохнутся навзничь, готовые ко всему.

Чувственность, источаемая этой толпой, была так навязчива, что Анжелика опустила глаза. Заразительная любовная горячка потревожила и ее. В нескольких шагах какой-то араб не сводил с нее взгляда. Это был один из офицеров алькайда, его племянник Абдель-Карим. Анжелика отметила, что он красив, как античная статуя. У него было лицо цвета палисандра с темными глазами и белым кружевом зубов, сверкавших, когда он улыбался, отвечая на комплименты Османа Ферраджи.

Но теперь он не улыбался. Он не спускал глаз с французской пленницы, чье непривычно белое лицо светилось в темноте. Почувствовав его взгляд, Анжелика повернула голову. И содрогнулась, прочитав в его больших требовательных черных глазах. Она увидела, как дрожат его полные губы и гладкий подбородок с ямочкой посередине, словно у прекрасных бронзовых римских бюстов. Анжелика обернулась, ища глазами Османа Ферраджи: не заметил ли он, что она сделалась предметом пристального внимания?..

Но он куда-то отошел и, может быть, именно его отсутствие ободрило молодого человека. Огонь костров замирал, отбрасывая гигантские тени за стену, и красные камни крепости постепенно погружались во тьму. Казалось, пламя мигало в такт ритмам танца и голосам, звучащим то громче, то тише, переходя от гортанного крика к глухому шепоту, к бессловесному

хрипу, чтобы затем вновь зазвучать громко... и вновь затихнуть...

В возникавшей тишине слышался лишь скрип песка под логами неустомимых танцовщиц. Когда этот топот смолкнет, когда последний уголек погаснет, единый порыв бросит навстречу друг другу мужчин и женщин.

Взгляд Анжелики неотвратимо возвращался к неподвижному, словно зачарованному лицу молодого шейха. На нее смотрели и другие, но этот желал ее с устрашающим жаром, как некогда Накер-Али. В ней пробудилось стремление откликнуться на его призыв. Она вновь познала тот голод, что проникает до внутренностей, и почувствовала слабость, почти головокружение. Ей на миг захотелось опустить глаза, но тут же она вновь посмотрела на юношу. Наверняка у нее был весьма выразительный вид, поскольку губы его тронула торжествующая улыбка, и он подал ей знак. Анжелика резко отвернулась и набросила покрывало на лицо.

Ночь сгущалась. В заговорщической темноте движения танцовщиц замедлились, одна за другой они падали наземь, и тогда от толпы зрителей отделялись хищные тени охотников, бросающихся на давно подстерегаемую добычу.

После бесконечного ожидания, танцев и ритуальных напевов приблизилось время последнего, главного ритуального действия. Музыкальные инструменты смолкли, костер отбросил последний отблеск и погас.

Под надзором евнухов пленница в сумерках возвратилась в свою палатку. Она бросилась на обтянутый шелком диван, и полог входа упал. Анжелика позвала свою соседку-черкешенку, но той в палатке почему-то не было, и она осталась наедине со снедающей ее тревогой.

Снаружи евнухи, равнодушные к охватывающей лагерь любовной лихорадке, разводили по местам

гаремных рабынь.

Анжелика задыхалась. Ночь была душной, все звуки замерли, кроме тех, что были, казалось, порождены всеобщим совокуплением, совершавшимся снаружи, не прекращаясь и сотрясая землю. Она чувствовала себя больной, стыдилась своего жара, ее нервы были напряжены, но при всем том она не расслышала ни тихого поскрипывания кинжала, вспоровшего ткань за ее спиной, ни того, как легкое тело скользнуло в шатер. Лишь когда чья-то крепкая прохладная рука коснулась ее горячей кожи, она вскочила в смертельном ужасе. При неясном свете ей удалось различить искаженное страстью ликующее лицо, склонившееся над ней.

— Вы с ума сошли!

Сквозь муслин ночной рубашки она чувствовала, как ее ласкают ищущие руки, а улыбка Абдель-Карима над ее головой походила на осколок луны.

Она дернулась и вскочила на колени. Арабские слова ускользали из памяти, однако ей удалось составить фразу:

— Уходи! Уходи! Ты рискуешь жизнью.

Он ответил:

— Знаю! Не важно! Надо... Это ночь любви.

Он встал на колени около нее. Мускулистые руки охватили талию, словно стальное кольцо. И тогда она увидела, что он пришел полуодетым, в одной набедренной повязке, готовый к любовной схватке. Его гладкая кожа с терпким перечным запахом прильнула к ее коже. Она беззвучно попыталась его оттолкнуть, но он клонил ее к подушкам с силой, удесятенной желанием. Медленно он опрокидывал ее навзничь, и она обессиленно поддавалась его непонятной, неукротимой и яростной власти.

Нависшая над ними угроза смерти ужесточала его напор. Пугающая тишина сопутствовала их любовной борьбе, одновременно размеренной и страстной, и,

словно запретному плоду, придавала сладость обрушившемуся на них наслаждению.

Внезапно их окружили евнухи. Они вошли крадучись, как черные демоны. Анжелика угадала их приход раньше, чем юноша, утонувший в истоме любовного единоборства. Она пронзительно вскрикнула...

Они схватили юношу, оторвали от нее и выволокли наружу...

***

Утром караван проследовал мимо красных крепостных укреплений. Анжелика ехала верхом. В ветвях серебристого от старости оливкового дерева она увидела мертвое тело. Несчастный был подвешен за ноги. На земле под ним догорал костер, обугливший его голову и плечи. Анжелика натянула поводья. Она не могла оторвать глаз от ужасного зрелища. Она была уверена, что это тело прекрасного бронзовокожего божества, посетившего ее ночью. Белый конь Османа Ферраджи поравнялся с ней. Анжелика медленно повернулась к евнуху.

— Вы все подстроили, Осман-бей, — прерывающимся голосом проговорила она. — Вы сделали это нарочно, ведь правда? Вот почему в палатке не было черкешенки! Вы знали, что он попытается проникнуть ко мне... Вы позволили ему ползти, карабкаться, скользить по земле, чтобы добраться до меня... Будьте вы прокляты, Осман-бей! Я вас ненавижу!..

На ее разъяренный взгляд Осман Ферраджи ответил холодным зеркальным блеском огромных египетских глаз и с улыбкой произнес:

— Знаешь, что он сказал перед смертью? Он сказал, что ты — горячая и умопомрачительно страстная и сама смерть — ничто для того, кто познал наслаждение в твоих объятиях... Ты солгала мне, Фирюза! Ты совсем не

бесчувственна, и тебе не занимать опыта в любовных делах.

— Я ненавижу вас, — повторила Анжелика. Но в глубине ее сердца шевельнулся страх: она начинала понимать, что в этом поединке он сильнее ее.

***

На подходах к Фецу стали видны следы отбушевавших боев. Мертвые лошади, трупы людей, уложенные в лощинках среди голой розовой и серой земли. Туча коршунов кружила над городом. На крюках, вделанных для подобных случаев в золотистые городские стены, висели тысячи окровавленных голов. На двух десятках крестов, расставленных по три, корчились искалеченные тела, что придавало окружающим город холмам сходство с Голгофой. Стоял такой смрад, что Осман Ферраджи не захотел входить в город и караван остановился в некотором отдалении.

На следующий день явились гонцы, передававшие Верховному евнуху благие пожелания монарха и счастливую весть, что изменник-племянник Абдель-Малек попал в плен и отряды янычаров везут его живым. Мулей Исмаил самолично отправился навстречу поверженному врагу с двумя тысячами конников, тысячью пехотинцев и сорока рабами-христианами, несущими большущий котел, кинтал смолы и столько же жира и оливкового масла. За ними следовали повозка дров и шестеро мясников с тесаками в руках.

До Мекнеса было близко, и караван рассыпался. Несколько отрядов отправились к городу, другие разбивали лагерь, а Осман Ферраджи, взяв с собой десяток всадников, юнцов, подаренных Меццо-Морте, верхом на лошадях, а также трех самых красивых женщин, посаженных на белого, серого и рыжего верблюдов, поспешил навстречу султану. С ними двигались носильщики и рабы, неся красивейшие из даров алжирского адмирала. Верховный евнух

обратился к сидевшей на лошади Анжелике, которая держалась поодаль.

— Завернись потуже в шерстяное покрывало, если не хочешь, чтобы Мулей Исмаил познакомился с тобою сегодня же, — сухо посоветовал он.

Молодая женщина не заставила повторять приказ дважды. Фатима помогла ей превратиться в кокон, что отнюдь не облегчало управление лошадью. Ей бы хотелось остаться в лагере или отправиться в город, но Осман Ферраджи желал, чтобы она поехала с ним. Три евнуха, предупрежденных, чтобы хранили молчание, должны были сопровождать пленницу и защищать от слишком любопытных чужаков. Ей предназначалось видеть и не быть увиденной. Впрочем, как вскользь заметил Осман Ферраджи, толпа, сгрудившаяся под этим огненным небом, вскоре удостоится зрелища, которое отобьет любопытство к чему-либо еще.

Глава 10

Выехав на небольшое горное плато, Анжелика увидела кавалерию Мулея Исмаила. В режущем глаза свете прекрасные лошади словно летели, не сбиваясь в плотную массу. Казалось, отряды кавалерии в развевающихся по ветру бурнусах сами стали сгустками света. Кони проносились по равнине в вихре распущенных грив и хвостов, перелетая через ямы, бросаясь с места вскачь или застывая как вкопанные, дрожа от нетерпения.

Рядом с этой картиной буйства цветов и джигитов еще более жалкой казалась толпа рабов, покрытых потом и пылью, с нечесаными головами и бородами. Их рваные штаны были закатаны выше колен, обнажая иссеченные плетью ноги. Каторжники с уханьем несли огромный чугунный котел, словно позаимствованный с адской кухни. Вообще-то этот котел, в котором можно было бы сварить, как цыплят, разом двух человек, предназначался в Америке для варки рома, но его перехватили корсары из Сале, одного из пиратских городов Марокко, и подарили своему монарху.

Рабы волочили его долгих четыре лье от самого Мекнеса, с ужасом вопрошая себя, долго ли продлится эта прогулка. Их привели к колодцу у перекрестка дорог, где росло несколько чахлых пальм. Повозка с дровами и мясники прибыли туда же. Около колодца на пурпурном коврике сидел некто в желтом. Двое негрят обмахивали его. К нему-то, сойдя с лошади, и направился Осман Ферраджи, сгибаясь в бесчисленных поклонах. Подойдя близко, он распростерся ниц, ткнувшись в пыль лбом.

Человек в желтом ответил, коснувшись ладонью лба и плеча, а потом возложив ее на голову Османа

Ферраджи. Затем он поднялся. Встал и Верховный евнух. Всякий человек рядом с ним казался низкорослым, этот же доходил ему до самого плеча. Одет он был просто: в широкую мантию с закатанными по локоть рукавами, оставлявшими руки обнаженными, и в бурнус чуть более темного цвета с капюшоном, увенчанным пучком черных перьев. На голове красовался довольно внушительный тюрбан из кремового муслина. Когда он приблизился, Анжелика увидела молодого человека с лицом негра, темный цвет которого на скулах, на лбу и переносице переходил в оттенки блестящего светлого дерева. На красиво очерченном подбородке курчавилась короткая черная борода. Он радостно рассмеялся, когда караванщики подвели к нему семь великолепных коней под седлом, подаренных Меццо-Морте марокканскому султану. Негры простерлись ниц. Анжелика склонилась к одному из евнухов, толстому увальню Рафаи, и прошептала по-арабски:

— Кто это?

Глаза негра блеснули.

— Это он, Мулей Исмаил, — и прибавил, вращая белыми, как агатовые шары, белками глаз:

— Он смеется, а мы должны дрожать. Ведь он облачен в желтое: цвет ярости.

Тем временем пленники, изнемогшие под непосильной ношей, взмолились нестройным хором:

— Что делать с котлом, господин? Что делать с котлом?

Мулей Исмаил велел взгромоздить его на огромный, только что разложенный костер. В котел бросили смолу, масло и жир, чтобы растопить их. Следующие часы прошли в представлении алжирских даров. Смола в котле начала уже закипать, когда оглушительный шум, грохот барабанов, выстрелы и крики возвестили о приближении побежденного мятежника.

Племянник султана был одного возраста с победителем, то есть очень молод. Он сидел на муле, со связанными за спиной руками. За ним на другом муле следовал его военачальник Мохаммед-эль-Гамет и пешком шли жены и слуги, пойманные янычарами во время бегства. Женщины раздирали ногтями лица и выпускали пронзительные вопли.

Мулей Исмаил знаком велел подвести своего вороного коня и вскочил в седло. Он вдруг показался выше, мощнее в раздувающемся на ветру бурнусе солнечного цвета и несколько раз поднял на дыбы своего коня с огненными глазами. На голубой эмали неба лицо его приобрело оттенок жидкой стали, когда в темных местах расплава вспыхивают росчерки маленьких молний. Взгляд его под аркадой угольно-черных бровей стал устрашающе пронзительным. Потрясая коротким копьем, он пустил коня галопом и резко остановился в нескольких шагах от скованных врагов.

Абдель-Малека ссадили с мула, и он несколько раз пал ниц. Монарх упер копье в его живот. Несчастный князь бросал взгляды на котел с кипящей смолой, на мясников с тесаками, и ужас терзал его душу. Смерти он не страшился, но Мулей Исмаил прославился жестокостью, с какой пытал своих врагов. Племянник и дядя воспитывались в одном гареме. В детстве оба входили в одну компанию, наводившую страх на всю округу. Эта стая маленьких свирепых волков состояла из потомков больших вельмож. Кто бы осмелился их одернуть? Самым невинным развлечением этих юнцов было осыпать работающих невольников-христиан стрелами. В один день оба принца впервые вложили ногу в стремя, вместе убили дротиками своих первых львов и вместе же участвовали в военных вылазках по усмирению непокорных провинций. Они любили друг друга как братья, вплоть до того дня, когда племена с

Юга страны и с Атласских гор не обратились к Абдель-Малеку, заверяя, что его права на трон основательнее, нежели у сына суданской наложницы. Абдель-Малек, чистокровный мавр из кабийского рода, ответил на призыв своего народа. Поначалу его шансы значительно превосходили шансы дяди. Но выдержка, военное чутье и власть над чужими душами способствовали победе Мулея Исмаила.

Абдель-Малек вскричал:

— Ради Аллаха, не забудь, что я твой родственник!

— Ты, пес, сам об этом забыл!

— Вспомни, мы были, как братья!

— Я своей рукой убил шестерых собственных братьев и еще десятерых повелел предать смерти. Так что же мне беречь племянника!

— Ради любви к Пророку, прости меня!

Монарх ничего не ответил. Знаком он повелел втащить пленного на повозку. Два стражника влезли туда же. Они схватили правую руку, один — за локоть, другой — у плеча, и положили кисть на колоду. Султан велел одному из мясников отрубить ее, но мавр заколебался. Он был одним из тех, кто в душе желал победы Абдель-Малеку. Этот юный князь был надеждой племен, жаждавших основать династию благородного происхождения, подобную Альморавидам. С его смертью эти мечты рассыпались. Безвестный мясник-палач скрывал свои чувства, хотя глаза Мулея Исмаила, должно быть, видели его насквозь. Он собирался подняться на повозку, но вдруг остановился и, отступив на шаг, сказал, что никогда не отрубит руку человеку столь благородного происхождения, племяннику собственного государя. Пусть лучше ему самому отрубят голову.

— Да будет так! — вскричал Мулей Исмаил и, выхватив саблю, отсек ее точным ударом,

свидетельствовавшим о долголетних упражнениях в этом жестоком ремесле.

Мясник рухнул, голова покатилась, поток крови обагрил раскаленный песок.

Другой мясник, выбранный для казни, устранившись жребия своего предшественника, шатаясь, полез на повозку. Пока он лез туда, монарх заставил приблизиться детей, жен и родственников Абдель-Малека и сказал им:

— Идите посмотреть, как отрубят руку этому рогоносцу, который дерзнул поднять ее на своего властителя, и полюбуйте, как отрубят ногу, которая осмелилась выступить против него.

В горячий воздух взмыл женский многоголосый вой, заглушивший крик князя, которому мясник отрубил кисть руки, а потом и ступню. Султан приблизился к нему и спросил:

— Ну как, признаешь меня своим монархом? Ты что, не знал меня раньше?

Абдель-Малеки не отвечал, глядя, как кровь течет из ран. Мулей-Исмаил принялся гарцевать на месте, обратив к небесам свое лицо, от одного вида которого холодели, объятые ужасом, все, кто его видел. Вдруг он поднял копье и пронзил сердце мясника, совершившего казнь. Увидев это, его поверженный противник, лежащий в луже крови, воскликнул:

— Посмотрите на этого смельчака, сколь он удал! Он убивает того, кто не повинуется, и того, кто повинуется! Все, что он делает, — это великая тщета. Аллах справедлив! Аллах велик!

Мулей Исмаил взревел, пытаясь заглушить крик жертвы. Он кричал, что привез котел, дабы изменник претерпел в нем самую страшную казнь, но так как он велик и великодушен, пыточная смола послужит для спасения. Что он поступил так, как должен был поступить оскорбленный повелитель, но теперь жизнь

или смерть Абдель-Малека в руке Аллаха. Пусть никто не скажет, что он убил брата своего, с которым их связывают столь давние узы. Ибо теперь он познал самое большое горе своей жизни. Сейчас ему кажется, что топор палача отсек и его собственную руку, его ногу. А при всем том Абдель-Малек был и остался предателем, и если бы победил, то задушил бы его, Мулея Исмаила, собственными руками. Он это знает, и все же милует врага!..

Султан приказал обмакнуть в смолу руку и ногу племянника, чтобы унять кровь. Затем он повелел трубить отбой и поручил четверем алькаидам доставить Абдель-Малека живым в Мекнес.

Офицеры спросили, что делать с шейхом Мохаммедом-эль-Гаметом. Султан отдал его на милость юных ловчих — негров-подростков двенадцати — пятнадцати лет. Те потащили шейха к городским стенам. Неизвестно, что они с ним делали, но когда они вернули его на закате дня, он был мертв. И в таком состоянии, что ни один из близких его бы не признал.

Сопровождаемый своим эскортом и многоцветным караваном Османа Ферраджи, Мулей Исмаил прибыл в Мекнес в час заката. То был час, когда поднимают зеленые полотнища на золотых куполах мечетей и над кровлями разносятся властные и жалобные крики муэдзинов, когда город, будто выточенный из слоновой кости, застывает, вытянувшись на своей скалистой опоре, раскаленной под кроваво-красным небом.

Черная пасть массивных боевых ворот поглотила муравьиные цепочки воинов, всадников, рабов и принцев, ослов и верблюдов, и оставила ночи пустынный окрестный край. Город замкнул в своих стенах все человеческие звуки.

Проходя под Новыми воротами, Анжелика отвела глаза. Казавшийся огромным обнаженный раб был

прибит за руки к створке ворот. Его лохматая белокурая голова упала на грудь, как у мертвого Христа.

Глава 11

Анжелика заткнула уши. Из глубины дворца неслись истерические вопли жен Абдель-Малека. Эти визгливые монотонные звуки, прерывающиеся всхлипами, длились часами. Голову обручем сковала мигрень. Анжелику била дрожь. Напрасно Фатима приставала к ней, предлагая теплое или холодное питье, фрукты или пирожные. Уже сам вид здешней роскоши, сулящей гаремную негу, вызывал у нее тошноту, как и груды розовых и зеленых сладостей, тонкие духи, размягчающие притирания, коими ее натерли мавританские служанки, разминая тело после тягот пути. Все это напоминало об ужасе ее положения, о том, что она — затворница гарема и принадлежит самому жестокому принцу, какого породил мир.

— Мне страшно. Мне надо уйти отсюда, — повторяла она детским прерывающимся голосом.

Старая рабыня из Прованса не понимала причин такого внезапного помрачения духа после того как завершилось долгое путешествие, во время которого ее хозяйка являла пример храбрости и похвального смирения. Фатима уже стала считать, что нет места лучше того огромного караван-сарая, где железная рука Верховного евнуха охраняла всеобщее спокойствие. Несмотря на беспорядок последних дней, возбуждение, царящее в городе, и даже на то, что оскорбленный племянником Мулей Исмаил нагнал на всех страху, Верховный евнух был немедленно приглашен в покои султана, где дал отчет о поездке и высказал несколько советов. Между тем вновь прибывшие женщины и все остальные, пришедшие с караваном, были достойно и радушно приняты и устроены.

Тотчас вытопили гаремные бани. Над бассейнами, выложенными зелено-голубой мозаикой, курился пар, целая армия молодых евнухов и служанок крутилась здесь, готовая к услугам. Старая Фатима тотчас получила под свое начало трех негритянок и столько же негритят, которых загоняла в поисках множества вещей, необходимых при устройстве на новом месте, даже если это место — царский дворец. Султанские кухни извергали из себя бесчисленные блюда с пахучей снедью. Каждой из новых женщин отвели отдельные покои, обставленные в соответствии с ее ценностью, а мальчикам — обширные спальни, где надзиратели уже начали муштровывать эту бурную поросль, а жонглеры — развлекать, чтобы подросткам легче было привыкнуть к новому образу жизни.

Лошадей отправили в великолепные конюшни, вычистили, перебинтовали им ноги. Все знали, что Мулей Исмаил питает к лошадям еще большую страсть, чем к женам. Карлик-слон меж тем пожирал целую гору сладкого ароматного сена, жирафа быстро освоилась в загоне с росшими там бананами, а страусы попали в красивую просторную клетку, где завязали приятные знакомства с сородичами, прибывшими с далекого Юга.

Сераль Верховного евнуха выглядел весьма хорошо устроенным заведением. Фатима чувствовала, что попала на верное место после трудных лет, проведенных в вонючем алжирском клоповнике. Там она была жалкой одинокой старухой, которой довольно горсти фиг и глотка чистой воды. Здесь же было множество старых женщин, подобных ей, с опытом и занимательными историями на всех старых и новых языках, рабынь, возвышенных до ранга служанок или домоправительниц. Тут же оказались и бывшие наложницы нового монарха и его предшественника. Не удостоившись права на почетную отставку и жизнь в

дальних крепостях, они привносили в жизнь прислуги всю нерастраченную желчь и страсть к интригам.

Отвечая за каждую из гаремных обольстительниц, за их одежды, украшения, за их красоту, они не имели большого досуга. Нужно было белить и румянить своих дам, выщипывать волосы, причесывать, угождать их капризам, нашептывать драгоценные рецепты любовной науки, измышлять способы, как вернее снискать или удержать благорасположение повелителя.

Здесь Фатима была на коне. При ней уже упомянули о служительнице султанши Лейлы Айши, весьма ценимой своею хозяйкой. Та была тоже француженка, из Марселя. И потом, это был гарем, где евнухи вели себя довольно вежливо. Так заведено далеко не везде, но Осман Ферраджи не пренебрегал влиянием старых служанок на своих подопечных, он умел привязать их к себе, чтобы сделать из них образцовых тюремщиц.

Чем больше Фатима размышляла об этом, тем дороже ценила новое место. Она даже предполагала, что гарем самого константинопольского владыки не сравнится с мекнесским по изысканности и богатству. Единственной тенью, омрачавшей эту сладостную картину, было поведение пленницы-француженки. Если так пойдет дальше, то и она вскоре примется вопить, раздирать ногтями лицо, как жены Абдель-Малека в соседних комнатах. Или как маленькая черкешенка, предназначенная королевскому ложу с первого же вечера. Вон ее, ревущую, евнухи понесли по плитам коридоров и двора. Когда женщины начинают волноваться, когда их собирается более тысячи под одной крышей, можно ожидать немалого шума и прискорбных происшествий. В Алжире Фатима такого навидалась! Пленницы бросались с балкона и разбивали головы о каменные плиты. Иностранок иногда охватывает странная тоска. Вот и Анжелика, как ей казалось, готова погрузиться в подобное опасное и

мрачное расположение духа. Фатима не знала, что придумать. Ей хотелось снять с себя ответственность, и она обратилась за советом ко второму по положению в серале евнуху, правой руке Османа Ферраджи, толстяку Рафаи. Тот предложил дать успокаивающее. Такое питье уже приготовили для черкешенки.

Анжелика, одурманенная, растерянная, с мучительными приступами головной боли, не могла вытерпеть присутствия старой вероотступницы, ненавидела наивных негрят с вытаращенными глазами и еще более — тихоню Рафаи с его лживым обличьем доброй опечаленной няни. Кто, как не он, для усмирения непокорных женщин любил применять порку и никогда не расставался с многохвостной плеткой? Она ненавидела всех... Всепроникающий запах кедра — дерева, из которого были выточены гаремные решетки, — усиливал ее мигрень. Ее мучили резкие далекие крики и плач, но женский смех, долетавший в окно с узорной решеткой, и запах мятного чая заставляли ее страдать еще больше.

***

Она погрузилась в тяжелый сон, а проснувшись, увидела новое черное лицо, склонившееся над ней. Сначала она подумала, что это евнух, но по тому, как лежало на голове покрывало, и по голубому знаку на лбу, как у Фатимы, знаку мусульманки, поняла, что перед ней толстая женщина с обтянутой голубым муслином обширной грудью негрятки, вскормленной жирным молоком верблюдицы.

Она склонила над Анжеликой губастое лицо и сверлила ее опытным пронзительным взглядом, освещая масляной лампой. Желтый свет окружил призрачным ореолом фигуры пришелицы и другой женщины, стоящей с ней рядом, ясной как заря, с кожей цвета розового крема, с медовыми волосами под

облаком муслина. Обе посетительницы, белая и черная, вполголоса переговаривались по-арабски.

— Она красива, — заметил розовый ангел.

— Слишком уж красива, — вторил черный демон.

— Ты думаешь, она его приворожит?

— У нее есть все для этого. Будь проклят этот скрытный тигр Осман Ферраджи!

— Что будешь делать, Лейла?

— Ждать. Может быть, она и не понравится повелителю. Возможно, у нее не хватит ловкости, чтобы его удержать.

— А если ей это удастся?

— Я сделаю ее своей тенью.

— А если она останется тенью Османа Ферраджи?

— Есть вытяжка из щелочи и царской водки, чтобы портить лицо слишком красивым, и шелковые шнурки, чтобы душить слишком блестящих.

Анжелика издала пронзительный крик — крик мусульманки в трансе, подобный тем, что доносились из глубины дворца. Ангел и демон растворились в ночи.

Анжелика вскочила, объятая жаром, снедаемая огнем, придававшим ей сумасшедшую лихорадочную силу. Она вопила не умолкая. Обезумевшая Фатима сбилась с ног, служанки и негритята бегали, сломя голову, спотыкаясь о подушки, а старуха спешила зажечь все лампы, чтобы осветить происходящее.

На шум явился Осман Ферраджи. Его гигантская тень вытянулась на плитах. И, как всегда, его появление утихомирило Анжелику. Один он и здесь оставался все таким же безмятежным, непреклонным, а ум его обнимал весь мир. Она не останется заточенной среди демонов, пока в гареме есть этот человек. Она сползла по стене, опустилась на колени, зарылась лицом в широкий плащ мага и, всхлипывая, повторяла:

— Я боюсь! Мне страшно!

Верховный евнух наклонился и положил руку на ее волосы:

— Чего ты можешь бояться, моя Фирюза, ты, не убоявшаяся Меццо-Морте и дерзнувшая бежать от меня?

— Я боюсь этого кровавого зверя, Мулея Исмаила, боюсь женщин, что пришли меня душить...

— Ты горишь в жару, Фирюза. Скоро лихорадка спадет, и ты успокоишься, страх оставит тебя.

Он приказал уложить ее в постель, хорошенько укутать и послал за успокоительными отварами.

Анжелика тяжело дышала, опершись на подушки. Трудная дорога, солнечный жар, ужас от зрелища, которое ей пришлось увидеть, не говоря о едких испарениях гарема, вызвали у нее новый приступ средиземноморской лихорадки, что свалила ее на паруснике д'Эскренвиля. Верховный евнух присел на корточки у ее ложа. Она простонала:

— Осман-бей, почему вы подвергли меня такому испытанию?

Он не переспросил какому. Он вполне допускал, что зрелище султана, вершащего справедливость, могло вызвать у Анжелики такую сильную вспышку страха. Он и ранее замечал, что христианки из западных стран более склонны испытывать ужас перед кровью, чем мавританки и христианки Востока. Он еще не решил, в чем здесь дело: в показном лицемерии или искреннем отвращении. Не есть ли в глубине души любая женщина — до времени дремлющая пантера, что облизывается, взыгрывая от зрелища страданий? Разве его подопечные не предпочитали любым празднествам, пирам, танцам и представлениям жонглеров зрелище пыток, которым подвергали христиан? Но вот англичанка Дэзи-Валила, скоро десять лет как мусульманка, вдобавок смертельно влюбленная в государя, продолжала накрываться покрывалом и

заслонять глаза пальцами, когда некоторые зрелища становились слишком кровавыми.

Надо было проявлять терпение. Эта поумнее, она быстро освободится от бесплодной чувствительности. Он видел, как стойко она держалась, глядя на труп человека, который на краткий миг оказался ее возлюбленным. Странно, что сейчас ее так напугала казнь какого-то князька, который был ей чужим, она даже не видела его прежде! Ошарашенный, он пробормотал:

— Я счел необходимым, чтобы ты увидела своего господина в силе и славе. Того, кого я для тебя избрал... И кого ты должна покорить...

Анжелика разразилась нервным смехом, потом замолчала, сжав руками виски. Каждое резкое движение вызывало боль. Покорить какого-то Мулея Исмаила! Она вспомнила, как он кружился на коне, вне себя от бешенства и боли, в развевающихся одеждах цвета собственной ярости, и с маху рубил голову палачу.

— Не знаю, понятен ли вам в точности смысл французского слова «покорить», которое вы, Осман-бей, только что произнесли. Ваш Мулей Исмаил не кажется мне испеченным из такого мягкого теста, чтобы женщина могла водить его за нос.

— Мулей Исмаил — властитель, наделенный сокрушительной силой. Он видит глубоко и далеко. Он действует быстро и в нужное время. Но это ненасытный бык. Ему необходимы женщины, следовательно, всегда угрожает опасность попасть под обаяние хрупкого и пошлого ума. Он нуждается в истинно близкой ему женщине, способной внести гармонию в его смятенный дух... осветить его одинокое сердце... придать новый блеск его мечтам о господстве над миром. Тогда он станет великим государем. Он сможет претендовать на титул Предводителя правоверных...

Верховный евнух говорил медленно и не без колебаний. Вот женщина, которую он так долго искал и, наконец, нашел. Она должна помочь ему привить султану его собственные грандиозные притязания. А он все еще не вполне уверен в ней. Он видел ее поверженной и, однако, чувствовал, как она внезапно ускользала из его рук и витала где-то далеко-далеко, хотя порой по-детски цеплялась за его одежду. Поистине женщины — трудно постижимые существа. Самая унижительная их слабость иногда таит в себе вспышки несокрушимой воли...

И в который раз Осман Ферраджи, Верховный евнух Его величества султана Марокко, возблагодарил Всевышнего, что случай и искусство суданского колдуна с ранней молодости поставили его вне естественной неволи и рабства чувств, порой превращающих человека с возвышенным умом в гротескную марионетку в руках капризных кукол.

— Разве ты не нашла его молодым и прекрасным? — мягко осведомился Осман-бей.

— Он, без сомнения, отягчен больше преступлениями, чем годами. Скольким он собственноручно отрубил головы?

— А скольких покушений он избежал? Все великие царства воздвигали на костях, я тебе уже об этом говорил, Фирюза. На том стоит земля. Я бы хотел — слушай меня, Фирюза, ибо такова моя воля! — хотел бы, чтобы ты вливала в вены Мулея Исмаила тот особенный яд, каким обладаешь лишь ты. Этот яд вселяет в сердце мужчин истому, жажду обладать тобой, от которой они не могут излечиться. И не только такие, как этот жалкий д'Эскренвиль, но и твой великий повелитель, король франков, неизлечимо раненный тобой. Ты прекрасно знаешь, что он не может тебя забыть. Он позволил тебе убежать, а теперь терзается ревностью. Я желаю, чтобы ты воспользовалась своей властью над

султаном. Я хочу, чтобы в его сердце вонзились стрелы твоей красоты... Но я, я не позволю тебе сбежать, — чуть слышно прибавил он.

Закрыв глаза, Анжелика слушала молодой и ясный голос, словно голос подруги, говорившей по-французски с легким акцентом и немного по-детски, а подняв отяжелевшие веки, с удивлением видела черное строгое лицо, отмеченное вековой мудростью великих африканских народов.

— Послушай меня, Фирюза, и успокойся. Я дам тебе время избыть лихорадку и страх, я подожду, пока твой разум проникнется высоким замыслом, а тело возжаждет. Я помедлю упоминать о тебе перед моим господином. Он не узнает тебя до тех пор, пока ты не станешь послушной.

Анжелика почувствовала, как ее недомогания быстро стали сходиться на нет. Первый тур она выиграла! В этом улье наложниц она спрячется, словно иголка в сене. Она рассчитывала использовать это время для побега. Она спросила:

— А меня не выдадут досужие толки? Мулей Исмаил может прослышать обо мне.

— Я отдам распоряжения. Мои приказания в серале значат больше, чем даже повеления государя. Все вынуждены склониться перед ними... даже Лейла Айша, монархиня. Она не нарушит молчания, найдя в этом преимущества для себя, ведь она будет тебя опасаться.

— Она уже хочет облить меня царской водкой и удушить, — прошептала Анжелика. — И это только начало.

Снисходительным жестом Осман Ферраджи отмел эти банальные угрозы:

— Все женщины, жаждущие милости одного повелителя, ненавидят и хотят погубить друг друга. Разве христианки поступают иначе? Ты никогда не

сталкивалась с соперничеством при дворе французского короля?

Анжелика с трудом сглотнула слюну.

— Вы правы, — сказала она, и, как при вспышке молнии, перед ней пронеслось видение непобедимой Монтеспан. Здесь ли, там — везде жизнь превращалась в борьбу, разрушенные мечты, поверженные иллюзии. Она так устала от этого, что впору умереть.

Осман Ферраджи наблюдал за ее осунувшимся, окаменевшим лицом. Он еще не прочел в нем предвестия ее поражения. Зато в этом лице он открыл то, что в лучшие дни скрывалось за обычно полноватыми щеками: тонко вылепленный костяк, линии которого выдавали свирепую волю. Сквозь нежную плоть основание неукротимой природы угадывалось, как первоначальный чертеж. Он как бы видел ее через много лет, в пору старости. Она не оплывет, не будет ни складок жира, ни свисающих подбородков. Она станет суше и легче. Плоть, истончаясь, проявит прекрасный рисунок костяка. Она будет стариться так, как стареет слоновая кость: облагораживаясь. Как у большинства волевых женщин, наделенных особым жизненным даром, у нее подлинные черты характера будут проступать все ярче, когда станут ослабевать обманчивые черты юности. Но еще долго она останется очень красивой, даже когда морщины избородят лицо, даже под короной седых волос. Блеск глаз погаснет только вместе с жизнью. Сумерки годов лишь приглушат, еще больше просветлят их ясную бирюзовую влагу и придадут им непроглядную глубину, магическую власть.

Именно такая женщина должна находиться около Мулея Исмаила. Если захочет, она всегда сможет привязать его к себе. Осман Ферраджи знал, какие сомнения иногда одолевали тирана. Смерчи его гнева, сеющие ужас и смерть, были лишь выражением того

помутнения разума, в какое его ввергала человеческая глупость и безмерность того дела, на которое он решился, осознание собственной слабости и предчувствие опасностей, которые его подстерегают. В такие часы его обуревало демоническое стремление доказать свою власть себе и другим. Но если он найдет утешение у любвеобильной и внимательной женщины, он не поддастся страхам! Она станет ему опорой, и тогда с удесятенной силой он устремится на завоевание мира, осененный зеленым знаменем Пророка. Евнух по-арабски прошептал:

— Ты, ты можешь все...

Сквозь полусон Анжелика расслышала эти слова. Как часто она производила на других впечатление непобедимого существа! А себе она казалась такой слабой... «Вы можете все», — говорил ей старый Савари, умоляя забрать у французского короля свое драгоценное «минеральное мумие». И это ей удалось. Как далеко то время! Сожалеет ли она о нем! Мадам де Монтеспан хотела ее отравить, совсем как Лейла Айша и англичанка...

— Угодно ли вам, чтобы я прислал сюда того старого раба, которому знакомы разные снадобья и с кем вы любите беседовать? — спросил Осман Ферраджи.

— О, да, да! Мне так хотелось бы повидать моего старого Савари. Но как вы разрешите ему войти в сераль?

— Он сможет приходить по моему высокому соизволению, оправданному его возрастом, большой ученостью и добродетелью. Его появление никого не удивит, ибо у него все свойства дервиша. Если бы он не был христианином, я бы испытывал искушение видеть в нем одно из тех существ, проникнутых духом Аллаха, которые мы почитаем. Во время путешествия он, кажется, совершал какие-то магические действия: странные испарения исходили от углей, на которых он

готовил свои снадобья. Я даже видел двух негров, у которых были видения и помрачение чувств после того, как они подышали этими парами. Он открыл тебе секреты своей магии? — с живым интересом спросил Верховный евнух.

Анжелика покачала головой:

— Я всего лишь женщина, — ответила она, зная, что эта скромность лишь усугубит уважение Османа Ферраджи к мудрости Савари и его искушенности в таинствах.

Глава 12

Она с трудом узнала его. Он выкрасил себе бороду в красно-коричневый цвет, что сделало его похожим на марокканского отшельника. Сходство подчеркивалось подобием широкого плаща из верблюжьей шерсти ржавого цвета, в котором терялось его тщедушное тело. Он казался вполне бодрым и здоровым, хотя высох, как лоза, и почернел, как орех. Узнала она его по толстым очкам, за которыми счастливо светились глаза.

— Все идет хорошо, — шепнул он, скрестив ноги и усаживаясь возле нее. — Никто бы не подумал, что обстоятельства сложатся так чудесно. Аллах... гм!.. я хочу сказать, Господь ведет нас по верному пути.

— Вы нашли сообщников и средство бежать?

— Бежать?.. Ах, да, да! Это придет со временем, не волнуйтесь. А пока — посмотрите.

Из складок своего широченного плаща он извлек подобие матерчатого кошеля и, улыбаясь до ушей, стал извлекать оттуда куски черного маслянистого вещества. Полуоткрыв измученные лихорадкой глаза, Анжелика устало призналась, что не видит ничего особенного.

— Ну хорошо, если не видите, то понюхайте. — И он сунул эту гадость ей под нос. Запах заставил бедную женщину отпрянуть. Она невольно улыбнулась.

— Ох, Савари... мумие!..

— Да, мумие! — ликование переполняло Савари. — Натуральное мумие, то же, что и со священных утесов Персии, только здесь оно твердое.

— Но... как это возможно?..

— Сейчас все расскажу, — успокоил ее старый аптекарь. Придвинувшись ближе, опасно поглядывая по сторонам, он с пророческим видом возвестил о

подробностях своего открытия. Это произошло во время долгого караванного пути, когда они пересекали соленые озера на границе Алжира и Марокко.

— Вы помните те большие бесплодные пространства, блестящие под солнцем от соли? Кажется, ничего драгоценного нельзя обнаружить в этих безотрадных местах. И вот там-то... угадайте, что произошло?

— Конечно, чудо, — сказала Анжелика, умиленная этим наивным восторгом.

— Да, чудо! Вы нашли самое точное слово, дорогая маркиза! — пылко воскликнул Савари. — Если бы я был фанатиком, я бы нарек его «чудом верблюда»... Так слушайте же...

По его словам, Савари заметил верблюда, покрытого коростой. Он походил на старый, поросший желтым мохом утес. Парша обнажила большие куски его кожи. Однажды вечером во время стоянки этот верблюд начал обнюхивать землю, затем принюхался к ветру и вдруг бросился в пески; на бегу он порой приостанавливался, обнюхивая дюны. Савари, по счастью не успевший уснуть, последовал за ним. Он хотел привести бродягу обратно и тем заслужить у погонщика лишнюю миску похлебки. А может быть, его толкало «предчувствие», перст Аллаха... гм... Господа. Часовые, часто принимавшие его за араба или еврея, не обратили на него внимания. К тому же почти все они дремали. Здесь, где по целым дням нельзя достать пищи и пресной воды, нечего было опасаться нападений бандитов и побега рабов.

Верблюд шел долго, пересекая дюны и зыбучие пески, куда чуть-чуть не затянуло Савари. Затем он вышел на более твердую почву, где песок и соль образовали кору. Своими странными ногами, на которых вместо копыт своего рода мягкие подошвы, похожие на лапы хищных зверей, верблюд стал отодвигать,

разбивать эту затвердевшую земляную корку, а потом и зубами начал вырывать куски почвы, рыть яму.

— Вообразите, мадам: верблюд, роющий землю ногами, которые не выносят прикосновения камней; коленями, зубами... Я сам это видел... Но вы ведь не верите мне? — спросил Савари, внезапно поглядев на нее с подозрением.

— Да нет же...

— Вы не думаете, что мне пригрезилось?

— Конечно, нет.

— ...И вот верблюд отрыл эту коричневую землю, которую вы сами только что опознали. Он зубами вытащил большие ее куски и разложил их у ямы, как подстилку. А потом стал кататься по этой подстилке и тереться о нее всеми местами.

— И его парша чудесным образом прошла?

— Она прошла. Но надо бы вам знать, что в этом нет ничего чудесного, — важно заметил Савари. — Вы уже замечали, как и я, сколь благотворно действует мумие на кожные болезни. И однако, запасаясь этой землей, я еще не предполагал ее сходства с божественной персидской жидкостью. Я просто хотел сделать из нее мазь для моих больных. Но теперь я его признал и к тому же сделал потрясающее научное открытие.

— Да? Еще? Какое?

— Вот какое, мадам: соль следует за моим веществом! Все как в Персии! Впрочем, для чего мне теперь ехать в Персию? Теперь, когда я знаю, что в Южном Алжире я найду то же драгоценное вещество? И может быть, там огромные залежи, которые к тому же никто не охраняет, как залежи в Персии, принадлежащие шаху. Я непременно туда вернусь!

Анжелика вздохнула:

— Залежи, может, и не сторожат, как в Персии, но вас-то сторожат в Марокко, мой дорогой. Разве это так уж меняет вашу судьбу?

Впрочем, произнеся эти слова, она тут же мысленно упрекнула себя за скептицизм по отношению к единственному другу. Во искупление она горячо поздравила Савари, который растаял от благодарности и предложил тотчас принести охапку хвороста, а также медную или глиняную миску.

— Для чего, о Господи?

— Чтобы очистить немного этого вещества для вас. Я уже в виде опыта попробовал пережечь его в запечатанном глиняном сосуде, но оно взорвалось, выстрелив, как из пушки.

Анжелика отсоветовала ему заниматься новыми опытами прямо в серале. Под действием отваров, выпитых по настоянию Верховного евнуха, ее головная боль утихала, по телу побежали струйки пота.

— Лихорадка отступает, — сказал Савари, бросив на нее из-под очков взгляд знатока.

Мысли в ее голове снова обретали стройность.

— Вы думаете, что ваше мумие снова поможет нам бежать?

— А вы все еще помышляете о побеге? — бесцветным голосом спросил Савари, собирая в кошель куски смолистого снадобья.

— Как никогда! — воскликнула Анжелика, возмущенная подобным вопросом.

— Я тоже, — успокоил ее Савари. — Не скрою, что сейчас я бы поторопился в Париж, чтобы заняться изысканиями, каковых требует мое последнее открытие. Лишь там, в лаборатории, у меня есть нужные реторты и перегонные кубы для изучения этого взрывчатого вещества, которое, я уверен, выведет человечество вперед...

Не удержавшись, он снова вытащил кусочек этой гадости и стал рассматривать его в крошечную лупу с рукояткой из черного дерева, инкрустированной черепаховой костью. Одним из искусств Савари было

умение в дни полной нищеты раздобывать самые разнообразные предметы, которые, казалось, он по мере необходимости создавал с ловкостью фокусника. Анжелика спросила, откуда у него такая вещица.

— Это мне мой зять подарил.

— Я ее раньше никогда не видела.

— А она у меня только несколько часов. Мой зять, милый мальчик, видя, как она мне понравилась, подарил ее мне в честь приятного знакомства.

— Но кто ваш зять? — спросила Анжелика, подумав, что старик заговаривается.

Савари сложил свою крошечную лупу и спрятал ее в складках одежды.

— Еврей, — прошептал он, — меняла, как и его отец. Да, я еще не имел случая посвятить вас в эти подробности, однако я неплохо употребил те несколько часов, что провел в Мекнесе. Хороший город! Он сильно изменился со времен Мулея Арши. Мулей Исмаил строит повсюду. Бродишь среди строительных лесов, как в Версале.

— Да... так что же ваш зять?

— Я и веду к этому. Я ведь уже говорил вам, что во время моего первого марокканского рабства у меня было два недурных увлечения.

— И два сына.

— Вот-вот, если не считать, что память меня малость подвела. От Ревекки Байдоран я имею счастье иметь дочь, а не сына. Эту-то дочь во цвете лет я сейчас обрел. Она замужем за Кайаном, менялой, любезно презентовавшим мне эту лупу...

— ...Да, в честь приятного знакомства. Ох, Савари, — Анжелика не удержалась от слабого смешка, — вы настолько француз, что даже слушать вас идет мне на пользу. Когда вы произносите «Париж» или «Версаль», мне кажется, что я уже не задыхаюсь от запахов кедра,

сандала и мяты, что я снова — маркиза дю Плесси-Белльер.

— А вы действительно желаете вновь стать маркизой? Вы в самом деле хотите бежать? — настаивал Савари.

— Но я же вам повторила несколько раз, — внезапно рассвирепела Анжелика. — Зачем вы переспрашиваете снова и снова?

— Потому что вам надобно понимать, на что вы идете. Вы пятьдесят раз погибнете, прежде чем хотя бы выйдете из сераля. Тридцать раз испустите дух, пока пересечете городскую черту. Пятнадцать раз — пока доберетесь до Сеуты или Санта-Круса и трижды — прежде чем проникнете в один из этих христианских бастионов...

— Если так считать, то в подобном предприятии вы оставляете мне только два шанса из ста?

— Определенно.

— И все-таки, мэтр Савари, мне это удастся!

Старый аптекарь озабоченно покачал головой.

— Не слишком ли вы упрямы? Испытывать судьбу в таких условиях — в этом, право же, есть что-то нездоровое...

— О, теперь вы заговорили, как Осман Ферраджи! — приглушенно вскрикнула Анжелика.

— Помните, в Алжире вам обязательно хотелось совершить побег, на который даже старые рабыни, которые пятнадцать — двадцать лет провели в неволе, вряд ли решились бы. Мне стоило такого труда убедить вас проявить терпение! И что же? Разве мы не были вознаграждены?.. В пустыне и рабстве я обрел мумие. И вот иногда я думал: если бы султанский сераль вам не был в тягость, если бы сама... гм... персона Мулея Исмаила не вызывала у вас отвращения... все было бы проще... Ох, успокойтесь, считайте, что я ничего не говорил!

Он взял ее руку и легонько погладил. Ни за что на свете он не хотел бы вызвать слезы у этой знатной дамы, которая выказывала к нему несравненную дружбу, терпеливо выслушивала стариковские излияния и к тому же достала для него у самого Людовика XIV драгоценное персидское снадобье.

Почему эта всемогущая женщина не стала любовницей короля? Ах, да! Было там что-то с ее мужем, которого Меццо-Морте использовал как приманку в своей мышеловке. Было бы желательно, чтобы она об этом не вспоминала.

— Мы убежим, — примирительно произнес он. — Мы убежим, это решено!

Он не преминул заметить, что в Мекнесе легче предпринять такой шаг, нежели в Алжире. Пленники, принадлежавшие одному господину, султану, представляли собой особую касту, потихоньку превращающуюся в единое сообщество. Они даже избрали предводителя, нормандца из Сан-Валери, по имени Колен Патюрель. Он был взят в плен пятнадцать лет назад и за эти годы приобрел большое влияние на товарищей по несчастью. Впервые в истории христиане-рабы разных конфессий забыли о своих религиозных распрях и перестали грызться. Колен собрал что-то вроде совета. Московит и уроженец Кандии представляли ортодоксальное исповедание, англичанин и голландец — протестантское, испанец и итальянец — католиков, а сам он, француз, стал вершить правосудие и разрешать споры и ссоры.

Он в смелости своей дошел до того, что стал обращаться к самому Мулею Исмаилу. Это было смертельно рискованное предприятие, и никто не мог понять, благодаря какой уловке либо дару внушения он заставлял тирана выслушать себя. С этого времени положение рабов, оставаясь, по-видимому, ужасным и безнадежным, стало улучшаться. Общая касса из

добровольных пожертвований всех рабов служила для подкупов, позволявших добиться некоторых послаблений. Венецианец Пиччинино, в прошлом банковский приказчик, распоряжался этим тайным сокровищем.

Мавры, привлеченные соблазном крупного куша, соглашались послужить беглецам проводниками. Называли их метадорами. Под их водительством за последний месяц было шесть побегов, из которых один удался. Король пленников, Колен Патюрель, был заподозрен как главный зачинщик и приговорен. Как раз сегодня его распяли на городских воротах и собирались держать так до наступления смерти. Эта казнь лишала невольников всех надежд, и они готовы были взбунтоваться. Ударами дубинок, а затем и копий черная стража загнала рабов в их убежища, когда вдруг появился Колен Патюрель.

После двенадцати часов мучений он умудрился с разодранными руками сорваться с гвоздей, коими был прибит. Упав живым к подножию ворот, он не пустился в бегство, а спокойно вернулся в город и потребовал допустить его к монарху.

Мулей Исмаил был недалек от мысли, что Колена бережет сам Аллах. Султан побаивался и уважал нормандского геркулеса и находил занимательными беседы с ним.

— Все это я говорю для того, мадам, чтобы пояснить, почему гораздо предпочтительнее быть рабом в королевстве Марокко, чем в протухшей алжирской норе. Здесь кипит жизнь, вы понимаете?

— И смерть царит тоже!

Тут вдруг у Савари вырвалось, как откровение:

— А это одно и то же. Главное для раба, мадам, что он может сражаться, и когда человек пройдет через столько мучений, чтобы каждый день поздравлять себя, что еще жив, это поддерживает его в добром здравии.

Марокканский владыка окружил себя целым народом рабов, нужных для строительства дворцов, но это станет незаживающей раной на теле его страны. Ходят слухи, что нормандец собирается потребовать от марокканского султана, чтобы тот допустил в страну монахов Братства Пресвятой Троицы для выкупа пленных, как это делается в других берберийских землях. Я вот о чем подумал. Если когда-нибудь отцы-миссионеры доберутся до Мекнеса, почему бы не послать весточку Его величеству французскому королю о вашей скорбной участи?

Анжелика покраснела, чувствуя, как кровь снова лихорадочно застучала в висках.

— Вы думаете, что король Франции пошлет армию мне на выручку?

— Может статься, что его настоятельное вмешательство не останется без внимания. Мулей Исмаил испытывает сильное восхищение этим монархом и желал бы подражать ему во всем, особенно в его строительных начинаниях.

— Я не уверена, что Его величество позаботится вытянуть меня отсюда.

— Кто знает?

Устами старого аптекаря вещала сама мудрость, но Анжелика предпочла бы тысячу раз умереть, чем испытать подобное унижение. Все смешалось в ее голове. Голос Савари стал отдаляться, и она заснула глубоким сном, в то время как новый рассвет занимался над марокканской столицей.

Глава 13

— Мы пойдем на представление! На представление!
— щебетали маленькие одалиски, звеня браслетами.

— Успокойтесь, сударыни, будьте благоразумнее, — увещевал их Осман Ферраджи. С торжественным видом он прошел меж двух рядов закутанных гаремных прелестниц, строго проверив, насколько изысканно они одеты и хорошо ли запахнуты шелковые или муслиновые накидки, оставляющие снаружи только глаза, светлые или темные, но неизменно блестящие от возбуждения.

Все эти женщины, принаряженные для прогулки, ходили друг на друга, в одинаковых складках одеяний, делающих красавиц похожими на груши, в малюсеньких бабушах желтой или красной кожи. Здесь были девушки из первой сотни гаремных фавориток, тех, на ком Мулей Исмаил предпочитал останавливать свой выбор. Обыкновенно он держал в руке платок и ронял его перед избранницей на этот день, точнее, ночь. Ему говорили, что так поступал константинопольский владыка в своем серале.

Когда на какую-нибудь из женщин повелитель очень долго не обращал внимания, Осман Ферраджи исключал ее из избранного кружка и отправлял на другие этажи сераля, к иным занятиям. Не попасть в число «представляемых» почиталось горчайшей ссылкой. С этого часа отверженная навсегда лишалась участия в султанских развлечениях. Это было началом забвения, старости — невдалеке от источника благодати. Осман Ферраджи, главный распорядитель этих ссылок и новых приглашений, пользовался даже легчайшей угрозой как сильнейшим средством укрощения непокорных. Ибо не быть в числе этих ста

значило лишиться многих радостей. Например, прогулок, представлений, загородных вояжей, в которые Осман Ферраджи не боялся отправлять самую драгоценную часть своих подопечных.

В такой день отставленные, слыша предвещавшие празднество ружейные выстрелы и гомон толпы, раздражаются рыданиями и безутешными завываниями. На сей раз Осман Ферраджи самолично отправился их утихомирить. Государю надоело слушать жалобные вопли в своем серале. Неужто им хочется испытать судьбу жен Абдель-Малека? Ведь память об этом еще свежа. Абдель-Малек умер от гангрены через неделю после казни, и его жены принялись так громко вопить от горя, что государь пригрозил предать смерти всякую, кто не уймется. На несколько дней, пока монарх оставался во дворце, они затихли, но стоило ему удалиться, как стенания возобновлялись. Тогда государь повелел удавить четверых перед собственными очами. После столь благодетельного призыва евнуха оставленные взаперти разбежались, ища бойницу или место на крыше, откуда можно разглядеть что-нибудь из представления.

Перед выходом Верховный евнух заглянул к Анжелике. Служанки укутывали ее в покрывала. Она ничего не имела бы против того, чтобы ее оставили без прогулки, но смотритель серала хотел использовать любой случай показать будущей фаворитке ее повелителя, не показывая ее самое.

Поэтому Анжелика постоянно смешивалась с толпой женщин, эскортировавших султана во время прогулок или публичных увеселений. Когда тиран слишком уж пристально разглядывал пестрый рой белых, розовых и зеленых коконов, трое постоянно державшихся начеку евнухов делали все, чтобы укрыть молодую женщину от хозяйских глаз, или, если надо, спрятать. Осман Ферраджи думал, и не без причин, что для того, чтобы

преодолеть неуверенность Анжелики и подвигнуть ее к исполнению прямых обязанностей, надобно лучше познакомить ее с характером Мулея Исмаила и приучить ее быть около него. Конечно, пока ее коробят вспышки султанской жестокости. Но мало-помалу она привыкнет. Ведь чтобы с должным блеском сыграть свою роль, ей предстояло избрать повелителя совершенно добровольно.

Посему Анжелика была вынуждена замешаться в стайку женщин, спускавшихся к садам. Англичанка, с лицом розовым, как сладкий крем, появилась без чадры, ведя очаровательных маленьких мулаток со светлыми волосами и янтарной кожей, — ее близнецов-дочерей от Мулея Исмаила. Из-за них она стала второй женой, оставив титул первой супруге султана Лейле Айше, родившей мальчика.

Чтобы подчеркнуть свое высокое положение, Лейла Айша появилась последней, тоже с открытым лицом, и спустилась из своих покоев по особой лестнице, предназначенной для нее одной. У нее была своя стража евнухов, и служанка несла впереди нее саблю, знак ее власти. Ее внушительная фигура была затянута в полосатую красную ткань. Открыв самовольно лица, обе султанши показывали Осману Ферраджи, что их послушание не беспредельно. Лейла Айша подумывала заменить Верховного евнуха на своего ставленника, предводителя своей личной стражи Рамидана, преданного ей душой и телом. То был негр с кожей черней антрацита, испещренной голубыми пятнами племенной татуировки. Рамидан и Осман Ферраджи принадлежали к разным народностям. Маленькая потаенная война в гареме была продолжением векового соперничества африканских племен.

За матерью следовал малолетний принц Зидан. У него было вполне негритянское круглое шоколадное личико, утонувшее в кремовом муслиновом тюрбане. Он

был одет в наряд из коричневого атласа и фисташкового и пунцового шелка. Анжелика, которую он забавлял, про себя называла его. Принц-Конфетка, хотя характер крошки не обещал Ничего сладостного. Ему только что исполнилось шесть лет, и он с гордостью созерцал саблю из настоящей стали, подаренную султаном. Теперь, наконец, он выбросит свою деревянную, а этой новой отрубит головы Матье и Жану Бадиге, двум маленьким рабам-французам, товарищам его игр. Он опробует новое оружие нынче же вечером, после представления.

Обе фаворитки закрыли лица лишь перед выходом из последней двери, ведущей в дворцовый сад, где можно было столкнуться с рабами: Мулей Исмаил пожелал построить там мечеть и бани и вырыть пруд. Но в этот день стройка была пустынна; молотки, лопаты, лестницы валялись среди недостроенных стен и под серебристыми оливковыми деревьями.

Отдаленный людской ропот доносился из-за стен дворца. Дворец Мулея Исмаила представлял собой бесконечную череду покоев, предназначенных для того, чтобы с царственным величием расселить в них женщин, придворных и рабов. Но закончены были лишь основное строение, состоявшее из сорока пяти отдельных построек — каждая со своим фонтаном во внутреннем дворике — и колоссальные роскошные конюшни на двенадцать тысяч лошадей. За ними тянулся бесконечный лабиринт дворов, складов, мечетей, садов, из которых одни были обнесены стенами, другие вливались в городские предместья. Именно оттуда слышался шум, и еще — из становища рабов, где каждый имел свою хижину из необожженной глины и тростника, а каждая нация — свой квартал, во главе которого стояли совет и его глава.

Женщин, шествующих в кольце евнухов, окружила конная стража султана, и они столкнулись с самим

султанским кортежем. Мулей Исмаил шел пешком, под зонтом от солнца, который поддерживали два негритенка. Около него толпились верховные алькаиды и доверенные советники: еврей Самуил Байдоран, испанский ренегат Хуан ди Альферио, после перехода в мусульманство носящий имя Сайд Мухади, и другой вероотступник, отвечавший за военные склады, француз Жозеф Гайар, нареченный Родани.

Завидев Османа Ферраджи, султан обратился к нему с подчеркнутым благорасположением и указал ему место рядом с собой.

В удушающей жаре бурлила толпа арабов. Все прислушивались к громким крикам, заглушавшим голоса тамбуринов и трели флейт, тщетно пытавшихся перекрыть этот гомон. Кричавшие появились внезапно, когда кортеж вступил на центральную площадь Мекнеса. Стража растолкала скопище белых бурнусов, и глазам предстала серая бледная масса, — кишашие лохмотья и оружие худые бородатые лица.

Похожие на окаянных грешников Дантова ада, христиане-пленники, окруженные неграми с поднятыми дубинами и кнутами, протягивали руки к Мулею Исмаилу. В их криках на всех языках Европы можно было различить одно имя:

— Нормандец! Нормандец! Пощаду Колену-нормандцу!

Мулей Исмаил остановился. На его губах играла улыбка, словно крики и мольбы доставляли ему такое же наслаждение, как рукоплескания. Он держался на некотором расстоянии от вопящей толпы рабов. Затем вместе с приближенными поднялся на небольшое возвышение. Женщин также устроили на удобных местах, и оттуда Анжелика увидела, что отделяло монарха и придворных от толпы рабов.

В центре площади находилась широкая и глубокая прямоугольная яма, длиной шагов в двадцать. Ее дно

было посыпано белым песком. Глыбы камней и несколько чахлых растений, уроженцев пустыни, придавали ей сходство с маленьким садом. От ямы исходило зловоние, удесятеренное жарой, в углах белели остатки скелетов. Львиный ров! В одном из торцов деревянные створки прикрывали два подземных хода, ведущие в ров.

Мулей Исмаил поднял руку. Одна из створок, приводимая в движение потайным механизмом, бесшумно скользнула в стороны, обнаружив выход. Толпа подалась вперед так неудержимо, что первые ряды едва не обрушились в ров. Рабы падали на колени, упираясь руками в край рва, тянули шеи к черному провалу разверстого подземелья. Там, в глубине, кто-то зашевелился. Это был человек, скованный тяжелыми цепями по рукам и ногам. Люк за его спиной захлопнулся. Приговоренный заморгал, привыкая к слепящему свету.

С возвышения можно было разглядеть мужчину громадного роста и редкой силы. Рубаха и штаны — обычная одежда раба — оставляли открытыми мускулистые руки, ноги и широкую, словно боевой щит, волосатую, как у медведя, грудь, на которой блестела круглая бляха с изображением распятия. Растрепанные волосы и борода были белокуры. Эта буйная, скрывшая щеки растительность позволяла увидеть лишь блеск маленьких хитроватых голубых глаз. Вблизи можно было бы различить, что его виски уже тронула седина и в бороде пестрели грязно-серые нити. На вид ему было лет сорок, вот уже полдюжины годов он провел в неволе. По толпе пробежал ропот, быстро перешедший в крик:

— Колен! Колен Патюрель! Колен-нормандец!..

Низкорослый рыжий юноша, склонившись вниз, прокричал по-французски:

— Колен, дружище, сражайся! Убивай, круши, но не умирай, не умирай!

Раб на дне рва воздел мощные руки, успокаивая своего друга. В этот миг Анжелика разглядела кровавые раны на его ладонях и вспомнила, что именно этого человека она видела распятым у Новых ворот. Чуть пошатываясь, он спокойно вышел на середину рва и поднял голову к Мулею Исмаилу.

— Приветствую тебя, государь, — сказал он по-арабски звонким и отнюдь не дрожащим голосом. — Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, чем ты, пес, — ответил султан. — Разве ты не понял, что пришел час расплаты за все дерзости, коими ты утомлял меня годы и годы? Еще вчера ты осмелился надоедать мне просьбами допустить в страну попов (так султан называл священнослужителей не только православного, но и всех прочих христианских культов) и позволить им покупать невольников. А я не хочу продавать своих рабов! — воскликнул Мулей Исмаил, встав во весь рост в своем белоснежном облачении. — Мои рабы принадлежат только мне. Здесь не Алжир и не Тунис. Мне незачем подражать прогнившим торгашам, забывающим о своих обязательствах перед Аллахом и думающим только о собственном кошельке... Ты исчерпал мое терпение. Но не так, как тебе хотелось. Думал ли ты вчера, когда я осыпал тебя ласками и обещаниями, что наутро тебя бросят в львиный ров? Ха-ха! Ты ожидал этого?

— Нет, государь, — смиренно ответил нормандец.

— Ха-ха! И ты ликовал, бахвалился перед своими, что вертишь мной, как тебе заблагорассудится? Колен Патюрель, ты умрешь!

— Да, государь.

Мулей Исмаил, внезапно помрачнев, опустился на свое место. Среди рабов вновь раздались крики, и негры-стражники наставили на их толпу мушкеты.

Султан тоже поглядел на рабов и еще больше нахмурился.

— Мне неприятно обречь тебя на смерть, Колен Патюрель. Я уже несколько раз смирялся с этим решением — и всякий раз поздравлял себя, когда ты входил целым и невредимым после наказания, которое должно было бы тебя погубить. Но теперь, ты уж поверь мне, я не позволю демонам вызволить тебя! Я не встану с места, пока не увижу, как будет обглодана последняя кость. И все-таки мне не нравится, что ты умрешь! Особенно, что умрешь ты в ослеплении ложных верований и будешь проклят. Я еще могу помиловать тебя. Стань мавром!

— Это невозможно, повелитель.

— Что тут невозможного? — взъярился султан. — Что невозможного в том, чтобы выговорить: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его»?

— Если я произнесу эти слова, то стану мавром. И ты сам будешь весьма раздосадован этим, государь. Ведь почему тебе не хочется обречь меня на смерть? Ты желаешь сохранить мне жизнь лишь потому, что я — предводитель твоих рабов, благодаря мне они с большим рвением и послушанием строят твои дворцы и мечети. По этому тебе полезно, чтобы я оставался среди них. Но сделавшись мавром, я стану ренегатом. И что мне делать тогда меж рабов-христиан?.. Я надену тюрбан, буду ходить в мечеть и перестану приносить пользу на твоей службе. Выходит, так и сяк мне конец: меня — вероотступника ты погубишь таким спасением, меня — христианина — львами.

— Пес, мне надоел твой раздвоенный язык! Довольно ты меня морочил. Умри же!

Толпу объяла давящая тишина. Раб еще продолжал говорить, а за его спиной уже открылся второй подземный ход. Из темноты медленно вышел великолепный нубийский лев. Зверь покачивал головой,

поросшей густой черной гривой. Двигался он с легкой и одновременно внушительной неторопливостью хищника. За ним, потягиваясь, следовала гибкая львица, а следом еще один лев с Атласских предгорий, цвета горячего песка, с почти рыжей гривой. Они в молчании сделали несколько шагов и оказались перед рабом. Он стоял неподвижно. Нубийский лев стал нервно хлестать себя хвостом по бокам, но, казалось, склоненные над ровом головы раздражали его больше, нежели неподвижный человек в его собственном жилище. Он заворчал, с вызовом оглядев толпу, и вдруг несколько раз мощно рыкнул.

Анжелика спрятала лицо под накидкой, но, услышав глухой шепот толпы, взглянула снова. Лев, раздраженный отвратительным любопытством публики, улегся в тени больших камней, невозмутимо проскользнув мимо пленника. Он чуть ли не потерялся, как большая кошка, о ноги нормандца.

Арабы, обманутые в своих ожиданиях, завопили. Истошно крича, они бросали в ров камни и куски земли, пытаясь раздражить хищников. Те зарычали, покружились по загону и демонстративно улеглись у закрытого входа в подземное убежище, давая понять, что не прочь провести часы полуденного отдыха в более спокойном месте.

Глаза Мулея Исмаила едва не выскочили из орбит.

— Баррака, — бормотал он, заикаясь, — это баррака.

Он вскочил и в возбуждении подбежал к краю рва.

— Колен Патюрель, львы не хотят причинять тебе зла. Это колдовство, баррака! Открой свой секрет, и тебе будет дарована жизнь.

— Сначала даруй жизнь, а потом я выдам секрет.

— Да будет так! Ну же, — торопил охваченный любопытством султан. Он подал знак. Рабы отворили двери, и львы ушли сами. В толпе христиан раздался

вздых облегчения, больше похожий на стон. Рабы обнимались и плакали. Их предводитель был спасен.

— Говори! Говори же! — нетерпеливо крикнул Мулей Исмаил.

— Еще одна милость, государь! Позволь отцам из Братства Пресвятой Троицы приехать в Мекнес и заняться выкупом рабов...

— Этот пес, наверное, жаждет остаться без головы. Мушкет мне! Сейчас пристрелю его собственной рукой!

— И я унесу свой секрет в могилу.

— Ну, хорошо. Пусть будет и это. Пусть придут ваши проклятые попы. Посмотрим, что за дары они принесут. Может быть, я и отдам им что-нибудь взамен. Выбирайся оттуда, Колен Патюрель.

Несмотря на тяжелые цепи, геркулес легко взлетел по каменным ступеням, высеченным в одном из торцов рва. Он встал среди разъяренных и разочарованных арабов, но те не осмелились ни тронуть, ни оскорбить смельчака. Перед тронем Мулея Исмаила раб-христианин простерся ниц. Толстые губы тирана дрогнули, тронутые мимолетной улыбкой, и он легонько ткнул ногой в узловатый хребет.

— Вставай, проклятый пес!

Нормандец выпрямился во весь рост. Анжелика помимо воли впиалась взглядом в стоящих лицом к лицу противников. Она была так близко от них, что не решалась не то чтобы двигаться, но даже дышать.

Один был всевластен, другой — в цепях. Но случилось так, что султан и раб, христианин и мусульманин сражались с одним противником — Азраилом, ангелом смерти. Перед существами такого склада Азраил отступал и принимался за обычную работу: похищал робкие слабые жизни, рвал сорную траву... Конечно, и эти оба — его данники: в свой час султана не спасет его кольчуга, а нормандца — хитрость. Но борьба их с ангелом смерти будет упорной,

и Азраилу не скоро достанется победа. Стоило посмотреть на них обоих!..

— Говори же, — повелел Мулей Исмаил. — Каким волшебством ты усмиряешь львов?

— Никакого волшебства, о повелитель. Просто, избрав для меня эту казнь, ты забыл, что я долго служил при хищниках и до сих пор помогаю зрителю зверинца, а значит — львы меня знают. Еще вчера я вызвался заменить слуг, кормивших хищников, и задал им двойную порцию. Двойную... что я говорю: тройную! Все три зверя, избранные тобой для казни, пришли в ров, набитые до пасти, словно заряженные мортиры. Их тошнит от одного вида дичи, живой или мертвой. А к тому же я подсыпал им в корм травку, от которой клонит в сон.

Мулей Исмаил почернел от злости.

— Нечестивый пес! Ты осмеливаешься принародно хвастать, что посмеялся надо мной! Да я тебе голову снесу!

Вскочив, он выхватил саблю. Но король пленников пристыдил его:

— Я открыл тебе секрет, государь. Я сдержал слово. Ты слывешь властителем, исполняющим свои обещания. Сегодня ты обязан сохранить мне жизнь и согласиться впустить в страну монахов Братства Пресвятой Троицы.

— Не зуди мне в уши! — рычал тиран, вращая над головой кривой саблей. Но потом вложил ее в ножны, зловеще пробормотав:

— Сегодня я обещал! Да, сегодня!..

Положение разрядила процессия слуг, принесших на огромном медном блюде обед султана. Мулей Исмаил повелел сервировать трапезу прямо на площади, предполагая, что кровавое зрелище возбудит его аппетит. Прислужники чуть не упали, увидев, что «львиный обед» стоит рядом с их повелителем. Султан, усевшись на ложе из подушек, собрал вокруг себя

придворных, призванных разделить с ним трапезу. Он продолжал допрос:

— Как ты догадался, что я готовлюсь бросить тебя в львиный ров? До пения петухов я никому не говорил об этом. Напротив, во дворце поговаривали, что я вернул тебе свое расположение.

Голубые глаза пленника сощурились.

— Я знаю тебя, о повелитель. Я хорошо тебя знаю!

— Ты хочешь сказать, что уловки мои грубы и я не могу обмануть приближенных?

— Ты хитер, словно лис, но я — нормандец.

Белые зубы султана блеснули, как молния, на мрачном лице. Он смеялся. Его улыбка вызвала взрыв веселости в толпе рабов, где передавали друг другу на ухо «секрет» Колена Патюреля.

— Люблю нормандцев, — добродушно произнес Мулей Исмаил. — Я прикажу корсарам из Сале порыскать около Гавра и набрать мне целую кучу таких, как ты. Только одно мне не нравится в тебе, Колен Патюрель. Ты слишком большой. Ты выше меня ростом, а такой дерзости я не могу вынести.

— У тебя много способов, государь, разрешить это затруднение. Ты можешь отрубить мне голову. Или усадить меня рядом с собой. Тогда в тюрбане ты будешь гораздо выше меня.

— Пусть так, — произнес султан, чуть подумав и решив не злиться. — Садись.

Раб сложил длинные ноги и уселся на роскошные шелка около грозного повелителя, который передал ему жареного голубя. Алькаиды, советники, свита — все, вплоть до султанш — возмущенно зашептались. Мулей Исмаил окинул взглядом окружающих.

— Что вы там бормочете? Разве вам не подали мяса?

Один из визирей, Сайд Мухади, испанский ренегат, раздраженно ответил:

— Нам не еды жалко, государь. Прискорбно видеть, что рядом с тобой сидит вонючий раб.

Глаза султана грозно блеснули.

— Почему я обхожусь с вонючим рабом, как с равным? — спросил он. — Вы этого не знаете? Так я объясню. Потому что никто из вас не соизволит запачкаться и вникнуть в их дела. Если рабы хотят просить о чем-то, они вынуждены обращаться прямо ко мне. А потом мне всякий раз приходится наказывать их за дерзость. Так я по вашей милости теряю рабов... Разве не ваша обязанность посредничать между ними и мной? Не твоя, Сайд Мухади, не твоя, Родани? Ведь вы были когда-то христианами. Почему не ты, Сайд Мухади, попросил меня пригласить попов? Тебе не жаль твоих бывших братьев?

Мулей Исмаил разгорячился, пока говорил, но испанца это не смутило. Он был военачальником султана в битвах с мятежниками и знал, что его положение крепко. Офицер Его величества Филиппа IV, он отправился в Южную Америку с войсками экспедиционного корпуса и был пленен берберийцами. Марокканский монарх быстро оценил дар стратега во время отступления в горах. Хуан ди Альферио начал эту кампанию рабом, а закончил во главе отряда янычаров. Мулей Исмаил пожелал привязать офицера к себе и пыткой заставил перейти в ислам. На велеречивые упреки султана он ответил, кинув презрительный взгляд на пленников-христиан:

— Я отрекся от самого повелителя и не нахожу нужным обращать внимание на его слуг.

Глава 14

— Мне позволено есть, государь? — смиренно спросил Колен Патюрель, ожидая с голубем в руках. Сейчас, после многолетнего недоедания, он испытывал муки, достойные тех, какие любил измышлять Мулей Исмаил. Ведь желудок раба-нормандца давно не знал такой благодати.

Его вопрос опять вверх султана в один из обычных приступов ярости. Он заметил, что алькаиды принялись за еду, не дожидаясь его, и разразился потоком ругательств.

— Ешь! — прорычал он нормандцу. — А вы, обжоры, перестаньте набивать брюхо! Можно подумать, что вы — рабы, живущие на хлебе и воде, а не богачи, обирающие меня.

Он приказал страже отобрать у свиты и отнести все, что осталось, рабам. Алькаиды хотели, по меньшей мере, оставить на месте начатое блюдо, говоря, что христиане недостойны есть с того же подноса, что и султан. Но тот повелел отнести блюдо со всем, что на нем было: курами, голубями и рисом с шафраном.

Пленные набросились на королевские дары, и разыгралось настоящее сражение голодных псов у кормушки. Анжелика с жалостью смотрела на несчастных, униженных рабством и лишенных надежды. Среди них было немало дворян, священников, знатных и достойных людей, но нищета уравнила их одинаковыми лохмотьями. Она увидела их худобу и вспомнила о мэтре Савари, чьи пальцы показались ей сухими и жесткими, как прутья. Бедняга буквально умирал с голоду, а она даже не догадалась дать ему марципан!..

Со своего места она могла расслышать беседу султана и нормандца и почти все поняла. Она призналась себе, что бурная жестокая натура Мулея Исмаила одновременно притягивает и отталкивает ее. Укротить человека такого рода было равносильно приручению хищного зверя, который останется хищником, вечно готовым к прыжку и охочим до крови.

К ее плечу прислонилась черкешенка, укутанная в наряд цвета нильской воды. Ее глаза впились в султанский профиль. Арабский язык робких признаний кавказской девочки был неуклюж и бесцветен, как и у ее собеседницы, но жесты, томная мимика досказывали за нее.

— Ты знаешь, он не такой ужасный... Он постарался меня рассмешить, чтобы высохли слезы... Он подарил мне браслет. Его рука была нежной на моем плече. Его грудь как серебряный щит... Я не была женщиной. А теперь стала. И каждую ночь познаю все новые блаженства.

«Черкешенка понравилась Мулею Исмаилу, — говорил ей Осман Ферраджи. — Она развлекает его и притягивает, как кошечка. Все это хорошо. Это дает нам время приготовить для него тигрицу».

Анжелика пожимала плечами. Она говорила «нет», но каждый раз все с большим трудом выдерживала борьбу с коварными соблазнами. Здесь против нее было все: миндальные печенья, засахаренные фрукты, заботы о телесной красоте и волнующие исповедальные нашептывания придворных прелестниц, ревниво хвастающих милостями повелителя. В гареме все чувства были напряжены, искусно возбуждены и раздражены, вращаясь вокруг невидимой и всемогущей персоны. Мулей Исмаил был вездесущ. Это становилось наваждением. По ночам Анжелика просыпалась и вскакивала, страшась увидеть возникшую из тьмы царственную тень.

Теперь она уже была довольна, когда ей удалось увидеть его во плоти. Призрак вновь обретал форму и плотность, становился мужчиной со всеми его слабостями, а не сказочным видением, почти что религиозным мифом. Она примеривалась к нему, как к другим, и кто знает... «Поживем — увидим», — думала она.

— Когда ты допустишь наших священников? — разрывая птицу зубами, спросил Колен Патюрель. Он ломился к цели с упорством зубра.

— Они могут прибыть когда им угодно, и мы выпустим их в целости и сохранности. Дай им знать, что я к ним хорошо отнесусь.

Нормандец тотчас предложил написать два письма. Одно — поручение монарха к алькаиду Али, сыну Абдуллы, осадившему занятую испанцами Сеуту, предписывающее тому начать переговоры об этом деле. Другое — к святым отцам из Братства Пресвятой Троицы, которые получают его через посредничество французских торговцев в Кадиксе.

Тотчас принесли письменные принадлежности. Колен Патюрель подозвал своего писца, рыжего подростка, что недавно кричал ему: «Убивай, но не умирай!» Все звали его Жан-Жан-парижанин. Он был судебским клерком, одним из немногих пленных — уроженцев французской столицы. Корабль, на котором он сопровождал своего патрона в Англию по делам, попал в бурю, сбился с курса, раз двадцать едва не налетал на британские береговые утесы и, наконец, очутившись в Гасконском заливе, был взят на abordаж берберийскими пиратами.

Колен Патюрель продиктовал ему письмо к преподобным отцам, моля снарядить миссию для выкупа пленных из Мекнеса. Он советовал им прихватить с собой богатые дары, чтобы понравиться султану. Особенно настенные часы, да, большие

настенные часы с золотым маятником, в виде солнца с лучами. Глаза султана разгорелись. Он вдруг заспешил с отправкой гонцов.

Пиччинино, «банкир» пленников, выделил из общей казны четыре дуката для написавшего письмо к алькаиду Али. Это последнее было посыпано песком, запечатано, опущено в футляр, который гонец должен был приладить под мышкой на голое тело. Однако Мулея Исмаила заставляла хмуриться какая-то тревожная мысль.

— Ты сказал, что твоих попов зовут Отцами Святой Троицы?

— Да, государь. Эти преданные служители церкви скитаются по христианским странам, собирая пожертвования набожных людей, чтобы потом выкупать несостоятельных пленников.

Но сомнения султана были совсем иного рода.

— Троица! Не является ли это основой вашего вероучения? Разделять Бога на три существа! Это кощунство. Есть лишь один Бог, и он един. Я не желаю видеть в своей стране неверных, исповедующих столь оскорбительные постулаты.

— Ну хорошо, направим мое письмо отцам Братства Святых Даров, — с простоватым видом предложил нормандец и приказал изменить адрес.

Но и тогда, когда гонец в конце концов отбыл в облаке рыжей пыли, Мулей Исмаил продолжал обвинительную речь:

— Вот вы, христиане, говорите, что есть Отец, Сын и Святой дух. Вы тем самым наносите оскорбление Господу. Я верю, что Иисус был Глаголом Господним. Верю, что он был величайшим из пророков, поскольку в Коране сказано, что всякий человек, рожденный из материнского чрева, получает пощечину Сатаны, — кроме Иисуса и Матери Его. Но я не думаю, что Иисус — Бог как таковой, ибо если бы я верил в это... Если бы я

верил, то приказал бы сжечь всех евреев в моем королевстве, — прорычал он, ткнув кулаком в сторону Самуила Байдорана.

Еврей-министр сгорбился. Сердце Мулея Исмаила, что темный лес, наполнилось бурными религиозными обидами, которые иногда захватывали все его существо, рождая буйную, до потери дыхания, ярость. Большинство его деяний проистекало из представлений о Боге оскорбленном, осмеянном, униженном неверными, и ему, Предводителю правоверных, предстояло заставить весь мир уважать истинного Бога.

Султан глубоко вздохнул.

— Я давно хотел поговорить с тобой. Колен Патюрель, о Священном Законе. Как человек здравомыслящий может притерпеться и жить во зле, обрекаяющем его на проклятие?

— Я не очень большой теолог, — ответил Колен Патюрель, обгладывая голубиное крылышко, — но что называешь ты, государь, добром и что — злом? Для нас преступление — убить себе подобного.

— Безумцы! Безумцы все, кто смешивает мелочи земной жизни с великими истинами. Зло... Единственное непростительное зло — это отречься от своего спасения, не признать божественной Истины! И вот это-то преступление вы, христиане, совершаете ежедневно. Вы и еще евреи, коим первым была открыта Истина. Евреи и христиане осквернили наши святыне книги: Книгу Моисея, псалмы Давида, Евангелия... они вписали в них то, чего там не было. Как ты можешь жить в заблуждении? Жить во грехе? Отвечай, поганый пес!

— Я не могу тебе ответить. Я только бедный нормандский моряк. Но я пошлю к тебе Рене де Мерикура, мальтийского рыцаря, очень сведущего в божественной науке.

— А где он, твой рыцарь? Приведи его!

— Его нет в Мекнесе. Он с раннего утра отправился с другими на запад за корзинами каменной крошки для строительного раствора.

Эти слова внезапно оторвали Мулея Исмаила от метафизических изысканий. Он вдруг заметил, что рабы уже три часа как отдыхают.

— Почему здесь эти собаки пожирают остатки с моего стола? — завопил он. — Я вызвал их сюда смотреть на казнь, а не хихикать над оскорблением, которое ты мне нанес. Вон с глаз моих, мерзкая свинья! Я прощаю тебя сегодня! Но завтра... берегись! завтра!..

И он велел дать по сотне палочных ударов всем пленным французам, которые в тот день ушли с работ, чтобы смотреть, как будет умирать Колен Патюрель.

Глава 15

Сады Мекнеса были прекрасны. Анжелика часто гуляла по ним, то смешиваясь с другими женщинами, то одна в двухколесном экипаже, влекомом двумя мулами. Портьеры коляски скрывали ее от посторонних взглядов, но сама она могла любоваться цветами и деревьями, сверкавшими под раскаленным солнцем. Она ожидала таких прогулок и побаивалась их: вдруг Осман Ферраджи подстроит так, что за поворотом аллеи появится султан? А это было возможно: подражая Людовику XIV, Мулей Исмаил любил прогуливаться в своих садах. Кроме того, он хотел лично наблюдать за ходом работ. Именно в эти минуты к нему можно было обратиться, ожидая милостивого ответа. Особенно если он держал на руках одного из своих малолетних сыновей или кошку и размеренным шагом в сопровождении доверенных людей из свиты прохаживался по тенистым аллеям. Каждый знал, что сейчас всего безопаснее подступить к властителю с деликатной просьбой. Султан не вскипал, как обычно, опасаясь потревожить роскошно одетую маленькую темнокожую куколку, прижатую к груди, или раскормленного кота, которого он ласково поглаживал. К детям и животным он относился с нежностью, поражавшей всех приближенных так же, как и свирепость, с какой он пытал и калечил себе подобных. Сады и дворцы были полны редкими животными. Кошки всех пород, обихоженные огромным штатом прислуги, встречались повсюду: во дворах, на деревьях, на лужайках, среди цветов — везде мелькали пушистые спины и хвосты. Сине-зеленые кошачьи глаза со зрачками цвета жидкого золота внимательно следили за гуляющими по аллеям. Кошки, присутствуя повсюду,

словно воинство ангелов-хранителей, наделяли все вокруг таинственной одушевленностью.

Кошек здесь не дрессировали для охраны рабов или сокровищ, как принято на Востоке. Их холили ради них самих, что делало их ласковыми и добродушными. Звери были счастливы под властью Мулея Исмаила. Лошади, которых он обожал не менее кошек, размещались в роскошных конюшнях с мраморными сводами, где между рядами стойл били фонтаны и чистая питьевая вода текла по желобам, выложенным голубой и зеленой мозаикой. На берегу одного из прудов беззлобно переругивались розовые фламинго, пеликаны, ибисы.

Местами зелень была так густа, ряды оливковых деревьев и эвкалиптов так удачно расположены, что иллюзорная перспектива большого леса заставляла забыть о скрывающихся за ними зубчатых тюремных стенах.

Обычно прогуливающихся женщин сопровождали евнухи, поскольку в многочисленных аллеях можно было столкнуться с рабом-строителем. Только в маленькие внутренние дворики с фонтанами и олеандрами вход был безопасен.

В то утро Анжелике захотелось навестить карликового слона. Она надеялась застать там Савари — главного лекаря при этом драгоценном создании. К ней присоединились маленькая черкешенка и две другие наложницы: веселая статная эфиопка Муире и уроженка Ирана с очень светлым, цвета лимонного дерева лицом.

Они направились к зверинцу под надзором трех евнухов. Один из них, Рамидан, начальник стражи при султанше, нес на руках маленького принца Зидана. Прослышав про слона, тот с криками и топаньем потребовал, чтобы его взяли с собой.

Предположения Анжелики оправдались: около слона топтался Савари с огромной свинцовой клистирной трубкой и вместе с двумя рабами-помощниками готовился сделать своему пациенту промывание.

Слон съел слишком много плодов гуайявы. Малыш тотчас пожелал дать их ему еще. Старый лекарь не пытался помешать его капризу: несколько лишних плодов не слишком усилили бы недомогание животного, и потому не стоило навлекать на себя гнев царственного наследника.

Анжелика воспользовалась случаем и тайком сунула Савари два мягких хлебца, припрятанных под покрывалом. Толстяк Рафаи видел это, но ничего не сказал. Он получил четкое предписание не надоедать Анжелике мелочными придирами. Француженка прошептала:

— Вы уже составили какой-нибудь план бегства?

Старый аптекарь тревожно стрельнул глазами по сторонам и ответил сквозь зубы:

— Мой зять, еврей Самуил Кайан, очаровательный молодой человек, готов одолжить мне значительную сумму, чтобы оплатить метадоров, которые послужат нам проводниками. Колен Патюрель знает таких, которым удавались побег.

— Они надежны?

— Он ручается за них.

— А почему он сам не бежал?

— Он всегда в цепях... Его освободить не легче, чем вас. Он говорит, что никогда женщины не пытались бежать, а если пытались — о том никто не знает. Поэтому, стоит дожждаться приезда монахов и обратиться через них к Его величеству французскому королю.

Анжелика, мгновенно вспыхив, собралась заспорить, но ворчание Рафаи дало ей понять, что пора прекращать эти подозрительные переговоры, в которых

страж не понимал ни слова. Евнухи поторопились вывести женщин из зверинца. Принц-Конфетка заартачился, не позволяя Рамидану взять его на руки. Его гнев утих, лишь когда за поворотом аллеи им встретился старый, почти лысый раб, фламандец Жан-Батист Колоэнс, сгребавший палую листву. Мальчик закричал, что хочет отрубить ему голову, потому что тот лыс и ни на что не пригоден. Евнухи подчинились этой свирепой причуде, посоветовав рабу падать сразу после первого удара. Сиятельный младенец поднял свою сабельку и изо всех сил рубанул. Старик рухнул наземь и притворился мертвым. Клинок сильно рассек ему предплечье. При виде крови милый карапуз тотчас успокоился и весело продолжал прогулку.

Они проходили по отдаленному саду, заросшему клевером, шедшим на корм султанским скакунам. Лужайка располагалась на невысоком уступе, обнесенном балюстрадой. За ним был разбит маленький парк из апельсиновых деревьев и розовых кустов. Это было самое красивое местечко в саду, созданное талантом садовника-испанца, которому удалось добиться бесподобных сочетаний не только цветовых оттенков голубовато-зеленой листвы деревьев с блестящими плодами в кронах и матовой зеленью кустов, но и запаха спелых апельсинов с ароматом роз. Здесь трудились два раба. Проходя мимо, Анжелика услышала, что они переговариваются по-французски. Проходя, она оглянулась. Один из них, которому вполне подошли бы парик и кружевное жабо, весело подмигнул ей. Французу надобно уж слишком недомогать от рабского ярма, чтобы даже под угрозой смерти перестать улыбаться, глядя вслед таинственной даме, чью красоту он угадывает под покрывалом. И тут маленькая черкешенка воскликнула:

— Я хочу тот хорошенький апельсин! Вон он, наверху. Велите рабу его сорвать.

На самом же деле она заметила красивого юношу, и ей захотелось остановиться, чтобы разглядеть его. Страстные объятия Мулея Исмаила растревожили душу наивной девочки, пробудив чисто женское любопытство. Ей вздумалось испытать силу своих чар. Ведь эти двое, сколь ни были они измождены и обтрепаны, оказались первыми мужчинами, которых она повстречала в султанских садах с тех пор, как ей приоткрыли начатки тонкой и страстной игры, ведущей свою родословную еще от Адама и Евы.

Ее прекрасные глаза из-под вуали впились в белокожих рабов. До чего же они мускулисты и волосаты!.. Но у высокого юноши волосы светлые, шелковистые. Странно было бы оказаться в его объятиях... Как христиане ведут себя в любви?.. Говорят, они необрезанные...

— Я хочу, чтобы мне сорвали апельсин, вон тот, наверху, — упрямо повторила она.

Толстый Рафаи сурово оборвал ее: все плоды сада принадлежат монарху, ему одному. Малышка взъярилась: разве то, что принадлежит султану, не принадлежит ей? Ведь она имеет над ним полную власть, так он уверял ее. Она пожалуется ему на евнухов, их накажут!

Рабы прислушивались к ее словам. Молодой бородач, маркиз де Воклюз, плененный лишь несколько месяцев назад, беспечно усмехнулся при звуках капризного женского голоса. Его напарник-бретонец Ван Ле Гаэн, старая каторжная кляча, тянувший в Марокко лямку двадцать лет, вполголоса упрашивал его отвести глаза и ревностно взяться за назначенное им дело: рабам под страхом смерти было запрещено глазеть на султанских жен. Но маркиз лишь пожимал плечами. Она очень мила, эта крошка, по крайней мере, хочется так думать. А чего она, собственно, требует?

— Хочет, чтобы ей сорвали апельсин.

— Разве можно отказать в этом такой красивой девушке? — засмеялся маркиз де Воклюз. Бросив садовый нож, он выпрямился и элегантно жестом потянулся к дереву. Сорвав апельсин, он поклонился черкешенке, как если бы перед ним была мадам де Монтеспан, и вручил ей плод.

Что-то просвистело в воздухе, короткое копьё пронзило грудь маркиза, и он рухнул бездыханный. По поросшей высокой травой тропке верхом на своем белом коне к ним приблизился Мулей Исмаил. Лицо его было искажено яростью. Он вырвал копьё из мертвого тела и обернулся ко второму рабу, чтобы, в свою очередь, поразить его. Но бретонец нырнул под брюхо султанского коня, жалобно крича по-арабски:

— Пощади, государь! Пощади! Ради благополучия твоего священного скакуна, совершившего паломничество в Мекку!

Мулей Исмаил пытался достать его копьем, но раб, рискуя быть раздавленным, крутился под конским брюхом. Некоторые из лошадей Мулей Исмаила слыли священными животными, особенно те, что побывали в Мекке во время хаджа. Ван Ле Гаэн весьма кстати опознал одного из самых породистых и любимых скакунов султана. Тот, наконец, уступил из любви к своему Ланилору.

— Хорошо, — сказал он рабу. — По крайней мере тебе известны наши святые обычаи. Но удались с глаз моих, гнусный червь, и чтобы я никогда о тебе не слышал!

Бретонец выскочил из-под копыт, перемахнул через труп своего товарища и со всех ног бросился в цветущий лесок. Не опуская копья, Мулей Исмаил обернулся к евнухам, выискивая среди них того, кого следовало поразить прежде других, в наказание за попустительство, но тут пришел черед Рамидана отвращать гнев повелителя. Воздев к султану

сидевшего у него на руках маленького Зидана, вопящего от восторга при виде отцовских подвигов, евнух заверещал:

— Именем сына твоего заклинаю, смилуйся, господин наш! Именем сына...

Евнух торопливо и многословно объяснил, что главная виновница — черкешенка, похвалявшаяся, что заставит султана наказать их всех, их, пользовавшихся полным доверием владыки. Все, что принадлежит монарху, утверждала она, принадлежит ей!

Мулей Исмаил сделался мрачнее ночи. Его зубы обнажились в сардонической усмешке.

— Здесь все принадлежит мне одному. Ты это уразумеешь очень скоро, Мариам, — глухо проговорил он и, подняв лошадь на дыбы, галопом умчался прочь.

Женщин увели в гарем. Целый день тревожное ожидание царило во всех закоулках сераля, где евнухи и наложницы, устало потягивая чай, переговаривались только шепотом.

Черкешенка была бледна. Ее огромные глаза блуждали по лицам женщин, пытаясь прочесть в них тайну своего приговора. Мулей Исмаил подвергнет ее пытке — это ни у кого не вызывало сомнения.

Негритянка Лейла Айша, узнав о случившемся у Рамидана, сама приготовила на жаровне питье из одной ей известных трав и принесла черкешенке, явившись с двумя служанками. Пусть бедное дитя выпьет отвар: это позволит уснуть навеки без всяких мучений. Так Мариам может избежать пыток, которыми повелитель заплатит ей за дерзость.

Когда Мариам, наконец, уразумела, что ей предложили, она испустила вопль ужаса и оттолкнула миску с ядом. Лейла Айша скорчила гримасу обиженной обезьяны. Она поступает так по доброте душевной, — сказала она, — а теперь будь что будет. Придется отдаться на волю провидения.

Тем временем один из котов, лизнув разлитую жидкость, тотчас издох. Обезумев от ужаса, женщины сразу же зарыли его: не хватало, чтобы монарх обнаружил гибель любимого животного!

Маленькая черкешенка нашла убежище в объятиях Анжелики. Она не плакала. Она дрожала, как обложенный зверь. Но все было тихо. Запах цветов плавал в вечернем воздухе под безоблачным нефритовым небом. Однако дух невидимого изувера-охотника витал над безутешной жертвой и разгонял по своим покоям испуганных, подавленных женщин.

Анжелика гладила голубые, как ночь, волосы Мариам. Она отыскиала в памяти несколько арабских слов, чтобы ее утешить:

— Из-за одного апельсина!.. Невозможно и думать, что он тебя так жестоко накажет... Может, он велит тебя высечь. Но он бы уже сделал это... Ничего не будет, успокойся!

Но ей самой не удавалось убедить себя в этом. Она чувствовала, как прерывисто бьется сердце несчастной. Внезапно из груди черкешенки вырвался вопль. В глубине галереи показались евнухи. Во главе их шествовал Осман Ферраджи. Они шли, скрестив руки; обряженные в подобия жилетов из красного атласа с красными же набедренными повязками, перехваченными черной перевязью с кривой саблей на боку... Они были без тюрбанов, и на бритых головах блестели маленькие косицы, заплетенные на темени. Они шли молча, глядели мрачно, их жирные лица ничего не выражали. Женщины разбежались, увидев одеяния палачей. Мариам, как обезумевший зверек, закружилась на одном месте, не находя выхода. Она вдруг упала к ногам Анжелики и изо всех сил обняла ее колени. Она уже не кричала, но ее глаза страстно молили о помощи.

Осман Ферраджи сам разжал ее слабые пальцы.

— Что с ней будет? — задыхаясь, по-французски спросила Анжелика. — Это невозможно! Неужели вы ее будете мучить... За один апельсин!..

Бесстрастный Верховный евнух не соблаговолил ответить. Он передал свою жертву другим стражам, которые повлекли ее прочь. Теперь она кричала на своем родном языке, моля Пресвятую Деву заступиться за нее и призывая мать, убитую турками. Страх удесятирил ее силы, и ее волокли по плитам, как совсем недавно — на ложе любви. Теперь же — в объятия смерти.

Анжелика осталась одна. Нервы ее были напряжены до предела, словно в страшном сне, и мягкий шелест воды в фонтанах причинял ей сильнейшую муку. Она заметила весело улыбающуюся эфиопку. Та знаками звала ее подняться к кучке женщин, перегнувшихся через балюстраду, откуда было все слышно.

Раздался резкий крик. Потом еще и еще крики. Анжелика заткнула уши и попятилась, словно от святотатственного искушения. Она испытала род противоестественного влечения к этим звукам агонии и сверхчеловеческих мук, словно в раннем детстве. Она вспомнила кормилицу и тот плотоядный огонек в ее мавританских глазах, когда та рассказывала о страшных муках, которые терпели невинные младенцы в руках Жиля де Реца в то время, как этот изверг предавался своим сатанинским увеселениям...

Она бродила по коридорам и стенала:

— Надо же что-то сделать! Это невозможно допустить!..

Но что она могла, рабыня гарема, чья жизнь тоже стала игрушкой в злобных руках?

Она заметила женщину, которая тоже прислушивалась к тому, что происходило в султанских покоях. С головы ее свисали длинные светлые косы. То была Дэзи, англичанка. Анжелика подошла к ней. Она

испытывала невольное доверие к этой единственной блондинке среди слишком смуглых испанок, итальянок и восточных женщин. Была, правда, еще исландка, но она ни на кого не обращала внимания и, кажется, желала лишь одного: приблизить свой смертный час.

А эти двое еще ни разу не говорили друг с другом. Однако стоило Анжелике подойти, Дэзи обняла ее за плечи. И рука ее была ледяной.

Оттуда тоже «все было слышно»!

На одно из самых нечеловеческих стенаний Анжелика отозвалась глухим стоном. Англичанка крепко обняла ее и прошептала по-французски:

— О, почему она не выпила яд? Не могу ко всему этому привыкнуть!

По-французски она говорила с акцентом, но бегло, поскольку развлекалась изучением иностранных языков, не желая предаваться умственной лени подобно прочим обитательницам гарема. Осман Ферраджи долго готовил эту христианку с холодным темпераментом северянки к роли своей ставленницы, пока Лейла Айша не отвоевала ее у него.

Ее светлые глаза вглядывались в лицо Анжелики.

— Он внушает вам ужас, правда?.. А ведь вы женщина нестигаемая, как сабля. Когда Лейла Айша на вас смотрит, она говорит, что у вас в глазах кинжалы... Черкешенка занимала место, которое Осман Ферраджи готовит для вас... А вы дрожите от ее мук?..

— Но в конце концов, что они с ней делают?

— О, воображение повелителя не иссякает в изобретении все более и более утонченных пыток. Знаете, как он казнил Нину Паратову, прекрасную московитку, которая дерзнула резко ему ответить? Отрезав ей груди крышкой сундука, на которую встали два палача! И она не единственная, кого он пытал... Поглядите на мои ноги. — Она подняла край покрывала. Ступни и щиколотки были покрыты розовыми

вздувшимися шрамами от ужасных ожогов. — Меня вынуждали обратиться в мусульманство, окуная ноги в кипящее масло. Мне было только пятнадцать. Я уступила... и можно подумать, что мое сопротивление лишь подхлестнуло мою любовь. Я познала дивное наслаждение в его объятиях.

— Но разве он не чудовище?

— Ему необходимо причинять страдания, для него это род сладострастия... Ш-ш-ш! Лейла Айша на нас смотрит.

Огромная негритянка стояла на пороге двери.

— Вот единственная женщина, которую он любит, — прошептала Дэзи со смесью раздражения и восхищения. — Надо быть вместе с ней. Тогда с вами ничего страшного не случится... Но опасайтесь Верховного евнуха, этого льстивого и беспощадного тигра...

Анжелика убежала к себе, провожаемая взглядами обеих женщин. Тщетно Фатима и служанки предлагали ей сладости и кофе. Она без конца посылала их узнать, умерла ли уже Мариам. Но нет. Мулей Исмаил все не мог насытиться мучениями, и палачи пускались на всяческие ухищрения, чтобы продлить жизнь несчастной.

— Пусть гром небесный падет на этих демонов, — стонала Анжелика.

— Но ведь она тебе не дочь, даже не служанка, — удивлялись прислужницы.

Наконец она упала на диван, накрыла голову подушками, зажала уши руками и забылась. Когда она очнулась, стояла ночь. Луна заглядывала в затихший сераль. По галерее кто-то ходил. Наверное, подумала она, это Верховный евнух делает обход. Анжелика бросилась ему навстречу и закричала:

— Она умерла? Ради всего святого ответьте, ведь она умерла?

Осман Ферраджи с удивлением смотрел на ее заломленные руки, на лицо, искаженное страхом и тревогой.

— Да, она мертва. Она только что скончалась. Анжелика испустила вздох облегчения, похожий на рыдание.

— Из-за одного апельсина! Одного апельсина... Вот жребий, который вы мне уготовали, Осман Ферраджи. Вы хотели, чтобы я стала его фавориткой и он смог бы умертвить меня в страшных мучениях за малейший проступок.

— Нет, этого с тобой не может случиться. Я тебя уберегу.

— Вы не сможете совладать с этим тираном!

— Я могу многое... Почти все.

— Но почему же тогда вы не оберегли ее? Почему не защитили?

На лице Верховного евнуха изобразилось тягостное недоумение.

— Но... Она же совсем не интересна, Фирюза. У нее очень слабенький ум. Конечно, при прекрасном теле и природном любвеобилии, увы, уже извращенном. Именно этим она и привлекла к себе Мулея Исмаила. У него появилась даже несколько большая тяга к ней, чем подобает. Он признавал это и из-за этого на нее негодовал. И гнев его оказался добрым советчиком. Сегодняшняя казнь освободила повелителя от унижительного для его чести наваждения... И оставила свободным место для тебя!..

Анжелика отступила к своему ложу, прижав к губам тыльную сторону дрожащей руки.

— Вы чудовище, — вполголоса проговорила она. — Вы мне отвратительны. — Она бросилась на кровать, содрогаясь от беззвучных рыданий.

Чуть позже пришла Фатима с чашкой успокоительного отвара. Его послал Верховный евнух. А

вместе с лекарством она почерпнула на кухне множество занимательных подробностей о недавней пытке и горела желанием поделиться ими с хозяйкой. Но при первых же словах Анжелика отхлестала ее по щекам и пришла в такое возбуждение, что старухе стоило большого труда привести ее в чувство.

Глава 16

Она вслушивалась в ночь. Звуки внутри гарема затихали. Каждая из женщин должна была удалиться в свои покои. Днем женщины пользовались достаточной свободой: могли прогуливаться по садам, наносить друг другу визиты, но ночью каждая должна была оставаться у себя под надзором евнуха и черных служанок. И кто бы осмелился нарушить эти предписания? Ночью на свободу выпускалась пантера Альхади. Каждая женщина, осмелившаяся ускользнуть от своих стражей, рисковала столкнуться с хищником, натасканным бросаться на любую тень в женском одеянии.

Сколько юных прислужниц-мавританок, отправленных своими господами на кухню за каким-нибудь лакомством, были потом найдены с перегрызенным горлом! Поутру двое евнухов, воспитавших дикую кошку, пускались на ее поиски по всему дворцу. Поймав зверя, они трубили в рожок, что значило: «Альхади на цепи». Только тогда обитательницы вздыхали спокойно, и жизнь в гареме пробуждалась.

Только одну женщину пантера миловала: Лейлу Айшу, чародейку. Огромная негритянка не боялась ни хищников, ни султана, ни соперниц. Опасалась она лишь Османа Ферраджи. Напрасно она призывала колдунов, приготавливавших магические эликсиры для его гибели. Верховный евнух избегал их чар, ибо он сам владел наукой Невидимого.

Со своего балкона Анжелика смотрела на темное пламя теней, отбрасываемых кипарисами на светлые стены. Деревья росли в маленьком внутреннем дворике.

Оттуда доносился их горьковатый запах, смешанный с ароматом и ропотом струящейся воды.

Теперь ограда этого двора очерчивает весь доступный ей мир! С другой стороны, там, где жизнь и свобода, стены были глухими. Это тюрьма. Она чуть ли не завидовала рабам, конечно, измученным голодом и работой, но имеющим возможность хоть ненадолго выходить из дворца. Впрочем, они ведь тоже натыкались на неприступные стены Мекнеса. Однако Анжелике казалось, что стоит ей выбраться из гаремного узилища, остальное не представит труда. Но надо найти сообщников снаружи. Чудо еще, что благодаря расчетливой снисходительности Верховного евнуха ей удалось дважды поговорить с Савари.

Тот мог устроить побег из города, но ей одной предстояло найти выход из гарема. Но пока ее изобретательный ум терялся перед столькими явными и скрытыми препятствиями. Сначала все представлялось доступным, но со временем трудность и жестокий риск побега становились все очевиднее.

Ночью — пантера. Ночью и днем — евнухи, неподвластные страстям, стоящие у каждой двери с копьем в руках или делающие обход с ятаганом наготове. Они и неподкупны, и беспощадны.

Затем — служанки. Анжелика задумалась. Старая Фатима ее очень любит и ей преданна. Но преданность не дойдет до того, чтобы помочь своей госпоже в деле, которое сама Фатима почитала глупостью. Однажды Анжелика попросила ее передать Савари записку. Старуха сопротивлялась, как могла: если ее поймают с запиской от султанской наложницы к рабу-христианину, то бросят в огонь, как вязанку гнилого хвороста, и это самое малое! Что касается раба, то трудно даже вообразить, что его ждет! Испугавшись за Савари, Анжелика не настаивала.

Но она не знала, что делать. Иногда, чтобы придать себе смелости, она вспоминала своих детей. Но Флоримон и Шарль-Анри так далеко, что мысль о них не помогала укрепить волю. Вряд ли она сумеет преодолеть столько препятствий, чтобы добраться до них.

Ей начинало казаться, что запах роз, изысканно-робкие переборы струн под рукой маленькой рабыни-мавританки, убаюкивающей свою хозяйку, — это чистые голоса самой ночи. К чему бороться! Завтра снова будет сладкий пирог с тонким кружевом корочек, под которыми укрыто жаркое из голубя, где легкая горечь перца перебивается корицей и сахаром... И ужасно хотелось чашечку кофе. Она знала, что достаточно хлопнуть в ладоши, как старая Фатима или помогавшая ей негритянка раздует угли в медной жаровне и вскипятит всегда налитый водой сверкающий чайник.

Аромат черного напитка прогонял ее тоску и навевал, словно успокоительный сон, воспоминание о том странном часе в Кандии, который она не могла забыть.

Тогда Анжелика закидывала руки за голову и грезила... На голубой морской глади, как чайка, парит под ветром белый корабль... Человек, купивший ее за цену двух фелук! Этот человек, страстно желавший ее, где он? Вспоминает ли еще о прекрасной пленнице, ускользнувшей из его рук? Теперь она спрашивала себя, почему бежала. Конечно, он — пират, но одной с ней крови. Конечно, он странен, может, ужасен под своей маской. Но он не внушал ей никакого страха. С того мига, как его таинственный притягательный взгляд проник в ее душу, она поняла, что он пришел не взять ее, а спасти. Теперь она знала, от чего: от ее собственной погибельной неосторожности. От наивного безумия, в каком она вообразила, что в Средиземноморье одинокая женщина способна

свободно распорядиться своей судьбой. Свободна она — тогда и сейчас — лишь в выборе повелителя. Отказавшись от того, в маске, она попала в руки другого, еще более безжалостного.

По щекам Анжелики текли горькие слезы. Она ощущала двойное рабство пленницы и женщины.

— Выпей кофе, — шепнула ей догадливая Фатима, — сразу станет легче. А завтра я принесу тебе пирог. С пылу, с жару! На кухне поварята уже заводят тесто...

Над черными верхушками кипарисов зеленело небо. На крыльях восхода над минаретами летели жалобные крики муэдзинов, зовущих правоверных на молитву. А по коридорам гарема бегали евнухи и звали пантеру Альхади.

Глава 17

Совсем рядом со своими покоем Анжелика обнаружила прикрытую от посторонних взглядов бойницу в стене, выходящей в город. Это было отверстие в форме замочной скважины, слишком узкое, чтобы в него высунуться, и пробитое слишком высоко, чтобы кого-нибудь позвать, но открывавшее вид на большую площадь, где толпилось множество людей.

С этих пор она проводила у бойницы долгие часы. Она глядела на христиан, истощающих себя в нескончаемых работах. Мулей Исмаил строил и строил. Для того лишь, казалось, чтобы с удовольствием разрушать сделанное и строить заново. Приемы работы позволяли возводить здание с невероятной быстротой. Раствор из глины, щебня, извести и малого количества воды заливали в промежуток между досками, отстоящими друг от друга на толщину будущей стены. Кирпичи и каменные плиты употреблялись только на столбы арок и для оснований дверных косяков.

Для Анжелики эта видимая в бойницу стройка скоро превратилась в захватывающее зрелище. Черные надсмотрщики часто опускали дубинки на хребты пленников, рабы копошились под безжалостным солнцем. А то вдруг все начинали суетиться, когда пешком или на лошади, под зонтом, в сопровождении алькаидов появлялся Мулей Исмаил. Охваченная праздным тюремным любопытством Анжелика сразу оживлялась при его появлении, поскольку с приходом султана всегда что-нибудь случалось. То являлся Колен Патюрель, прося для христиан позволения отпраздновать Пасху и не выходить на работу, в ответ на что султан тотчас приказывал всыпать ему сотню палок. То какой-нибудь раб, не заметивший вовремя

опасности, падал с высокой стены, сраженный мушкетным выстрелом, поскольку монарху показалось, что негодный предавался лени. Или же повелитель своею рукой срубал головы двум-трем черным надсмотрщикам, которые, по его разумению, были виновны в медлительности работ.

Ни слов, ни даже голосов она не слышала. Немой спектакль, наблюдаемый из маленькой бойницы, состоял из коротких сценок, трагичных и гротескный. Марионетки падали, убегали, умоляли, били друг друга, карабкались по строительным лесам, не останавливаясь до захода солнца.

В этот час на белой площади можно было видеть распростертых мусульман, уткнувшись лбами в дорожную пыль, головой в сторону Мекки, где могила Пророка. А рабы возвращались в свои жилища или в подземелья зинданов.

В конце концов Анжелика научилась узнавать некоторых из них. Не зная имен, она отличала, откуда они родом. Французы могли с улыбкой снести удар палкой и пускались в споры с черными тюремщиками, доводя их до остолбенения своими доводами, так что те иногда уступали им, позволяя немного отдохнуть или выкурить трубочку в тени под стеной. Итальянцы часто пели. Пели в едкой пыли негашеной извести. Об этом можно было догадаться по тому, что остальные приостанавливали работу и слушали. Итальянцы часто впадали в слепую ярость, не сдерживаемую даже страхом смерти.

Испанцы отличались высокомерной снисходительностью, с какой работали мастерком. Никогда не жаловались на жару, голод и жажду. Напротив, голландцы трудились с тщанием, не вмешиваясь в споры и ссоры, и жалась друг к дружке. Такое же суровое спокойствие отличало всех вообще протестантов. А вот католики и православные от всего

сердца ненавидели друг друга и дрались, как стаи бешеных собак. Дубинки надсмотрщиков не всегда могли укротить их священный пыл. Тогда стражи отправлялись за Коленом Патюрелем, который быстро наводил порядок.

Нормандец был всегда в цепях. Руки и спина вечного ревнителя справедливости часто были покрыты кровавыми ранами от кнута или палок. Цепи, однако, не мешали этому геркулесу взваливать на могучую спину тяжелые мешки с известью. Гремя оковами, он карабкался по высоким лесам. За особо тяжелые работы он не брался, и никто не смел ему за это пенять. Однажды, сжав одной рукой всю связку цепей, он сбил с ног негра, набросившегося с побоями на худосочного Жан-Жана-парижанина. Стражи с саблями в руках сбежались к нему, но отступили. Наказывать Колена-нормандца имел право один лишь султан.

Когда вечером последний появился на стройке, он приставил копьё к груди раба, и Анжелика, как ей показалось, расслышала роковое:

— Станешь мавром или нет?

Колен Патюрель отрицательно покачал головой. Суждено ли ему сейчас рухнуть, испустив последний вздох?

Анжелика впилась зубами в кулак. Она чуть не крикнула по-французски, что готова стать вероотступницей. Она не понимала упрямства, с которым этот человек выдерживал спор с палачом, готовым пронзить его сердце.

Наконец, Мулей Исмаил в гневе отбросил копьё. Позже Анжелика узнала, что султан сказал: «Этот пес желает быть проклятым!»

Безумство Колена Патюреля, его решимость гореть в аду среди демонов, пренебрегая прелестями рая благоверных, преисполняли Мулея Исмаила горечью и печалью.

Анжелика вздохнула от облегчения и отправилась выпить чашку кофе, вернуть себе душевное равновесие. Вновь и вновь она спрашивала себя, что дает силы и смелость тысячам пленным, по большей части обычных людей, морских жителей всех стран мира, — что дает силы бросать вызов смерти и рабству ради неведомого Бога, о котором они, может, и не думали, когда были на свободе? Стоило любому из этих несчастных переменить веру, он быстро смог бы заработать себе на хлеб. Вероотступников ждали жизнь в комфорте, почетная должность и столько женщин, сколько Магомет позволяет иметь. Конечно, в Мекнесе множество вероотступников, но даже во всей Берберии их очень мало в сравнении с сотнями тысяч пленников, проходивших через султанские руки в течение нескольких поколений.

Из бойницы Анжелика увидела караван новых рабов, посланных султану корсарам Сале. Они не ели уже неделю. Их потрепанные грязные одежды еще не походили на обычные лохмотья здешних рабов. Еще можно было различить золотое шитье гранда или полосатую матросскую куртку. Вскоре они все станут братьями — пленными христианами в Берберии. А некоторые из них были вынуждены нести головы своих товарищей, умерших по дороге: стражи боялись быть обвиненными в том, что продали их и присвоили деньги.

И там же, в центре этой площади, где огненное солнце отбрасывало густо-синие тени, на площади, словно созданной для миражей, Анжелика увидела однажды самое странное и несообразное существо из всех, какие могла ожидать: мужчину в камзоле и парике. Высокие каблуки его туфель не свидетельствовали о долгом пешем пути. И манжеты были чисты. Только когда алькаид, трижды поклонившись, приблизился к диковинному персонажу, Анжелика убедилась, что не грезит. Она тотчас

бросилась к себе, чтобы послать служанку разузнать, кто это был, но вовремя одумалась. Ведь это выдало бы ее наблюдательный пост. Ей пришлось подождать, пока новость распространится сама собой... что, впрочем, произошло весьма скоро.

Этот чрезвычайный посланник в парике был не кем иным, как добропорядочным буржуа из Сале. Господин Бертран, используя свое положение бывшего обитателя Марокко, явился возвестить о скором прибытии святых отцов из Братства Святых Даров, коих так ожидали.

Добрый христианин, жаждущий прийти на помощь несчастным собратьям, этот торговец предложил свои услуги и свой опыт святым отцам, впервые отважившимся вступить в незнакомые и дотоле ревностно охраняемые от влияния иностранцев земли. Священники продвигались медленно, верхом на ишаках, везя рекомендательные письма и дары султану.

***

Среди пленных воцарилось радостное ожидание. Жители побережья, многие из которых уже не однажды попадали в рабство и были выкуплены святыми отцами в Алжире или Тунисе, любили этих священнослужителей и ласково называли «братией на ослятях». Ради выкупа рабов монахи бесстрашно углублялись в самые отдаленные уголки, но путь в Марокко был заказан им вот уже пятнадцать последних лет. Колен Патюрель оказал немалую услугу единоверцам, подловив на слове переменчивого монарха.

И вот они прибыли. Седовласый Колоэнс, старейшина пленников, двадцать лет из своих семидесяти проведенный в рабстве, пал на колени и возблагодарил небеса. Наконец он сможет надеяться! Его товарищи удивлялись: ведь старый Колоэнс, султанский садовник, любовно обихаживавший

дворцовые цветники, всегда казался довольным своим уделом. Он объяснил, что все правильно и ему нельзя будет без слез расстаться с марокканской землей. Но нужно уезжать, поскольку он лысеет. А монарх не любит плешивых. Заметив лысого, он тут же наскაკивает и раскраивает ему череп медным набалдашником тяжелого посоха. Сколь ни был стар садовник Колоэнс, но умирать ему не хотелось, особенно так.

«Братия на ослятях» прибыла. Султан позволил всем рабам выйти им навстречу с пальмовыми ветвями в руках в знак гостеприимства.

Анжелика не могла удержаться. В первый раз она сама попросила Верховного евнуха о милости: разрешить ей присутствовать на аудиенции, которую Мулей Исмаил даст французским священникам. Осман Ферраджи прикрыл длинные кошачьи глаза, видимо, прикидывая в уме, что может скрываться за подобной просьбой. Но согласился.

Ждать пришлось долго. Миссию разместили в еврейском квартале и не выпускали оттуда неделю под тем предлогом, что священникам не полагалось никаких посещений ранее монаршей аудиенции. Все это время алькаиды, визири, высокопоставленные вероотступники являлись посмотреть и пощупать подарки бедных святых отцов и прикинуть, сколько денег можно у них вытянуть.

Наконец однажды утром служанка передала французской пленнице совет приготовиться к прогулке. Осман Ферраджи подвел ее к задрапированной красными занавесями коляске с впряженным в нее мулом. В сопровождении многочисленной стражи экипаж проехал под воротами нескольких крепостных стен. Наконец Верховный евнух велел остановить коляску. Анжелика могла видеть все, чуть отодвинув занавеску.

Султан уже обосновался на коврике, скрестив голые ноги в желтых бабушах. В этот день его одежда и тюрбан были зеленого цвета в знак благорасположения. Он прикрыл рот полкой бурнуса, и это придавало его взгляду лучистый блеск. Ему тоже было любопытно посмотреть вблизи на христианских священников и не терпелось увидеть их дары... Ренегат Родани заверил его, что привезли часы. Две штуки! Но особенно важно было то, что Мулей Исмаил чувствовал в себе силы для решающего поединка, мысль о котором не давала ему покою.

Если бы ему удалось вырвать безбожие из груди этих «попов», имамов чуждой ему религии, какое было бы деяние во славу Аллаха! Он долго готовил свою речь, и сейчас чувствовал себя исполненным священного жара и уверенности в победе.

Он пожелал, чтобы вокруг него стояли лишь три десятка черных стражей, вооруженных длинноствольными мушкетами с серебряными прикладами. За его спиной держались два негритенка, один из которых обмахивал его опахалом, а другой держал зонтик. Алькаиды и ренегаты в роскошном облачении, в тюрбанах и затканых золотом мантиях сидели на корточках вокруг владыки.

Священники появились в глубине площади вместе с двенадцатью рабами, несшими дары. Их сопровождали французский ренегат Родани, еврей Байдоран и алькаид Бен Мессауд. Ради такого чрезвычайного случая святые отцы, добивавшиеся посылки миссии в Марокко вот уже несколько лет, с большим тщанием избрали своих представителей. Их было шестеро. Трое говорили по-арабски и все — по-испански. Каждый по крайней мере трижды побывал с подобными поручениями в Алжире и Тунисе и проявил себя как умелый дипломат. Возглавлял миссию его преподобие отец де Валомбрез, младший сын знатного семейства из

Берри, доктор Сорбонны. Он привносил в переговоры хитроумие крестьянина и достоинство знатного вельможи. Трудно было найти человека, лучше подготовленного к единоборству с Мулеем Исмаилом.

Белые священнические одеяния с красным крестом на груди и бороды святых отцов произвели благоприятное впечатление на султана. Они походили на дервишей, столь чтимых мусульманами.

Мулей Исмаил заговорил первым, начав с выражений гостеприимства, хваля рвение и добросердечие священников, подвигнувшие их на столь дальнейшее путешествие к своим братьям по вере. Он воздал хвалу и королю Франции. Преподобный отец де Валомбрез, хорошо знакомый с жизнью версальского двора, мог подробно ответить на расспросы, заверив, что король Людовик XIV по значению и великолепию своих деяний признан величайшим монархом христианского мира.

Мулей Исмаил одобрительно кивнул и начал восхваление своего великого Пророка и мусульманского Священного Закона. Анжелика издали не могла следить за длинной речью, но видела, что султан все более и более распалялся. Его лицо сияло, словно грозовые тучи, временами пробиваемые солнцем. Под солнечными лучами это лицо становилось то иссиня-черным, то золотистым. Он размахивал сжатыми кулаками, словно боевыми палицами, призывая собеседников осознать свои заблуждения, признать, наконец, с очевидностью, что учение Магомета — единственный с сотворения мира чистый источник Истины, выверенный и определенный пророками. Конечно, он не приказывает им отречься немедленно, поскольку явились они как послы, а не рабы. Но он призывает их к этому, чтобы потом не держать перед Всевышним ответ за то, что этого не сделал.

Ему доставляет истинное страдание видеть на своей земле столь ограниченных людей, погрязших в заблуждении. Счастье еще, что они не исповедуют кощунственное учение о троице, осмеливающееся утверждать, что есть три бога в одном.

— ...Ведь ясно, что Бог один! Он выше того, чтобы иметь сына. Иисус подобен Адаму, созданному вместе с землей. Он лишь посланник Бога, а его Слово — это Его дух, ниспосланный Марии. Хотя, конечно, Сатана не коснулся ни Христа, ни Матери Его. Так верьте же в Бога и в Пророка его, не говорите, что Бог — в трех лицах, и вам станет хорошо...

Отважные святые отцы терпеливо снесли эту долгую проповедь, может статься, ниспосланную им в наказание за все поучения, какими они донимали других. Они остереглись уточнить, что их братство называется Братством Святой Троицы, а Братство Святых Даров — лишь другое, побочное его название. Колен Патюрель в своем письме настоятельно советовал пользоваться только им, и теперь они убедились, сколь он был прав.

Они поблагодарили султана за заботу об их святости, и заверили, что именно для того, чтобы достичь этой цели, следуя христианским заповедям, они отправились из такого далека, чтобы освободить своих братьев. Но хотя они были бы счастливы ему угодить, им невозможно сменить веру, ибо столь длинный путь они проделали именно ради выкупа их братьев-христиан.

Султан признал силу их доводов и сделал над собой усилие, чтобы не выказать разочарования.

Меж тем рабы распутали веревки тюков и отбили крышки ящичков. Священники принесли в дар несколько кусков богатых тканей, сукна из Бретани и Камбре в чехлах, расшитых золотом, а также три драгоценных перстня и три ожерелья. Мулей Исмаил надел перстни

на пальцы, а ожерелья разложил перед собой на земле. Время от времени он брал их в руки и рассматривал. Наконец, распаковали часы. Их циферблаты не слишком пострадали от путешествия. Те часы, что побольше, были с золотым маятником в виде солнца и с цифрами из голубой эмали с золотыми перегородками.

При виде такой красоты султан преисполнился младенческого восторга. Он заверил святых отцов, что выслушает их милостиво и возвратит двести рабов! Никто не мог надеяться на подобную щедрость!..

Тем же вечером, чтобы выказать свою радость и отблагодарить монарха, рабы устроили около обводного рва большой фейерверк. Давид из Льежа и Жозеф-Тома из Сантонжа были весьма умелыми пороховых дел мастерами и затеяли такой спектакль, какого мавры никогда не видели. Из мрака возникла огненная птица, летящая над каналом. Извергая из клюва пламя, она подожгла корабль, галеру и дерево, и все это пламенело в ночи.

Мулей Исмаил был растроган. Он даже сказал, что одни лишь рабы любят его истинной любовью. Ведь когда он одаривает собственных подданных или придворных, те вместо благодарности просят еще, а пленные христиане восхищаются его от щедрот своей радости.

И в тот же день он повелел сшить себе плащ из особо приглянувшегося ему бретонского зеленого сукна.

Глава 18

Женщины долго любовались фейерверком. После серьезных колебаний, видя, что климат в замке потеплел, Анжелика попросила у Османа Ферраджи позволения повидать одного из святых отцов миссии, поскольку она нуждается в духовной помощи. Верховный евнух не счел разумным отказать ей.

Два евнуха были посланы в еврейский квартал, где священники ожидали исхода переговоров, принимая пленных, каждый из которых умолял внести его в список отпускаемых французов.

Преподобный отец де Валомбрез был приглашен последовать за черными стражами: одна из жен Мулея Исмаила желает поговорить с ним. При входе в гарем ему завязали глаза. Он оказался перед кованой железной решеткой. За ней сидела плотно закутанная женщина, заговорившая к его удивлению, по-французски.

— Думаю, святой отец, вы удовлетворены исходом вашей миссии? — спросила Анжелика.

Священник осторожно заметил, что дело еще не завершено, настроение султана переменчиво, рассказы пленных, которые он всякий день выслушивает, не вселяют в него особых надежд. Один Бог знает, как он торопится возвратиться в Кадикс вместе с несчастными, чьи души в опасности под властью столь порывистого государя.

— А так как вы были христианкой, сударыня, — я не сомневаюсь в этом, услышав вашу речь, — я бы попросил вас вступить за нас перед вашим повелителем, чтобы его снисходительность и добрая предрасположенность не иссякли.

— Но я не ренегатка! — с негодованием возразила Анжелика. — Я христианка.

Отец де Валомбрез в замешательстве погладил длинную бороду. Ему приходилось слышать, что все жены и наложницы султана считаются мусульманками и должны открыто следовать предписаниями магометанской веры. У них есть даже своя мечеть.

— Меня взяли в плен, — повторила Анжелика, — но я христианка.

— Я не сомневаюсь в этом, дитя мое, — примирительным тоном прошептал святой отец.

— Моя душа тоже в большой опасности, — страстно продолжала Анжелика, вцепившись в прутья решетки, — но вас это не беспокоит. Никто и не подумает выкупить меня, спасти! Ведь я — только женщина.

Она не могла как следует объясниться, сказать, что с некоторых пор ее более пыток страшит то изощренное сладострастие, что опутывает гарем, медленное разложение души, зарастающей ядовитыми злаками лени, чувственности и жестокосердия. Этого-то и добивался Осман Ферраджи. Он знал повадки дремлющей, но неистребимой женственности, и умел ее пробудить. Священник услышал, что женщина под покрывалом плачет, он сочувственно покачал головой.

— Принимайте ваш жребий с терпением, дочь моя. Вам по крайней мере не грозит ни тягостный труд, ни голод, как братьям вашим.

Даже в глазах доброго святого отца потеря души женщины значила меньше, чем души мужчины! Может быть, он и не презирал женщин, но, видимо, полагал, что слабость и непоследовательность женской природы заслуживают некоторой снисходительности в глазах Всевышнего.

Анжелика взяла себя в руки. Она сняла с пальца один из перстней, кольцо с огромным бриллиантом, с внутренней стороны которого были выгравированы имя

и девиз рода Плесси-Белльер. Она помедлила под взглядом Верховного евнуха, но решилась. Ведь все уже было обдуманно заранее. Пройдет немного времени, и, она это знала, Осман Ферраджи отправит ее в султанские покои. Он дал ей понять, что она во всем должна следовать его советам. Разочаровав Верховного евнуха, она потеряет его поддержку. Переча Мулею Исмаилу, погибнет в мучениях.

Она уже спрашивала себя в ужасе, не ожидает ли она сама с нетерпением часа решающего поражения, устав от тревоги обманчивых надежд. Кто мог ей помочь? Изворотливый Савари был всего лишь старым рабом, переоценивающим свои силы. А с Мулеем Исмаилом шутить не приходится. И если пленники все же отважатся на безрассудный побег, они не станут связываться с женщиной. «Из гарема не убегают». И все же нужно попытаться не провести в нем остаток жизни. По ее представлениям, лишь один человек был способен повлиять на несговорчивого султана. Она протянула перстень через решетку.

— Отец мой, умоляю... Заклинаю вас по возвращении отправиться в Версаль. Попросите аудиенцию у короля и передайте эту вещь. Здесь выгравировано мое имя. Вы расскажете ему, что я попала сюда. Вы ему скажете...

Опустив глаза, она закончила сдавленно:

— ...Вы скажете, что я взываю к нему о прощении и помощи.

***

Увы, еще до окончания переговоров Мулей Исмаил узнал от французского ренегата, что под названием Братства Святых Даров таится Братство Пресвятой Троицы. Гнев его был ужасен.

— Ага, нормандская лиса, твой раздвоенный язык опять солгал! — сказал он Колену Патюрелю. — Но теперь тебе не удастся довести до конца свою шутку.

Сначала он повелел насыпать порошу в бороду, уши и нос хитрецу и поджечь. Потом одумался и ограничился тем, что велел привязать его нагого к кресту под солнцем на площади и приставить двух стражей с мушкетами, чтобы отгонять хищных птиц и не дать им выклевать распинаемому глаза. Один из них неловко выстрелил и ранил нормандца в плечо. Узнав об этом, султан своей рукой отсек голову стража.

Вся дрожа, Анжелика приникла к амбразуре, не в силах оторвать глаз от дыбы. Она видела, как непроизвольно сокращались мышцы, когда нормандец пытался подтянуться и дать передышку распухшим от веревок рукам. Большая голова с длинными светлыми волосами свешивалась на грудь. Но тотчас он выпрямлялся, медленно поводил головой, уставясь в небо. Он постоянно двигался, видимо, чтобы не застаивалась кровь в затекших членах.

Его могучая натура, и на сей раз победила. Когда нормандца сняли с креста, он не только был жив, но, выпив присланный султаном пряный отвар, встал, и, несмотря на кровь, струящуюся из ран, сам пошел навстречу товарищам, уже оплакавшим его гибель.

Новости распространялись очень быстро, и все жили в предгрозовом напряжении. Обуянный яростью монарх отверг дары святых отцов. Ожерелья и перстни раздал своим негритятам, одежды из зеленого сукна разодрал. Но часы не тронул.

Служители ордена, получив приказ немедленно уйти из Мекнеса под угрозой сожжения заживо в доме, где они обосновались, пребывали в полной растерянности. Они обсуждали, что предпринять. Отважные купцы из Сале, господы Бертран и Шап де Лен, не попавшие в проскрипции, предложили себя в качестве посредников. Но священники, опасаясь раздражать капризного и несговорчивого султана, уже собрали пожитки и оседлали ослов. Однако Колен

Патюрель, заблаговременно предвидевший возможные препоны, пустил своего рода встречный пал, чтобы погасить пожар властительного гнева. Еще до прибытия святых отцов он повидал все мавританские семьи, имевшие пленных родственников на французских галерах, и поманил их надеждой на обмен пленными.

Теперь, видя, что по царственной причуде переговоры срываются, так и не начавшись, мавры толпой бросились ко дворцу, умоляя султана использовать случай и вернуть пленных мусульман с каторги. Мулей Исмаил вынужден был уступить. Его стражи вскачь погнались за святыми отцами и передали приказ вернуться в город под страхом казни. Переговоры возобновились. Они были бурными и продолжались три недели.

Наконец священники получили двенадцать пленных вместо обещанных двухсот. Каждого отдавали за трех мавров и триста ливров. Святые отцы отправляли их под Сеуту, где те должны были ждать, пока состоится обмен.

Султан выбрал двенадцать рабов среди самых старых и слабых. Он сделал им смотр, причем, естественно, они старались казаться как можно более немощными. Мулей Исмаил довольно потирал руки.

— Все они воистину жалки и никуда не годны.

Стражник подтвердил:

— Доподлинно так, о повелитель!

Для большей верности султан обратился к писцу и спросил, что тот думает. Писец одобрил выбор:

— Ты изрек истину, государь: они убоги и бессильны.

Их уже собрались внести в список, когда вдруг появился хромой пленник, уверяя, что старый Колоэнс не был французом, так как его взяли на судне под английским флагом. Дело было двадцать лет назад, и никто не удосужился проверить сказанное. Бедняга

Колоэнс застыл у стены, словно у захлопнувшихся перед ним ворот земного рая. А хромой занял его место.

Святые отцы заторопились с отъездом. Они понимали, что каждый день готовит им новые волнения, опасались зависти и ожесточения рабов, которые преследовали их своими жалобами. К тому же надо было без конца платить и осыпать подарками алькаидов и ренегатов, делавших вид, что оказывают помощь.

Священники покидали Мекнес, сопровождаемые градом камней и воплями как христиан, так и мусульман. Рабы уже не чаяли конца своим невзгодам.

Старый Колоэнс плакал:

— Ах! Когда теперь вернется «братия на ослятях»!.. Нет, видно, я погиб!

Он уже чувствовал лысиной медный шар султанского посоха, а потому поплелся в свою пальмовую рощу и повесился. Колен Патюрель, весьма кстати оказавшийся поблизости, вытащил старика из петли.

— Не отчаивайся, дружище, — успокоил он садовника. — Мы уже исчерпали все способы выбраться, остался последний: бегство. Мне тоже нужно уходить. Дни мои здесь сочтены. Место мое займет Рене де Мерикур, мальтийский рыцарь. Если не думаешь, что слишком стар, иди с нами.

Колен-нормандец совсем не зря настаивал, чтобы монахи привезли часы. Через две недели часы встали. Мартен Камизар, часовой мастер из Женевы, вызвался их починить. Ему только понадобились во множестве разные мелкие приспособления: щипцы, тисочки, подпилки... Какие-то из них неизвестно как затерялись, и к тому времени, когда часы затикали, женевец припрятал достаточно этих мелких вещиц, чтобы в нужный день освободить Колена Патюреля от оков. То же будет и с цепями Жан-Жана-парижанина,

неразлучного с Коленом. Кроме них, в побег собрались Пиччинино-венецианец, бретонский дворянин маркиз де Кермев, Франсис Бартус из Арля и баск Жак д'Аррастега.

То были лучшие головы каторги, достаточно безрассудные, чтобы сто раз поставить на кон жизнь во имя надежды достичь христианских земель. К ним примкнул бедняга Колоэнс, чья лысина стоила смертного приговора, а также старый аптекарь Савари, который предложил им несколько десятков самых невероятных способов улизнуть от Мулея Исмаила, заверив, что скоро невероятное станет возможным.

Глава 19

Каким могло быть лицо Мулея Исмаила, когда он склонялся над желанной ему женщиной? Это лицо цвета позолоченной бронзы с грубоватыми, как у африканского идола, чертами, однако же гладкое, словно бы вылепленное дерзкими пальцами античного скульптора, все чаще представлялось воображению Анжелики.

Губы и ноздри негра и глаза дикой кошки. Не тигра, скорее льва, который может смотреть в упор на солнце и прозревать суть вещей. Каково должно быть лицо победителя, приканчивающего свою жертву?..

Анжелика чувствовала, что западня захлопывается. Она не могла не спрашивать себя, что такое Мулей Исмаил. Когда она блуждала по изумительным садам, у нее кружилась голова от мыслей о природе души, создавшей такое очарование. Каковы бездны этого сердца, колебавшегося между крайностями страстей?

Он бросал своих пленников в львиный ров, измышлял такие мучения, что несчастные жертвы видели в самоубийстве сладчайший исход. Но он же любил животных и птиц, редкие цветы, шепот фонтанов. И всей душой верил во всемилостивейшего Аллаха. Как истый потомок Пророка, он унаследовал беспредельное холодное бесстрашие и мог бы вослед Магомету сказать, что всегда любил женщин, благовония и молитву, но лишь молитва удовлетворяет его душу...

Женщины вокруг Анжелики перешептывались, мечтали, интриговали. Все эти обворожительные самки, разнежившиеся в тепле подушек, отдавались на волю животных страстей, без конца грезили о любви и стремились к ней.

Гладкокожие и сладострастные, надушенные, увешанные драгоценностями, с мягкими изгибами тел, созданных для царственных объятий, они не имели иного смысла существования и жили в ожидании наслаждений, целиком зависящих от повелителя, бесясь от праздности и вынужденного воздержания. Ведь из сотен женщин лишь очень немногим оказывалась честь разделить султанское ложе.

Тайные комплоты помогали разгоряченным гуриям скрасить тяготы ожидания. Все завидовали Дэзи-англичанке и мрачной Лейле Айше — единственным, кому, видимо, удалось найти отмычку к непостоянному султанскому сердцу. Они прислуживали ему во время трапез. Иногда были для него советчицами. Но никто не забыл, что шариат разрешает правоверному иметь четыре законные жены.

Так кто же станет третьей?

Старая Фатима была задета, что ее госпожа, которую она охорашивала каждый день, все еще не представлена Мулею Исмаилу и не стала фавориткой. А этого не избежать, стоит султану ее увидеть. Во всем гареме нет женщины красивее француженки. Цвет ее лица в гаремном полумраке стал ровнее. Теплые тона розовой кожи оттеняли сверхъестественный блеск зеленых глаз. Фатима покрыла ее брови и ресницы смесью голубой хны и известкового молочка, что придало им мягкость темного бархата. Волосы она высветлила отваром трав, и каждая прядь стала легкой и блестящей, как шелк. Тело приобрело нежность перламутра благодаря ваннам с миндальным маслом или вытяжкой из водяных лилий. По разумению Фатимы, все было готово для встречи с султаном. Чего же ждет ее госпожа?

В нетерпении служанка донимала Анжелику, так что под конец вселила в нее собственную досаду истинного художника, чей шедевр недооценили. Для

чего быть такой красивой? Самое время предстать перед тираном и сделаться его третьей женой. Тогда ей нечего бояться старости, ссылки в отдаленный каравансарай, или — что хуже всего — назначения на кухню, чтобы скоротать остаток жизни в служанках.

Верховный евнух позволял им томиться в ожидании, быть может, умышленно. Каковы его планы? Почему он теряет время? Может, он ждет какого-то знака, предзнаменования? Он часто вперял взор в новую одалиску, прекрасную, как нечестивые картины итальянских художников, и долго качал головой, шепча: «Мне открылось в расположении звезд...» Видно то, что узнал и не торопился высказать евнух, делало его нерешительным.

Он проводил долгие ночи на вершине квадратной дворцовой башни, изучая небо с помощью оптических приборов. Они у него были лучшими из тех, что производил цивилизованный мир. Верховный евнух имел все слабости коллекционера. Он собирал оптические инструменты, за которыми отправлялся не только в Венецию и Верону, но даже в Саксонию, где изготовляли прекрасные линзы. А еще выискивал персидские футляры для перьев из перламутра и перегородчатой эмали. Среди последних у него были вещицы редкостной красоты.

Но более всего он обожал черепах. У него выращивались редкостные породы, заплонившие сады горных замков, где томились отвергнутые наложницы. Бедные женщины вынуждены были не только мириться со своим удалением из Мекнеса, но и коротать дни в обществе этих очаровательных чудовищ, медлительных пресмыкающихся, гигантских и крошечных, которые в довершение всего являлись причиной частых посещений внушавшего ужас Верховного евнуха.

Этот высоченный негр был поистине вездесущ. Он обладал даром появляться, когда обитательницы

гарема менее всего ожидали встречи с ним. Зато Мулей Исмаил видел Османа Ферраджи именно тогда, когда внезапное побуждение влекло султана посоветоваться с ним.

Верховный евнух часто посещал министров — всех без исключения. Днем и ночью получал донесения неисчислимых соглядатаев. Предпринимал множество путешествий. И тем не менее создавалось впечатление, будто он проводит дни в созерцании персидских эмалей, а ночи — за астрологическими штудиями. Однако все это не мешало ему тщательно соблюдать мусульманский ритуал и пять раз в день, уткнувшись лбом в пол, твердить молитвы.

— Пророк сказал, что надобно жить для этого мира так, словно собираешься жить в нем вечно, и ради мира иного так, словно умереть предстоит завтра, — любил повторять Осман-бей.

Его мысли словно бы сообщались с помыслами тех, кто оказался на его попечении. Как паук, он ткал невидимую паутину, из которой им не было возможности выпутаться.

— Не томит ли тебя, Фирюза, — вкрадчиво спросил он однажды, — не томит ли тебя счастливое безумство любострастия? Уже давно ты лишена утех плоти.

Анжелика отвела глаза. Она скорее дала бы изрубить себя на куски, чем признаться, как ее лихорадит по ночам, как она просыпается с одной непобедимой жаждой: мужчину! Какого угодно!

Осман Ферраджи настаивал:

— Твое тело уже не боится любовника, который был бы нежен к нему. Не страшится насилия, как бывает у слишком нервных девиц. Разве оно не горит желанием познать новую страсть? Мулей Исмаил насытит тебя, ты испытаешь наслаждение... Хочешь ли, чтобы я тебя, наконец, представил?..

Он сидел на низкой скамеечке около ее изголовья. Анжелика внимательно посмотрела на него. Странен был этот огромный изгнанник из рая любви!.. Он внушал ей сложные чувства отвращения и уважения, она не могла освободиться от непонятной грусти, когда в глаза ей бросались признаки его положения: мягкие линии отяжелевшего подбородка, гладкие, слишком красивые руки и под атласом одеяния — выпуклые груди, как у многих евнухов в возрасте.

— Осман-бей, — спросила она напрямик, — как вы можете спрашивать о подобных вещах? Неужели вам никогда не было жаль всего того, чего вас лишили?

Брови евнуха вздернулись, и на лице появилась добродушная, почти веселая улыбка.

— Нельзя жалеть о том, чего не познал, моя Фирюза! Разве ты завидуешь сумасшедшему, который пляшет на улице, смеясь своим безумным мечтаниям? Однако этот безумец счастлив, его бредни дарят ему блаженство. И все же ты ни на миг не желаешь разделить с ним его веселье и благодаришь Аллаха, что тебе не суждена эта доля. Таким мне кажется состояние, в которое ввергает вас всевластная страсть. Под ее игом сильнейший из мужчин может превратиться в козла, блеющего перед самой глупой козой. Я благодарю Аллаха, что избавлен от этого ига. Тем не менее я признаю могущество этой природной силы. И делаю все, чтобы направить ее к той цели, к которой стремлюсь сам: к величию Марокко и очищению ислама!

Анжелика даже привстала, невольно увлекшись вдохновением стратега, по своей прихоти перекраивающего мир.

— Осман-бей, говорят, что вы привели Мулея Исмаила к власти и для этого подсаживали, кого ему надо убить или казнить. Но есть одно убийство, которого вы не предприняли, — его убийство! Зачем

сохранять сумасшедшего изувера на марокканском троне? Разве вы на престоле были бы хуже его? Без вас он — только выскочка в кольце врагов. Вы — его хитрость, благоразумие и защита высших сил. Почему не занять его место? Вам бы это удалось. Разве не были когда-то евнухи византийскими императорами?

Верховный евнух продолжал улыбаться.

— Я весьма обязан тебе, Фирюза, за столь высокое мнение обо мне. Но я не убью Мулея Исмаила. Трон Марокко ему под стать. Он одержим неистовством завоевателя. Что может создать тот, кто не наделен оплодотворяющей силой?.. Кровь Мулея Исмаила — раскаленная лава. Моя же холодна, как вода ледяного ключа. И это благо! Он — Меч Пророка. Я мудр и хитер. Я воспитываю и обучаю его с той поры, когда он был всего лишь маленьким князьком, одним из ста пятидесяти сыновей Мулея Арши, совсем не заботившегося об их образовании. Он занимался только Мулеем Гаметом и Абдель-Ахметом. А вот я взял в оборот Мулея Исмаила. И он победил тех двоих. Мулей Исмаил — мое дитя в большей мере, нежели породившего его Мулея Арши. Поэтому я не могу его погубить. Он — отнюдь не сумасшедший изувер, как может заключить узкий ум христианки. Ведь он же — Меч Господень! Разве ты не слышала, что Господь испепелил грешников Содома и Гоморры?.. Мулей Исмаил искореняет позорные пороки, распространенные среди жителей Алжира и Туниса. Он никогда не возьмет в жены женщину, муж которой жив, поскольку шариат запрещает прелюбодеяние. Он продлил на целую неделю пост в Рамадан... Став его третьей женой, ты укротишь бесчинства этой пылкой натуры... Мое дело будет исполнено. Хочешь ли ты, чтобы я представил тебя Мулею Исмаилу?

— Нет! — содрогнувшись, воскликнула она. — Нет... Еще не время.

— Так отдадимся на волю Провидения!..

И вот судьба нанесла беспощадный удар. Ее секира грянула нежданно. Это случилось в одно мягкое, свежее утро, когда Анжелика велела направить свой зашторенный экипаж, запряженный двумя мулами, в пальмовую рощу. Она получила от Савари записку, принесенную, хоть и не без препирательств, Фатимой. В ней он просил Анжелику прийти в пальмовую рощу к хижине, построенной для садовников. Жена одного из них, Бадиге, покажет ей, где находится ее старый друг.

Под мягко изогнутыми пальмовыми ветвями блестели зрелые янтарные финики. Рабы собирали их. У хижины садовников Бадиге подошла к коляске Анжелики, слегка раздвинувшей занавеси. Эта рабыня была взята в плен вместе с мужем. Две ее сестры, захваченные вместе с ней, попали в плен к Абдель-Ахмету, но сама она получила право остаться вместе с мужем. Мулей Исмаил, придерживаясь законов шариата, запрещавшего прелюбодеяние, никогда не разлучал жену с живым мужем. В неволе у нее родились четверо сыновей, ставших товарищами игр маленького принца Зидана.

Стрельнув глазами по сторонам, рабыня шепнула, что старый Савари сейчас неподалеку в роще собирает упавшие финики. Их добавляют в тесто прогорклых лепешек, которыми кормят невольников. Он работает в третьей аллее справа, но уверена ли госпожа в молчании евнухов, сопровождающих экипаж? Анжелика была уверена: к счастью, эти два молодых стража твердо усвоили только одно — Осман Ферраджи советовал им не раздражать француженку.

Направив коляску в указанную аллею, она вскоре обнаружила Савари, маленького смуглого гнома, весело собиравшего плоды в изумрудном сумраке пальм. Место было пустынным, слышалось только несмолкаемое

жужжание мух вокруг гроздьев, усыпанных кристалликами сладкого сока.

Савари приблизился. Евнухи попытались преградить ему дорогу.

— Назад, толстые малыши! — добродушно сказал им старик. — Позвольте мне засвидетельствовать почтение этой даме.

— Это мой отец, — вмешалась Анжелика. — Вы же знаете, что Осман Ферраджи позволяет мне иногда его видеть...

Они не стали настаивать.

— Все идет хорошо, — прошептал Савари. Глаза его под очками лучились от удовольствия.

— Вы нашли еще одну залежь минерального мумие? — со слабой улыбкой спросила Анжелика. Она растроганно поглядела на него. Он все больше походил на бородатых хитроумных домовых, что приходят потанцевать у языческих каменных алтарей в полях родного Пуату. Иногда ей казалось, что Савари был не кем иным, как одним из старых добрых домашних духов ее детства, которых она так долго подстерегала в росистой траве, а они следовали за ней по пятам, чтобы охранить ее от напастей.

— Шесть рабов отважились на побег. План у них превосходный. Они не станут связываться с метадорами, которые слишком часто предают тех, кого должны провести на земли христиан. Они собрали сведения у тех рабов, кому удалось бежать, а потом снова случилось попасть в плен. Так они наметили дорогу до Сеуты, узнав о путях, по которым следует идти и которых надо избегать. Время, удобное для побега, настанет через месяц или два. Это пора равноденствия, когда мавры уже не имеют повода сторожить ночью поля, поскольку хлеб и фрукты убраны. Идти придется по ночам. Я уговорил их взять с собой одну женщину. Никто еще не слыхал, чтобы

убежала женщина, но я их убедил, что именно ваше присутствие охранит всех. Ведь увидев среди них женщину, все подумают, что это торговцы, а не рабы-христиане.

Анжелика с чувством пожала ему руку:

— О мой дорогой Савари, а я-то упрекала вас, что вы оставили меня на произвол варваров!

— Я сплел мою сеть, — сказал старый аптекарь, — но это еще не все. Вам надо суметь выбраться из крепости. Я изучил все выходы из гарема. На северной стороне, в одном из фасадов, что выходит на целый холм нечистот, недалеко от еврейского кладбища есть маленькая дверца, и она не всегда охраняется. Я поинтересовался у служанок. Она выходит в так называемый «тайный дворик» в двух шагах от лестницы, ведущей в гарем. Вот по ней вам и нужно выходить, разумеется, ночью. За стеной вас будет ждать один из заговорщиков. Но надо знать, что дверца открывается только снаружи и лишь два человека располагают ключом от нее: Осман Ферраджи и Лейла Айша. Это позволяет им неожиданно возвращаться после того, как все видели, что они с большим шумом вышли через парадный вход... Вам нужно выкрасть ключ и передать его кому-то из нас, кто вам откроет...

— Савари, — вздохнула Анжелика, — вы так привыкли сворачивать горы, что вам все кажется простым. Выкрасть ключ у Верховного евнуха, схватиться с пантерой!..

— У вас есть верная вам служанка?

— Да... то есть... не знаю.

Мэтр Савари быстро приложил палец к губам и с легкостью хоряка скользнул в сторону, держа корзинку с финиками под мышкой. Анжелика услышала приближающийся конский топот. Мулей Исмаил возник на перекрестке аллей в своем развевающемся по ветру желтом бурнусе. Его сопровождали два алькайда.

Заметив экипаж с красными занавесками, он остановился.

Савари опрокинул свою корзину посреди аллеи и принялся громко причитать, отвлекая внимание монарха. Тот медленно подъехал к аптекарю. Неловкость и наигранный страх старого раба разжигали в нем жажду мучительства.

— Ах, это ведь маленький христианский дервиш Османа Ферраджи? О тебе, старый колдун, рассказывают чудеса. Ты прекрасно ухаживаешь за моим слоном и жирафой.

— Да будет благословенна твоя доброта, о повелитель, — пав ниц, заблеял Савари.

— Встань. Не подобает дервишу, священному существу, через которого говорит сам Бог, пребывать в униженной позе.

Савари выпрямился и взялся за корзину.

— ...Подожди!.. Я желаю сказать тебе, что негоже присваивать имя дервиша тому, кто остается в заблуждении постыдного вероучения. Если ты владеешь секретами магии, они могут исходить только от Сатаны. Стань мавром, и я приближу тебя к себе, чтобы толковать мои сны.

— Я подумаю об этом, государь, — согласился Савари.

Но Мулей Исмаил был в скверном расположении духа. Он поднял копье и отвел руку для удара.

— Стань мавром, — угрожающе повторил он. — Мавром!.. Мавром!..

Раб сделал вид, что не слышит. Султан ударил его копьем в первый раз.

Старый Савари упал на колени, поднес ладонь к боку, откуда струилась кровь. Другой рукой он поправил на носу очки и поднял на султана полный негодования взгляд.

— Мавром?.. Мне — мавром! За кого ты меня принимаешь, государь?..

— Ты оскорбил веру Пророка! — прорычал Мулей Исмаил, снова вонзив копьё ему в живот. Савари вырвал наконечник из тела и попытался выпрямиться, чтобы бежать. Но смог, шатаясь, сделать лишь несколько шагов, так как султан направил коня на него, повторяя: «Мавром! Мавром!» — и каждый раз поражал его копьём.

Старик снова упал.

Из-за занавесок Анжелика в ужасе следила за этой отвратительной сценой. Она кусала пальцы, чтобы не закричать. Нет, она не могла позволить вот так убить своего старого друга. Она выскочила из коляски, бросилась, как безумная, за конем и вцепилась в султанское седло.

— Остановись, государь, остановись, — взмолилась она по-арабски. — Сжался, это мой отец!..

Монарх застыл с поднятым копьём, остолбенев от появления блистательной неизвестной женщины, чьи распущенные волосы струились волной в солнечных лучах. Он опустил руку.

Анжелика потерянно бросилась к Савари. Она подхватила маленького старика, не почувствовав его веса, отнесла и положила к подножию дерева, прислонив к стволу.

Его ветхое платье все было заляпано кровью, очки разбиты. Она осторожно сняла их. Пятна крови ширились, расползаясь по истертой материи, и Анжелика со страхом видела, как побелело лицо старика с крашенной хной бородкой.

— О Савари! — прерывающимся от сердцебиения голосом произнесла она. — Мой дорогой старый друг, умоляю, не умирайте!

Бадиге, издали наблюдавшая за происходящим, бросилась в дом за лекарством.

Рука Савари скользнула в складки плаща и нащупала маленький кусок землистого клейкого вещества. Сквозь застилавшую глаза пелену он разглядел Анжелику.

— Мумие!.. — прошептал он. — Увы, сударыня, никто не узнает теперь о тайне этой земли... Только я знал... и ухожу... я ухожу...

Его веки стали тускло-серыми. Жена садовника принесла настой из зерен тамариска с корицей и перцем. Анжелика поднесла его к губам старика. Он, как ей показалось, втянул в себя горячий пар. На губах его появилось подобие улыбки.

— Ах! Пряности! — пробормотал он. — Запах счастливых странствий... Иисус, Мария, примите мою душу.

С этими словами старый аптекарь с улицы Бур-Тибур уронил седую голову на грудь и испустил дух. Анжелика все еще сжимала в ладонях его холодеющие обмякшие руки.

— Это невозможно, — бессознательно шептала она. — Невозможно. — Нет, не проворный бесстрашный Савари, а жалкая разбитая марионетка лежала перед ней в изумрудных отсветах пальмовой рощи! Какой-то дурной сон! Одна из выходов гениального лицедея!.. Сейчас он проснется и шепнет: «Все идет хорошо, сударыня».

Но он мертв. И тут ее словно пригнуло к земле. Тяжелый взгляд сверлил ее. Рядом с ней в песке застыли копыта лошади. Она подняла голову.

Мулей Исмаил накрыл ее своей тенью...

Глава 20

Осман Ферраджи вошел, когда служанки помогали Анжелике выйти из большого мраморного бассейна по ступеням, выложенным мозаикой.

Голубые, зеленые и золотые мозаичные арабески украшали столбы и ниши строения, которое, как говорили, было копией турецких бань в Константинополе. Архитектор, православный христианин, до того работавший в Турции, создал это хрупкое чудо для женщин Мулея Исмаила.

Пар с запахом розы обволакивал оправленные в золото колонны и создавал видимость фантазмагорического замка из восточной сказки.

При виде Верховного евнуха Анжелика бросилась на поиски покрывала, чтобы прикрыть наготу. Она не могла привыкнуть к тому, что евнухи принимали участие в самых интимных подробностях женской жизни, и с особенным трудом выносила присутствие при этом самого зрителя сераля.

Лицо Османа Ферраджи было непроницаемо. Два щекастых молодых евнуха следовали за ним с высокими стопками переливающихся всеми цветами радуги покрывал из муслина, расшитых по краям золотом.

Сухим тоном Осман Ферраджи велел разложить принесенное.

— Семь покрывал здесь?

— Да, господин.

Он пристрастно разглядывал гармоничные линии тела пленницы. Впервые в жизни Анжелике стало стыдно, что она — женщина и красива. Она чувствовала себя произведением искусства под взглядом коллекционера, оценивающего качество, оригинальность, ценность и сравнивающего покупку с

другими образцами. Это было мерзкое, оскорбительное чувство, как если бы у нее похитили душу!..

Старая Фатима почтительной рукой обернула ей бедра первым прозрачным покрывалом, ниспадавшим до лодыжек. Легкая, как паутина, ткань позволяла видеть точеные, словно из тонкого фарфора, ноги, мощные бедра и темные тени живота. Две другие накидки, такие же бесстыдно прозрачные, облекли плечи и бюст. Еще одну, более широкую, набросили на руки. Пятое покрывало было длинным, как сутана, затем и волосы были обернуты покрывалом, превосходившим по величине все предыдущие. Последняя, седьмая, чадра оставила открытыми только зеленые глаза, от сдерживаемых чувств светившиеся особым лихорадочным блеском.

Анжелику проводили в ее покои. Следом туда явился Осман Ферраджи. Она обратила внимание на то, что его черная кожа приобрела отсвет синеватой черепицы. Да и сама она под слоем белил, должно быть, выглядела бледной. Анжелика поглядела на евнуха с вызовом.

— Для какой искупительной жертвы меня обряжают, Осман-бей? — решительным тоном спросила она.

— Ты же прекрасно знаешь, Фирюза. Я должен представить тебя Мулею Исмаилу.

— Нет, этого не будет, — отрезала пленница. Ее тонкие ноздри вздрогнули, она подняла глаза и в упор взглянула в глаза Верховному евнуху. Его губы сжались, глаза стали острыми и блестящими, как сталь клинка.

— Ты попалась ему на глаза... Он тебя видел! Мне было нелегко ему объяснить, почему я тебя так долго прятал. Он внял моим доводам. Но теперь он хочет познать ослепившую его красавицу.

Его голос стал низким и глубоким.

— ...Но ты никогда не была такой прекрасной, Фирюза! Ты оболестишь его, не сомневайся в этом. Для

тебя он будет сама предупредительность и желание. В тебе есть все, чтобы ему понравиться. Белизна кожи, золотистые волосы, взгляд! И даже гордость твоя паразит его ум, привыкший встречать в женщинах только слабость. Даже твоя стыдливость, такая неожиданная у женщины, уже изведавшей любовь, — а ведь ты не можешь подавить ее и передо мной, — все это изумит и смягчит его сердце. Я его знаю. Знаю, какая жажда его мучит. Ты можешь стать для него живительным источником. Ты та, кто может обучить его страданию и боли. Ты можешь обучить его страху... Ты способна удержать его судьбу в своих хрупких руках... Ты можешь все, Фирюза!

Анжелика упала на подушки.

— Нет, — сказала она. — Нет, этого не будет. — И приняла настолько дерзкую позу, насколько позволяли многочисленные покрывала. — У вас в коллекции никогда не было француженки, Осман-бей? Вы на свою голову узнаете, из какого они теста...

И вдруг обычно торжественный Осман Ферраджи, сжав виски руками и покачиваясь, принялся стонать, как скорбящая женщина.

— Увы мне, увы! О, чем я так прогневил Аллаха, что ныне осужден своей головой отвечать за выходки подобной ослицы!

— Что с вами?

— Несчастливая, да неужели ты все еще ничего не поняла? Уж не воображаешь ли ты, что тебе будет позволено отвергнуть Мулея Исмаила? Немножко подразнить его вначале, если тебе так хочется, можно — легкое сопротивление ему даже понравится. Но тебе подобает принять его как своего господина. Иначе ты погибнешь в страшных муках. Ты умрешь.

— Что ж! Тем хуже. И пусть умру. Пусть погибну в муках.

Верховный евнух воздел руки к небесам. Но тут же сменил тон и зашептал, склонившись к ней.

— ...Фирюза, разве ты не жаждешь почувствовать, как руки мужчины сжимают твоё прекрасное тело? Жар страсти снедает тебя, и ведь ты знаешь, что Мулей Исмаил не имеет себе равных на ложе любви. Он создан для этого, как для войны и охоты. Недаром в его жилах — негритянская кровь... Он способен семикратно осчастливить женщину за одну ночь... Я дам тебе настой, разжигающий любовный жар. Ты испытаешь такие наслаждения, что после них твоя жизнь станет сплошным ожиданием минуты, когда ты вновь сможешь вкусить это блаженство...

Анжелика оттолкнула его. Её лицо пылало. Она вскочила и устремилась на галерею. К его изумлению, она остановилась перед узкой бойницей, выходящей на площадь, где трудились рабы. И он спросил себя, что за зрелище вызвало такое умиротворение на этом лице, ещё недавно опаленном страстью?

— Каждый день в Мекнесе умирают пленники-христиане, отдавая жизнь за религию своих отцов. Чтобы сохранить ей верность, они терпят побои, пытки, непосильный труд... И это — простые люди, бедные и темные. Так неужели Анжелика де Сансе де Монтелу, потомок королей и крестоносцев, не способна сравниться с ними в стойкости? Конечно, никто не приставлял мне к груди копья с криком: «Стань мавританкой!» Напротив, мне говорят: «Ты должна отдаться Мулею Исмаилу, палачу христиан, убийце старого Савари!» А это такое же отречение от веры. Я не откажусь от моей веры, Осман Ферраджи!

— Вы погибнете в самых чудовищных пытках!

— Пусть так! Господь и все мои предки помогут мне!

Осман Ферраджи вздохнул. Он пока что исчерпал все доводы, но знал, что в конце концов ей придется уступить. Когда он покажет ей пыточные орудия и

опишет некоторые особые пытки для женщин, ценимые султаном, у нее поубавится отваги! Но время не ждет!.. Мулей Исмаил в нетерпении.

— Послушайте, — сказал он по-французски. — Разве я не доказал вам свою дружбу? Я держал слово, и, если бы не собственная ваша неосторожность, султан сегодня не требовал бы вас к себе. Прошу, из одного уважения ко мне, согласитесь хотя бы на то, чтобы быть представленной ему! Он ждет вас. У меня уже не найдется оправданий, чтобы и дальше скрывать вас от него. Даже мне тогда не сносить головы. Всего лишь представиться ему... Это ведь ни к чему не обязывает. Кто знает, возможно, вы и не понравитесь ему? Разве это не было бы наилучшим выходом из положения? Я уже предупредил султана, что вы бываете порой совершенно несносны. Может, мне удастся заставить его еще чуть-чуть потерпеть.

Охваченная смятением Анжелика заколебалась. Выиграть время? Для чего? Чтобы утратить мужество? Чтобы дотянуть до побега?

— Я согласна... но только ради вас.

Однако она гневно отказалась от эскорта из десяти евнухов.

— Не желаю, чтобы меня вели, как преступницу или как овцу на заклание.

Осман Ферраджи не спорил. Сейчас он был готов на любые условия. Он проводил ее сам с мальчиком-евнухом. Тот должен был подхватывать покрывала, когда попечитель сераля станет снимать их одно за другим.

Мулей Исмаил встретил их в узкой комнате, где он любил предаваться одиноким размышлениям. В медных курильницах тлели благовония, наполняя все ароматом. Анжелике показалось, что она видит его впервые. Теперь их больше не разделял барьер неведения.

Хищный зверь заметил ее и встал в стойку при ее появлении.

Верховный евнух и юный прислужник пали ниц. Затем Осман Ферраджи встал и, зайдя за спину Анжелике, взял ее за плечи, чтобы подвести к султану.

Тот весь потянулся к закутанной фигуре. Его золотистые глаза заглянули в глаза Анжелики. Она опустила ресницы. Впервые за много месяцев на нее глядели с вожделением. Она знала, какой восторг и удивление вызовут у него ее точеные черты и полные, чуть насмешливые губы. Когда Верховный евнух снимет вуаль с ее лица, все будет, как всегда. Она знала, что широкие ноздри Мулея Исмаила вздрогнут при виде ее золотистых волос, шелковистой волной ниспадающих на плечи.

Руки Осана Ферраджи чуть касались ее. Упрямо опустив глаза, она не желала видеть ничего, кроме этих танцующих черных рук с красными ногтями, в рубиновых и бриллиантовых перстнях. Забавно! Она никогда не замечала, что их ладони так бледны, словно выцвели, как лепестки увядшей розы. Она старалась думать о чем-нибудь другом, чтобы выдержать эту мучительную сцену раздевания под взглядом непреклонного повелителя, во власть которого она отдана. И все же она не могла не поежиться, когда почувствовала, как обнажились плечи.

Пальцы Османа Ферраджи слегка сжали ее локоть, предупреждая об опасности. Он протянул руку к шестому покрывалу. Сейчас обнажится грудь, тонкая талия, длинная и гибкая, словно у девочки, спина. Голос монарха произнес по-арабски:

— Оставь... Не докучай ей. Я и так вижу, что она очень хороша!

Он поднялся с дивана и приблизился к ней.

— Женщина, — сказал он гортанным голосом, умевшим внушать такой трепет, — женщина... покажи

мне... твои глаза!..

Он сказал это так, что она не смогла воспротивиться. Она вновь увидела это внушающее ужас лицо, татуировку у губ и пористую желтовато-черную кожу.

Его толстые губы растянулись в улыбке.

— Никогда не видел таких глаз, — по-арабски сказал он Осману Ферраджи. — Наверное, в целом мире не найдешь подобных.

— Истинно так, повелитель, — подтвердил Верховный евнух. Он вновь набросил на Анжелику все покрывала и вполголоса шепнул по-французски:

— Склонись перед монархом. Он будет доволен.

Анжелика не пошевелилась. Мулей Исмаил, как ни худо он понимал по-французски, был достаточно тонок, чтобы уловить смысл ее мимики. Он снова улыбнулся, и в глазах его блеснула диковатая веселость. Ради этой женщины, этой несказанно чудесной находки, прибереженной для него Верховным евнухом, он был готов заpastись терпением. Она обещала столь многое, что он не торопился получить все разом. Она была, как неведомая страна, неспешно открывающаяся взгляду, словно неизвестный враг, которого надо победить, словно противник, в чьи планы должно проникнуть. Осажденная крепость, в чьих укреплениях следует найти слабину. Нужно порасспросить Верховного евнуха. Он ее хорошо знает. Что быстрее подействует: богатые дары, ласка, жестокость? Есть ли в ней страстность? Конечно! Ее влажные глаза выдают замешательство, а ледяная белизна тела — горячность порывов. И дрожит она совсем не от страха. Она из породы неподатливых на страх. Но уже сейчас под тяжелым взглядом повелителя ее лицо, которое она хотела спрятать, приняло то выражение изнеможенной покорности, которое, должно быть, появляется у нее после объятий. Она не могла устоять! Тщетно она

желала ускользнуть от его когтей и, как замороженная птица, искала глазами выход, застыв меж двух мужчин, с беспощадным вниманием взиравших на ее смятение.

И Мулей Исмаил вновь усмехнулся.

Глава 21

Анжелику отвели в другие покои, богаче и просторнее тех, что она занимала до сих пор.

— Почему я не могу вернуться к себе?

Евнухи и служанки не отвечали. Фатима с застывшим лицом — так она пыталась скрыть свое удовлетворение — принесла обед, но ее госпожа не притронулась к еде. В тревоге она ждала появления Османа Ферраджи, чтобы поговорить с ним. Он не приходил. Она потребовала, чтобы его позвали. Евнух обещал, что попечитель сераля скоро будет здесь. Но проходили часы, а он не появлялся. Она пожаловалась, что от всепроникающего аромата драгоценного дерева, которым отделаны покои, у нее разболелась голова. Фатима стала жечь на жаровне зерна ладана, и запах сделался еще более обволакивающим. Отяжелев, Анжелика чувствовала, что дремота наваливается на нее. В свете ночника лицо старой рабыни вдруг напомнило ей черты ведьмы Мелюзины, что некогда в ньельском лесу жгла волшебные травы, вызывая дьявола. Колдунья Мелюзина была из числа тех жителей Пуату, в чьих жилах была крохотная примесь арабской крови. Оттого ее глаза были так черны и загорались порой таким свирепым огнем... Как же далеко на Запад докатилась когда-то волна завоевателей с кривыми саблями и зелеными знаменами!

Анжелика зарылась лицом в подушки. Ее мучил стыд. Он преследовал ее с той минуты, когда взгляд Мулея Исмаила пробудил в ней вечный зов плоти. Его глаза держали ее крепко и властно — верно, так же он будет держать ее в объятиях. Может быть, он ждал, что она сама отдастся ему? Да, она не сможет противиться

порыву его жаждущего тела. «Я так слаба, — думала она, — о, я ведь только женщина! Что я могу сделать?..»

Она уснула в слезах, словно дитя, но сон ее был беспокоен. Пламя желания сжигало ее. Ей слышался глухой жаркий голос Мулея Исмаила. «Женщина! Женщина!..» — призывал он, полный страстной мольбы.

Он был здесь, склонялся над ней в облаках ладана, у него были губы африканского идола и огромные, непостижимые, как пустыня, глаза... Она ощущала нежное прикосновение его уст на своем плече и тяжесть его тела. В сладостной истоме она покорялась его сильным рукам, поднявшим ее с ложа и прижавшим к гладкой мускулистой груди. Тогда, отуманенная грезами, она позволила своим рукам обвиться вокруг его тела, меж тем как мало-помалу пробуждавшийся разум уже догадывался, что это не сон.

Ее пальцы скользили по янтарной коже, пахнущей мускусом, ласкали твердый бок, охваченный по талии узким стальным пояском. Вдруг она нащупала что-то округлое и прохладное. То была рукоять кинжала. Ее рука непроизвольно сжалась, а в памяти вдруг ожила сцена из давних дней. Маркиза Ангелов! Вспомни, о Маркиза Ангелов, как пришелся тебе по руке кинжал Родогона-египтянина, когда ты перерезала глотку Большому Косру из Парижа! В ту пору ты умела владеть кинжалом. Ну же!

А кинжал уже был в ее руке. Ее пальцы сжимали рукоять, холодок металла проникал в нее, отрезвлял, спасал от забытья. Что было сил она рванула кинжал из ножен и ударила...

Только стальные мускулы Мулея Исмаила спасли его. Ощувив прикосновение лезвия к своему горлу, он отскочил так стремительно, как, казалось, мог прыгнуть лишь тигр, наделенный безошибочным инстинктом зверя. Отпрыгнув, он замер, пригнувшись, с остановившимися глазами. Безмерное изумление

застыло в его взоре. Потом он почувствовал, что по груди льется кровь, и сообразил, что еще секунда — и кинжал рассек бы ему сонную артерию...

Не отрывая глаз от Анжелики, — хотя сейчас, потрясенная, она не смогла бы и пальцем шевельнуть, — он приблизился к гонгу и ударил в него. Осман Ферраджи, который явно был неподалеку, ворвался в комнату. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что произошло. Он увидел Анжелику, приподнявшуюся на своем ложе с кинжалом в руке. Увидел Мулея Исмаила, обезумевшего от ярости, с вылезшими из орбит глазами, неспособного произнести ни слова.

Верховный евнух подал знак. Вбежали четверо негров, схватили молодую женщину за руки и, стащив с ложа, швырнули к ногам султана на каменные плиты.

Тут властителя прорвало. Он взревел, как разъяренный бык. Он орал, что если б не покровительство Аллаха, эта проклятая христианка сейчас перерезала бы ему горло его же собственным кинжалом! Так пусть она умрет в ужасных мучениях! И сей же час! Немедленно! Да приведите сюда пленников, особенно их главарей! И прежде всего французов! Пусть поглядят, как будет гибнуть женщина их породы! Они увидят, какая участь постигнет дерзновенную, что осмелилась поднять руку на самого Предводителя Правоверных...

Глава 22

Дальше все происходило очень быстро. Наступала развязка, в том не было сомнений. Руки Анжелики соединили в запястьях, подтянули кверху и привязали к одной из колонн зала.

Одежду со спины сорвали. Удары кнута казались прикосновением раскаленных углей, они ускорялись, становясь сплошным ожогом. «Когда-то я это видела на красивых картинках в моей книге о святых мучениках церкви...» Теперь она сама привязана к пыточному столбу. Спину жгло все сильнее. Она чувствовала, как по ногам текут теплые струйки крови. Мелькнула мысль: «Не так уж страшно!.. Но ведь будет продолжение!.. Пусть!.. По крайней мере, началось!..» Остановить это не в ее власти. Она лишь камушек, катимый водами потока. Ей вспомнились бурные потоки Пиренеев, которые она увидела в дни первого замужества. Очень захотелось пить, в глазах потемнело...

Удары прекратились, и в этом затишье боль расползлась по всему телу, стала непереносимой.

Ей развязали руки, но лишь для того, чтобы повернуть лицом к залу и вновь привязать к колонне.

Сквозь застилавшую глаза муть она увидела палача с жаровней, полной раскаленных углей, и ужасные орудия пытки, которые он разложил на доске. Это был заплывший жиром евнух с лицом гориллы. Его окружали другие евнухи, не успевшие переодеться для пытки и лишь снявшие тюрбаны...

Мулей Исмаил сидел слева. Он отказался от перевязки. Его рана была неглубокой, кровь уже свернулась и подсыхала. Но султан хотел, чтобы ее

видели все. Каждый должен был прочувствовать содеянное святотатство.

В глубине помещения находились человек двадцать рабов-французов: Колен Патюрель в цепях, маленький, рыжий, с подвижным лицом Жан-Жан-парижанин, маркиз де Кермев и другие. Замерев, они глядели с удивлением на эту белокожую полуголую женщину, терзаемую пытками. Стражники с хлыстами и саблями держали их на почтительном расстоянии.

Осман Ферраджи склонился к Анжелике. Он говорил по-арабски, очень медленно:

— Послушай. Великодушный повелитель Марокко готов простить тебе безрассудный поступок. Обещай повиноваться ему, и он пощадит тебя. Ты согласна?

Черное лицо Османа Ферраджи плыло и танцевало перед ней.

Анжелика подумала, что это последнее лицо, которое она видит в своей жизни. И хорошо!.. Осман Ферраджи был велик! А большая часть людей так мелки, так ничтожны... Затем рядом возникло бородатое светлое лицо Колена Патюреля.

— Моя бедненькая крошка... Вы же не дадите себя так калечить... Бедняжка моя...

«А зачем вы позволили распять себя, Колен Патюрель?» — захотелось спросить ей.

Но ее губы смогли произнести лишь одно слово:

— Нет!

— Тебе оторвут груди! Тебя изуродуют раскаленными щипцами, — сказал Осман Ферраджи.

Глаза Анжелики закрылись. Ей хотелось остаться наедине с собой и своей болью. Люди уплыли. Они уже далеко...

О, сколько еще это будет тянуться? Она услышала ропот рабов в конце зала и вздрогнула. Что собирается делать палач?.. Затем чего-то бесконечно ждали. Потом

ее руки развязали, и она поползла по колонне вниз, куда-то далеко, очень далеко и очень долго...

***

Когда Анжелика пришла в себя, она лежала на боку, щекой на шелковой подушке. Первым, что она увидела, были руки Османа Ферраджи. Ей смутно вспомнилось, как в бреду она цеплялась за эти патрицианские руки с ногтями более красными, чем рубины его колец. Она чуть-чуть повернулась. Память совершенно восстановилась, и ее охватила особенная легкость, какую она испытывала, рожая своих детей. Боль отступала, и в душе рождалось ощущение чуда.

— Все кончилось? — спросила она. — Меня пытали? И я сумела вытерпеть?

— И я умерла? — передразнил ее Осман Ферраджи. — Глупенькая строптивица! Аллах не был очень милосерден ко мне, когда поставил тебя на моем пути. Знай, что если ты еще жива и тебя всего лишь постегали по спине, то это потому, что я сказал Мулею Исмаилу о твоем согласии. Но так как ты не могла сразу же доказать ему свою покорность, он позволил унести тебя и лечить. Вот уже три дня, как ты мечешься в лихорадке. Ты будешь достойна царственного внимания не ранее следующей луны.

Глаза Анжелики наполнились слезами.

— Значит, все начнется снова? Зачем вы это сделали, Осман Ферраджи? Почему не дали мне умереть? У меня нет мужества повторить все еще раз...

— Ты уступишь?

— Нет! О, вы же хорошо знаете, что никогда!..

— Ну и ладно, не плачь, Фирюза. У тебя есть время подготовиться к новым мучениям, — насмешливо успокоил ее Верховный евнух.

Он вернулся повидать ее вечером. Она набиралась сил и уже могла, полусидя, опираться на подушки заклеенной пластырем спиной.

— Вы украли у меня смерть, Осман-бей! — сказала она. — Но вы этим ничего не выиграете. Я никогда не стану ни третьей женой, ни фавориткой Мулея Исмаила. Я ему скажу это в лицо, когда представится возможность... И... все начнется снова! Я не боюсь. Господь не оставляет мучеников, приемлющих страдания во имя его. Да и это бичевание не было таким уж нестерпимым...

Верховный евнух закинул голову и позволил себе рассмеяться, что с ним редко случалось.

— В самом деле? Да ты хоть знаешь, глупая, что существует много разных способов бить кнутом. Удары могут отрывать куски тела, а могут лишь слегка ранить кожу, чтобы потекла кровь и чтобы произвести впечатление, как было на этот раз. Хлыст можно вымочить в наркотическом отваре и тогда, попадая на рану, он дурманит пытаемого, облегчая страдания. Это не было таким ужасным?.. Еще бы! Я дал приказание щадить тебя.

Анжелику охватили противоречивые чувства. Наконец удивление побороло обиду за обман.

— О, зачем вы это сделали для меня, Осман-бей? — серьезно спросила она. — Я ведь обманула ваши надежды. Вы рассчитываете, что я еще опомнюсь. Нет! Я уже не передумаю. Я никогда не уступлю. Вы прекрасно знаете, что это невозможно!

— Конечно, знаю, — вдруг горько произнес Верховный евнух.

Черты его лица на мгновение изменились, утратив обычное величие — в них мелькнуло выражение грустной обезьяны, присущее огорченным неграм.

— Я испытал силу твоего характера... Ты как алмаз. Ничто тебя не ломает.

— Тогда зачем?.. Почему не предоставить меня моей печальной судьбе?

Он замотал головой.

— Я не могу... Никогда не смогу смотреть, как Мулей Исмаил калечит тебя. Ты самая красивая и самая совершенная из женщин. Не думаю, чтоб Аллах часто создавал существа, подобные тебе. Ты поистине Женщина. И наконец, я тебя нашел после стольких поисков на рынках мира!.. Я не дам Мулею Исмаилу уничтожить тебя!

Анжелика кусала губы от смущения. Он заметил ее недоуменный взгляд и с улыбкой добавил:

— Такие слова в моих устах кажутся тебе странными? Что ж, я не могу тебя желать, но могу тобой восхищаться. И может быть, ты вдохновляешь мое сердце...

Сердце? У него, подвесившего шейха Абдель-Карима над костром, отправившего юную черкешенку на казнь?

Он начал говорить медленно и задумчиво.

— Да, это так. Мне нравится, что твой ум не уступает твоей красоте... Меня пленяет совершенство, с каким твое тело отражает твою душу. Ты существо благородное и необычное... Тебе известны женские уловки, не чужда свойственная женщинам жестокость, но, несмотря на твои острые коготки, ты сохранила материнскую нежность!.. Ты переменчива, как море, и постоянна, как солнце... Ты кажешься восприимчивой ко всему, искушенной и все же остаешься наивной латинянкой, преследующей свою единственную заветную цель... Ты похожа на всех женщин и вместе с тем тебя не сравнишь ни с одной... Мне нравятся мысли, еще не созревшие в твоей умной голове; нравится даже то, какой ты будешь в старости... Мне нравится, что ты могла безумно желать Мулея Исмаила, бесстыдная, как Иезавель, и попыталась его убить, как Юдифь убила Олоферна. Ты священный сосуд, куда Создатель, кажется, влил все сокровища вечной женственности...

И, помолчав, заключил:

— Я не могу позволить разбить тебя. Аллах мне бы этого не простил.

Анжелика выслушала его со слабой улыбкой на поблекших губах.

«Если однажды меня спросят, от кого я получила самое прекрасное любовное признание, я отвечу: это было признание Верховного евнуха Османа Ферраджи, попечителя гарема Его величества султана Марокко». Надежда вновь вспыхнула в ней. Она была уже готова просить его помочь ей бежать, но инстинктивная осторожность все же удержала ее. Она уже слишком хорошо знала неумолимые законы сераля, чтобы сознавать, что сообщничество Верховного евнуха — утопия. Надо быть наивной латинянкой, как он сказал, чтобы мечтать об этом.

— Что же со мной будет?.. — прошептала она.

Глаза негра были устремлены вдаль.

— Еще три недели до новолуния.

— Но что должно произойти за этот срок?

— Как ты нетерпелива. Тысячи тысяч вещей могут случиться за три недели. Ведь по единому знаку Аллаха весь мир может рухнуть в одно мгновение!.. Фирюза, тебе приятно будет подышать свежим ночным воздухом на башне Мазагреб?.. Да? Тогда иди за мной. Я покажу тебе звезды.

Башня, где находилась обсерватория Верховного евнуха, была ниже минаретов, но выше городских стен. Меж ее острыми зубцами светилось пустынное поле с совсем редкими пятнами оливковых рощиц, жмущихся к городу, а дальше голое и каменистое.

На сильной подзорной трубе астронома, секстанте, компасах и глобусах лежали лунные блики. На их лакированных боках отражались далекие звезды, сиявшие на небе. Ни малейшее облачко не затмевало их.

Турецкий ученый, худенький старикашка, которого Осман Ферраджи привез из Константинополя, сгибающийся под тяжестью тюрбана и огромных очков на носу, служил ассистентом. Занимаясь астрологией, Осман Ферраджи любил надевать свой суданский плащ и шитый золотом тюрбан. Это еще больше увеличивало его рост, когда он стоял под огромным куполом звездного небосвода, и лишь серебристая линия обрисовывала его черный профиль на фоне ночи. В эти мгновения он казался почти нематериальным.

Оробевшая гостья присела в стороне на подушках. Верхушка мазагребской башни казалась светилищем духа. «Ни одна женщина, наверное, не проникала сюда», — думала Анжелика. Но Верховный евнух не разделял пренебрежения настоящих мужчин к женскому уму. Избавленный от ослепления чувств, он судил о женщинах с внимательной объективностью, по их мерке, отвергал глупых, но приближал тех, чей ум оказывался достойным интереса и способным приятно и полезно воздействовать на его собственный. Анжелика многому его научила, и не только тому, что касалось французских сукон и персидской нуги. Благодаря ей Осман Ферраджи приблизился к пониманию характеров людей с Запада. Это преимущество может оказаться бесценным, если однажды Мулей Исмаил решится снарядить посольство к версальскому властелину.

Вправду ли Осман Ферраджи навсегда отказался от своих планов сделать Анжелику третьей женой Мулея Исмаила? Разумеется, все здесь было не так просто... Однако исполнение этого замечательного замысла отдалялось, теряясь в пространстве, как эти капризные планеты, порой доступные наблюдению один раз за всю жизнь, но тем не менее нависающие над человеческими судьбами. Что сулят ему их загадочные сочетания? Вон те звездные туманности — сближаются они или удаляются друг от друга?.. В понимании латинянки

положение безвыходное, даже трагическое. Но Осман Ферраджи привык выжидать... Сейчас он вновь вопрошал звезды, первыми открывшие ему, что его ждет горькое разочарование. И они вновь подтверждали: земным дорогам француженки и Мулея Исмаила дано пресечься лишь на краткий миг. Эта женщина уже уходит, удаляется от султана, как падающая звезда. Но к смерти ли?.. Небесные знаки предупреждали, и их грозное значение потрясло Османа Ферраджи. Он содрогнулся, как будто совсем рядом пролетел Азраил, ангел смерти. Смятение было так велико, что его пальцы с опаской касались холодного металла телескопа. В этот вечер он хотел вырвать у неба его самые глубокие тайны. Именно потому он и привел сюда женщину, о судьбе которой вопрошал. Ее присутствие должно усилить магнетизм, исходящий от человеческих существ и соединяющийся с потоками таинственной энергии, испускаемыми всем, что создано Творцом.

Духовная сила, которой была наделена Анжелика, изумляла его. Сперва он недооценил ее. Он признался себе, что она принадлежит к редким людям, в чью истинную суть ему не удалось проникнуть. То было весьма серьезное заблуждение, не объяснимое иначе, чем ее женственностью, прикрывающей, как тонкая обманчивая вуаль, Непобедимую Силу. Ныне он вынужден признать, что за ее нежной красотой скрыт незаурядный характер.

Она и сама не осознает пока всей исключительности своей судьбы. Налаживая механизмы телескопа, он спрашивал себя, не запутался ли он настолько, чтобы попасться в собственные сети...

Анжелика смотрела на звезды. Она предпочитала видеть их маленькими и переливающимися, словно драгоценности на черном бархате, а не увеличенными подзорной трубой.

Что искал Осман Ферраджи в этом скоплении далеких миров?

Увы, ее мозг не способен к такой заумной науке. К тому же находиться в башне, лежа рассматривать звездное небо над собой — все это напоминало давние ночи в Тулузе. Тогда ее муж, граф де Пейрак, тоже, бывало, приводил ее в свою лабораторию и старался объяснить некоторые из своих работ. Какой глупой она показалась бы ему сейчас! Наверное, им лучше бы никогда более не видеть друг друга. Душа ее так устала, так жестоко разочарована... Жизнь низвела ее на такой заурядный уровень, что напрасно было бы мечтать вновь подняться и стать прежней. Кто она теперь? Простая женщина...

Женщина, не имеющая другого выбора, как уступить Мулею Исмаилу или глупо умереть из упрямства. Отдаться королю Франции или стать изгнанницей... Продаться, чтобы не быть преданной... Ударить, чтобы не раздавили... Неужели нет выхода? Жить!.. Она подняла лицо к огромному свободному небу... Господи, жить! Не задыхаться вечно между унижением и смертью!..

Если бы только пленники согласились помочь ей бежать! Но теперь, когда Савари больше нет, они не станут заниматься ею. Зачем им такая помеха, как женщина? И все же, если она сумеет завладеть ключами от маленькой двери и выйдет за первую стену гарема, неужели Колен Патюрель откажется взять ее с собой?.. Нет-нет, она умолит его! Она встанет на колени... Но как же добыть ключ? Ключ, что хранится только у Верховного евнуха и Лейлы Айши?..

***

— Почему ты сбежала?..

Анжелика вздрогнула. Она забыла о присутствии Верховного евнуха, о его опасной способности читать чужие мысли. Она уже открыла рот, чтобы ответить что-

нибудь, но промолчала, заметив, что он не смотрит на нее. Он говорил как бы самому себе, а его вопрошающий взгляд был устремлен к звездам.

— Почему ты бежала из Кандии?

Он задумчиво обхватил подбородок рукой и закрыл глаза.

— Почему ты оставила этого пирата-христианина, который купил тебя, Рескатора?

Его голос был так странен, так взволнован, что Анжелика ощутила внезапную растерянность.

— Говори! Зачем ты сбежала? Ты не догадалась, что судьба этого человека и твоя соединены? Отвечай... Ты ведь почувствовала это?

Теперь он смотрел на нее, и голос его стал повелительным. Она робко пробормотала:

— Да, почувствовала.

— Ох, Фирюза! — вскричал он почти горестно. — Помнишь, что я тебе говорил? Нельзя насиловать свою судьбу, и если она тебе дает знак, предупреждающий о ее велениях, пренебрегать им непозволительно. Путь этого человека пересекает твой и... мне не все дано видеть, Фирюза. Мне следовало бы заняться бесконечными расчетами, чтобы прояснить самую странную в мире историю, которую я читаю по звездам. Знаю только, что этот человек той же расы, что и ты...

— Вы хотите сказать, что он француз? — спросила она застенчиво. — Говорили, что он испанец или даже марокканец...

— Это мне неизвестно. Я хочу сказать... Он той же, еще неведомой миру расы, что и ты.

Он опять отвернулся. Его руки чертили в воздухе странные линии, и с уст срывалось бессвязное бормотание:

— ...Независимая спираль... соединяется с другой, и она...

Он быстро заговорил по-арабски. Старый помощник записывал, покачивая своим тюрбаном из зеленого муслина.

В полном смятении Анжелика пыталась понять смысл их речей. По лицам, по движениям, когда они манипулировали компасами и глобусами, что-то сверяя с ними, она пыталась понять значение приговора, от которого зависела ее жизнь.

Только что она была далека от мысли о Рескаторе. Его образ уже стерся в памяти, а неистовое столкновение с Мулеем Исмаилом и давно отодвинуло давние впечатления на задний план. И вдруг у нее перехватило горло от воспоминания о черной маске.

Видя, что Осман Ферраджи по-новому располагает телескоп, она осмелилась спросить:

— Вы его знали, Осман-бей? Он такой же волшебник, как и вы, не правда ли?

Он медленно покачал головой.

— Может быть, но его магия из другого источника, чем моя... Да, я действительно встречался с этим христианином. Он говорит по-арабски и на многих других языках, но его речи темны для меня. Я чувствую себя с ним, как человек прошлого с путешественником, что прибыл из неведомых краев с грузом, питающим будущее. Кто может его принять? Кто поймет его? Поистине никто еще его не слышит...

— Но ведь это обыкновенный пират! — возмущенно воскликнула она. — Презренный торговец серебром...

— Он ищет свой путь в мире, который отторгает его. И он будет идти, пока не найдет своего пристанища. Неужели и ты не можешь этого понять, ты, изведавшая столько разных судеб? Ты сама тоже тщишься обрести свое истинное лицо...

С головы до ног Анжелику охватила дрожь. Нет! Этого не может быть! Верховный евнух не может знать

ее жизни. Неужели он прочел ее по звездам?.. С ужасом она взглянула на небо. Ночь была ясна и полна аромата. Дующий из пустыни ветерок пропитывался запахами мекнесских садов. Ночь, подобная любой другой, но здесь, на башне Мазагреб, она наполнялась тревожными дуновениями. Анжелике хотелось сбежать отсюда, оставить чернокожего мага в окружении диковинных приборов и его очкастого писца, со скрипом выводящего свои кабалистические знаки, похожего на суетливое насекомое.

Она больше ничего не хотела знать! Она устала. Но продолжала сидеть неподвижно, бессильная оторвать глаза от медленного движения трубы телескопа, направленного в небосвод.

Наука Османа Ферраджи приподнимала завесу, скрывающую Невидимое. Что он еще сообщит?.. Внезапно его лицо приобрело пепельный оттенок, что для него значило побледнеть, и он взглянул на нее с выражением почти испуганным, как если бы увидел бедствие, вызванное им самим.

— Осман-бей, — вскричала она, — что вы прочли по звездам?

Долгое молчание было ей ответом. Верховный евнух прикрыл глаза.

— Зачем ты убежала от Рескатора? — прошептал он наконец. — Он был единственным мужчиной, достаточно сильным, чтобы соединиться с тобой... и, может быть, Мулей Исмаил, но... я теперь не знаю, было бы ли это к лучшему! Мужчинам, добивающимся тебя, ты несешь смерть...

Она тоскливо вскрикнула и, сложив руки, взмолилась:

— Нет, Осман-бей, нет, не говорите этого!

Получалось, что это по ее вине пролилась кровь мужа, которого она любила! Она склонила голову, как

приговоренная, зажмурилась, чтобы прогнать видение других лиц из ее прошлого.

— Ты приносишь им смерть или поражение, ты несешь страдание, которое лишает их вкуса к жизни. Надо обладать исключительной силой, чтобы избежать этого. Всему виной твое упрямое стремление туда, куда никто не может последовать за тобой... Тех, что слабы, ты оставляешь в пути. Сила, которую вложил в тебя Аллах, не позволит тебе остановиться, пока не достигнешь места, куда должна прийти.

— Где же оно, Осман-бей?

— Не знаю. Но пока ты не достигнешь его, тебе суждено сокрушать все на своем пути. Все, вплоть до собственной жизни... Я хотел управлять этой силой, но обманулся. Она не из тех, какие можно укротить. Ты сама о ней почти ничего не знаешь. От этого ты не менее опасна...

Анжелика, вконец измученная, расплакалась.

— Ох, Осман-бей, я теперь хорошо вижу: вы жалеете, что не дали мне умереть под пытками! Для чего вам понадобилось сегодня смотреть на звезды? Зачем?.. Вы были мне другом, а теперь говорите такие ужасные вещи.

Голос Верховного евнуха смягчился. Он взгляделся в ее лицо, искаженное жестоким смятением.

— Не плачь, Фирюза. Здесь нет твоей вины. Это вне тебя. Ты не приносишь несчастья. Ты даришь, счастье. Но люди слишком слабы, им не по плечу твои дары. Тем хуже для них. Но я по-прежнему твой друг. Увы, тем хуже для меня. Отвратив твою смерть, я хотел избавить Мулея Исмаила от неведомого наказания, но безопасно ли это для меня, кто знает? Теперь мне придется совершить нечто ужасное, такое, что превышает человеческие силы. Я должен бороться против того, что предначертано. Противостоять самой судьбе, чтобы ты не оказалась сильнее меня.

Глава 23

Группа женщин прошла через внутренний двор, где резвились голуби. Раб, чинивший механизм фонтана, буркнул вполголоса:

— Француженка?

Анжелика услышала вопрос и замедлила шаги, пропустив своих спутниц. Евнухи не сопровождали их на внутреннем дворе. И как раб-француз мог оказаться здесь? Стоит какому-нибудь евнуху заметить его, и он будет удушен.

Склонившись над стоком и что-то отвинчивая, он прошептал:

— Вы французская пленница?

— Да, но берегитесь. Сюда запрещено входить мужчинам.

— Обо мне не беспокойтесь, — проворчал он. — Мне дано право ходить по всему гарему. Сделайте вид, что интересуетесь голубями, пока я говорю... Колен Патюрель послал меня к вам...

— О!

— Вы по-прежнему готовы на побег?

— Да.

— Мулей Исмаил пощадил вас за то, что вы уступили ему?..

У Анжелики не было времени объяснять хитрость Верховного евнуха.

— Не уступала и никогда не уступлю. Я хочу бежать. Помогите мне!

— Так и быть, ради старины Савари. Он вбил себе в голову выволить вас отсюда. Наверное, вы его дочка? Мы вас не оставим, хотя-это лишний риск-тащить с собой бабу. В один из вечеров, в какой — узнаете потом, Колен Патюрель или кто-нибудь другой будет ждать

вас у северной дверцы, выходящей на кучу нечистот. Если там будет часовой, он убьет его и откроет дверь. Она отпирается снаружи. Вы будете ждать за дверью, и он поведет вас. Ваша забота — достать ключ.

— Кажется, он есть у Верховного евнуха и негритянки Лейлы Айши.

— Хм, вот это задача... Но без ключа дело вообще не пойдет. Подумайте, может как-нибудь исхитритесь. Вам же здесь все знакомо... Попробуйте, что ли, служанок подкупить. В общем, как раздобудете его, отдадите мне. Я здесь всегда брожу. Мне поручили осмотр фонтанов всех внутренних дворов гарема. Завтра буду работать в дворике султанши Абеки. Эта дама ничего, любезная. Она даст нам поговорить без всякого.

— Но как же достать ключ?

— Выпутывайтесь сами, дорогуша. Все-таки у вас еще несколько дней в запасе. Для побега мы будем дожидаться безлунных ночей. Ну, удачи вам! Когда захотите меня видеть, спросите Эспри Кавайака, из Фронтиньяна, инженера Его величества...

Он собрал свои инструменты и на прощание улыбнулся Анжелике. Позже она узнала о нем от султанши Абеки, очень болтливой женщины. Чтобы обратить Кавайака в мусульманскую веру, Мулей Исмаил придумал особенно изощренную и отвратительную пытку. Ему перетянули бечевкой место, которое не принято называть, и вырвали, привязав бечевку к сбруе лошади, пустив ее вскачь. За Эспри Кавайаком ухаживали его товарищи, и он выжил, несмотря на ужасную рану. После того как он был изувечен, ему был открыт доступ в сераль, потому-то он и смог стать связным между Анжеликой и заговорщиками. Эта встреча ободрила Анжелику. Ее не забыли! О ней еще думали! Считали побег возможным!.. Ну так он свершится! Разве не говорил Осман Ферраджи, что ее сила подобна вулкану? Тогда эти

слова казались насмешкой: она чувствовала себя такой слабой, немощной, так нестерпимо болела спина... Но теперь... Почему бы ей не осуществить этот безумный замысел? Сбежать из гарема! Что ж, в своей жизни ей не раз случалось пускаться в отчаянные предприятия. И побеждать!..

Скорым шагом она обошла дворик, миновала длинную галерею, пересекла сад, где два фиговых дерева бросали на пруд свои библейские тени, проникла в другой внутренний дворик. Там, под низкими арками, осеняющими темный вход в жилые покои, перед ней возник Рамидан, глава стражников Лейлы Айши.

— Я хотела бы видеть твою госпожу, — сказала ему Анжелика.

Холодный взгляд негра выразил колебание. Что надо этой беспокойной сопернице, ставленнице Верховного евнуха, против которой вот уже неделю Лейла Айша и Дэзи-Валила направляют самые пагубные чары своих доверенных колдунов? Бичевание Анжелики отнюдь не успокоило властную повелительницу. Ее не обманешь! Сопротивляясь Мулею Исмаилу, эта змея избрала самое верное средство привязать его к себе. А острие кинжала, приставленное непокорной к горлу султана, лишь разожгло его желание. Пока он медлит с укрощением этой тигрицы, но уверен, что сумеет превратить ее в воркующую горлинку. Он рассказал об этом самой Лейле Айше! Говорил, что эта женщина не сможет устоять против любви. Если б не его неосторожность — зачем он оставил за поясом кинжал? — француженка уже млела бы в его объятиях. Он хвастался, что обольстит ее силой сладострастия, усыпит ее ум и завладеет телом. Впервые Мулей Исмаил так поддался искушению связать себя с женщиной, что был готов на все за улыбку, за ласку без принуждения.

Проницательная негритянка оказалась очень чувствительна к таким переменам. Черные волны гнева и страха захлестывали ее. Будь француженка чуть ловчее, она бы прочно завладела тираном, водила бы его на поводке, словно прирученного гепарда, как она сама водит черную пантеру Альхади...

А тут еще этот дьявол Осман Ферраджи подыгрывает чужеземке, распуская слухи, будто француженка умирает. Султан беспрестанно справляется о ней, рвется ее навестить. Пока Верховный евнух противится. Больная, мол, перепугана, появление господина и повелителя может вызвать новый приступ лихорадки, а ведь говорят, она улыбнулась, получив подарок, что передал ей Мулей Исмаил: изумрудное ожерелье, украденное с итальянской галеры. Значит, она любит драгоценности... И сразу же султан стал посылать в город за ювелирными изделиями, подолгу рассматривать лучшие из них в лупу...

Эти безрассудства весьма беспокоили Лейлу Айшу и Дэзи. Они обсудили все возможные средства борьбы и, прежде всего, самое простое: если опасная соперница при смерти, следует поднести ей отвар, что поможет закончить так кстати начатое дело. Но самые ловкие служанки и самые пронырливые колдуны, когда им поручали отнести лекарство, неизменно наталкивались на бдительных стражей Османа Ферраджи.

И вот француженка, казалось, совершенно выздоровевшая, просит свидания с теми, кто с проклятиями и ненавистью преследовал ее. Поразмыслив, Рамидан попросил ее обождать. Неподалеку Принц-Конфетка в малиновом тюрбане и сахарно-белых одеждах играл в рубку голов, размахивая своей деревянной саблей. Стальную пришлось забрать — слишком много ран она нанесла окружающим.

Евнух вернулся. Жестом пригласил Анжелику в покои, где огромная негритянка восседала среди нагромождения жаровен, грелок и медных курильниц, в которых горели душистые травы. Дэзи-Валила была с ней. На двух низких столах стояли граненые чаши из богемского стекла, из которых султанши пили мятный чай, и бесчисленные медные ящички с чаем, сладостями и табаком.

Первая жена Мулея Исмаила вынула изо рта длинный чубук трубки, выпустив облако дыма к потолку из кедрового дерева. Это был ее тайный порок, поскольку султан открыто не одобрял курение и винопитие, запрещенные Магомедом. Сам он не пил ничего кроме воды и ни разу не поднес к губам чубук кальяна. Он не желал походить на развращенных турок, что пекутся о земных удовольствиях больше, нежели о величии ислама и прославлении Аллаха. Что до Лейлы Айши, она доставала табак и выпивку у рабов-христиан, единственных, кто имел право употреблять и покупать их.

Войдя, Анжелика смиренно преклонила колени на роскошный ковер. Склонив голову, она оставалась в этом положении перед обеими султаншами, пока те молча рассматривали ее.

Затем она сняла с пальца кольцо с бирювой, что когда-то подарил ей персидский посол Бахтияр-бей, и положила его перед Лейлой Айшей.

— Вот мой подарок, — сказала она по-арабски. — Я понимаю, он слишком скромн, но у меня больше ничего нет.

Глаза негритянки вспыхнули.

— Я не принимаю твоего подарка! И ты лгунья. У тебя есть изумрудное ожерелье, подаренное султаном.

Анжелика покачала головой и сказала по-французски, обращаясь к Дэзи:

— Я отказалась от изумрудного ожерелья. Я не могу быть избранницей Мулея Исмаила. И никогда не буду ею... если вы мне поможете.

Англичанка перевела, и Лейла Айша склонилась к Анжелике, внезапно проявив жадное внимание:

— Что ты хочешь сказать?

— Что вам лучше помочь мне бежать, чем пытаться отравить или облить купоросом.

Они долго тихо говорили, сидя рядом, как подруги-заговорщицы. Их ненависть Анжелика превратила в свою сообщницу. В конце концов, чем они рисковали, помогая ей? Либо Анжелике удастся побег, и они ее больше не увидят, либо, если ее поймают, она будет обречена на страшную смерть. Во всяком случае, никто не заподозрит султанш в причастности к ее исчезновению, как заподозрили бы, найдя отравленной. Они ведь не отвечают за гарем. Их не могут обвинить в побеге наложницы.

— Никогда ни одна женщина не убегала из гарема, — сказала Лейла Айша. — Верховному евнуху отрубят голову!

Ее глаза, налившиеся кровью, посверкивали красным огнем:

— Я понимаю... Все исполняется... Мой астролог прочел по расположению светил, что ты станешь причиной смерти Османа Ферраджи...

Сильная дрожь пробежала по спине Анжелики. «И он, конечно, прочел это же», — подумала она. Вот отчего он смотрел на нее таким странным взглядом! «Теперь мне предстоит бороться против судьбы, Фирюза, чтобы ты не оказалась сильнее меня!..»

Тревога, испытанная на башне Мазагреб, вновь охватила ее. Она задыхалась от запаха трав, чая и табака, чувствуя, что пот выступил на висках. Но Анжелика не уходила: ей надо было заполучить от Лейлы Айши ключ от северной двери. Наконец

султанша уступила. Да и упорствовала она лишь из любви к долгим разглагольствованиям. В действительности же с первых слов Анжелики она составила собственный план. Он освобождал ее от соперницы и вел к гибели давнишнего врага, Верховного евнуха. Он также избавлял ее от гнева Мулея Исмаила, который не простил бы, если бы его новой страсти было причинено зло. Теперь она выведает у Анжелики планы беглецов и выдаст их. Поимка этих бедняг лишь укрепит ее влияние и славу прорицательницы. Было решено, что в ночь побега Лейла Айша сама проводит Анжелику через гарем до лестницы, ведущей в потайной дворик, из которого открывалась та самая дверь. Так она помешает ей стать добычей пантеры, наверняка притаившейся в каком-нибудь углу. Ведь одна Айша умеет разговаривать со зверем, к тому же она принесет пантере лакомство, чтобы задобрить. Сторожа тоже пропустят Султаншу султанш, преследований и сглаза которой боялись все при дворе.

— Нам страшен только Верховный евнух, — заметила Дэзи. — Он очень опасен. Что ты ему ответишь, если он спросит, зачем ты приходила к нам?

— Я скажу, что узнав, как вы на меня гневаетесь, хотела задобрить вас притворной покорностью.

Обе женщины одобрительно закивали.

— Возможно, он и поверит тебе. Да, тебе он поверит!

Во второй половине дня Анжелика нанесла визит султанше Абеке, грузной мусульманке испанского происхождения, которой Мулей Исмаил еще оказывал знаки внимания. Он чуть было не сделал ее своей третьей женой. Там Анжелика увидела Эспри Кавайака и передала ключ.

— Как! Вы уже... — сказал он, пораженный. — Да уж, действуете вы быстро. Старый Савари верно говорил,

что вы хитры и смелы и на вас можно рассчитывать не меньше, чем на мужчину. Лучше увериться в этом заранее, чем брать с собой недотепу. Теперь вам остается только ждать. Я вас предупрежу, когда придет условленный день.

***

Это ожидание было для Анжелики самым мучительным и тревожным за всю жизнь. Быть в зависимости от двух женщин, неискренних и ядовитых, скрываться от пронизательного взора Верховного евнуха, притворяться, не позволяя себе даже думать о побеге, — все это было нестерпимо.

Ее спина заживала. Она кротко подчинялась заботам старой Фатимы, которая очень надеялась, что ее хозяйка наконец присмирела. Эта возня с мазями и снадобьями, ободранная, испорченная кожа, все невзгоды последних дней, уж верно показали ей, что она не самая сильная. Если так, зачем упрямитесь?

Между тем пронесся слух, что Верховный евнух отправляется в путешествие. Он едет проведать своих черепах и старых султанш. Его отсутствие не продлится больше месяца. Узнав об этом, Анжелика вздохнула с огромным облегчением. Нужно воспользоваться этим для побега. Многие сразу станет проще, да и Верховному евнуху не отрубят голову. Ей не хотелось верить в возможность его казни. Она надеялась, что даже бегство рабыни не навлечет на Османа Ферраджи гнева Мулея Исмаила, — он был слишком нужен при дворе. Но все-таки ее не переставало тревожить предсказание астролога Лейлы Айши. «Звезды говорят, что ты будешь причиной его смерти...» Этого надо избежать любой ценой! И вот такая удача: он уезжает!

Верховный евнух пришел проститься с ней. Он советовал быть крайне осторожной. Считается, что она еще очень больна и напугана, следовательно Мулей Исмаил потерпит. Это же чудо, что она не испортила

дела, сплетничая с Лейлой Айшой, которая старается ей навредить!.. Через месяц он вернется и все устроит. Она может доверять ему.

— Я вам доверяю, Осман-бей, — отвечала она.

Когда он уехал, она через Эспри Кавайака постаралась убедить заговорщиков ускорить побег. Колен Патюрель передал, что нужно ждать безлунных ночей. Но к тому времени мог вернуться Верховный евнух. Она кусала руки от бессилия. Ну как могла она заставить этих жестоких христиан понять смысл ее борьбы с неумолимой Судьбой? Она хочет противостоять той безликой чудовищной силе, которая обрекла ее стать причиной гибели Османа Ферраджи? Решилась на титаническую борьбу против звезд! В ночных кошмарах ей виделось звездное небо, низвергающееся и раздавливающее ее.

Наконец Эспри Кавайак сообщил ей, что король пленников уступает ее доводам. Для нее лучше, чтобы побег осуществился в отсутствие попечителя сераля. Для других лунная ночь увеличит риск, но что ж поделаешь! Колен Патюрель, освобожденный от цепей, прокрадется во дворец, убьет часовых, чтобы проникнуть за вторую стену, затем за третью. Ему предстоит пройти через апельсиновую рощу и двор, ведущий к потайной двери. Оставалось лишь молить Бога, чтобы в эту ночь облака заволокли луну. Ведь сейчас, в последней четверти, она еще очень ярка... Итак, срок был назначен.

В тот вечер Лейла Айша послала ей сонный порошок, чтобы всыпать в питье служанок-охранниц.

Анжелика предложила кофе Рафаи, пришедшему справиться о ее здоровье. В отсутствие Верховного евнуха он отвечал за сераль. Толстяк любил подражать Осману Феррадхи, принимая полудружеский-полупокровительственный тон в общении со своими подопечными. Такое поведение, столь натуральное для

величавой особы Османа Феррадхи, совсем не шло увальню Рафаи. Красавицы над ним посмеивались, поэтому он очень обрадовался, что Анжелика смягчилась, и до дна выпил предложенную ему чашку кофе. После этого ему оставалось только храпеть рядом с уснувшими служанками. Анжелика выждала несколько минут, показавшихся ей бесконечными. Когда донесся крик ночной птицы, она крадучись спустилась во двор.

Лейла Айша была там, рядом — тонкий силуэт Дэзи. Англичанка держала масляную лампу, но она, увы, не была нужна — луна сияла, как парус латинян, борозд? океан ночи. На небе ни облачка, чтоб закрыть ее. Женщины пересекли садик и углубились в длинную сводчатую галерею. Время от времени Лейла Айша извлекала из своей обширной груди странный звук, что-то вроде хриплого воркования. Анжелика догадалась, что она подзывала пантеру. Конца галереи они достигли без помех. Потом были еще галереи с колоннами, обрамлявшими другой сад, полный благоухания роз. Вдруг негритянка остановилась.

— Она здесь! — прошептала Дэзи, сжав руку Анжелики.

Животное вышло из кустов, пригнув морду к земле и выгибая спину, словно огромная кошка, готовая броситься на мышь.

Черная султанша протянула ей тушку голубя, продолжая свое звериное воркование. Казалось, пантера успокоилась. Тогда Лейла Айша, приблизившись, прикрепила цепь к ее ошейнику.

— Идите за мной, отступив на два шага, — приказала она двум белым женщинам.

Они снова пошли. Анжелика удивлялась, что евнухи встречаются редко. Лейла Айша вела их по коридорам, где располагались покои старых покинутых наложниц. Их охраняли не слишком строго. К тому же в отсутствие

попечителя сераля порядок всегда нарушался: евнухи, которым надоели обходы, предпочитали собираться вместе, болтая и разыгрывая бесконечные шахматные партии. А полусонные служанки, видя, как проходит Лейла Айша со своими спутницами, кланялись Султанше султанш.

И вот они в самом опасном месте: поднимаются по лестнице, ведущей, к крепостной стене. Идут по дороге, охраняемой дозорными. С одной стороны внизу темнеют сады, окружающие мечеть — ее зеленый купол светится в лучах луны; с другой — простирается пустынная песчаная площадь. Там иногда устраиваются ярмарки... В общем, дворец Мулея Исмаила был настоящей укрепленной крепостью, построенной с таким расчетом, чтобы султан мог отсиживаться здесь месяцами, если в городе вспыхнет бунт.

В конце охраняемой дороги на одном из зубцов стены виднелась фигура часового. Он стоял спиной к ним и, казалось, что его копье направлено к звездам.

Женщины приблизились, пробираясь в тени зубцов. За несколько шагов до неподвижного евнуха Лейла Айша вдруг резко взмахнула рукой, швырнув в его направлении голубиную тушку. Зверь прыгнул, ловя лакомый кусок. Страж оглянулся, увидел хищника, вскрикнул от ужаса и, оступившись, полетел вниз. Они услышали глухой стук упавшего тела, разбившегося у подножия стены.

Женщины затаили дыхание. Ведь крик несчастного мог встревожить других стражей. Но все было тихо, и Лейла Айша, успокоив пантеру, повела своих спутниц в заброшенное здание, готовое к сносу. На его месте Мулей Исмаил собирался возвести новое.

Султанши проводили Анжелику до начала крутой лестницы, ведущей в темноту маленького дворика. Сверху он казался глубоким колодцем.

— Здесь, — сказала негритянка. — Как спустишься, увидишь открытую дверь. Если она еще закрыта, подождешь. Твой сообщник не опоздает. Вели ему положить ключ в углубление в стене справа от двери. Завтра я пошлю за ним Рамидана. А теперь иди!

Анжелика начала спускаться, но остановилась и подняла голову, посчитав себя обязанной поблагодарить своих сообщниц. Ей подумалось, что никогда в жизни она не видела ничего более своеобразного, чем эти две женщины, стоящие бок о бок, смотря ей вслед: белокурая англичанка, высоко поднявшая масляную лампу, и черная африканка, держащая пантеру Альхади за ошейник.

Она спустилась. Свет лампы уже не достигал низа лестницы. Она слегка споткнулась о последние ступени, но тут же заметила проем двери, освещенной луной. Открыта!.. Ура! Пленник ее опередил...

Анжелика нерешительно двинулась к выходу. При последних шагах ее вдруг охватила мучительная тревога.

— Это вы? — вполголоса окликнула она по-французски.

Мужчина пригнулся, входя в низкий дверной проем. Его крупная фигура заслонила свет настолько, что Анжелика не могла рассмотреть входящего. Она узнала его лишь тогда, когда он выпрямился и в лунном луче блеснул шитый золотом тюрбан.

Верховный евнух Осман Ферраджи стоял перед ней.

— Куда ты идешь, Фирюза? — спросил он своим мягким голосом.

Пошатнувшись, Анжелика прислонилась к стене. Ей хотелось провалиться сквозь землю. Это было похоже на страшный сон.

— ...Куда ты идешь, Фирюза?

Приходилось смириться. Это была явь, и это был он. Она задрожала, теряя силы.

— Почему, ох, зачем вы здесь?! Вы же уехали.

— Я вернулся два дня назад, но не счел нужным сообщать о своем прибытии.

Исчадие дьявола, проклятый Осман Ферраджи! Слащавый и неумолимый тигр, возникающий между ней и спасительной дверью! Она заломила руки в порыве отчаяния.

— Позвольте мне бежать! — задыхаясь, умоляла она. — О, позвольте мне бежать, Осман-бей. Только вы можете помочь... Вы всемогущи. Отпустите меня!

Лицо Верховного евнуха приняло оскорбленное выражение, как будто ее мольбы казались ему святотатством.

— Никогда ни одна женщина не убегала из гарема, на страже которого стою я!

— Тогда не говорите, что хотите спасти меня! — гневно вскричала Анжелика. — Не лгите, что вы мне друг! Вам известно, что здесь для меня нет другого жребия, кроме смерти!

— Разве я тебя не просил довериться мне?.. О Фирюза, зачем ты все время насилуешь судьбу... Послушай, маленькая строптивка. Я ездил не к черепахам, моей целью было встретиться с твоим бывшим хозяином.

— Бывшим хозяином? — пролепетала Анжелика, не понимая.

— С Рескатором, пиратом-христианином, который купил тебя за тридцать пять тысяч пиастров в Кандии.

Все поплыло перед глазами Анжелики. Как всякий раз, когда при ней произносили это имя, она испытывала растерянность, смутное чувство надежды и сожаления.

— Мне удалось побывать на одном из его кораблей. Это судно встало на якорь в гавани Агадира, и капитан сообщил мне, где он находится. Мы обменялись двумя

посланиями через почтовых голубей. Он скоро будет здесь... Придет за тобой!

— Он придет за мной? — повторила она недоверчиво. Но тяжесть на сердце отлегла. Он скоро заберет ее...

Конечно, это пират, но все же человек ее расы. Недаром он никогда не казался ей страшным. Он появится, худой, весь в черном, положит руку на ее бедную голову, вынесшую столько унижений, и радость жизни снова вернется к ней. Она добровольно пойдет за ним и наконец-то сможет спросить: «Почему вы тогда в Кандии купили меня за тридцать пять тысяч пиастров? Я показалась вам такой красавицей, или вы, как Осман Ферраджи, узнали по звездам, что мы созданы друг для друга?»

Что он ответит? Она вспомнила, с каким трудом он говорил, какой у него хриплый голос, вызывающий дрожь. Она совсем не знала этого человека, но представляла себя лежащей на его груди, мечтала, чтобы он увез ее далеко-далеко отсюда. Кто же он? Путешественник, явившийся из неведомого царства, везущий с собой их будущее. Он спасет ее...

— Это же невозможно, Осман-бей. Это чистое безумие! Разве Мулей Исмаил когда-нибудь согласится на такое? Он не из тех, кто легко выпускает свою добычу. Рескатору снова придется выкупить меня?

Верховный евнух отрицательно покачал головой. Он заулыбался, и Анжелика заметила в его взгляде ту же ясность и доброту, которые взволновали ее при первой встрече, когда она приняла его за волшебника.

— Не задавай больше вопросов, мадам Зеленоглазка, — голос его звучал таинственно и радостно, как в сказке. — Знай лишь, что звезды не солгали. У Мулея Исмаила будет много оснований согласиться на просьбу Рескатора. Они знают друг друга и связаны многими обязательствами.

Государственная казна не может обойтись без пирата-христианина, щедро питающего ее, выкупая каторжников. Но есть и более важная причина. Наш султан, столь уважающий законы шариата, будет обязан уступить. Ибо здесь вмешалась рука Аллаха. Слушай же, Фирюза: этот человек некогда был...

Он замолчал, как будто захлебнувшись. Анжелика, смотревшая ему в лицо, увидела, как его глаза широко раскрылись, полные удивления и испуга. Они уже были такими однажды, той звездной ночью на башне Мазагреб.

В его горле опять что-то заклокотало, и вдруг фонтан крови брызнул изо рта, заливая одежду Анжелики. Верховный евнух рухнул ничком, скрестив руки. Позади него возник белокурый бородатый гигант в лохмотьях. Лезвие кинжала блеснуло в лунном свете.

— Готова, крошка? — спросил Колен Патюрель.

Глава 24

Оглушенная и растерянная Анжелика перешагнула через бездыханное тело Верховного евнуха. Она прошла через дверцу, которую Патюрель запер так тщательно, словно специально был приставлен к ней. Они несколько мгновений помедлили в тени стены перед белеющей под луной площадью, которую им предстояло пересечь. Потом Колен Патюрель схватил молодую женщину за руки и, не говоря ни слова, потащил через освещенное место. Он стремительно одолел площадь и толкнул свою спутницу, словно в воду, в спасительную тень. Здесь они вновь подождали, прислушиваясь... Все было тихо. Единственный страж, который мог заметить их, только что свалился со стены.

Они прошли под сводами ворот. Анжелика споткнулась обо что-то мягкое. Это было тело другого человека, которому Колен Патюрель вонзил нож в спину, когда ему нужно было проникнуть за последнюю ограду. Потом они почувствовали тошнотворный запах. Целая гора нечистот висилась на задворках. Анжелика вынуждена была взобраться на нее вслед за своим проводником. Он проворчал:

— Нет ничего лучше, чтобы замести следы... Запахи смешиваются, и если завтра они пустят собак...

Анжелика не спрашивала объяснений. Решив бежать, она заранее была согласна на все.

Колен Патюрель скользнул в илистый сточный канал, по которому спускали воду, чтобы смывать нечистоты. Это мало помогало, так что им было лучше не видеть того, что под ногами. Шлепая по грязи, одурманенные вонью, они с трудом, на ощупь пробирались вперед. Скользя, Анжелика цеплялась за лохмотья спутника, а он одним движением ставил ее на

ноги. Когда он поднимал ее, ей казалось, что весит она не более соломинки. Она вспомнила, что о силе короля пленников рассказывали легенды. Женщины из гарема однажды видели, как он свернул шею дикому быку, против которого его выпустил с голыми руками Мулей Исмаил.

— Кажется, здесь, — прошептал он.

И метнулся в темноту. Анжелика осталась одна.

— Где вы? — закричала она.

— Наверху. Давайте руку.

Анжелика подняла руку. Ее схватили, она взлетела вверх и оказалась на суку большого дерева.

— Тоже неплохой способ заметать следы, а, малышка? Теперь внимание!

Затем последовал сложный трюк, в котором Анжелика играла роль громоздкого тюка, который поднимают, раскачивают и бросают через стену. Слегка ушибившись, она оказалась на куче свежей травы. Колен Патюрель спрыгнул рядом с ней.

— Ну что, крошка, цела?

— Цела. Где мы?

— В садах Родани.

— Это один из ваших сообщников?

— Нет, скорее наоборот. Но я знаю это место. Я строил дом Родани. Вон те огни, что виднеются сквозь листву, — это терраса. Если пройти через сады, то не надо пересекать весь город.

Анжелика почувствовала приступ тошноты от запаха, пропитавшего ее одежду. Они бесшумно проскользнули под ветвями оливковых деревьев, растущих вдоль задней стены.

Вдруг со стороны дома раздался звонкий лай собак. Колен Патюрель замер. Лай усиливался. Собаки волновались, почуяв чужаков. За деревьями не было видно, что делалось у дома, обитателей которого

потревожил собачий лай, но огней явно прибавилось. Слуги зажгли факелы, перекликались по-арабски.

— Кажется, они устраивают облаву в саду, — прошептала Анжелика.

— Этого следовало ожидать.

— Так что же мы будем делать?

— Не бойтесь ничего, крошка.

В эту минуту Анжелика поняла, почему за двенадцать лет плена среди тысяч невольников разных племен и различного происхождения, наполнявших городскую каторгу, нормандец Колен Патюрель приобрел такое влияние. Один голос чего стоил! Спокойный, убедительный, с легкой хрипотцой, голос человека, не знающего сомнений и страха. Атлетическое сложение Колена Патюреля, его повадки и взгляд дополняли это впечатление мощи и совершенства. Такому не надо бороться с самим собой, он не будет дрожать и колебаться! Анжелика чувствовала: в этой широкой груди сердце всегда бьется ровно, кровь редко ускоряет свой бег. Такая исключительная уравновешенность, простой, мужественный ум — вот сила, способная противостоять самой смерти! Колен Патюрель был надежным, словно несокрушимая скала.

Однако положение было отчаянным. Слуги взяли двух черных ищеек, которые залаяли первыми. Под водительством хозяина дома они пустились прочесывать аллеи сада. Собаки тянули прямо к месту, где находились беглецы. Все отчетливее доносились приближающиеся голоса и даже треск горящих факелов. Сквозь густую листву уже можно было разглядеть их колеблющееся пламя и летящие искры.

— Мы погибли! — выдохнула Анжелика.

— Не бойтесь ничего, крошка. Закутайте лицо покрывалом и, чтобы ни случилось, молчите. Подчинитесь мне.

Он поднял ее на руки, осторожно и властно положил на мох. Его тело помешало ей увидеть резкий свет, озаривший глубину рощи, а ощущение, которое она испытала от прикосновения его мускулистой груди и бороды, щекочущей ей лицо, избавило от других волнений. Она казалась птицей в его узловатых руках, он бы мог придушить ее одним движением. Она задохнулась, откинула голову, чтобы набрать воздуха, и не смогла сдержать вырвавшийся стон.

Их окружили, обмениваясь восклицаниями по-арабски. Она слышала ругань хозяина, насмешки слуг. Хозяин дома стал пинать Колена Патюреля ногой. В ответ нормандец, приподнявшись, воскликнул по-французски:

— Ох, Жозеф Гайар, неужели ты не будешь снисходителен к бедным влюбленным? Господь свидетель, у меня нет десяти жен, как у тебя!

Родани, а это был не кто иной, как Жозеф Гайар, вероотступник-француз, служащий на военных складах, вышел из себя. В бешенстве он стал тыкать дерзкого пленника кулаком.

— Ах ты, распутник! Я отучу тебя блудить в моих садах! Когда же ты заплатишься за свое адское нахальство, Колен Патюрель? Ты забыл, что ты раб, ты...

— Я мужчина, как и все остальные, и француз, как ты сам! Да полно тебе... — добродушно отвечал нормандец. — Ну-ну, приятель, не станешь же ты устраивать скандал из-за милашки, что подвернулась мне, несчастному рабу! Я ведь даже не знаю, какого цвета у нее кожа!

— Я завтра же пожалуюсь султану!

— Тебе нужно, чтобы тем, кто меня сторожит, отрубили головы? А мне султай всыпет не более двадцати палок. Мы с ним в ладу. Когда мне удастся хорошо организовать работу, он уж знает, что нет для меня лучшей награды, чем послать ко мне одну из своих

заброшенных мавританок. Мне ведь не пристало быть разборчивым. Или ты другого мнения?

— Но почему в моих садах? — завопил оскорбленный Родани.

— Травка тут мягкая, да и товарищи не будут завидовать.

Вероотступник пожал плечами.

— «Товарищи»! Так я тебе и поверил. Если среди этих некормленных, задавленных работой кляч кто и сохранил тягу к женщине, так только ты, жеребец этакий, чтоб тебе сдохнуть, единственный, кому нужно...

— Ну вот, друг, ты все и понял. Кюре из нашей деревни меня предупреждал, когда мне еще только сравнялось пятнадцать: «Колен, сын мой, волокитство погубит тебя...» А ты помнишь, как мы кутили в Кадиксе, во время остановки в порту, когда...

— Нет, не помню! — взревел вероотступник. — И желаю, чтоб ты убрался отсюда. В моих садах... Постой-постой! А как же ты сюда проник?

— Через заднюю дверку. Запор мне знаком, я сам его вставлял.

— Бандит! Завтра же заставлю сменить его!

Под градом палочных ударов Колена Патюреля и Анжелику погнали к дверке в глубине сада. Она была заперта, но слуги, раздосадованные происшествием, ставившим под сомнение их бдительность, не стали искать объяснения этому. Ее открыли. Обоих грубо вытолкали на темную улицу. Далее Колен Патюрель шел первым, она — чуть позади. Их путь проходил по замысловатому сплетению узеньких улочек, напомнивших Анжелике лабиринт, где она заблудилась в Алжире. Ее проводник пробирался по ним уверенно, но ей казалось, что этому лабиринту не будет конца.

— Когда же мы выйдем из города? — прошептала она.

— А мы не будем из него выходить.

Он остановился и постучал в какую-то дверь. Вскоре рядом с нею приотворилось окно, забранное решеткой, крашенной в красный цвет, и освещенное фонарем. После краткого разговора им открыли. Анжелика увидела мужчину в черном, с удлиненными бархатными глазами. Он был в ермолке.

— Это Кайан, зять старого Савари, — представил Колен Патюрель. — Мы в меллахе, еврейском квартале. Здесь безопасно.

Другие беглецы ждали в соседней комнате, озаренной диковинными венецианскими лампами с цветными стеклами. Их радужные блики подчеркивали малопривлекательный вид бледных, поросших щетиной лиц Пиччинино-венецианца, маркиза де Кермева, Франсиса-арлезианца, Жака д'Аррастеги, старого Колоэнса и Жан-Жана-парижанина. Все они сейчас казались Анжелике ничтожными отбросами рода человеческого. Она стояла, прислонившись к притолоке, пока Колен Патюрель рассказывал компаньонам о своей вылазке. Она слышала, как они прысхали от смеха, когда он описывал случай в саду Родани.

— Что будет, когда они сообразят, что ты был с главной фавориткой Мулея Исмаила!.. Жалуйся потом, Колен-распутник, что тебе доставались только объедки!..

Они повернули к Анжелике смеющиеся лица, но выражение веселья на них тут же погасло. Жан-Жан-парижанин присвистнул:

— Фью!.. Кажется, дело скверное! Она ранена?

— Нет. Это кровь главного гаремного демона, которого я пырнул ножом.

Анжелика оглядела себя. Она была измазана кровью и грязью.

Вошла молодая еврейка с незакрытым лицом, обрамленным украшениями, свисавшими с головного

убора. Она взяла Анжелику за руку и отвела в соседнюю комнату. Там над лоханью с горячей водой поднимался пар. Анжелика начала раздеваться. Еврейка хотела помочь ей, но она отклонила помощь. Она чувствовала себя отвратительно. Ее руки стиснули покрывало, запятнанное кровью. Она с силой прижала его к груди. Ей виделось огромное безжизненное тело мага...

«Не спрашивай ни о чем, Зеленоглазка. Знай только, что звезды не солгали...» Силы покинули ее, и она разрыдалась. Слезы лились потоками, пока она, стоя над лоханью, отмывала со своих одежд кровь Верховного евнуха Османа Ферраджи.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
ПОБЕГ

Глава 1

Замысел Колена Патюреля был самым смелым, самым рискованным из тех, что были на памяти мекнесских невольников. Пусть султанские стражники бросаются в погоню на север и запад, а беглецы между тем укроются в недрах меллаха, под самым носом у своих мучителей, чтобы, переждав три дня, отправиться на юг.

Принадлежность к преследуемым меньшинствам превратила марокканских евреев и христиан в сообщников. Старый Савари наладил здесь весьма полезные связи. Он был своим человеком в меллахе, где его зять, Самуил Кайан, «этот очаровательный мальчик», взвешивал на своих весах ювелира изумруды и рубины, беря их кончиком пинцета. Его хорошо знали в зловонных застенках зиндана и уважали в лагере рабов, где он многократно бывал. Деятельный и предприимчивый Савари сумел сблизить интересы сообщников, уравновесить стремления и способствовать возникновению нерушимой преданности. Он свел Пиччинино-венецианца с законным тестем Кайана, с тем самым Байдораном, что был в такой милости у Мулея Исмаила, который постоянно советовался с ним. Байдоран был главным поставщиком для снаряжения всех его военных кампаний.

Араб по натуре непредусмотрителен, подвержен расточительным порывам своих страстей. Он не может обходиться без заимодавцев и менял. Мусульманский город не мог бы существовать, не будь рядом другого поселения, ненавидимого, как опухоль: меллаха, неисчерпаемого источника провианта и наличных денег, хотя его простому люду ежечасно грозили голод

и разорение. Можно лишь гадать, каким чудом уживались в одних стенах стрекоза и муравей.

Араб знал: мир принадлежит ему. Победы и грабежи пополнят его сундуки, когда они опустеют. Еврей не мог надеяться ни на что, кроме проницательного разума и бережливости в ожидании прихода черного дня. Отсюда его способность предвидения, бесконечного предвидения. Примитивному обмену товаров, практикуемому в торговле африканцами, он противопоставлял знание биржевых курсов и благодаря постоянным разъездам был осведомлен о колебании цен на рынках всего света.

Между двумя этими мирами, столь несхожими, но крепко спаянными необходимостью, шла глухая напряженная борьба, страшное и неизбежное столкновение двух природных сил. Драмы назревали постепенно. Однажды происходил взрыв. Мусульмане с саблями врывались в меллах. Сила булата побеждала силу злата... и все начиналось сначала.

Еврею было небезопасно оказаться при наступлении темноты в арабском городе. Однако и мусульманину не стоило задерживаться допоздна в меллахе.

***

Семь сбежавших христиан, укрывшихся там, были ограждены от преследования непроницаемой стеной этой многовековой вражды. Евреи Мекнеса хорошо понимали их положение, ведь с ними происходило нечто подобное. Один или два раза за поколение их вырезали, но потом они одерживали верх, ибо в их руках были сосредоточены крупнейшие состояния города. Сам Мулей Исмаил был связан запутанными нитями различных долговых обязательств. Поэтому им казалось, что они все могут себе позволить, вплоть до такого безумства, как укрытие беглых рабов. Этот поступок наполнял их души огромным тайным удовлетворением. Его испытывал такой значительный

человек, как Самуил Байдоран, когда шел во дворец и падал ниц перед султаном, трясущимся от бешенства, с пеной на губах выслушивающим доклад об исчезновении Колена Патюреля и его товарищей.

Но он разослал погоню во все стороны. Их приведут в цепях, они погибнут от страшных пыток! Самуил Байдоран поглаживал свою длинную бороду, почтительно кивая:

— Ты правильно поступишь, государь. Мне понятен твой гнев.

Мулей Исмаил умел угадывать чужие мысли, его проницательность была почти сверхчеловеческой. Но он знал, что никогда не сумеет проникнуть в помыслы этого еврея, которому был обязан своим богатством его отец Мулей Арши.

Это смущало его, рождало затаенный гнев, который рос в глубине его бурной, смятенной души, как семя будущей трагедии. «Придет день... — клялся он, глядя на глухие стены меллаха, — погодите, придет день!»

В жилище Самуила Кайана для беглецов медленно и тяжело протекли трое суток. Вечером второго дня возникла суматоха: узкая улочка была потревожена конским топотом, по ней бешено пронеслись всадники. Жена Самуила Рахиль, взглянув через красную решетку, прошептала на полуфранцузском — полуарабском жаргоне:

— Это султанские стражники, два негра. Они направляются к Иакову и Аарону, засольщикам голов.

Посланцы Мулея Исмаила и впрямь явились предупредить этих двух известных мастеров своего дела, чтобы приготовили бочки с рассолом. Султан, взбешенный побегом рабов, собственноручно отрубил головы более чем двадцати стражникам. И остановился лишь потому, что обессилел. Головы казненных будут выставлены на перекрестках города, но сначала Иаков и Аарон, или кто-либо из их собратьев по ремеслу

должны их засолить. Это низменное занятие было уделом исключительно евреев. Отсюда и произошло название их квартала, где совершался нечистый обряд соления «меллах», от слова «мелл» — соль.

Пришел сосед, шепнув, что есть новости. Солдаты, посланные по следам беглецов, еще не возвратились. Ясно, что они боятся вернуться несолоно хлебавши. По всей видимости, слух о бегстве рабыни из гарема и убийстве Верховного евнуха пока не слишком распространился. Когда Мулей Исмаил и об этом узнает, кто вообразит его гнев!.. Что ж, будет новая работа для Иакова и Аарона.

Анжелика проводила эти дни с еврейками в разноцветных платьях, обвешанными украшениями из чистого золота, словно иконы в роскошных окладах. Зеленый, алый, оранжевый и лимонный цвета их нарядов, их полосатые шали подчеркивали блеск черных глаз и очарование лиц цвета янтаря, светящихся подобно драгоценностям. Рядом со своими мужчинами с их черными сюртуками и повадками тощих котов они блистали богатством, как и дети, изумительно красивые, изящные и тоже в одеждах всех цветов. Здесь была Ребекка — мать, были дочери Рахиль и Руфь, сноха Агарь и маленькие Иоас, Иосиф и прелестная куколка Абигель. Они делились с Анжеликой мацей, рисом с шафраном, португальской треской и солеными огурцами. Но треска и огурцы не имели успеха. Внимание Анжелики было приковано к уличным шумам, она вздрагивала от чужих голосов, от грохота повозки, везущей головы. Ее продвижение сопровождалось гортанными выкриками: «Белек! Белек! Фисса!»^[9], ибо стражники не любили задерживаться в меллахе. Наконец, они уезжали, чтобы вернуться завтра, с другими головами...

Рахиль ободряюще улыбалась, кладя свою руку на руку беглой рабыни султана.

«Зачем эти мужчины и женщины подвергают себя такой опасности?» — спрашивала себя Анжелика. Ведь меч, занесенный над ее головой, теперь навис и над всем еврейским кварталом. Над черной ермолкой мирного ювелира, над кудрявой головкой двухлетней Абигель, уснувшей на материнских коленях...

— Все хорошо! — говорила Рахиль.

Этим почти исчерпывался ее запас французских слов. Но когда она их произносила, живой блеск глаз и тонкая улыбка напоминали Анжелике, что эта женщина — дочь Савари. У Анжелики не было времени оплакать старого друга. Она замечала, что все еще ждет его. Трудно было представить себя на дорогах без него, неутомимо семенящего рядом, раздающего советы и вынюхивающего в воздухе «аромат дальних странствий».

— Будь проклят Мулей Исмаил! — вскричала она по-арабски.

— Проклят! Стократно проклят! — отвечали ей молитвенным шепотом евреи.

На второй вечер ремесленник Кавайак привел с собой еще одного пленника, кавалера Мальтийского ордена господина де Мерикура. Они рассказали, что весь город живет под гнетом разразившейся бури. Наконец открылась немыслимая, скандальная истина: из гарема султана сбежала пленница! Обнаружили труп убитого Верховного евнуха. Что сказал, что сделал Мулей Исмаил? Он простерся ничком, лбом к земле:

— У меня были лишь два близких сердцу друга, — повторял он. — Осман Ферраджи и Колен-нормандец. В один день я потерял их обоих!

О женщине он не говорил. Стыдливость араба противилась этому. Но никто не сомневался, что пробуждение от горя будет ужасным. Какие

злодейства, какая резня смогут облегчить отчаяние этой странной души?..

— Необходимо задержаться еще на один день, — сказал Колен Патюрель.

У остальных при этом заявлении лбы покрылись потом. Они больше не могли часами ждать в тишине меллаха. Мулей Исмаил в конце концов и через стены почует их присутствие.

— Еще один-единственный день, — повторил нормандец своим уверенным голосом.

И спокойствие вернулось к ним. Хладнокровие Колена Патюреля, казалось, в силах отвести опасные флюиды так же, как исключительное самообладание Байдорана обманывает чутье кровожадного деспота.

Беглецов искали на дорогах вдоль реки по направлению к Мазаграну. Султан послал нарочных предупредить местных шейхов, что если преступники не будут в ближайшее время задержаны, то те сами поплатятся головой.

Однажды Анжелика услышала беседу короля пленников с господином де Мерикуром. Этому человеку лет пятидесяти было поручено после побега Колена Патюреля поддерживать среди пленников порядок и справедливость, улаживать споры.

— Ты можешь рассчитывать на такого-то, — говорил Колен Патюрель, — а такого-то опасайся. Избегай стычек православных с католиками, следи, чтобы они не оказывались вместе.

Затем Кавайак и господин де Мерикур удалились, спеша вернуться в лагерь рабов. Хотя они и были посланы в еврейский квартал с поручением, не следовало вызывать подозрение слишком долгим отсутствием. Они пообещали прийти с последними новостями в день предполагаемого ухода беглецов.

***

Еще одни сутки миновали. На утро следующего дня, когда Анжелика осталась одна в комнате на женской половине, к ней явился один из будущих спутников, маркиз де Кермев. Он попросил кружку горячей воды, объяснив, что хочет воспользоваться вынужденным бездействием, чтобы побриться. За шесть лет рабства это ему удавалось так редко! Да и то приходилось пользоваться осколком бутылки...

— Вы должны быть счастливы, дорогое дитя, что избавлены от подобных забот, — сказал он, касаясь пальцем ее щеки. — Боже, какая нежная кожа!

Анжелика попросила маркиза держать кружку двумя руками, чтобы не обвариться, пока она наливает кипящую воду.

Бретонский дворянин смотрел на нее с восхищением.

— Что за наслаждение созерцать наконец такую хорошенькую французскую мордашку! Ах, моя красавица! Как я сожалею, что представляюсь вам в таком жалком обличье. Но терпение! Когда мы будем в Париже, я закажу себе длинный камзол из красного атласа. Он преследует в мечтах такого бедного пленника, как я.

Анжелика расхохоталась.

— Ах, сударь! Давненько наши модники не носят подобных камзолов.

— А-а-а... Но что же носят?

— Узкие панталоны чуть ниже колен, а камзол вот до сих пор, сильно присборенный.

— Объясните получше! — взмолился маркиз, присаживаясь подле нее на диванные подушки.

Она любезно рассказала ему о модных фасонах. В парике он был бы похож на герцога де Лозена. Ныне же он походил на Лозена в рубахе каторжника, чей хребет хорошо знаком с ударами палок.

— Дайте мне вашу руку, милочка, — сказал он вдруг.

Она послушалась, и маркиз поцеловал ей руку. Затем с удивлением посмотрел на молодую женщину.

— Но вы бывали при дворе, в этом нет сомнения! — воскликнул он. — Надо тысячу раз подать руку для поцелуя в Главной галерее, чтобы усвоить этот жест, придать ему столько легкости и изящества. Держу пари, что вы были представлены королю! Не правда ли?

— Какое это имеет значение, сударь?

— Загадочная красавица, как же вас зовут? Кто вы? По какому странному случаю попали в руки этих разбойников?

— А вы сами, сударь?

— Маркиз!..

Голос Колена Патюреля прервал их. Гигант стоял на пороге комнаты, всматриваясь в полумрак. Взгляд его голубых глаз из-под густых бровей был язвительен.

— Да, Ваше величество, — откликнулся Кермев.

В его голосе не было иронии. Пленники привыкли так величать нормандца за годы, в течение которых он наводил порядок в их разношерстном свирепом мирке. Одни произносили это обращение восторженно, другие с опаской, но всем оно было привычно. Они нуждались в руководстве и поддержке, и одному Богу известно, каким смелым заступником своих пленных собратьев был Колен Патюрель. Он добился создания лазарета, где лечили больных рабов, потребовал для невольников лучшего питания, вина и табаку, перерыва в работе в дни четырех великих христианских праздников... И он же вырвал у султана согласие на приезд святых отцов, «братии на ослятах»... Хотя их миссия вышла не слишком удачной, это посещение оставляло надежду на дальнейшие переговоры. Маркиз де Кермев искренне восхищался Коленом Патюрелем и испытывал странное удовольствие, повинувшись ему, ибо находил, что вождь умен, а за время службы офицером королевского флота он успел повидать начальников, о которых никто бы

этого не сказал. Молодой двадцатидвухлетний лейтенант, попав в плен, «служил» с тех пор под началом Колена как личный его страж. Прирожденный бретер, он владел шпагой и рапирой, как никто другой на всей каторге. Колен добился для него права на ношение шпаги при одежде раба. И вот, узнав, что вождь решился предпринять побег, маркиз охотно присоединился к нему. Таким образом, Колен-нормандец пускался в это опасное путешествие со всем своим штабом.

Обернувшись в соседнюю комнату, он крикнул:

— Друзья, идите сюда!

Пленники вошли и выстроились перед Коленом. Кермев присоединился к ним.

— ...Завтра вечером мы уходим. Позже я дам последние распоряжения, но прежде есть еще одна вещь, о которой я хотел бы сказать. Мы отправляемся всемером, шесть мужчин... и одна женщина. Эта женщина скорее помеха для нас в пути, но она вполне заслужила, чтобы ей помогли вернуть себе свободу. Только запомните: если мы хотим добраться домой живыми, нам нельзя ссориться. И без того нас вскоре ожидают голод и жажда, солнце пустыни, страх. Пусть же, по крайней мере, между нами не будет вражды. Не будет ненависти, происходящей от вождения всех — к одной... Ну, надеюсь, вы меня поняли. Обойдемся без этого, друзья, иначе мы пропали! Эта женщина, — сказал он, указывая пальцем на Анжелику, — не может принадлежать никому из нас... Она пытается судьбу на тех же условиях, что и мы, и баста. В наших глазах она должна быть не женщиной, а товарищем. Первого же, кто будет заподозрен в ухаживании или в неуважении к ней, я поправлю. И вы знаете как, — прибавил он, показывая два узловатых кулака. — Если же это повторится, мы будем судить его нашим судом и он

послужит пищей грифам, пожирателям падали в пустыне...

«Как он хорошо говорит! И как он суров!» — подумала Анжелика.

Ей столько раз случалось наблюдать за ним через амбразуру, что она знала его лучше, чем он ее. Она как бы привыкла к нему, но теперь, находясь рядом, покрывалась гусиной кожей, пугаясь вида черных шрамов от ожогов на его ногах и руках, полузаживших ран от цепей на запястьях и щиколотках и особенно тех, что волновали ее больше всего: глубоких следов от гвоздей на ладонях. Ему еще не было сорока, но виски серебрились — единственный предательский знак испытаний, перенесенных этим могучим характером.

— Вы согласны? — спросил он, дав им несколько мгновений на размышление.

— Согласны, — ответили они хором.

Однако маркиз счел нужным уточнить:

— Только до той поры, пока не достигнем христианской земли.

— Это само собой, чертяка! — воскликнул Колен весело, хлопнув маркиза по плечу. — Потом каждый за себя, да здравствует свобода! Все будем свободны. Ах, друзья! Как мы разгуляемся на воле!

— Я буду три дня есть, — сказал Жан-Жан-парижанин, — пока глаза на лоб не полезут.

Они вышли, наперебой сообщая друг другу, что сделают в первые часы, когда окажутся под защитой португальцев за стенами Мазаграна или под испанским покровительством в Сеуте.

Колен Патюрель остался. Он подошел к Анжелике.

— Вы слышали, что я сказал? Вы тоже согласны?

— Конечно. И благодарю вас за это, сударь.

— Я заботился не только о вас — о нас тоже. Кто держит яблоко раздора с тех пор, как мир существует? Женщина! Как говаривал мой кюре в Сен-Валери-ан-Ко:

«Женщина — пламя, мужчина — пакля, а дьявол — ветер». Я не хотел вас брать. Мы пошли на это только из-за старого Савари. Евреи, даже за деньги, не соглашались помогать без этого. Они очень скрытные, но уж если примут кого-нибудь, так держат за своего. Так и вышло с Савари. Его приняли, значит, надо исполнить его последнюю волю... Да я и сам этого хочу. Я его любил... Замечательный старикан, ничего не скажешь. А сколько он всего знал!.. В сотни, в тысячи раз больше, чем мы все вместе взятые! Вот почему вы с нами. Но и вас я должен попросить знать свое место. Вы женщина, причем опытная. Это заметно по вашей манере держаться с мужчинами. Так уж не забывайте, что эти парни годами не видели женщины. Не стоит напоминать им раньше времени, что это такое... Держитесь в сторонке, а лицо скройте покрывалом на манер мавританок. Не такой уж это глупый обычай... Понятно?

Анжелика была задета. Она вполне признавала, что по существу он прав, но ей не понравился тон, каким он говорил с ней. Уж не воображает ли он, что она находит их настолько привлекательными, этих бородатых, обтрепанных, бледных и вонючих христиан? Да она бы за все сокровища мира не соблазнилась никем из них! И если ее просят держаться на расстоянии, она сделает это более чем охотно.

Она ответила с легкой иронией:

— Слушаюсь, Ваше величество.

Нормандец сощурил глаза:

— Не стоит так называть меня, крошка. Я отрекся от престола и уступил мою корону господину де Мерикуру. Отныне я просто Колен Патюрель, моряк из Сен-Валериан-Ко. А ты? Как тебя звать?

— Анжелика.

Улыбка осветила угрюмое лицо короля пленников, и он внимательнее взгляделся в ее лицо.

— Анжелика? То бишь ангелочек? Ну, такое имя оправдать не просто. Ты уж постарайся.

Вскоре возвратился господин де Мерикур.

— По-моему, благоприятный момент наступил, — объявил он. — Стало известно — уже не знаю, что тут, счастливое совпадение или чьи-то враки — что беглецов видели на дороге, ведущей на Санта-Крус. Сейчас все внимание преследователи устремлено туда. Пора действовать!

Колен Патюрель вдруг принялся чесать в затылке, отчего вся его светлая шевелюра встала дыбом. Суровые черты нормандца выразили глубокое смятение:

— Я сейчас подумал... имею ли я право? О сударь! Как вспомню об этих бедолагах, которых я теперь покидаю в беде, в рабстве...

— Не упрекай себя, брат, — мягко возразил господин де Мерикур. — Ты должен бежать, сейчас самое время. А с твоими товарищами ты все равно расстанешься. Если не поспешишь, вас разлучит смерть.

— Как только я достигну христианских земель, — промолвил нормандец, — я дам знать о твоей судьбе на Мальту, рыцарям твоего ордена. Они выкупят тебя!

— Не стоит труда, дружище. Это бесполезно.

— Что ты говоришь!

— Я не хочу покидать Мекнес. Ведь я монах, духовный пастырь. Я знаю, что мое место здесь, среди единоверцев, страждущих в плену у неверных.

— Ты кончишь тем, что попадешь на кол!

— Возможно. Орден учит нас, что для рыцаря мученическая смерть — самый достойный удел. А теперь прощай, мой дорогой друг, брат мой...

— Прощайте, господин рыцарь.

Мужчины обнялись. Потом кавалер де Мерикур, по очереди заключил в объятия всех шестерых пленников, этих отчаянных храбрецов, что рискнули предпринять столь опасную авантюру. Глядя в глаза каждому, он

тихо называл их по имени, словно хотел, чтобы эти имена навек запечатлелись в его сердце:

— Пиччинино-венецианец, Жан-Жан-парижанин, Франсис-арлезианец, маркиз де Кермев, Колоэнс-фламандец, Жак д'Аррастега.

Когда же дошел черед до Анжелики, он низко поклонился ей. И не произнес ни слова.

Потом они вышли на ночную улицу, и тьма поглотила их.

Глава 2

Собираюсь в дорогу, беглецы закрыли нижнюю часть лица бурками. Все были одеты в мавританское платье, лица выбриты и выкрашены коричневой краской. Только рыжий Жан-Жан-парижанин был в черной еврейской одежде. Анжелика, до самых глаз закутанная в покрывала, благословляла ревнивую щепетильность мавров, позволявшую замаскироваться подобным образом.

— И держите глаза опущенными, — посоветовал ей Колен Патюрель. — Мавританок с глазами вроде ваших не встретишь на каждом углу!

Он не сказал ей, что Мулей Исмаил отдал специальный приказ искать «женщину с зелеными глазами». Впрочем, и собственная внешность нормандца — голубые глаза и высоченная фигура — затрудняла маскировку. Было известно, что во всем Марокко лишь двое мужчин обладают внушительным ростом в шесть футов и двенадцать дюймов: Верховный евнух и Колен Патюрель, король пленников. Поэтому он решил выдавать себя за торговца, везущего товар, путешествуя на верблюде. Анжелика в роли жены следовала за ним на муле. Другие изображали слуг, а Жан-Жан-парижанин, как еврей-управляющий, шел пешком, неся копья, луки и стрелы — обычное вооружение маленького каравана во времена, когда мушкеты были редки и предназначались лишь правителю и его армии.

В ночной темноте, при свете единственного фонаря, каждый занял свое место. Байдоран шепотом давал последние наставления. В окрестностях Феца, у ручья Себон, их будет ждать его брат Раби. Он позволит им отдохнуть в своем доме и даст надежного проводника

до Касауена, где перепоручит их верному человеку, торговцу, дела которого позволяют ему часто бывать в Сеуте. Он поможет беглецам благополучно миновать лагерь мавров, осаждающих город, потом спрячет их среди скал и предупредит губернатора Сеуты, а тот пошлет за ними баркасы или отряд солдат. Он также посоветовал не забывать о подобающей мусульманам манере поведения: по двадцать раз на дню падать ниц, обратившись в сторону Мекки, и, главное, исполняя естественную надобность, «не лить стоя», поскольку для тех, кто увидит их издали, этого будет достаточно, чтобы опознать в них христиан.

Маленькие эти детали и впрямь имели огромное значение.

По счастью, все беглецы-мужчины великолепно говорили по-арабски и знали обычаи. Анжелика же, как мавританская женщина, должна была молчать.

...Верблюд старательно вышагивал, двигаясь резкими толчками в полной тишине. Они пробирались узкими коридорами ночных улиц.

«Если бы ночь могла длиться вечно», — думала Анжелика.

Порыв похолодевшего ветра донес запах горького дыма. Она разглядела, что слепые стены еврейского квартала сменились бамбуковыми и тростниковыми хижинами. Двери их были растворены, в них мерцали огоньки очагов, дым от которых выходил через листву крыш. Собаки начали лаять на проходивших. Нужно было пройти мимо двух или трех тысяч лачуг черной охраны Мулей Исмаила, которые образовали здесь нечто вроде пригорода.

Раздались хриплые голоса, и к беглецам двинулись тени. Однако света никто не зажигал: чернокожие легко обходились без освещения. Жан-Жан-парижанин объяснил, что его хозяин, Мохаммед Рашид, торговец из Феца, возвращаясь домой, едет ночью, чтобы избежать

палящих лучей солнца. Маленький храбрый грамотей так ловко, вплоть до акцента, изображал еврея, что негры легко поверили ему.

Верблюд шел безнадежно медленно, лающие псы следовали по пятам. А кругом лачуги... бесконечные лачуги... и резкий запах коровяка, сушеной рыбы и растительного масла.

Пройдя первое опасное место, они оказались на наезженной дороге и шли по ней остаток ночи. Анжелика с беспокойством следила за светлеющим небом, принимавшим зеленые, розовые и перламутровые оттенки. Заря разгоралась. То тут, то там встречались оливковые деревья, однако чувствовалось приближение пустыни. На повороте дороги показались хижина и сарай. Анжелика не смела задавать вопросов. Тревога росла от того, что она не имела понятия, где они находятся, от невозможности предвидеть препятствия, которые ждали их в пути, обдумать условия успеха... По натуре деятельная, она плохо чувствовала себя в роли груза, перевозимого на муле. Если есть угроза беды или гибели, она, по крайней мере, хотела отдавать себе в этом отчет! Далеко ли этот Фец, где какой-то еврей им даст проводника? Заметил ли Колен Патюрель хижину? Когда на ее пороге появился араб, она с трудом сдержала крик. Араб пошел им навстречу. Колен Патюрель заставил верблюда опуститься на колени и сошел с него.

— Слезайте, милочка, — сказал Колоэнс Анжелике.

Она в свою очередь соскочила с мула. Всем были розданы мешки с провизией. Анжелике достался такой же тяжелый мешок, как всем. Маркиз де Кермев не мог не воспротивиться, проворчав в отворот бурнуса:

— Взваливать такую ношу на хрупкие женские плечи! Это меня коробит, Ваше величество!..

— А есть ли что-нибудь более подозрительное в глазах мусульманина, чем женщина, порхающая налегке среди мужчин, нагруженных, как ослы? — возразил Колен Патюрель. — Мы не должны позволять себе подобные промахи. За нами могут следить.

И он сам взвалил груз на плечи Анжелики.

— Придется нас извинить, малышка. Да и идти придется недолго. Спрячемся на день, а ночью тронемся.

Араб взял верблюда и мула под уздцы и завел их в сарай. Пиччинино отсчитал ему несколько монет, и беглецы двинулись по тропинке, вьющейся среди камней. Вскоре за небольшой возвышенностью показались заросли тростника у берегов реки.

— Мы спрячемся у болота, — объяснил Колен Патюрель. — Каждый выберет себе отдельное укрытие, чтобы не оставлять слишком много сломанного тростника. Ночью я крикну диким голубем, и мы соберемся на опушке леса. У каждого есть провизия и немного воды... До вечера...

Они разбрелись среди высоких шелковистых стеблей с острыми краями. Анжелике попалось место, где росло немного мха, и она прилегла на него. День будет длинным... Над болотом стояла удушливая жара; комары и другие насекомые беспрестанно кружились над ней. К счастью, ее многочисленные покрывала предохраняли от укусов. Она выпила немного воды и съела лепешку. Небо казалось раскаленным добела, длинные острые листья тростника отбрасывали черные тени.

Анжелика заснула. Проснувшись, услышала голоса. Видно, спутники ищут ее. А ведь вечер еще не наступил. Небо все так же слепило, подобно раскаленной стали. Внезапно в двух шагах от себя она увидела мужчину в белой джеллабе. Темное лицо было

повернуто в другую сторону, фигура до пояса скрыта тростником.

«Арлезианец или венецианец?» — подумала она, пытаясь рассмотреть этого человека.

Вот он чуть повернул голову. Она увидела лицо цвета хлебной горелой корки, не обязанное своей смуглотой коричневой краске. Это был мавр!

У Анжелики замерло сердце. Мавр, не замечая ее, продолжал разговор со своим спутником, скрытым от ее глаз.

— Тростник неважный, — говорил он, — много поломанного. Видно, какое-то животное бродило здесь. Пойдем на другой берег, а если там не лучше, вернемся.

Она услышала, как они удаляются, не веря еще своему счастью. И вдруг снова вся напряглась: другой голос раздался поблизости. Она его узнала. Это пел Франсис-арлезианец.

«Дурак! — подумала Анжелика в ярости. — Сейчас мавры услышат его и вернуться...» Она вновь замерла, боясь броситься к нему, чтобы заставить замолчать. Потом, видя, что все спокойно, решила тихонько пробраться к месту, где слышала пение неосторожного провансальца.

— Кто там идет? — спросил он. — Ах, это вы, очаровательная Анжелика!

Она вся дрожала от злости и возбуждения.

— Вы что, сумасшедший? Распеваετε здесь, а мавры как раз пришли резать тростник! Я видела двоих... Ведь это чудо, если они вас не услышали...

Веселый парень позеленел:

— Черт! Я об этом не подумал. Я вдруг почувствовал себя таким счастливым, впервые на свободе за восемь лет! Ну, и припомнил старые напевы родины. Вы думаете, они слышали?

— Будем надеяться, что нет. Только уж больше не шумите.

— Ну, если их только двое... — процедил сквозь зубы арлезианец.

Он достал из-за пояса нож, потрогал пальцем лезвие. Потом, зажав нож в кулаке, принялся мечтать:

— У меня суженая в Арле. Как думаете, она меня дожидается?

— Меня бы это удивило, — отвечала Анжелика сухо. — Восемь лет, это долго... Скорее всего у нее теперь целая куча ребятишек... от другого.

— Да? Вы так считаете? — протянул он разочарованно.

По крайней мере, теперь он не запоет от переполняющей его сердце радости. Они замолчали, прислушиваясь к шороху тростника. Анжелика взглянула вверх и сдержала вздох облегчения. Небо, наконец, порозовело. Скоро вечер, а там и ночь-сообщница наступит, чтобы вести их по своим звездам.

— Куда мы, собственно, идем? — спросила она.

— На юг.

— Как вы сказали?

— Это единственное направление, по которому Мулей Исмаил не станет разыскивать нас. Какие рабы-северяне побегут на юг, в пустыню?.. Мы потом свернем на восток, а там и к северу, обойдем Фец, и уж после с проводником проберемся к Сеуте или Мельвилю. Конечно, все это удлиняет путь, зато уменьшает опасность. Мышь хитрит с котом. Пока он нас подстерегает на севере или западе, мы на юге и востоке. А когда мы пойдем в нужном направлении, ему, Бог даст, уже наскучит гоняться за нами. Во всяком случае те, кто выбирал прямую дорогу, никогда не достигали цели. Значит, стоит попытаться сделать наоборот... Не надо забывать, что старейшины селений головой отвечают за нашу поимку. И я вас уверяю, что службу они свою знают... Даже собак натаскали для розыска беглых христиан...

— Тихо! — перебила его Анжелика. — Вы слышали зов?

Глава 3

Наползла фиолетовая темнота, пропитанная болотными испарениями. Несколько раз проворковала дикая горлица. Со всяческими предосторожностями беглецы выбрались из своих тайников, в молчании проверили, все ли на месте, и тронулись в путь.

Шли всю ночь, то лесом, то по обширным каменистым пространствам, где было трудно не заблудиться. Стараясь избегать селений, прислушивались к пению петухов и лаю собак, чтобы вовремя отойти подальше. Ночи стали холодней, но некоторые мавры ночевали в полях, охраняя неубранный урожай. Нюх Пиччинино-венецианца улавливал самый слабый запах дыма, а тонкий слух маркиза де Кермева — любой подозрительный шум. Он часто прикладывал ухо к земле. Один раз им пришлось укрыться в зарослях, пропуская двух всадников, по счастью, ехавших без собак.

Поутру они спрятались в лесу и провели там целый день. Запас воды кончился, жажда уже мучила их. Пустились на поиски и по кваканью лягушки нашли в лесу болотце с гниющей водой, кишевшей насекомыми. Все напились, процедив эту мутную жидкость через кусок полотна. Потом Анжелика прилегла отдохнуть неподалеку от собравшихся вместе мужчин. Ей грезилось купание султанш в прозрачной воде, пахнувшей розами, вспоминались заботы предупредительных служанок. Ах, выкупаться бы, освободиться от этих пропотевших тряпок, так противно липнущих к коже. А этот мучитель Колен Патюрель еще заставляет закрывать покрывалом лицо.

Анжелика погрузилась в раздумья о грустной доле мусульманских женщин из бедных слоев. Наконец она

поняла, что попасть в гарем, в эту роскошную обстановку, было для них верхом удачи, как в случае с Фатимой. В довершение всего ее терзал голод. Желудок, привыкший к сдобе и сладостям, не хотел смириться, получая изо дня в день лишь лепешку из грубой муки.

Пленники страдали меньше нее. Их обычная пища на каторге мало отличалась от этого рациона. Они усвоили от своих владельцев-арабов умеренность — дар жителей пустыни, способных существовать, съедая за день горсть разведенной в ладони ячменной муки и три финика.

Анжелика слушала их беседу.

— Помнишь тот день, — говорил Жак д'Аррастега, — когда ты заставил пашу Ибрагима, приехавшего в Сале, съесть кусок нашего гнилого хлеба? Турок делал вид, что упрекает Мулея Исмаила. Сколько болтовни было по этому поводу!

— Чуть не разразилась война между Великой Портой и марокканским царством, и все из-за рабов.

— Турки против этих людей ничего не могут, — заметил Колен Патюрель. — Вот и выходит, что вся их необъятная империя боится нашего фанатика Исмаила. Кто знает, может, он способен подмять даже Константинополь?

— Ну, тебе это не помешало вытребовать у него еду и выпивку для нас.

— Я ему объяснил, что христиане не могут работать, получая только воду. А раз он хотел, чтобы его мечеть была быстро достроена...

Анжелика услышала, как все рассмеялись. «Еще вопрос, — думала она, — будут ли у этих людей лучшие воспоминания, чем о времени их плена у берберийцев?»

***

С наступлением вечера они выступили в путь. Появилась луна, серебряный пряник среди звезд. В

середине ночи они подошли к деревушке. Когда донесся лай собак, Колен Патюрель приказал остановиться.

— Надо пройти здесь, иначе мы заблудимся. Обойдем лесом слева, — предложил маркиз де Кермев.

Посоветовавшись, они вошли в лес. Но тот оказался настолько густым, что путникам не удалось продраться сквозь колючие заросли. Не одолев и полулье, с окровавленными руками и разодранной одеждой, они вынуждены были повернуть назад, Анжелика потеряла сандалию, но не осмеливалась сказать об этом. Беглецы подошли к селению. Нужно было набраться храбрости...

— Вперед! — скомандовал Колен Патюрель. — И да поможет нам Бог!

Быстро и бесшумно, подобно привидениям, они устремились в узкие улочки между глинобитными хижинами. Собаки затаивались, но никто из жителей не показывался. Лишь у последних домов вышел человек и закричал на них. Колен Патюрель ответил ему, не останавливаясь, что они идут к предсказателю, известному своими чудесами. Его зовут Адур Смали, он живет в одном лье от этих мест. Им надо торопиться, так как он велел прийти до восхода солнца, иначе его чары могут потерять силы.

Мавр отстал, видимо удовлетворившись таким объяснением.

Пройдя опасное место, пленники поспешили свернуть на другую дорогу. Они боялись, что жители деревни, опомнившись, начнут преследование. Но обитатели здешних мест не привыкли к тому, что сбежавшие рабы тащились на юг, а их собаки не были обучены охоте на людей.

Только при первых лучах зари они позволили себе остановиться. Анжелика рухнула без сил. Она шла, гонимая страхом, как бы в некоем беспомыслии, но

теперь почувствовала, что босая нога, изодранная об острые камни дороги, болит нестерпимо.

— Что-нибудь не так, малышка? — спросил Колен Патюрель.

— Я потеряла сандалию, — призналась она, чуть не плача.

Ведь это была катастрофа... Нормандец не выказал беспокойства. Положив свой мешок на землю, он извлек оттуда пару женских сандалий.

— Я попросил Рахиль, жену Самуила, дать мне их для вас. Надо было предвидеть подобный случай. Мы-то, по крайности, смогли бы идти босиком, но вам следует побережться.

С пузырьком и тряпочкой в руке он опустился перед ней на колени и смазал бальзамом раны.

— Что ж вы раньше не предупредили, — спросил он, — вместо того, чтобы доводить ногу до такого состояния?

— Нужно было пройти деревню. Я ничего не чувствовала. Мне было так страшно!

В огромной руке нормандца больная нога казалась нежной и хрупкой. Он забинтовал ее, подложив корпию, затем поднял на Анжелику внимательные голубые глаза:

— Вам было страшно и вы все же шли? Это славно. Вы хороший спутник.

Немного погодя, размышляя об этом, она сказала себе: «Я понимаю, почему его прозвали Королем. Он внушает страх и вместе с тем ободряет».

Анжелика была уверена, что Колен Патюрель непобедим. Под его покровительством она достигнет христианской земли. Увидит конец этого пути, какие бы страдания ни пришлось еще пережить. Враждебность природы, дикий и злобный народ, населяющий этот край, опасность, подстерегающая их ежеминутно, словно канатоходца, идущего над пропастью, — все

пройдет. Она вдохнет воздух свободы. Сила Колена Патюреля одолеет все.

Она уснула, прячась за раскаленными камнями, прижавшись лицом к земле в поисках недостижимой прохлады. Близость пустыни все отчетливее чувствовалась в этом огромном пространстве, где еще попадались редкие пальмы, но не было видно ни одного источника. В низинах светились лишь большие пятна солончаков на месте высохших водоемов, куски белоснежной соли.

Колен Патюрель запасся ими и сложил в мешок на случай пиршества, если попадется дичь, когда они продвинуется к северу. Они будут убивать газелей и кабанов, жарить их на большом костре, натерев солью и дикими пряностями, и наедаться до отвала, запивая жаркое прохладной водой из ручья. Боже! Где она, эта чистая вода? От жажды язык прилипал к гортани.

Анжелику разбудили жажда и боль в щеке, опаленной солнцем: во сне сползло покрывало. Ее кожа, должно быть, стала красной, как у вареного рака. До нее не дотронуться, так болезнен ожог. Позади камня, за которым она пряталась, раздавались глухие удары. Это Колен Патюрель, безразличный к жажде и усталости, воспользовался остановкой, чтобы заняться физической работой. Он вырвал небольшое дерево, обрубил и отполировал, сделав из него огромную палицу, которую сила его превращала в грозное оружие. Теперь он испытывал дубину на прочность, колотя ею по скале.

— Вот штукавина, вполне стоящая шпаги господина де Кермева! — торжественно заявил он. — Конечно, никто ловчее его не умеет проткнуть кому-нибудь пузо. Но и моя дубина сгодится, если понадобится вбить в голову мавра праведные мысли!

Сумерки набросили на окрестные холмы свою подсвеченную солнцем вуаль. Беглецы угрюмо

смотрели на вершины этих холмов, которые в лучах заката выглядели еще более бесплодными. Долины обволакивал синий бархат, и казалось, будто в них светится вода.

— Колен, мы хотим пить!..

— Потерпите, друзья! В горах, которые мы будем переходить, есть глубокие расщелины. Там в тени бьют горные ключи. До завтрашнего вечера мы отыщем, чем утолить жажду.

Колен раздал каждому по кусочку ореха, что растет в сердце Африки. Такие орешки любили жевать черные воины Мулея Исмаила во время длительных переходов. На вкус этот орех горек, но его надо как можно дольше держать во рту: он придает сил и успокаивает приступы голода и жажды.

Как только стемнело, они пустились в путь. Вскоре началось восхождение через скалы, затрудненное почти полной темнотой. Лунного света не хватало, чтобы выбрать более удобную тропку. То и дело приходилось втаскивать друг друга за руку на каменную площадку. Они продвигались крайне медленно. Камни сыпались из-под ног. Было слышно, как они катятся, и звонкое эхо отзывалось при их падении на дно глубокой пропасти. Воздух стал ледяным, он высушил пот на их лбах, заставляя дрожать под влажной одеждой. Колен, который шел первым, был вынужден снова и снова высекать огонь, чтобы осветить дорогу. Это было опасно. Арабы могли заметить огонек в сердце неприступных скал и заинтересоваться, откуда он взялся.

Анжелика шла, дивясь собственной выносливости, которой, вне всякого сомнения, была обязана благодатному действию ореха колы. Белые бурнусы ее спутников виднелись на склоне горы, и она радовалась, что не слишком отстает от них. Вдруг послышался шум обвала, что-то во мраке пронеслось мимо, затем

раздались нечеловеческий крик и эхо глухого удара из глубины ущелья. Взобравшись на скалистый гребень, Анжелика не осмеливалась двинуться ни взад, ни вперед.

Раздался голос баска:

— Патюрель, кто-то сорвался!

— Кто?

— Я не знаю.

— Малышка?

Анжелика была не в состоянии издать ни единого звука — так у нее стучали зубы.

— Анжелика? — вскричал вожак, уверенный, что разбилась именно она, неопытная молодая женщина. Какая же он скотина, не подумал ее поручить Колоэнсу, ловкому, как старый козел! Они бросили ее одну выпутываться, и вот теперь...

— Анжелика! — гремел он, будто раскаты его голоса могли спугнуть беду.

И чудо свершилось.

— Я здесь, — наконец сумела произнести она.

— Хорошо. Не шевелитесь. Жак-баск?..

— Здесь.

— Жан-Жан-парижанин?

— Здесь!

— Франсис-арлезианец?.. Пиччинино?..

— Здесь!

— Маркиз? Колоэнс?..

— Мы здесь...

— Значит, это арлезианец, — сказал Колен Патюрель, осторожно спускаясь к ним.

Они собрались, обсудили причины несчастья. Арлезианец должен был находиться чуть выше Анжелики. Она рассказала, что слышала, как он, оступившись, скатился по камням, а потом после хриплого крика и мгновения тишины — глухой стук тела, разбившегося о дно пропасти.

— Надо дожждаться дня, — решил нормандец.

И они ждали, трясаясь от холода, устав от неудобного положения в выемках скал. Рассвет наступил быстро, очень ясный и солнечный. Выступили рыжие горы на фоне лимонно-желтого неба, в котором парил орел с огромными крыльями. Против восходящего солнца зловещая птица казалась прекрасной, словно герб Священной империи, выбитый на бронзе. Осторожно, кругами хищник спускался ко дну ущелья.

Колен Патюрель следил за его величественным полетом.

— Значит, это там, — сквозь зубы пробормотал он.

С первыми лучами он так внимательно оглядел всех, будто еще надеялся увидеть черные глаза и волнистую бороду Франсиса. Но веселый провансалец исчез...

Они наконец разглядели его на дне пропасти — белое пятно среди черных острых скал.

— А если он только ранен?..

— Кермев, передай мне веревку!

Веревка была крепко привязана к скале, и Колен Патюрель обвязался другим концом. Он действовал с ловкостью моряка, чьи пальцы привыкли вязать узлы, вечно имея дело с канатами и снастями. Перед спуском он еще раз всмотрелся в грозный полет орла.

— Дайте-ка мне мою дубину!

Он засунул ее за пояс. Ее вес мог затруднить спуск, но он весьма сноровисто управлялся с этим. Склонившись над пропастью, его спутники, затаив дыхание, следили за каждым движением своего предводителя. Вот он достиг выступа, где лежало тело, склонился над ним и перевернул на спину. Затем они увидели, как он провел ладонью по лицу Франсиса и перекрестился.

— Франсис!.. Ох, Франсис! — горестно прошептал Жан-Жан-парижанин.

Они знали, что исчезнет с ним. Немеркнущие воспоминания трудов и пыток, надежд и смеха в проклятом аду неволи. И песни, что арлезианец распевал под звездным небом Африки, когда свежий ночной бриз раскачивал тени пальм над ними. Анжелика почувствовала глубину их общего горя. Ей захотелось пожать им руки, столько страдания проявилось на почерневших изможденных лицах.

— Колен, внимание! Орел!.. — внезапно заорал маркиз де Кермев.

Птица поднялась вверх, как бы отказываясь от добычи, а затем резко прочертила небо со скоростью молнии. Они услышали треск ее оперения, и громадные крылья заслонили от них Колена Патюреля. В первые мгновения они не могли разобраться, что происходит. А происходило сражение между человеком и птицей. Но вот беглецы вновь увидели короля пленников. Стоя на узком каменном уступе, он со страшной скоростью вращал в воздухе дубину. Его положение было шатким, но держался он с таким хладнокровием, как если бы позади было место для отступления. Он стоял на краю пропасти, а не прижавшись к скале, что стеснило бы движения. Малейший шаг или плохо рассчитанный бросок повергли бы его в бездну. Он отбивался яростно; орел, видимо, не ожидал такого сопротивления. Несколько раз он улетал. Его ушибленное крыло обвисло. И все же он возвращался, злобно выставив вперед когти. Наконец Колену Патюрелю удалось схватить его рукой за шею. Тогда, положив дубину, он выхватил нож и, перерезав хищнику горло, сбросил его в пропасть, куда царь воздушных пространств долго падал, кружась и теряя перья.

— Господи! Дева Мария! — пробормотал старый Колоэнс.

Все были бледны. По лицам катился пот.

— Ну как, парни, вы собираетесь вытащить меня? Чего вы ждете там, наверху?

— Да, да, Ваше величество. Сейчас!

Колен Патюрель поднял тело арлезианца, перекинув его через плечо. С этим добавочным весом подъем был долог и изнурителен. Когда его наконец втащили наверх, нормандец упал на колени, согнувшись и с трудом переводя дыхание; из его груди, изодранной когтями ужасной птицы, текла кровь, пропитывая клочья бурнуса.

— Конечно, можно было оставить его внизу, — выговорил он, задыхаясь. — Но я не посмел. Позволить, чтобы арлезианца клевали грифы? Он такого не заслужил...

— Ты прав, Колен. Мы похороним его по-христиански.

Пока они разгребали камни и старались своими ножами выкопать могилу, Анжелика подошла к Колену Патюрелю, сидящему на скале.

— Разрешите мне помочь вам, как вы помогли мне вчера вечером, Колен.

— Отказа не будет, подружка. Эта крылатая тварь серьезно отделала меня. Возьмите бутылку со спиртом в моем вещевом мешке и приступайте.

Он не моргнул глазом, пока она смачивала спиртом глубокие борозды на его груди, пропаханные стальными когтями. Прикасаясь к нему, Анжелика чувствовала, как растет ее уважение к этому человеку. Тот, кто сотворен подобным образом, делает честь своему Создателю.

Но Колен Патюрель уже не думал о битве с орлом. Он думал о Франсисе-арлезианце, и сердце у него болело куда сильнее, чем изодранная грудь.

Глава 4

Три дня бродили они среди пустынных раскаленных скал. Жажда становилась нестерпимой. От ночных переходов пришлось отказаться во избежание новых несчастий. Хотя люди редко забредали в эти места, на второй день им повстречались двое мавров, пасших овец в травянистом овраге среди скал. Пастухи подозрительно рассматривали кучку людей в лохмотьях, среди которых были женщина и еврей.

В ответ на их расспросы Колен Патюрель отвечал, что они держат путь в Мельджани. Мавры разразились хохотом. Кто же ходит в Мельджани через гору, — кричали они, — когда более короткая дорога проложена в долине неграми, посланными Мулеем Исмаилом?.. Не чужаки ли они, введенные в заблуждение? Или разбойники?.. Или, кто знает, беглые христиане?.. Оба пастуха высказали последнее предположение, смеясь и шутя, но потом вдруг посерьезнели. Вполголоса посоветовавшись, они стали внимательно рассматривать незнакомцев, стоящих на противоположном склоне оврага.

— Передай-ка мне твой лук, Жак д'Аррастега, — сказал Колен Патюрель, — а ты, Пиччинино, встань передо мной, чтобы они не видели, что я делаю.

Мавры вдруг завизжали и бросились прочь со всех ног. Но стрелы нормандца настигли их, возникшись в спину и пройдя насквозь. Они скатились по склону, а коричневая масса блеющих баранов побежала по каменистому оврагу, ломая ноги.

— Теперь они не смогут поднять тревогу. А то на выходе из ущелья нас бы встретила целая толпа поселян.

Все же беглецы оставались настороже, пока не выбрались из ущелья. Дорога, о которой говорили пастухи, была видна, но о том, чтобы воспользоваться ею, не могло быть и речи: драная одежда, усталый и подозрительный вид выдадут их с головой первому встречному. Оставалось и дальше тащиться по острым камням под синим небом и огнедышащим солнцем, жар которого доводил до головокружения. Под его лучами камни сверкали белым безжизненным блеском, словно мертвые кости. Ноги беглецов были окровавлены, языки распухли от жажды.

К вечеру они увидели на дне глубокой пропасти спасительный источник. Несмотря на почти вертикальный обрыв, все единодушно решились спуститься к воде. Они почти уже достигли цели, когда совсем близко раздалось рычание, усиленное горным эхом.

— Львы!

Они замерли, удерживаясь за выступы скалы, а хищники, потревоженные падением камней из-под их ног, продолжали громко рычать. Многократно отдаваясь в окрестных скалах, их рык создавал угрожающий, леденящий сердце шум.

Анжелика видела светлые спины хищников, беснующихся в нескольких футах под ней. Она вцепилась в куст можжевельника, мучительно боясь, что его корни не выдержат. Нормандец, находившийся чуть повыше, заметил, что она побледнела, а ее зеленые глаза полны ужаса.

— Анжелика! — позвал он.

Когда он командовал, его голос, обычно медлительный, спокойный, менялся, становясь особенно низким и отрывистым. Никто не мог избежать этого властного воздействия.

— Анжелика, не смотрите вниз, милая. Больше не шевелитесь. Протяните мне руку.

Он поднял ее, как былинку, и она очутилась рядом с ним, тесно прижавшись, спрятав лицо на его плече, чтобы избежать поистине дантовского видения. Он терпеливо ждал, пока она перестала дрожать, и потом, выбрав момент, когда рычание утихло, крикнул:

— Поднимаемся обратно, ребята! Не стоит связываться...

— А вода? Вода! — застонал Жан-Жан-парижанин.

— Иди за ней, коль смелости хватит!

***

В тот вечер пленники собрались вокруг тощего костерка, который они решили разжечь, чтобы испечь съедобные корни. Анжелика отошла в сторону и опустилась наземь, прижавшись лбом к плоскому камню, истерзанная видениями ручьев, журчащих под сенью пальм, чаш, до краев наполненных ледяными прозрачными напитками.

— Я больше не могу. Я хочу вымыться! И напиться!.. У меня нет сил...

Чья-то ладонь опустилась на ее склоненную голову. Такая большая рука могла принадлежать только нормандцу. Обессиленная Анжелика не могла пошевелиться. Он легонько потянул ее за волосы, заставив поднять голову. Она увидела, что он протягивает ей кожаный бурдюк, на дне которого плещется немного воды.

Его глаза блестели, он смотрел на нее испытующе.

— Это для вас, — произнес он. — Мы сохранили это для вас, каждый уделил по капле из своей доли.

Она упивалась мутной влагой, словно это был нектар. Мысль, что эти суровые люди пошли на жертву ради нее, подкрепила ее угасающее мужество.

— Спасибо. Завтра все пойдет лучше, — сказала она, пытаясь улыбнуться своими пересохшими губами.

— Ну разумеется! Если кто из нас и свалится по дороге, то только не вы, — отвечал он и столько

неожиданной ласки было в его голосе, что у нее потеплело на сердце.

«Мужчинам вечно кажется, что я куда сильнее, чем на самом деле», — вздохнула она, вытягиваясь на своем каменном ложе. Все же она несколько приободрилась. Только что она ощущала себя безмерно одинокой, охваченной усталостью, бессилием и страхом, словно плотным коконом, отделившим ее от остального мира. Наверно такое же чувство испытывал Данте, когда, спускаясь по кругам преисподней, слышал лай трехглавого Цербера. То, что с ней происходит, разве это не ад?.. Наверное так, если бы не этот жест друга, протягивающего тебе последний стакан воды. Надежда! Она еле жива. Настанет день, когда мы увидим на фоне звездного неба колокольни христианского города. Настанет день, когда мы сможем вольно вздохнуть... и утолить жажду...

Глава 5

На следующее утро они спустились в долину. Еще раз увидели львов, те пожирали останки лошади. Это навели их на мысль, что где-то недалеко селение. Затем послышался лай собак, и снова пришлось подниматься в горы, обходя стороной деревню. Однако поиски колодца вновь привели их к опасным обитаемым местам. По счастью, они никого не встретили, а к колодцу наконец вышли. Поспешно обвязали веревкой самого худого из них — Жан-Жана-парижанина — и спустили его с двумя бурдюками в колодец. Оттуда раздался истошный, какой-то булькающий крик, и его торопливо вытянули назад.

Бедного парня выворачивало наизнанку: казалось, он отдает Богу душу. Он опустился прямо на скелет какого-то животного. Мучимый жаждой, не удержался и набрал в рот воды, но она оказалась настолько осквернена падалью, что ему показалось, будто он умрет на месте. Весь остаток дня его тошнило, и он еле передвигал ноги: ядовитые газы, скопившиеся на дне колодца, отравили его.

Так прошел еще один страшный день. Лишь к вечеру спасение замаячило перед их глазами: голубая вода текла по дну долины в тени фиговых и гранатовых деревьев, над которыми качались высокие верхушки финиковых пальм. С трудом верилось, что это не мираж, но все же они начали спуск.

Старый Колоэнс спустился первым и побежал к воде по белой гальке маленькой отмели. Он был всего в нескольких шагах от столь желанной влаги, когда раздалось глухое рычание, и на фоне прибрежного песка мелькнул стремительный силуэт львицы. Зверь кинулся на старика.

Колен спрыгнул вниз и изо всех сил ударил львицу своей дубиной. Он разmozжил ей голову и сломал хребет. Львица рухнула наземь в бешеных конвульсиях агонии.

Крик маркиза де Кермева смешался с другим рычанием.

— Берегись, Патюрель!

Маркиз со шпагой наготове в свою очередь бросился между нормандцем, стоявшим спиной к опасности, и громадным темногривым львом, появившимся из зарослей. Шпага проткнула сердце зверя, но, прежде чем испустить дух, лев двумя ударами страшных когтей распорол живот бретонского дворянина, выпустив на песок его внутренности.

Так за несколько мгновений волшебный оазис превратился в бойню, где потоки людской и звериной крови текли к прозрачной воде.

Стоя с окровавленной дубиной в руке, Колен Патюрель ждал появления других опасных животных. Но все было тихо. Видно, приход беглых рабов потревожил одинокую пару в сезон спаривания.

— Следите за зарослями слева и справа. Да возьмите пики!

Он склонился к маркизу де Кермеву.

— Друг, ты спас мне жизнь!

Стекленеющий взгляд маркиза, казалось, старался разглядеть лицо Патюреля.

— Да, Ваше величество, — пробормотал он.

Глаза его потухли, а в гаснущем сознании шевельнулись иные, почти сказочные воспоминания.

— Ваше величество... разве в Версале... Версале... С этим далеким и чарующим словом на устах он затих навеки.

Колоэнс еще дышал. Плечо его было ободрано до кости, и она торчала из раны.

— Пить! — жадно шептал он. — Воды!

Колен набрал бурдюк столь дорого доставшейся воды и напоил его.

Влияние Патюреля было столь велико, что никто из его мучимых жаждой спутников даже не подумал приблизиться к ручью.

— Пейте же, глупцы! — гневно бросил он им.

Опять ему приходится закрывать глаза одному из товарищей, которому он поклялся вывести его на свободу. И он предчувствовал, что вскоре придется в третий раз исполнить этот грустный обряд...

Под навесом белых лиан они обнаружили логово львов и наполовину съеденную газель. Раненого отнесли туда и положили на подстилку из сухой травы. Колен вылил на его раны остатки спирта и перевязал, как смог. Во всяком случае придется ждать, как пойдут дела у старика. Может быть, он выздоровеет? Он способен на это. Но как долго они смогут задержаться в этих краях, куда вода притягивает и животных, и людей?

Вожак подсчитал на пальцах число дней, оставшихся до условленной встречи у ручья Себон. Даже если они сегодня тронутся в путь, опоздание составит два дня. А ведь нельзя идти с умирающим Колоэнсом. Нормандец решил провести ночь на этом месте. Надо было схоронить маркиза де Кермева и обдумать создавшееся положение. Все нуждались в отдыхе. Завтра будет видно.

Когда спустилась ночь, Анжелика выскользнула из логова. Ни страх перед львами, ни тревога, нависшая над всеми ними, ни хриплое дыхание старика не могли избавить ее от непреодолимого желания погрузиться в воду. Один за другим пленники наслаждались купанием, пока она оставалась у изголовья раненого.

Колоэнс все время звал ее. Подобно большинству мужчин, в час страдания он жаждал женской, материнской заботы, ласки и понимания, утешения...

— Маленькая, дай руку. Маленькая, не уходи.

— Я здесь, дедушка.

— Дай мне еще попить этой прекрасной воды.

Она умыла его лицо, постаралась поудобнее уложить на ложе из травы. С минуты на минуту его муки становились все ужаснее.

Колен Патюрель раздал последние куски лепешки. Оставался запас чечевицы, но вожак запретил разводить огонь.

Под покровом тьмы Анжелика пробиралась к ручью. Свет луны слабо проникал сквозь листву деревьев. Тут и там вспыхивали и гасли золотые искры танцующих светлячков. Гладким зеркалом светилась вода источника, бурля лишь у подножия темного утеса, из расщелины которого она била с тихим шумом. К нему добавлялось кваканье лягушки да нескончаемый стрекот саранчи. Молодая женщина сняла одежду, покрытую пылью и пропитавшуюся потом за эти дни нечеловеческих усилий. Она вздохнула от облегчения, окунувшись в прохладный поток. «Никогда, — подумалось ей, — я не испытывала подобного блаженства». Вдоволь накупавшись, она выстирала свою одежду, оставив сухим только бурнус, и завернулась в него, ожидая, когда ночной ветерок высушит мокрые вещи. Она отмыла свои длинные волосы, полные песка и колючек; с наслаждением почувствовала, как они оживают под пальцами. Луна всплыла над пальмой и осветила длинную серебристую струю, вытекающую из черной расщелины. Анжелика встала на камень и подставила плечи под ледяной душ. Поистине вода — лучшее из творений Создателя! Ей вспомнился крик водоноса на улицах Парижа: «Кому чистой и полезной воды!.. Вода — основа жизни...»

Подняв голову, она умиротворенно взглянула на звезды, мигавшие сквозь темный веер пальмовых листьев. Вода струилась по ее обнаженному телу,

сверкала под лучами луны, и она угадывала свое беломраморное отражение, дрожавшее в воде.

— Я жива, — произнесла она вполголоса. — Я живу!

Прозрачная влага с каждым мгновением смывала с ее кожи и ее души следы изматывающей борьбы. Она долго стояла так, пока хруст веток под деревьями, похожий на сухой треск взведенного курка, не спугнул ее. Вернулся страх. Она вспомнила о блуждающих в ночи хищниках, о ненавистных маврах. Красивый пейзаж вновь стал ловушкой, в которой они бились столько дней. Она скользнула в воду, чтобы осмотреть берег. Теперь она была уверена, что кто-то наблюдает за ней, прячась в зарослях. Привыкнув жить, как затравленный зверь, она теперь кожей чувствовала опасность. Лев или мавр?.. Завернувшись в бурнус, она бросилась босиком через заросли лиан и колючие агавы, чьи шипы жестоко царапали ее. Она с разбегу налетела на человека, стоявшего на тропе, слабо вскрикнула, решив, что в испуге побежала не в ту сторону, и вдруг при свете луны узнала светлую бороду Колена Патюреля. В глубине темных орбит глаз нормандского гиганта вспыхивали искры, но голос его был ровен, когда он произнес:

— Это безумие! Вы пошли купаться одна?.. А львы, которые могут прийти к водопою? А гепарды и — кто знает? — мавры, что шатаются тут...

Анжелика была готова броситься на его широкую грудь, чтобы унять ужас, тем более сокрушительный, что охватил он ее в момент покоя и редкой, почти сверхъестественной радости. Этот оазис она никогда не забудет. Должно быть, райское блаженство похоже на то, что она испытала здесь. Теперь она снова среди людей и готова вступить в битву за спасение жизни.

— Мавры? — пролепетала она дрожащим голосом. — Боюсь, что да... Только что там был кто-то, я уверена...

— Это был я. Заметив, что вас слишком долго нет, я пошел на поиски. Не допускайте больше подобной неосторожности, иначе — слово Патюреля — я задушу вас собственными руками.

Легкая насмешка смягчила грозный тон. Но он не шутил. Она почувствовала, что он был действительно не прочь ее задушить, побить или, по крайней мере, как следует тряхнуть.

***

Кровь застыла в жилах Колена Патюреля, когда он сообразил, что их спутница ушла и не возвращается. «Еще одна беда, — подумал он, — еще одну могилу копать!... Праведный Боже, не оставь своих детей...»

Он прошел по берегу ручья бесшумно, как привыкший к ночным вылазкам раб. Колен увидел ее под серебряными струями водопада. Длинные волосы наяды падали на ее плечи тяжелой волной, и зеркало ночной воды отражало ее белоснежное тело.

Анжелика вдруг сообразила, что, наверно, он видел, как она купалась. Это смутило ее, но она сердито подумала: какое это имеет значение? Этот человек был груб, он не выказывал ей никаких чувств, кроме пренебрежительной снисходительности сильного к слабому. Он ее терпел, как существо стесняющее, навязанное ему и его товарищам против их воли. Ей трудно было побороть в себе обиду за тот карантин, на который он обрек ее и который она мужественно выдерживала по отношению к другим беглецам, приближаясь к ним лишь для ухода за ранеными. Как тяжело переносить лишения, когда ты в стороне ото всех, отверженная, никем не любимая! Он, наверное, прав, но уж слишком черств и прямолинеен. Он и теперь продолжал вселять в нее робость. Неколебимость духовного и физического равновесия нормандского геркулеса была вызовом всему, что трепетало в ней: неуверенности, слабости, женской

хрупкости и впечатлительности. Ей казалось, что его пронзительные голубые глаза при одном взгляде на нее безжалостно отмечают ее усталость, испуг или неосторожность. «Он презирает меня, как пастушеский пес — глупую овцу», — думала она.

Она села к изголовью Колоэнса, но взгляд ее, помимо воли, все время возвращался к бородатому профилю жоака, освещенному слабым огнем фонаря. Колен Патюрель рисовал палочкой на песке план дороги и объяснял его венецианцу, парижанину и баску, склонившимся к нему.

— Вы остановитесь на опушке леса. Если увидите на ветке второго дуба красный платок, пройдите еще немного вперед и издайте крик козодоя. Тогда еврей Раби выйдет из зарослей.

***

— Малышка, ты здесь? — произнес слабый голос старого Колоэнса. — Дай мне руку. У меня была десятилетняя дочка. Она махала мне чепчиком, когда я двадцать лет назад вышел в море. Она теперь, наверное, такая, как ты. Ее звали Марика.

— Вы ее увидите, дедушка.

— Нет, не думаю. Смерть скоро заберет меня. И это к лучшему. Что делать Марике со старым папашей-моряком, который вернется после двадцати лет рабства пачкать ей красивые плитки ее кухонного пола и нести вздор про солнечную страну? Я рад покоиться в земле Марокко. Вот что я тебе скажу, малышка... Я соскучился по садам Мекнеса. Я бы хотел снова увидеть, как носится галопом Мулей Исмаил, словно гнев Божий... Лучше мне было дождаться, чтобы он расшиб мою голову своей палкой...

Глава 6

Венецианец, парижанин и баск уходили под утро. Колен Патюрель знаком подозвал Анжелику.

— Я останусь со стариком, — сказал он, — его нельзя унести и нельзя оставить. Надо ждать! Другие пойдут, чтобы поспеть на встречу с Раби Байдораном. Они предупредят его и решат, как нам следует действовать. Вы хотите идти с ними или задержитесь здесь?

— Я поступлю так, как вы мне прикажете.

— Думаю, вам лучше остаться. Без вас они пойдут быстрее, а время не ждет.

Анжелика склонила голову и отвернулась, будто хотела отойти к убогому ложу раненого. Колен Патюрель удержал ее, видимо пожалев, что ему снова не хватило обходительности.

— Я считаю также, — добавил он, — что старый Колоэнс нуждается в вас, чтобы умереть. Но если вы предпочитаете уйти...

— Я остаюсь!

Поделили провизию и последние стрелы, Колен Патюрель оставил себе лук, колчан, дубину, буссоль и шпагу маркиза де Кермева.

Покидая стоянку, трое мужчин на мгновение остановились у свежей могилы бретонского дворянина.

Старый Колоэнс все больше слабел, бредил по-фламандски, хватаясь за руку Анжелики с судорожной цепкостью умирающего. Но сила этого старого стойкого тела внезапно вернулась, когда после лихорадочной ночи и мучительного дня он поднялся во весь рост. Потребовалась вся мощь Колена Патюреля, чтобы удержать его. Раненый боролся с ним, как боролся со смертью: с дикой энергией.

— Ты меня не возьмешь! — твердил он. — Не возьмешь!

Вдруг он узнал лицо того, кто стоял перед ним:

— А, Колен, мой мальчик, — сказал он ласково, — мне пора уходить, как ты считаешь?

— Да, друг, пора! Иди! — приказал неторопливый голос Колена.

И старый Колоэнс с доверчивостью ребенка забылся на руках нормандца.

Потрясенная этой ужасной агонией, Анжелика заплакала. Сквозь слезы она глядела на сухонького старика с седой облезшей головой, лежащего в объятиях вожака как на сыновней груди. Колен Патюрель закрыл Колоэнсу глаза, сложил руки.

— Помогите мне его перенести, — попросил он. — Могила уже выкопана. Надо действовать быстро. Потом и мы отправимся.

Они положили умершего рядом с маркизом де Кермевом, торопливо забросав землей. Анжелика хотела вырезать два креста.

— Никаких крестов! — сказал нормандец. — Мавры, которые пройдут здесь, живо сообразят, что христиане похоронены недавно и бросятся за нами в погоню.

***

И снова был изнурительный переход по горам, гребни которых в сиянии луны отливали металлическим блеском. Отдохнув за эти два дня, Анжелика дала себе слово, что Колен Патюрель не сможет упрекнуть ее в медлительности. Но сколько она ни старалась, ей было не угнаться за ним. Она вся напряглась и раздражалась, видя, что он ее ждет, часто оглядываясь, останавливается, возвышаясь в лунном свете, как статуя с дубиной на плече. Ей очень хотелось поскорее догнать других беглецов. Те, ругаясь, ворча и стоная, шли, по крайней мере, как простые смертные, а не строили из себя мифологических героев, не

подверженных земным слабостям. Да что он, никогда не устает, что ли, этот чертов Колен Патюрель? Никогда не боится? Неужели он не доступен никаким страданиям, душевным или телесным? В сущности, он просто животное! Она и раньше так считала, но переход вдвоем укрепил ее в таком мнении.

Тем не менее они продвигались так успешно, что на следующий день к вечеру достигли опушки дубового леса, где должна была состояться встреча с Раби. Вот впереди виднеется перекресток дорог, проложенных по песку, где пробковые дубы глубоко пустили свои мощные корни.

Колен Патюрель остановился. Глаза его сощурились, и она удивилась, видя, что он смотрит на небо. Анжелика взглянула в том же направлении, и ей показалось, будто солнце внезапно померкло от тучи грифов, медленно поднимавшихся с деревьев. Должно быть, их приход потревожил птиц. Покружившись в воздухе, грифы вновь опустились, вытягивая голые шеи в сторону большого дуба, ветви которого простирались до перекрестка. Только сейчас Анжелика наконец увидела то, что их так привлекало.

— Там висят двое, — сказала она приглушенно.

Он еще раньше заметил их.

— Это два еврея, судя по черным одеждам. Оставайтесь здесь. Я проберусь ползком, обогнув лес. Что бы ни произошло, не шевелитесь.

Глава 7

Ожидание было бесконечным, изматывающим. Грифы били крыльями, своим кружением и пронзительными криками указывая на приближение человека. Но Анжелика никого не видела.

Он появился внезапно, бесшумно, сзади.

— Ну?

— Один еврей, я его не знаю, должно быть, Раби Байдоран. Другой... Жан-Жан-парижанин.

— Боже мой! — воскликнула она, закрыв лицо руками.

Удар был слишком силен! Все погибло, их побег напрасен — теперь это очевидно. Долгожданное место встречи обернулось ловушкой.

— Я заметил там, справа, селение мавров, которые их повесили. Может быть венецианец и Жак д'Аррастега еще там, закованные в цепи?.. Я пойду туда.

— Это сумасшествие!

— Надо все испробовать. Я отыскал пещеру чуть повыше, в горах. Вы там спрячетесь и будете меня ждать.

Она никогда бы не осмелилась оспаривать его распоряжения. Но она знала, что это чистое безумство. Он не вернется.

Эта пещера с входом, скрытым густыми зарослями дрока, станет ее могилой. Напрасно она будет ждать возвращения своих погибших спутников.

Колен Патюрель устроил ее там со всей провизией и последним бурдюком воды. Оставил даже свою дубину. При нем был лишь нож за поясом. Снял сандалии, чтобы не мешали. Отдал Анжелике и трут с кремнем. Если появится какой-нибудь зверь, достаточно подпалить

пучок сухой травы, чтобы отпугнуть его. Не сказав более ни слова, он выскользнул из пещеры и исчез.

Для Анжелики началось ожидание. Настала ночь с ее неясными шумами и отдаленными звериными криками в зарослях. Шорохи и царапанье, казалось, заполняли пещеру со всех сторон. Время от времени, не выдержав, она высекала огонь, но он освещал лишь скалистые стены. Это ее слегка ободряло. На своде пещеры она обнаружила маленькие мешочки из черного бархата, цепляющиеся друг за друга, и сообразила: летучие мыши! Вот откуда раздавалось это шуршание, тоненький писк, заставлявший ее вздрагивать. Вглядываясь в темноту, она старалась ни о чем не думать, лишь бы как-нибудь вытерпеть тревожное медленное течение времени. Треск ветки снаружи наполнил ее надеждой. Может быть, нормандец возвращается с Пиччинино и Жаком д'Аррастега? Как бы хорошо оказаться вместе!.. Но тут совсем близко раздалось мрачное завывание. Это гиена. Ее унылое и насмешливое ворчание удаляется. Должно быть, она спускается к перекрестку, туда, где висит тело Жан-Жана-парижанина. Он погиб, веселый писарь, любимый друг Колена Патюреля. И конечно, стервятники выклевали уже его быстрые лукавые глаза. Он мертв, как мертвы арлезианец, бретонский дворянин и старый фламандский рыбац. И то же будет с ними, последними из беглецов... Марокко не отдает своих пленников!.. Мулей Исмаил может торжествовать. Что с ней станет, если никто не вернется! Она даже не знала, где находится. Что произойдет, если, гонимая голодом, она покинет свое убежище? Сочувствия от мавров ждать бесполезно. Над нею не сжалятся даже их жены, существа угнетенные и запуганные. Как только обнаружат, ее вернут султану. Османа Ферраджи больше нет, некому защитить ее.

— О, Осман Ферраджи, услышьте меня! Ваша великая душа наверное блаженствует в магометанском раю...

***

Клекот грифов, возобновивших кружение вокруг повешенных, возвестил Анжелике, что взошло солнце. Густой туман заполнил пещеру. Беглянка пошевелилась, разгоняя оцепенение после долгих часов неподвижности, и подумала, что она переживает самое трудное испытание за всю свою жизнь. Не иметь возможности действовать, не сметь закричать, пожаловаться, сделать хотя бы попытку предпринять что-либо. Только терпеть и ждать. Затаиться в этой норе, с бьющимся, как у пугливого зайца, сердцем... Так приказал Колен Патюрель. А между тем солнце уже высоко. Беглецы не возвращаются... Они не придут никогда. И все же она продолжала из последних сил поддерживать в себе надежду. Не могла же судьба быть такой беспощадной!.. Но, собственно, почему не могла? И она вновь падала духом...

Когда массивный силуэт Колена Патюреля загородил вход в пещеру, она испытала такой порыв радости, что бросилась к нему и повисла у него на руке. Ей хотелось убедиться, что он вправду здесь, что она не грезит.

— Вы вернулись! О! Вы вернулись!

Казалось, он ее не видел и не слышал даже, не почувствовал, как она судорожно вцепилась ногтями в его руку. Его странное молчание наконец смутило ее.

— А другие? — спросила она. — Вы видели их?

— Да, я их видел. Только их уже невозможно узнать. Их долго пытали, прежде чем посадить на кол. Я не знаю и никогда не узнаю, кто нас предал, но Мулею Исмаилу известно все, все наши замыслы. Я подслушал разговоры мавров. Гнев султана разразился над

Мекнесом. Еврейский квартал превращен в груды трупов. Все евреи истреблены...

«Все!.. И маленькая Абигель... и Руфь, и Самуил...»

— А здесь нас уже ждали, Раби служил приманкой. У них был приказ повесить его потом, а христиан уничтожить сразу. Они повесили Жан-Жана, потому что приняли его за еврея. Я вынул его из петли и принес... ну... то, что грифы не успели... Я хочу схоронить останки...

Он сел, с каким-то удивлением огляделся вокруг, словно впервые видел эти скалы с красными прожилками, вспыхнувшими под лучами солнца. И тяжело заключил:

— Все мои товарищи погибли!..

Некоторое время он оставался неподвижным, опершись подбородком на кулак. Потом с усилием поднялся и вышел. Она услышала скрежет стали о камень: он копал новые могилы. Она последовала за ним, намереваясь помочь, но он грубо прикрикнул на нее:

— Назад! Не подходите, это не для вас... Не то зрелище...

Замерев, она осталась в стороне. Сложила руки, но слова молитвы не шли на ум.

Размашистыми движениями человека, привыкшего к труду землекопа, нормандец выполнял работу могильщика. Когда вырос маленький холмик, Анжелика увидела, что Колен принял неожиданное решение. Он срезал две ветки и сложил их крестом.

— Я положу крест, — сказал он. — На этот раз я положу крест!

Затем он вернулся в пещеру и присел у стены с тем же выражением мрачного раздумья. Анжелика пыталась заговорить, но он не слышал ее. К полудню она взяла горсть фиников и, положив их на лист фиго, протянула ему.

Колен Патюрель поднял голову. Твердые костяшки его пальцев оставили белые следы на загорелом лбу. Он с недоумением взглянул на молодую женщину, склонившуюся к нему, и она прочла в его пристальном взгляде разочарование и укор: «А эта все еще здесь!».

Он молча поел. С момента, когда он бросил на нее этот враждебный взгляд, Анжелика чувствовала себя парализованной. Новый страх овладел ею — страх, в природе которого ей не хотелось разбираться. Мелькнула мысль: «Теперь надо быть настороже, не спать...» Но было так трудно побороть усталость, смыкавшую ее отяжелевшие веки: она ведь шла целую ночь и целый день, а потом во вторую, последнюю ночь ни на миг не сомкнула глаз. Наконец она задремала, свернувшись клубком в углу пещеры.

Проснувшись, она оказалась одна. Анжелика привыкла к этим одиноким пробуждениям, ибо всегда засыпала в стороне от спутников. Но на сей раз тишина казалась ей необычной. Она посмотрела по сторонам и мало-помалу утвердилась в страшной догадке. Последний сухарь и порция чечевицы были аккуратно выложены на камне вместе с бурдюком с водой, копьем и ножом. Но лук, стрелы и дубина Колена исчезли. Значит, он ушел!.. Он ее бросил!

Анжелика долго сидела, подавленная горем, тихо плача, обхватив голову руками.

«Так вы сделали это! — с болью шептала она. — Это дурно, и Бог накажет вас...»

Увы, она была не слишком уверена, что Бог не благословил Колена Патюреля на этот жестокий поступок. Ведь он был распинаем во имя Его, она — всего лишь женщина, виновная в первородном грехе, причина всех бедствий рода человеческого; она была существом презренным, вещь, которую берут или отвергают.

— Ну, что происходит, малышка? Какое горе?..

Голос нормандца, раздавшийся под сводами пещеры, произвел на нее впечатление удара грома. Вот он стоит перед ней, перекинув через плечо кабанчика с перерезанным горлом и запятнанной кровью шкурой.

— Я... я подумала, что вы ушли, — бормотала она, еще не придя в себя.

— Ушел?.. Само собой! Я подумал, надо ж что-то на зуб положить. Мне повезло, я поймал дикого поросеночка. А вы плачете...

— Я думала, что вы совсем ушли.

Глаза Колена стали огромными, а брови поднялись, как если бы он услышал самую поразительную вещь в своей жизни.

— Ну и ну! — сказал он. — Вот это да. Стало быть, вы меня принимаете за последнего негодяя. Вас бросить, мне... вас бросить, мне, который...

Лицо его потемнело от внезапного приступа ярости.

— ...Мне, который и жить бы не стал, стрясись что с вами! — прогремел он с дикой силой.

Он швырнул добычу на землю, пошел за сухим валежником и, воротясь, сложил его посредине пещеры. Его движения выдавали сдерживаемый гнев. Когда огниво не сразу дало огонь, он выругался, как заправский тамплиер. Анжелика присела рядом и положила свою руку на его.

— Простите меня, Колен. Я глупая. Я должна была вспомнить, что вы столько раз рисковали жизнью ради ваших собратьев. Но я ведь не из их числа, я только женщина.

— Тем более, — буркнул он.

Он решился поднять на нее глаза, и суровость взгляда тут же смягчилась. Он взял ее за подбородок.

— Слушай меня внимательно, крошка, и пусть это будет раз и навсегда. Ты такая же, как мы, христианка — пленница варваров. Тебя привязали к столбу и пытали, а ты не сдалась. Ты вытерпела жажду и страх и

не жаловалась. Такой отчаянной, как ты, я никогда не встречал. Ни в одном порту мира. Ты стоишь всех девиц вместе взятых, и если наши друзья держались молодцами, так это потому, что с нами была ты. Видя твое мужество, они не могли отступить, ясно? Теперь мы остались одни, ты и я. Мы связаны на жизнь и на смерть. И вместе выберемся на волю. Но если ты умрешь, я умру подле тебя, я клянусь в этом.

— Не надо так говорить, — прошептала она, почти напуганная. — Одному вам было бы легче...

— Ну уж нет, подружка. Ты выкована из гибкой стали, как шпага нашего славного Кермева. Сдается мне, что я хорошо знаю тебя... — его яркие синие глаза выразили какое-то неясное чувство, а лоб сморщился от усилия мысли. — Ты и я, вместе... мы непобедимы!

Анжелика вздрогнула. Кто-то ей уже говорил это? Другой король — Людовик XIV! И в его глазах мелькнуло то же выражение... Да, если вдуматься, они очень схожи между собой — умница, хитрец и неподражаемый смельчак нормандец и властитель Франции. По характеру и темпераменту они словно родные братья. Народы признают власть тех, кто создан, чтобы царствовать. В рабстве Колен заставил признать себя королем на античный манер, своим великодушием, мудростью и физической силой.

Анжелика улыбнулась ему.

— Вы мне вернули веру, Колен. Веру в вас и в себя. Я верю, что мы будем спасены... — она содрогнулась. — О, нам должно повезти, иначе... Я больше не вынесу пыток! Я соглашусь на все, у меня не хватит смелости...

— Баста! Смелости тебе не занимать. Ее всегда хватает — и на второй раз, и на третий, хотя каждый раз думаешь, что это последний, что больше тебе не выдюжить... Поверь мне!

С иронической усмешкой он глянул на свои изборожденные шрамами ладони.

— Тут главное — нипочем не соглашаться умереть. Но и не бояться смерти! Смерть — часть нашей игры, часть нас, живущих. Я всегда считал, что к ней надо относиться, как к хорошему товарищу, идущему за тобой по пятам. Вот мы идем, а жизнь и смерть вроде как наши спутники. Каждая из них имеет на нас право. И нечего делать из них пугало. Ни из той, ни из другой. Таковы правила игры. Ну, и, понятное дело, надо, чтоб голова была на плечах... Ну, ладно, крошка. Хватит болтать. Давай устроим себе пир Валтасара. Смотри, как радуется сердце этот добрый огонь! Первый, на который мы посмотрим после стольких дней...

— А это не опасно? Что, если мавры заметят дым?

— Они почивают на лаврах. Думают, что мы все мертвы. Баск с венецианцем, награди их Бог, додумались сказать, что нас сожрали львы, что в живых остались лишь они. Мавры выспрашивали, что случилось с женщиной, так они придумали, будто ты умерла в горах от укуса змеи. Об этом сообщено Мулею Исмаилу. Стало быть, все в порядке. Пусть горит костер! Надо же поднять в себе дух, как ты считаешь?

— Мне уже лучше, — отвечала она, глядя на него с нежностью.

Уважение Колена Патюреля придало ей сил. Это была лучшая награда за стойкость, утешение в пережитых муках.

— Теперь, когда я знаю, что вы мне друг, я больше не боюсь. Как просто вы воспринимаете жизнь, Колен Патюрель!

— Да уж, — вздохнул он, вдруг помрачнев. — Иногда я думаю, что, может, еще не испытал худшего. Ну, хватит! Какая польза заранее забивать голову мрачными мыслями?

Они зажарили кабанчика, натерев его солью, тмином и ягодами можжевельника. Вместо вертела в ход пошла шпага бедняги-маркиза. В течение часа все

их внимание было поглощено приготовлениями к пиру. Дивный запах жареного мяса заставил их дрожать от нетерпения, и первые куски они проглотили мгновенно, насилу сдерживаясь, чтобы не застонать от наслаждения.

— Вот подходящий момент, чтобы порассуждать о высоких материях, — насмешливо заметил нормандец. — Что ни говори, а желудок высказывается первым. Ох, чертов поросенок. Я вылижу руки до локтя...

— Никогда не ела ничего вкуснее! — от всей души воскликнула Анжелика.

— А говорили, что султанш кормят всякими лакомствами... Нет, в самом деле, что подают в гареме? Расскажи! Это дополнит наше меню!

— Нет, я не желаю вспоминать о гареме. Оба замолчали. Насытившись, освеженные чистой водой, что текла у подножия горы — нормандец наполнил ею свой бурдюк, возвращаясь с охоты, — они позволили себе погрузиться в благодатный отдых.

— Колен, я давно заметила, что вы очень много знаете. Вы часто говорите такие вещи, которые наводят на серьезные размышления. Откуда все это? Кто учил вас?

— Море. Пустыня... и рабство. Знаешь, крошка, то, что с тобой творится в жизни, учит не хуже, чем книги. По мне — главное почаще пускать в ход вот это, — он похлопал себя по лбу и вдруг засмеялся. Когда он смеялся, блеск белых зубов в косматой бороде молодил его, и глаза, обычно строгие, светились лукавством.

— Серьезные размышления!.. — повторил он. — Ты скажешь тоже! Это когда я говорил, что жизнь и смерть составляют нам компанию? А тебе это не кажется очевидным?.. Тогда как же ты живешь?

— Не знаю, — покачав головой, ответила Анжелика. — Наверное, я в сущности очень глупая, поверхностная и никогда ни о чем не размышляла.

Она внезапно замолкла, ее зрачки расширились, и она прочла на лице своего собеседника то же выражение беспокойства. Он схватил ее за руку. Они прислушались, затаив дыхание.

Встревоживший их шум возобновился. Ржание лошадей!..

Колен встал и неслышно подошел к входу в пещеру. У подножия горы остановились четыре всадника-араба. Задрав головы, они приглядывались к подозрительной струйке дыма, струящейся среди скал. Их остроконечные шлемы, выступавшие из бурнусов, ослепительно сияя на солнце, свидетельствовали, что это были солдаты армии Рифа. Эта армия осаждала испанские города на побережье, но отдельные полки могли располагаться довольно далеко от моря. Один из всадников держал мушкет. Другие были вооружены копьями. Трое спешили и начали карабкаться по склону в направлении пещеры. Араб с мушкетом остался в седле и держал лошадей.

— Передай мне лук, — вполголоса приказал Колен Патюрель. — Сколько осталось стрел в колчане?

— Три.

— Их четверо! Плохо. Но мы обойдемся.

Следя за солдатом, который приближался, он взял лук, оперся ногой о скалу перед собой и приладил стрелу. Его движения были уверенными, чуть более медленными, чем обычно. Он выстрелил. Всадник с мушкетом упал поперек седла. Ржание испуганных лошадей заглушило его крик. Карабкавшиеся вверх арабы не сразу поняли, что произошло. Вторая стрела поразила одного из них в самое сердце. Двое других бросились вперед.

Колен Патюрель пустил третью стрелу, почти в упор. Пронзив первого из наступавших мавров. Второй явно заколебался и вдруг бросился вниз, к лошадям. Нормандец швырнул на землю свой бесполезный лук.

Схватив дубину, он в несколько прыжков догнал своего противника. Солдат повернулся к нему, выхватывая кривую саблю. Они кружили, настороженно следя друг за другом, как два зверя, готовые сцепиться. Затем дубина Колена Патюреля заработала. Через несколько секунд араб, несмотря на шлем, лежал с раздавленным лицом и разбитым затылком. Нормандец молотил его, пока не убедился, что он не дышит. Затем он подошел к арабу с мушкетом. И тот был уже мертв. Все три стрелы попали в цель.

— Я наловчился управляться с луком, когда браконьерствовал в лесах родной Нормандии, в молодые годы, — весело сообщил он Анжелике, которая присоединилась к нему и теперь старалась успокоить растревоженных лошадей. Случившееся убийство не потрясло беглецов. Полная опасностей жизнь приучила их видеть смерть без содрогания. Даже молодая женщина бросила лишь один беглый взгляд на трупы, лежавшие среди зарослей можжевельника.

— Лошадей мы заберем. На двух сядем и по одной поведем в поводу. Тела спрячем в пещере — это задержит поиски. Если кони не вернутся в селение без всадников, их отсутствие заметят не сразу. Пока они всполошатся, мы будем далеко.

Оба надели остроконечные шлемы, завернулись в бурнусы, перепоясались ремнями и, уничтожив следы побоища, галопом устремились по дороге. Спустя три дня жители округа рассказали алькаидам, посланным на поиски исчезнувших солдат, что видели двух всадников, пролетевших через их деревни, как птицы. У каждого была сменная лошадь. Они поостереглись обращаться к ним или останавливать — разве может бедный феллах позволить себе подобное по отношению к благородным воинам? Лошади вскоре были найдены у подножия гор Рифа. В убийстве обвинили бандитов,

нападения которых тревожили округу. На поиски их логова были посланы карательные экспедиции.

Колен Патюрель и Анжелика бросили лошадей у первых подступов к горам, где могли пробираться лишь мулы. Предстоял самый трудный, но последний переход. Когда они одолеют эти безводные отроги, перед ними откроется море. К тому же нормандец провел первые два года своего плена в священном и загадочном городе Мешауне и хорошо знал местность, по которой придется пройти. Ему были известны все бесчисленные трудности и опасности, но также и самые короткие тропы. Он знал, что чем выше они будут подниматься, тем меньше станет вероятность опасных встреч. Их главным врагом будут горы: холод ночью, сжигающее солнце днем, голод и жажда, зато люди их не потревожат и львов будет меньше. Нужно только остерегаться кабанов. Обезьяны, газели и дикобразы не опасны и послужат дичью.

Колен захватил с собой мушкет и припасы к нему, продовольствие солдат, взятое из переметных сум, крепкие и теплые бурнусы, которые непременно пригодятся.

— Еще несколько дней, и мы увидим Сеуту.

— Сколько дней? — спрашивала Анжелика.

Но осторожный нормандец уклонялся от ответа:

— Кто знает?.. Если повезет, дней пятнадцать... А если неудача...

***

Неудача подстерегла их однажды после полудня, когда они с трудом пробирались через раскаленные скалы. Пользуясь тем, что изгиб тропы скрыл ее от спутника, Анжелика присела на большой камень. Ей не хотелось, чтобы он увидел, как она обессилела. Ведь он столько раз повторял, что считает ее неутомимой; а между тем она сильно уступала ему в выносливости. Он

никогда не уставал. Без нее он бы, конечно, шел день и ночь, останавливаясь не более, чем на час.

Анжелика переводила дух, сидя на камне, когда внезапно почувствовала жгучую боль в икре. Наклонившись, она увидела змею, скользкой молнией мелькнувшую меж камней.

— Змея! Она меня ужалила!..

Вдруг роковое воспоминание пронзило ее мозг: «Женщина умерла от укуса змеи», — так сказали перед смертью венецианец и баск. Прошлое предвосхитило настоящее, время перестало существовать: сбывалось неотвратимое предначертание судьбы. Видимо, так написано на роду...

Тем не менее Анжелика догадалась снять пояс и затянуть им ногу под коленом. Сделав это, она осталась сидеть, застыв. Мысли путались в голове. «Что скажет Колен Патюрель? Он не простит мне этого никогда... Я не могу больше идти... Я умру...»

Из-за скалы появилась высокая фигура Колена. Он вернулся, обеспокоенный ее исчезновением.

— В чем дело?

Анжелика попыталась улыбнуться.

— Надеюсь, что это не серьезно, но я... меня, кажется, ужалила змея.

Встав на колени, он внимательно осмотрел ее ногу. Она уже начала чернеть и пухнуть.

Нормандец выхватил нож. Проверив пальцем лезвие, он быстро разжег небольшой костер из нескольких сухих веток и накалил нож докрасна.

— Что вы хотите со мной сделать? — пролепетала перепуганная Анжелика.

Не отвечая, он крепко взял ее за щиколотку и мгновенно отсек часть икры на месте укуса, одновременно прижигая рану раскаленным ножом. От страшной боли Анжелика закричала и лишилась чувств...

Когда она пришла в себя, в горах наступали сумерки. Она лежала на бурнусе, который служил им одеялом. Колен Патюрель заставил ее выпить очень крепкого обжигающего чая.

— Теперь тебе полегчает, девочка; самое худшее позади.

Когда она немного собралась с мыслями, он добавил:

— Боюсь, что загубил твою красивую ножку. Жаль! Теперь не сможешь поднимать нижнюю юбку, танцуя па-де-буре под молодым вязом, подружка моя!.. Но это надо было сделать. Без этого ты прожила бы не больше часа!..

— Спасибо, — чуть слышно прошептала она.

Ее мучила боль от ожога и раны, которую он перевязал, приложив листья, немного утоляющие жжение. «Самые красивые ноги в Версале...» Вот и она, как другие, будет носить на теле следы плена у варваров. Славные следы, на которые она будет смотреть с умилением или с гримасой досады, натягивая шелковые чулки с золотыми стрелками... когда-нибудь.

Колен заметил ее улыбку.

— Bravo! Вижу, отвага к тебе вернулась. Мы сейчас отправляемся.

Она взглянула на него, немного испуганная, но уже готовая повиноваться.

— Вы полагаете, что я смогу идти?

— Ни в коем случае! Ты сможешь ступить на ногу не раньше, чем через неделю. Иначе может начаться заражение. Ничего не бойся. Я тебя понесу.

Глава 8

Итак, они продолжали свое медленное восхождение. Нормандский геркулес лишь немного ссутулился под новой ношей, но продолжал идти тем же размеренным шагом. Громоздкую палицу ему пришлось бросить. Он оставил себе только мушкет и мешок с провизией на плече. Молодая женщина сидела у него на спине, обеими руками держась за его шею. Устав, она прислонялась лбом к массивному затылку своего носильщика, он чувствовал запах ее волос. Это и было самым трудным испытанием. Для Колена Патюреля оно оказалось тяжелее усталости, нестерпимее бесконечного однообразного движения под холодным оком луны, что глядело на пустынный пейзаж, отбрасывая двугорбую тень на пепельную поверхность скал. Нести ее, чувствовать этот нежный и изнуряющий вес, прикованный к нему, ощущать ее бедра под своими руками...

Анжелика ненавидела себя за тяготы, доставляемые спутнику. Оттого, что он нес ее на своем мощном хребте так бережно, словно маленького ребенка. На самом же деле сильные плечи Колена Патюреля за двенадцать лет каторги привыкли и не к таким тяжестим. Известный своей силой, он подвергался чудовищным испытаниям. Его мускулы и сердце обрели необыкновенную выносливость. И теперь он шел только чуть медленнее да чуть более хриплым стало его дыхание, раздававшееся в тишине ночи в бескрайнем белом пространстве, озаренном бледным светом луны.

Анжелику потрясла призрачная красота пейзажа, проплывающего перед глазами. Слишком много ночей она провела, поглощенная единственной целью: не позволить себе отстать. Теперь же она наконец

заметила глубокую синеву неба, золотистый блеск звезд. То было небо с восточной миниатюры; выведенные тонкой кистью, проступили серебристые контуры дальних гор слева и лента на дне лощины.

Сегодня она еще раз избежала смерти. Кровь в жилах снова победно пела: «Я жива! Жива!»

Видимо, на какое-то время она задремала, так как небо вдруг стало ярко-розовым. Колен Патюрель все шел своим медленным размеренным шагом. Анжелику вдруг охватил такой внезапный прилив нежности, что она чуть не поцеловала этот задубевший затылок. Он был так близко к ее губам.

— Колен, — взмолилась она, — о, я вас прошу, остановитесь, отдохните! Вы, должно быть, совсем измучились...

Он молча повиновался ей, опустил на землю и сел поодаль, упершись лбом в колени. Она видела, как широкие плечи ходят ходуном от учащенного дыхания.

«Это слишком, — думала она. — Такое не под силу даже человеку с его выносливостью...» Если бы она могла идти хотя бы потихоньку! Она чувствовала себя отдохнувшей и полной отваги. Но как только попыталась ступить на больную ногу, стреляющая острая боль заставила понять, что она рискует всерьез растрезвожить рану. Она все же дотащила до мешка с провизией, достала горсть фиников и сухого инжира и отнесла их Колену Патюрелю вместе с бурдюком с водой.

Нормандец поднял голову. Лицо осунулось, взгляд блуждал. Он смотрел на еду и, казалось, не видел ее.

— Оставь это, — сказал он сурово. — Не трать время.

— Господи, Колен, как вы измучены! И все из-за меня. Мне так жаль...

— Оставь это, — повторил он почти свирепо, потрянув своей шевелюрой викинга, как раздраженный лев.

Потом добавил мягче:

— Не унывай! Час сна — и все в порядке.

Он тяжело уронил голову на колени. Она отошла в сторону и, поев немного сухих фруктов, прилегла отдохнуть. Воздух был свеж. На много лье окрест не было человеческого жилья, никаких следов присутствия людей. Как это было прекрасно!

От нечего делать она еще поспала, а когда открыла глаза, Колен Патюрель возвращался с охоты с олененком на плечах.

— Колен, вы сумасшедший! — вскричала Анжелика.
— Вы же наверняка падаете от усталости...

Нормандец пожал плечами.

— За кого ты меня принимаешь, малышка? За такого же воробышка, как ты?

Он был мрачно настроен и даже, казалось, избегал смотреть на нее.

Анжелика забеспокоилась. Ей пришло в голову, что он, может статься, скрывает от нее какую-то новую опасность.

— Мавры могут нас обнаружить, Колен?

— Не думаю. Но для верности мы разведем костер в низине.

Нога Анжелики заживала так быстро, что она уже смогла, хоть и не без предосторожностей, спуститься к ручью.

Там им в последний раз встретился хищник. Они заметили его слишком поздно. Это была львица, настороженно притаившаяся на другом берегу ручья в позе большой кошки. Ей хватило бы одного прыжка, чтобы настигнуть их.

Колен Патюрель замер, как каменная статуя. Пристально глядя на львицу, он тихим размеренным голосом заговорил с ней. Несколько мгновений спустя озадаченное животное стало медленно отступать. Его

глаза еще раз-другой сверкнули в зарослях, затем колыхание травы обозначило путь отступления.

Нормандец перевел дух. То был вздох, способный заставить завертеться все мельницы Голландии. Он порывисто обнял Анжелику за плечи и прижал к себе.

— Держу пари — небо за нас! Что произошло в мозгу этого зверя, почему он оставил нас в покое?

— Вы говорили с ним по-арабски. Что вы сказали?

— Разве ж я знаю? Я даже не отдавал себе отчета, на каком языке говорю. Просто мне показалось, что надо попробовать договориться с ней. Вдруг поймет?.. Вот с мавром это было бы невозможно, — прибавил он, задумчиво покачав головой. — И потом, я недурно ладил с львами Мекнеса.

— Я помню, — сказала Анжелика, пытаюсь рассмеяться, — они еще не захотели вас съесть...

Он взгляделся в побледневшее до неузнаваемости лицо женщины.

— А ты умница: даже не вскрикнула. И не шевельнулась... Это здорово, подружка!

Румянец постепенно возвращался на щеки Анжелики. Рука Колена Патюреля, все еще лежавшая на ее плечах, была такой надежной защитой. Его объятия она ощущала как источник силы. Подняв глаза, она доверчиво улыбнулась ему.

— Рядом с вами я ничего не боюсь.

Нормандец стиснул зубы, его лицо снова помрачнело.

— Не будем здесь задерживаться, — проворчал он. — Нечего дразнить судьбу. Пойдем дальше.

Они наполнили бурдюки водой из ручья и отыскали углубление в скалах, подальше от берега, чтобы развести огонь. Но на сей раз трапеза лишь утолила голод, не принесла удовольствия. Молчание было тягостным. Озабоченный Колен Патюрель сидел насупившись. Анжелика, оставив тщетные попытки

нарушить это угрюмое безмолвие, чувствовала необъяснимое мучительное смущение. Что с ним? Почему он так мрачен и обеспокоен? Сердится, что из-за нее они продвигаются так медленно? Какую опасность он предчувствует, что побуждает его бродить вокруг их лагеря, что значат эти быстрые взгляды, которые он украдкой кидает на нее из-под своих густых светлых бровей?

Вечерний ветер коснулся их своим бархатным крылом. Зашло солнце, на землю легли голубоватые холодные тени, темная нежная пастель окрасила горы, небо и долины. В наступившей темноте Анжелика обратила свое бледное встревоженное лицо к Колену Патюрелю.

— Я... Мне кажется, я могла бы идти этой ночью, — сказала она.

Он качнул головой.

— Нет, малышка, еще нельзя. Да ты не беспокойся. Я буду тебя нести.

Страшная печаль слышалась в его голосе. Анжелике хотелось расплакаться, взмолиться: «О Колен, что происходит? Мы оба идем навстречу смерти?» Она сумела сдержаться, но, устроившись на его спине и обвив руками мощную шею, уже не наслаждалась покоем, как в прошлую ночь. Она слышала близкое дыхание мужчины, глухое биение его сердца и вспоминала жаркий шепот любовников, когда-то затихавших от страсти на ее груди. Тогда казалось, будто она несла их в своих хрупких объятиях, а теперь в овладевающей ею дремоте, прильнув лицом к мускулистой шее Колена, Анжелика чувствовала, как давит на него своей всепобеждающей женственностью.

Дыхание гор настигло их, почти ледяное, наполненное волнующими запахами. Роскошные и загадочные, они напоминали о другой жизни, полной красоты и изыска.

Когда взошло солнце, перед ними открылась кедровая роща на склоне горы. Длинные ветви кедров создавали подобие уютного шатра вокруг коротких мощных стволов. В их тени росла короткая травка и белели изящные звездочки цветов. Каждый вздох ветра был наполнен запахом леса.

Колен Патюрель перешел через бурлящий поток, поднялся на противоположный берег и обнаружил отверстие небольшого грота, устланного белоснежным песком.

— Остановимся здесь, — сказал он. — Похоже, зверей поблизости нет. Можно рискнуть разжечь костер.

Он говорил хпипло, выталкивая слова сквозь зубы. Может быть, от усталости?..

Анжелика с беспокойством следила за ним. Что-то странное творилось с ним, и она не могла больше этого переносить, не узнав причины. Может быть, он болен? Почувствовал, что это серьезно? Ей никогда не приходило в голову, что и с ним может случиться что-либо подобное. Это было бы ужасно. Но она его не бросит! Она будет ухаживать за ним, вдохнет в него жизнь, как он это сделал для нее.

Колен уклонился от немого вопроса огромных зеленых глаз, пристально смотрящих на него.

— Пойду спать, — бросил он коротко и вышел. Анжелика вздохнула. Однако место было очаровательное, все здесь располагало к мечтам. Лишь бы за всей этой дикой прелестью не скрывалась какая-нибудь западня!

Она разложила скудные запасы: сухой инжир, кусочки зажаренной накануне дичи. Бурдюки были пусты, но в двух шагах журчал ручей. Она спустилась к нему без особых трудностей, но поминутно оглядываясь, так как на этот раз вовремя вспомнила об осторожности. Но ничего подозрительного не было.

Лишь несколько птиц с пестрым оперением прыгали на берегу.

Анжелика наполнила бурдюки, затем тщательно вымылась холодной водой. Кровь прилила к коже. Склонясь к поверхности спокойного заливчика, она увидела себя в нем, как в зеркале, и чуть не вскрикнула от удивления. Белокурой женщине, что смотрела на нее на фоне синего неба, можно было дать лет двадцать.

Черты лица стали тоньше, у глаз, увеличенных темными кругами и привыкших всматриваться в даль, появилось новое выражение. Абрис губ без грима, потрескавшихся и бледных, казалось, принадлежал не женщине, перенесшей горькие испытания, а неискушенной девушке. Резкий ветер, беспощадное солнце, полное забвение всякого кокетства и даже ужас, что так долго угнетал ее, придали ее лицу, красота которого прежде была подчеркнута всеми ухищрениями искусства, девичье выражение. Конечно, цвет кожи был ужасен: смуглый, как у цыганки; зато волосы, по контрасту, напоминали цветом песок под лунным светом. Худобу ее хрупкого тела скрывал шерстяной бурнус. С распущенными волосами и босыми ногами она была похожа на дикарку.

Она сняла повязку с ноги. Рана оказалась чистой, а вот шрам, похоже, будет очень уродлив. «Ну и пусть», — философски рассуждала Анжелика, снова перевязав ногу. Ведь только что, купаясь, она так радостно чувствовала стройность своего тела, видела свои точеные резвые ноги, потерявшие лишнюю полноту, нажитую в гареме. В общем-то, она счастливо отделалась.

Взглянув еще раз в импровизированное зеркало, Анжелика улыбнулась себе.

— По-моему, я еще вполне прилично выгляжу! — сказала она птицам, которые смотрели на нее без страха.

Поднимаясь по склону, она беззаботно напевала, но вдруг смолкла: на траве среди белых цветков она увидела Колена Патюреля. Он лежал неподвижно, положив руку под голову. Беспокойство, которое он внушал ей в последние дни, тут же вернулось, и Анжелика крадучись приблизилась, чтобы понаблюдать за ним. Нормандец спал. Его бурнус распахнулся, и видна была широкая волосатая грудь. Она вздымалась от мощного ровного дыхания.

Нет, он не болен. Теплый оттенок прокаленной солнцем кожи, спокойный рот, принявший во сне несколько высокомерное выражение, да и вся его поза, исполненная отдохновения, — лицо, чуть повернутое к сгибу руки, поднятое колено, — все говорило, что он в полном здравии и набирается сил после изнурительной работы. Рассматривая его, уснувшего под кедрами, Анжелика подумала, что он похож на Адама. Столько первобытного совершенства было в этом огромном мощном теле; в этом простом мужике, бродячем браконьере, поборнике справедливости, пастыре своего народа.

Анжелика опустилась на колени, почувствовав, что ее тянет к нему. Ветер шевелил на его лбу прядь волос, она осторожно отвела ее рукой.

Колен Патюрель открыл глаза. Его взгляд, остановившийся на ней, был до того странным, что она инстинктивно отпрянула. Казалось, нормандец с трудом приходит в себя.

— Что случилось? — пробормотал он хрипло. — Мавры?

— Нет, все тихо. Я смотрела, как вы спите... Ох, Колен, не надо глядеть так пристально! — вдруг вскрикнула она. — Вы меня пугаете. Что с вами в последнее время? Что произошло? Если нам угрожает опасность, скажите мне об этом. Я способна разделить ваши заботы, но я не могу терпеть вашу... да, именно

вашу злобу! Можно подумать, что в иные минуты вы меня презираете... или даже ненавидите... За что? Неужели за то, что меня ужалила змея и это задерживает нас? Вы всегда были таким великодушным! Я думала... Колен, ради всего святого, если я в чем-то провинилась перед вами, скажите об этом прямо, а то я больше не вынесу... Если вы меня возненавидели, что со мной станется?..

На ресницах Анжелики повисли слезы. Потерять единственного, последнего друга! Это испытание казалось ей самым страшным из всех, что выпали на ее долю.

Вскочив на ноги, он рассматривал ее так бесстрастно, что можно было подумать, будто он не слышал ее слов. Этот испытующий взгляд был так тяжел, что она вдруг пожалела мекнесских пленников, которых, случилось, судил их предводитель. Должно быть, эти бедняги чувствовали себя прескверно.

— Хочешь знать, в чем твоя вина? — произнес он наконец. — Да просто в том, что ты женщина. — Его брови нахмурились, глаза потемнели, черные зрачки глядели жестко и недобро. — Я ведь не святой, моя красавица. Ты бы очень ошиблась, воображая это. Я моряк, бывший флибустьер. Убивать, грабить, работать как вол, менять порты и девок — вот моя жизнь. Я даже в плену не изменил своим вкусам. Женщины всегда были мне нужны, и я брал тех, что подвертывались под руку. Не очень-то приходилось выбирать. Бывало, Мулей Исмаил, как вздумает меня наградить, присылал одну из своих негрятенок. Удачные находки случались редко. Вообще, по правде сказать, за эти двенадцать лет было многовато поста и воздержания. Когда после всего этого вдруг приходится жить бок о бок с женщиной... — он оживился, подавляя смущение гневом. — ...Как ты не можешь понять? Ты что, не жила до того, как угодила в лапы Мулею Исмаилу? Взгляд у тебя вон какой смелый

— можно подумать, что ты всякие виды видала... А нет бы сообразить, каково мне жить день и ночь рядом с женщиной... И какой женщиной...

Он прикрыл веками глаза. Его грубая физиономия вдруг осветилась наивным восторгом.

— ...Самой пригожей, какую я когда-либо видел!

Помолчав, он продолжал вполголоса, словно говорил сам с собой:

— ...Твои глаза, как бездонное море... И смотрят они на меня, и о чем-то умоляют... Твоя рука в моей руке, твой запах, твоя улыбка... Добро бы я хоть не знал, как ты сделана! Но я тебя видел... Когда тебя привязали к колонне и черные демоны подходили к тебе с раскаленными щипцами... И однажды ночью, когда ты купалась в водопаде, я видел тебя снова... А теперь еще нужно тащить тебя на спине. — Тут он опять дал волю ярости. — Нет, черт подери, это непереносимо!.. Искушения святого Антония по сравнению с этим просто чушь. Иной раз так припрет, что лучше уж быть вздернутым на дыбу или распятым на кресте, и пусть бы стервятники летали вокруг и щелкали своими погаными клювами... А ты еще спрашиваешь, с чего это я бешусь!

Он потряс сжатыми кулаками, призывая небо в свидетели своих мучений. Затем, бормоча проклятия, большими шагами удалился в пещеру.

Этот взрыв страсти удивил Анжелику. «Ну, если все дело в этом», — с облегчением подумала она. Улыбка коснулась ее губ. Она огляделась. Легкий ветерок шевелил густую листву кедров, распространяя волны их возбуждающего благоухания. Волосы Анжелики нежно касались ее щек, ласкали плечи, полуобнаженные под соскользнувшим бурнусом.

Только что в воде ручья она увидела себя такой, какой видел ее Колен Патюрель: позолоченный солнцем утонченный овал лица, огромные, загадочно

светящиеся глаза. Она вспомнила, как ей хотелось прижать губы к затылку мужчины, как безумно тянуло прильнуть к теплой широкой груди, прятаясь от страхов, обступавших ее всякий раз, когда в этих диких местах приходила ночь. То были первые неосознанные проявления более глубокого желания, дремавшего в ее плоти. Она так долго не хотела будить его, но теперь, когда Колен высказался напрямик, вечный порыв затрепетал в ней, как птица. В отдохнувших членах быстрее побежала кровь. Жизнь... Она сорвала белый цветок гор, прекрасный и недолговечный, и поднесла его к губам.

Грудь ее вздымалась. Она дышала глубоко и счастливо. Проклятый страх отступил далеко. Небо было чистым, воздух — кристально прозрачным и ароматным. Казалось, в целом мире нет никого, кроме них двоих. Анжелика встала. Ступая босыми ногами по мягкой траве, она побежала к пещере.

Колен Патюрель стоял у входа, опершись о скалу. Сложив руки на груди, он созерцал пожелтевшие дали и бледно-зеленые подножия гор, хотя его мысли явно были заняты другим и вся фигура выражала замешательство человека, размышляющего, как выпутаться из нелепого положения, в которое он имел глупость попасть.

Он не услышал ее шагов, и она остановилась, глядя на него с нежностью. «Милый Колен! Смелое сердце! Непокоренный и скромный... Какой же он большой и широкоплечий... Своими руками мне никогда не обхватить его...»

Она встала рядом, но он заметил ее, лишь когда она прикоснулась щекой к его руке.

Вздрагнув, он резко отшатнулся:

— Стало быть, до тебя не дошло, что я тебе только что объяснил, малышка? — проронил он.

— Я думаю, что дошло, — прошептала она.

Ее руки потянулись к груди Колена Патюреля, к его широким плечам. Он снова отпрянул и сделался пунцовым.

— Ну нет, только не это!... Ты не поняла. Нет, я у тебя ничего не просил. Моя маленькая, бедняжка... О чем ты подумала?

Он взял обе ее ладони в свои, чтобы удержать на расстоянии. Только бы она не дотронулась до него! Если он почувствует это ласковое прикосновение, он поддастся искушению, потеряет голову...

— ... Что это ты выдумала? Разве же я, столько труда положивший, чтобы ты ни о чем не догадалась... Да я вовек бы рта не раскрыл. И ты бы ничего не узнала, если бы сама меня не подстерегла... Когда разбудила ото сна, полного мечты о тебе... Забудь мои слова... Я и так уж до черта зол на себя... Ну, я понимаю... Ты узнала, что такое рабство женщин, а это не менее страшно, чем рабство мужчин. Ты никому не продана, тебе незачем поневоле переходить от хозяина к хозяину. Речи быть не может, чтоб я стал еще одним, взявшим тебя силой!

Глаза Анжелики засияли. Руки Колена Патюреля передали ей его тепло, а грубое лицо преобразилось от сильного волнения и растерянности. Она никогда не замечала, что его губы так сочны и свежи в обрамлении белокурой бороды. Разумеется, он достаточно силен, чтобы удержать ее на расстоянии. Но он не знал магической силы женского взгляда. И она прижалась к его груди.

— Маленькая моя, — шептал он, — уйди... Я всего лишь мужчина.

— А я, — отвечала она, трепеща и смеясь, — я всего лишь женщина... О Колен, милый Колен, мы вынесли столько ужасных испытаний! Наверное, это послано нам в утешение...

И она прижалась лбом к его груди, чего смутно желала все дни изнурительного путешествия. Она пьянела от его силы, от запаха мужского тела, которым наконец позволила себе наслаждаться, нежно прикасаясь к его крепкой, здоровой коже.

Нормандец принял это немое признание, как дерево — молнию; со стоном, потрясшим все его существо. Он не мог более противиться. Безмерное изумление овладело им. В этом создании, слишком гордом, как он иногда думал, и слишком умном для него, но самой судьбой посланном ему в спутницы для жестокой их одиссеи, он не чаял найти обыкновенную женщину, покорную и жаждущую ласки подобно тем, что в портах вешались на шею красивому парню с белокурой бородой.

Прильнув к нему, она не могла не заметить охватившую его страсть и отвечала на нее едва заметным, еще робким от стыдливости движением своего соблазнительного тела, над которым уже теряла власть, без слов призывая возлюбленного тем чуть слышным голубиным воркованием, что порой свойственно женщинам, чье дыхание стеснено нахлынувшим желанием. Растерявшись, Колен приподнял ее, чтобы взглянуть ей в лицо.

— Возможно ли такое? — прошептал он. Вместо ответа она опустила голову ему на плечо.

Тогда, весь трепеща, он взял ее на руки и понес в глубь пещеры, словно боялся увидеть при свете дня свое ослепительное счастье. Он нес ее туда, где царил глубочайший сумрак, где белый песок был нежен и прохладен. Самый властный из всех человеческих порывов овладел Коленом Патюрелем с мощью потока, сметающего на своем пути все препоны и запреты. Его чуткий ум, железная воля, столь долго державшая в узде плотские желания, — все отступило перед этой разбушевавшейся стихией.

Получив свободу, хмельной от данной ему власти, он предавался любви с неистовством дикого зверя. Он пожирал Анжелику, как изголодавшийся, и все не мог насладиться ее наготой, ее гладкой кожей, мягкими волосами, изумительным пьянящим ощущением ее нежной груди под своими ладонями.

На пределе терпения, после стольких тайных мук, он почти насильно ее, неумолимо требуя отзвона, не выпуская ее из объятий в минуты отдыха, безмолвный и потрясенный. Его жилистые руки ревниво сжимали ее, словно самое драгоценное сокровище.

Когда Анжелика открыла глаза, в гроте уже сгустился сумрак. Снаружи вечер быстро переходил в ночь.

Она пошевелилась, все еще стиснутая железным кольцом рук Колена Патюреля.

— Ты спишь? — шепнул он.

— Я немножко поспала.

— Ты не сердись на меня?

— Вы же хорошо знаете, что нет.

— Я ведь грубая скотина, моя миленькая. Ну, скажи мне это прямо... Признайся!

— Разве вы не почувствовали, что сделали меня счастливой?

— Взаправду?.. Ну, стало быть, теперь нужно говорить мне «ты».

— Если хочешь... Колен, не думаешь ли ты, что настала ночь и пора снова в путь?

— Конечно, мой ягненок.

Они продвигались легко, хотя тропа была почти непроходимой. Он нес ее, она положила голову ему на плечо. Ничто их более не разделяло. Они связали воедино свои подвергавшиеся опасности жизни, угроза и страдание не исходили более от них самих. Колен Патюрель, освободившись от тайного смятения, не метался, будто грешник в аду, из страха выдать себя.

Анжелика уже не боялась его сердитых взглядов и диких выходок. Ей больше не придется страдать от одиночества. Когда захочет, она может коснуться губами глубокого шрама, появившегося у него после десятидневной пытки железным ошейником с шипами, который надел на него Мулей Исмаил.

— Осторожней, крошка, — говорил он, смеясь, — спокойно! Нам еще идти да идти.

Он умирал от желания заставить ее прильнуть к нему, чтобы овладеть ее губами, положить на песок под луну, вновь почувствовать опьянение, испытанное рядом с ней. Но ведь надо же помнить, что она ослабела от голода, еще не оправилась от укуса этой чертовой дурацкой змеи. Подумать только, что в то мгновение он напрочь забыл об этом! Какой же он был скотиной!.. Прежде он никогда особенно не задумывался, что женщину надо щадить, но ради этой он научится.

Если бы он мог исполнять ее желания, убересть ее от всех невзгод! Кликнуть бы, как в сказке, скатерть-самобранку с вкусными блюдами, да чтобы была еще «широкая постель с белоснежными простынями и букетами барвинка по четырех углам», как поется в народной нормандской песне... В Сеуте они пойдут вместе пить воду из того самого источника, что семь лет поил Улисса, плененного очами Калипсо, дочери Атланта. Так рассказывают моряки.

Он шел и грезил наяву. Она дремала, прильнув к нему. Она так устала... А он — нет! Он нес на своих плечах всю радость мира.

***

На заре они сделали привал. Растянулись на лужайке, поросшей невысокой травой. Они больше не искали укромного жилища, уверенные в своем одиночестве. Их взгляды скрестились. Он уже не опасался ее. Он хотел все знать о ней и мог бы смотреть

без конца на лицо утомленной счастьем женщины, опрокинутой на разметавшуюся волну своих прекрасных волос. Очарованный, он упивался восторгом.

— Вот уж не поверил бы, что ты любишь любовь!..

— Я люблю еще и тебя, Колен.

— Цыц! Не надо говорить этих слов!.. Еще не время. Ты теперь лучше себя чувствуешь?

— Да.

— И это верно, что тебе хорошо со мной?

— О, да! Еще как!

— Спи, мой ягненочек.

Лишенные всего, кроме любви, они наслаждались ею в полной мере. Чувство, которое бросало их в объятия друг друга, было таким же властным, как желание выжить. В опьянении страсти они забывали все горести и боли. Это был реванш, взятый у судьбы, живая вода надежды. В самозабвенных лобзаниях им открывалась возвышенная истина: любовь была создана в утешение первому мужчине и первой женщине, чтобы придать им отваги в их тяжком земном странствии.

Никогда еще Анжелика не знала объятий столь большого и сильного мужчины. Ей нравилось садиться к нему на колени, сворачиваться калачиком под защитой его крепкого тела. Сильные руки ласкали ее, и они долго целовались с закрытыми глазами, в тихом, почти религиозном экстазе.

— Помнишь, — шептал он, — как я приказал нашим бедным спутникам, чтобы они и думать забыли... «Она не предназначена никому из нас и никому не принадлежит...» Я сам взял тебя, теперь ты мое сокровище... И я клятвопреступник!..

— Я первая тебя захотела.

— А я ведь тогда сказал это, чтобы самому себе запретить думать о тебе. Уже когда я обнимал тебя в саду Родани, кровь бурлила во мне. Тут-то я и решил

поставить заслон. Я говорил: «Колен, ты обязан выдержать, это твой долг...»

— У тебя был такой суровый, неприступный вид!

— А ты никогда не жаловалась. Все терпела, да еще как бы извинялась, что идешь с нами. Я видел и знал все, что с тобой происходило, как тебе было страшно, как ты теряла силы. Я уже тогда хотел тебя нести. Но был договор с товарищами!

— Так было лучше. И вы были правы, Ваше величество.

— Иногда, когда на тебя смотрели, ты улыбалась. Вот твою-то улыбку я больше всего в тебе и люблю. Ты мне улыбнулась, когда змея ужалила тебя и ты ждала меня на дороге... Как будто ты испугалась меня больше, чем смерти. Боже! А я до этого и не знал, что такое настоящее горе, когда подумал, что ты погибла. Если бы ты умерла, я бы лег рядом и никогда больше не поднялся!

— Не люби меня так сильно. Колен, не надо... лучше поцелуй меня еще раз.

Глава 9

Шаг за шагом они продвигались вперед. Местность, по которой они шли, меж тем изменилась. Исчезли кедры и травянистые склоны, все реже попадалась дичь, все труднее стало находить воду. Голод и жажда стали снова терзать беглецов. Тем не менее нога Анжелики зажила, и она убедила своего спутника разрешить ей понемногу ходить самостоятельно.

Теперь они шли день и ночь, небольшими переходами, взбираясь на скалистые гребни и переходя ущелья, ища тропы среди скал и однообразных зарослей. Анжелика не смела спрашивать, насколько они далеки от цели. Казалось, эта цель без конца отступала все дальше, скрытая рыжим щитом гор. А надо было идти, идти, снова идти.

Анжелика остановилась. «На этот раз мне конец», — подумалось ей. Ею овладела неодолимая слабость. В ушах шумело, чудился колокольный звон, и этот зловещий призрак наполнил ее ужасом.

«Так вот она — смерть...»

Слабо вскрикнув, она упала на колени. Колен Патюрель, который уже почти дошел до вершины скалы, гребень которой мрачно вырисовывался на беспощадном небе, сбежал вниз, встал на колени рядом с ней, прижал к себе... Она рыдала без слез.

— Что с тобой, моя душенька? Ну, ну, еще чуть-чуть, не падай духом...

Он гладил ее щеку, целовал иссохшие губы, будто хотел влить в нее свои неисчерпаемые силы.

— Встань, я тебя немного понесу.

Но она безнадежно качнула головой.

— Ах нет, Колен. На этот раз слишком поздно. Я умираю. Я уже слышу похоронный звон.

— Какая чушь! Мужайся. За этой скалой...

Он замолк, прислушался.

— Что за ней, Колен? Мавры?

— Но там... я тоже слышу...

Он резко вскочил и вскричал сдавленным голосом:

— Я слышу колокола!..

Как сумасшедший, он ринулся на вершину скалы. Она увидела, что он машет руками, вопит, но не слышала, что именно. Забыв всю усталость, не обращая внимания на острые камни, раздиравшие ей ноги, она поднялась и заспешила к нему.

— Море!!! — вот что кричал нормандец. Когда она подошла, он схватил ее за руку, прижал к себе, самозабвенно стиснул в объятиях. Они стояли, ослепленные, не веря своим глазам. Перед ними простиралось море, бледное, покрытое золотистыми барашками волн, а слева ощерился своими колокольнями защищенный крепостной стеной город.

Сеута! Сеута, католический город. Колокола собора Сент Анж звонили к вечерне. Это их звон показался измученным беглецам предсмертным бредом.

— Сеута, — шептал нормандец. — Сеута!

Совладав с собой, он однако же снова обрел осторожность и осмотрительность. Ведь Сеута в осаде!.. Отдаленный выстрел пушки отозвался на отрогах горы Ако, и облачко дыма появилось над крепостной стеной и тихо растворилось в мирных сумерках.

— Пойдем-ка туда, — сквозь зубы пробормотал Колен Патюрель, уводя спутницу под прикрытие скал. Пока она отдыхала, он пробрался вдоль гребня горы. Оттуда он увидел лагерь мавров с тысячью шатров, увенчанных зелеными стягами. Лагерь был расположен у самого подножия скалы. Еще немного, и они напоролись бы на дозорных.

Теперь надо было ждать ночи. У него появился план! До восхода луны они спустятся вниз и достигнут берега. От скалы к скале проберутся к перешейку, на котором стоит город, подойдут к стене и постараются привлечь внимание часовых.

Когда темнота достаточно сгустилась, они оставили оружие и пожитки и, затаив дыхание, опасаясь пошевелить хоть камушек, спустились с горы. Едва ступив на отмель, они услышали топот копыт. Лошади шли шагом. Проехали три араба, возвращаясь в лагерь. По счастью, с ними не было собак-ищеек. Когда они скрылись, Колен Патюрель и Анжелика бегом пересекли прибрежную отмель и бросились к скалам. По пояс в воде они пробирались ощупью от одной скалы к другой, цепляясь за ракушечные наросты, спотыкаясь и попадая в ямы, выбираясь, все время стараясь не подниматься в рост, так как восходящая луна все ярче озаряла окрестности. Высокая громада города казалась близкой. Серебрились бойницы, купола и колокольни вздымались в звездное небо. Видение, о котором они так мечтали, удвоило их силы.

Они находились совсем близко от первой башни, выдвинутой вперед, когда сквозь равномерный гул приборя послышался звук голосов. Он заставил их замереть, прикинуть к мокрой липкой скале, стараясь слиться с ней. Появились несколько мавров верхом. Их остроконечные шлемы сверкали при лунном свете. Они спешили и, расположившись на отлогом берегу, разожгли большой костер. Свою стоянку они устроили всего в нескольких шагах от беглецов. Колен Патюрель услышал, как они обсуждают дежурство. Не по душе им была эта напасть — навязанное алькаидом стояние под укреплениями Сеуты. Хорошенькое дело — получить на рассвете прямо в сердце пулю от этих проклятых испанских стрелков. Но алькаид Али считает, что по

ночам нужно сторожить это место: именно здесь пробираются с проводниками беглые христиане.

— Они уйдут с восходом солнца, — прошептал нормандец Анжелике. — Надо продержаться.

Продержаться! По пояс в холодной воде... Когда морская соль разъедает раны, под ударами прибоя, борясь с усталостью и сном, чтобы не потерять опоры...

Наконец незадолго до рассвета, зафыркали лошади. Мавры зашевелились, подтянули подпруги, и, едва заалел восток, они уже были в седле и галопом скакали в лагерь.

Колен Патюрель и Анжелика вылезли из воды и поползли на коленях, полумертвые от усталости. Только они перевели дух, из-за горы появились новые всадники-мавры. Их заметили. Испуская гортанные крики, седоки повернули лошадей в их сторону.

— Идем! — сказал Анжелике Колен Патюрель.

Расстояние, отделявшее их от города, казалось огромным, как пустыня. Взявшись за руки, они бежали, летели, не чувствуя под собой израненных ног, объятые одной лишь мыслью: бежать, бежать, добежать до ворот.

Их преследователи были вооружены мушкетами — оружием, не слишком удобным при галопе. По ним выстрелили из аркебузы — стрелок не преминул использовать мишень, которую они представляли собой на открытой песчаной равнине. Но он не попал.

Вдруг Анжелика смутно, как во сне, увидела новых всадников, возникших перед ними, словно из-под земли.

— На этот раз кончено... Мы окружены.

Сердце рванулось у нее в груди, и, споткнувшись, она покатила под копыта лошадей. Всей своей массой нормандец упал на нее, и она лишилась чувств, успев, как отдаленное эхо, уловить его порывистый задыхающийся крик:

— Христиане!.. Пленные христиане... Во имя Христа,
амигос!.. Во имя Христа...

Глава 10

— Зачем ты положил столько перца в шоколад, Давид? Я тебе говорила сотни раз: меньше перца, меньше корицы. Ведь ты готовишь не ужасную испанскую бурду...

Анжелика отбивалась, не понимая, зачем ей снова нужно начинать изнурительную работу и навязывать парижанам шоколад. Увы! Ведь совершенно очевидно, что она никогда не преуспеет, если этот глупый Давид из упрямства будет класть туда тошнотворные дозы корицы и перца. Это же такая гадость, что от отвращения и мертвый встанет из гроба! Она с силой оттолкнула чашку, почувствовала, как пролитая жидкость обожгла ее, и услышала негромкое восклицание.

Анжелика с трудом открыла глаза. Она лежала в постели с белыми простынями, залитыми ужасным черным шоколадом, который она только что опрокинула. Женщина, миловидное смуглое лицо которой обрамляла мантилья, старалась удалить следы катастрофы.

— Мне так жаль, — пробормотала Анжелика.

Лицо женщины тут же просияло восхищением. Она быстро заговорила по-испански, порывисто сжимая руки Анжелики, и кончила тем, что бросилась на колени перед статуей Божьей Матери в золотых одеждах и алмазном венце, которая стояла под масляной лампой в маленькой молельне.

Анжелика разобрала, что ее хозяйка благодарит Богородицу за возвращение здоровья бедной француженке, которая бредила три дня, пожираемая лихорадкой. После этого испанка позвала служанку-арабку, и обе поспешно сменили простыни на другие,

без пятнышка, с вышитыми цветами. От простыней пахло фиалками.

Какое изумительное ощущение — нежиться под огромным балдахином колоссальной кровати с деревянными золочеными колонками, вытянувшись на простынях! Больная осторожно повернула голову. Затылок был тяжел и болел. Глаза, привыкшие к полумраку, пощипывало: сквозь окно, забранное железной решеткой, скупно проливался ослепительный свет дня, повторяя на черных мраморных плитках пола рисунок решетки. Остальное убранство комнаты, загроможденной испанской мебелью и побрякушками, включало двух маленьких черных борзых и губастого карлика, одетого пажем, и таило загадочный сумрак гарема. Иногда слышались глухие взрывы, долетавшие до этого уютного убежища в цитадели. Анжелика вспомнила: пушки Сеуты!

Сеута, крайняя оконечность Испании, город, вцепившийся в испепеляемую солнцем скалу, удерживала своими колоколами наступление воинов Магомета... Звон колоколов собора, который уже сотни раз был разрушен ядрами в перестрелке, смешивался с глухим рокотом орудий.

Коленопреклоненная маленькая испанка крестилась, читая «Ангелюс». Для нее все было мирно. Пушечная пальба стала привычной. Сын ее родился в Сеуте, и теперь этот шестилетний «мучачо» был заводилой в компании детишек гарнизона. Они бегали на крепостную стену дразнить мавров. Ненависть к мавру неистребима у испанца, чей взор больше устремлен к Африке, чем к Европе. Андалузец помнит поработителя-араба, давшего ему смуглый цвет кожи и белые зубы, кастилец — врага, что постепенно изматывал его веками... Искусство герильи, партизанской войны, в крови у обеих рас, живущих под палящим солнцем. Отвага осажденных испанцев часто

искушала их, и они покидали стены крепости, чтобы тревожить отряды алькайда Али.

Именно такой отряд кабальеро в касках из черной стали и с длинными пиками, возвращаясь из ночной вылазки против мавров, заметил беглых рабов-христиан, спешащих к цитадели. Это под ноги их лошадей рухнули Колен Патюрель и его спутница.

Произошла яростная схватка. Испанцы наконец отступили, таща за собой спасенных пленников.

***

Анжелика достаточно знала испанский, чтобы уловить основное из длинного многословного рассказа хозяйки, прерывавшей свою речь, благодарственно воздевая очи к небу. Память возвращалась к ней. И с нею вместе стали давать знать о себе телесные недуги. Она почувствовала, как истерзаны ее ступни, болезненно ощущала худобу тела, особенно заметную здесь, среди пышных подушек, разглядела свои руки, почерневшие, как жженный хлеб, с обломанными ногтями.

— Санта Мария! И в каком же она была состоянии, эта бедная дама! В мокрых лохмотьях, хорошенькие ножки в крови, волосы спутаны, полны песка и морской воды! А ведь это такая радость — подобрать сбежавшую пленницу! Конечно, сразу же известили господина де Бретейя, посланника короля Франции.

Анжелика вздрогнула. Господин де Бретей? Имя было ей знакомо. Она, кажется, встречала этого дипломата в Версале. Донья Инес де Лос-Кобос-и-Паррандес разразилась громкими криками: «Да, да!» Господин де Бретей действительно прибыл в Сеуту со специальной миссией. Он высадился с бригантины «Ла-Рояль» по поручению Людовика XIV для помощи одной высокопоставленной даме. Она, как говорят, пустилась в опасный вояж и угодила в лапы Мулею Исмаилу.

Анжелика прикрыла глаза. Ее усталое сердце забилося сильнее. Итак, послание, вверенное преподобному отцу де Валомбресу, достигло цели. Монарх услышал зов беглянки.

Господин де Бретей, наделенный всеми полномочиями и отягощенный роскошными дарами, чтобы смягчить властителя Марокко, должен был отправиться в Мекнес, дабы любой ценой договориться об освобождении неосторожной маркизы.

Известие, что полумертвая особа, сбежавшая из марокканского гарема, находится в стенах Сеуты, было доставлено французскому дипломату, и он сразу же поспешил в монастырь Братства Святой Троицы, куда препроводили несчастных. Королевский посланник сначала отшатнулся при виде двух злополучных созданий, впавших, как казалось, в крайнее убожество... Нет, эта жалкая рабыня не может быть красавицей маркизой дю Плесси-Белльер!

Рука Анжелики осторожно легла поверх простыни, отыскивая что-то: другую руку, мозолистую и добрую, чтобы вложить в нее свою. Где ее друг? Что с ним случилось? Беспокойство сдавило сердце, словно камень, который она не могла сбросить. К тому же не было сил говорить. Она вспомнила, что он упал вместе с ней под копыта испанских лошадей...

И вот господин де Бретей перед ней, у ее изголовья. Букли его тщательно причесанного парика ниспадают на шелковый, шитый золотом камзол. Со шляпой на полусогнутой руке, выставив ногу вперед, красиво опираясь на плиты красным каблуком — идеальный придворный, — он приветствует ее.

— Сударыня, мне сообщили самые благоприятные сведения о вашем здоровье, и я поспешил явиться к вам.

— Благодарю вас, сударь, — отвечала Анжелика. Она, должно быть, вздремнула, слушая болтовню

испанки... или это было вчера?.. Она чувствовала себя вполне отдохнувшей. Поискала глазами донью Инес, но та удалилась, не одобряя визит мужчины на женскую половину. У этих французов такие вольные и легкомысленные нравы!..

Господин де Бретей присел на табурет черного дерева, извлек из сборок камзола конфетницу, предложил Анжелике и сам принялся сосать пастилки... Он счастлив, сообщил посланник, что его миссия имела столь быстрый и полный успех. Благодаря — он это признавал — мужеству госпожи дю Плесси-Белльер, которая сама избежала рабства, в каковое ее ввергли неразумная смелость и пренебрежение приказами короля. Ему не придется теперь расточать дары Мулею Исмаилу... В его разглагольствованиях Анжелика заметила легкий оттенок превосходства. Один Бог знает, как велик был гнев государя, когда ему доложили о неслыханном поведении вдовы маршала дю Плесси. Господина де Ла Рейни, ответственного за ее пребывание в Париже, престоного выбрали за нерадивость — еще немного, и сему достойному и важному лицу пришлось бы лишиться своей высокой полицейской должности.

Двор — ас ним и полиция — долго гадали о средствах, использованных очаровательной беглянкой, чтобы ускользнуть из Парижа. Говаривали, будто она соблазнила важного полицейского чиновника, и он выпустил ее, переодетую в полицейский мундир.

Но всего забавнее было наивное самодовольство шевалье де Рошбрюна. Он некстати расхвастался перед государем, рассказав, какой прием закатил для госпожи дю Плесси-Белльер на Мальте! Бедняга так и не понял, почему с этих пор его так холодно стали принимать при дворе...

Господин де Бретей фыркнул в кружева своих манжет. Его любопытный глаз — «круглый и глупый,

как у петуха», — подумала она, — следил за лежащей молодой женщиной. Он заранее облизывался, что первым узнает ее историю. Она казалась утомленной и как бы отсутствующей, но безусловно восстановила былое остроумие. Она уже изменилась, и он с трудом узнавал в ней ту трогательную жертву несчастий, вид которой так поразил его несколько дней назад.

Он бойко рассказывал: она была полуголая, в мокрых лохмотьях, с окровавленными ногами, восковым лицом и темными кругами вокруг закрытых глаз. Она лежала без чувств на руках неотесанного гиганта, который пытался влить ей в рот целебный настой из трав с ромом, приготовленный монахом-лекарем. Страшно подумать, до какого состояния может довести цивилизованных людей плен у этих ужасных варваров. Боже правый, да разве мог он распознать в этой несчастной гордую маркизу, которую видел танцующей в Версале! Король тогда вел ее под руку вдоль зеленого ковра!.. Право же, он не верил своим глазам. Быть не может, чтобы ради этой женщины Его величество повелел снарядить корабль, просил его, де Бретейя, призвать на помощь весь свой дипломатический талант, дабы улестить Мулея Исмаила. И все же что-то заставило его колебаться. Должно быть, волосы несчастного создания... и еще — поразительная тонкость запястий...

Пленник, сопровождавший ее, был допрошен и сказал, что не знает титула этой женщины, но «звать ее Анжеликой». Значит, все-таки она! Анжелика дю Плесси-Белльер. Та, что снискала столь сильное расположение короля Людовика XIV! Супруга великого маршала, погибшего от рук врага! Соперница мадам де Монтеспан и украшение Версаля! Разумеется, ее немедленно перевезли в резиденцию правителя этих мест дона де Лос-Кобос-и-Паррандес, жена которого принялась усердно ухаживать за ней.

Анжелика с трудом проглотила слюну. Голод и жажда породили в ней странные склонности. Вид любой пищи, будь то даже несколько конфет, сначала вызывал желание есть, а потом тошноту.

— Что случилось с моим спутником? — спросила она.

Господин де Бретей не знал этого. Отцы из Братства Пресвятой Троицы должны были заняться им, накормить, прилично одеть. Дипломат встал и распрощался. Он пожелал госпоже дю Плесси-Белльер скорейшего выздоровления. Она должна понять, что у него нет желания задерживаться в осажденной крепости. Сегодня утром каменное ядро упало к самым его ногам, когда он прогуливался по крепостной стене! Ужасное место: воистину все здесь нестерпимо. Тут едят лишь бобы и соленую треску! Надо быть этими проклятыми испанцами, такими же дикими и аскетичными, как мавры, чтобы так упорствовать... Он вздохнул, подмел пол перьями своей шляпы и поцеловал ей руку.

Когда он ушел, Анжелика задумалась. В его взгляде была злая ирония. Но почему?.. Угадать причину ей так и не удалось.

***

Вечером донья Инес помогла ей встать и сделать несколько шагов. На следующий день она оделась во французское платье — его господин де Бретей привез в своем багаже. Испанка, стиснутая фижмами и огромным кринолином, с восхищением и завистью смотрела на мягкие складки атласа, драпировавшиеся вокруг тонкой талии высокопоставленной дамы... Анжелика попросила у нее кремы для кожи лица и рук. Она долго расчесывала волосы перед зеркалом в раме с ангелочками, и ей вспоминалось зеркало источника, темневшее в тени скалы. Она видела, как и тогда, свою почти белую шевелюру, выцветшую на солнце, обрамлявшую трогательно-простодушное лицо

встревоженной молодой девушки. Она изучала себя, положив руку на то место груди, где проходила линия загара, видная при декольте: да, пережитое оставило на ней глубокий отпечаток. И тем не менее она не постарела. Она стала другой. Она надела золотое кольцо, чтобы скрыть некрасивый переход от загара к бледной коже.

Благодаря корсету она держалась очень прямо. Снова обрести эту оправу было приятно. Но иногда рука привычным жестом еще искала складки бурнуса, чтобы прикрыть обнаженные плечи.

Затем Анжелика осмотрела свои покои, где черные стенные ковры не могли полностью скрыть каменную крепостную кладку. Дворец — не то мирное жилище, не то крепость — как и все строения в Сеуте, — походил на мавританские дома: обращенные глухой стеной в сторону улицы, они были открыты во внутренний двор, засаженный чахлыми кедрами. Оттуда то и дело вспархивали стайки напуганных пальбой голубей. Лишь несколько аистов еще садились на стену, верные привычкам своих предков.

Но в покоях Анжелики была лоджия, позволявшая наблюдать за движением на узенькой улочке, ведущей к порту. Были видны мачты и реи, скучившиеся в защищенной бухте, очень голубое небо и вдали — розовая линия испанского берега.

Склонившись с веером в руке, она отрешенно смотрела в сторону берегов Европы и вдруг заметила двух матросов, которые проходили вдоль дома, направляясь к порту... Они шли босиком, в красных шерстяных колпаках, с большими мешками на плече. У одного из них в ушах блестели золотые кольца. Силуэт другого показался ей знакомым. Что напоминали ей эти широченные плечи под матросской курткой, перепоясанной на талии полосатым бело-красным поясом?

Лишь в то мгновение, когда он уже прошел под аркой, обрамлявшей лестницу, ведущую в порт, и в ярких солнечных лучах четко вырисовывался контур его высокой фигуры, Анжелика узнала:

— Колен! Колен Патюрель!

Мужчина обернулся. Белокурая борода была подстрижена. Конечно, это был он, затянутый в новые одежды, заменившие рубаху и драные штаны раба. Она бурно жестикулировала, подавая ему знаки: горло так перехватило, что она не могла крикнуть, позвать его. Он поколебался, но затем вернулся назад, пристально глядя на разодетую женщину, свесившуюся с лоджии. Она наконец смогла крикнуть:

— Нижняя дверь открыта. Поднимайтесь скорее!

Ее руки, сжимавшие веер, стали ледяными. Когда она обернулась, он был уже здесь, остановился в дверях, молчаливый, босоногий и стремительный.

Его облик, сохраненный памятью, так отличался от вида человека в колпаке и тяжелой одежде, с холодным и жестким взглядом, что она украдкой посмотрела на его руки, с незабываемыми шрамами от гвоздей, — чтобы до конца увериться, он ли это.

Что-то только что умерло! Она не знала что, но уже чувствовала невозможность говорить ему «ты».

— Как дела, Колен? — спросила она мягко.

— Хорошо... и у вас тоже, как я погляжу?

Он пристально смотрел на нее своими голубыми глазами, язвительный блеск которых под изгибами мохнатых бровей был ей так знаком. Колен Патюрель, король пленников!

И он видел ее с этим золотым колье на шее, в затейливой прическе и широких юбках, лежавших складками, с веером...

— Куда вы идете с этим мешком на плече? — спросила она, чтобы прервать молчание.

— Спешу в порт. Я уйду на «Бонавентуре», торговом судне. Оно отправляется в Ост-Индию.

Анжелика почувствовала, что у нее побледнели даже губы. Она воскликнула:

— Вы уезжаете?.. Уезжаете, не попрощавшись со мной?

Колен Патюрель глубоко вздохнул, но взгляд его стал еще жестче.

— Я — Колен Патюрель из Сан-Валери-ан-Ко, — сказал он. — А вы... Вы важная дама и, кажись, маркиза!.. Жена маршала... И король Франции прислал за вами корабль... Ведь это все правда?

— Да, правда, — пробормотала она, — но это ведь не причина, чтобы уехать, не сказав «до свиданья».

— Иногда это может быть причиной, — сумрачно обронил он.

Его глаза избегали ее взгляда. Казалось, он удаляется куда-то, такой чуждый уютному душистому полумраку комнаты.

— Когда вы спали, — начал он шепотом, — я, бывало, смотрел на вас и думал: я ничего не знаю об этой малышке, да и она обо мне ничего не знает. Пленники варваров — вот и все, что нас сближает. Но... я ее понимаю, как самого себя. Она страдала, была униженной, ее вывалили в грязи... Но она умеет не сдаваться. Она путешествовала, много чего повидала на свете... Я чувствую, она из моей породы... Ну, и поэтому я говорил себе: «Однажды, когда мы выберемся из этого ада и высадимся в каком-нибудь порту, настоящем порту у нас дома... где серое небо и идет дождь, я постараюсь разговаривать ее... Она тоже, небось, одинока в мире... И если захочет, я увезу ее на свою родину в Сан-Валери-ан-Ко. Там у меня есть хижина. Есть у меня и кубышка, спрятанная под камнем очага. Если наши места ей понравятся, я больше не

стану ходить в море... и она перестанет бродяжничать... Мы купим пару коров...

Он замолк, сжав губы и задрав подбородок кверху, и глядел на нее с тем же высокомерным вызовом, как некогда смотрел в глаза взбешенному тирану Мулею Исмаилу.

— ...Ну так вот. Теперь все! Вы не для меня. — Его душил гнев. — Я бы все простил... Все принял бы в вашем прошлом. Но не это!.. Если б я только знал, что вы из благородных, я бы не прикоснулся к вам даже травинкой! Всегда ненавидел ваше проклятое сословие...

Анжелика больше не могла сдержать возмущения. Она вскричала:

— Колен, но это же не правда!.. Вы лжете! А как же шевалье де Мерикур?.. А маркиз Кермев?..

Он устремил взгляд в даль за окном, будто за укреплениями Сеуты хотел разглядеть стены Мекнеса.

— Это было там... Есть разница. Мы все там были христианами, бедными рабами...

Вдруг Колен опустил голову, как придавленный, будто все еще нес на плечах огромные камни, которыми надсмотрщики Мулея Исмаила пытались сломать ему хребет.

— ...Я могу забыть пытки, — сказал он глухо. — Но этого никогда не забуду... Вы такую тяжесть навалили на меня... такую тяжесть...

Она тоже знала, какой груз лег на его сердце. Отныне он будет повсюду нести с собой воспоминания о двух голосах, шепчущих в тишине пустыни:

— ...Я люблю тебя, Колен.

— Цыц! Не надо говорить этих слов!.. Еще не время... Ты теперь лучше себя чувствуешь?

— Да.

— И это верно, что тебе хорошо со мной?

— О да! Еще как!

— Спи, мой ягненочек...

Уголки губ Анжелики задрожали, высокая фигура расплылась, скрытая пеленой слез. Он нагнулся, подобрал свой мешок, закинул на плечо и, приподняв колпак, буркнул:

— Прощайте, мадам! Счастливого пути!

И вышел.

Нет, но нельзя же расстаться так! С этим отчужденным враждебным взглядом... Колен! Колен, брат мой!..

Она бросилась на галерею, перегнулась через перила. Но он уже был внизу. Увидел ли он, подняв глаза, как слезы текли по ее щекам? Унес ли это видение с собой, как бальзам на рану?

Этого она никогда не узнает! Она замерла, не в силах сдвинуться с места. Грудь ее сотрясали рыдания.

***

Вдруг Анжелику потянуло пройти по крепостной стене. Она не могла больше оставаться взаперти. Низкие потолки и стены давили на нее, словно в тюрьме. Хотелось вдохнуть морского ветра, может, он развеет эту невыносимую тоску? В открытом море кружили лодки берберийцев. Пушки порта защищали корабли. Один из них удалялся с надутыми, белыми как снег парусами на фоне голубого неба. Не он ли увозил Колена Патюреля, короля пленников, бедного нормандского моряка, и его страдания? «Какой вздор — жизнь!» — подумала Анжелика и тихо заплакала, ослепленная блеском зыби у подножия цитадели.

О Средиземное море! Наша прародина! Голубая колыбель, горькое лоно человечества, мать всех рас, баюкающая все мечты! Средиземноморье, ведьмин котел, варево из всех страстей!..

Пустившись по его обманчивым волнам, Анжелика потеряла остатки своих грез, надежд, золотых миражей... Казалось, она предприняла это путешествие

лишь затем, чтобы стерся из памяти неотступно преследовавший ее образ мужа. А ведь она отправлялась в путь, чтобы возродить утраченное счастье. И вот теперь не находила в душе даже следа былых чувств. На этих берегах, видевших крушение стольких империй, все обращалось в прах...

Измученная и усталая, она думала, что уже принесла достаточно в жертву в погоне за жестокой химерой. Как маленький Кантор, первая жертва, взывал: «Отец! Отец!», прежде чем исчезнуть в волнах, так она кричала: «Любимый!», но не было отклика... Ее напрасная мечта растворилась в медленном движении парусов на горизонте, в запахе черного кофе и в названиях городов, внушавших восторг или захватывающих таинственностью: пиратская Кандия, Мекнес, где рабы умирают в райских садах, белоснежный Алжир...

Сейчас собственные неудачи и разочарования мучили ее меньше, чем встающие в памяти образы Верховного евнуха Османа Ферраджи, радостного Колена Патюреля и даже страшного Мулея Исмаила, для которого молитва стала актом сладострастия. Она вновь вспоминала загадочного, утонченного и мрачного Мефистофеля морей Рескатора, о котором чернокожий маг сказал так волнующе:

— Зачем ты убежала от него? Звезды говорят, что ваши жизни неразрывно сплетены. Вместе они составят самую необычную историю в мире!

А вдали голос безумного д'Эскренвиля вопил: «Это для тебя у нее будет лицо возлюбленной, проклятый маг Средиземноморья!..»

Но и это не было истиной. В который раз обманчивый ветер ее странствии смешал все судьбы, и свое лицо возлюбленной она обратила лишь к бедному моряку. Отныне он понесет его с собой, как сокровище, украденное в дни невероятного приключения...

Все перепуталось, стало сомнительным и зыбким. И все же Анжелика начала, кажется, улавливать некий порядок в этом хаосе. Женщина, которую она увидела в зеркале ручья, та, что мылась в омолаживающих струях водопада, стояла нагая в лунном свете, не имела ничего общего с той, что менее года назад оскорбила госпожу де Монтеспан под сводами Версаля.

То была особа, уже отравленная тлетворным воздухом двора, жадная плутовка, умеющая ловить рыбку в мутной воде, она стала такой оттого, что долго жила в окружении важных, но отвратительных персонажей. При одном воспоминании о них к горлу подступала тошнота. Нигде никогда более она не сможет находиться среди них! Она омылась и очистилась, вдыхая пахнувший кедром воздух гор. Солнце пустыни выжгло ядовитые ростки в ее душе. Отныне она будет видеть этих людей такими, какие они есть. Она не сможет переносить глупое чванство, написанное на лице Бретейя, и стараться быть вежливой. Нужно поскорее отыскать Флоримона и Шарля-Анри, а потом они уедут. Конечно уедут!.. Но куда?

Господи, разве нельзя было создать мир, где какой-нибудь ничтожный Бретей не смог бы презирать Колена Патюреля, а Колен Патюрель не чувствовал себя униженным, не должен был страдать от невозможности любить придворную даму?.. Новый мир, где бы высоко ценили всех, имеющих доброту, смелость, ум, а внизу оставались те, что не обладают этими достоинствами...

Неужели, о Боже, нет земли обетованной для людей доброй воли?.. Где эта земля?..

Погруженная в раздумья, она возвратилась в дом, приютивший ее. Нынче же вечером она поговорит с господином де Бретейем. Король прислал за ней корабль, потому что в час растерянности, в безвыходном положении она решила прибегнуть к его

помощи. Он откликнулся. Но значит ли это, что теперь ей суждено попасть в прежние тенета? Обязана ли она королю? Анжелика решила, что положение еще не ясно. Возможно, что шахматные фигуры стоят примерно в той же позиции, что и год назад.

Не откладывая, она предупредила королевского посланца, что не намерена задерживать его в Сеуте. Она продлит свое пребывание здесь, поскольку ее здоровье пошатнулось, но господин де Бретей может вернуться во Францию и известить короля об успешном завершении своей миссии. И хотя теперь не придется тратиться на дары для султана, так как она сама вырвалась из неволи, она все же глубоко признательна Его величеству за невероятную доброту по отношению к ней.

Дипломат тонко улыбнулся и посмотрел на нее, упиваясь тайным злорадством. Он всегда не любил ее. Он помнил, что во время посольства Бахтияр-бея она преуспела там, где он и его собратья были бессильны. Король тогда не преминул упрекнуть их в недостатке дипломатического искусства. Вслух же он заметил, что госпожа дю Плесси-Белльер, видимо, не отдает себе отчета в сложности своего положения. Неужели она полагает, что Его величество не затаил глубокую обиду?.. Ведь ее отъезд был редким при дворе случаем открытого неповиновения. Не в привычках короля спокойно относиться к подобным действиям, напоминающим бунт. Госпожа дю Плесси-Белльер своим влиянием, своими многочисленными связями, своим высоким положением в свете представляла собой слишком значительную особу, чтобы ее действия не вызвали прискорбных последствий. Над королем исподтишка посмеивались, уж очень ловко его «провели». Памфлетисты Парижа принялись наперебой сочинять куплеты о таинственном бегстве прекрасной амазонки. Короче, неприятностей было достаточно, и

теперь королю не так легко простить... Если неслыханная щедрость и великодушные побудили его прийти на помощь той, чье легкомыслие, собственно, и привело ее на край пропасти, то не пристало королевскому достоинству безнаказанно спускать подобные поступки. Осмотрительность велит ему опасаться персоны, поведение которой напоминает скандальные выходки фрондерок прежних времен...

Оскорбленная Анжелика прервала эту обвинительную речь:

— Что ж, это лишний повод, чтобы не злоупотреблять щедростью Его величества. Возвращайтесь, сударь, во Францию, а я вернусь туда на собственные средства.

— Это совершенно невозможно.

— Почему?

— Потому что у меня есть приказ... Сударыня, именем короля вы арестованы.

---

notes

1

Монсеньером обычно называли Филиппа, брата Людовика XIV, сначала именовавшегося герцогом Анжу, а потом герцогом Орлеанским

2

«Красотка»

3

Середкой называли восемь скамей в средней партии гребцов

4

Тараска — чудовище из легенд юга Франции

5

То есть около 15 метров

6

Аллах велик!

7

Собаки, сдавайтесь!

8

ДОЛЖНОСТЬ

9

Внимание! Быстро!